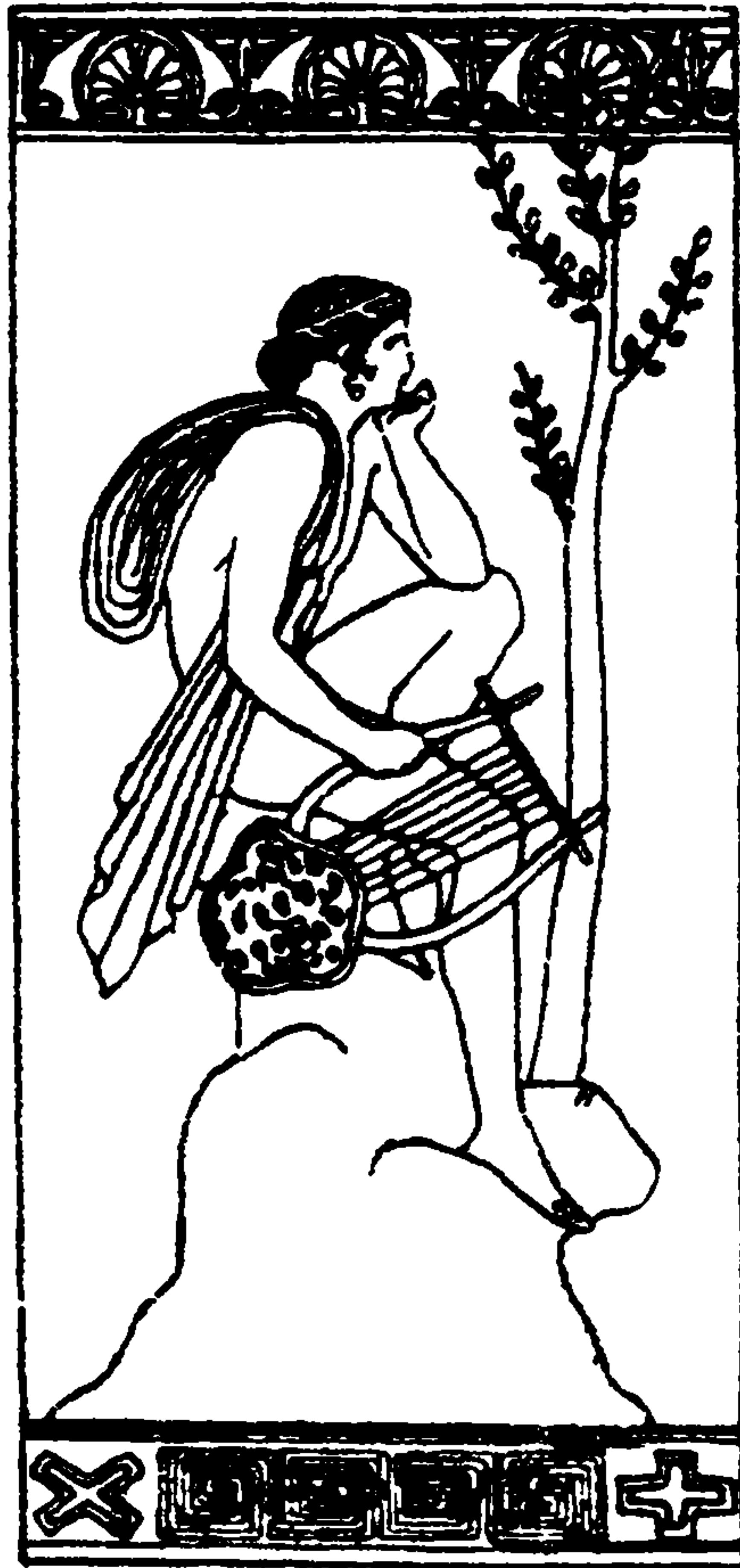


ИЗДАНІЯ «ОРФЕЙ».



Книга VI:

Яковъ Беме.

Аугога или Утренняя заря въ восхожденіи

ЯКОВЪ БЕМЕ.

AURORA

ИЛИ

УТРЕННЯЯ ЗАРЯ ВЪ ВОСХОЖДЕНИИ.

ПЕРЕВОДЪ

АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВСКАГО.

МОСКВА.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МУСАГЕТЪ».

1914.

Dr. RUDOLPH STEINER

IN TIEFSTER VEREHRUNG

VOM UEBERSETZER

GEWIDMET.

*Имя Якова Беме не должно бы звучать ново для русскаго читателя. Въ нашей исторіи была эпоха краткаго, но богатаго духовнаго расцвѣта, быть можетъ единственная, которой въ полномъ объемѣ можно дать наименованіе культурной, эпоха, ознаменованная просвѣтительной дѣятельностью Новикова и двухъ поколѣній его сподвижниковъ. Сочиненія Беме были однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ, откуда тогдашніе масонскіе круги черпали знаніе и вдохновеніе не только для піэтистическихъ созерцаній, но и для практической жизненной работы. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя дошедшіе до насъ рукописные переводы и сборники, въ томъ числѣ переводъ всѣхъ сочиненій Беме, выполненный С. И. Гамалѣей по завѣту Новикова и хранящійся въ Отдѣленіи Рукописей Румянцовскаго Музея,—по всей вѣроятности тотъ самый, о которомъ упоминаетъ Лабзинъ въ своемъ предисловіи къ переводу *Christosophi*'и Беме. Выпуская теперь въ свѣтъ переводъ *Утренней Зари*, мы можемъ, такимъ образомъ, чувствовать себя въ руслѣ лучшихъ традицій той эпохи и въ живой связи съ*

оплодотворившими ее и не изсякшими понынь духовными силами.

Яковъ Беме родился въ 1575 году въ Альтъ-Зейденбергъ, подъ Гёрлицемъ, въ крестьянской семьѣ. Учился въ сельской школѣ, потомъ былъ отданъ въ обученіе сапожному ремеслу. Къ этому времени относится таинственное посѣщеніе его къмъ-то, возвѣстившимъ ему его будущую духовную высоту и задачу. По окончаніи обычнаго въ то время для ремесленныхъ учениковъ странствія, Беме поселился въ Гёрлицъ и открылъ собственную мастерскую. Былъ женатъ и имѣлъ шесть человѣкъ дѣтей. Первое произведеніе его—Утренняя Заря—доставило ему обильную дань гоненій со стороны правотѣрнаго лютеранскаго духовенства; впрочемъ, эти гоненія, пріостановившія на семь лѣтъ его писательскую дѣятельность, не вртъзались слишкомъ ртзкимъ измѣненіемъ во внѣшнее теченіе его жизни. Скончался Беме въ 1624 году. Надъ гробомъ его былъ поставленъ друзьями крестъ съ символическими изображеніями и надписью: «Изъ Бога родившійся, въ Иисусъ умершій, Духомъ Святымъ запечатлѣнный—покоится здѣсь Яковъ Беме изъ Альтъ-Зейденберга, блаженно отшедшій 1624 года 17 ноября, въ 6 часовъ утра, на 50-мъ году своей жизни».

Вотъ вся его біографія, небогатая внѣшними событіями. Словно онъ родился уже зрѣлымъ для своей жизненной задачи и подошелъ къ ней прямымъ путемъ безъ борьбы и скитаній. Почти

съ дѣтства для него «время стало, какъ вѣчность и вѣчность— какъ время», по его любимому присловью, и значеніе событій имѣли для него только событія внутренней жизни. О характерѣ ихъ читатель можетъ узнать изъ этой книги.

Беме и Экхартъ—два вершины, но и два полюса германскаго религіознаго творчества. Ведущимъ къ Божеству самопознаніемъ было для него углубленное познаніе Космоса, прозрѣніе «нетлѣнной порфиры за грубою корою вещества»; ясновидѣніе въ жизни природной законовъ жизни вѣчной и Божественной одѣвало для него видимый міръ славою невидимаго. Въ этомъ смыслѣ онъ можетъ быть названъ скорѣе гностикомъ и теософомъ, нежели мистикомъ. Эта черта дѣлаетъ его особенно близкимъ и современному сознанію, проработанному научною мыслью и достиженіями послѣднихъ трехъ столѣтій и не могущему болѣе замыкаться въ хотя и высокое, но все же отрѣшенное отъ міра и постольку эгоистическое, самоуглубленіе мистики Экхарта.

Предлагаемый читателю переводъ Утренней Зари сдѣланъ по изданію 1730 года, значительно отличающемуся не только отъ предыдущихъ, но и отъ послѣдующихъ, исправностью текста, провереннаго по подлинной—впослѣдствіи повидимому утраченной—рукописи Беме съ позднѣйшими его же рукой поясне-

ніями и дополненіями на поляхъ. Эти дополненія поставлены въ *п р я м ы я* скобки и набраны курсивомъ. Кое-гдѣ вставлено нѣсколько пояснительныхъ словъ, отсутствующихъ въ текстъ: эти вставки заключены въ *к р у г л ы я* скобки.

Приложенный къ нумерованнымъ экземплярамъ настоящаго изданія портретъ Якова Беме гравированъ на стали неизвѣстнымъ мастеромъ середины XIX вѣка и воспроизводитъ гравированный на мѣди портретъ, который приложенъ къ собранію сочиненій Беме 1730 года. Перегравировка была изготовлена для изданія: *J a c o b B ö h m e. Christosophia oder Weg zu Christo* (Königsberg; Gräfe und Unzer; 1865). Повидимому, оттисковъ было сдѣлано много больше, чѣмъ требовалось по числу экземпляровъ книги, потому что къ каждому экземпляру прилагалось по два оттиска портрета. Весь остатокъ оттисковъ былъ приобретенъ издательствомъ «*Museeum*» у антикваріевъ *Zahn & Jaensch* въ Дрезденѣ мѣтомъ 1913 года.

Подпись подъ портретомъ гласитъ:

*Dis ist der Schatte nur von dem Gefäss der Ehren,
Dem Gott vertrauet hat das Centrum der Natur.
Wer mit Ihm treffen will die rechte Lebens-Spur,
Muss durch die Feuers-Angst den Engel ausgebähren.*

Marc. 9.49,50. Luc. 13.24. Matth. 18.10.

*Благодаря любезности Вяч. Иванова мы имѣемъ возможность
помѣстить исполненный имъ по нашей просьбѣ переводъ этого
четверостишия:*

Се тѣнь честнѣйшаго Сосуда откровеній,

Ему же ввѣрилъ Богъ познанье Естества.

Съ нимъ будетъ дольняя стезя твоя права,

Коль Ангела родишь изъ огненныхъ томленій.

ЯКОВЪ БЕМЕ.

СТИХОТВОРЕНІЕ НОВАЛИСА.

Л. Т и к у.

Печальный отрокъ и пугливый,
Вдали обители родной,
Прельщенья новизны кичливой
Для старины заповѣдной—

Презрѣль. Въ пути скитаній длинномъ,
Случайный гость чужой семьи,
Забрелъ онъ въ садъ. Въ саду пустынномъ,
На ветхомъ мраморѣ скамьи—

Лежала книга. Златомъ схваченъ
Полуистлѣвшій переплетъ.
Раскрылъ: душѣ глаголь прозраченъ,
И новъ божественный полетъ.

Вседенной образъ свѣтозарной
Хранить письменъ живой кристалль:
И на колѣни, благодарный,
Въ молитвѣ пламенной упалъ.

Изъ травъ встаетъ, мечтой воздушной,
Въ простой одеждѣ давнихъ лѣтъ,
Старикъ съ улыбкой благодушной
И шепчетъ юношѣ привѣтъ.

Души младенческой и нѣжной
Зерцало—ликъ его знакомъ...
И вѣтъ волосъ бѣлоснѣжный
Подъ колыбельнымъ вѣтеркомъ.

Къ нему простеръ паломникъ руки...
— „То Книги духъ“, подумалъ онъ,
„Пророчить мнѣ конецъ разлуки
И путь къ Отцу, на лоно лонъ“.

И молвилъ тайный исповѣдникъ:
— „Моей гробницы ты достигъ
И будешь благъ моихъ наслѣдникъ
Въ познаньи невидимыхъ книгъ.“

На той горѣ я, отрокъ бѣдный,
Съ Небесной Книги снялъ печать;
И мѣръ творенья неизслѣдный
Мнѣ сталъ послушно отвѣчать.

Знаменованъ Господнимъ перстомъ,
Я видѣлъ сей и оный брегъ,
И предо мной стоялъ отверстымъ
Завѣта Новаго ковчегъ.

И записалъ я нелукаво,
Что рай души обѣтовалъ.
Я нищъ былъ, и гонимъ неправо,
И Богъ меня къ Себѣ призывалъ.

Настало время: ликъ Мистерій
Разоблачится. Въ храмъ чудесъ
Сей Книгой пріоткрыты двери,
И видимъ день сквозь ткань завѣсъ

Авроры блескъ сіяетъ велій;
Ее землѣ благовѣстуй.
Мной зазвучи, какъ стволъ свирѣлей,
Какъ арфа вздохомъ легкихъ струй!

Иди же съ Богомъ! При денницѣ
Въ росѣ глаза свои омой!
Будь вѣренъ Книгѣ и Гробницѣ,
Въ лазури вѣчной присный мой!

Тысячелѣтняго Завѣта
Въ вѣкахъ приблизилась чреда.
Тебя наполнять рѣки Свѣта,
И Яковъ Беме—твой всегда“.

Переводъ В я ч. И

AURORA,
или
УТРЕННЯЯ ЗАРЯ
въ
ВОСХОЖДЕНІИ,

то есть,
КОРЕНЬ ИЛИ МАТЬ
ФИЛОСОФИИ, АСТРОЛОГИИ И ТЕОЛОГИИ,
НА ИСТИННОМЪ ОСНОВАНИИ,

или
ОПИСАНІЕ ПРИРОДЫ,

КАКЪ ВСЕ БЫЛО, И КАКЪ СТАЛО ВЪ НАЧАЛѢ:
какъ природа и стихіи стали тварными, также объ обоихъ каче-
ствахъ, зломъ и добромъ; откуда все имѣетъ свое начало, и какъ
пребываетъ и дѣйствуетъ нынѣ, и какъ будетъ въ концѣ сего
времени; также о томъ, каковы царства Бога и ада, и какъ люди
въ каждомъ изъ нихъ дѣйствуютъ тварно;

ВСЕ

НА ИСТИННОМЪ ОСНОВАНИИ И ВЪ ПОЗНАНИИ ДУХА,
ВЪ ПОБУЖДЕНІИ БОЖІЕМЪ,

ПРИЛЕЖНО ИЗЛОЖЕНО

ЯКОВОМЪ БЕМЕ,

въ Герлицѣ,

въ лѣто Христово 1612, возраста же его на 37 году, во вторникъ, въ Троицынъ день.

ПРЕДИСЛОВІЕ

АВТОРА КЪ БЛАГОСКЛОННОМУ ЧИТАТЕЛЮ
О СЕЙ КНИГЪ.

Благосклонный читатель!

Я уподобляю всю философію, астрологию и теологию, вмѣстѣ съ матерью ихъ, драгоценному дереву, растущему въ прекрасномъ саду.

2. Земля же, на которой стоитъ дерево, непрерывно даетъ ему сокъ, откуда дерево имѣетъ свое качество жизни; а дерево растеть въ себѣ самомъ отъ сока земли, и становится большимъ, и широко раскидываетъ вѣтви свои.

3. И какъ земля силою своею трудится надъ деревомъ, чтобы оно росло и возрастало; такъ и дерево со всѣми вѣтвями своими непрестанно трудится изо всей своей мощи, чтобы всегда приносить много добрыхъ плодовъ.

4. Если же дерево приносить мало плодовъ, къ тому же совсѣмъ мелкихъ, червивыхъ и дряблыхъ, то вина не въ волѣ дерева, чтобы оно желало умышленно приносить худые плоды, ибо оно—драгоценное дерево добраго качества; но въ томъ вина, что часто нападаютъ на него великая стужа, зной, медвяная роса, гусеницы и тля; ибо качество въ глубинѣ, извергаемое звѣздами, повреждаетъ его, такъ что оно приносить мало добрыхъ плодовъ.

5. Теперь, дерево это имѣетъ то свойство, что чѣмъ становится больше и старше, тѣмъ сладчайше приноситъ плоды: въ юности своей приноситъ оно мало плодовъ, чему виною суровый и дикій родъ почвы, и чрезмѣрная влага въ деревѣ; и хотя оно хорошо цвѣтетъ, однако яблоки его большею частью отпадаютъ во время роста, развѣ только если оно стоитъ на очень хорошей почвѣ.

6. Дерево же это имѣетъ въ себѣ и доброе, сладкое качество; но также и три другія, противныя тому, какъ то: горькое, кислое и терпкое. Теперь, каково дерево, такими бываютъ и его плоды, пока солнце не подѣйствуетъ на нихъ, и не сдѣлаетъ ихъ сладкими, такъ что они получаютъ пріятный вкусъ; и плоды его должны устоять въ дождь, вѣтеръ и непогоду.

7. Когда же дерево становится старымъ, такъ что вѣтви его засыхаютъ, и сокъ не можетъ больше подниматься въ вышину, то внизу, вокругъ ствола, вырастаетъ много зеленыхъ вѣточекъ, подъ, конецъ также и на корнѣ, и прославляютъ старое дерево, какъ оно тоже было прекрасной зеленой вѣточкой и деревцомъ, и теперь состарилось. Ибо природа или сокъ обороняется, пока стволъ совсѣмъ не засохнетъ: тогда его срубаютъ и сжигаютъ въ огнѣ.

8. Теперь замѣть, что ознаменовалъ я этимъ подобіемъ: садъ этого дерева знаменуетъ міръ; почва—природу; стволъ дерева—звѣзды; вѣтви—стихи; плоды, растущіе на этомъ деревѣ, знаменуютъ людей; сокъ въ деревѣ знаменуетъ ясное Божество. Теперь, люди созданы изъ природы, звѣздъ и стихій: Богъ же, творецъ, господствуетъ во всѣхъ, подобно какъ сокъ въ цѣломъ деревѣ.

9. Но природа имѣетъ въ себѣ, вплоть до суда Божія, два качества: одно—пріятное, небесное и святое, и другое—яростное, адское и жадное.

10. Теперь, доброе качество дѣйствуетъ и трудится всегда со всѣмъ усердіемъ, чтобы приносить добрые плоды: въ немъ господствуетъ Духъ Святой, и даетъ на то сокъ и жизнь; злое течетъ и рвется также со всѣмъ усердіемъ, чтобы приносить всегда злые плоды, на что даетъ ему діаволъ сокъ и адскій жаръ.

11. Итакъ, оба эти качества—въ деревѣ природы, и люди

созданы изъ этого дерева, и живутъ въ семь міръ въ этомъ саду между ними обоими въ великой опасности, и постигаетъ ихъ то свѣтъ солнца, то дождь, вѣтеръ и снѣгъ.

12. То есть, когда возвышаетъ человѣкъ духъ свой въ Божество, то течетъ и качествуетъ въ немъ Духъ Святой; а когда даетъ онъ духу своему опуститься въ сей міръ, въ похоть зла, то течетъ и господствуетъ въ немъ діаволь и адскій сокъ.

13. Подобно какъ яблоко на деревѣ становится червивымъ и дряблымъ, когда постигаетъ его стужа, зной и медвяная роса, и легко отпадаетъ и портится; такъ и человѣкъ, когда онъ даетъ господствовать въ себѣ діаволу съ его ядомъ.

14. Теперь, подобно какъ въ природѣ течетъ, господствуетъ и пребываетъ доброе и злое, такъ и въ человѣкѣ: но человѣкъ—дитя Божіе, которое Онъ создалъ изъ лучшаго ядра природы, на господство въ добромъ и одолѣніе злого. Хотя злое связано съ нимъ, подобно какъ въ природѣ злое всегда бываетъ связано съ добрымъ, все же онъ можетъ одолѣвать злое; когда возвышаетъ онъ духъ свой въ Бога, то течетъ въ немъ Духъ Святой, и помогаетъ ему побѣждать.

15. Подобно какъ доброе качество имѣетъ въ природѣ мощь одерживать побѣду надъ злымъ, ибо оно есть и приходитъ отъ Бога, и Духъ Святой властитель въ немъ: такъ и яростное качество имѣетъ мощь побѣждать въ злобныхъ душахъ: ибо діаволь могучій властитель въ яростности и вѣчный князь ея.

16. Но человѣкъ самъ ввергъ себя въ яростность чрезъ паденіе Адама и Евы, такъ что зло стало связано съ нимъ; иначе его источникъ и побужденіе были бы единственно въ добрѣ, нынѣ же — въ обоихъ, какъ и говоритъ о томъ святой Павелъ: Неужели вы не знаете, что кому вы отдаете себя въ рабы для послушанія, того вы и рабы. кому повинуетесь, или рабы грѣха къ смерти, или послушанія Божія къ праведности (Рим. 6. 16).

17. Но какъ человѣкъ имѣетъ побужденіе въ обоихъ, то и обратиться можетъ къ какому захочетъ: ибо онъ живетъ въ семь міръ между обоими, и оба качества въ немъ, злое и доброе;

въ какое челоуѣкъ вступаеть, тѣмъ онъ и облакаеться, въ свя-
тую или въ адскую силу.

18. Ибо Христось говоритъ: Отець мой дасть Духа Свя-
того просящимъ у Него (Лук. 11, 13). И также заповѣдалъ Богъ
челоуѣку добро и запретилъ зло, и ежедневно еще заставляеть
проповѣдывать, взывать и кричать, и увѣщевать челоуѣка къ
добру. Изъ чего ясно познаеться, что Богъ не хочеть зла, но
хочеть, чтобы настало царство Его, и исполнилась воля Его,
какъ на небѣ, такъ и на землѣ.

19. Но какъ челоуѣкъ отравленъ грѣхомъ, такъ что ярост-
ное качество господствуетъ въ немъ наравнѣ съ добрымъ, и
полумертвъ нынѣ, и въ великомъ неразуміи не можетъ болѣе
познавать Бога, творца своего, равно какъ и природу и ея
дѣйствіе; то отъ начала и до сего дня прилагала природа выс-
шее усердіе свое, на что далъ ей Богъ и Духа своего Святого,
чтобы во всякое время и вездѣ порождать и воздвигать муд-
рыхъ, святыхъ и разумныхъ людей, которые научились позна-
вать природу, равно какъ и Бога, творца ея, и которые своими
писаніями и ученіями во всѣ времена были свѣтомъ міру.
Черезъ нихъ воздвигъ Богъ и Церковь свою на землѣ къ вѣч-
ной хвалѣ своей: противъ чего діаволь бушевалъ и неистов-
ствовалъ, и не одну добрую вѣтвь повредилъ въ природѣ
яростностью, которой онъ князь и богъ.

20. Когда природа порою воздвигала ученаго, разумнаго
челоуѣка, и надѣляла его прекрасными дарами, то діаволь при-
лагалъ свое высшее усердіе къ тому, чтобы совратить его въ
тѣлесныя похоти, въ гордость, въ вожделѣніе богатства и власти.
Черезъ то діаволь получалъ господство въ немъ, и яростное
качество брало верхъ надъ добрымъ, и изъ разума его, изъ
его искусства и мудрости, вырастали ересь и заблужденіе, и онъ
ругался надъ истиной, и учреждалъ на землѣ великія заблу-
жденія, и бывалъ добрымъ военачальникомъ у діавола.

21. Ибо это злое качество въ природѣ отъ начала боролось
и доселѣ еще бореться съ добрымъ, и воздвигаетъ, и не мало
благородныхъ плодовъ повредило во чревѣ матери, какъ это
можно видѣть ясно прежде всего на Каинѣ и Авелѣ, проис-
шедшихъ изъ чрева единой матери: Каинъ отъ чрева матери

былъ презрителемъ Бога и гордецомъ; напротивъ того, Авель— смиреннымъ, боящимся Бога человекомъ. Это видно также и на трехъ сынахъ Ноя; равно и на Авраамѣ съ Исаакомъ и Измаиломъ; особенно же на Исаакѣ съ Исавомъ и Иаковомъ, которые стали биться и бороться во чревѣ матери, почему Богъ и говоритъ: Иакова я возлюбилъ, а Исаву возненавидѣлъ (Мал. 1, 2, 3). Это не иное означаетъ, какъ что оба качества въ природѣ жестоко боролись между собою.

22. Ибо когда Богъ въ то время подвигся въ природѣ, и хотѣлъ открыться міру чрезъ праведныхъ Авраама, Исаака и Иакова, и хотѣлъ воздвигнуть себѣ Церковь на землѣ во славу и величіе свое, то вмѣстѣ подвиглись въ природѣ также и злоба и князь ея Люциферъ. Но какъ было въ человекѣ и зло и добро, то и могли править въ немъ оба качества; вотъ почему родились въ одной матери злой человекъ и добрый въ одно время.

23. Такимъ вотъ образомъ, на первомъ мірѣ, какъ и на второмъ до конца нашего времени, ясно можно видѣть, какъ небесное и адское царство въ природѣ всегда и всюду боролись между собою и пребывали въ великомъ трудѣ, подобно женѣ въ родахъ.

24. Всего точнѣе видно это на Адамѣ и Евѣ: ибо тогда росло въ раю дерево обоихъ качествъ, злого и добраго; и вотъ Адамъ и Ева подлежали искушенію, смогутъ ли они устоять въ добромъ качествѣ, по роду и образу ангеловъ. Ибо творецъ запретилъ Адаму и Евѣ вкушать отъ плода его; но злое качество боролось въ природѣ съ добрымъ, и ввело Адама и Еву въ похоть вкусить отъ обоихъ. И потому получили они въ тотъ же часъ звѣриный родъ и образъ, и вкусили отъ зла и добра, и должны были размножаться и жить по роду звѣрей, и повреждена была не одна добрая вѣтвь, родившаяся отъ нихъ.

25. Затѣмъ можно видѣть, какъ дѣйствовалъ въ природѣ Богъ, когда родились въ первомъ мірѣ святые патріархи, каковы Авель, Сиѣъ, Еносъ, Каинанъ, Малелеиль, Гаредъ, Енохъ, Маѳусаль, Ламехъ и праведный Ной: они возвѣщали міру имя Господа и проповѣдывали покаяніе, ибо Духъ Святой дѣйствовалъ въ нихъ.

26. Въ свою очередь дѣйствовалъ въ природѣ также и

адскій богъ, и порождалъ ругателей и презрителей, прежде всего Каина и его потомковъ; и произошло съ первымъ міромъ какъ съ молодымъ деревомъ: оно растеть, зеленѣеть и прекрасно цвѣтеть, но приноситъ мало добрыхъ плодовъ, по дикости своего рода. Такъ и природа въ первомъ мірѣ приносила мало добрыхъ плодовъ, хотъ и прекрасно цвѣла въ мірскомъ искусствѣ и суетѣ: ибо они не могли объять Святого Духа, который и тогда дѣйствовалъ въ природѣ, какъ и теперь.

27. Потому сказалъ Богъ: Раскаиваюсь Я, что сотворилъ людей (Быт. 6, 6); и возмутилъ природу, такъ что всякая плоть умерла, жившая на сушѣ, до корня и ствола дерева, которые остались; и тѣмъ удобрилъ и воздѣлалъ дикое дерево, чтобы оно могло приносить лучше плоды. Но когда оно снова зазеленѣло, то вскорѣ принесло опять въ дѣтяхъ Ноя и добрые и злые плоды: тогда вскорѣ опять нашлись ругатели и презрители Бога, и едва только одна добрая вѣтвь выросла на деревѣ, приносившая святыя, добрыя плоды, прочія же вѣтви несли и приносили дикихъ язычниковъ.

28. Когда же Богъ увидѣлъ, что человекъ такъ омертвѣлъ въ познаніи Его, то снова подвигъ природу, и показалъ людямъ, какъ содержатся въ ней злое и доброе, дабы они избѣгали злого, и жили въ добромъ: и повелѣлъ низвергнуться огню изъ природы, и зажегъ Содомъ и Гоморру въ ужасный образецъ для міра.

29. Но когда взяла верхъ людская слѣпота, и люди не захотѣли поучаться Духомъ Святымъ, далъ Онъ имъ законы и ученіе, какъ имъ вести себя, и подтвердилъ ихъ чудесами и знаменіями, чтобы не угасло познаніе истиннаго Бога.

30. Но и чрезъ то свѣтъ не сталъ еще явнымъ, ибо тьма и яростность въ природѣ оборонялись, и князь ихъ правилъ могущественно.

31. Когда же дерево природы достигло середины своего возраста, то начало оно приносить и принесло нѣсколько нѣжныхъ, сладкихъ плодовъ, въ знакъ того, что оно впредь будетъ приносить пріятныя плоды. Ибо тогда родились святыя пророки отъ сладкой вѣтви дерева, учившіе и проповѣдывавшіе о свѣтѣ, которому въ будущемъ должно было побѣдить яростность въ природѣ.

32. Взощель также свѣтъ въ природѣ и между язычниками, такъ что они стали познавать природу и ея дѣйствіе: хотя это былъ только свѣтъ въ дикой природѣ, а еще не священный свѣтъ; ибо дикая природа еще не была одолѣна; и такъ долго боролись между собою свѣтъ и тьма, пока не взошло солнце, и не заставило зноемъ своимъ это дерево приносить пріятные, сладкіе плоды.

33. То есть, пока не пришелъ князь свѣта изъ сердца Божія, и не сталъ человѣкомъ въ природѣ, и не вступилъ въ борьбу въ своемъ человѣческомъ тѣлѣ, въ силу Божественнаго свѣта, въ дикой природѣ.

34. И эта княжеская и царственная вѣтвь возросла въ природѣ, и стала деревомъ въ природѣ, и простерла вѣтви свои отъ Востока до Запада, и охватила всю природу, боролась и сражалась съ яростностью, бывшею въ природѣ, и съ княземъ ея, пока не побѣдила и не восторжествовала, какъ царь природы, и не взяла князя яростности въ плѣнъ въ его собственномъ дому (Пс. 67, 19).

35. Когда это случилось, произросли отъ царственнаго дерева, выросшаго въ природѣ, много тысячъ легионовъ драгоценныхъ сладкихъ вѣточекъ, имѣвшихъ всѣ запахъ и вкусъ драгоценнаго дерева. И хотя постигали ихъ дождь, снѣгъ, градъ и непогода, такъ что не мало вѣточекъ было сорвано съ дерева и побито, однако продолжали выростать еще все новыя вѣточки. Ибо яростность въ природѣ и князь оной поднимали великую непогоду съ градами, громами, молніями и дождями, такъ что часто много славныхъ вѣточекъ бывало оторвано отъ сладкаго и добраго дерева. Но тѣ вѣточки были такого блаженно-прекраснаго, сладкаго и радостнаго вкуса, что никакой человѣческой ни ангельской языкъ, не можетъ того высказать: ибо онѣ великую имѣли въ себѣ силу и добродѣтель, и служили исцѣленію дикихъ язычниковъ. Кто изъ язычниковъ ѣлъ отъ вѣточекъ этого дерева, тотъ избавлялся отъ дикости природы, въ которой онъ родился, и становился сладкою вѣтвью на драгоценномъ деревѣ, и зеленѣлъ на деревѣ, и приносилъ драгоценные плоды, какъ и само царственное дерево.

36. Потому много язычниковъ сбѣгалось къ драгоценному

дереву, гдѣ драгоцѣнныя лежали вѣточки, которыя сорвалъ князь тьмы своими бурными вѣтрами, и кто изъ язычниковъ обонялъ отъ этихъ сорванныхъ вѣточекъ, тотъ исцѣлялся отъ дикой яростности, прирожденной ему отъ матери его.

37. Когда же князь тьмы увидѣлъ, что язычники дрались изъ-за вѣточекъ, а не изъ-за дерева, и увидѣлъ свой великій убытокъ и ущербъ, то прекратилъ бурю на Восходѣ и Полуднѣ, и поставилъ купца подъ деревомъ собирать вѣточки, упавшія съ драгоцѣннаго дерева.

38. И вотъ, когда язычники приходили и спрашивали добрыхъ и крѣпкихъ вѣточекъ, то купецъ предлагалъ ихъ въ продажу за деньги, чтобы имѣть корысть отъ драгоцѣннаго дерева. Ибо того требовалъ отъ своего купца князь яростности, такъ какъ дерево выросло въ его странѣ, и попортило его ниву.

39. Когда же язычники увидѣли, что плодъ отъ драгоцѣннаго дерева можно было купить за деньги, они стали толпами сбѣгаться къ торговцу, и покупали отъ плодовъ дерева, и пріѣзжали туда для покупки также съ далекихъ острововъ, даже съ окраины міра.

40. Когда же теперь торговецъ увидѣлъ, что товаръ его въ такой цѣнѣ, и такъ пріятенъ всѣмъ, выдумалъ онъ про себя хитрость, чтобы собрать своему господину большое сокровище, и разослалъ купцовъ во всѣ страны, и велѣлъ предлагать свой товаръ и расхваливать; но онъ подмѣнилъ товаръ, и продавалъ вмѣсто добрыхъ иные плоды, которые не выросли на добромъ деревѣ, только бы увеличить сокровище своего господина.

41. Язычники же и всѣ острова и народы, какіе обитали на землѣ, выросли всѣ изъ дикаго дерева, которое было и добрымъ и злымъ: потому были они на половину слѣпы, и не видѣли добраго дерева, простиравшаго вѣтви свои отъ Восхода до Заката; иначе бы они не покупали поддѣльнаго товара.

42. Но какъ они не знали драгоцѣннаго дерева, высоко раскинувшаго надъ ними всѣми свои вѣтви, то бѣгали всѣ за торговцами, и покупали подмѣненный ложный товаръ вмѣсто добраго, и мнили, что онъ служить къ здоровью. Но такъ какъ всѣ они усердно желали добраго дерева, высившагося надъ ними всѣми, то многіе изъ нихъ стали здоровы, отъ великаго

желанія и вожделѣнія, какое имѣли они къ дереву. Ибо запахъ дерева, витавшій надъ ними, исцѣлялъ ихъ отъ ихъ яростности и дикаго рожденія, а не ложный товаръ торговца: это длилось долгое время.

43. Когда же князь тьмы, который есть источникъ яростности, злобы и погибели, увидѣлъ, что запахомъ драгоцѣннаго дерева люди исцѣлялись отъ его яда и дикости, то разгнѣвался, и посадилъ въ Полуночи дикое дерево, которое выросло изъ яростности въ природѣ, и повелѣлъ возгласить: Вотъ дерево жизни, кто ѣстъ отъ него, становится здоровъ и живетъ вѣчно! Ибо тамъ, гдѣ росло это дикое дерево, была дикая страна: и народы тамъ, отъ начала и до того времени, а также еще и по сей день, не познали истиннаго свѣта, который отъ Бога; и росло дерево на горѣ Агари, въ дому Измаила ругателя.

44. Но какъ возгласили о деревѣ: Смотрите, вотъ дерево жизни! то сбѣжались къ дереву дикіе народы, которые не были рождены изъ Бога, но изъ дикой природы, и полюбили дикое дерево, и ѣли отъ его плода. И дерево росло, и стало большимъ отъ сока яростности въ природѣ, и раскинуло вѣтви свои съ Полуночи на Утро и Вечерь: имѣло же дерево источникъ и корень свой изъ дикой природы, которая была и зла и добра; и каково дерево, таковъ былъ и плодъ его.

45. Но какъ люди того мѣста выросли всѣ изъ дикой природы, то и дерево раскинулось надъ ними всѣми, и стало такъ велико, что доставало вѣтвями своими до достойной земли, подъ святымъ деревомъ.

46. Причина же, почему дикое дерево стало такъ велико, была та, что народы подъ добрымъ деревомъ побѣжали всѣ за торговцами, продававшими ложный товаръ, и ѣли отъ ложнаго плода, который былъ и золь и добръ, и мнили, что они чрезъ то станутъ здоровы, и вовсе покинули святое, доброе, крѣпкое дерево. Тѣмъ временемъ они становились все болѣе слѣпы, вялы и слабы, и не могли возбранить дикому дереву въ Полуночи, чтобы оно не росло. Ибо они были слишкомъ вялы и слабы: они хотя и видѣли, что то было дикое, злое дерево, но были слишкомъ вялы и слабы, и не могли возбранить ему въ его ростъ: но если бы они не побѣжали за торговцами съ лож-

нымъ товаромъ, и не ѣли отъ ложнаго плода, а ѣли бы отъ драгоцѣннаго дерева, то они бы достаточно окрѣпли, чтобы оказать противленіе дикому дереву.

47. Но какъ они любодѣйствовали вслѣдъ за дикою природою, въ вздорныхъ вымыслахъ человѣческихъ, въ похоти сердца своего и въ лицемѣріи, то и господствовала надъ ними дикая природа, и дикое дерево выросло высоко и широко надъ ними, и повреждало ихъ своею дикою силою.

48. Ибо князь яростности въ природѣ далъ дереву силу свою повреждать людей, которые ѣли отъ дикаго плода торговца: такъ какъ они покинули дерево жизни, и искали собственнаго своего ума, подобно матери Евѣ въ раю, то господствовало надъ ними ихъ собственное прирожденное качество, и они вверглись въ такое сильное заблужденіе, о которомъ говорить св. Павелъ (2 Тесс. 2, 11).

49. И князь яростности возбудилъ войну и бурные вѣтры отъ дикаго дерева въ Полуночи на народы, которые рождены были не отъ дикаго дерева: и они пали, въ своей вялости и слабости, предъ грозой, исходявшею отъ дикаго дерева.

50. И купецъ подъ добрымъ деревомъ лицемѣрилъ съ народами Полудня и Вечера и Полуночи, и выхвалялъ свой товаръ, и обманывалъ простыхъ хитростью, а умныхъ дѣлалъ своими кушцами и торговцами, такъ что и они имѣли чрезъ то свой барышъ; пока не довелъ до того, что никто уже болѣе не видѣлъ ясно и не узнавалъ святаго дерева, и онъ захватилъ въ собственность ту страну.

51. Тогда онъ повелѣлъ возглашать (2 Тесс. 2): Я есмь стволъ добраго дерева, и стою на корнѣ добраго дерева, и я привить къ дереву жизни: покупайте мой товаръ, который я продаю вамъ, и вы станете здравы отъ вашего дикаго рожденія, и будете жить вѣчно. Я выросъ изъ корня добраго дерева, и имѣю въ моей власти плодъ святаго дерева, и сажу на престолѣ Божественной силы, и имѣю власть на небѣ и на землѣ; приходите ко мнѣ и покупайте себѣ за деньги отъ плода жизни!

52. Тогда сбѣжались всѣ народы, и покупали, и ѣли, пока не изнемогли; всѣ цари съ Полудня, съ Вечера и съ Полуночи ѣли отъ плода торговца, и жили въ великой немощи: ибо дикое

дерево Полуночи чѣмъ долѣе, тѣмъ выше выростало надъ ними, и истребляло ихъ долгое время. И то было бѣдственное время на землѣ, какого не было съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ; но люди мнили, что доброе время, такъ жестоко ослѣпилъ ихъ купецъ подъ добрымъ деревомъ.

53. Но къ вечеру сжалилось милосердіе Божіе надъ бѣдствіемъ и слѣпотой людей, и еще разъ подвигло доброе дерево, славное Божественное дерево, приносившее плодъ жизни: и вотъ выросла вѣтвь изъ драгоцѣннаго дерева, близко у корня, и зазеленѣла; и данъ былъ ей сокъ и духъ дерева, и она говорила языками людей, и указывала каждому драгоцѣнное дерево, и голосъ ея прозвучалъ далеко, во многія страны.

54. Тогда люди побѣждали посмотрѣть и услышать, что тамъ произошло; и было имъ показано драгоцѣнное и обильное добродѣтелью дерево жизни, отъ котораго люди ѣли вначалѣ, и были избавлены отъ своего дикаго рожденія.

55. И они были очень обрадованы, и ѣли отъ дерева жизни съ великою радостью и усладою, и получили новую силу отъ дерева жизни, и воспѣли новую пѣснь объ истинномъ деревѣ жизни, и были избавлены отъ дикаго рожденія, и возненавидѣли купца съ его торговцами и ложнымъ товаромъ.

56. Приходили же всѣ, алкавшіе и жаждавшіе дерева жизни, и сидѣвшіе во прахѣ, и всѣ ѣли отъ святаго дерева, и исцѣлялись отъ своего нечистаго рожденія, и отъ природной яростности, въ которой жили, и бывали привиты къ дереву жизни.

57. Не приходили одни только торговцы купцовы, и ихъ льстецы, и тѣ, что имѣли свою корысть отъ ложнаго товара, и собрали себѣ сокровища: ибо они утонули въ корысти любодѣянія купца, и умерли въ смерти, и жили въ дикой природѣ; и удерживалъ ихъ страхъ и ставшій явнымъ позоръ, что они такъ долго любодѣйствовали съ купцомъ, и обольщали людскія души; ибо они хвалились, будто они были привиты къ дереву жизни, и жили въ Божественной силѣ, въ святости, и предлагали въ продажу плодъ жизни.

58. Но какъ стали теперь явными ихъ позоръ, обманъ, жадность и плутовство, то они замолкли, и остались позади, и стыди-

лись принести покаяніе въ своихъ мерзостяхъ и идолопоклонствѣ, и пойти вмѣстѣ съ алчущими и жаждущими къ источнику вѣчной жизни: потому и изнемогають они въ своей жаждѣ; и ихъ мученіе восходитъ отъ вѣчности и до вѣчности, и ихъ совѣсть грызеть ихъ.

59. Какъ увидалъ теперь купецъ со своимъ ложнымъ товаромъ, что его обманъ обнаружился, то пришелъ въ сильный гнѣвъ и въ уныніе, и направилъ лукъ свой противъ святого народа, не хотѣвшаго болѣе покупать его товаръ, и умертвилъ многихъ изъ святого народа, и хулилъ зеленую вѣтвь, которая выросла изъ дерева жизни: но великій князь Миха-Эль, предстоящій Богу, пришелъ и сразился за святой народъ, и побѣдилъ.

60. Когда же князь тьмы увидѣлъ, что купецъ его палъ, и обманъ его обнаружился, то воздвигъ онъ бурю съ Полуночи отъ дикаго дерева противъ святого народа, и купецъ съ Полудня также ринулся на нихъ: тогда весьма возросъ святой народъ въ крови. Подобно тому, какъ было въ началѣ, когда росло святое и драгоценное дерево, побѣдившее яростность въ природѣ и князя ея, такъ было и въ то время.

61. Когда же теперь благородное и святое дерево стало явно всему народу, такъ что всѣ увидѣли, какъ оно надъ ними всѣми парило, и простирало благоуханіе свое надъ всѣми народами, и каждый, кто хотѣлъ, могъ ѣсть отъ него; то народу надоѣло ѣсть отъ плода его, который росъ на деревѣ, и захотѣлось имъ отвѣдать корня дерева, и умники и мудрецы стали искать этого корня и ссориться изъ-за него. И споръ изъ-за корня дерева сталъ великъ, такъ что они забыли ѣсть отъ плода сладкаго дерева, ради ссоры изъ-за корня дерева.

62. Однако не до корня и не до дерева имъ было дѣло: иное имѣлъ въ мысли княжившій во тьмѣ; когда онъ увидѣлъ, что они не хотѣли больше ѣсть отъ добраго дерева, но ссорились изъ-за корня, то усмотрѣлъ, что они очень ослабли и стали вялы, и что снова возобладала въ нихъ дикая природа. И вотъ онъ подвигъ ихъ на гордость, такъ что каждый возмнилъ, что онъ нашелъ корень у ствола, и что на него слѣдуетъ смотрѣть, и его слушать, и его почитать; и въ такихъ мысляхъ стали они строить себѣ дворцы, и служить тайно идолу Маммонѣ: чрезъ

что введено было въ соблазнъ и все сословіе мірянъ, и они стали жить въ похоти своей плоти, въ вожделѣніи дикой природы, и служить чреву своему въ распутствѣ; они положились на плодъ дерева, парившій надъ ними всѣми, что чрезъ него смогутъ снова стать здоровы, хотя бы и впали въ погибель; и служили межъ тѣмъ князю тьмы, по влеченію дикой природы; и драгоценное дерево продолжало стоять тамъ у нихъ лишь для зрѣлища: и много ихъ жило подобно дикимъ звѣрямъ, и вело злую жизнь въ высокомеріи, пышности и распутствѣ, и богатый поѣдалъ у бѣднаго его потъ и трудъ, и къ тому же еще тѣснилъ его.

63. Всѣ злыя дѣла сходили съ рукъ при помощи подарковъ; права почерпались изъ злыхъ качествъ въ природѣ: всякій гнался за множествомъ денегъ и имѣнія, за надменной, расточительной и пышной жизнью. Для убогаго не было избавленія; брань, проклятія, клятвы не почитались за порокъ, и валялись они въ яростномъ качествѣ, какъ свиньи въ грязи. Такъ поступали пастыри съ овцами, и не сохранили отъ благороднаго дерева ничего, кромѣ имени; его плодъ, сила и жизнь должны были служить покровомъ для ихъ грѣховъ.

64. Такъ жилъ міръ въ то время, кромѣ одной малой кучки: она родилась среди терній, въ великой скорби и презрѣніи, изо всѣхъ народовъ на землѣ, отъ Востока до Запада. Тогда не было никакого различія, всѣ жили въ побужденіи дикой природы, въ немощи, кромѣ маленькой кучки, которая спасена была изъ всѣхъ народовъ. Какъ было предъ потопомъ, и предъ восхожденіемъ благороднаго дерева въ природу и въ природѣ, такъ было и въ ту пору.

65. А что у людей возникло въ концѣ такое сильное вожделѣніе по корнѣ дерева, то это—тайна, *mysterium*, и было скрыто понынѣ отъ умныхъ и мудрыхъ; да и не откроется на высотахъ, но лишь въ глубинѣ въ великой простотѣ: подобно какъ и благородное дерево съ его ядромъ и сердцемъ во всѣ времена было скрыто отъ мірскихъ умниковъ; хоть они и мнили, что стоятъ на корнѣ дерева и на его вершинѣ, но то было не болѣе какъ свѣтлый паръ передъ ихъ глазами.

66. Межъ тѣмъ благородное дерево отъ начала и до сего

дня съ высочайшимъ усердіемъ трудилось въ природѣ надъ тѣмъ, чтобы стать явнымъ для всѣхъ народовъ, языковъ и нарѣчій, противъ чего діаволь въ дикой природѣ бушевалъ и неистовствовалъ, и оборонялся какъ яростный левъ; но благородное дерево чѣмъ дальше, тѣмъ сладчайше приносило плоды, и становилось все болѣе явнымъ, вопреки всему бушеванію и неистовству діавола, и такъ до конца; и вотъ стало свѣтло.

67. Ибо малая зеленая вѣточка выросла на корнѣ благороднаго дерева, и получила отъ корня его сокъ и жизнь: и данъ былъ ей духъ дерева, и она прославила благородное дерево въ его дивной силѣ и мощи, а также и природу, въ которой оно выросло.

68. Когда же это произошло, отверзлись въ природѣ обѣ двери, познаніе обоихъ качествъ, зла и добра, и сталъ явнъ небесный Іерусалимъ, а равно и царство ада, всѣмъ людямъ на землѣ. И свѣтъ и голосъ раздался по четыремъ вѣтрамъ, и ложный купецъ съ Полудня обнаружился вовсе, и его приверженцы возненавидѣли его, и истребили его отъ земли.

69. Когда же это произошло, то засохло также и дикое дерево въ Полуночи: и всѣ народы увидѣли святое дерево съ изумленіемъ, даже и на дальнихъ островахъ; и князь надъ тьмою сталъ явнъ, и его тайны раскрылись, и люди на землѣ увидѣли и узнали стыдъ и поруганіе и погибель его, ибо стало свѣтло. Но это длилось не долго, и люди покинули свѣтъ, и стали жить въ похоти плоти своей въ погибель: ибо какъ дверь свѣта отверзлась, такъ и дверь тьмы; и изъ обѣихъ вышли всякія силы и способности, какія тамъ были.

70. Какъ съ самаго начала люди жили въ ростѣ дикой природы, и пеклись только о земныхъ вѣщахъ, такъ и въ концѣ становилось не лучше, но лишь все хуже.

71. Къ срединѣ этого времени много великихъ бурь поднялось отъ Вечера къ Утру и къ Полуночи; а отъ Полуночи великій водный потокъ ринулся на святое дерево, и повредилъ много вѣтвей на святомъ деревѣ; и среди этого потока стало свѣтло, и засохло дикое дерево въ Полуночи.

72. И князь надъ тьмою разъярился при этой великой подвижности природы: ибо святое дерево пришло въ движеніе

въ природѣ, какъ бы готовясь вскорѣ вознестись, и возгорѣться въ прославленіи святого Божественнаго Величества, и породить прочь отъ себя ярость, которая такъ долго противостояла ему и боролась съ нимъ.

73. Подобнымъ же образомъ свирѣпо подвиглось также и дерево тьмы, яростности и гибели, какъ бы готовясь быть вскорѣ зажжено, и въ немъ вышелъ князь со своими легионами, погубить благородный плодъ добраго дерева.

74. И ужасно было въ природѣ въ яростномъ качествѣ, въ томъ качествѣ, гдѣ обитаетъ князь тьмы, выражаясь по человѣчески: какъ если бы мы увидѣли жестокою и страшную поднявшуюся непогоду, свирѣпую и грозную, со многими блистаниями молній и порывами бури, приводящими въ ужасъ.

75. Въ добромъ же качествѣ, въ которомъ росло святое дерево жизни, напротивъ того, было пріятно, сладостно и блаженно, подобно небесному царству радости. Такъ наступали они оба другъ на друга жестоко и упорно, пока не возгорѣлась вся природа, оба качества въ одно мгновеніе.

76. И дерево жизни возжено было въ своемъ собственномъ качествѣ огнемъ Святого Духа, и его качество горѣло въ огнѣ небснаго царства радости, въ неизслѣдимомъ свѣтѣ и ясности. Въ этомъ огнѣ качествовали всѣ голоса небснаго царства радости, какіе отъ вѣчности пребывали въ добромъ качествѣ, и свѣтъ Святой Троицы сіялъ въ деревѣ жизни, и наполнялъ все качество, въ которомъ оно стояло.

77. И дерево яростнаго качества, каковое есть другая часть въ природѣ, также было возжено и горѣло въ огнѣ гнѣва Божія адскимъ жаромъ; и яростный источникъ вознесся въ вѣчность, и князь тьмы со своими легионами остался въ яростномъ качествѣ, какъ въ своемъ собственномъ царствѣ. Въ этомъ огнѣ прешли земля и звѣзды и стихіи: ибо все сгорѣло сразу, каждое въ огнѣ своего собственнаго качества, и все распалось.

78. Ибо Ветхій подвигся, въ комъ вся сила и всѣ твари, и все, что можетъ быть названо; и всѣ силы неба и звѣздъ и стихій вновь стали жидкими, и вернулись въ тотъ видъ, какъ онѣ были до начала творенія. Но оба качества, злое и доброе, которыя въ природѣ были вмѣстѣ, одно въ другомъ, они те-

перъ были разлучены другъ отъ друга, и злое было отдано князю злобы и яростности въ вѣчное обитаніе: и это зовется адъ или отверженіе, которое въ вѣчность не постигнетъ больше добраго качества, и не прикоснется къ нему, забвеніе всякаго добра, и это въ свою вѣчность.

79. Въ другомъ же качествѣ стояло дерево вѣчной жизни, и источникъ этого качества въ Святой Троицѣ, и Духъ Святой изливаетъ свой свѣтъ въ немъ. И выступили наружу всѣ люди, происшедшіе изъ чреслъ Адама, перваго человѣка, каждый въ своей силѣ и въ томъ качествѣ, въ какомъ онъ возросъ на землѣ. Тѣ, что на землѣ ѣли отъ добраго дерева, которому имя Іисусъ Христосъ, въ нихъ милосердіе Божіе излилось въ вѣчную радость, въ нихъ была сила добраго качества; они были приняты въ доброе и святое качество, и воспѣли пѣснь жениха своего, каждый своимъ голосомъ, сообразно своей святости.

80. Тѣ же, что родились въ свѣтѣ природы и духа, и никогда не познали ясно на землѣ дерева жизни, простершаго тѣнь свою надъ всѣми людьми на землѣ, но возросли въ его силѣ, каковы многіе язычники и народы, и люди несовершеннѣтніе, они также были приняты въ той самой силѣ, въ которой они возросли, и которою былъ облеченъ ихъ духъ, и воспѣли пѣснь своей силы о благородномъ деревѣ вѣчной жизни; ибо каждый былъ прославленъ сообразно его силѣ.

81. И святая природа породила обильные радостью небесные плоды; подобно какъ на землѣ она рождала въ обоихъ качествахъ земные плоды, бывшіе тамъ и злыми и добрыми, такъ породила она теперь небесные, обильные радостью. И люди, которые были теперь подобны ангеламъ, ѣли каждый отъ плода своего, качества, и пѣли пѣснь Божію, и пѣснь о деревѣ вѣчной жизни. И это было въ Отцѣ какъ святая игра, ликующая радость; ибо на то всѣ вещи въ началѣ изъ Отца были созданы, и такъ пребудетъ все въ свою вѣчность.

82. Тѣ же, что выросли на землѣ въ силѣ дерева гнѣва, то есть тѣ, что побѣждены были яростнымъ качествомъ, и засохли въ злобности своего духа, въ грѣхахъ своихъ, они также всѣ выступили наружу, каждый въ своей силѣ, и были воспри-

няты въ царство тьмы, и каждый былъ облеченъ въ ту силу, въ которой онъ выросъ; и царь ихъ зовется Люциферъ, изгнанникъ изъ свѣта.

83. И адское качество также произвело плоды, какъ оно дѣлало это и на землѣ; но добро было отдѣлено отъ него, и потому оно произвело теперь плоды въ своемъ собственномъ качествѣ. И люди, которые также были теперь подобны духамъ, ѣли каждый отъ плода своего качества, равно какъ и діаволы; ибо подобно какъ между людьми на землѣ есть различіе въ качествахъ, и не всѣ люди одного качества, такъ и у изгнанныхъ духовъ; а равно и въ небесной славѣ среди ангеловъ и людей, и это пребудетъ въ свою вѣчность, аминь.

Благосклонный читатель, вотъ краткое повѣствованіе о двухъ качествахъ въ природѣ, отъ начала и до конца, какъ изъ нихъ возникли два царства, небесное и адское, и какъ они въ настоящее время наступаютъ другъ на друга и борются, и какъ все произойдетъ съ ними въ будущемъ.

84. Но вотъ я далъ этой книгѣ наименованіе: Корень или Мать философіи, астрологіи и теологіи. Слушай же теперь, чтобы знать, о чемъ въ этой книгѣ рѣчь: 1) При помощи философіи говорится о Божественной силѣ, о томъ, что есть Богъ, и каковы природа, звѣзды и стихіи въ существѣ Божіемъ, и откуда всякая вещь имѣетъ свое происхожденіе, какъ устроены небо и земля, а также ангелы, люди и діаволы, небо и адъ, и все, что тварно; также о томъ, что суть оба качества въ природѣ; все это на истинномъ основаніи, въ познаніи духа, въ побужденіи и движеніи Божіемъ.

85. 2) При помощи астрологіи говорится о силахъ природы, звѣздъ и стихій, какъ изъ нихъ возникли всѣ твари, и какъ онѣ все побуждаютъ, всѣмъ правятъ и во всемъ дѣйствуютъ; и какъ злое и доброе ими производится въ людяхъ и звѣряхъ: откуда происходитъ, что злое и доброе господствуютъ и суть въ семь мірѣ; и какъ состоятъ въ немъ царства ада и неба.

86. Не въ томъ мое намѣреніе, чтобы описать бѣгъ, мѣсто или имя всѣхъ звѣздъ, или какъ бываютъ у нихъ въ теченіе года соединенія или прстивостоянія или квадратуры и тому подобное, какъ онѣ дѣйствуютъ на протяженіи каждаго года и часа.

87. Все это изслѣдовано за долгіе годы премудрыми и разумными учеными людьми, прилежнымъ наблюденіемъ, и подмѣчаніемъ, и глубокимъ размышленіемъ, и исчисленіемъ. Я же этому не учился, и не изучалъ, и предоставляю рѣчь объ этомъ ученымъ; но мое намѣреніе въ томъ, чтобы писать по духу и смыслу, а не по наблюденію.

88. 3) При помощи теологіи говорится о царствѣ Христа, каково оно, и какъ противопоставлено царству ада, а также какъ оно въ природѣ борется и сражается съ царствомъ ада; и какъ люди вѣрою и духомъ могутъ побѣждать царство ада, и торжествовать въ Божественной силѣ, и получать вѣчное блаженство, и достигать его какъ побѣды въ борьбѣ; и какъ чело-вѣкъ дѣйствіемъ адскаго качества самъ ввергаетъ себя въ погибель, и какой будетъ обоимъ, наконецъ, исходъ.

89. Самое верхнее заглавіе: Утренняя Заря въ восхожденіи, есть *mysterium*, тайна, сокрытая отъ умныхъ и мудрыхъ въ семъ мірѣ, которую имъ самимъ придется испытать въ скоромъ времени. Для тѣхъ же, что читаютъ эту книгу въ простотѣ, съ вожделѣніемъ Святаго Духа, и возлагаютъ упованіе свое на одного только Бога, оно будетъ не тайной, но открытымъ познаніемъ.

90. Я не хочу объяснять это заглавіе, но предоставляю сужденіе безпристрастному читателю, борющемуся въ семъ мірѣ въ добромъ качествѣ.

91. Если же набредетъ на эту книгу господинъ умникъ, заявляющій себя въ яростномъ качествѣ, то онъ вступитъ въ прю съ ней, подобно какъ враждебны и противоположны другъ другу царства небесъ и ада. Во-первыхъ скажетъ онъ, что я слишкомъ высоко поднялся въ Божество, что мнѣ это не пристало; затѣмъ скажетъ онъ, что я хвалюсь Святымъ Духомъ, и долженъ былъ бы тогда и жить сообразно, и доказать это чудесными дѣлами; въ-третьихъ скажетъ онъ, что я дѣлаю это изъ желанія славы; въ-четвертыхъ скажетъ онъ, что я для этого недостаточно ученъ; въ-пятыхъ онъ очень соблазнится великою простотою автора, каковъ уже обычай въ мірѣ смотрѣть только на возвышенное, и соблазняться простотою.

92. Такимъ пристрастнымъ умникамъ я отвѣчу указаніемъ

на праотцевъ перваго міра; они также были незнатными презираемыми людьми, противъ которыхъ міръ и діаволь неистовствовали и бушевали: какъ то было во время Еноха, когда впервые святые отцы стали со властью возвѣщать имя Господне; и они также не возносились въ тѣлѣ на небо, и не видѣли всего очами, но Духъ Святой открывался въ ихъ духѣ. То же видимъ затѣмъ и во второмъ мірѣ, у святыхъ праотцевъ, патріарховъ и пророковъ; всѣ они сплошь были лишь простыми людьми, а часть ихъ даже пастухами.

93. Также когда Мессія Христосъ, сильный въ брани, сталъ человѣкомъ въ природѣ, то хотя былъ княземъ и царемъ людей, однако держался въ семъ мірѣ въ великой простотѣ, и былъ лишь слугою міра; также и апостолы его были всѣ лишь бѣдными и презираемыми рыбаками и работничками. Да, самъ Христосъ благодарить Отца своего небеснаго, что Онъ утаилъ это отъ премудрыхъ и разумныхъ въ семъ мірѣ, а открылъ младенцамъ (Матѣ. 11, 25).

94. Притомъ видно, что они были равнымъ образомъ и бѣдными грѣшниками, и имѣли въ себѣ оба природныхъ побужденія, злое и доброе. А что они въ проповѣди обличали и карали грѣхъ міра, да и собственный свой грѣхъ: это дѣлалось ими по побужденію Святого Духа, а не изъ желанія славы. И ничѣмъ также не обладали они по собственнымъ силамъ и способностямъ, и не могли поучать тайнамъ Божіимъ, но все совершалось по побужденію Божію.

95. Такъ и я ничего не могу ни сказать, ни написать о себѣ самъ, и ничѣмъ похвалиться, кромѣ того, что я простой человѣкъ, къ тому же бѣдный грѣшникъ, и каждый день долженъ молить: Господи, оставь намъ долгъ нашъ! и говорить вмѣстѣ съ апостолами: Господи, ты искупилъ насъ кровію твоею (Кол. 1, 14). И я не восходилъ также на небо, и не видѣлъ всѣхъ дѣлъ и твореній Божіихъ; но оно небо открылось въ моемъ духѣ, дабы я въ духѣ познавалъ дѣла и творенія Божіи; также и воля на то не есть моя природная воля, но побужденіе духа; и не мало пришлось мнѣ потерпѣть при этомъ и пораженій отъ діавола.

96. Но духъ человѣка произошелъ не изъ однихъ только

звѣздъ и стихій; въ немъ сокрыта также и искра отъ свѣта и силы Божіихъ. Не праздное слово читаемъ въ книгѣ Бытія (1, 27): Богъ сотворилъ человѣка въ образъ себѣ, въ образъ Богу сотворилъ Онъ его; ибо смыслъ его именно тотъ, что изъ всего существа Божія сотворенъ человѣкъ.

97. Тѣло изъ стихій; потому и должно оно имѣть стихійную пищу; душа же имѣетъ свое происхожденіе не отъ одного только тѣла, и хотя она возникаетъ въ тѣлѣ, и первое начало ея—тѣло, однако она имѣетъ въ себѣ источникъ свой также и извнѣ, чрезъ воздухъ; и господствуетъ въ ней Духъ Святой, по тому роду и образу, какъ Онъ все наполняетъ, и какъ все въ Богѣ, и самъ Богъ все.

98. И ради того, что Духъ Святой пребываетъ въ душѣ тварно, какъ собственность души, простираетъ она изслѣдованіе свое до самаго Божества, а также и въ природу: ибо она имѣетъ источникъ свой и происхожденіе изъ всего существа Божія. Когда она бываетъ возжена Святымъ Духомъ, то видитъ, что дѣлаетъ отецъ ея Богъ, подобно какъ сынъ видитъ въ дому, что дѣлаетъ отецъ; она членъ или дитя въ дому небеснаго Отца.

99. Подобно какъ глазъ человѣка видитъ вплоть до того свѣтила, откуда онъ имѣетъ свое первоначальное происхожденіе, такъ и душа видитъ до того Божественнаго существа, въ которомъ она живетъ.

100. Но какъ душа имѣетъ свой источникъ также и изъ природы, въ природѣ же есть злое и доброе, а человѣкъ чрезъ грѣхъ ввергъ себя въ природную яростность, такъ что душа его ежедневно и ежечасно оскверняется грѣхами; то и познаніе души только частично; ибо природная яростность господствуетъ теперь также и въ душѣ.

101. Духъ же Святой не вступаетъ въ яростность, но господствуетъ въ источникѣ души, который въ свѣтѣ Бога, и борется противъ яростности въ душѣ.

102. Поэтому душа не можетъ въ сей жизни притти къ совершенному познанію до самаго конца, когда свѣтъ разлучится съ тьмою; и когда яростность потребится въ землѣ вмѣстѣ съ тѣломъ, тогда душа свѣтло и совершенно будетъ видѣть въ

Богъ, отцѣ своемъ. Но когда душа бываетъ возжена Святымъ Духомъ, она ликуеть въ тѣлѣ, словно восходитъ великій пожаръ, такъ что сердце и почки трепещутъ отъ радости: однако не къ великому и глубокому познанію въ Богъ, отцѣ своемъ, приходитъ тогда тотчасъ душа, но лишь любовь къ Богу, отцу ея, ликуеть такъ въ огнѣ Святого Духа.

103. Познаніе же Бога сѣется въ этомъ огнѣ Святого Духа, и сначала бываетъ мало, какъ горчичное зерно, по сравненію Христову (Матѣ. 13, 31), потомъ же вырастаетъ, и становится большимъ, какъ дерево, и разрастается въ Богъ, творцѣ своемъ: подобно какъ капелька воды не очень можетъ двигаться въ великомъ морѣ, но если вольется въ него большой потокъ, то онъ можетъ сдѣлать уже нѣсколько больше.

104. Но все прошедшее, настоящее и будущее, равно какъ ширь, глубь и высь, близкое и далекое, въ Богъ какъ единая вещь, единое постиженіе; и святая душа человѣка также видитъ таковое, но въ мірѣ семъ лишь частично. Часто также оно ускользаетъ отъ нея, такъ что она ничего не видитъ; ибо діаволь жестоко наступаетъ на нее въ яростномъ источникѣ, который въ душѣ, и часто заслоняетъ благородное горчичное зернышко: потому человѣкъ долженъ всегда быть въ борьбѣ.

105. Такимъ вотъ образомъ, въ такомъ познаніи духа, хочу я писать въ этой книгѣ о Богѣ, отцѣ нашемъ, въ которомъ все, и который самъ есть все; хочу сказать о томъ, какъ все стало раздѣльнымъ и тварнымъ, и какъ все течетъ и движется во всемъ деревѣ жизни.

106. Здѣсь увидишь ты истинное основаніе Божества, и какъ то было прежде временъ міра; и какъ сотворены были святые ангелы и изъ чего; и о страшномъ паденіи Люцифера съ его легіонами; и изъ чего возникли небо, земля, звѣзды и стихіи, равно какъ металлы и камни въ землѣ, и всѣ твари; и каково рожденіе жизни и тѣлесности всѣхъ вещей; и что есть истинное небо, гдѣ обитаютъ Богъ и его святые, и что есть гнѣвъ Божій и адскій огонь, и какъ все стало подвержено огню: словомъ, что есть или каково существо всѣхъ существъ.

107. Въ первыхъ семи главахъ говорится совсѣмъ просто и понятно въ подобіяхъ о существѣ Бога и ангеловъ, чтобы

читатель могъ со ступени на ступень притти наконецъ къ глубокому смыслу и истинному основанію. Въ восьмой главѣ начинается глубина въ божественномъ существѣ, и такъ чѣмъ дальше, тѣмъ глубже. Иная частность повторяется не разъ, и описывается все глубже, ради тугой понятливости читателя, а также и моей собственной.

108. А что найдешь ты въ этой книгѣ недостаточно разъясненнымъ, то встрѣтишь во 2-й и 3-й выраженнымъ вполне ясно; ибо по винѣ нашего поврежденія познаніе наше частично, и не сразу бываетъ совершеннымъ; хотя эта книга чудо міра, и святая душа ясно уразумѣетъ ее.

109. Симъ препоручаю я читателя кроткой и святой любви Божіей.

ОБЪ ИЗСЛѢДОВАНІИ БОЖЕСТВЕННАГО СУЩЕСТВА ВЪ ПРИРОДѢ.

ОБЪ ОБОИХЪ КАЧЕСТВАХЪ.

Хотя плоть и кровь не можетъ постигнуть Божественнаго существа, но только духъ, когда онъ просвѣщенъ и возженъ Богомъ; но если кто хочетъ говорить о Богѣ, о томъ, что есть Богъ, то долженъ прилежно размыслить о силахъ въ природѣ, и обо всемъ твореніи, о небѣ и землѣ, равно о звѣздахъ и стихіяхъ; и о тваряхъ, которыя произошли изъ нихъ, также и о святыхъ ангелахъ, о діаволахъ и людяхъ, о небѣ и адѣ.

2. При такомъ рассмотрѣніи находишь два качества, одно доброе и другое злое, которыя въ семъ мірѣ во всѣхъ силахъ, въ звѣздахъ и стихіяхъ, равно и во всѣхъ тваряхъ, неразлучно одно въ другомъ, какъ нѣчто единое; и нѣтъ такой твари во плоти въ природной жизни, которая не имѣла бы въ себѣ обоихъ качествъ.

3. Здѣсь надо разсмотрѣть теперь, что означаетъ или есть слово качество. Качество есть подвижность, теченіе или побужденіе всякой вещи, каковъ, на примѣръ, зной, который жжетъ, поѣдаетъ и приводитъ въ движеніе все, что въ него попадаетъ, и что не одного съ нимъ свойства. И онъ же въ свой чередъ освѣщаетъ и согрѣваетъ все, что холодно, влажно и темно, и дѣлаетъ мягкое твердымъ. Но онъ содержитъ въ себѣ еще два вида, а именно свѣтъ и яростность; о нихъ надо замѣтить слѣдующее:

4. Свѣтъ, или сердце зноя, самъ по себѣ есть пріятное, радостное зрѣлище, сила жизни, освѣщеніе и зрѣніе вещи, находящейся вдали, и часть или источникъ небеснаго царства радости. Ибо онъ дѣлаетъ въ семъ мірѣ все живымъ и по-

движнымъ; всякая плоть, равно какъ и деревья, листва и трава растутъ въ семь мѣрѣ силою свѣта, и въ немъ имѣетъ свою жизнь, какъ въ добрѣ.

5. Но зной содержитъ въ себѣ въ свой чередъ и яростность, такъ что жжетъ, поѣдаетъ и истребляетъ; эта яростность течетъ, движется и воздвигается въ свѣтѣ, и дѣлаетъ свѣтъ подвижнымъ; и они борются и сражаются между собою въ своемъ двойномъ источникѣ, какъ нѣчто единое; и они, дѣйствительно, суть нѣчто единое, но имѣютъ двойной источникъ.

6. Въ Богѣ свѣтъ пребываетъ безъ зноя, но въ природѣ не такъ; ибо въ природѣ всѣ качества одно въ другомъ, какъ единое качество, по тому роду и образу, какъ Богъ есть все, и какъ все отъ Него истекаетъ и исходитъ; Богъ есть сердце или родникъ природы, изъ него все истекаетъ.

7. Итакъ, зной господствуетъ во всѣхъ силахъ природы, и согрѣваетъ все, и есть источникъ во всемъ; а иначе, если бы его не было, вода была бы слишкомъ холодна, и земля бы застыла; не было бы тогда также и воздуха.

8. Зной господствуетъ во всемъ, въ деревьяхъ, зелени и травѣ, и дѣлаетъ воду подвижной, чтобы чрезъ текучесть воды произрастала изъ земли зелень и трава: потому зовется онъ качествомъ (Qualität), что во всемъ течетъ (quillet) и все воздвигаетъ.

9. Свѣтъ же въ зноѣ даетъ всѣмъ качествамъ силу, такъ что все становится пріятнымъ и исполненнымъ блаженства: зной безъ свѣта для прочихъ качествъ бесполезенъ, онъ даже погибель для добраго, злой источникъ; ибо все погибаетъ въ яростности зноя. Такимъ образомъ, свѣтъ въ зноѣ—живой родникъ, куда входитъ Духъ Святой, въ яростность же зноя не входитъ; но зной дѣлаетъ свѣтъ подвижнымъ, такъ что онъ течетъ и движется, какъ это видно зимой, когда свѣтъ солнца хотя и падаетъ на землю, но лучи солнечнаго зноя не могутъ достигнуть почвы, и потому никакіе плоды не растутъ.

О КАЧЕСТВОВАНІИ ХОЛОДА.

10. Холодъ также есть качество, подобно зною: онъ действуетъ во всѣхъ тваряхъ, возникшихъ изъ природы и во всемъ,

что въ ней движется, въ людяхъ, звѣряхъ, птицахъ, рыбахъ, гадахъ, листьѣ и травѣ; и онъ противоположенъ зною, и качеству въ немъ, какъ если бы они были едино; но онъ возбраняетъ яростности зноя, и утишаетъ зной.

11. Но и онъ содержитъ въ себѣ также два вида, о которыхъ надо замѣтить слѣдующее: а именно, что онъ смягчаетъ зной, и дѣлаетъ все пріятнымъ, и во всѣхъ тваряхъ бываетъ качествомъ жизни; ибо ни одна тварь не можетъ существовать внѣ холода, такъ какъ холодъ есть текучая, возбуждающая подвижность во всѣхъ вещахъ.

12. Другой видъ есть яростность: ибо когда холодъ беретъ силу, онъ все подавляетъ, и все повреждаетъ, подобно зною; никакая жизнь не можетъ устоять въ немъ, если онъ не будетъ возбраненъ зноемъ. Яростность холода есть гибель всякой жизни и домъ смерти, подобно какъ и яростность зноя.

О КАЧЕСТВОВАНИИ ВОЗДУХА И ВОДЫ.

13. Воздухъ имѣетъ происхожденіе свое отъ зноя и холода: ибо зной и холодъ могущественно гонять все прочь отъ себя, и все наполняютъ; и отсюда возникаетъ живое и трепетное движеніе; но когда зной смягчается холодомъ, то качество ихъ обоихъ становится жидкимъ, и горечь стягиваетъ ихъ воедино, такъ что образуются капли: воздухъ же имѣетъ свое происхожденіе и величайшую подвижность изъ зноя, а вода отъ холода.

14. Теперь, оба качества постоянно борются другъ съ другомъ, зной поѣдаетъ воду, а холодъ сжимаетъ воздухъ; воздухъ же есть причина и духъ всякой жизни и всякаго движенія въ семъ мірѣ, будь то въ плоти или во всемъ томъ, что произрастаетъ изъ земли, все имѣетъ свою жизнь отъ воздуха и изъ того, что есть и движется въ семъ мірѣ, ничто не можетъ существовать внѣ воздуха.

15: Также и вода течетъ во всемъ живомъ и трепетномъ въ семъ мірѣ: въ водѣ состоитъ тѣло всѣхъ вещей, а въ воздухѣ духъ, будь то въ плоти или въ произрастаніяхъ земли; и оба они происходятъ изъ зноя и изъ холода, и качеству между собою, какъ нѣчто единое.

16. Но теперь, въ обоихъ этихъ качествахъ надо отмѣтить два особыхъ вида, а именно живое и смертельное дѣйствіе. Воздухъ есть живое качество, когда онъ пребываетъ кротко въ какой-нибудь вещи, и Духъ Святой господствуетъ въ кротости воздуха, и всѣмъ тварямъ радостно въ ней. Но въ воздухѣ есть также и яростность, такъ что онъ убиваетъ и губитъ своимъ жестокимъ возстаніемъ. Однако качественіе беретъ начало свое отъ яростнаго возстанія, такъ что во всемъ происходитъ теченіе и движеніе, откуда беретъ начало и чѣмъ держится жизнь; поэтому обоимъ имъ надлежитъ быть въ сей жизни.

17. Также и вода имѣетъ въ себѣ яростный, смертоносный источникъ, ибо она убиваетъ и поѣдаетъ; поэтому всему живому и трепетному суждено сгнивать и погибать въ водѣ.

18. Такимъ образомъ, зной и холодъ суть причина и начало воды и воздуха, въ которыхъ все дѣйствуетъ и существуетъ; въ нихъ вся жизнь и подвижность, о чемъ я напишу яснѣе, когда буду говорить о сотвореніи звѣздъ.

О ВЛІЯНІЯХЪ ДРУГИХЪ КАЧЕСТВЪ НА ТРИ СТИХІИ: ОГОНЬ, ВОЗДУХЪ И ВОДУ.

О ГОРЬКОМЪ КАЧЕСТВѢ.

19. Горькое качество есть сердце во всякой жизни: подобно какъ въ воздухѣ оно стягиваетъ воду, а также и разгоняетъ ее до разсѣянія, такъ и во всѣхъ тваряхъ, равно и въ произрастаніяхъ земли; ибо листва и трава имѣютъ зеленый цвѣтъ свой отъ горькаго качества. Если, теперь, горькое качество обитаетъ кротко въ какой-нибудь твари, то оно бываетъ сердцемъ или радостью въ ней: ибо оно разсѣиваетъ всѣ другія злыя вліянія, и бываетъ началомъ или причиной радости или смѣха.

20. Ибо, подвигшись, дѣлаетъ оно тварь трепетной и радостной, и восхищаетъ ее вмѣстѣ со всѣмъ тѣломъ: ибо оно есть какъ бы зрѣлище небеснаго царства радости, восхищеніе духа, духъ и сила во всѣхъ произрастаніяхъ земли, мать жизни.

21. Духъ Святой могущественно движется и побуждаетъ въ этомъ качествѣ, ибо оно есть часть небеснаго царства радости, какъ я покажу послѣ. Но оно содержитъ въ себѣ также и еще

одинъ видъ, а именно яростность, которая есть истинный домъ смерти, поврежденіе всего добраго, гибель и уничтоженіе всякой жизни въ плоти. Ибо чрезмѣрно возставъ въ какой-нибудь твари, и воспламенившись въ зноѣ, оно разлучаетъ плоть и духъ, и тварь должна умереть смертию: ибо оно возбуждаетъ и возжигаетъ стихію огня, въ которой никакая плоть не можетъ устоять, въ великомъ зноѣ и горечи. Воспламенившись же и придя въ движеніе въ стихіи воды, оно повергаетъ плоть въ длительную немощь и недугъ и, наконецъ, въ смерть.

О СЛАДКОМЪ КАЧЕСТВѢ.

22. Сладкое качество противоположно горькому и есть благое, пріятное качество, утоленіе жизни, укрощеніе яростности; оно все дѣлаетъ пріятнымъ и дружественнымъ въ тваряхъ, и растенія изъ земли выводитъ благоуханными и пріятными на вкусъ, прекраснаго желтаго, бѣлаго и красноватаго цвѣта. Оно зрѣлице и источникъ кротости, блаженство небеснаго царства радости, обитель Святого Духа, явленіе любви и милосердія, радость жизни. И въ свой чередъ имѣетъ оно въ себѣ также и яростный источникъ, источникъ смерти и гибели: ибо воспламенившись въ горькомъ качествѣ, въ стихіи воды, оно порождаетъ болѣзнь и распухшія чумныя язвы и поврежденіе плоти. Воспламенившись же въ зноѣ и горечи, оно заражаетъ стихію воздуха, отъ чего рождается быстрая скоротечная чума и внезапная смерть.

О КИСЛОМЪ КАЧЕСТВѢ.

23. Кислое качество противоположно горькому и сладкому, и превосходно умѣряетъ все; оно есть утоленіе и утишеніе, когда горькое и сладкое качества возстаютъ чрезмѣрно, вожделѣніе во вкусѣ, отрада жизни, кипящая радость во всѣхъ вещахъ, вожделѣніе, томительное устремленіе и наслажденіе царства радости, тихое веселіе духа: такъ умѣряетъ оно все въ жизни и кипѣніи вещей. Но оно содержитъ въ себѣ также и источникъ зла и гибели: ибо когда оно чрезмѣрно возстанетъ, или чрезмѣрно подвигнется въ какой-нибудь вещи, до того что воспламенится,

то порождаетъ печаль и меланхолію; воспламенившись въ водѣ, порождаетъ зловоніе, поносъ и рвоту, забвеніе всего добраго, печаль жизни, домъ смерти, начало печали и конецъ радости.

О ТЕРПКОМЪ ИЛИ СОЛЕНОМЪ КАЧЕСТВѢ.

24. Соленое качество хорошо умѣряетъ въ качествахъ горькомъ, сладкомъ и кисломъ, и дѣлаетъ все пріятнымъ; оно возбраняетъ возстанію горькаго качества, равно какъ и сладкаго и кислаго, чтобы они не воспламенились; оно есть острое качество, наслажденіе для вкуса, источникъ жизни и радости. И въ свой чередъ содержитъ оно въ себѣ также яростность и погубитель: воспламенившись въ огнѣ, оно порождаетъ родъ жесткій и раздирающій, обращающій въ камень, яростный источникъ, поврежденіе жизни; отсюда нарастаетъ камень въ плоти, и плоть испытываетъ великія мученія; воспламенившись же въ водѣ, оно порождаетъ въ плоти худые струнья, нарывы, французскую болѣзнь, чесотку и проказу, домъ печали и смерти, бѣдствіе и забвеніе всякаго добра.

НАСТАВЛЕНИЕ, КАКЪ НАДО РАЗСМАТРИВАТЬ БОЖЕСТВЕННОЕ И ПРИРОДНОЕ СУЩЕСТВО.

Все это, какъ указано выше, потому зовется качествомъ, что въ глубинѣ надъ землею, на землѣ и въ землѣ оно качествуетъ одно въ другомъ, какъ нѣчто единое; и однако имѣетъ различную силу и дѣйствіе, но лишъ единую мать, изъ которой все происходитъ и изливается; и всѣ твари созданы и произошли изъ этихъ качествъ, и живутъ въ нихъ, какъ въ своей матери: оттуда же и земля и камни имѣютъ свое происхожденіе, и все, что произрастаетъ изъ земли, живетъ и изливается изъ силы этихъ качествъ, чего никакой разумный человекъ не можетъ отрицать.

2. Этотъ двоякій источникъ, злой и добрый во всѣхъ вещахъ, весь проистекаетъ изъ звѣздъ: ибо какъ твари на землѣ состоятъ въ своемъ качествѣ, такъ равно и звѣзды. Ибо чрезъ двоякій источникъ свой имѣетъ все свою великую подвижность, свой ходъ, бѣгъ, теченіе, побужденіе и ростъ.

3. Ибо кротость въ природѣ есть тихій покой; но ярость во всѣхъ силахъ дѣлаетъ все подвижнымъ, бѣгущимъ, мчащимся, а также рождающимъ. Ибо качества стремящія вносятся во всѣ твари влеченіе къ злу и къ добру, такъ что все между собою другъ друга желаетъ, другъ съ другомъ смѣшивается, возрастаетъ, умаляется, становится прекраснымъ, повреждается, любитъ, враждуетъ.

4. Во всѣхъ тваряхъ въ семь мірѣ есть добрая и злая воля, добрый и злой источникъ: въ людяхъ, въ звѣряхъ, птицахъ, рыбахъ, гадахъ, равно и во всемъ существующемъ; въ золотѣ, въ серебрѣ, оловѣ, мѣди, желѣзѣ, стали, деревѣ, въ

растеніяхъ, листьѣ и травѣ, также и въ землѣ, въ камняхъ, въ водѣ, и во всемъ, что можно изслѣдовать.

5. Нѣтъ ничего въ природѣ, что не заключало бы внутри себя добраго и злого; все движется и живетъ въ этомъ двоякомъ побужденіи, что бы то ни было, исключая святыхъ ангеловъ и яростныхъ діаволовъ, ибо они разлучены, и живутъ, качествуютъ и господствуютъ каждый въ своемъ собственномъ качествѣ. Святые ангелы живутъ и качествуютъ въ свѣтѣ, въ добромъ качествѣ, гдѣ господствуетъ Духъ Святой; діаволы же живутъ и господствуютъ въ яростномъ качествѣ, въ качествѣ ярости и гнѣва или гибели.

6. Но и тѣ и другіе, ангелы злые и добрые, созданы изъ качествъ природы, откуда произошли всѣ вещи; но только качество въ нихъ неодинаково.

7. Святые ангелы живутъ въ силѣ кротости свѣта и царства радости; а діаволы живутъ въ силѣ восходящаго или возстающаго источника яростности, ужаса и тьмы, и не могутъ объять свѣта; ибо туда они сами низвергли себя своимъ возстаніемъ, какъ я о томъ напишу дальше, говоря о твореніи.

8. Но если ты не хочешь вѣрить, что въ семь мірѣ все проистекаетъ отъ звѣздъ, то я тебѣ докажу; и если ты не чурбанъ, и есть въ тебѣ немного разума, то замѣть себѣ слѣдующее.

9. Прежде всего, посмотри на солнце, которое есть сердце или царь всѣхъ звѣздъ, и даетъ свѣтъ всѣмъ звѣздамъ отъ восхода и до захода, и освѣщаетъ все, и согрѣваетъ все; въ силѣ его все живетъ и растетъ, а также въ силѣ его радость всѣхъ тварей.

10. И будь оно отнято, стало бы совсѣмъ темно и холодно, и тогда не могъ бы произрастать никакой плодъ; и ни люди, ни звѣри не могли бы тогда размножаться, ибо зной угасъ бы, и сѣмя во всѣхъ охладѣло бы и застыло.

О КАЧЕСТВѢ СОЛНЦА.

11. Если ты хочешь стать философомъ и природовѣдомъ, и изслѣдовать существо Божіе въ природѣ, какъ всѣ вещи устроены, то моли Бога о Духѣ Его Святомъ, дабы онъ благоволилъ просвѣтить тебя онымъ.

12. Ибо въ плоти и крови твоей тебѣ не постигнуть этого: хотя бы ты и читалъ о томъ, оно все же будетъ предъ очами твоими только мглою или мракомъ; единственно Духомъ Святымъ, который въ Богѣ, а также и во всей природѣ, откуда произошли всѣ вещи, сможешь ты проникнуть до всего тѣла Божія, каковое есть природа, равно и до Святой Троицы. Ибо Святой Духъ исходитъ отъ Святой Троицы, и господствуетъ во всемъ тѣлѣ Божіемъ, то есть, во всей природѣ.

13. Подобно какъ духъ человѣка господствуетъ въ цѣломъ тѣлѣ, во всѣхъ жилахъ, и наполняетъ всего человѣка, такъ и Духъ Святой наполняетъ всю природу, и есть сердце природы, и господствуетъ въ добромъ качествѣ во всѣхъ вещахъ. И вотъ, если ты имѣешь Его въ себѣ, такъ что Онъ просвѣщаетъ и наполняетъ твой духъ, ты поймешь то, что здѣсь написано дальше; если же не имѣешь, то будетъ съ тобою, какъ съ мудрыми язычниками, которые заглядѣлись на твореніе, и хотѣли его изслѣдовать собственнымъ разумомъ, и въ вымыслахъ своихъ достигли даже до лица Божія, однако не могли видѣть его, и были совершенно слѣпы въ познаніи Божіемъ. Какъ и сыны Израилевы въ пустынѣ не могли видѣть лица Моисея, и онъ долженъ былъ опускать покрывало на лицо, выходя къ народу. Виною же было то, что они не понимали и не знали истиннаго Бога, ни воли Его, хотъ Онъ и ходилъ между ними: потому покрывало было знакомъ и прообразомъ ихъ слѣпоты и неразумія. Какъ мало можетъ дѣло постичь своего дѣлателя, такъ и человѣкъ— постичь и познать Бога, творца своего, развѣ только если онъ просвѣщенъ Святымъ Духомъ. А это бываетъ лишь съ тѣми, что не уповаютъ на самихъ себя, но полагаютъ всю свою надежду и волю на одного только Бога, и ходятъ въ Духѣ Святомъ; они суть единый духъ съ Богомъ.

14. Теперь, если кто захочетъ разсмотрѣть старательно солнце и звѣзды съ ихъ тѣломъ, дѣйствіями и качествами, то по истинѣ найдетъ въ нихъ Божественное существо, а именно въ томъ, что силы звѣздъ и суть природа.

15. Если разсмотрѣть все теченіе или всю окружность звѣздъ, то скоро можно увидѣть, что она и есть мать всѣхъ вещей или природа, откуда всѣ вещи возникли, и гдѣ онѣ со-

стоять и живутъ, и чѣмъ все движется; и всѣ вещи созданы изъ ея силъ и пребываютъ въ ней вѣчно; и хотя въ концѣ сего времени онѣ измѣнятся, когда добро и зло будутъ разлучены, однако и ангелы и люди вѣчно пребудутъ въ Богѣ, въ силѣ природы, откуда они получили свое первое начало.

16. Но здѣсь ты долженъ въ духѣ возвысить свое разумѣніе и разсмотрѣть, какимъ образомъ вся природа со всѣми силами, которыя въ природѣ, а также ширь, глубь и высь, небо и земля, и все что въ нихъ, и что надъ небомъ, какимъ образомъ все это есть тѣло Божіе, а силы звѣздъ суть проводящія жилы въ природномъ тѣлѣ Божіемъ въ семь мірѣ.

17. Ты не долженъ думать, что въ тѣлѣ звѣздъ содержится вся торжествующая Святая Троица, Богъ Отецъ, Сынъ и Духъ Святой, въ которыхъ нѣтъ никакого зла, но лишь свѣтло-святой вѣчный источникъ радости, нераздѣльный и неизмѣнный; его никакая тварь не можетъ достаточно постигнуть или выразить, и онъ обитаетъ и есть надъ тѣломъ звѣздъ въ себѣ самомъ; глубину его никакая тварь не можетъ измѣрить.

18. Однако не надо понимать и такъ, будто его совсѣмъ нѣтъ въ тѣлѣ звѣздъ и въ семь мірѣ; ибо когда говорятъ: все, или: отъ вѣчности и до вѣчности, или: все во всемъ, то разумѣй здѣсь всецѣлаго Бога. Возьми себѣ подобіе въ человѣкѣ, который созданъ по образу или подобію Божію, какъ написано у Моисея (Быт. 1, 27).

19. Внутренность или полость въ тѣлѣ человека есть глубина между звѣздами и землей, и знаменуетъ ее; все тѣло въ цѣломъ знаменуетъ небо и землю; плоть знаменуетъ землю, да и есть отъ земли; кровь знаменуетъ воду, да и есть отъ воды; дыханіе знаменуетъ воздухъ, да и есть воздухъ; пузырь, въ которомъ качествуетъ воздухъ, знаменуетъ глубину между звѣздами и землей, гдѣ огонь, воздухъ и вода качествуютъ стихійно да тепло, воздухъ и вода и качествуютъ въ пузырь, какъ и въ глубинѣ надъ землею. Жилы знаменуютъ пути звѣздныхъ силъ, да и суть пути звѣздныхъ силъ: ибо звѣзды силою своею господствуютъ въ жилахъ, и влекутъ человека въ свой образъ. Утроба или кишки знаменуютъ дѣйствіе звѣздъ или поѣданіе: все, что произошло изъ ихъ силы, что онѣ сами создали, онѣ

сами же снова поѣдаютъ, и оно пребываетъ въ ихъ силѣ; да кишки и суть поѣданіе всего, что человекъ вводитъ въ свои кишки, и что возросло изъ силы звѣздъ.

20. Сердце человека знаменуетъ зной или стихію огня, да и есть и зной: ибо зной всего тѣла беретъ свое начало въ сердцѣ. Пузырь знаменуетъ стихію воздуха, да воздухъ и господствуетъ внутри его. Печень знаменуетъ стихію воды, да и есть вода, ибо изъ печени кровь расходится по всему тѣлу, во всѣ члены; печень есть мать крови.

21. Легкое знаменуетъ землю, да и есть такого же качества.

22. Ноги знаменуютъ близость и отдаленіе, ибо близкое и далекое въ Богѣ суть едино, и человекъ ногами можетъ уйти близко или далеко; но гдѣ бы онъ ни былъ, однако въ природѣ онъ не будетъ ни близко, ни далеко, ибо въ Богѣ это едино.

23. Руки знаменуютъ всемогущество Божіе: ибо, подобно тому какъ Богъ можетъ все измѣнить въ природѣ, и сдѣлать изъ этого, что захочетъ, такъ и человекъ можетъ руками своими измѣнить все, что выросло и образовалось въ природѣ, и сдѣлать изъ этого руками своими, что захочетъ; онъ правитъ при помощи рукъ дѣломъ и существомъ всей природы, и онѣ истиннѣ знаменуютъ всемогущество Божіе.

24. Замѣть теперь далѣе: все тѣло до шеи знаменуетъ окружность обращенія звѣздъ, да и есть таковая, а равно и глубину между звѣздами, гдѣ правятъ планеты и стихіи. Плоть знаменуетъ землю, застывшую и неподвижную: такъ и плоть не имѣетъ въ себѣ разума, пониманія или подвижности, но бываетъ движима только силою звѣздъ, правящихъ въ плоти и жилахъ.

25. Такъ и земля не приносила бы плода, а равно не росли бы въ ней ни металлы, золото, серебро, мѣдь, желѣзо, ни камни, если бы не дѣйствовали въ ней звѣзды; и травинка не выросла бы изъ нея безъ дѣйствія звѣздъ. Голова знаменуетъ небо; она приросла къ тѣлу жилами и путями силъ, и всѣ силы исходятъ изъ головы и мозга въ тѣло, въ проводящія жилы плоти.

26. Небо же есть пріятное селеніе радости, гдѣ пребываютъ всѣ силы, какъ въ цѣлой природѣ, въ звѣздахъ и стихіяхъ, но не столь жестокиа, гонящія и кипящія. Ибо у

каждой силы на небѣ только одинъ видъ или образъ силы, свѣтлый и весьма кротко кипящій, не злой и добрый вмѣстѣ, какъ въ звѣздахъ и стихіяхъ, но простой и чистый. Оно создано изъ среды воды, но качественно иначе, нежели вода въ стихіяхъ, ибо яростности нѣтъ въ ней.

27. Но небо оттого не менѣе принадлежитъ къ природѣ, ибо изъ неба имѣютъ звѣзды и стихіи свое начало и силу: ибо небо есть сердце воды. Подобно тому какъ вода есть сердце во всѣхъ тваряхъ и во всемъ, что ни есть только въ семъ мірѣ, и ничто не состоитъ внѣ воды, будь то во плоти или внѣ плоти, въ произрастаніяхъ земли или въ рудахъ и камняхъ: во всѣхъ вещахъ вода есть ядро или сердце;

28. Такъ и небо есть сердце природы, въ которомъ пребываютъ всѣ силы, какъ въ стихіяхъ и звѣздахъ, и оно есть нѣжное и кроткое вещество всѣхъ силъ, подобно какъ мозгъ въ головѣ человѣка.

29. Теперь, небо силою своею зажигаетъ звѣзды и стихіи, такъ что онѣ текутъ и движутъ; такъ и голова человѣка, подобно небу. Какъ въ небѣ всѣ силы кротки и пріятны и радостны, и дѣйствуютъ сообразно этимъ качествамъ, такъ и въ головѣ или въ мозгу человѣка всѣ силы бываютъ кротки и радостны. И какъ небо имѣетъ затворъ или крѣпость надъ звѣздами, и однако всѣ силы исходятъ изъ неба въ звѣзды, такъ и мозгъ имѣетъ затворъ или крѣпость предъ тѣломъ, и однако всѣ силы исходятъ изъ мозга въ тѣло и во всего человѣка.

30. Голова содержитъ въ себѣ пять чувствъ, какъ то: зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе, въ которыхъ качествуютъ звѣзды и стихіи, и гдѣ возникаетъ небесный, звѣздный или природный духъ въ людяхъ и звѣряхъ: въ немъ кипитъ добро и зло, ибо это есть домъ звѣздъ. Такую силу черпаютъ звѣзды отъ неба, что могутъ во плоти создать живого и движущаго духа въ людяхъ и звѣряхъ. Движеніе неба дѣлаетъ звѣзды подвижными, такъ и голова дѣлаетъ подвижнымъ тѣло.

31. Здѣсь раскрой нынѣ очи духа твоего и увидь Творца твоего. Здѣсь возникаетъ нынѣ вопросъ: откуда же небо имѣетъ или черпаетъ такую силу, что создаетъ въ природѣ такую подвижность?

32. Здѣсь должно тебѣ нынѣ устремить взоръ выше и внѣ природы, въ свѣтло-святую, торжествующую, Божественную силу, въ неизмѣнную Святую Троицу, которая есть торжествующее, кипящее, подвижное существо, и содержитъ въ себѣ всѣ силы, подобно какъ природа. Ибо это есть вѣчная мать природы, отъ которой небо, земля, звѣзды, стихіи, ангелы, діаволы, люди, звѣри и все возникло, и въ которой пребываетъ все.

33. Когда именуютъ небо и землю, звѣзды и стихіи, и все что въ нихъ, и все что надъ всѣми небесами, то тѣмъ самымъ именуютъ всецѣлаго Бога, который въ вышесказанномъ существѣ, силою своею, отъ Него исходящей, такъ сдѣлалъ себя тварнымъ.

34. Въ Троицѣ же своей Богъ неизмѣненъ; но все, что ни есть только на небѣ и на землѣ и надъ землею, имѣетъ свой источникъ и начало въ силѣ, исходящей отъ Бога.

35. Ты не долженъ думать, что поэтому въ Богѣ кипитъ или есть и злое и доброе; но самъ Богъ есть добро, и отъ добра имѣетъ также и имя—торжествующей, вѣчной радости: но только всѣ силы исходятъ отъ Него, какія ты можешь открыть въ природѣ, и какія есть во всѣхъ вещахъ.

36. Теперь ты, можетъ быть, скажешь: есть же въ природѣ и злое и доброе, а какъ всякая вещь исходитъ отъ Бога, то значить и злое должно исходить отъ Бога.

37. Вотъ, смотри: въ человѣкѣ есть желчь, которая есть ядъ, и онъ не можетъ жить безъ желчи: ибо желчь дѣлаетъ звѣздныхъ духовъ подвижными, радостными, исполненными ликования или смѣха, ибо она источникъ радости. Но, воспламенившись въ какой-нибудь стихіи, она повреждаетъ всего человека: ибо гнѣвъ въ звѣздныхъ духахъ происходитъ отъ желчи.

38. Это значить, что когда желчь поднимется и побѣжитъ къ сердцу, то она зажигаетъ стихію огня, и огонь зажигаетъ звѣздныхъ духовъ, правящихъ въ крови жилъ, въ стихіи воды: тогда все тѣло дрожитъ отъ гнѣва и яда желчи. Такой же точно источникъ имѣетъ и радость, и изъ той же сущности, что и гнѣвъ. Это значить, что когда желчь воспламеняется въ любящемъ или сладкомъ качествѣ, въ томъ, что человѣку любо, то все тѣло дрожитъ отъ радости; иногда и звѣздные духи въ немъ

также заражаются, когда желчь поднимется чрезмѣрно и воспламенится въ сладкомъ качествѣ.

39. Но въ Богѣ нѣтъ такого вещества, ибо Онъ не имѣетъ плоти и крови; но Онъ есть духъ (Іоан. 4, 24), въ которомъ содержатся всѣ силы, какъ мы молимся въ Отче нашъ: Твоя есть сила (Матѣ. 6, 13). И какъ пишетъ о Немъ Исаія: Онъ чуденъ, совѣтникъ, сила, вождь, вѣчный отецъ, князь мира (Ис. 10, 6).

40. Горькое качество есть также и въ Богѣ; однако не по тому роду и образу, какъ въ людяхъ желчь; оно есть пребывающая вѣчно сила, восходящій, ликующій источникъ радости.

41. И хотя написано у Моисея: Я гнѣвный Богъ ревнитель (Исх. 20, 5; Второзак. 4, 24), это не имѣетъ однако того смысла, будто Богъ самъ въ себѣ разгорается гнѣвомъ, или что огонь гнѣва восходитъ въ Святой Троицѣ. Нѣтъ, это невозможно; ибо написано тамъ: на ненавидящихъ Меня; въ таковой твари и восходитъ огонь гнѣва.

42. Если бы Богъ разгнѣвался въ себѣ самомъ, то вся природа загорѣлась бы, что и случится нѣкогда въ Послѣдній день въ природѣ, но не въ Богѣ; въ Богѣ же будетъ горѣть ликующая радость: какъ то отъ вѣчности было не иначе, и иначе не будетъ.

43. Теперь, эта восходящая, кипящая, ликующая радость въ Богѣ дѣлаетъ небо ликующимъ и подвижнымъ; а небо дѣлаетъ подвижными звѣзды и стихіи; а звѣзды и стихіи дѣлаютъ подвижными твари.

44. Изъ силъ Божіихъ возникло небо; изъ неба возникли звѣзды; изъ звѣздъ возникли стихіи; изъ стихій возникли земля и твари. Такъ все имѣетъ свое начало, вплоть до ангеловъ и дѣволовъ, которые прежде сотворенія неба и звѣздъ и земли возникли изъ той же силы, откуда возникли небо и звѣзды и земля.

45. Итакъ, вотъ краткое вступленіе или наставленіе, какъ надо разсматривать Божественное и природное существо: далѣе намѣренъ я теперь описать истинное основаніе и глубину, что есть Богъ, и какъ все устроено въ существѣ Божіемъ.

46. Хотя это оставалось отчасти скрытымъ отъ начала міра, и человекъ не могъ охватить этого своимъ разумомъ, но такъ какъ Богъ пожелалъ въ эти послѣднія времена открыться въ простотѣ, то я предоставляю дѣйствовать Его побужденію и волѣ, я только искорка. Аминь.

О ПРЕБЛАГОСЛОВЕННОЙ, ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ, СВЯТОЙ,
СВЯТОЙ, СВЯТОЙ ТРОИЦѢ, БОГѢ ОТЦѢ, СЫНѢ, ДУХѢ
СВЯТОМѢ, БОГѢ ЕДИНОМѢ.

Благосклонный читатель, здѣсь хочу я искренно пригласить тебя, покинуть твои мечтанія, и не заглядываться на языческую мудрость, а также не соблазняться простотою автора: ибо сочиненіе это не есть побужденіе его разума, но духа. Смотри лишь, чтобы имѣть тебѣ въ духѣ твоёмъ Духа Святого, который отъ Бога исходитъ; Онъ наставитъ тебя на всякую истину, и откроется тебѣ, и тогда въ свѣтѣ и силѣ Его ты будешь видѣть ясно даже до Святой Троицы, и понимать, что написано дальше.

О БОГѢ ОТЦѢ.

2. Когда Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ училъ своихъ учениковъ молиться, Онъ сказалъ имъ: когда хотите молиться, говорите: Отче нашъ, сущій на небесахъ (Матѣ. 6, 9). Это не значить, чтобы небо могло объять или охватить Отца, ибо само оно создано изъ Божественной силы.

3. Ибо Христосъ говоритъ: Отецъ мой больше всѣхъ (Іоан. 10, 29), и чрезъ пророка Богъ говоритъ: небо престоль Мой, а земля подножіе ногъ Моихъ; гдѣ же построите вы домъ для Меня (Ис. 66, 1)? И далѣе: Я объемлю небо пядію и землю горстію (Ис. 40, 12). И далѣе: въ Іаковѣ вселюсь Я, и Израиль будетъ обителью Моей (Іс. 134, 4).

4. А когда Христосъ называетъ Отца своего Отцемъ небеснымъ, Онъ разумѣетъ, что сіяніе и сила Отца Его во всей ясности, свѣтлости и чистотѣ является на небѣ, и что надъ тою

окружностью или затворомъ, которую мы видимъ глазами своими и именуемъ небомъ, является вся торжествующая Святая Троица, Отецъ, Сынъ, Духъ Святой.

5. Тѣмъ самымъ отличаетъ Христосъ также и небеснаго Отца своего отъ отца природы, каковой суть звѣзды и стихіи: онъ нашъ природный отецъ, изъ котораго мы созданы, и въ чьемъ побужденіи мы здѣсь живемъ въ семь мірѣ, и отъ кого мы получаемъ нашу ѣду и питаніе.

6. Небесный же Отецъ нашъ Онъ потому, что душа наша всегда томится по Немъ и желаетъ Его; да, она всегда жаждетъ и алчетъ по Немъ. Тѣло алчетъ и жаждетъ по отцѣ природы, каковой суть звѣзды и стихіи, и этотъ отецъ, дѣйствительно, питаетъ и напояетъ его. Душа же жаждетъ и алчетъ всегда по небесномъ святомъ Отцѣ, и Онъ также питаетъ и напояетъ ее Духомъ своимъ Святымъ и источникомъ радости.

7. Однако, мы имѣемъ не двухъ отцовъ, но только одного: небо создано изъ силы Его, и звѣзды изъ Его премудрости, которая въ Немъ и изъ Него исходитъ.

О С У Щ Н О С Т И И С В О Й С Т В ъ О Т Ц А .

8. Когда разсматриваютъ всю природу въ цѣломъ и ея свойство, то видятъ Отца; когда же созерцаютъ небо и звѣзды, то видятъ Его вѣчную силу и премудрость. И какъ велико множество звѣздъ подъ небомъ, къ тому же неисчислимымъ и необъятнымъ для разума, частью же и невидимымъ, таково множество и многообразіе силъ и премудрости Бога Отца.

9. Но каждая звѣзда на небѣ обладаетъ иною силою и инымъ качествомъ, нежели другая, что и производитъ такое многообразіе различій въ тваряхъ и между тварями на землѣ и во всемъ твореніи. Силы же всѣ, какія ни есть въ природѣ, проистекаютъ отъ Бога Отца, всякій свѣтъ, зной, холодъ, воздухъ, вода и всѣ силы земли, горькое, кислое, сладкое, терпкое, твердое, мягкое, и какихъ нельзя даже и перечислить, все беретъ свой исходъ отъ Отца.

10. Когда же хотятъ сравнить съ чѣмъ-нибудь Отца, то должно сравнивать Его съ круглымъ шаромъ неба. Ты не ду-

май, будто каждая сила, какая есть въ Отцѣ, помѣщается въ особомъ мѣстѣ или особой части въ Немъ, какъ звѣзды на небѣ; нѣтъ, но духъ указываетъ, что всѣ силы въ Отцѣ находятся вмѣстѣ, одна въ другой, какъ единая сила; образъ чего данъ у пророка Іезекіиля (гл. 1), который видѣлъ Господа въ духѣ и прообразѣ, наподобіе колеса, гдѣ четыре колеса были одно въ другомъ, и всѣ четыре были одно какъ другое; и когда они шли, то шли прямо предъ собою: въ какую сторону дулъ вѣтеръ, туда шли и всѣ четыре прямо предъ собою, и ни одно не нуждалось въ поворотѣ. Такъ и Богъ Отецъ: ибо всѣ силы въ Отцѣ одна въ другой, какъ единая сила, и всѣ силы пребываютъ въ Отцѣ въ неизслѣдимомъ свѣтѣ и ясности.

11. Ты не думай, будто Богъ стоитъ и движется въ небѣ и надъ небомъ, какъ нѣкая сила и качество, не имѣющее въ себѣ ни разума ни знанія, каково солнце; оно обѣгаетъ кругъ свой, и отряхаетъ съ себя зной и свѣтъ, приносить ли то пользу землѣ и тварямъ, или вредъ: послѣднее и случилось бы, конечно, если бы не возбраняли тому другія планеты и звѣзды. Нѣтъ, Отецъ не таковъ: Онъ всемогущій, всепремудрый, всезнающій, всевидящій, всеслышащій, всеобоняющій, всеосязающій, всевкушающій Богъ, въ себѣ самомъ кроткій, привѣтный, любовный, милосердный и радостный, да, сама радость.

12. Но Онъ отъ вѣчности и до вѣчности пребываетъ такъ неизмѣннымъ, Онъ еще никогда не измѣнился въ своемъ существѣ, и во всю вѣчность никогда не измѣнится. Онъ ни отъ чего не произошелъ и не родился, но въ вѣчности самъ есть все; и все, что ни есть, произошло изъ силы Его, отъ Него исходящей. Природа и всѣ твари произошли изъ силы Его, отъ вѣчности исшедшей отъ Него: Его ширь, высь и глубь неизслѣдима ни для твари, ни даже для ангела на небѣ; но ангелы живутъ въ силѣ Отца, весьма кротко и радостно, и поютъ непрестанно въ силѣ Отца.

О БОГѢ СЫНѢ.

13: Если же теперь кто хочетъ видѣть Бога Сына, то долженъ вновь обратить взглядъ на природныя вещи, иначе я не могу писать о Немъ: духъ хотя видитъ Его, но того нельзя ни

высказать, ни написать, ибо Божественное существо состоитъ въ силѣ, не дающей ни описать себя, ни выразить. Поэтому намъ надо брать подобія, когда мы хотимъ говорить о Богѣ: ибо мы живемъ въ семъ мірѣ въ частичности, и сами созданы изъ частичности. Поэтому я отсылаю читателя къ оной жизни, гдѣ я намѣренъ подробнѣе, и яснѣе поговорить съ нимъ объ этомъ высококомъ предметѣ. До тѣхъ же поръ пусть любящій читатель посмотритъ на духовный смыслъ, и не можетъ того быть, чтобы онъ не получилъ себѣ тогда нѣкой малой силы, если только онъ алчетъ. Теперь замѣть: сказываютъ турки и язычники, что у Бога нѣтъ Сына: здѣсь раскройте пошире глаза, и не дѣлайте себя сами слѣпыми, и вы тогда увидите Сына.

14. Отецъ есть все, и всякая сила содержится въ Отцѣ: Онъ начало и конецъ всѣхъ вещей, и внѣ Его нѣтъ ничего; и все, что произошло, произошло отъ Отца. Ибо прежде начала сотворенія тварей не было ничего, какъ только одинъ Богъ: а гдѣ ничего нѣтъ, оттуда ничего и не бываетъ; всякая вещь должна имѣть причину или корень, иначе ничего не бываетъ. Ты не долженъ однако думать, что Сынъ иной Богъ, нежели Отецъ; и ты не долженъ также думать, что Сынъ внѣ Отца, и что Онъ особая часть: какъ если бы два человѣка стояли рядомъ, не объемля другъ друга; нѣтъ, совсѣмъ не такого порядка отношеніе между Отцомъ и Сыномъ, ибо Отецъ не есть образъ, который можно было бы съ чѣмъ-нибудь сравнить, но Онъ родникъ всѣхъ силъ, и всѣ силы одна въ другой, какъ единая сила; потому и именуется Онъ единымъ Богомъ: иначе же, если бы Его силы были разлучены, то Онъ не былъ бы всемогущъ; нынѣ же Онъ самосушій, всемогущій и всесильный Богъ.

15. Сынъ же есть сердце въ Отцѣ: всѣ силы, какія въ Отцѣ, суть достояніе Отца, а Сынъ есть сердце или ядро всѣхъ силъ во всемъ Отцѣ; Онъ причина кипящихъ радостей во всѣхъ силахъ во всемъ Отцѣ. Отъ Сына, который есть сердце Отца во всѣхъ Его силахъ, восходитъ вѣчная небесная радость, и кипитъ во всѣхъ силахъ Отца; такая радость, какой око не видѣло, и ухо не слышало, и въ сердце человѣку не входило никогда, какъ говоритъ святой Павелъ (I Кор. 2, 9).

16. Но когда человекъ здѣсь на землѣ бываетъ просвѣщенъ Духомъ Святымъ изъ родника Іисуса Христа, такъ что воспламеняются природные духи, знаменующіе Отца, то такая радость восходитъ въ сердцѣ его во всѣ жилы, что все тѣло тремещетъ, и душевный духъ ликуетъ, какъ если бы онъ былъ въ Святой Троицѣ; это разумѣютъ единственно тѣ, что были въ числѣ гостей въ ономъ мѣстѣ.

17. Но это только прообразъ или зрѣніе Сына Божія въ человекѣ, чрезъ что укрѣпляется и сохраняется вѣра: ибо въ земномъ сосудѣ радость не можетъ быть столь же велика, какъ въ небесномъ, гдѣ дѣйствуетъ совершенная сила Божія во всей полнотѣ.

18. Здѣсь долженъ я теперь писать въ подобіи. Я покажу тебѣ сейчасъ въ природѣ подобіе того, какъ святое существо пребываетъ въ Святой Троицѣ. Взгляни на небо: оно круглый шаръ, и не имѣетъ ни начала ни конца, но вездѣ у него и начало и конецъ, гдѣ ты только на него ни посмотришь; такъ и Богъ въ небѣ и надъ небомъ, не знающій также ни начала ни конца. Взгляни теперь далѣе на окружность звѣздъ, знаменующихъ многоразличную силу и премудрость Отца, да и созданныхъ также изъ силы и премудрости Отца. Небо и звѣзды и вся глубина между звѣздами, вмѣстѣ съ землею, знаменуютъ Отца; а семь планетъ знаменуютъ семь духовъ Божіихъ, или князей ангельскихъ; однимъ изъ нихъ былъ и господинъ Люциферъ прежде своего паденія; всѣ же они созданы изъ Отца въ началѣ сотворенія ангеловъ, прежде времени міра.

19. Теперь замѣть: солнце ходитъ по окружности посреди глубины между звѣздами, и оно есть сердце звѣздъ, и всѣмъ звѣздамъ даетъ свѣтъ и силу, и умѣряетъ силу всѣхъ звѣздъ, такъ что все становится пріятнымъ и радостнымъ; также освѣщаетъ оно небо, звѣзды и глубину надъ землею, и дѣйствуетъ во всѣхъ вещахъ, какія только есть въ семь мірѣ, и оно есть царь и сердце всѣхъ вещей въ семь мірѣ, и по справедливости знаменуетъ Бога Сына.

20. Ибо подобно какъ солнце стоитъ посрединѣ между звѣздами и землею, и освѣщаетъ всѣ силы, и есть свѣтъ и сердце всѣхъ силъ, и вся радость міра сего, вся красота и

пріятность беретъ начало въ свѣтъ и силѣ солнца,—такъ и Сынъ Божій въ Отцѣ есть сердце Отца, и свѣтитъ во всѣхъ силахъ Отца, и сила Его есть подвижная, кипящая радость во всѣхъ силахъ Отца, и свѣтитъ во всемъ Отцѣ, подобно какъ солнце во всемъ мірѣ. Когда бы можно было удалить землю, знаменующую домъ печали или ада, то вся глубина была бы свѣтла, въ одномъ мѣстѣ какъ въ другомъ: такъ и въ Отцѣ вся глубина свѣтла, въ одномъ мѣстѣ какъ въ другомъ, отъ сіянія Сына Божія. И подобно какъ солнце есть самосушая тварь, сила или свѣтъ, и не изъ всѣхъ тварей сіяетъ, но во всѣ твари, и всѣ твари радуются въ его силѣ; такъ и Сынъ въ Отцѣ есть самосушее лицо, и освѣщаетъ всякую силу въ Отцѣ, и есть радость или сердце Отца въ Его средоточіи или срединѣ.

21. Замѣть здѣсь великую тайну Божію: солнце рождено или создано изъ всѣхъ звѣздъ, и оно есть свѣтъ, почерпнутый изъ всей природы, и свѣтитъ снова во всю природу сего міра, и связано съ другими звѣздами, какъ если бы оно было со всѣми звѣздами единой звѣздою.

22. Такъ и Сынъ Божій отъ вѣчности непрерывно рожденъ, а не созданъ, изъ всѣхъ силъ Отца своего, и Онъ есть сердце или сіяніе изъ всѣхъ силъ небеснаго Отца своего, самосушее лицо, средоточіе или тѣло сіянія въ глубинѣ. Ибо сила Отца отъ вѣчности непрерывно рождаетъ Сына: когда бы Отецъ пересталъ рождать, то не было бы больше Сына; и когда бы Сынъ не свѣтилъ больше въ Отцѣ, то былъ бы Отецъ темною долиною: ибо сила Отца не восходила бы отъ вѣчности къ вѣчности, и Божественное существо не могло бы пребывать.

23. Такимъ образомъ Отецъ есть самосушее существо всѣхъ силъ, и Сынъ есть сердце въ Отцѣ, непрерывно рождаемое изъ всѣхъ силъ Отца, и вновь освѣщающее силы Отца. Ты не долженъ думать, будто Сынъ растворенъ въ Отцѣ, такъ что нельзя увидѣть или познать Его лица; нѣтъ, когда бы было такъ, то это было бы только одно лицо. Какъ солнце не свѣтитъ изъ другихъ звѣздъ, хотя и имѣетъ изъ другихъ звѣздъ свое начало, такъ и Сынъ не свѣтитъ изъ силъ Отца, что касается тѣла Его. И хотя Онъ непрерывно рождается изъ силъ

Отца, однако свѣтитъ снова въ силы Отца; ибо Онъ иное лицо, нежели Отецъ, но не иной Богъ. Онъ вѣченъ въ Отцѣ, и Отецъ непрерывно рождаетъ Его отъ вѣчности и до вѣчности, и Отецъ и Сынъ суть единый Богъ, равнаго существа по силѣ и всемогуществу. Сынъ видитъ, слышитъ, вкушаетъ, осязаетъ, обоняетъ и объемлетъ все, подобно Отцу; въ Силѣ Его живетъ и пребываетъ все, что добро, какъ и въ Отцѣ; но зла нѣтъ въ Немъ.

О БОГѢ ДУХѢ СВЯТОМЪ.

24. Богъ Духъ Святой есть третье лицо въ торжествующемъ святомъ Божествѣ, и исходитъ отъ Отца и Сына, святой кипящій родникъ радости во всемъ Отцѣ, пріятное, кроткое и тихое дуновеніе изъ всѣхъ силъ Отца и Сына, какъ это можно видѣть на пророкѣ Іліи при горѣ Хоривѣ (III Царствъ, 19, 12). и въ день Пятидесятницы на апостолахъ Христовыхъ (Дѣян. 2, 2).

25. Но если кто захочетъ описать Его лицо, сущность и свойство на истинномъ основаніи, то надо опять прибѣгнуть къ подобію: ибо Духа нельзя описать, такъ какъ Онъ не тварь, а кипящая сила Божія.

26. Взгляни теперь снова на солнце и звѣзды; многоразличныя и многообразныя звѣзды, невыразимыя и несчетныя, онѣ знаменуютъ Отца. Изъ этихъ звѣздъ произошло солнце, ибо Богъ создалъ его изъ нихъ; оно знаменуетъ Сына Божія. Теперь, отъ солнца и звѣздъ произошли четыре стихіи, огонь, воздухъ, вода, земля, какъ я покажу потомъ ясно, когда буду писать о твореніи.

27. Теперь замѣть: три стихіи, огонь, воздухъ и вода, имѣютъ троякое движеніе или качественіе, но одно только тѣло. Вотъ смотри: огонь или зной возникаетъ (рождается) изъ солнца и звѣздъ, а изъ зноя возникаетъ (рождается) воздухъ, и изъ воздуха—вода. И въ этомъ движеніи или качественіи жизнь и духъ всѣхъ тварей, а также все, что можетъ быть названо въ семь мірѣ; и оно знаменуетъ Духа Святого.

28. Подобно какъ три стихіи, огонь, воздухъ и вода, исходятъ изъ солнца и звѣздъ, и всѣ вмѣстѣ, одна въ другой, суть единое тѣло, и создаютъ живое движеніе и духа всѣхъ

тварей въ семь міръ, такъ и Духъ Святой исходитъ отъ Отца и Сына, и создаетъ живое движеніе во всѣхъ силахъ Отца. И подобно какъ три стихіи движутся въ глубинѣ, какъ самосуцій духъ, и создаютъ зной, холодъ, облака, и изливаются изъ силы всѣхъ звѣздъ, и всѣ силы солнца и звѣздъ содержатся въ трехъ стихіяхъ, какъ если бы онѣ сами были солнцемъ и звѣздами, откуда и происходитъ и гдѣ состоитъ жизнь и духъ всѣхъ тварей; такъ и Духъ Святой исходитъ отъ Отца и Сына и движется во всемъ Отцѣ, и есть жизнь и духъ всѣхъ силъ во всемъ Отцѣ.

29. Замѣть здѣсь глубокую тайну: всѣ звѣзды, какія намъ видны и невидны, онѣ знаменуютъ силу Бога Отца; изъ этихъ же самыхъ звѣздъ родилось и солнце, которое есть сердце всѣхъ звѣздъ. И изъ всѣхъ звѣздъ исходитъ въ глубину сила, какая есть въ каждой звѣздѣ; сила же солнца, зной и сіяніе, также идетъ въ глубину, и въ глубинѣ сила всѣхъ звѣздъ вмѣстѣ съ сіяніемъ и зноемъ солнца составляетъ нѣчто единое, одно подвижное кипѣніе какъ бы духа или вещества, но только не обладающаго разумомъ, ибо это не Духъ Святой; такимъ же образомъ и четвертая стихія принадлежитъ также природному духу, но онъ обладаетъ разумомъ. Таково же исхожденіе и изъ Бога Отца (въ глубину Его), изъ всѣхъ Его силъ, и рожденіе сіянія, сердца или Сына Божія въ средоточіи Его; сравниваютъ же Его съ круглымъ шаромъ солнца, посылающаго лучи свои вверхъ и внизъ и въ стороны отъ себя; и исходитъ сіяніе вмѣстѣ со всѣми силами отъ Сына Божія во всего Отца.

30. Теперь, во всей глубинѣ Отца, кромѣ Сына, есть еще только многоразличная и неизмѣримая или неизслѣдимая сила Отца, и неизслѣдимая сила и свѣтъ Сына; и это въ глубинѣ Отца есть живой, все сильный, всевѣдущій, все слышащій, всевидящій, всеобоняющій, всевкушающій, всеосязающій Духъ, въ которомъ вся сила и сіяніе и премудрость, какъ въ Отцѣ и Сынѣ.

31. И какъ въ четырехъ стихіяхъ сила и сіяніе солнца и всѣхъ звѣздъ, такъ и Онъ во всей глубинѣ Отца: и Онъ есть Духъ Святой, и справедливо именуется такъ, и есть третье самосущее лицо въ Божествѣ.

32. Когда же говорятъ или пишутъ о трехъ лицахъ въ Божествѣ, то не долженъ ты думать, что потому существуютъ три Бога, и каждый изъ Нихъ господствуетъ и править самъ по себѣ, подобно земнымъ царямъ на землѣ. Нѣтъ, въ Богѣ совсѣмъ не такъ: ибо Божественное существо состоитъ въ силѣ, а не въ тѣлѣ или плоти.

33. Отецъ есть вся Божественная сила, откуда произошли всѣ твари, и Онъ всегда былъ отъ вѣчности; Онъ не имѣетъ ни начала ни конца. Сынъ въ Отцѣ есть сердце Отца или свѣтъ, и Отецъ рождаетъ Сына отъ вѣчности и до вѣчности непрерывно, и сила и сіяніе Сына свѣтитъ снова во всего Отца, подобно какъ солнце во всемъ мірѣ.

34. И Сынъ есть иное лицо нежели Отецъ, но не внѣ Отца, а также не иной Богъ нежели Отецъ; сила, сіяніе и всемогущество Его нисколько не меньше всего Отца.

35. Духъ Святой исходитъ отъ Отца и Сына, и есть третье самосущее лицо въ Божествѣ. Подобно какъ стихіи въ семь мірѣ исходятъ отъ солнца и звѣздъ, и суть подвижный духъ во всѣхъ вещахъ въ семь мірѣ, такъ и Духъ Святой есть подвижный духъ во всемъ Отцѣ, и исходитъ отъ вѣчности и до вѣчности непрерывно отъ Отца и Сына, и наполняетъ всего Отца; Онъ нисколько не меньше и не больше, нежели Отецъ и Сынъ, созидающая сила Его—во всемъ Отцѣ.

36. Всякая вещь въ семь мірѣ возникла по подобію этой троичности. Вы, слѣпые іудеи, турки и язычники, раскройте очи ума вашего, я хочу показать вамъ на вашемъ тѣлѣ и на всѣхъ природныхъ вещахъ, на людяхъ, звѣряхъ, птицахъ и гадахъ, какъ и на деревѣ, камнѣ, зелени, листвѣ и травѣ, подобіе святой троичности въ Богѣ.

37. Вы говорите, что въ Богѣ единое существо, что Богъ не имѣетъ Сына. Теперь, раскрой глаза и взгляни на себя самого: человекъ созданъ по подобію и изъ силы Бога въ Его троичности. Посмотри на твоего внутренняго человека, и ты увидишь это свѣтло и ясно, если только ты не глупецъ и не неразумное животное. Замѣть же: въ сердцѣ твоёмъ, въ жилахъ

и мозгъ пребываетъ твой духъ; всякая сила, какая движется въ твоёмъ сердцѣ, въ жилахъ и мозгѣ, и въ которой жизнь твоя, она знаменуетъ Бога Отца; изъ той же силы восходитъ (рождается) свѣтъ твой, такъ что въ той же силѣ ты видишь, понимаешь и знаешь, что тебѣ надо дѣлать: ибо тотъ же свѣтъ брезжить и во всемъ тѣлѣ твоёмъ, и все тѣло движется въ силѣ и познаніи свѣта, ибо тѣло помогаетъ всѣмъ членамъ въ познаніи свѣта, который знаменуетъ Сына Божія. Ибо какъ Отецъ рождаетъ Сына изъ своей силы, и Сынъ свѣтитъ во всемъ Отцѣ, такъ и сила твоего сердца, твоихъ жилъ и мозга порождаетъ свѣтъ, который свѣтитъ во всѣхъ твоихъ силахъ, во всемъ твоёмъ тѣлѣ. Раскрой очи ума твоего, и поразмысли объ этомъ, и ты найдешь, что это такъ.

38. Забѣть теперь: подобно какъ отъ Отца и Сына исходитъ Духъ Святой, и есть самосущее лицо въ Божествѣ, и движется во всемъ Отцѣ, такъ и изъ силъ твоего сердца, твоихъ жилъ и мозга, исходитъ сила, движущаяся во всемъ твоёмъ тѣлѣ: и изъ свѣта твоего исходятъ въ ту же силу разумъ, смыслъ, искусство и мудрость, на управленіе всѣмъ тѣломъ, а также и на различеніе всего того, что внѣ тѣла. И въ правленіи ума твоего оба эти исхожденія суть нѣчто единое, духъ твой: и это знаменуетъ Бога Духа Святого; и Духъ Святой, исходящій отъ Бога, господствуетъ также и въ этомъ духѣ въ тебѣ, если только ты дитя свѣта, а не тьмы.

39. Ибо этимъ свѣтомъ, разсудкомъ и управленіемъ чело-вѣкъ отличенъ отъ животныхъ, и есть ангелъ Божій, какъ я это ясно покажу, когда буду писать о сотвореніи чело-вѣка.

40. Поэтому забѣть себѣ точно, и обрати вниманіе на порядокъ этой книги; ты найдешь, чего желаетъ сердце твое, или чего всегда вожделѣть.

41. Такимъ образомъ находишь ты въ чело-вѣкѣ три родника: во-первыхъ, силу во всемъ существѣ твоёмъ, и она знаменуетъ Бога Отца; затѣмъ свѣтъ во всемъ существѣ твоёмъ, который освѣщаетъ все существо, и онъ знаменуетъ Бога Сына.

42. Затѣмъ изъ всѣхъ твоихъ силъ, а также и изъ свѣта твоего, исходитъ духъ, и онъ разуменъ: ибо всѣ жилы, вмѣстѣ со свѣтомъ въ тебѣ, а также сердце и мозгъ, и все, что ни есть

въ тебѣ, производитъ этого духа; и это душа твоя, и знаменуетъ по справедливости Духа Святого, исходящаго отъ Отца и Сына, и правящаго во всемъ Отцѣ; ибо душа челоѣка править во всемъ тѣлѣ.

43. Тѣло же или животная плоть въ челоѣкѣ знаменуетъ мертвую, поврежденную землю, которую челоѣкъ самъ привелъ въ такое состояніе своимъ паденіемъ, какъ о томъ будетъ рѣчь дальше въ своемъ мѣстѣ. [*„Душа содержитъ внутри себя первое внутреннее Начало; и духъ души—второе Начало in Ternario Sancto; и внѣшній духъ, будучи звѣзднымъ,—третье Начало міра сего“.*]

44. Такъ же находишь ты троичность Божества и въ животныхъ: ибо какъ духъ возникаетъ и происходитъ въ челоѣкѣ, такъ возникаетъ онъ и въ животномъ, и нѣтъ здѣсь различія; единственное же различіе въ томъ, что челоѣкъ созданъ изъ лучшаго ядра природы самимъ Богомъ въ подобіе Его и въ ангела Его, и Богъ господствуетъ въ челоѣкѣ Духомъ своимъ Святымъ, такъ что челоѣкъ можетъ говорить и все различать и понимать.

45. Животное же произошло изъ одной только дикой природы міра сего; звѣзды и стихіи породили животныхъ движеніемъ своимъ по волѣ Бога.

46. Такимъ же образомъ возникаетъ духъ и въ птицахъ и гадахъ, и все имѣетъ свой троякій источникъ въ подобіи троичности Божества: такъ же видишь ты троичность Божества въ деревѣ и камняхъ, равно и въ зелени, листвѣ и травѣ; только что все это земныя вещи: словомъ, природа не порождаетъ чего бы то ни было въ семь мірѣ, хотя бы ему едва только часъ одинъ предстояло пребыть или остаться, иначе какъ въ троичности или по подобію Божію.

47. Замѣть теперь: въ деревѣ, камнѣ или растеніи есть три вещи, и ничто не можетъ ни родиться, ни расти, если изъ этихъ трехъ будетъ недоставать въ немъ хотя бы одной. Во-первыхъ, сила, изъ которой происходитъ тѣло, будь то дерево или камень или растеніе; затѣмъ, сокъ, который есть сердце всякой вещи; въ-третьихъ же, кипящая сила, запахъ или вкусъ, то есть духъ вещи, отъ котораго она растетъ и прибываетъ: когда же недостаетъ одного изъ трехъ, то никакая вещь не можетъ устоять.

48. Такъ находишь ты во всѣхъ вещахъ, на что бы ни взглянулъ, подобіе троичности Божественнаго существа; пусть же никто не ослѣпляетъ себя, и не мнитъ, что это иначе, или не думаетъ, что у Бога нѣтъ ни Сына, ни Святого Духа: впоследствии, когда я буду писать о сотвореніи, я докажу это гораздо яснѣе, свѣтлѣе и чище, ибо я не заимствую моего писанія и моей книги отъ другихъ учителей. И хотя я привожу здѣсь много примѣровъ и свидѣтельствъ святыхъ Божіихъ, однако все таковое вписано мнѣ отъ Бога въ мое разумѣніе, такъ что я всему этому несомнѣнно вѣрю, все познаю и вижу; не по плоти, но по духу, въ побужденіи и движеніи Божіемъ.

49. Не надо понимать это такъ, будто мой разумъ больше, чѣмъ у всѣхъ живыхъ; но я вѣтвь Господняя, только малая и ничтожная искорка отъ Него; Онъ можетъ водворить меня, куда захочетъ, я не могу противиться Ему въ томъ. И это не есть также моя природная воля, которую я осуществляю собственными силами: ибо когда отъемлется у меня духъ, то я самъ не знаю и не понимаю своего собственного труда, и принужденъ на всѣ стороны драться и биться съ діаволомъ, и подверженъ нападенію и печали, какъ и всѣ люди. Но въ послѣдующихъ главахъ ты скоро увидишь діавола и царство его обнаженными; скоро будетъ разоблачена ему гордыня и срамота его.

О СОТВОРЕНИИ СВЯТЫХЪ АНГЕЛОВЪ.

УКАЗАНИЕ ИЛИ ОТВЕРСТЫЯ ВРАТА НЕБА.

Ученые и всѣ почти писатели приложили много заботъ, изслѣдованій, измышленій и изысканій въ природѣ, и высказали также много и различныхъ мнѣній о томъ, когда и какъ, или изъ чего сотворены святыя ангелы; а также и о томъ, чѣмъ было ужасное паденіе великаго князя Люцифера, или какимъ образомъ сталъ онъ такимъ злымъ и яростнымъ діаволомъ, откуда беретъ начало подобный злой источникъ, или что его къ тому побудило?

2. Хотя это основаніе и эта великая тайна отъ начала міра оставались скрыты, и человѣческая плоть и кровь не можетъ ни объять ни постигнуть ихъ, однако Богъ, создавшій міръ, хочетъ нынѣ въ концѣ открыться, и всѣ великія тайны станутъ явными, чтобы показать, что близокъ нынѣ великій день откровенія и конечнаго суда, и ежедневно должно ожидать его, день, когда будетъ вновь восстановлено утраченное чрезъ Адама, когда царство небесъ и царство діавола разлучатся въ семь мірѣ.

3. Все это, какъ оно есть, хочетъ Богъ открыть въ высочайшей простотѣ, чему никто не сможетъ воспротивиться; и пусть каждый возведетъ очи свои ввысь, ибо приближается искушеніе его, а не отдается постыдной жадности, гордости, развратной роскоши и блеску, и не мнитъ, что такова здѣсь наилучшая жизнь, межъ тѣмъ какъ въ своей дерзости сидитъ посреди ада и сторожитъ Люцифера, въ чемъ вскорѣ принужденъ будетъ убѣдиться съ великимъ ужасомъ, скорбью и вѣчнымъ отчаяніемъ, а также съ позоромъ и стыдомъ: какъ мы имѣемъ ужасный примѣръ того на діаволахъ, которые были

прекраснѣйшими ангелами на небѣ, какъ я вскорѣ о томъ напишу и открою. Я предоставляю дѣйствовать Богу, я не могу противиться Ему.

О БОЖЕСТВЕННОМЪ КАЧЕСТВѢ.

4. Послѣ того какъ въ третьей главѣ ты внялъ основательно о троичности въ Божественномъ существѣ, хочу я здѣсь ясно изложить теперь о силѣ и дѣйстви, равно и о качествахъ и качественіи въ Божественномъ существѣ, или изъ чего собственно сотворены ангелы, и что суть тѣло и сила ихъ?

5. Въ Богѣ Отцѣ, какъ я уже указалъ выше, содержится всякая сила, и никакой человѣкъ не можетъ постичь ее своими чувствами; однако на звѣздахъ и стихіяхъ, а также на тваряхъ во всемъ твореніи міра сего, познается это ясно.

6. Всякая сила содержится въ Богѣ Отцѣ, и отъ Него исходитъ, какъ-то: свѣтъ, зной, холодъ, мягкое, сладкое, горькое, кислое, терпкое, звукъ, и чего нельзя ни выразить, ни постичь: все это содержится въ Богѣ Отцѣ одно въ другомъ, какъ единая сила, и однако всѣ силы движутся въ исхожденіи Его. Но въ Богѣ силы качествуютъ не по тому роду и образу, какъ въ природѣ, въ звѣздахъ и стихіяхъ, или въ тваряхъ.

7. Нѣтъ, ты не долженъ такъ думать; ибо это господинъ Люциферъ въ возстаніи своемъ сдѣлалъ силы нечистой природы такими жгучими, горькими, холодными, терпкими, кислыми, мрачными и нечистыми; въ Отцѣ же всѣ силы легки, нѣжны, подобны небу, и совершенно радостны: ибо всѣ силы ликуютъ одна въ другой, и голосъ ихъ восходитъ отъ вѣчности и до вѣчности. И нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ любви, кротости, милосердія и пріязни, ликующаго, восходящаго родника радости, куда вливаются всѣ голоса небеснаго царства радости, такъ что никакой человѣкъ не можетъ ни выразить того, ни съ чѣмъ-либо сравнить. Но если захотятъ сравнить, то надо сравнивать съ душою человѣка: когда она бываетъ возжена Святымъ Духомъ, то становится такою же радостной и ликующей; всѣ силы восходятъ въ ней и ликуютъ, такъ что восхищаютъ животное тѣло, и оно трепещетъ: вотъ истинный образъ Боже-

ственного качества, какъ бываетъ качество въ Богѣ; въ Богѣ все есть духъ.

8. Качество воды въ Богѣ качествуетъ не по тому текущему роду и образу, какъ въ семь мірѣ; но оно есть духъ, совершенно свѣтлый и легкій, сила, въ которой восходитъ Духъ Святой. Горькое качество качествуетъ въ сладкомъ, терпкомъ и кисломъ, и любовь восходитъ въ немъ отъ вѣчности и до вѣчности: ибо любовь въ свѣтѣ и ясности исходитъ изъ сердца или Сына Божія во всѣ силы Отца, и Духъ Святой движется во всемъ.

9. И это въ глубинѣ Отца есть какъ бы Божественный салиттеръ, который я по нуждѣ долженъ сравнить съ землею; до поврежденія своего она была подобнымъ салиттеромъ: не такимъ, твердымъ, холоднымъ, горькимъ, кислымъ и темнымъ, какъ нынѣ, но подобнымъ глубинѣ или небу, совершенно свѣтлымъ и чистымъ, и всѣ силы въ немъ были добры, прекрасны и небесны; но князь Люциферъ повредилъ его такимъ образомъ, о чемъ рѣчь будетъ дальше.

10. Этотъ небесный салиттеръ, или совокупность силъ, порождаетъ небесные радостные плоды и цвѣта, всевозможные деревья и кустарники; на нихъ растетъ прекрасный и сладостный плодъ жизни; и въ этихъ силахъ восходятъ всевозможные цвѣты прекрасныхъ небесныхъ окрасокъ и благоуханій; вкусъ ихъ многообразенъ, каждый по своему качеству и роду, совершенно святъ, Божественъ и радостенъ: ибо каждое качество приносить свой плодъ, подобно какъ и въ семь поврежденномъ рвѣ смертномъ и темной долиинѣ земли растутъ всевозможные земные деревья, кустарники, цвѣты и плоды, а въ самой землѣ къ тому же еще драгоценные камни, серебро и золото; все это прообразъ порожденій небесныхъ.

11. Природа трудится съ высочайшимъ усердіемъ надъ поврежденной и мертвой землею, чтобы она порождала небесные образы и виды; но она рождаетъ лишь мертвые, темные и жесткіе плоды, которые не болѣе какъ прообразы небесныхъ: къ тому же они весьма яростны, горьки, кислы, терпки, жгучи, холодны, жестки и злы, и едва найдется одна искорка добрая въ нихъ. Сокъ ихъ и духъ перемѣшаны съ адскимъ качествомъ,

а запахъ ихъ—зловоніе; въ такое состояніе привелъ ихъ господинъ Люциферъ, какъ я и покажу ясно далѣе.

12. Если же я пишу о деревьяхъ, кустарникахъ и плодахъ, то ты не долженъ понимать это въ земномъ смыслѣ міра сего: ибо не такова моя мысль, будто въ небѣ растутъ мертвыя, жесткія, деревянистыя растенія, или состоящіе въ земномъ качествѣ камни; нѣтъ, но мысль моя небесна и духовна, и однако это поистинѣ и въ точности такъ; я разумѣю не иное, какъ только то, что воспроизвожу здѣсь буквами.

13. Въ небесномъ великолѣпїи должно особенно обратить взоръ на двѣ вещи: прежде всего на салиттеръ или Божественныя силы; это есть движущая, кипящая сила; въ этой силѣ вырастаетъ и рождается плодъ, сообразно каждому качеству и роду, какъ-то: небесныя деревья и кустарники, непрерывно приносящіе плоды свои, цвѣтущіе прекрасно и растущіе въ Божественной силѣ такъ радостно, что я не могу ни выразить того, ни описать; но я лишь лепечу о томъ, какъ дитя, которое учится говорить, и никакъ не могу правильно назвать, въ согласїи съ тѣмъ, какое даетъ о томъ познаніе духъ.

14. Другой образъ неба въ Божественномъ великолѣпїи есть меркурій или звукъ: подобно какъ и въ салиттерѣ земли есть звукъ; отъ него растетъ золото, серебро, мѣдь, желѣзо и подобное имъ, изъ чего можно дѣлать всякія орудія для звука или для радости, какъ то: колокола, трубы, и все что звучитъ: этотъ звукъ есть также и во всѣхъ тваряхъ земли, иначе все было бы безмолвно.

15. Теперь, тотъ же самый звукъ на небѣ приводитъ въ движеніе всѣ силы, такъ что все радостно растетъ и рождается въ изяществѣ: и какъ многочисленны и различны Божественныя силы, такъ многочисленъ и различенъ и звукъ или меркурій. Когда же силы въ Богѣ восходятъ, то одна побуждаетъ другую, и онѣ движутся одна въ другой, и бываетъ непрестанное смѣшеніе: тогда возникаютъ въ нихъ всевозможныя цвѣта, а въ этихъ цвѣтахъ вырастаютъ всякіе плоды; все это восходитъ въ салиттерѣ, а меркурій или звукъ примѣшивается также, и восходитъ во всѣхъ силахъ Отца; и тогда звучаніе и звонъ раздаются въ небесномъ царствѣ радости. Если бы ты собралъ

въ мірѣ семь много тысячъ различныхъ музыкальныхъ орудій и лютней, и самымъ искуснымъ образомъ настроилъ ихъ между собой, и созвалъ бы для игры на нихъ искуснѣйшихъ мастеровъ, то это было бы все же лишь какъ собачій лай въ сравненіи съ Божественнымъ звукомъ и съ музыкой, восходящей чрезъ Божественный звукъ отъ вѣчности и до вѣчности.

16. Если же ты хочешь разсмотрѣть небесное Божественное великолѣпіе и славу, каковы они, и какія тамъ произрастанія, наслажденія или радость, то взирай прилежно на міръ сей, какіе плоды и произрастанія возникаютъ изъ салиттера земли, какіе деревья, кустарники, коренья, цвѣты, масла, вина, хлѣбъ: и все, что ни есть, и что только можетъ испытать твое сердце, все это прообразъ небеснаго великолѣпія.

17. Ибо земная и поврежденная природа отъ начала своего сотворенія и до сего дня непрестанно трудилась надъ тѣмъ, чтобы мочь произвести небесные образы, какъ въ землѣ, такъ и въ людяхъ и звѣряхъ: это хорошо можно видѣть по тому, какъ всякій годъ возникаютъ новыя художества; такъ длилось отъ начала и до сего дня, но она не возмогла произвести Божественной силы и качества; потому плодъ ея полумертвъ, поврежденъ и нечистъ.

18. Не долженъ ты думать, что въ Божественной славѣ звѣри, гады или твари происходятъ во плоти, какъ въ семь мірѣ; нѣтъ, но я разумѣю только дивную соразмѣрность, силу и изящество въ нихъ. Природа трудится съ высочайшимъ прилежаніемъ надъ тѣмъ, чтобы возмочь произвести въ силѣ своей небесные образы или формы, какъ это видно на людяхъ, звѣряхъ, птицахъ и гадахъ, а равно и на произрастаніяхъ земли, и чтобы имѣло все художественнѣйшій образъ бытія; ибо природа рада была бы избавиться отъ тщеты, чтобы мочь породить въ святой силѣ небесные образы.

19. Ибо въ Божественной славѣ возникаютъ равнымъ образомъ всякія произрастанія, деревья и кусты, и всякіе плоды, и каждое приноситъ плодъ свой, однако не по земному качеству и роду, а по качеству, образу и роду Божественному.

20. Плоды тѣ не суть мертвая, жесткая, горькая, кислая и терпкая падалъ, которая сгниваетъ и становится смрадомъ, какъ въ семь мірѣ; но все пребываетъ въ святой, Божественной силѣ,

составъ ихъ изъ Божественной силы, изъ салиттера и меркурія Божественной славы, пища святыхъ ангеловъ.

21. Если бы человекъ не повредилъ ихъ своимъ мерзкимъ паденіемъ, онъ и въ семь мірѣ пировалъ бы подобнымъ же образомъ, и вкушалъ бы отъ такихъ же плодовъ, какіе были предложены ему двоякаго рода въ раю: но отравленная похоть и вожделѣніе діавола, отравившаго и повредившаго салиттеръ, изъ котораго былъ созданъ Адамъ, ввергли человека въ злую похоть вкусить отъ обоихъ качествъ, злого и добраго, какъ я дальше напишу о томъ ясно, а также и докажу.

О СОТВОРЕНІИ АНГЕЛОВЪ.

22. Духъ наставляетъ и указываетъ ясно и явно, что прежде сотворенія ангеловъ Божественное существо, съ его восхожденіемъ и качественіемъ, было отъ вѣчности, и въ сотвореніи ангеловъ пребыло, какъ оно есть еще и понынѣ, и пребудетъ такъ въ вѣчность.

23. Locus или мѣсто и пространство сего міра, вмѣстѣ съ тварнымъ небомъ, которое мы видимъ нашими глазами, а равно и мѣсто земли и звѣздъ, вмѣстѣ съ глубиною, имѣло тотъ же образъ, какъ оно пребываетъ еще и понынѣ надъ небесами въ Божественной славѣ.

24. Въ сотвореніи же ангеловъ оно стало царствомъ великаго князя Люцифера. [*„Разумѣй, согласно второму Началу, изъ котораго онъ былъ извергнутъ въ самое внѣшнее, оно же и самое внутреннее“.*] Гордымъ возстаніемъ своимъ онъ воспламенилъ въ своемъ царствѣ и сдѣлалъ жгучими качества или Божественный салиттеръ, изъ котораго былъ созданъ. [*„Разумѣй, средоточіе своей природы или первое Начало“.*]

25. Онъ мнилъ, что станетъ чрезъ то пресвѣтлымъ, и будетъ качественъ превыше Сына Божія; но онъ обманулся: ибо мѣсто это въ жгучемъ качествѣ своемъ не могло устоять въ Богѣ; за этимъ и послѣдовало сотвореніе сего міра. Но въ концѣ опредѣленнаго въ Богѣ срока сей міръ будетъ вновь водворенъ въ свое первое мѣсто, какъ то было прежде сотворенія ангеловъ; и господинъ Люциферъ получитъ въ немъ

въ вѣчное обитаніе себѣ вертепъ, ровъ или яму: это будетъ вѣчнымъ жилищемъ позора, пустынной и темной долиной, вертепомъ ярости.

26. Замѣть теперь: Богъ въ движеніи своемъ сотворилъ святыхъ ангеловъ всѣхъ сразу, не изъ чуждаго вещества, но изъ себя самого, изъ своей силы и вѣчной премудрости. Философы высказывали мнѣніе, будто Богъ создалъ ангеловъ изъ одного только свѣта: но они заблуждались, ангелы созданы не изъ одного только свѣта, но изъ всѣхъ силъ Божіихъ.

27. Какъ я указалъ выше, въ глубинѣ Бога Отца должно различать двѣ вещи: прежде всего, силу или всѣ силы Бога Отца, Сына и Святого Духа; онѣ пріятны, блаженны и многообразны, и однако всѣ вмѣстѣ, одна въ другой, какъ единая сила.

28. Подобно какъ въ воздухѣ править сила всѣхъ звѣздъ, такъ и онѣ въ Богѣ: но въ Богѣ каждая сила проявляетъ себя въ дѣйствіи своемъ особо. Затѣмъ, въ каждой силѣ есть звукъ, и онъ звучитъ сообразно качеству каждой силы, и въ томъ состоитъ все небесное царство радости: изъ этого Божественнаго салиттера и меркурія были созданы всѣ ангелы, разумѣй, изъ тѣла природы.

29. Но ты теперь спросишь пожалуй: какъ же созданы они или рождены, или что это за образъ? Да, если бы у меня былъ ангельскій языкъ, а у тебя ангельскій разумъ, то мы съ тобою отлично поговорили бы объ этомъ; а такъ только духъ видитъ это, языкъ же не можетъ подъять, ибо я не знаю никакихъ иныхъ словъ, кромѣ только словъ міра сего; однако, если въ тебѣ есть Духъ Святой, то душа твоя ясно пойметъ это.

30. Вотъ смотри: вся Святая Троица движеніемъ своимъ сложила изъ самой себя тѣло или образъ, подобный малому Богу, но не со столь могущественнымъ исхожденіемъ, какъ у всей Троицы, а сообразно нѣкоторой мѣрѣ, по величинѣ тварей.

31. Въ Богѣ нѣтъ ни начала, ни конца; ангелы же имѣютъ и начало и конецъ, которые однако нельзя ни измѣрить, ни постичь, ибо ангель можетъ иногда быть великъ и вскорѣ же малъ; скорая переменна ихъ столь же быстра, какъ мысль лю-

дей; въ ангелѣ всѣ качества и силы суть какъ во всемъ Божествѣ.

32. Но ты долженъ разумѣть это правильно: они созданы и сложены въ образъ изъ салиттера и меркурія, то есть изъ исхожденія. Вотъ тебѣ подобіе: изъ солнца и звѣздъ исходятъ стихіи, и въ салиттерѣ земли онѣ образуютъ живого духа, и звѣзды остаются на своей окружности, а духъ все же получаетъ качество звѣздъ.

33. Духъ же этотъ, послѣ составленія своего, становится особымъ существомъ, и имѣетъ образъ бытія какъ всѣ звѣзды; и звѣзды суть также и остаются каждая особо, и каждая свободной сама по себѣ. Однако качество звѣздъ тѣмъ не менѣе господствуетъ въ духѣ, но духъ можетъ и воленъ подниматься и опускаться въ своихъ качествахъ, или жить во вліяніяхъ звѣздъ, какъ захочетъ, будучи свободенъ; ибо качества свои, какія онѣ имѣетъ въ себѣ, получилъ онѣ въ собственность.

34. И хотя первоначально онѣ имѣетъ ихъ отъ звѣздъ, однако нынѣ они суть все же его; подобно матери, когда она имѣетъ въ себѣ сѣмя: посколькѣ оно есть сѣмя, и находится въ матери, оно принадлежитъ ей; но когда изъ него разовьется дитя, оно уже болѣе собственность не матери, но дитяти. И хотя дитя находится въ дому матери, и мать питаетъ его отъ своей пищи, и дитя не могло бы жить безъ матери, все же тѣло и духъ, порожденные изъ сѣмени матери, суть его собственность, и дитя сохраняетъ за собою свое тѣлесное право.

35. Такъ бываетъ и съ ангелами: всѣ они образованы были изъ Божественнаго сѣмени, но имѣютъ нынѣ каждый для себя свое тѣло, и хотя они находятся въ дому Божіемъ, и вкушаютъ отъ плода своей матери, изъ которой произошли, все же тѣло ихъ составляетъ нынѣ ихъ собственность.

36. Но качество внѣ ихъ или внѣ ихъ тѣла, какъ мать ихъ, не есть ихъ собственность: подобно какъ и мать не есть собственность дитяти, и пища матери также не есть его собственность, но мать даетъ ее ему изъ любви, потому что она породила дитя.

37. И она можетъ также выгнать дитя изъ дома, если оно

не хочет повиноваться ей, и может отнять у него свою пищу, что и случилось съ княжествомъ Люцифера.

38. Такъ и Богъ можетъ отнять свою Божественную силу, которая внѣ ангеловъ, если они возстанутъ на Него: но когда это бываетъ, духъ долженъ зачахнуть и погибнуть, подобно какъ человѣкъ долженъ умереть, когда у него отнимутъ воздухъ, который также есть мать его; такъ и ангелы не могутъ жить внѣ своей матери.

О ТѢЛЕСНОМЪ СОСТАВѢ, СУЩЕСТВѢ И СОБСТВЕННОСТИ АНГЕЛА.

Здѣсь возникаетъ теперь вопросъ: какое же тѣло, какой видъ или образъ имѣетъ ангелъ, или каковъ его обликъ? Какъ человѣкъ сотворенъ въ образъ и подобіе Бога, такъ равно и ангелы; ибо они братья людей: и люди въ воскресеніи будутъ имѣть не иной видъ и образъ, нежели ангелы, какъ о томъ свидѣтельствуется самъ царь нашъ, Христосъ (Матѣ. 22, 30). Также и ангелы никогда не являлись людямъ здѣсь на землѣ въ иномъ образѣ, нежели въ образѣ людей.

2. Но такъ какъ въ воскресеніи мы должны быть подобны ангеламъ, то и ангелы должны имѣть тотъ же обликъ, что и мы; иначе въ воскресеніи намъ предстояло бы принять на себя иной образъ, а это противорѣчило бы первому сотворенію.

3. Также и Моисей и Илія явились ученикамъ Христовымъ на горѣ Фаворѣ въ своемъ видѣ и образѣ (Матѣ. 17), однако они давно уже были на небѣ; и Илія былъ взятъ на небо съ живымъ тѣломъ, и однако не имѣлъ иного образа, нежели какой у него былъ на землѣ (4 Царствъ 2, 11). Также когда Христосъ возносился на небо, то два ангела парили въ облакахъ, и сказали ученикамъ: Мужи Израильскіе, что вы смотрите вверхъ? Сей Іисусъ пріидетъ снова такимъ же образомъ, какъ вы видѣли Его восходящимъ на небо (Дѣян. 1, 11). Вѣдь это же явно и ясно, что Онъ снова вернется въ Послѣдній день въ томъ же образѣ, съ Божественнымъ и прославленнымъ тѣломъ, подобно князю святыхъ ангеловъ, каковыми будутъ люди.

4. Также показываетъ духъ явно и ясно, что образъ ангеловъ и людей одинъ и тотъ же: ибо взамѣнъ легионовъ свергну-

таго Люцифера, Богъ создалъ иного ангела, изъ того же мѣста, изъ котораго былъ созданъ и гдѣ възсѣдалъ Люциферъ; то былъ Адамъ, если бы только онъ остался въ своей ясности: но у насъ есть еще вѣрная надежда воскресенія, когда мы снова получимъ ангельскую ясность и чистоту.

5. Ты спросишь теперь: какъ же сотворены ангелы по образу Божію? Отвѣтъ: во-первыхъ, составленное воедино и сложенное въ образъ тѣло ихъ; оно нераздѣльно, а также неразруσιμο и неосязаемо для рукъ человѣческихъ; ибо оно сплочено изъ Божественныхъ силъ, а эти силы такъ связаны между собою, что не могутъ быть разрушены во-вѣки. Какъ не можетъ никто или ничто разрушить все Божество, такъ не можетъ ничто разрушить и ангела; ибо каждый ангелъ составленъ воедино и сложенъ въ образъ изъ всѣхъ силъ Божіихъ, не плотью и кровью, но Божественною силою.

6. Итакъ, прежде всего тѣло, составленное изъ всѣхъ силъ Отца, и въ этихъ силахъ свѣтъ Бога Сына; теперь, силы Отца и Сына, которыя въ ангелѣ содержатся тварно, порождаютъ восходящаго въ ангелѣ разумнаго духа.

7. Первоначально силы Отца порождаютъ нѣкій свѣтъ, чрезъ который ангелъ видитъ во всемъ Отцѣ, и можетъ видѣть внѣшнюю, силу и дѣйствіе Божіе, которыя внѣ тѣла его, и созерцать своихъ собратій, а также видѣть и вкушать славные плоды Божіи; и въ немъ его радость.

8. И этотъ свѣтъ вошелъ первоначально тварнымъ образомъ въ ангельское тѣло, изъ Сына Божія въ силахъ Отца, и онъ есть собственность тѣла, которая ничѣмъ не можетъ быть отнята у тѣла, развѣ только ангелъ самъ погаситъ его, какъ то сдѣлалъ Люциферъ.

9. Теперь, вся сила, какая есть во всемъ ангелѣ, порождаетъ этотъ свѣтъ: какъ Богъ Отецъ порождаетъ Сына своего, чтобы Онъ былъ сердцемъ Его, такъ и сила ангела порождаетъ въ себѣ сына и сердце свое; и оно въ свой чередъ освѣщаетъ всѣ силы во всемъ ангелѣ. Затѣмъ, изъ всѣхъ силъ ангела, также и изъ свѣта его, исходитъ родникъ, и изливается во всемъ ангелѣ: это духъ его, и онъ, восходитъ во всю вѣчность; ибо

въ этомъ духъ все познаніе и вѣдѣніе всѣхъ силъ и родовъ, какіе суть во всемъ Богъ.

10. Ибо этотъ духъ изливается изъ всѣхъ силъ ангела, и восходитъ въ умъ, гдѣ у него пять отверстыхъ вратъ, и тамъ онъ можетъ оглядѣться на все, что есть въ Богъ, и что есть также и въ немъ. Исходитъ же онъ изъ всѣхъ силъ ангела, а также и изъ свѣта ангела, подобно какъ Духъ Святой отъ Отца и Сына, и наполняетъ все тѣло.

11. Теперь замѣть великую тайну: подобно какъ въ Богъ должно отмѣтить двѣ вещи, изъ которыхъ первая есть салиттеръ или Божественныя силы, откуда происходитъ тѣло, а другая—меркурій, звукъ или звонъ, такъ бываетъ это равнымъ образомъ и въ ангелѣ.

12. Прежде всего есть сила, и въ силѣ звукъ, который въ духъ восходитъ въ голову, въ умъ, подобно какъ въ чловѣкѣ—въ мозгъ, и въ умѣ онъ имѣетъ свои отверстыя врата, а въ сердцѣ свой престолъ и свое начало, откуда онъ изливается изъ всѣхъ силъ. Ибо родникъ всѣхъ силъ изливается въ сердцѣ, какъ и у чловѣка; и въ головѣ онъ имѣетъ свой княжескій престолъ, откуда онъ видитъ все, что внѣ его, и слышитъ все, и вкушаетъ все, и обоняетъ все, и осязаетъ все.

13. И теперь, когда онъ видитъ и слышитъ, какъ восходитъ Божественный звукъ и звонъ, который внѣ его, то заражается духъ его, и загорается радостью, и поднимается на своемъ княжескомъ престолѣ, и звенить и поетъ весьма радостныя слова о святости Бога, и о плодѣ и произрастаніи вѣчной жизни, объ изяществѣ и о цвѣтахъ вѣчной радости, и о блаженномъ зрѣніи Бога Отца, Сына и Святого Духа; также о достохвальномъ братствѣ и содружествѣ ангеловъ, о царствѣ радости, пребывающемъ вѣчно, о святости Бога, объ ихъ княжескомъ правленіи; словомъ, о всѣхъ силахъ, и отъ всѣхъ своихъ силъ; чего я, ради печали поврежденности моей во плоти, не могу описать. и гораздо охотнѣе присутствовалъ бы самъ при этомъ.

14. Но чего я не могу описать здѣсь, о томъ да будетъ заповѣдано душѣ твоей помыслить; въ день воскресенія ты увидишь все то ясно и явно: ты не смѣешь насмѣхаться здѣсь

надъ моимъ духомъ, онъ не отъ дикаго звѣря произошелъ, но рожденъ изъ силы моей, и просвѣщенъ Святымъ Духомъ.

15. Я пишу здѣсь не безъ познанія. Если же ты, какъ эпикуреецъ и откормленная свинья діаволова, по діавольскому наущенію захочешь насмѣхаться надъ этими вещами, и скажешь: глупецъ не восходилъ на небо, и ничего не видѣлъ и не слышалъ, все это басни; то по праву и силѣ познанія моего да будешь ты мною отосланъ и вызванъ на строгій судъ Божій.

16. И хотя въ тѣлѣ моемъ я слишкомъ немощенъ, чтобы доставить тебя туда; однако Тотъ, отъ кого я получилъ мое познаніе, достаточно могущественъ, чтобы ввергнуть тебя даже въ бездну ада.

17. Поэтому остерегись и помысли, что и ты также принадлежишь къ ангельскимъ ликамъ; и прочти съ охотою послѣдующую пѣсенку; тогда Духъ Святой пробужденъ будетъ въ тебѣ, и ты также получишь желаніе и охоту къ небеснымъ хороводамъ, аминь.

18. Скрипачъ уже натянулъ свои струны, женихъ грядетъ: смотри, чтобы не имѣть тебѣ адской подагры въ ногахъ, когда начнется хороводъ, и не стать негоднымъ къ ангельской пляскѣ, и чтобы не выгнали тебя со свадьбы наружу за то, что нѣтъ на тебѣ ангельской одежды. Поистинѣ заперта будетъ за тобою дверь, и ты больше не войдешь внутрь; но будешь плясать въ адскомъ огнѣ вмѣстѣ съ адскими волками: тогда пройдетъ у тебя охота насмѣхаться, и раскаяніе будетъ грызть тебя.

О КАЧЕСТВОВАНИИ АНГЕЛА.

19. Теперь спросятъ: какое же у ангела качественіе? Отвѣтъ: святая душа человѣка и духъ ангела имѣютъ единую сущность и существо, и нѣтъ никакого различія въ нихъ, кромѣ самого только качества ихъ тѣлеснаго правленія: это качество дѣйствуетъ на человѣка снаружи, чрезъ воздухъ, обладающій поврежденнымъ, земнымъ качествомъ; хотя онъ обладаетъ также и Божественнымъ, небеснымъ качествомъ, скрытымъ отъ тварей, но хорошо вѣдомымъ. святой душѣ, по слову царствен-

наго пророка Давида: Господь шествуетъ на крыльяхъ вѣтра (Пс. 103, 3). Въ ангелѣ же Божественное качество качественно совсѣмъ свято, Божественно и чисто.

20. Но какой -нибудь простецъ, быть можетъ, спросить: что ты разумѣешь подѣ качествомъ? или что это значитъ? Я разумѣю подѣ нимъ силу, входящую снаружи въ тѣло ангела, и вновь выходящую изъ него, наподобіе того, какъ когда человекъ вбираетъ въ себя дыханіе, и вновь выпускаетъ его изъ себя; ибо въ томъ состоитъ жизнь тѣла, какъ и духа.

21. Качество наружное зажигаетъ духъ въ сердцѣ, въ первомъ родникѣ, отчего всѣ силы во всемъ тѣлѣ приходятъ въ движеніе: тогда это качество поднимается въ тѣлесномъ духѣ, онъ же природный духъ ангела или человека, въ голову, гдѣ онъ имѣетъ свой княжескій престолъ и правленіе, и гдѣ имѣетъ своихъ совѣтниковъ, съ которыми онъ сообразуется въ своихъ поступкахъ.

22. На первомъ мѣстѣ или первый совѣтникъ его—глаза; они заражаются всѣми вещами, на какія только взглянуть, ибо они суть свѣтъ. Подобно какъ свѣтъ исходитъ изъ Сына Божія во всего Отца, во всѣ силы Его, и заражаютъ всѣ силы Отца; и въ свой чередъ всѣ силы Отца заражаютъ свѣтъ Сына Божія, отчего и происходитъ Духъ Святой;

23. Такъ дѣйствуютъ и глаза въ вещи, на которую они смотрятъ, и вещь въ свой чередъ дѣйствуетъ въ глазахъ, и совѣтникъ глазъ доставляетъ ее въ голову предѣ княжескій престолъ, гдѣ она испытывается. Если она понравится духу, онъ доставляетъ ее сердцу, а сердце передаетъ ее силовымъ путямъ или проводящимъ жиламъ во всемъ тѣлѣ; тогда завладеваютъ ею ротъ, руки и ноги.

24. Другой совѣтникъ суть уши; они также имѣютъ восхожденіе свое изъ всѣхъ силъ во всемъ тѣлѣ чрезъ посредство духа; ихъ родникъ—меркурій или звукъ, восходящій изъ всѣхъ силъ. Подобно какъ во всѣхъ силахъ Божіихъ восходитъ и звучитъ меркурій (въ которомъ небесный звукъ или радость; и звукъ исходитъ изъ всѣхъ силъ, и поднимается въ составѣ Духа въ Богъ, когда одна сила побуждаетъ другую, и звучитъ или звенить: тогда исходитъ звукъ или звонъ, и восходитъ

снова во всѣ силы Отца, и всѣ силы Отца снова заражаются имъ; отчего онѣ всегда бываютъ чреваты звукомъ, и непрестанно рождаютъ его вновь во всякой силѣ);

25. Такъ и другой совѣтникъ въ головѣ, уши: они бываютъ отверсты, и звукъ исходитъ чрезъ нихъ во все, что звучитъ; гдѣ только меркурій звучитъ и восходитъ, туда вступаетъ также и меркурій духа, и заражается тою вещью, и приноситъ ее предъ княжескій престолъ въ головѣ, на испытаніе четырехъ прочихъ совѣтниковъ.

26. И если она нравится духу, онъ доставляетъ ее въ сердце, предъ мать свою, и сердце или родникъ сердца передаетъ ее всякой силѣ во всемъ тѣлѣ; тогда завладѣваютъ ею ротъ и руки. Если же по испытаніи она не понравится всему княжескому совѣту въ головѣ, то онъ снова отпускаетъ ее отъ себя, и не доставляетъ своей матери, въ сердце.

27. Третій княжескій совѣтникъ есть носъ: родникъ восходитъ изъ тѣла въ духъ въ носъ, гдѣ имѣетъ двое отверстыхъ вратъ. Подобно какъ изъ всѣхъ силъ Отца и Сына исходитъ пріятное и сладостное благоуханіе, и умѣряется всѣми силами Святого Духа, отчего изъ родника Святого Духа поднимается святой и драгоценный запахъ, и движется во всѣхъ силахъ Отца, и зажигаетъ всѣ силы Отца, и онѣ вновь становятся чреваты сладостнымъ благоуханіемъ, и рождаютъ его въ Сынѣ и Духѣ Святомъ;

28. Такъ и въ ангелѣ и въ человѣкѣ восходитъ сила обонянія, изъ всѣхъ силъ тѣла, чрезъ посредство духа, и выходитъ наружу къ носу, и заражается всѣми запахами, и приноситъ запахъ чрезъ носъ третьему совѣтнику, въ голову, предъ княжескій престолъ. Тамъ онъ испытывается, хорошій ли то запахъ, пріемлемый ли для даннаго сложенія, или нѣтъ? Если онъ хорошъ, духъ приноситъ его своей матери, чтобы онъ пошелъ въ дѣло; если же нѣтъ, то онъ отвергается. И этотъ совѣтникъ обонянія, рождающійся изъ салиттера, онъ смѣшанъ также и съ меркуріемъ, и принадлежитъ къ небесному царству радости, и составляетъ въ Богѣ славный, сладостный и прекрасный родникъ.

29. Четвертый княжескій. совѣтникъ есть вкусъ на языкѣ;

онъ также поднимается, чрезъ посредство духа, изъ всѣхъ силъ тѣла въ языкъ; ибо всѣ проводящія жилы цѣлаго тѣла идутъ въ языкъ, и языкъ есть острота или вкусъ всѣхъ силъ.

30. Подобно какъ Духъ Святой исходитъ отъ Отца и Сына, и есть острота или испытаніе всѣхъ силъ, и возвращаетъ въ своемъ движеніи или въ своемъ восхожденіи все, что добро. вновь во всѣ силы Отца, отчего силы Отца становятся вновь чреваты, и непрестанно порождаютъ вкусъ; а что не добро, то Духъ Святой выплевываетъ, какъ отвращеніе, согласно написанному въ Откровеніи Іоанна (3, 16); такъ выплюнулъ Онъ и великаго князя Люцифера въ его гордыни и поврежденіи, (ибо не могъ болѣе вкушать его огненное, надменное и смрадное качество); такъ бываетъ и со всѣми надменными смрадными людьми.

31. О человѣкъ! да будетъ тебѣ это сказано: ибо духъ строго ревнуетъ въ этомъ видѣ; покинь высокомеріе, или будетъ съ тобою, какъ съ діаволами, это не шутка; время весьма кратко, скоро ты отвѣдаешь его, адскаго огня.

32. Итакъ, подобно Духу Святому, испытующему все, испытуетъ и языкъ всякій вкусъ; и если онъ нравится духу, то духъ приноситъ его въ голову, предъ четырехъ прочихъ совѣтниковъ, предъ княжескій престолъ, и онъ здѣсь испытуется, полезень ли онъ также и качествамъ тѣла? И если онъ хорошъ, то доставляется въ мать сердца, и она передаетъ его всѣмъ жиламъ или силамъ тѣла; тогда завладѣваютъ имъ ротъ и руки. Если же нехорошъ, то языкъ выплевываетъ его, прежде чѣмъ онъ достигнетъ на княжескій совѣтъ; когда же бываетъ такъ, что онъ угоденъ и пріятенъ языку, тѣлу же всему служить не на пользу, то, явившись на совѣтъ, онъ все же бываетъ отвергнутъ, и языкъ долженъ выплюнуть его и болѣе не прикасаться.

33. Пятый княжескій совѣтникъ есть осязаніе: пятый совѣтникъ также восходитъ изъ всѣхъ силъ тѣла въ духъ, въ голову. Ибо подобно какъ изъ Бога Отца и Сына всѣ силы исходятъ въ Святого Духа, и одна побуждаетъ другую, отчего возникаетъ звукъ или меркурій, такъ что всѣ силы звучатъ и движутся; иначе, если бы одна не побуждала другой, то ничто

бы и не приходило въ движеніе; и побужденіе дѣлаетъ Святого Духа подвижнымъ, такъ что Онъ восходитъ во всѣхъ силахъ и побуждаетъ всѣ силы Отца, и это даетъ начало въ нихъ небесному Царству радости или ликованію, а также звучанію, звону, рожденію, цвѣтенію и росту; все это имѣетъ восхожденіе свое отъ того, что одна сила побуждаетъ другую. Ибо Христосъ говоритъ въ Евангеліи: Я дѣлаю, и Отецъ мой дѣлаетъ также (Іоанн. 5, 17). Именно то побужденіе и дѣйствіе разумѣетъ Онъ, что всякая сила исходитъ отъ Него и порождаетъ Духа Святого, а въ Духѣ Святомъ всѣ силы уже въ движеніи отъ исхожденія Отца: потому движется Духъ Святой, и восходитъ отъ вѣчности и до вѣчности, и снова зажигаетъ всѣ силы Отца, и дѣлаетъ ихъ подвижными, такъ что онѣ непрестанно чреваты.

34. По такому же именно образу происходитъ это и въ ангелахъ и людяхъ: ибо всѣ силы въ тѣлѣ восходятъ, и побуждаютъ одна другую, иначе ни ангелъ ни человекъ ничего бы не чувствовалъ. Когда же одинъ какой-нибудь членъ бываетъ слишкомъ сильно подвигнутъ, то онъ взываетъ о помощи ко всему тѣлу, и все тѣло приходитъ въ возбужденіе, наподобіе великаго смятенія, или какъ если бы налицо былъ врагъ, и спѣшить на помощь этому члену, и избавляетъ его отъ страданія: какъ ты можешь видѣть это, когда сильно ушибешь себѣ палецъ, придавишь его или поранишь, или случится что бы то ни было съ какимъ-нибудь твоимъ членомъ: и вотъ духъ, который на этомъ мѣстѣ, немедленно бѣжитъ къ матери сердцу, и жалуется матери: и если боль сколько-нибудь значительна, то мать пробуждаетъ всѣ члены цѣлаго тѣла, и все должно спѣшить на помощь этому члену.

35. Теперь замѣть: такъ одна сила непрерывно побуждаетъ другую въ цѣломъ тѣлѣ, и всѣ силы восходятъ въ голову предъ княжескій совѣтъ, который испытуетъ побужденіе всѣхъ силъ. Если какой-нибудь членъ побуждается слишкомъ сильно, и причиняетъ вредъ тому или другому изъ княжескихъ совѣтниковъ, какъ-то: пожелаетъ чрезъ зрѣніе любить то, что ему не подобаетъ (какъ поступилъ господинъ Люциферъ: онъ увидалъ Сына Божія, и ему полюбился высокій свѣтъ, и онъ подвигся или по-

будился слишкомъ сильно, въ желаніи стать равнымъ Ему или даже еще прекраснѣе и выше Его), то совѣтники удаляютъ прочь такое побужденіе.

36. Или если бы онъ захотѣлъ слишкомъ сильно побудиться и подвигнуться чрезъ слухъ, и охотно желалъ бы слышать ложныя рѣчи или вещи, и доставлять ихъ сердцу, то и такое совѣтники удаляютъ прочь.

37. Или если бы онъ пожелалъ чрезъ обоняніе допустить въ себѣ похоть къ тому, что не его (какъ и поступилъ господинъ Люциферъ: онъ допустилъ въ себѣ похоть къ святому благоуханію Сына Божія, и возмнилъ, что въ своемъ возстаніи и воспламенѣніи будетъ благоухать еще гораздо сладостнѣе: какъ онъ затѣмъ обманулъ такимъ же образомъ и мать Еву, сказавъ, что если она вкуситъ отъ запрещеннаго дерева, то станетъ умна и подобна Богу—Быт. 3, 5), то и такое побужденіе совѣтники также удаляютъ прочь.

38. Или если бы онъ пожелалъ чрезъ вкусъ допустить въ себѣ похоть и вкусить того, что не принадлежитъ ему, или не одного съ тѣломъ качества (какъ мать Ева въ раю допустила въ себѣ похоть къ нечистымъ діавольскимъ яблокамъ, и вкусила отъ нихъ), то такое побужденіе въ похоти совѣтники также удаляютъ прочь.

39. Словомъ, для того ихъ пятеро въ княжескомъ совѣтѣ, чтобы одинъ могъ подавать совѣтъ другому; и каждый изъ нихъ особаго качества; и сложный духъ, рождающійся изъ всѣхъ силъ, онъ есть царь или князь ихъ, и возсѣдаетъ въ головѣ, въ мозгу человѣка; въ ангелѣ же возсѣдаетъ также въ головѣ, въ силѣ, которая вмѣсто мозга, на своемъ княжескомъ престолѣ, и выполняетъ то, что бываетъ постановлено всѣмъ княжескимъ совѣтомъ.

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ АНГЕЛЪ И ЧЕЛОВѢКЪ СУТЬ ПО-
ДОБИЕ И ОБРАЗЪ БОГА.

Вотъ смотри: каково существо въ Богѣ, таково оно и въ людяхъ и ангелахъ; и каково Божественное тѣло, таково и тѣло ангельское и человѣческое. Однако съ тѣмъ различіемъ, что ангелъ и человѣкъ есть тварь, а не цѣлое существо, но лишь сынъ цѣлаго существа, котораго оно породило: потому онъ справедливо подчиненъ цѣлому существу, ибо онъ сынъ его тѣла. И когда сынъ противится отцу, то вполне правильно, если отецъ выгнать его изъ своего дома, ибо онъ противится тому, кто его породилъ, и чьею силою онъ сталъ тварью. Ибо когда кто дѣлаетъ что-либо изъ своей собственности, и дѣло не удаётся ему сообразно его волѣ, то онъ можетъ распорядиться съ нимъ, какъ захочетъ, сдѣлать изъ него сосудъ въ честь или безчестіе, какъ и произошло съ Люциферомъ.

2. Теперь замѣть: вся Божественная сила Отца изрекаетъ изъ всѣхъ качествъ слово, то есть Сына Божія: теперь, этотъ самый звукъ, или это самое слово, изрекаемое Отцомъ, исходитъ изъ салиттера или силъ Отца, и изъ меркурія—звука или звона Отца. И Отецъ изрекаетъ его въ себѣ самомъ, и это слово и есть сіяніе изъ всѣхъ Его силъ; когда же оно изречено, то уже не таится болѣе въ силахъ Отца, но звучитъ и звенитъ вновь во всѣ силы въ цѣломъ Отцѣ.

3. Теперь, это самое слово, изрекаемое Отцомъ, обладаетъ такою остротою, что звукъ слова съ мгновенной быстротою проникаетъ чрезъ всю глубину Отца; и эта самая острота есть

Духъ Святой. Ибо это слово, которое было изречено, оно остается какъ сіяніе или какъ славный указъ предъ царемъ; звукъ же, исходящій чрезъ слово, онъ выполняетъ указъ Отца, произнесенный чрезъ посредство слова: и это есть рожденіе Святой Троицы.

4. Теперь смотри: таково же устройство и ангела и чело-вѣка: сила въ цѣломъ тѣлѣ обладаетъ всѣми качествами, подобно какъ въ Богъ Отцѣ.

5. И какъ въ Богѣ Отцѣ всѣ силы восходятъ отъ вѣчности и до вѣчности, такъ восходятъ въ голову всѣ силы и въ ангелѣ и въ чело-вѣкѣ: ибо выше онѣ не могутъ подняться, такъ какъ онъ только тварь, имѣющая начало и конецъ; и въ головѣ помѣщается Божественное судилище, и знаменуетъ Бога Отца; а пять чувствъ или качествъ суть совѣтники, и они получаютъ свои вліянія изъ цѣлаго тѣла изъ всѣхъ силъ.

6. Теперь, пять чувствъ непрестанно держать совѣтъ, по полномочію цѣлаго тѣла, и когда рѣшеніе принято, то составленный изъ нихъ судія изрекаетъ его, какъ слово, въ свое средоточіе, или въ средину тѣла, въ сердце: ибо сердце есть родникъ всѣхъ силъ, откуда онѣ и берутъ свое восхожденіе.

7. И вотъ въ сердцѣ пребываетъ тогда какъ бы составлен-ное воедино изъ всѣхъ силъ самосущее лицо, и это есть слово, и оно знаменуетъ Бога Сына: и изъ сердца оно исходитъ въ ротъ на языкъ, который есть острота, и заостряетъ слово, такъ что оно звучитъ; и языкъ различаетъ его сообразно пяти чув-ствамъ.

8. Изъ какого качества слово беретъ свое начало, въ томъ же качествѣ оно и отталкивается на языкѣ, и отъ языка исхо-дитъ сила различенія: и это знаменуетъ Святого Духа.

9. Ибо подобно какъ Духъ Святой исходитъ отъ Отца и Сына, и различаетъ и заостряетъ все, и выполняетъ то, что Отецъ изрекаетъ чрезъ слово; такъ и языкъ заостряетъ и раз-личаетъ все то, что пять чувствъ въ головѣ приносятъ чрезъ сердце на языкъ: и духъ отправляется съ языка, чрезъ посред-ство меркурія или звука, въ то мѣсто, какое было опредѣлено на совѣтѣ пяти чувствъ, и выполняетъ ихъ рѣшеніе.

10. Ротъ знаменуетъ, что ты не всемогущій сынъ твоего Отца, безразлично человѣкъ ли ты или ангелъ: ибо чрезъ ротъ принужденъ ты вбирать въ себя силу Отца твоего, если хочешь жить. И ангелу необходимо дѣлать это, какъ и человѣку; и хотя онъ не нуждается въ стихіи воздуха по тому же образу, какъ человѣкъ, однако долженъ чрезъ ротъ вбирать въ себя духъ, изъ котораго возникаетъ воздухъ въ семь мірѣ.

11. Ибо въ небѣ нѣтъ подобнаго воздуха, но качества тамъ кротки и радостны, какъ пріятное дуновение, и Духъ Святой пребываетъ посреди всѣхъ качествъ въ салиттерѣ и меркуріи. И ангелъ долженъ пользоваться ими, иначе онъ не можетъ быть подвижною тварью; ибо онъ также долженъ вкушать отъ небесныхъ плодовъ чрезъ ротъ.

12. Ты не долженъ однако понимать это въ земномъ смыслѣ: ибо ангелъ не имѣетъ кишекъ, а также ни плоти, ни костей; но онъ составленъ воедино изъ Божественной силы, по образу и роду наподобіе человѣка, и со всѣми членами человѣка; только дѣтородныхъ частей нѣтъ у него, а также и выхода внизу, онъ и не нуждается въ нихъ.

13. Ибо человѣкъ получилъ свои дѣтородныя части, а также и выходъ 'внизу, лишь въ своемъ жалостномъ паденіи. Ангелъ ничего не извергаетъ изъ себя, кромѣ Божественной силы, которую принимаетъ ртомъ, чтобы возжечь ею свое сердце, а сердце возжигаетъ всѣ члены; эту же силу онъ снова извергаетъ чрезъ ротъ, когда говоритъ и хвалить Бога.

14. Небесные же плоды, которые онъ ѣстъ, не суть земного качества; и хотя они по образу и виду подобны земнымъ, однако они суть лишь Божественная сила, и обладаютъ такимъ сладостнымъ вкусомъ и запахомъ, что я ни съ чѣмъ не могу сравнить ихъ въ семь мірѣ, ибо они благоухаютъ Святой Троицей, и отъ Нея же имѣютъ и вкусъ свой.

15. Ты не долженъ думать, что это лишь какъ бы прообразъ, или тѣнь; нѣтъ, духъ показываетъ ясно и явно, что въ небесной славѣ, въ небесномъ салиттерѣ и меркуріи растутъ Божественные деревья, кустарники, цвѣты и многое иное, что

въ семъ мірѣ бываетъ прообразомъ: какъ ангелы, такъ и произрастанія и плоды, всѣ суть изъ Божественной силы.

16. Ты не долженъ сравнивать это произрастаніе неба съ симъ міромъ; ибо въ семъ мірѣ два качества, злое и доброе, и многое вырастаетъ въ силу злого качества, чего не растетъ на небѣ. Ибо у неба только одинъ образъ, и не растетъ ничего, что не было бы добро; но господинъ Люциферъ привелъ сей міръ въ такое состояніе. Потому и мать Ева устыдилась, вкусивъ отъ того, что было уготовлено злымъ качествомъ: а равно устыдилась она и своихъ дѣтородныхъ частей, которыя уготовила себѣ этимъ вкушеніемъ яблока.

17. Но не такъ бываетъ относительно ангельскихъ и небесныхъ плодовъ: поистинѣ и точно, а не иносказательно только существуетъ на небѣ различные плоды, и ангелы берутъ ихъ руками своими и ѣдятъ ихъ, какъ мы люди; но они не нуждаются для этого въ зубахъ, да и не имѣютъ ихъ также, ибо плоды тѣ суть Божественной силы.

18. Теперь, все это, находящееся внѣ ангела, и чѣмъ онъ пользуется для поддержанія своей жизни, не есть его тѣлесная собственность, которою онъ обладаетъ по природному праву; но небесный Отецъ даетъ имъ все это изъ любви. Тѣло же ихъ есть ихъ собственность, ибо Богъ далъ имъ его въ собственность, а что дано кому-либо какъ собственное или въ собственность, то принадлежитъ ему по природному праву, и тотъ поступаетъ несправедливо съ нимъ, кто отнимаетъ у него эту собственность безъ соглашенія. Богъ и не поступаетъ такъ: поэтому ангель есть вѣчная, непреходящая тварь, пребывающая во всю вѣчность.

19. Но къ чему же служило бы ему теперь его тѣло? Если бы Богъ не питалъ его, оно не имѣло бы никакой подвижности, и лежало бы тамъ какъ мертвая колода. И ангелы послушны Богу, и смиряются предъ могущественнымъ Богомъ, хвалятъ, чтутъ, прославляютъ и величаютъ Его въ великихъ чудесахъ Его, и непрестанно поютъ о святости Божіей, потому что Онъ питаетъ ихъ.

О БЛАЖЕННОЙ И РАДОСТНОЙ ЛЮБВИ АНГЕЛОВЪ КЪ БОГУ;
НА ИСТИННОМЪ ОСНОВАНИИ.

20. Истинная любовь въ Божественной природѣ проистекаетъ изъ родника Сына Божія. Смотри же, человѣкъ, и да будетъ это сказано тебѣ: ангелы хорошо и напередъ знаютъ, что есть истинная любовь къ Богу, тебѣ же недостаетъ ея въ твое холодное сердце.

21. Замѣть: когда блаженное, радостное сіяніе и свѣтъ со сладостною силою свѣтитъ изъ Сына Божія въ цѣломъ Отцѣ во всѣ силы, то всѣ силы бывають возжены этимъ блаженнымъ свѣтомъ и сладостною силою, и становятся ликующими и радостными.

22. Такъ и когда блаженный и радостный свѣтъ Сына Божія освѣтитъ возлюбленныхъ ангелочковъ, и озаритъ внутрь до самаго ихъ сердца, то загораются всѣ силы въ тѣлѣ ихъ, и такое восходитъ радостное пламя любви, что отъ великой радости они славятъ, поютъ и звенятъ, и чего ни я и никакая тварь не можетъ выразить.

23. Что до этого пѣнія, то я отсылаю читателя къ оной жизни; тамъ онъ самъ его увѣдаетъ, я же не могу описать.

24. Если же ты хочешь узнать его въ сей жизни, то отстань отъ своего лицемѣрія, расчетовъ и обмана, также и отъ своего презрѣнія, и обрати сердце свое со всею рѣшимостью къ Богу, и сотвори покаяніе о своемъ грѣхѣ, въ истинномъ, строгомъ намѣреніи жить свято, и проси Бога о Духѣ Его Святомъ, и борись съ Нимъ, какъ боролся съ Нимъ святой праотецъ Іаковъ цѣлую ночь, пока не взошла утренняя заря, и пересталъ не раньше, какъ Онъ благословилъ его (Быт. 32, 26); такъ поступи и ты съ Нимъ, и поистинѣ Духъ Святой приметъ образъ въ тебѣ.

25. И если ты не прекратишь упорствовать въ своей рѣшимости, то этотъ огонь внезапно найдетъ на тебя, и воззритъ на тебя; тогда ты самъ испытаешь то, что я написалъ здѣсь, и получишь довѣріе къ моей книгѣ. И ты станешь также совсѣмъ другимъ человѣкомъ, и будешь размышлять о томъ, пока живъ;

веселіе твое будетъ больше на небѣ, нежели на землѣ. Ибо пути святой души на небѣ; и хотя она странствуетъ на землѣ въ своемъ тѣлѣ, однако пребываетъ во всякое время при Искупителѣ своемъ Іисусѣ Христѣ, и вкушаетъ съ Нимъ за трапезою Его; замѣть это.

ОБЪ ОБЛАСТИ, МѢСТѢ, ОБИТАНІИ, А РАВНО ТАКЖЕ
О ПРАВЛЕНІИ АНГЕЛОВЪ, КАКЪ ОНО БЫЛО ВЪ НА-
ЧАЛѢ ПО СОТВОРЕНІИ, И КАКЪ СТАЛО ТАКИМЪ, КАКЪ
ОНО ЕСТЬ.

Здѣсь діаволь будетъ обороняться, какъ свирѣпый песъ, ибо позоръ его будетъ разоблаченъ здѣсь, и нанесетъ читателю не мало жестокихъ ударовъ, и непрестанно будетъ внушать сомнѣніе, что все это не такъ. Ибо ничто не причиняетъ ему большей боли, какъ когда укоряютъ его былой его славой, какимъ прекраснымъ былъ онъ княземъ и царемъ; когда укорятъ его этимъ, онъ неистовствуетъ и бушуетъ, какъ если бы хотѣлъ опрокинуть весь міръ.

2. Если, теперь, глава эта попадетъ на глаза читателю, въ которомъ нѣсколько слабъ огонь Святого Духа, то боюсь я, что діаволь нападетъ на него, и будетъ побуждать къ сомнѣнію, дѣйствительно ли все это такъ, какъ написано,—съ тою цѣлью, чтобы царство его не было такъ обнажено, и позоръ его такъ раскрытъ. Если только удастся ему возбудить хоть въ какомъ-нибудь сердцѣ это сомнѣніе, то ужъ онъ не пожалѣетъ своего искусства, труда и усилій: я уже вижу заранѣе, что это на умѣ у него.

3. Поэтому я хочу предостеречь читателя, чтобы онъ съ прилежаніемъ читалъ это, и хранилъ бы терпѣніе, пока не дойдетъ до сотворенія и правленія сего міра; тогда онъ найдетъ все доказаннымъ изъ природы ясно и явно.

4. Теперь замѣть: когда Богъ всемогущій порѣшилъ на своемъ совѣтѣ создать изъ самого себя ангеловъ или тварей, то Онъ создалъ ихъ изъ своей вѣчной силы и премудрости, по

образу и роду троичности въ своемъ Божествѣ, и по качествамъ въ своемъ Божественномъ существѣ.

5. Прежде всего создалъ Онъ три царственныхъ правленія, по числу Святой Троицы, и каждое царство обладало строемъ, силою и качествомъ Божественнаго существа.

6. Здѣсь возвысь мысль твою и духъ твой въ глубину Божества, ибо здѣсь отверста будетъ одна дверь.

7. Locus или мѣсто міра сего, глубина земли и надъ землею до неба, равно и сотворенное небо, которое создано изъ среды водъ, и паритъ надъ звѣздами, и которое мы видимъ нашими глазами, и глубину котораго не можемъ измѣрить нашими чувствами, все это пространство и мѣсто, во всей совокупности своей, было единымъ царствомъ, и Люциферъ былъ царемъ его до своего изгнанія.

8. Два другія царства, принадлежащія Миха-Элю и Ури-Элю, находятся надъ сотвореннымъ небомъ, и подобны первому царству. Всѣ эти три царства вмѣстѣ обнимаютъ такую глубину, которая не есть человѣческое число, и ничѣмъ не можетъ быть измѣрена: однако ты долженъ знать, что эти три царства имѣютъ начало и конецъ; Богъ же, который создалъ эти три царства изъ самого себя, не имѣетъ конца, и сила Святой Троицы простирается также и внѣ этихъ трехъ царствъ, ибо Богъ Отецъ не имѣетъ конца.

9. Но тебѣ должна быть вѣдома та тайна, что посреди этихъ трехъ царствъ рождается сіяніе или Сынъ Божій. [*„Это нуждается въ поясненіи; прочти вторую и третью часть этихъ писаній, тамъ это описано основательнѣе. Ибо не надо разумѣть здѣсь ничего раздѣльнаго или измѣримаго: единственно простота автора и трудность пониманія виною тому, что это было представлено здѣсь впервые такъ просто.“*] И три царства расположены кругообразно вокругъ Сына Божія: ни одно изъ нихъ не находится дальше, и ни одно ближе другихъ отъ Сына Божія; но одно такъ же близко вокругъ Сына Божія, какъ и другія.

10. Изъ этого родника и изъ всѣхъ силъ Отца исходитъ Духъ Святой, вмѣстѣ со свѣтомъ и силою Сына Божія, во всѣ ангельскія царства, и сквозь нихъ, и за предѣлы всѣхъ ангель-

скихъ царствъ, чего ни ангель, ни человекъ не можетъ проникнуть.

11. И я также не предполагаю размышлять далѣе, и еще менѣе писать: откровеніе мое простирается только до трехъ царствъ, подобно ангельскому знанію; однако не въ силу моего разума, или пониманія, или совершенства, какъ у ангела, но лишь частично, лишь пока духъ пребываетъ во мнѣ, далѣе же затѣмъ я больше не познаю этого: когда онъ отступаетъ отъ меня, я ничего больше не знаю, кромѣ какъ о стихійныхъ и земныхъ вещахъ міра сего: но духъ видитъ до глубины Божества.

12. Кто-нибудь спроситъ теперь: какъ же это бываетъ, что Сынъ Божій рождается среди этихъ царствъ? Тогда вѣдь, конечно, одно ангельское воинство будетъ ближе къ Нему, нежели другое, разъ царство ихъ имѣетъ такую великую глубину? И за предѣлами этихъ царствъ ясность и сила Сына Божія не будетъ столь же велика, какъ у тѣхъ, которые близъ Него, и какъ въ ангельскихъ областяхъ?

13. Отвѣтъ: для того сотворены были ангелы изъ Бога, чтобы они предъ сердцемъ Божиимъ, которое есть Сынъ Божій, славословили, пѣли, играли, ликовали и умножали небесную радость. И гдѣ же иначе опредѣлилъ бы имъ Отецъ быть, какъ не предъ дверью своего сердца? Вся радость человека, какая въ немъ есть, не истекаетъ ли изъ родника сердца? Такъ и у Бога великая радость истекаетъ изъ родника Его сердца.

14. Ради того сотворилъ Онъ изъ себя святыхъ ангеловъ, которые суть какъ малые боги, по существу и качествамъ цѣлаго Бога, чтобы они играли въ Божественной силѣ, славословили, пѣли и звенѣли, и умножали восходящую изъ сердца Божія радость.

15. Но сіяніе и сила Сына Божія, или сердце Божіе, которое есть свѣтъ или источникъ радости, беретъ самое прекрасное и радостное начало свое среди этихъ трехъ царствъ, и свѣтитъ во всѣ и сквозь всѣ ангельскія врата.

16. Но ты долженъ въ точности понять, въ какомъ смыслѣ это сказано: ибо когда я говорю въ подобіяхъ, и сравниваю Сына Божія съ солнцемъ или круглымъ шаромъ, то это не

имѣть того смысла, будто Онъ измѣримый родникъ, который можно измѣрить, или глубину, начало и конецъ котораго можно изслѣдовать; я пишу такъ только въ подобіи, пока читатель не достигнетъ истиннаго разумѣнія.

17. Ибо это не имѣть того смысла, будто Сынъ Божій рождается только среди этихъ ангельскихъ вратъ, а не также и за предѣлами ангельскихъ вратъ: ибо силы Отца повсюду, отъ и изъ которыхъ рождается Сынъ и исходитъ Духъ Святой; какимъ же образомъ могъ бы Онъ родиться единственно только среди этихъ ангельскихъ вратъ?

18. Основаніе и смыслъ этого единственно тѣ, что Святой Отецъ, который есть все, въ этихъ ангельскихъ вратахъ имѣетъ самыя привѣтныя и любвеобильныя свои качества, изъ которыхъ рождается всерадостнѣйшій и любвеобильнѣйшій свѣтъ, слово, сердце или родникъ силъ. Потому и сотворилъ Онъ въ этихъ мѣстахъ святыхъ ангеловъ, къ своей радости, чести и славѣ. [*„Въ неизслѣдимой вѣчности все бываетъ въ одномъ мѣстѣ, какъ и въ другомъ; но гдѣ нѣтъ тварей, тамъ это ничѣмъ не познается, какъ только духомъ въ чудесахъ его.“*]

19. И это есть избранное мѣсто славы Божіей, которое Богъ Отецъ избралъ въ самомъ себѣ, и гдѣ рождается Его святое слово или сердце въ великой ясности, силѣ и ликующей радости.

20. Ибо замѣть эту тайну: если тотъ свѣтъ, который рождается изъ силъ Отца, и есть истинный родникъ Сына Божія, рождается также и въ ангелѣ и въ святомъ человѣкѣ, такъ что они ликуютъ въ великой радости въ этомъ свѣтѣ и познаніи; то какъ же бы онъ могъ не родиться повсюду, во всемъ Отцѣ, разъ сила Его есть все и всюду, куда даже не достигаютъ наши чувства и наше сердце?

21. Но гдѣ Отецъ, тамъ также и Сынъ и Духъ Святой, ибо Отецъ повсюду рождаетъ Сына, свое святое слово, силу: свѣтъ и звукъ, и Духъ Святой повсюду исходитъ отъ Отца и Сына, также и во всѣхъ ангельскихъ вратахъ и за предѣлами всѣхъ ангельскихъ вратъ.

22. Теперь, когда сравниваютъ Сына Божія съ шаромъ солнца, какъ я это нерѣдко дѣлалъ въ предшествовавшихъ

главахъ, то говорятъ въ природныхъ подобіяхъ; и я принужденъ былъ писать такъ по причинѣ неразумія читателя, чтобы по этимъ природнымъ вещамъ онъ возвысилъ мысль свою, и такъ поднимался бы со ступени на ступень, пока не достигъ бы и до высокихъ тайнъ.

23. Но это не имѣетъ того смысла, будто Сынъ Божій есть нѣкій составленный воедино образъ, подобно солнцу: ибо если бы это было такъ, то Сынъ Божій долженъ былъ бы имѣть начало, а Отецъ долженъ былъ бы породить Его одинажды, и тогда Онъ не былъ бы вѣчнымъ, всемогущимъ Сыномъ Отца; но былъ бы подобенъ царю, имѣющему надъ собою другого, еще большаго царя, который породилъ бы Его во времени и имѣлъ бы власть низложить Его.

24. Это былъ бы Сынъ, имѣющій начало, и его сила и сіяніе были бы подобны силѣ и сіянію солнца, которыя исходятъ отъ солнца, межъ тѣмъ какъ тѣло или шаръ солнца остается на своемъ мѣстѣ. И если бы это было такъ, то, конечно, одни ангельскія врата были бы гораздо ближе къ Сыну Божію, нежели другія; но я хочу показать тебѣ здѣсь высочайшія врата Божественной тайны, и тебѣ не нужно искать болѣе высокихъ, ибо и нѣтъ болѣе высокихъ.

25. Замѣть: сила Отца и есть все во всѣхъ небесахъ и надъ всѣми небесами, и эта сила рождаетъ повсюду свѣтъ: теперь, эта все-сила и есть и зовется Отецъ; а свѣтъ, рождающійся изъ этой все-силы, онъ и есть и зовется Сынъ.

26. Но онъ потому зовется Сыномъ, что рождается изъ Отца, что онъ есть сердце Отца въ силахъ Его; и родившись, онъ уже есть иное лицо, нежели Отецъ: ибо Отецъ есть сила и царство, а Сынъ есть свѣтъ и сіяніе въ Отцѣ; а Духъ Святой есть движеніе или исхожденіе изъ силъ Отца и Сына, и слагаетъ и образуетъ все.

27. Подобно какъ воздухъ исходитъ изъ силъ солнца и звѣздъ, и движется въ семь мірѣ, и производитъ то, что всѣ твари рождаются, и что всходятъ травы, злаки и деревья и все, что ни есть въ семь мірѣ; такъ и Духъ Святой исходитъ отъ Отца и Сына, и движется, и слагаетъ, и образуетъ все въ цѣломъ Богѣ. Всѣ произрастанія и образы въ Отцѣ возникаютъ

волею Святого Духа: вотъ почему есть единый Богъ и три раздѣльныхъ лица въ единомъ Божественномъ существѣ.

28. Если бы кто сказалъ теперь, что Сынъ Божій есть образъ, измѣримый какъ и солнце, то было бы три лица только на томъ мѣстѣ, гдѣ Сынъ, а внѣ этого мѣста было бы лишь сіяніе, исходящее отъ Сына, и Отецъ внѣ Сына былъ бы только одинъ; тогда сила Отца, отстоящая и отдаленная отъ Сына, внѣ ангельскихъ вратъ не могла бы породить ни Сына, ни Святого Духа, и была бы существомъ не всемогущимъ внѣ этого мѣста Сына: тогда и Отецъ долженъ былъ бы быть тоже существомъ измѣримымъ.

29. Но это не такъ, а Отецъ рождаетъ повсюду изъ всѣхъ силъ своихъ Сына, и Духъ Святой повсюду исходитъ отъ Отца и Сына, и есть лишь единый Богъ въ одномъ существѣ съ тремя раздѣльными лицами. Подобіе того ты можешь видѣть на нѣкоемъ драгоцѣнномъ златоносномъ камнѣ, который нераздѣленъ: прежде всего въ немъ есть вещество, то есть салиттеръ и меркурій; они суть мать или весь камень въ цѣломъ, и порождаютъ повсюду въ цѣломъ камнѣ золото; и въ золотѣ — славная сила камня.

30. Теперь, салиттеръ и меркурій знаменуютъ Отца, золото—Сына, а сила Святого Духа: подобнымъ же образомъ пребываетъ троичность и въ Святой Троицѣ, только что въ Ней все движется и все исходитъ.

31. Можно также найти въ этомъ златокамнѣ въ какомъ-нибудь мѣстѣ такую точку, гдѣ золото лучше, и гдѣ его больше, нежели въ другой, несмотря на то, что золото разлито во всемъ камнѣ: такимъ же точно образомъ и мѣсто посреди ангельскихъ вратъ есть самое любимое, прекрасное и сладостное для Отца мѣсто, гдѣ всего любвеобильнѣе бываетъ рождается Его Сынъ и сердце, и гдѣ всего любвеобильнѣе исходитъ отъ Отца и Сына Духъ Святой.

32. Вотъ, ты знаешь теперь истинное основаніе этой тайны, и не имѣешь нужды думать, будто Сынъ Божій родился единожды въ определенное время изъ Отца, и имѣетъ начало, и предстоитъ нынѣ какъ царь, принимая поклоненіе.

33. Нѣтъ, Онъ не былъ бы тогда вѣчнымъ Сыномъ, но

имѣлъ бы начало, и былъ бы ниже Отца, который породилъ Его: и Онъ не могъ бы также быть всевѣдущимъ, ибо не вѣдалъ бы, какъ все было раньше, до того какъ Отецъ породилъ его; но Сынъ отъ вѣчности и до вѣчности непрестанно рождается, и отъ вѣчности и до вѣчности непрестанно свѣтитъ обратно въ силы Отца, отчего силы Отца отъ вѣчности и до вѣчности непрестанно бываютъ чреваты Сыномъ, и непрестанно рождаютъ Его.

34. Отсюда отъ вѣчности и до вѣчности непрестанно происходитъ Духъ Святой, и отъ вѣчности и до вѣчности непрестанно исходитъ отъ Отца и Сына, и не имѣетъ также ни начала, ни конца.

35. И Божественное существо таково не въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ Отца, но повсюду въ цѣломъ Отцѣ, не имѣющемъ ни начала, ни конца, и непостижимомъ ни думою, ни мыслью никакой твари. Аминь.

О РОЖДЕНІЯХЪ АНГЕЛЬСКИХЪ ЦАРЕЙ, КАКЪ ОНИ ПРОИЗОШЛИ.

[„Это также изложено основательнѣе во второй и третьей книгѣ.“]

36. Личность или тѣло ангельскаго царя рождено кипящимъ духомъ Божіимъ изъ всѣхъ качествъ и изъ всѣхъ силъ цѣлаго его царства; и онъ потому ихъ царь, что его сила достигаетъ до всѣхъ ангеловъ цѣлаго его царства, и онъ ихъ глава и вождь, прекраснѣйшій и могущественнѣйшій херувимъ или ангель-престоль: таковымъ былъ и господинъ Люциферъ до своего паденія. *[„Это также описано основательнѣе въ нашей второй и третьей книгѣ, о Трехъ Началахъ Божественнаго Существа, и о Тройкой Жизни Человѣка.“]*

ОБЪ ОСНОВАНІИ И ТАЙНѢ.

37. Если кто хочетъ открыть тайну и глубочайшее основаніе, то долженъ съ прилежаніемъ созерцать и наблюдать твореніе сего міра, правленіе и строй, а равна и качества звѣздъ и стихій. Хотя все это есть поврежденное и двойственное существо,

къ тому же неживое и неразумное: ибо оно — лишь поврежденный салиттеръ и меркурій, гдѣ царь Люциферъ имѣлъ свое обитаніе, и гдѣ есть и злое и доброе; однако все же это есть истинная сила Божія, бывшая до поврежденія своего ясной и чистой, какова она и нынѣ на небѣ.

38. Эти силы звѣздъ и стихій, послѣ мерзкаго паденія царства Люцифера, Творецъ снова возстановилъ въ томъ же строѣ, въ какомъ пребывало царство ангеловъ въ Божественной славѣ до этого паденія. Ты не долженъ однако думать, будто ангельское царство съ тварями его такимъ же образомъ вращалось по кругу, какъ нынѣ звѣзды, которыя суть только силы, и вращаются такъ ради рожденія сего міра.

39. Каковое рожденіе пребываетъ въ обильной скорби, во злѣ и добрѣ, въ поврежденіи и искупленіи, до конца сего счисленія, или до Послѣдняго дня.

40. Теперь замѣть: солнце стоитъ посреди глубины, и оно есть свѣтъ или сердце изъ всѣхъ звѣздъ: ибо когда салиттеръ и меркурій, прежде сотворенія міра, въ царствѣ Люцифера, были легки и качественовали между собою, то Богъ извлекъ сердце изъ всѣхъ силъ, и создалъ изъ него солнце. Потому оно и свѣтлѣе всѣхъ, и въ свой чередъ освѣщаетъ всѣ звѣзды, и всѣ звѣзды дѣйствуютъ въ силѣ его, и само оно обладаетъ силою всѣхъ звѣздъ, и всякая звѣзда по силѣ и роду своему происходитъ отъ солнца.

41. Подобнымъ же образомъ устроено и ангельское царство: солнце знаменуетъ верховнаго ангела-престола, херувима или царя въ ангельскомъ царствѣ, каковымъ былъ и господинъ Люциферъ до своего паденія; онъ возсѣдалъ въ средоточіи или въ срединѣ царства своего, и силою своею господствовалъ во всѣхъ своихъ ангелахъ, подобно какъ солнце господствуетъ во всѣхъ силахъ міра сего, въ салиттерѣ и меркуріи, то есть въ мягкомъ и твердомъ, въ сладкомъ и кисломъ, въ горькомъ и терпкомъ, въ холодѣ и въ зноѣ, въ воздухѣ и въ водѣ: какъ это видно зимою, когда бываетъ такая жестокая стужа, что вода замерзаетъ въ ледъ, и однако солнце тепло сіяетъ посреди всей этой стужи, несмотря на то что на пути его сіянія вода замерзаетъ въ снѣгъ и ледъ.

42. Но я хочу указать тебѣ здѣсь истинную тайну. Вотъ смотри: солнце есть сердце всѣхъ силъ въ семь мірѣ, и составлено воедино изъ всѣхъ силъ звѣздъ, и въ свой чередъ освѣщаетъ всѣ звѣзды и всѣ силы въ семь мірѣ, и всѣ силы черпаютъ качественіе свое въ его силѣ. [*„Разумный это магически: ибо это есть зеркало или подобіе вѣчнаго міра.“*]

43. Подобно какъ Отецъ рождаетъ изъ всѣхъ силъ своихъ Сына, то есть, сердце свое или свѣтъ, и этотъ свѣтъ, который есть Сынъ, порождаетъ жизнь во всѣхъ силахъ Отца, такъ что въ этомъ свѣтѣ восходитъ въ силахъ Отца всякое произрастаніе, красота и радость; такъ же устроено и царство ангеловъ, все по подобію и существу Божію.

44. Херувимъ или предводитель ангельскаго царства есть родникъ или сердце всего своего царства, и созданъ изъ всѣхъ силъ, изъ которыхъ созданы его ангелы, и онъ есть самый могущественный и самый свѣтлый изъ всѣхъ. [*„Ангельскій царь есть средоточіе или родникъ, подобно какъ душа Адама есть начало и средоточіе всѣхъ душъ, и какъ изъ мѣста солнца сотворено и порождено все колесо планетное, гдѣ каждая звѣзда возделываетъ сіянія и силы солнца; такъ и ангелы—своего херувима или князя, все сообразно Богу и въ подобіе Его.“*]

45. Ибо Творецъ изъ салиттера и меркурія Божественныхъ силъ извлекъ сердце, [*„разумный: объялъ своимъ FIA T (да будетъ), какъ средоточіе природы“*], и образовалъ изъ него херувима или царя, чтобы тотъ силою своею проникъ снова во всѣхъ своихъ ангеловъ, и заразилъ ихъ всѣхъ силою своею; подобно какъ солнце силою своею проникаетъ во всѣ звѣзды, и всѣ ихъ заражаетъ; или же какъ сила Сына Божія проникаетъ во всѣ силы Бога Отца, чрезъ что онѣ всѣ заражаются, и въ нихъ восходитъ рожденіе небеснаго царства радости.

46. По тому же виду и образу устроено все и у ангеловъ: всѣ ангелы одного царства знаменуютъ многоразличную и многообразную силу Бога Отца, а ангельскій царь знаменуетъ Сына Отца, или сердце изъ силъ Отца, да онъ и есть также сердце изъ всѣхъ силъ, изъ которыхъ созданы ангелы; исхожденіе ангела изъ царя въ его ангеловъ, или зараженіе его ангеловъ, знаменуетъ Бога Духа Святого. Подобно какъ Духъ Святой исхо-

дять отъ Отца и Сына, и заражаетъ всѣ силы Отца, равно какъ и всѣ небесные плоды и образы, откуда все беретъ свое восхожденіе, и въ чемъ состоитъ небесное царство радости; такъ и по тому же образу бываетъ и съ дѣйствиємъ или силою херувима или ангела-престола, который дѣйствуетъ во всѣхъ своихъ ангелахъ, подобно какъ Сынъ и Духъ Святой—во всѣхъ силахъ Отца, или какъ солнце—во всѣхъ силахъ звѣздъ.

47. Оттого всѣ ангелы получаютъ волю ангела-престола, и бываютъ всѣ послушны ему, ибо они всѣ дѣйствуютъ въ силѣ его, и онъ проникаетъ силою своею въ нихъ всѣхъ. Ибо они суть члены тѣла его, подобно какъ всѣ силы Отца суть члены Сына, а Онъ есть ихъ сердце, и какъ всѣ небесные образы и плоды суть члены Духа Святого, а Онъ есть ихъ сердце, въ которомъ они восходятъ; или какъ солнце есть сердце всѣхъ звѣздъ, и всѣ звѣзды суть члены солнца, и дѣйствуютъ между собою, какъ единая звѣзда, солнце же есть сердце въ нихъ; и хотя силъ много, и онѣ различны, однако все дѣйствуетъ въ силѣ солнца, и все имѣетъ жизнь свою отъ силы солнца, на что бы ты ни взглянулъ, будь то въ плоти, или въ металлахъ, или въ произрастаніяхъ земли.

О ЦѢЛОМЪ ТѢЛѢ АНГЕЛЬСКАГО ЦАРСТВА.

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА.

Ангельскія царства образованы всецѣло по Божественному существу, и не имѣютъ иного образа, нежели какой имѣетъ Божественное существо въ своей троичности: съ тѣмъ однако различіемъ, что тѣла ихъ суть твари, имѣющія начало и конецъ, и что царство, гдѣ они имѣютъ свою область, не есть ихъ тѣлесное достояніе, которымъ они обладаютъ по природному праву, какъ по природному праву обладаютъ они своимъ тѣломъ, но царство это принадлежитъ Богу Отцу, создавшему ихъ изъ силъ своихъ, и могущему поселить ихъ, гдѣ захочетъ; въ прочемъ же тѣло ихъ создано сообразно всѣмъ силамъ и изъ всѣхъ силъ Отца. И сила ихъ рождаетъ въ нихъ свѣтъ и познаніе, подобно какъ Богъ рождаетъ Сына изъ всѣхъ силъ своихъ; и подобно какъ Духъ Святой исходитъ изъ всѣхъ силъ Отца и Сына, такъ и въ ангелѣ исходитъ духъ его изъ сердца его, изъ свѣта его и изъ всѣхъ силъ его.

2. Теперь замѣть: какъ устроенъ ангелъ въ своемъ тѣлесномъ образѣ и со всѣми членами, такъ же устроено и все царство; оно въ совокупности своей, какъ одинъ ангелъ.

3. Если разсмотрѣть внимательно всѣ обстоятельства, то окажется, что все правленіе царства въ своей области устроено какъ тѣло одного ангела, или какъ Святая Троица.

4. Замѣть здѣсь глубину: въ Богѣ Отцѣ всякая сила, и Онъ есть родникъ всѣхъ силъ въ своей глубинѣ: въ Немъ свѣтъ и тьма, воздухъ и вода, зной и холодъ, твердое и мягкое, густое и жидкое, звукъ и звонъ, сладкое и кислое, горькое и терпкое, и чего я не могу и перечислить; однако я сужу

объ этомъ по моему тѣлу, ибо первоначально, отъ Адама, оно создано изъ всѣхъ силъ Бога и по образу Его.

5. Ты не долженъ здѣсь однако думать, будто силы въ Богѣ Отцѣ пребываютъ по тому же образу, или качествуютъ столь же поврежденно, какъ въ человѣкѣ; въ такое состояніе привелъ ихъ господинъ Люциферъ, въ Богѣ же все нѣжно, пріятно, блаженно, и весьма кротко.

6. Прежде всего свѣтъ, (употребляя природное сравненіе), подобенъ свѣту солнца; но безъ той невыносимости, какую имѣетъ для нашихъ поврежденныхъ глазъ свѣтъ солнца; напротивъ, онъ весьма пріятенъ и блажененъ, зрѣлище любви.

7. Тьма же, скрытая въ средоточіи свѣта, значитъ вотъ что: когда какая-нибудь тварь, созданная изъ силы свѣта, хочетъ подняться въ этомъ свѣтѣ выше и кипѣть сильнѣе, нежели самъ Богъ, то этотъ свѣтъ погасаетъ въ ней, *[разумѣй: духъ зажигаетъ огонь, когда поднимается надъ смиреніемъ и выходитъ изъ любви. Прочти вторую и третью книгу о Трехъ Началахъ, и о Тройкой Жизни Человѣка]*, и она имѣетъ вмѣсто свѣта тьму: тогда узнаетъ тварь, что въ средоточіи сокрыта тьма.

8. Подобно какъ восковая свѣча свѣтитъ, когда ее зажгутъ; когда же погасятъ ее, то стволъ или свѣча становится тьмою: такъ и свѣтъ свѣтитъ изъ всѣхъ силъ Отца; но если бы силы были повреждены, то свѣтъ погасъ бы, и силы остались бы тьмою, какъ это видно на Люциферѣ.

9. Воздухъ также бываетъ въ Богѣ не по тому образу; но въ Немъ онъ пріятное, тихое дуновеніе или движеніе, то есть, исхожденіе или движеніе силъ есть начало воздуха, въ которомъ восходитъ Духъ Святой.

10. Вода также бываетъ въ Богѣ не по тому образу, но какъ родникъ въ силахъ, а не по образу стихій сего міра. Если сравнить ее съ чѣмъ-нибудь, то я сравнилъ бы ее съ сокомъ въ яблокѣ; но только она совершенно свѣтла, подобно небу, и есть духъ всѣхъ силъ. Господинъ Люциферъ такъ повредилъ ее, что она въ семь мірѣ такъ неистовствуетъ и бушуетъ, бѣжитъ и мчится, и что она стала такою темною и густою, и къ тому же, если не бѣжитъ, то становится смрадною: я скажу объ этомъ подробно, когда буду писать о твореніи.

11. Зной въ Богѣ есть пріятная, кроткая теплота, исхожденіе свѣта; онъ возникаетъ (рождается) изъ свѣта, и въ немъ восходитъ источникъ любви.

12. Холодъ также бываетъ въ Богѣ не по тому образу, а какъ прохлада зноя, укрощеніе духа, восхожденіе или движеніе духа.

13. Замѣть здѣсь глубину: Богъ говоритъ у Моисея, давая законъ сынамъ Израилевымъ: Я гнѣвный Богъ ревнитель на ненавидящихъ Меня; и далѣе Онъ называетъ себя также Богомъ милосерднымъ для тѣхъ, кто боятся Его (Исх. 20, 5, 6; Второз. 5, 9, 10).

14. Теперь возникаетъ вопросъ: что же есть гнѣвъ Божій на небѣ? гнѣвается ли Богъ въ самомъ себѣ? и какъ бываетъ Богъ разгнѣванъ?

15. Вотъ, здѣсь надо разсмотрѣть въ отдѣльности семь различныхъ качествъ или особенностей: во-первыхъ, въ Божественной силѣ сокрыто терпкое качество; оно есть качество ядра или сокровеннаго существа, острота, стягиваніе воедино или пронизаніе въ салиттерѣ, очень острое и терпкое, и порождаетъ твердость, а также холодъ; воспламененное же порождаетъ остроту, подобно соли.

16. Это особый видъ или источникъ гнѣва въ Божественномъ салиттерѣ: когда этотъ источникъ бываетъ воспламененъ, что можетъ случиться чрезъ великое движеніе или возстаніе или побужденіе, то въ немъ качественно терпкій, великій холодъ, чрезвычайно острый, подобно соли, и весьма жестоко стягивающій воедино, подобно камнямъ.

17. Но въ небесной славѣ это качество не такъ мятежно, ибо оно не возстаетъ само, и не воспламеняетъ себя само; но царь Люциферъ своимъ возстаніемъ и гордынею воспламенилъ это качество въ своемъ царствѣ, отчего оно еще горитъ и будетъ горѣть до Послѣдняго дня.

18. Отчего и въ сотвореніи міра сего звѣзды и стихіи, а равно и всѣ твари дрожатъ и горятъ; и отчего онъ сталъ домомъ смерти и ада и вѣчнымъ жилищемъ позора для царства Люцифера и для всѣхъ безбожныхъ людей.

19. Это качество въ небесной славъ рождаетъ остроту духа, откуда и чрезъ что тварное существо получаетъ форму, такъ что могутъ быть образованы небесныя тѣлы, а также различные цвѣта, формы и произрастанія. Ибо оно есть стягиваніе воедино и образованіе вещи: и потому оно есть первое качество и начало ангельскихъ тварей и всѣхъ образованій, какія есть на небѣ и въ семь мірѣ, и всего, что можетъ быть названо.

20. Но когда оно бываетъ воспламенено возстаніемъ, (что могутъ сдѣлать въ своемъ царствѣ только твари, сотворенныя изъ Божественнаго салиттера,) то становится жгучей источной жилой гнѣва Божія. Ибо оно есть одинъ изъ семи духовъ Божіихъ, въ силѣ котораго пребываетъ Божественное существо во всей Божественной силѣ и небесной славъ. Когда же бываетъ воспламенено, то становится яростнымъ источникомъ гнѣва и началомъ ада, а также мучительствомъ и болью адскаго огня и качествомъ тьмы: ибо Божественная любовь, а также и Божественный свѣтъ, погасають въ немъ. [*„Это есть ключъ, запирающій въ горницу смерти, и порождающій смерть; отсюда земля, камни и все прочее.“*]

О ДРУГОЙ ОСОБЕННОСТИ ИЛИ ДРУГОМЪ ВИДѢ.

21. Другое качество, или другой духъ Божій въ Божественномъ салиттерѣ или въ Божественной силѣ, есть сладкое качество, которое дѣйствуетъ въ терпкомъ, и укрощаетъ терпкое, такъ что оно становится совсѣмъ пріятнымъ и кроткимъ. Ибо оно есть одолѣніе терпкаго качества и самый источникъ милосердія Божія, побѣждающаго гнѣвъ; имъ укрощается терпкій источникъ, и восходитъ милосердіе Божіе.

22. Подобіе тому ты видишь на яблокѣ, которое сначала бываетъ терпко, потомъ же, когда сладкое качество побѣдитъ и одолѣетъ его, становится совсѣмъ кроткимъ и пріятнымъ на вкусъ: такъ бываетъ и въ Божественной силѣ. Ибо когда говорятъ о милосердіи Бога Отца, то говорятъ о Его силѣ, о Его источныхъ духахъ, пребывающихъ въ салиттерѣ, откуда рождается Его любвеобильное сердце или Сынъ.

23. Замять здѣсь: терпкое качество есть сердце или ядро въ Божественной силѣ, стягиваніе воедино или образованіе, или форма, или изсушеніе: ибо оно есть острота и холодъ, какъ это видно по тому, что терпкій холодъ изсушаетъ воду и дѣлаетъ ее острымъ льдомъ. А сладкое качество есть умягченіе или согрѣваніе; отъ него терпкое и холодное качество становится жидкимъ и легкимъ, откуда беретъ свое начало вода.

24. Такимъ образомъ, терпкое качество зовется сердцемъ, и есть таковое, а сладкое — тепломъ, или умягченіемъ и укрощеніемъ, и они суть два качества, изъ которыхъ рождается сердце или Сынъ Божій. Ибо терпкое качество, въ стволѣ или ядрѣ своемъ, когда оно качествуетъ въ своей собственной силѣ, есть тьма; а сладкое въ своей собственной силѣ есть кипящій и грѣющій восходящій свѣтъ, источникъ кротости и благодѣянія.

25. Но такъ какъ въ Божественной силѣ, въ Богѣ Отцѣ, они оба качествуютъ одно въ другомъ, какъ если бы то была лишь единая сила, то это бываетъ кроткимъ, пріятнымъ, милосерднымъ качествомъ. И оба эти качества суть два духа Божія изъ семи источныхъ духовъ въ Божественной силѣ, какъ ты можешь видѣть образъ того въ Откровеніи Іоанна (І, 12—13), гдѣ апостоль видить семь золотыхъ свѣтильниковъ предъ Сыномъ Божіимъ, что знаменуетъ семь духовъ Божіихъ, свѣтящихъ въ великой ясности предъ Сыномъ Божіимъ; изъ нихъ отъ вѣчности и до вѣчности непрерывно рождается Сынъ Божій, и Онъ есть сердце семи духовъ Божіихъ, которыхъ я здѣсь опишу по порядку, одного за другимъ. Ты долженъ возвысить здѣсь мысль твою въ духѣ, если хочешь понять это или постигнуть; въ собственномъ своемъ разумѣни ты будешь лишь грубымъ, слѣпымъ невѣждою.

О ТРЕТЬЕЙ ОСОБЕННОСТИ ИЛИ ТРЕТЬЕМЪ ВИДѢ.

26. Третье качество или третій духъ Божій въ силѣ Отца, есть горькое качество, которое есть проицаніе или принужденіе сладкаго и терпкаго, и есть качество дрожащее, проицающее и восходящее.

27. Замѣть здѣсь: терпкое качество есть ядро, или стволъ, или кислота, или стягиваніе воедино; сладкое же есть свѣтлое утоленіе или укрощеніе, а горькое—проницаніе или торжество, и оно восходитъ и торжествуетъ въ терпкомъ и сладкомъ. Оно источникъ радости, или причина смѣющейся, возносящей радости, отчего вещь дрожить и ликуеть отъ радости, и откуда происходитъ небесная радость. Оно же образуетъ въ своемъ собственномъ качествѣ всевозможные красные цвѣта; въ сладкомъ оно образуетъ различные бѣлые и голубые, въ терпкомъ и кисломъ различные зеленые, темные и смѣшанные цвѣта, въ многообразіи образовъ и запаховъ.

28. Горькое качество есть первый духъ, отъ котораго приходитъ въ движеніе жизнь, и беретъ начало подвижность; и оно по справедливости зовется *COR* или сердце, ибо это есть дрожащій, бурный, восходящій, проницающій духъ, торжество и радость, восходящій источникъ смѣха. Въ сладкомъ качествѣ горькое укрощается, такъ что становится совсѣмъ пріятнымъ и радостнымъ; но когда оно придетъ въ слишкомъ сильное возстаніе или движеніе, или слишкомъ сильно воспламенится, то зажигаетъ сладкое и терпкое качества, и становится какъ бы раздирающимъ, жалящимъ и жгучимъ ядомъ, подобно какъ когда у человѣка бываетъ нарывающая чумная язва, отъ которой онъ стонетъ и вопитъ.

29. Это качество, когда воспламенится, бываетъ въ Божественной силѣ духомъ ревниваго и горькаго гнѣва Божія, который неугасимъ, какъ это видно на легіонахъ Люцифера. Болѣе того, это качество, когда воспламенится, бываетъ горькоадскимъ огнемъ, который гаситъ свѣтъ, дѣлаетъ изъ сладкаго качества смрадъ, въ терпкомъ производитъ раздирающую остроту, твердость и холодъ, въ кисломъ порождаетъ рвотныя и поносныя свойства, смрадъ, бѣдствіе, обитель печали, домъ тьмы, смерти и ада, конецъ радости, о которой въ немъ нельзя болѣе и помыслить: ибо это ничѣмъ не можетъ быть утишено, и ничѣмъ не можетъ быть вновь освѣщено, но темный терпкій, смрадный, кислый, поносный, горькій, яростный источникъ восходитъ во всю вѣчность.

30. Теперь замѣть: въ этихъ трехъ видахъ или качествахъ

состоить тѣлесное или тварное существо всѣхъ тварей на землѣ и въ семь мірѣ, будь то ангелъ или человѣкъ, или скоть, или птица, или растеніе, небеснаго или земнаго образа, качества или рода, а равно и всѣ цвѣта и образы. Словомъ, все, что образуется, состоитъ въ силѣ и власти этихъ трехъ главныхъ качествъ, и ими образуется, и свойственной имъ силою слагается.

31. Прежде всего, терпкое качество и кислое суть тѣло или источникъ, стягивающій сладкую силу, а холодъ въ терпкомъ качествѣ иссушаетъ ее; сладкое же качество есть сердце воды, ибо оно жидко и прозрачно и уподобляется небу, и горькое качество производитъ въ немъ раздѣльность, такъ что силы слагаются въ члены, и производитъ въ тѣлѣ подвижность.

32. И когда сладкое качество высушено, оно бываетъ тѣломъ совершеннымъ, однако безъ разума; и горькое качество въ тѣлѣ проникаетъ качество терпкое, кислое и сладкое, и образуетъ различные цвѣта: къ какому качеству тѣло имѣетъ наибольшую склонность, или какое качество въ тѣлѣ всего сильнѣе, согласно тому и образуетъ горькое качество тѣло съ его цвѣтомъ, и согласно тому имѣетъ и тварь свое наибольшее влеченіе и склонность, и движеніе или волю.

О ЧЕТВЕРТОЙ ОСОБЕННОСТИ ИЛИ ВИДѢ.

33. Четвертое качество, или четвертый источникъ духъ въ Божественной силѣ Бога Отца, есть зной: онъ есть истинное начало жизни, а также истинный духъ жизни. Терпкое, кислое и сладкое качества суть салиттеръ, принадлежащій къ тѣлу, и изъ него образуется тѣло. Ибо въ терпкомъ качествѣ состоитъ холодъ и твердость, и въ немъ же стягиваніе и иссушеніе; въ сладкомъ же вода и свѣтъ, или видимость, и все вещество тѣла; а горькое есть раздѣленіе или сложеніе; зной же есть духъ, или возженіе жизни: отъ него возникаетъ въ тѣлѣ духъ, изливающійся во всемъ тѣлѣ, и свѣтящій внѣ тѣла, и производящій живое движеніе во всѣхъ качествахъ тѣла.

34. Но особенно надо обратить вниманіе во всѣхъ качествахъ на двѣ вещи. Когда смотрять на какое-нибудь тѣло, то

прежде всего видятъ стволъ или ядро всѣхъ качествъ, образованное изъ всѣхъ качествъ; ибо къ тѣлу принадлежатъ терпкое, кислое, сладкое, горькое и зной; эти качества сохлись, воедино и образуютъ тѣло или стволъ.

35. Великая тайна духа. Въ тѣлѣ эти качества смѣшаны, какъ если бы они были однимъ только качествомъ, и однако каждое качество кипитъ и исходитъ въ своей собственной силѣ. Каждое качество исходитъ въ другія изъ самого себя, и побуждаетъ другія, то есть, заражаетъ ихъ: отчего другія качества усвоиваютъ его волю, то есть, они испытываютъ остроту и духъ этого качества, что въ немъ есть, и непрестанно смѣшиваются между собою.

36. Теперь, терпкое качество съ кислымъ непрестанно стягиваетъ другія качества, и охватываетъ и сдерживаетъ тѣло, и иссушаетъ его: ибо оно иссушаетъ всѣ прочія силы, и сдерживаетъ ихъ всѣ своимъ зараженіемъ; сладкое же качество утишаетъ и увлажняетъ всѣ другія, и взаимно умѣряется со всѣми другими, отчего тѣ становятся пріятными и кроткими.

37. Горькое же дѣлаетъ всѣ другія живыми и подвижными, и дѣлитъ ихъ на члены, такъ что каждый членъ, при взаимномъ умѣреніи, пріобщается роднику всѣхъ силъ, отчего возникаетъ подвижность.

38. А зной зажигаетъ всѣ качества: отсюда возникаетъ (рождается) свѣтъ во всѣхъ качествахъ, такъ что одно видитъ другое; ибо когда зной дѣйствуетъ въ сладкой влажности, то онъ порождаетъ во всѣхъ качествахъ свѣтъ, такъ что одно видитъ другое.

39. Отсюда происходятъ чувства и мысли, такъ что одно качество видитъ другое, которое въ немъ и имъ самимъ умѣрено, и испытываетъ его остротою своею; такъ что становится одна воля, и она восходитъ въ тѣлѣ въ первый родникъ, въ терпкое качество.

40. Тогда горькое качество въ зноѣ проникаетъ терпкое, а сладкое въ водѣ кротко пропускаетъ его: тогда горькое качество въ зноѣ выходитъ изъ тѣла сквозь сладкую воду и создаетъ ему двое отверстыхъ вратъ; это—глаза, первая чувствительность.

41. У тебя есть примѣръ тому и прообразъ. Взгляни на міръ сей, въ особенности на землю, которая есть родъ всѣхъ качествъ, и гдѣ образуются всевозможныя сочетанія. Прежде всего въ ней есть терпкое качество; оно стягиваетъ воедино салиттеръ и скрѣпляетъ землю, такъ что она становится однимъ тѣломъ и не раскалывается; и оно образуетъ въ землѣ различныя тѣла по роду каждаго качества, какъ то разные камни и руды, и всякіе корни по роду каждаго качества.

42. Теперь, когда тѣло образовано, оно остается на мѣстѣ, какъ тѣлесная, кипящая подвижность; ибо чрезъ горькое качество и въ горькомъ качествѣ оно кипитъ въ себѣ самомъ, то есть, въ своемъ собственномъ образованномъ тѣлѣ; но безъ зноя, который есть духъ природы, у него нѣтъ еще никакой жизни для роста или распространенія.

43. Когда зной солнца озаряетъ земную почву, то кипятъ и растутъ въ землѣ всѣ образованія рудъ и травъ, корней, гадовъ и всего, что есть въ ней.

44. Пойми это правильно: зной солнца зажигаетъ въ землѣ во всѣхъ образованныхъ тѣлахъ сладкое качество воды; теперь, чрезъ зной возникаетъ въ сладкой водѣ свѣтъ, который освѣщаетъ терпкое, кислое и горькое качества, такъ что они въ свѣтѣ видятъ; и въ этомъ видѣніи качества восходятъ одно въ другое, и испытуютъ одно другое, то есть, въ видѣніи они отвѣдываютъ остроты другъ друга, и отсюда происходитъ вкусъ.

45. И когда сладкое качество отвѣдаетъ вкуса горькаго качества, то начинаетъ корчиться и отступаетъ: какъ человѣкъ, когда отвѣдаетъ горькой или терпкой желчи, широко разѣвываетъ ротъ, и корчится, и разводитъ обѣ челюсти дальше, нежели имъ это свойственно; такъ поступаетъ сладкое качество по отношенію къ горькому.

46. И когда сладкое качество такимъ образомъ вытягивается, и отступаетъ предъ горькимъ, то и терпкое устремляется вслѣдъ за нимъ, и тоже хотѣло бы отвѣдать отъ сладкаго, и оно непрестанно иссушаетъ тѣло позади себя и въ себѣ; ибо сладкое качество есть мать воды, и оно совсѣмъ кротко.

47. Когда же, теперь, терпкое и горькое качества получаютъ отъ зноя свой свѣтъ, то они начинаютъ видѣть сладкое каче-

ство, и отвѣдываютъ отъ его сладкой воды: тогда они устремляются неотступно вслѣдъ за сладкой водою, и пьютъ ее въ себя; ибо они весьма жестки, суровы и жадны, и зной совершенно изсушаетъ ихъ. И сладкое качество непрестанно бѣжитъ предъ горькимъ и терпкимъ, и все шире раздираетъ свой зѣвъ; а горькое и терпкое все спѣшатъ вслѣдъ за нимъ, и утоляются сладкимъ, и изсушаютъ тѣло. Таково истинное произрастаніе въ природѣ, будь то въ человѣкѣ, звѣрѣ, деревѣ, травѣ или камнѣ.

48. Теперь замѣть себѣ конецъ природы въ семь мѣрѣ: когда сладкое качество бѣжитъ такимъ образомъ предъ горькимъ, кислымъ и терпкимъ, то терпкое и горькое такъ жестоко спѣшатъ за нимъ вслѣдъ, какъ бы за лучшимъ своимъ сокровищемъ; и сладкое такъ сильно стремится отъ нихъ прочь, и такъ сильно порывается, что проникаетъ терпкое качество, и разрываетъ тѣло, и уходитъ изъ тѣла наружу, за предѣлы земли и выше ея, и упорно стремится такимъ образомъ, пока не вырастетъ длинный стебель.

49. Тогда зной, что надъ землею, устремляется на стебель, и горькое качество тотчасъ воспламеняется отъ зноя, и получаетъ такой толчокъ отъ зноя, что пугается, а терпкое качество изсушаетъ его; тогда терпкое, сладкое и кислое качества и зной борются между собою, и терпкое непрестанно производитъ въ нихъ своимъ холодомъ сухость, и сладкое отступаетъ тогда въ сторону, а другія спѣшатъ за нимъ вслѣдъ.

50. Когда же оно видитъ, что ему не миновать плѣна, что горькое такъ жестоко наступаетъ на него, и что зной снаружи также наступаетъ на него, то оно распалаетъ горькое качество и зажигаетъ его, и дѣлаетъ тогда скачокъ сквозь терпкое качество, и снова поднимается вверхъ надъ собою; тогда позади его, на томъ мѣстѣ, гдѣ была борьба, возникаетъ твердый узелъ, и въ узлѣ получается отверстіе.

51. Но пока сладкое качество проскакиваетъ сквозь узелъ, горькое успѣваетъ такъ жестоко заразить его, что оно все дрожитъ; и лишь только оно перейдетъ за узелъ, какъ быстро вытягивается во всѣ стороны, съ цѣлью избѣжать горькаго: и при такомъ вытягиваніи тѣло его остается посрединѣ полымъ, а

въ трепетномъ скачкѣ сквозъ узелъ оно образуетъ еще нѣсколько стеблей или листьевъ, и бываетъ тогда радо, что ускользнуло изъ битвы.

52. И когда теперь зной наступаетъ такимъ образомъ снаружи на стебель, то качества въ стеблѣ воспаляются, и проникаютъ сквозъ стебель, и солнце въ наружномъ свѣтѣ заражаетъ ихъ, и они рожаютъ цвѣта въ стеблѣ по роду своего качества.

53. Но какъ въ стеблѣ есть сладкая вода, то стебель сохраняетъ свой зеленый, свѣтлый цвѣтъ, по роду сладкаго качества.

54. Таковую борьбу ведутъ качества вмѣстѣ со зноемъ непрестанно въ стеблѣ, и стебель вырастаетъ все выше, и одинъ натискъ выдерживается за другимъ отчего стебель пріобрѣтаетъ все больше узловъ, и все шире простираетъ свои вѣтви. Между тѣмъ зной все продолжаетъ иссушать снаружи сладкую воду въ стеблѣ, и стебель становится все тоньше; чѣмъ выше онъ вырастаетъ, тѣмъ становится тоньше, пока уже не можетъ болѣе ускользнуть.

55. Тогда сладкое качество сдается въ плѣнь, и горькое, кислое, сладкое и терпкое одновременно господствуютъ тогда между собой: и сладкое вытягивается еще немного, но оно не можетъ болѣе ускользнуть, ибо оно въ плѣну.

56. Тогда изъ всѣхъ качествъ, какія есть въ тѣлѣ, вырастаетъ шишка или головка, и возникаетъ новое тѣло въ шишкѣ или головкѣ, и получаетъ свой образъ, подобно тому какъ первоначально былъ образованъ въ землѣ корень, только что теперь иного, болѣе тонкаго вида.

57. Тогда сладкое качество кротко простирается дальше, и въ головкѣ вырастаютъ малые, тонкіе листочки, по роду всѣхъ качествъ. Ибо сладкая вода теперь—какъ чреватая жена, принявшая сѣмя; и она продвигается все дальше впередъ, пока не расторгнетъ головку.

58. Она пробивается тогда наружу также и въ листочкахъ, какъ жена, которая родить, но листочки или цвѣтокъ не имѣютъ больше ея окраски и образа, но окраску и образъ всѣхъ другихъ качествъ; ибо сладкое качество должно теперь рождать

дѣтей другихъ качествъ. И когда сладкая мать породить прекрасные зеленые, голубые, бѣлые, красные и желтые цвѣточки или дѣтей, то бываетъ сильно утомлена, и не можетъ долго питать этихъ дѣтей, и не хочетъ даже долго имѣть ихъ, ибо это только ея пасынки, хотя они и очень нѣжны.

59. И когда зной снаружи наступаетъ на этихъ нѣжныхъ дѣтей, то всѣ качества въ дѣтяхъ воспаляются: ибо духъ жизни качествуетъ въ нихъ; но такъ какъ они слишкомъ слабы для этого могучаго духа, и не могутъ подняться, то они выпускаютъ свою благородную силу, и она такъ пріятно пахнетъ, что сердце смѣется у человѣка; самими же имъ предстоитъ завянуть и отвалиться, ибо они слишкомъ нѣжны для этого духа.

60. Ибо духъ переходитъ изъ головки въ цвѣтокъ, головка же бываетъ образована по роду всѣхъ качествъ; терпкое качество стягиваетъ тѣло головки, сладкое смягчаетъ его и вытягиваетъ, горькое дробитъ вещество на члены, а зной бываетъ живымъ духомъ внутри.

61. И вотъ, всѣ качества трудятся внутри, и порождаютъ плодъ свой или дѣтей, и каждое дитя бываетъ образовано по роду и свойству всѣхъ качествъ. И они трудятся надъ этимъ такъ долго, пока не засохнетъ вещество, не высохнетъ сладкое качество или сладкая вода; тогда плодъ выпадаетъ, и стебель также отсыхаетъ и валится.

62. И таковъ конецъ природы въ семь мѣсяцъ. Объ этомъ можно бы написать еще много высокихъ вещей; ты найдешь ихъ при описаніи сотворенія сего міра: сказанное же приведено здѣсь лишь для подобія, и описано самымъ краткимъ образомъ.

63. Теперь, второй образъ качествъ, или Божественныхъ силъ, или семи духовъ Божіихъ, должно особенно замѣтить на зноѣ. Прежде всего мы имѣемъ основаніе или тѣлесное существо, хотя этотъ образъ въ Божествѣ, а также и въ тваряхъ, не имѣетъ своего особеннаго тѣла, но всѣ качества бываютъ вмѣстѣ, одно въ другомъ, какъ единое качество; однако дѣйствіе каждаго изъ нихъ можно замѣтить отдѣльно.

64. Итакъ, въ тѣлѣ или родникѣ бываетъ зной, и онъ порождаетъ огонь, который есть образъ, и можетъ быть изслѣдованъ: и изъ зноя исходитъ свѣтъ, чрезъ посредство всѣхъ ду-

ховъ или качества, и свѣтъ есть живой духъ, его нельзя изслѣдовать. Но волю его можно изслѣдовать, чего онъ хочетъ, или каковъ онъ есть, ибо онъ дѣйствуетъ въ сладкомъ качества, и свѣтъ восходитъ въ сладкомъ качества, въ сладкой водѣ, въ другихъ же качествахъ не восходитъ.

65. У тебя есть примѣръ тому: ты можешь всякую вещь въ семь мѣръ зажечь, такъ что она будетъ свѣтить и горѣть, если сладкое качество имѣетъ главное правленіе внутри ея; если же внутри ея имѣютъ верхъ другія качества, то ты не можешь зажечь. И хотя бы ты даже внесъ въ нее зной, ты все же не сможешь ввести духъ внутрь ея, чтобы она засвѣтилась: потому всѣ качества суть дѣти сладкаго качества или сладкой воды, ибо духъ восходитъ только въ водѣ.

66. И если ты разумный человекъ, въ которомъ есть духъ и разуміе, то оглянись вокругъ себя въ мѣръ, и ты увидишь, что это такъ: дерево ты можешь зажечь, такъ чтобы оно засвѣтилось, ибо вода имѣетъ въ немъ первенство, также и всякое растеніе на землѣ, въ которомъ сладкая вода имѣетъ первенство. Камень ты не можешь зажечь, ибо первенство имѣетъ въ немъ терпкое качество; землю ты также не можешь зажечь, если предварительно не будутъ побѣждены и устранены изъ нея другія качества; какъ это видно на порохѣ, который есть однако лишь молнія или духъ ужаса, гдѣ въ гнѣвѣ Божіемъ проявляется діаволъ, что я подробно опишу, а также и докажу въ другомъ мѣстѣ.

67. Теперь ты скажешь: но вѣдь и воду нельзя зажечь, такъ чтобы она засвѣтилась? Да, милый человекъ, здѣсь кроется тайна: дерево, которое ты зажигаешь, тоже не огонь, а темная палка, однако огонь и свѣтъ берутъ отъ него свое начало; но ты долженъ разумѣть: отъ сладкаго качества воды, а не отъ палки, то есть, отъ тучности, которая есть духъ въ ней.

68. Въ стихійной же водѣ на землѣ первенство или верхъ имѣетъ не сладость, а терпкое, горькое и кислое качества; иначе вода не была бы смертной, но была бы какъ та вода, изъ которой сотворено небо. Я это докажу тебѣ, что въ стихійной водѣ на землѣ первенство имѣютъ терпкое, кислое и горькое качества.

69. Возьми ржи, пшеницы, ячменя, овса, или чего хочешь, въ чемъ бы первенствовало внутри сладкое качество, и размягчи это въ стихійной водѣ, и потомъ нагрѣй, и тогда сладкое качество отниметъ первенство у другихъ; и зажги потомъ эту воду, и ты увидишь тогда также и духъ, оставшійся въ водѣ отъ тучности зерна, и побѣдившій воду: то же самое ты можешь видѣть и на мясѣ: мясо не горитъ и не свѣтитъ, одинъ только тукъ горитъ и свѣтитъ.

70. Теперь ты, можетъ быть, спросишь: какъ это бываетъ, или какимъ образомъ? Вотъ смотри: въ мясѣ первенство имѣютъ терпкое, кислое и горькое качества, а въ тукѣ сладость: поэтому тучная тварь всегда бываетъ радостнѣе тощей, ибо сладкій духъ сильнѣе кипитъ въ ней, нежели въ тощей; ибо свѣтъ природы, который есть духъ жизни, ярче свѣтитъ въ ней, нежели въ тощей; а въ этомъ самомъ свѣтѣ въ сладкомъ качествѣ состоитъ ликование или радость, ибо терпкое и горькое качества ликуютъ въ немъ: ибо они рады быть утолены, напитаны, напоены и освѣщены сладкимъ и свѣтлымъ качествомъ. Ибо въ терпкомъ нѣтъ никакой жизни, но терпкая, холодная, жесткая смерть; и въ горькомъ нѣтъ никакого свѣта, но темная, горькая и свирѣпая мука, домъ дрожащаго и яростнаго страшнаго бѣдствія.

71. Потому, когда они пируютъ у сладкаго и свѣтлаго качества, то заражаются имъ и становятся пріятными, а также совсѣмъ радостными, и ликуютъ въ твари: поэтому никакая тощая тварь не бываетъ радостною, развѣ только когда зной имѣетъ въ ней первенство: тогда, будучи даже тощей, и имѣя мало тука, она бываетъ все же отличной сладости. Напротивъ, иная тварь имѣетъ много тука, и бываетъ тѣмъ не менѣе совсѣмъ меланхолична; причина этому та, что тукъ ея склоненъ къ стихійной водѣ, гдѣ терпкое и горькое качества нѣсколько сильны.

72. Теперь, если ты разумный человѣкъ, то вотъ смотри: духъ, который поднимается (рождается) изъ зноя, онъ беретъ изъ сладкаго качества свой исходъ, свое восхождение и сіяніе; поэтому сладкое качество есть дружеская воля его, и господствуетъ въ кротости; и кротость и смиреніе есть собственное его жилище; и это есть ядро Божества: и потому зовется Онъ Бо-

гомъ, что Онъ сладокъ, кротокъ, дружественъ и благостенъ; и потому зовется Онъ милосерднымъ (*barmhertzig*), что Его сладкое качество восходитъ въ терпкомъ, кисломъ и горькомъ, и утоляетъ ихъ, услаждаетъ, орошаетъ и освѣщаетъ, чтобы они не оставались темною долиною.

73. Ибо пойми только въ точности свой материнскій языкъ, ты найдешь въ немъ такое же глубокое основаніе, какъ и въ еврейскомъ или латинскомъ, хоть ученые и кичатся ими, какъ безумныя дѣвы; это ничего не значить, наука ихъ нынѣ наклонѣ. Духъ свидѣтельствуется, что еще прежде, чѣмъ настанетъ конецъ, иной мірянинъ будетъ больше знать и разумѣть, нежели знаютъ нынѣ умнѣйшіе ученые: ибо врата небесъ отверзаются; и кто не будетъ лишь самъ ослѣплять себя, тотъ поистинѣ увидитъ ихъ. Женихъ увѣнчаетъ свою невѣсту, аминь.

74 *). Смотри, слово *barm* помѣщается только на твоихъ губахъ; и когда ты говоришь *barm*, то закрываешь ротъ и вбираешь звукъ назадъ; и это есть терпкое качество, замыкающее слово, то есть, слагающее его воедино, такъ что оно становится твердымъ или звучитъ; а горькое качество расчленяетъ его.

75. То есть, когда ты говоришь *barm*, то послѣдняя буква *m* рокочетъ и рошчетъ, какъ дрожащее дыханіе, и это производится горькимъ качествомъ, которое бываетъ дрожащимъ. Теперь, слово *barm*—мертвое, непонятное слово, котораго никто не разумѣетъ: это значить, что оба качества, терпкое и горькое, суть жесткія, темныя, холодныя и горькія существа, и не имѣютъ въ себѣ никакого свѣта; поэтому внѣ свѣта нельзя понять ихъ силы.

76. Когда же говорятъ *barmhertz*, то второй слогъ *hertz*

*) Примѣчаніе Сень - Мартена къ французскому переводу *Утренней Зари*: „Надо предположить, что послѣдующее объясненіе слова *barmhertzig*—милосердный беретъ свое начало въ томъ материнскомъ языкѣ, который нашъ авторъ называетъ также языкомъ природы. Быть можетъ, въ нашихъ даже наиболѣе чуждыхъ между собою языкахъ слова, отвѣчающія другъ другу по значенію, хотя и различныя по произношенію и начертанію, обнаружатъ, при болѣе глубокомъ анализѣ, если не однообразную, то все же очень близкую связь съ общей первоосновой,—лишь бы нашъ разумъ былъ достаточно открытъ для постиженія дѣйственности и въ то же время всеобщности языка природы. Безъ этого предположенія, примѣненіе авторомъ этого языка природы къ нѣмецкому слову *barmhertzig* могло бы смутить иные умы, какъ неприложимое ни къ французскому и ни къ какому другому употребительному языку“.

выталкиваютъ изъ глубины тѣла, изъ сердца: ибо слово hertz произноситъ истинный духъ, поднимающійся (рождающійся) изъ зноя сердца, въ которомъ восходитъ и кипитъ свѣтъ.

77. Теперь, смотри: когда ты говоришь bagm, то оба качества, терпкое и горькое, весьма медлительно слагаютъ во едино слово bagm: ибо это долгій, безсильный слогъ, по причинѣ немоци качествъ. Когда же ты говоришь hertz, то духъ быстро, какъ молнія, вылетаетъ въ словѣ hertz, и даетъ различеніе и смыслъ слова. Но когда ты произносишь ig, то улавливаешь духъ посреди двухъ прочихъ качествъ, такъ что онъ долженъ остаться внутри и сложить слово.

78. Такова Божественная сила: терпкое и горькое качества суть салиттеръ Божественнаго всемогущества; сладкое качество есть ядро милосердія, по которому все существо со всѣми силами зовется Богомъ. Зной есть ядро духа, откуда исходитъ свѣтъ, и загорается посрединѣ въ сладкомъ качествѣ, и уловляется терпкимъ и горькимъ, какъ находящійся въ срединѣ ихъ: въ немъ рождается Сынъ Божій; и это есть истинное сердце Божіе.

79. И пламя свѣта или молнія, свѣтящая мгновенно во всѣхъ силахъ, подобно какъ солнце во всемъ мірѣ, это есть Духъ Святой; Онъ исходитъ изъ ясности Сына Божія, и есть молнія и острота: ибо Сынъ рождается посреди другихъ качествъ, и бываетъ плѣненъ другими качествами.

80. Разумѣй правильно эту высокую вещь: когда Отецъ произноситъ слово, то есть, рождаетъ своего Сына, что бываетъ непрестанно и вѣчно, то это слово беретъ прежде всего начало свое въ терпкомъ качествѣ, гдѣ оно собирается, и въ сладкомъ оно беретъ свой источникъ, и въ горькомъ заостряется и движется, и въ зноѣ восходитъ и зажигаетъ срединный сладкій источникъ.

81. И вотъ горитъ одновременно во всѣхъ качествахъ отъ зажженнаго огня, и огонь горитъ изъ качествъ: ибо всѣ качества горятъ; и этотъ огонь есть одинъ огонь, а не много огней.

82. И этотъ огонь есть истинный Сынъ Божій, непрерывно рождающійся такимъ образомъ отъ вѣчности и до вѣчности: это готовъ я доказать на небѣ и землѣ, звѣздахъ и стихіяхъ, и на

всѣхъ тваряхъ, на камняхъ, на листьѣ и травѣ, даже на самомъ діаволѣ; и доказать не мертвыми, худыми, неразумными доводами, но одними только живыми и непреодолимыми, да, непререкаемыми и неопровержимыми, крѣпкими доводами; даже превыше человѣческаго разума и вопреки ему; и, наконецъ, вопреки всѣмъ вратамъ діавола и ада,—если бы это не заняло здѣсь слишкомъ много мѣста.

83. Однако объ этомъ будетъ рѣчь во всей книгѣ, во всѣхъ главахъ и частяхъ, и ты навѣрное встрѣтишь это при созданіи тварей, равно и при сотвореніи неба и земли и всѣхъ, вещей, что болѣе умѣстно, да и понятнѣе для читателя.

84. Теперь замѣть: изъ этого же огня исходитъ молнія или свѣтъ, и движется во всѣхъ силахъ, и имѣетъ въ себѣ родникъ и остроту всѣхъ силъ. И такъ какъ онъ порожденъ чрезъ Сына изъ всѣхъ силъ Отца, то теперь онъ, въ свой чередъ, дѣлаетъ всѣ силы въ Отцѣ живыми и подвижными; и чрезъ того же Духа составлены всѣ святыя ангелы, и образованы изъ силъ Отца; и тотъ же Духъ сохраняетъ и держитъ все, и составляетъ все, всѣ произрастанія, и цвѣта, и твари на небѣ, и въ семь мірѣ, и надъ небомъ всѣхъ небесъ: ибо рожденіе Святой Троицы повсюду таково, и не иначе, и въ вѣчность не станетъ иначе.

85. Но когда огонь зажигается въ твари, то есть, когда тварь возстаетъ чрезмѣрно, какъ это сдѣлалъ Люциферъ и его легионы, то свѣтъ погасаетъ, и восходитъ яростный и жгучій источникъ, источникъ адскаго огня, то есть, духъ огня восходитъ въ яростномъ качествѣ.

86. Замѣть при этомъ обстоятельства, какъ это совершается или можетъ совершиться: ангель составленъ воедино изъ всѣхъ силъ, какъ я уже подробно описалъ; когда же онъ возстаетъ, то возстаетъ сначала въ терпкомъ качествѣ, и стягиваетъ его воедино, какъ женщина, хотящая родить, и сжимается; отчего терпкое качество становится такъ жестко и остро, что сладкая вода не можетъ болѣе проникать его и кротко подниматься въ твари, но плѣняется терпкимъ качествомъ, и иссушается имъ, и превращается въ жесткій, острый, яростный холодъ; ибо она становится слишкомъ грубой отъ терпкаго стягиванія, и теряетъ

свой свѣтлый блескъ и свою тучность, въ которыхъ восходитъ свѣтлый духъ, духъ святой, ангельской и Божественной жизни; и этотъ духъ такъ жестоко бываетъ стянуть и сжать терпкимъ качествомъ, что засыхаетъ въ сладкое, тощее дерево.

87. И когда затѣмъ горькое качество восходитъ въ засохшемъ сладкомъ, то сладкое не можетъ болѣе укротить его и напоить своею сладкою свѣтлою водою, ибо она высохла: тогда горькое качество неистовствуетъ и бушуетъ, и ищетъ покоя или пищи, и не находитъ ихъ, и мечется въ тѣлѣ изголодавшимся ядомъ.

88. Когда же теперь зной зажигаетъ сладкое качество, и хочетъ утолить свой зной въ его сладкой водѣ, откуда онъ восходитъ и свѣтитъ во всемъ тѣлѣ, то не находитъ ничего, кромѣ жесткаго, тощаго и сладкаго источника, въ которомъ нѣтъ больше сока, ибо сокъ совсѣмъ высушенъ терпкостью.

89. Тогда зной зажигаетъ сладкій источникъ, въ намѣреніи утолиться имъ, но тамъ нѣтъ больше сока; и сладкій источникъ горитъ и раскаляется теперь, подобно жесткому, изсохшему камню, и не въ состояніи болѣе возжечь свой свѣтъ. И все тѣло остается теперь темною долиною, въ которой нѣтъ ничего: въ терпкомъ качествѣ—кромѣ яростнаго, жесткаго холода; въ сладкомъ—кромѣ жесткаго, раскаленнаго огня, гдѣ яростный зной восходитъ во всю вѣчность; въ горькомъ—кромѣ неистовства, бушеванія, жаленія и жженія.

90. И вотъ тебѣ правдивое описаніе отверженнаго ангела или діавола, а также и причина; и это описано не въ подобіи только, но въ духѣ силою, откуда все произошло. Человѣкъ, оглянись здѣсь за собой и предъ собой; ничто не бываетъ напрасно.

91. Это великое событіе, какъ оно произошло, ты найдешь описаннымъ подробно при паденіи діавола.

О ПЯТОЙ ОСОБЕННОСТИ ИЛИ ВИДѢ.

92. Пятое качество или пятый духъ Божій среди семи духовъ Божіихъ, въ Божественной силѣ Отца, есть блаженная, привѣтная и радостная любовь.

93. Теперь замѣть, что́ есть родникъ блаженной и привѣтной любви Божіей; замѣть здѣсь особенно, ибо это есть ядро.

94. Когда зной восходитъ въ сладкомъ качествѣ, и зажигаетъ сладкій источникъ, то этотъ огонь горитъ въ сладкомъ качествѣ: но такъ какъ сладкое качество есть легкая, пріятная, сладкая, родниковая вода, то оно укрощаетъ зной и гаситъ огонь, и тогда остается въ сладкомъ родникѣ сладкой воды только радостный свѣтъ, и зной бываетъ только кроткой теплотой; подобно какъ въ человѣкѣ сангвиническаго сложенія, въ которомъ зной бываетъ также лишь пріятной теплотою, если только человѣкъ ведетъ себя умѣренно.

95. Тотъ же привѣтный огонь любви и свѣта восходитъ въ сладкомъ качествѣ въ горькое и терпкое, и зажигаетъ горькое и терпкое качества, и кормитъ и поитъ ихъ своимъ сладкимъ любовнымъ сокомъ, и утоляетъ ихъ, и освѣщаетъ ихъ, и дѣлаетъ ихъ живыми и привѣтными.

96. И когда затѣмъ приходитъ къ нимъ сладкая, свѣтлая, любовная сила, такъ что они вкушаютъ ея и получаютъ ея жизнь, о, тогда бываетъ радостная встрѣча и ликование, радостное привѣтствіе и великая любовь, весьма радостное и блаженное лобзаніе и сладостное вкушеніе.

97. Тогда женихъ лобзаетъ свою невѣсту: о блаженство и великая любовь, какъ сладостна ты! какъ радостна ты! какъ пріятенъ твой вкусъ! какъ кротко ты благоухаешь! О благородный свѣтъ и ясность, кто можетъ измѣрить твою красоту! какъ изящна твоя любовь! какъ прекрасны твои цвѣта! О, и вѣчно такъ! кто можетъ это высказать! или что я пишу, я, который лишь лепечетъ, какъ дитя, учащееся говорить!

98. Съ чѣмъ же мнѣ сравнить это? Сравню ли съ любовью міра сего? но она только темная долина! О величіе! я не могу ни съ чѣмъ сравнить тебя, какъ только съ воскресеніемъ изъ мертвыхъ; тогда снова взойдетъ въ насъ огонь любви, и привѣтно охватитъ человѣка, и снова зажжетъ наше терпкое, горькое и холодное, темное и мертвое качество, и привѣтно обниметъ насъ.

99. О славный гость! почему ты удалился отъ насъ? О яростность и терпкость, ты виною тому! О яростный діаволь! что же ты сдѣлалъ, ты, погрузившій во тьму себя и всѣхъ своихъ прекрасныхъ ангеловъ! Увы, и еще разъ увы! Была же вѣдь и въ тебѣ блаженная, прекрасная любовь, о высокоумный діаволь!

почему же ты не удовольствовался? вѣдь ты же былъ херувимомъ, и не было на небѣ ничего прекраснѣе тебя; чего же ты искалъ? хотѣлъ ли ты быть цѣлымъ Богомъ? вѣдь ты же хорошо зналъ, что ты тварь, и вѣяльная лопата не въ твоей рукѣ.

100. Но что я жалѣю тебя, смраднаго козла? О проклятый, смрадный діаволь, какъ погубилъ ты насъ! Ужъ не хочешь ли ты оправдаться? или въ чемъ ты укоряешь меня? Ты говоришь, что если бы не произошло твое паденіе, то никогда не былъ бы измышленъ человѣкъ: о лживый діаволь! хотя это и правда, однако салиттеръ, изъ котораго созданъ человѣкъ, и который столь же вѣченъ, какъ и тотъ, изъ котораго созданъ ты, пребывалъ бы въ вѣчной радости и ясности, и восходилъ бы равнымъ образомъ въ Богъ, и вкушалъ бы блаженную любовь въ семи духахъ Божіихъ, и наслаждался бы небесною радостью.

101. О лживый діаволь! погоди еще немного, духъ разоблачитъ тебѣ срамоту твою; потерпи еще краткій срокъ, и настанетъ конецъ твоей похвальбѣ. Погоди, лукъ уже нацѣленъ: поразить тебя стрѣла, куда упадешь ты тогда? мѣсто уже приготовлено, остается только зажечь его; подкладывай только храбро дрова, чтобы тебѣ не замерзнуть; придется тебѣ и попотѣть. Не думаешь ли ты, что снова получишь свѣтъ? Да, *po bis infernum*: обоняй сладкую любовь твою; отгадай, другъ, какъ она зовется? геенна; она будетъ вѣчно любить тебя.

102. О горе, бѣдный, ослѣпленный человѣкъ! зачѣмъ позволяешь ты діаволу дѣлать тѣло и душу твою такими темными и слѣпыми? о преходящее благо и наслажденіе сей жизни, слѣпая блудница, зачѣмъ любодѣйствуешь ты съ діаволомъ?

103. О безпечность! діаволь ожидаетъ тебя; о высокомеріе! ты адскій огонь; о красота! ты темная долина; о власть! ты неистовое бушеваніе и терзаніе адскаго огня; о месть за себя! ты яростный гнѣвъ Божій.

104. О человѣкъ! почему міръ становится слишкомъ тѣсенъ для тебя? Ты хочешь обладать имъ одинъ; и если бы обладалъ, то и тогда тебѣ не было бы еще достаточно просторно: ахъ, это гордость діавола, ниспавшаго съ неба въ адъ! Ахъ, человѣкъ! о человѣкъ! зачѣмъ же пляшешь ты съ діаволомъ, который врагъ твой? развѣ не боишься ты, что онъ столкнетъ

тебя въ адъ? какъ можешь ты ходить такъ безпечно? вѣдь подь ногами у тебя только узкій мосточекъ, на которомъ ты пляшешь; подь мосткомъ же адъ. Не видишь ли ты, какъ высокъ и опасенъ твой путь? ты пляшешь между небомъ и адомъ.

105. О слѣпой человѣкъ! какъ ругается надъ тобою дiаволь! Ахъ, зачѣмъ печалишь ты небо! или ты думаешь, что не довольно будешь обладать въ семь мiръ? О слѣпой человѣкъ! не тебѣ ли принадлежитъ небо и земля, и даже самъ Богъ? Что приносишь ты въ мiръ сей, или что берешь ты съ собой? ангельскую ризу приносишь ты въ мiръ сей, и злою жизнью дѣлаешь изъ нея дiавольскую личину.

106 О бѣдный человѣкъ, вернись! небесный Отецъ простеръ обѣ руки и зоветъ тебя; приди, Онъ хочетъ принять тебя въ свою любовь, вѣдь ты Его дитя, и Онъ любитъ тебя; если бы Онъ ненавидѣлъ тебя, то впалъ бы въ несогласiе съ самимъ собой: о нѣтъ! это не такъ; въ Богѣ нѣтъ ничего, кромѣ милосердной, привѣтной любви и ясности.

107. О вы, стражи Израиля! зачѣмъ спите вы? проснитесь отъ сна любодѣянiя, и оправьте ваши свѣтильники! Женихъ грядетъ, затрубите въ трубы ваши! О вы, стяжатели и пьяницы, о какъ любодѣйствуете вы съ дiаволомъ стяжанiя! Такъ говоритъ Господь: развѣ не хотите вы пасти народъ мой, который Я ввѣрилъ вамъ? Вотъ Я посадилъ васъ на престолъ Моисея, и ввѣрилъ вамъ стадо мое, но вы печетесь только о шерсти, а не о моихъ овечкахъ, и строите себѣ дворцы на доходъ отъ нихъ: но Я посажу васъ на престолъ чумы, и пастырь мой будетъ вѣчно пасти моихъ овечекъ.

108. О прекрасный мiръ! какъ скорбитъ о тебѣ небо! какъ возмущаешь ты стихiи! О злоба, когда ты прекратишься? Пробудись! пробудись! и рождай, о скорбная жена! вотъ супругъ твой грядетъ, и требуетъ отъ тебя плода; зачѣмъ спишь ты? вотъ, онъ уже стучитъ.

109. О блаженная любовь и ясный свѣтъ! останьтесь же съ нами, ибо вечеръ нисходитъ! О истина, о справедливость и правый судъ, что съ вами стало? духъ изумляется, какъ если бы никогда раньше не видѣлъ мiра. Ахъ, зачѣмъ же пишу я о злобѣ мiра, и долженъ писать, а мiръ воздастъ мнѣ за то, ахъ, благодарностью дiавола! Аминь.

О БЛАЖЕННОЙ, ПРИВѢТНОЙ И МИЛОСЕРДНОЙ
ЛЮБВИ БОЖІЕЙ.

ВЕЛИКАЯ НЕБЕСНАЯ И БОЖЕСТВЕННАЯ ТАЙНА.

Т акъ какъ я пишу здѣсь о вещахъ небесныхъ и Божественныхъ, весьма странныхъ для поврежденной природы чело-вѣка, то читатель можетъ, безъ сомнѣнія, изумиться простотѣ автора и соблазниться ею, ибо влеченіе поврежденной природы взираетъ лишь на высокое, подобно гордой, дикой, распутной и безстыдной женѣ, въ похоти своей непрестанно ищущей взглядомъ красивыхъ мужей, чтобы любодѣйствовать съ ними.

2. Такова и горделивая, поврежденная природа чело-вѣка; она смотритъ также лишь на то, что сверкаетъ и блеститъ предъ міромъ, и мнитъ, что Богъ забылъ о несчастномъ и потому такъ мучаетъ его; она думаетъ, что Духъ Святой взираетъ только на высокое, на художество міра сего, на великую и глубокую ученость.

3. Но такъ ли это въ дѣйствительности? оглянись лишь назадъ, и ты увидишь истинное положеніе вещей. Кто былъ Авель? пастухъ овецъ; кто были Енохъ и Ной? простецы; кто были Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ? они пасли скоть; кто былъ Моисей, мужъ любимый Богомъ? пастухъ скота; кто былъ Давидъ, когда уста Господа призвали его? пастухъ овецъ; кто были пророки великіе и малые? простые и незнатные людишки, частью лишь крестьяне и пастухи, бывшіе отрепьемъ міра; ихъ считали только за безумцевъ; и хотя они творили чудеса и знаменія, міръ все же взиралъ лишь на высокое, и Духъ

Святой бывалъ подножіемъ ногъ его; ибо гордый діаволь всегда и вездѣ хотѣлъ быть царемъ въ семь мірѣ.

4. Но какъ же пришелъ царь нашъ Іисусъ Христосъ въ сей міръ? бѣднякомъ и въ великой скорби и нуждѣ, и не имѣлъ гдѣ преклонить главу (Матѣ. 8,20).

5. Кто были его апостолы? бѣдные, презираемые, неученые рыбаки; кто увѣровалъ въ ихъ проповѣди? бѣдные, незнатные людишки. Высокіе же и ученые были палачами Христа, кричавшими: распни! распни! (Лук. 23,21.)

6. Кто всегда и вездѣ крѣпче всѣхъ стоялъ за церковь Христову? бѣдные, презираемые людишки; они проливали кровь свою за Христа. Кто подмѣнилъ истинное, чистое ученіе Христово, и всегда и вездѣ нападалъ на него? ученые. папы, кардиналы, епископы и именитые люди. Почему міръ слѣдовалъ за ними? потому что у нихъ былъ важный, напыщенный видъ, и они величались предъ міромъ: такой безумной блудницей стала поврежденная человѣческая природа.

7. Кто вымелъ въ нѣмецкой землѣ изъ церкви сребролюбіе папы, его нечестіе, мошенничество и обманъ? бѣдный, презираемый монахъ. Какою властью или силою? властью Бога Отца, и силою Бога Духа Святого.

8. Что остается еще скрытымъ? истинное ученіе Христа? нѣтъ, но философія и глубокая основа Божія, небесное блаженство, откровеніе о сотвореніи ангеловъ, откровеніе о мерзостномъ паденіи діавола, откуда происходитъ зло, сотвореніе міра сего, глубокая основа и тайна человѣка и всѣхъ тварей въ семь мірѣ, послѣдній судъ и измѣненіе сего міра, тайна воскресенія мертвыхъ и вѣчной жизни.

9. Это будетъ раскрыто въ глубинѣ въ великой простотѣ; почему не въ высотѣ въ знаніи и искусствѣ? чтобы никто не могъ хвалиться собою, что онъ это сдѣлалъ, и чтобы тѣмъ самымъ разоблачена была и обращена въ ничто гордыня діавола. Для чего Богъ дѣлаетъ это? по своей великой любви и милосердію ко всѣмъ народамъ, и чтобы показать этимъ, что отнынѣ настало время возвращенія того, что утрачено, время, когда люди будутъ созерцать совершенство, и наслаждаться имъ, и ходить въ чистомъ, свѣтломъ и глубокомъ познаніи Бога.

10. Потому сначала взойдетъ утренняя заря, при которой можно распознать или замѣтить день: кто теперь хочетъ спать, пусть продолжаетъ спать, и кто хочетъ бодрствовать и оправить свѣтильники свои, пусть продолжаетъ бодрствовать. Вотъ женихъ грядетъ: кто теперь бодрствуетъ и наготовѣ, тотъ войдетъ вмѣстѣ съ нимъ на вѣчный небесный бракъ; но кто окажется спящимъ во время его прихода, тотъ будетъ спать всегда и вѣчно въ мрачной темницѣ ярости.

11. Потому хочу я искренно предупредить читателя, чтобы онъ прилежно читалъ эту книгу, и не соблазнялся простотою автора; ибо Богъ не глядитъ на высокое: Онъ одинъ высокъ; но Онъ глядитъ, какъ помочь низкому. Если зайдетъ съ тобой такъ далеко, что ты поймешь духъ и мысли автора, то уже не будетъ больше нужды ни въ какомъ увѣщаніи, но ты будешь радоваться и веселиться въ этомъ свѣтѣ, и душа твоя будетъ смѣяться и ликовать въ немъ.

12. Теперь замѣть: блаженная любовь, пятый источникъ духъ въ Божественной силѣ, есть сокровенный источникъ, котораго не можетъ ни понять, ни объять тѣлесное существо, развѣ лишь когда онъ восходитъ въ тѣлѣ: тогда тѣло ликуетъ въ немъ, и рождаетъ себя радостно и привѣтно: ибо онъ не принадлежитъ къ образованію тѣла, но восходитъ, въ тѣлѣ, какъ цвѣтокъ изъ земли. Происхожденіе же свое этотъ источникъ духъ беретъ первоначально отъ сладкаго качества воды.

13. Пойми, какъ это бываетъ, замѣть здѣсь особенно: прежде всего терпкое качество, затѣмъ сладкое, и послѣ него горькое: сладкое находится внутри и посрединѣ между терпкимъ и горькимъ. Теперь, терпкое всегда дѣлаетъ твердымъ, холоднымъ и темнымъ, а горькое раздираетъ, гонитъ, неистовствуетъ и раздѣляетъ; эти два качества такъ сильно трутъ и тѣснятъ другъ друга, и такъ жестоко наступаютъ, что порождаютъ зной; но зной этотъ бываетъ въ обоихъ качествахъ темень, какъ зной въ какомъ-нибудь камнѣ.

14. Если взять камень или другое что-либо твердое, и потереть о дерево, то обѣ вещи разогрѣваются; но зной этотъ только тьма, и въ немъ нѣтъ свѣта. Такъ и въ Божественной силѣ: терпкое и горькое качества безъ сладкой воды такъ же-

стоко трутъ и тѣснятъ другъ друга, что порождаютъ и зажигаютъ въ себѣ темный зной.

15. И все это вмѣстѣ есть гнѣвъ Божій, источникъ и начало адскаго огня, какъ это можно видѣть на Люциферѣ: онъ возсталъ, и такъ жестоко сжалъ себя со своими легионами, что сладкая родниковая вода изсохла въ немъ, въ которой возгорается свѣтъ и восходитъ любовь. Поэтому онъ вѣчно остается теперь терпкимъ, жесткимъ, холоднымъ, горькимъ и жгучимъ и кисло-смаднымъ источникомъ; ибо когда изсохло въ немъ сладкое качество, то сталъ онъ темнымъ, кислымъ смадомъ и скорбною долиною, домомъ гибели и бѣдствія.

16. Теперь пойдѣмъ дальше въ глубинѣ. Когда терпкое и горькое качества такъ жестоко трутся между собою, что порождаютъ зной, то сладкое качество, сладкая родниковая вода бываетъ внутри посрединѣ между терпкимъ и горькимъ, и зной порождается терпкимъ и горькимъ качествами, между ними обоими, въ сладкой родниковой водѣ.

17. Тогда въ сладкой родниковой водѣ загорается въ зноѣ свѣтъ, и это есть начало жизни: ибо терпкое и горькое качества суть начало и причина зноя и свѣта; такъ сладкая родниковая вода становится сіяющимъ свѣтомъ, подобно голубому свѣтлomu небу.

18. И эта свѣтлая родниковая вода зажигаетъ терпкое и горькое качества, а зной, порождаемый ими въ сладкой водѣ, восходитъ изъ сладкой родниковой воды, сквозь горькое и терпкое качества, и лишь въ горькомъ и терпкомъ качествахъ свѣтъ становится сухимъ и сіяющимъ, а также подвижнымъ и торжествующимъ.

19. Когда же затѣмъ свѣтъ изъ сладкой родниковой воды восходитъ въ зноѣ, въ горькомъ и терпкомъ качествахъ, то горькое и терпкое качества отвѣдываютъ свѣтлой и сладкой воды, и горькое качество принимаетъ вкусъ сладкой воды; и въ сладкой водѣ бываетъ свѣтъ, но только небесно-голубого цвѣта.

20. И тогда горькое качество дрожить, и разгоняетъ твердость въ терпкомъ, а свѣтъ высыхаетъ въ терпкомъ, и сіяетъ ярко, гораздо свѣтлѣе нежели блескъ солнца. Въ этомъ восхожденіи терпкое качество становится кроткимъ, свѣтлымъ, жид-

кимъ и пріятнымъ, и получаетъ свою жизнь, начало которой восходитъ изъ зноя въ сладкой водѣ; это и есть теперь истинный родникъ любви.

21. Замѣть это въ глубокомъ смыслѣ: какъ не быть любви и радости тамъ, гдѣ посреди смерти рождается жизнь, и посреди тьмы — свѣтъ? Ты скажешь: какъ это возможно? Да, если бы духъ мой пребывалъ въ твоёмъ сердцѣ, и вскипалъ въ твоёмъ сердцѣ, то тѣло твое признало и поняло бы это; но иначе я не могу ввести это въ твое разумѣніе, и ты не можешь также ни понять ни уразумѣть этого, если только Духъ Святой не зажжетъ твоей души, такъ чтобы этотъ свѣтъ возсіялъ въ самомъ твоёмъ сердцѣ. Тогда этотъ свѣтъ родится въ тебѣ самомъ какъ въ Богѣ, и взойдетъ въ твоёмъ терпкомъ и горькомъ качествахъ въ твоей сладкой водѣ, и возликуетъ какъ въ Богѣ: лишь когда произойдетъ это, поймешь ты мою книгу, но не раньше.

22. Замѣть: когда свѣтъ рождается въ горькомъ качествѣ, то есть, когда горькое и сухое кипѣніе приметъ сладкую родниковую воду жизни, и выпьетъ ея, то горькій духъ становится живымъ въ терпкомъ духѣ; и терпкій духъ бываетъ теперь какъ бы чреватымъ духомъ, который чревать жизнью, и долженъ непрестанно порождать жизнь, ибо сладкая вода, и въ сладкой водѣ свѣтъ, непрерывно восходитъ теперь въ терпкомъ качествѣ, и горькое качество непрестанно ликуетъ теперь въ немъ, и нѣтъ ничего, кромѣ только смѣха и радости и взаимной любви.

23. Ибо терпкое качество любитъ сладкую воду; прежде всего, потому что въ сладкой водѣ рождается духъ свѣта, и поить терпкое, жесткое и холодное качество, и освѣщаетъ, и согрѣваетъ его: ибо въ водѣ, зноѣ и свѣтѣ пребываетъ жизнь.

24. Далѣе, терпкое качество любитъ горькое, ибо въ сладкой водѣ, то есть, въ водѣ, зноѣ и свѣтѣ, горькое качество ликуетъ въ терпкомъ, и дѣлаетъ его подвижнымъ, и тогда терпкое можетъ также ликовать.

25. Въ третьихъ, терпкое качество любитъ зной, ибо въ зноѣ рождается свѣтъ, чѣмъ терпкое качество бываетъ освѣщено и согрѣто.

26. И сладкое качество также любить терпкое; прежде всего, потому что терпкое сушитъ его, такъ что оно не становится жидкимъ подобно стихійной водѣ, и качество его остается въ силѣ, и потому что въ терпкомъ качествѣ рождающійся въ немъ свѣтъ становится сіяющимъ и сухимъ. Къ тому же терпкое качество есть причина зноя, рождающагося въ сладкой водѣ, а въ зноѣ восходитъ свѣтъ, въ которомъ сладкая вода пребываетъ въ великой ясности.

27. Во вторыхъ, сладкое качество любитъ также и горькое, потому что оно также бываетъ причиною зноя, и еще потому что въ сладкой водѣ, зноѣ и свѣтѣ горькій духъ ликуетъ и дрожитъ, и дѣлаетъ сладкое качество подвижнымъ и живымъ.

28. Въ третьихъ, сладкое качество отмѣнно любитъ зной, такъ любить, что я ни съ чѣмъ не могу этого сравнить: возьми себѣ въ подобіе, которое будетъ однако слишкомъ ничтожно, двухъ молодыхъ людей благороднаго сложенія: когда они воспламенены любовнымъ жаромъ другъ къ другу, то бываетъ такой огонь, что если бы они могли влѣзть въ тѣло другъ другу, или превратиться въ одно тѣло, то они сдѣлали бы это; но эта земная любовь лишь холодная вода, а не настоящій огонь; нельзя найти иного подходящаго сравненія въ семъ полумертвомъ мірѣ, кромѣ только воскресенія мертвыхъ въ Послѣдній день; это есть совершенное сравненіе во всѣхъ Божественныхъ вещахъ, истинное воспріятіе любви.

29. Но сладкое качество потому такъ любитъ зной, что онъ порождаетъ въ немъ свѣтлаго духа, который есть духъ жизни; ибо жизнь возникаетъ въ зноѣ; иначе, если бы не было зноя, то все было бы темною долиною; и какъ любя жизнь, такъ любовь бываетъ сладкому духу и зной, и въ зноѣ свѣтъ.

30. И горькое качество также любитъ всѣхъ другихъ источныхъ духовъ; прежде всего качество сладкое, ибо въ сладкой водѣ горькій духъ утоляется, и погашаетъ въ ней свою великую жажду, и горечь его укрощается, и онъ получаетъ въ ней свою свѣто-жизнь; въ терпкомъ же онъ имѣетъ свое тѣло, и ликуетъ въ немъ, и охлаждается, и укрощается; а въ зноѣ его сила и крѣпость, и въ нихъ его радость.

31. И качество зноя также любитъ всѣ другія качества, и

любовь къ другимъ качествамъ и въ другихъ качествахъ такъ велика въ немъ, что нельзя и сравнить ее: ибо оно порождается другими качествами. Терпкое и горькое качества суть отецъ зноя, а сладкая родниковая вода—мать его, которая зачинаетъ, содержитъ и рождаетъ его; ибо чрезъ жестокое треніе терпкаго и горькаго качествъ возникаетъ зной, въ сладкомъ же, какъ на примѣръ въ деревѣ, онъ восходитъ.

32. Если же ты не вѣришь этому, то раскрой глаза свои, и подойди къ дереву, и посмотри на него, и поразмысли: прежде всего ты увидишь все дерево въ цѣломъ; возьми тогда ножъ, и надрѣжь дерево, и отвѣдай на вкусъ, каково оно; тогда ты испытаешь сначала вкусъ терпкаго качества, которое свяжетъ тебѣ языкъ; оно же сдерживаетъ и связываетъ воедино и всѣ силы дерева; затѣмъ ты испытаешь вкусъ горькаго качества, которое даетъ дереву движеніе, такъ что оно растетъ, зеленѣетъ и выгоняетъ свои вѣтви, листву и плоды; потомъ ты испытаешь вкусъ сладкаго качества, которое весьма кротко и остро; ибо отъ терпкаго и горькаго получаетъ оно остроту.

33. Теперь, эти качества были бы темны и мертвы, если бы въ нихъ не было зноя; но лишь только наступить весна, и солнце достигнетъ лучами своими земли, и согрѣетъ ее, какъ духъ въ деревѣ оживаетъ въ зноѣ, и духи дерева начинаютъ зеленѣть, расти и цвѣсти. Ибо духъ восходитъ въ зноѣ, и всѣ духи радуются въ немъ, и живутъ въ немъ, и между ними сердечная любовь. Зной рождается въ сладкой водѣ чрезъ силу и побужденіе терпкаго и горькаго качествъ; въ зноѣ же солнца они нуждаются для возженія, потому что качества въ мірѣ семъ полумертвы и слишкомъ немощны, чему виною царь Люциферъ, какъ ты узнаешь при описаніи его паденія и сотворенія сего міра.

О ПРИВѢТНОЙ ЛЮБВИ, БЛАЖЕНСТВѢ И СОГЛАСІИ ЭТИХЪ
ПЯТИ ИСТОЧНЫХЪ ДУХОВЪ БОЖІИХЪ.

34. Хотя невозможно удовлетворительно описать это человеческой рукой. однако просвѣтленный духъ человека видитъ это, ибо онъ восходитъ по тому же точно образу и тѣмъ же

рожденіемъ, какъ и свѣтъ въ Божественной силѣ, и въ тѣхъ же самыхъ качествахъ, какія въ Богѣ.

35. О томъ только надо сожалѣть въ человѣкѣ; что качества его повреждены и полумертвы, почему и духъ человѣка, или его кипѣніе, восхожденіе или возженіе не можетъ достигнуть совершенства въ семъ мірѣ.

36. Но въ свой чередъ великая радость для насъ, что духъ человѣка въ скудости своей бываетъ просвѣтленъ и возженъ Святымъ Духомъ, подобно какъ солнце зажигаетъ остывшій зной въ деревѣ или травѣ, отчего этотъ остывшій зной становится живымъ.

37. Теперь замѣть: подобно какъ члены человѣка любятъ другъ друга, такъ и духи въ Божественной силѣ, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ одного только устремленія, желанія и осуществленія, а также ликованія другъ въ другѣ и радованія; ибо чрезъ этихъ духовъ происходитъ разумѣніе и различеніе въ Богѣ, въ ангелахъ, людяхъ, звѣряхъ и птицахъ, и во всемъ, что живетъ: ибо въ этихъ пяти качествахъ восходитъ зрѣніе, обоняніе, вкусъ и осязаніе, и духъ становится разумнымъ.

38. Когда восходитъ свѣтъ, то духи видятъ другъ друга; и когда въ свѣтѣ сладкая родниковая вода проходитъ чрезъ всѣхъ духовъ, то они отвѣдываютъ вкусъ другъ друга; тогда духи становятся живыми, и сила жизни проникаетъ все, и въ этой силѣ они обоняютъ другъ друга, и въ этомъ кипѣніи и проницаніи они осязаютъ другъ друга, и нѣтъ ничего, кромѣ сердечной любви и дружескаго лицезрѣнія, пріятнаго обонянія и вкушенія и ощущенія любви, блаженнаго цѣлованія, вкушенія и питія другъ отъ друга, и любовнаго прогуливанія.

39. То благодатная невѣста, радующаяся о женихѣ своемъ, то любовь, радость и блаженство, то свѣтъ и ясность, то пріятное благоуханіе, привѣтный и сладостный вкусъ. Ахъ, и вѣчно безъ конца! можетъ ли довольно нарадоваться о томъ небесная тварь? О любовь и блаженство! нѣтъ тебѣ конца, не видно тебѣ конца, твоя глубина неизслѣдима; ты вездѣ одна и та же; кромѣ только однихъ яростныхъ діаволовъ, которые тебя погубили въ себѣ.

40. Ты спросишь теперь: но гдѣ же можно найти этихъ

блаженныхъ духовъ? или они обитаютъ только въ самихъ себѣ на небѣ? Отвѣтъ: это вторыя отверстыя врата Божества. Ты долженъ широко раскрыть здѣсь свои глаза и пробудить духа въ своемъ полумертвомъ сердцѣ; ибо это не вымыселъ, не басня и не воображеніе.

41. Замѣтъ: семь духовъ Божіихъ объемлютъ въ своей окружности или въ своемъ пространствѣ небо и сей міръ, и всю даль и глубь внѣ неба и надъ небомъ, надъ міромъ, подъ міромъ и въ мірѣ; даже всего Отца, не имѣющаго ни конца ни начала. Они объемлютъ также и всѣхъ тварей на небѣ и въ семь мірѣ; и всѣ твари на небѣ и въ семь мірѣ образованы изъ этихъ духовъ, и живутъ въ нихъ, какъ въ своей собственности; и жизнь ихъ и разумъ рождаются въ нихъ по тому же образу, какъ рождается и Божественное существо, и въ той же самой силѣ. И изъ того же тѣла семи духовъ Божіихъ созданы и произошли всѣ вещи, всѣ ангелы, всѣ діаволы, небо, земля, звѣзды, стихіи, люди, звѣри, птицы, рыбы, всѣ гады, древесина и деревья, а также камни, злаки и травы, и все что ни есть.

42. Теперь ты спросишь: но такъ какъ Богъ вездѣ, и самъ есть все, то какъ же происходитъ, что бываетъ въ семь мірѣ такой холодъ и зной, притомъ же всѣ твари грызутся и дерутся между собою, и нѣтъ ничего въ семь мірѣ, кромѣ одной только ярости? [*„Причиною тому четыре первыхъ образа природы, которые всѣ враждуютъ между собою, кромѣ свѣта, и суть однако причины жизни“.*] Вотъ тому причина и злоба: когда царь Люциферъ возсѣдалъ въ своемъ царствѣ, подобно гордой, безумной дѣвѣ, то окружность его обнимала то мѣсто, гдѣ нынѣ находится сотворенное небо, созданное изъ воды, а также и мѣсто сотвореннаго міра, вплоть до неба, равно какъ и глубину, гдѣ нынѣ земля; и все это былъ чистый и святой салиттеръ, гдѣ семь духовъ Божіихъ пребывали въ полнотѣ и отрадѣ, какъ нынѣ на небѣ; хотя и въ семь мірѣ они продолжаютъ еще пребывать въ полнотѣ; но только замѣтъ себѣ ясно обстоятельства.

43. Когда царь Люциферъ возсталъ, то онъ возсталъ въ семи источныхъ духахъ, и зажегъ ихъ своимъ возстаніемъ, такъ что все стало весьма жгучимъ: терпкое качество стало

такъ жестко, что породило камни, и такъ холодно, что превратило въ ледъ сладкую родниковую воду; и сладкая родниковая вода стала весьма густою и смрадною, и горькое качество стало весьма неистовымъ, раздирающимъ и бушующимъ, и отъ него восходить (рождается) ядъ; а огонь или зной сталъ весьма буйнымъ, жгучимъ и поѣдающимъ, и весьма злою соразмѣрностью или смѣшеніемъ.

44. Посемъ низвергнуть былъ царь Люциферъ со своего царскаго мѣста или престола, который былъ у него на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится сотворенное небо; и тогда вскорѣ послѣдовало сотвореніе сего міра, и жесткое, грубое вещество, сложившееся въ семи зажженныхъ источныхъ духахъ, было согнано воедино; изъ него возникли земля и камни; всѣ твари были затѣмъ созданы изъ зажженнаго салиттера семи духовъ Божіихъ.

45. Источные же духи стали теперь такъ яростны въ своемъ возженіи, что непрестанно повреждаютъ другъ друга своимъ злымъ кипѣніемъ; такъ поступаютъ теперь и твари, созданныя изъ источныхъ духовъ, и живущія въ томъ же побужденіи, гдѣ все терзаетъ и попираетъ другъ друга и завидуетъ другъ другу, по роду качествъ.

46. Ради этого и опредѣлилъ всеединный Богъ послѣдній судъ: тогда отлучить Онъ злое отъ добраго, и снова вселить доброе въ кроткое и пріятное веселіе, какъ это было прежде мерзкаго возженія діаволовъ, и отдасть яростное въ вѣчное обитаніе царю Люциферу. И тогда это царство раздѣлится на двѣ части: одну получаютъ люди съ царемъ своимъ Іисусомъ Христомъ, другую же — діаволы со всѣми безбожными людьми и со злобою.

47. Итакъ, это есть краткое наставленіе, чтобы читатель могъ тѣмъ лучше уразумѣть Божественную тайну; когда будетъ рѣчь о паденіи діавола и о сотвореніи сего міра, ты найдешь подробное и обстоятельное описаніе всего; поэтому я хочу предупредить читателя, чтобы онъ читалъ все въ своемъ порядкѣ, тогда онъ дойдетъ и до настоящей основы.

48. Хотя это отъ начала міра не было открыто такъ всецѣло ни одному человѣку, но такъ какъ Богъ хочетъ того, то я

предоставляю совершаться Его волѣ, и хочу быть свидѣтелемъ того, что Богъ этимъ свершитъ. Ибо пути Его, которыми Онъ идетъ предъ собою, большей частью сокрыты отъ меня, но вослѣдъ духъ видитъ Его до высочайшей глубины.

О ШЕСТОМЪ ИСТОЧНОМЪ ДУХЪ ВЪ БОЖЕСТВЕННОЙ
СИЛЪ.

Шестой источникъ духъ въ Божественной силѣ есть звукъ или звонъ, такъ что все въ немъ звучитъ и звенитъ; отсюда слѣдуетъ рѣчь и различіе всѣхъ вещей, а также голосъ и пѣніе святыхъ ангеловъ; и отъ него зависитъ образованіе всякаго цвѣта и красоты, а также и небеснаго царства радости.

2. Теперь ты спросишь: что есть звукъ и звонъ, или какъ беретъ этотъ духъ свой источникъ и начало? Замѣть: всѣ семь духовъ Божіихъ рождаются другъ въ другъ, одинъ непрерывно порождаетъ другого, и никто не бываетъ первымъ, какъ и никто послѣднимъ: ибо послѣдній такимъ же образомъ порождаетъ перваго, какъ первый втораго, третьяго, четвертаго, и такъ до послѣдняго.

3. Если же одинъ изъ нихъ называется первымъ или вторымъ, и такъ далѣе, то глядя на то, кто изъ нихъ бываетъ первымъ при образованіи и сложеніи твари. Ибо они всѣ семь одинаково вѣчны, и ни одинъ не имѣетъ ни начала, ни конца: и изъ того, что семь качествъ непрерывно порождаютъ другъ друга, и ни одно не бываетъ внѣ прочихъ, слѣдуетъ, что есть единый, вѣчный, всемогущій Богъ.

4. Ибо когда что-либо рождается изъ Божественнаго существа и въ Божественномъ существѣ, то оно бываетъ образовано не однимъ только духомъ, но всѣми семью: и когда такая тварь, подобная всему существу Божію, повредится, возстанетъ и зажжетъ себя въ одномъ изъ источниковъ духовъ, то она зажжетъ не одного только духа, но всѣ семь.

5. Потому такая тварь бываетъ мерзостью предъ всецѣлымъ

Богомъ и предъ всѣми его тварями, и должна пребывать въ вѣчной враждѣ и позорѣ предъ Богомъ и всѣми тварями.

6. Теперь замѣть: звукъ или меркурій беретъ свое начало въ первомъ, то есть, въ терпкомъ и твердомъ качествахъ.

7. Замѣть въ глубинѣ: твердость есть родникъ звука; но она не можетъ породить его одна, и бываетъ лишь его отцомъ, мать же его весь салиттеръ; иначе, если бы твердость была одна и отцомъ и матерью звука, то и твердый камень также долженъ былъ бы звенѣть: однако онъ издаетъ лишь шумъ или стукъ, какъ бы нѣкое сѣмя или начало звука, что онъ дѣйствительно и есть.

8. Но звонъ или голосъ восходитъ въ молніи, въ самой срединѣ или средоточіи ея, тамъ гдѣ свѣтъ рождается изъ зноя, когда восходитъ молнія жизни.

9. Замѣть, какъ это происходитъ: когда терпкое качество трется съ горькимъ, такъ что въ сладкой родниковой водѣ восходитъ зной, то зной зажигаетъ сладкую родниковую воду подобно молніи; и эта молнія есть свѣтъ, и онъ проникаетъ въ зноѣ въ горькое качество, гдѣ молнія распредѣляется по всѣмъ силамъ.

10. Ибо, въ горькомъ качествахъ всѣ силы раздѣляются; и оно принимаетъ молнію свѣта, какъ бы жестоко пугаясь, и въ трепетѣ и испугѣ своемъ устремляется въ терпкое и твердое качество, и бываетъ тѣлесно плѣнено тамъ. И горькое качество бываетъ теперь чревато свѣтомъ, и дрожитъ въ терпкомъ и твердомъ качествахъ, и мечется въ немъ, и бываетъ плѣнено въ терпкомъ (твердомъ) качествахъ, какъ въ нѣкоемъ тѣлѣ.

11. И когда теперь духи приходятъ въ движеніе и хотятъ говорить, то твердое качество принуждено раздаться: ибо горькій духъ со своею молніей расторгаетъ его; и тогда оттуда исходитъ звукъ, и бываетъ чреватъ всѣми семью духами; и они раздѣляютъ слово, какъ оно было опредѣлено въ средоточіи, то есть, въ срединѣ окружности, когда оно было еще въ совѣтѣ семи духовъ.

12. И потому семь духовъ Божіихъ создали тварямъ ротъ, чтобы, когда онѣ захотятъ говорить или издавать звуки, имъ не приходилось сначала разрываться; и потому всѣ жилы и силы

или источные духи проходятъ въ языкъ, чтобы звукъ или голосъ исходилъ кротко и пріятно.

13. Замѣтъ здѣсь особенно смыслъ и тайну: когда въ зноѣ восходитъ молнія, то прежде всѣхъ воспринимаетъ ее сладкая вода, ибо въ ней молнія становится сіяющей; когда вода восприметъ молнію, то есть, рожденіе свѣта, то она пугается, и будучи такой жидкой и мягкой, отступаетъ вся въ трепетъ, ибо въ свѣтѣ восходитъ зной.

14. Когда же теперь терпкое качество, которое весьма холодно, приметъ въ себя зной и молнію, то оно пугается, какъ еслибы разразилась гроза: ибо когда зной и свѣтъ вступаютъ въ жестокой холодъ, то они производятъ яростную молнію, весьма яркую и огнецвѣтную. Эта молнія возвращается вспять, и сладкая вода принимаетъ ее, и восходитъ въ этой яростности, и въ этомъ восходѣ и испугѣ она превращается въ зеленый или небесно-голубой цвѣтъ, и дрожитъ по причинѣ яростной молніи. Молнія же сохраняетъ въ самой себѣ свою ярость, и отсюда возникаетъ горькое качество или горькой духъ, который восходитъ теперь въ терпкомъ качествѣ, и зажигаетъ его твердость своимъ яростнымъ источникомъ; и свѣтъ или молнія высыхаетъ въ твердости, и сіяетъ ярко, гораздо свѣтлѣе, нежели блескъ солнца.

15. Но она бываетъ плѣнена въ терпкомъ качествѣ, такъ что пребываетъ тѣлесно, и должна вѣчно свѣтитъ такъ; и молнія дрожитъ въ этомъ тѣлѣ, какъ бы въ состояніи яростнаго восхожденія, и этимъ непрестанно и вѣчно возбуждаются всѣ качества. И молнія огня въ свѣтѣ непрестанно дрожитъ такъ и ликуетъ, и сладкая вода непрестанно укрощаетъ ее такъ, а твердость всегда бываетъ тѣмъ тѣломъ, которое ее заключаетъ и иссушаетъ. И это возбужденіе въ твердости и есть звукъ или виновникъ звучанія; свѣтъ же или молнія создаетъ звонкость, а сладкая вода дѣлаетъ ее кроткою, такъ что ею можно пользоваться для различенія рѣчи.

16. Замѣтъ здѣсь еще яснѣе рожденіе горькаго качества: начало горькаго качества бываетъ, когда молнія жизни восходитъ въ зноѣ въ терпкое качество. И когда такимъ образомъ молнія огня, въ смѣшеніи воды, проникаетъ въ терпкое каче-

ство, то духъ огневой молніи схватываетъ терпкаго и твердаго духа; и оба вмѣстѣ они суть буйный, жестокий, яростный источникъ, бушующій и свирѣпо рвущійся, подобно пылающей, жестокой ярости. Я ни съ чѣмъ не могу сравнить его, какъ только съ ударомъ грома, когда сначала низвергается на землю яростный огонь, и ослѣпляетъ людямъ зрѣніе: этотъ яростный огонь бываетъ того же рода, какъ и сочетаніе этихъ двухъ духовъ.

17. Теперь замѣть: когда эти духи, огневой и терпкій, борются между собою, то терпкій духъ создаетъ жестокую, твердую и холодную терпкость, а огневой ужасающую, яростную жгучесть. Восхожденіе же этой жгучести и терпкости производитъ нѣкоего дрожащаго, яростнаго, ужасающаго духа, который неистовствуетъ и бушуетъ, какъ если бы хотѣлъ растерзать Божество.

18. Но ты долженъ понять это въ точности: таково бываетъ происхожденіе качества въ самомъ себѣ; но посреди своего восхожденія этотъ яростный духъ бываетъ плѣненъ въ сладкой водѣ, и укрощенъ ею; тогда его яростный источникъ превращается въ дрожащій, горькій и зеленоватый цвѣтъ, подобный зеленоватой тѣмѣ, и сохраняетъ въ себѣ родъ и свойство всѣхъ трехъ качествъ, а именно огневого, терпкаго и сладкаго, и изъ этихъ трехъ возникаетъ четвертое качество—горькое.

19. Ибо отъ огневого качества духъ становится дрожащимъ и жгучимъ; и отъ терпкаго онъ становится жестокимъ, терпкимъ, твердымъ и тѣлеснымъ, такъ что пребываетъ прочно; отъ сладкаго же онъ становится кроткимъ, и яростность превращается въ кроткую горечь; теперь онъ пребываетъ въ родникѣ семи духовъ Божіихъ, и непрестанно помогаетъ въ рожденіи шести прочихъ духовъ.

20. Пойми это точно: онъ въ той же мѣрѣ порождаетъ своего отца и свою мать, какъ отецъ и мать порождаютъ его: ибо родившись тѣлесно, онъ теперь съ терпкимъ качествомъ непрестанно вновь порождаетъ огонь, и огонь порождаетъ свѣтъ, а свѣтъ есть молнія, непрестанно вновь порождающая жизнь во всѣхъ источныхъ духахъ, и духи получаютъ отъ нея жизнь, и непрестанно вновь порождаютъ другъ друга.

21. Но здѣсь ты долженъ узнать, что духъ не можетъ по-

родить другого одинъ, и двое ихъ также не могутъ этого сдѣлать; но рожденіе духа состоитъ въ дѣйстви всѣхъ семи духовъ: шестеро ихъ всегда порождаютъ седьмого, и если бы недоставало одного, то не было бы и другого.

22. Если же я называю здѣсь иногда только двухъ или трехъ при рожденіи духа, то я поступаю такъ ради моей собственной слабости: ибо я не могу вынести ихъ заразъ всѣ семь въ ихъ совершенствѣ въ моемъ поврежденномъ мозгу. Я вижу ихъ поистинѣ всѣ семь; но когда я углубляюсь въ созерцаніе ихъ, то въ среднемъ родникѣ, тамъ гдѣ рождается духъ жизни, восходитъ духъ, который либо поднимается выше себя, либо опускается ниже, и не можетъ постичь духовъ Божіихъ всѣ семь одною мыслью или заразъ, но лишь частично.

23. Каждый духъ имѣетъ свой собственный источникъ, хотя онъ и порождается прочими; такъ и разумѣніе человѣка: хотя онъ и имѣетъ въ себѣ родникъ всѣхъ семи духовъ, однако когда духъ восходитъ въ какомъ-нибудь источникѣ, то человекъ въ этомъ восхожденіи всего отчетливѣе постигаетъ источныхъ духовъ именно этого источника, ибо въ нихъ этотъ духъ образуется всего сильнѣе; ибо даже и въ Божественной силѣ духъ не проходитъ въ своемъ восхожденіи заразъ сквозь всѣ семь духовъ: хотя онъ и возбуждаетъ ихъ заразъ всѣ семь, когда восходитъ, однако бываетъ плѣненъ при своемъ восхожденіи, такъ что долженъ отложить свое великолѣпіе, и не можетъ торжествовать надъ всѣми семью. [*„Въ этомъ существо чувствъ и мыслей: иначе, если бы мысль могла чрезъ средоточіе природы пройти сквозь всѣ образы, то была бы свободна отъ узъ природы“.*]

24. Такъ и въ человекѣ: когда восходитъ источникъ духъ, то онъ возбуждаетъ всѣхъ другихъ, и видитъ всѣхъ другихъ; ибо онъ восходитъ въ среднемъ родникѣ сердца, гдѣ въ зноѣ загорается молнія свѣта, и гдѣ духъ, восходя въ этой молніи, провищаетъ взоромъ всѣхъ духовъ. Но въ нашей поврежденной плоти это бываетъ лишь какъ блистаніе въ грозѣ: ибо если бы я могъ въ плоти моей объять молнію, которую я хорошо вижу и познаю, какова она есть, то я могъ бы и просвѣтить ею мое тѣло [*„изъ молніи приходитъ свѣтъ величества“*], и оно не было бы болѣе похоже видомъ на животное тѣло, но на ангеловъ Божіихъ.

25. Но послушай, другъ, подожди еще немного, и отдай животное тѣло въ пищу червямъ: когда же всеединый Богъ возжетъ семь духовъ Божіихъ въ поврежденной землѣ, и тотъ салиттеръ, который ты сѣешь въ землю, окажется невоспримчивъ къ огню, то въ твоёмъ отшествіи отсюда твои источные духи снова взойдутъ въ томъ самомъ салиттерѣ, который ты посѣялъ, и будутъ ликовать въ немъ, и вновь станутъ тѣломъ. Кто же окажется воспримчивъ къ возженному огню семи духовъ Божіихъ, тотъ останется въ немъ, и его источные духи будутъ восходить въ адской мукѣ, что я докажу ясно въ своемъ мѣстѣ.

26. Я не могу описать тебѣ все Божество въ одномъ кругѣ; ибо оно неизмѣримо, но не непостижимо для духа, пребывающаго въ любви Божіей; онъ хотя и постигаетъ Его, но лишь частично: поэтому охватывай одно за другимъ, и ты увидишь цѣлое. Въ настоящемъ поврежденіи мы не можемъ подняться выше такового откровенія; и высшаго не заключаетъ сей міръ, ни въ началѣ своемъ, ни въ концѣ. [*„И я также желалъ бы увидать нѣчто высшее въ семъ моемъ скорбномъ рожденіи, чтобъ утѣшился больной мой Адамъ; но я озираюсь во всеміръ, и ничего не могу отыскать: все больно, хромо и въ язвахъ, и къ тому же слѣпо, глухо и нѣмо“.*]

27. Я прочелъ много писаній высокихъ учителей, въ надеждѣ найти въ нихъ основу и истинную глубину; но я ничего не нашелъ, кромѣ полумертваго духа, томящагося по здоровью, и однако не могущаго по своей великой слабости придти въ совершенную силу.

28. И вотъ я все еще стою, подобно женѣ, мучающейся родами, и ищу совершенной услады, но нахожу лишь восходящее благоуханіе, и духъ познаетъ въ немъ, какая сила таится въ настоящей усладѣ, и временно услаждается въ своей болѣзни этимъ совершеннымъ благоуханіемъ, пока не придетъ истинный самарянинъ, и не перевяжетъ ему его раны, и не исцѣлитъ ихъ, и не отведетъ его въ вѣчную гостинницу: тогда онъ насладится также и совершеннымъ вкусомъ.

29. Эту траву, о которой я говорю здѣсь, что ея благоуханіемъ услаждается духъ мой, знаетъ не всякій крестьянинъ, также

и не всякій ученый, ибо она столь-же невѣдома первому, какъ и второму: хотя растеть она и во всякомъ саду, однако въ иныхъ садахъ бываетъ совсѣмъ поврежденной и злою, чему виною качество почвы. Потому и не знаютъ ея, и даже дѣти этой тайны едва знакомы съ этой травой, хотя познаніе ея цѣнилось высоко отъ начала міра.

30. Хотя въ иныхъ и пробивался источникъ, однако вслѣдъ за нимъ вторгалась гордость и повреждала все; онъ тотчасъ же не хотѣлъ больше писать на родномъ языкѣ, воображая, что это будетъ слишкомъ дѣтски, и что ему надо заявить себя на болѣе важномъ языкѣ, и тогда міръ узнаеть, какой онъ большой человѣкъ; такимъ образомъ онъ ради своей выгоды все равно что утаивалъ свое знаніе, и залѣплялъ глубокомысленными чуждыми названіями, чтобы его не узнали; такимъ негоднымъ животнымъ бываетъ діавольское тщеславіе.

31. Но ты, простая мать, порождающая въ сей міръ всѣхъ дѣтей, которыя потомъ въ восхожденіи своемъ стыдятся тебя, и презираютъ тебя, хотя все же они твои дѣти, и ты породила ихъ, слушай: такъ говоритъ Духъ, восходящій въ семи духахъ Божіихъ, Отецъ твой: не унывай, вотъ Я крѣпость твоя и сила твоя, Я налью тебѣ сладостнаго напитка въ старости твоей.

32. Такъ какъ всѣ дѣти твои презираютъ тебя, которыхъ ты родила и вспоила въ юности ихъ, и не хотятъ заботиться о тебѣ въ глубокой старости твоей, то Я утѣшу тебя, и дамъ тебѣ въ глубокой старости твоей юнаго сына; онъ останется въ домѣ твоёмъ, во все время жизни твоей и будетъ заботиться о тебѣ и утѣшать тебя, вопреки всему неистовству и бушеванію гордыхъ дѣтей твоихъ.

33. Теперь замѣть далѣе о меркуріи, звукѣ или звонѣ. Всѣ качества берутъ свое первоначальное происхожденіе въ срединѣ: разумѣй, тамъ, гдѣ рождается огонь; ибо тамъ же восходитъ и молнія жизни всѣхъ качествъ, и плѣняется въ водѣ, такъ что сохраняетъ свое сіяніе; затѣмъ высыхаетъ въ терпкости, такъ что остается тѣлесной, и ярко сіяетъ.

34. Замѣть здѣсь: зажги кусокъ дерева, и ты увидишь тайну: огонь загорается въ твердости дерева, и это будетъ терпкій, твердый источникъ, источникъ Сатурна, дѣлающій де-

рево твердымъ и грубымъ. Однако свѣтъ, то есть, молнія, держится не въ твердости, иначе и камень могъ бы горѣть, но свѣтъ держится въ сокѣ дерева, то есть, въ водѣ. Огонь сіяетъ свѣтлымъ пламенемъ, пока въ деревѣ есть сокъ; когда же сокъ въ деревѣ истребленъ, то свѣтлое пламя погасаетъ, и дерево становится раскаленнымъ углемъ.

35. Теперь смотри: яростность, вспыхивающая въ свѣтѣ, состоитъ не въ водѣ дерева; но когда зной восходитъ въ твердости, то рождается молнія, и она сначала плѣняется сокомъ въ деревѣ, и отъ этого вода становится сіяющей; яростность же или горечь рождается посреди твердости и зноя въ молніи, гдѣ и пребываетъ; и куда достигаетъ молнія, то есть, пламя огня, туда достигаетъ также и ярость горечи, которая есть сынъ твердости и зноя.

36. Но ты долженъ вѣдать ту тайну, что горечь уже заранѣе содержится въ деревѣ; иначе яростная горечь не рождалась бы такъ молніино въ природномъ огнѣ.

37. Ибо какъ рождается тѣло огня при зажиганіи дерева, подобнымъ же образомъ рождается и дерево въ землѣ и надъ землею.

38. Но если бы яростность рождалась въ сіяющемъ свѣтѣ, то она конечно достигала бы такъ же далеко, какъ и блескъ свѣта; но это не бываетъ такъ; на самомъ же дѣлѣ молнія есть мать свѣта, ибо молнія рождаетъ изъ себя свѣтъ; и она есть отецъ ярости, ибо ярость пребываетъ въ молніи, какъ сѣмя въ отцѣ; и эта же молнія порождаетъ также и звукъ или звонъ.

39. Когда молнія исходитъ изъ твердости и зноя, то твердость производитъ въ ней стукъ, а зной производитъ звонъ; и свѣтъ въ молніи дѣлаетъ звонъ этотъ яснымъ, а вода кроткимъ, а терпкость или твердость плѣняетъ его въ себѣ и иссушаетъ, такъ что онъ становится тѣлеснымъ духомъ во всѣхъ качествахъ. Ибо каждый изъ семи духовъ Божіихъ чреватъ всѣми семью духами, и всѣ они одинъ въ другомъ, какъ единый духъ, и ни одинъ не бываетъ внѣ другого; однако таково рожденіе ихъ въ самихъ себѣ, и такъ рождаетъ одинъ другого въ себѣ и чрезъ себя, и это рожденіе протекаетъ такъ отъ вѣчности и до вѣчности.

40. Здѣсь я хочу предупредить читателя, чтобы онъ правильно разсматривалъ Божественное рожденіе. Ты не долженъ думать, будто одинъ духъ стоитъ возлѣ другого, подобно какъ ты видишь звѣзды на небѣ одну возлѣ другой; нѣтъ, но всѣ семь они другъ въ другѣ, какъ единый духъ; какъ ты можешь видѣть это на человѣкѣ: у него много разныхъ мыслей отъ дѣйствія семи духовъ Божіихъ, которые сплочиваются внутри его тѣло; но ты долженъ признать (если ты только не безразсуденъ), что каждый членъ въ цѣломъ тѣлѣ обладаетъ силою другого.

41. Но въ какомъ качествѣ пробуждаешь ты духа, и призываешь къ качественію, сообразно тому качеству восходятъ также и мысли, и управляютъ умомъ. Пробуждаешь ли ты духа въ огнѣ, въ тебѣ вскипаетъ тогда горькій и жесткій гнѣвъ: ибо какъ скоро огонь бываетъ зажженъ, а это происходитъ въ твердости и яростности, такъ закипаетъ въ молніи горькая яростность.

42. Ибо когда ты въ тѣлѣ твоёмъ встаешь противъ чего-либо, будь то противъ любви или гнѣва, ты зажигаешь качество того, противъ чего ты возсталъ, и оно горитъ въ твоёмъ сплоченномъ воедино духѣ: но тотъ же источникъ пробуждается и въ молніи. Ибо когда ты на что-либо смотришь, что тебѣ не нравится, или что тебѣ враждебно, то ты вздымаешь родникъ своего сердца, какъ если бы взялъ камень и ударилъ по огниву; и если искра западаетъ въ сердцѣ, то загорается огонь; сначала онъ тлѣетъ, но если ты еще сильнѣе возбудишь родникъ сердца, то это какъ если бы ты сталъ раздувать огонь, пока не разгорится пламя; тогда пора гасить, иначе огонь возрастетъ, и начнетъ жечь и поѣдать и вредить ближнимъ своимъ.

43. Ты скажешь теперь: какъ же погасить зажженный огонь? Слушай: въ тебѣ есть сладкая родниковая вода, полей ея на огонь, и онъ погаснетъ; если же ты оставишь его горѣть, то онъ истребитъ у тебя сокъ во всѣхъ семи источныхъ духахъ, такъ что ты изсохнешь; когда же это случится, ты станешь обугленною головнею и кочергою адскаго пожара, и тебѣ не будетъ помощи во-вѣки.

44. Когда же ты смотришь на что-либо, что тебѣ любо, и пробуждаешь духа въ сердцѣ, то зажигаешь въ сердцѣ огонь,

горящій сначала въ сладкой водѣ, какъ рдѣющій уголь. И пока онъ тлѣетъ, онъ бываетъ въ тебѣ только кроткимъ желаніемъ, и не сжигаетъ тебя; но если ты еще сильнѣе возбудишь свое сердце, и зажжешь сладкій источникъ, такъ что онъ станетъ горящимъ пламенемъ, то ты зажжешь и всѣхъ источныхъ духовъ: тогда все тѣло горитъ, и огонь передается устамъ и рукамъ.

45. Этотъ огонь всего вреднѣе, и больше всего причинилъ гибели отъ начала міра, и его очень трудно погасить: ибо когда онъ бываетъ зажженъ, то горитъ въ сладкой водѣ, въ молніи жизни, и долженъ быть погашенъ горечью; а горечь лишь жалкая вода, и гораздо больше огонь, нежели вода. И потому душа бываетъ очень печальна, когда человѣкъ долженъ покинуть то, что горитъ въ его любовномъ огнѣ, въ сладкой родниковой водѣ.

46. Но надлежитъ тебѣ вѣдать, что ты самъ свой господинъ въ управленіи твоею душою: никакой огонь не восходитъ въ окружности твоего тѣла и духа, если ты самъ не возбудишь его. Правда, что всѣ духи твои кипятъ въ тебѣ, и восходятъ въ тебѣ, и что одинъ духъ, конечно, имѣетъ въ тебѣ всегда большую власть и силу, нежели другой; ибо если бы въ одномъ человѣкѣ правленіе духовъ было какъ въ другомъ, то у насъ у всѣхъ была бы одна воля и одинъ образъ; но они всѣ семь находятся во власти твоего сплоченнаго воедино духа, каковой духъ зовется душою. [*„Она заключаетъ въ себѣ первое Начало, духъ души—второе, и духъ звѣздъ въ стихіяхъ—третье, именно сей міръ“.*]

47. И когда восходитъ огонь въ одномъ изъ источныхъ духовъ, то это не бываетъ скрыто отъ души, и она можетъ тотчасъ же пробудить другихъ источныхъ духовъ, противоположныхъ зажженному огню, и погасить его. Если же огонь становится слишкомъ силенъ, то у нея есть своя тюрьма, куда она можетъ заключить зажженнаго духа, а именно въ твердое терпкое качество; и другіе духи принуждены быть его тюремщиками, пока не пройдетъ его гнѣвъ и не погаснетъ огонь.

48. Замѣть, какъ это бываетъ: когда источникъ духъ слишкомъ сильно влечетъ тебя къ какой-нибудь вещи, противной законамъ природы, то ты долженъ отвести отъ нея глаза; если это не помогаетъ, то возьми этого духа и брось его въ тюрьму:

это значитъ, отврати сердце твое отъ временнаго сладострастія, отъ обжорства и пьянства, отъ богатствъ сего міра, и подумай, что сегодня день кончины твоего тѣла; отвратись отъ развратной пышности міра, и усердно воззови къ Богу, и предайся Ему.

49. Если ты такъ поступишь, то міръ станетъ ругаться надъ тобою, и ты будешь безумцемъ въ глазахъ его: неси съ терпѣніемъ этотъ крестъ, и не отпускай назадъ изъ тюрьмы заключеннаго духа, и уповай на Бога, Онъ воздѣнетъ на тебя вѣнецъ Божественной радости.

50. Если же духъ снова вырвется у тебя изъ тюрьмы, то посади его туда обратно, борись съ нимъ, пока ты живъ; если ты достигнешь хотя бы лишь того, что онъ не воспламенитъ тебѣ родника твоего сердца (отъ чего душа твоя стала бы сухою головнею), и что каждый источникъ сохранить еще свой сокъ ко дню твоего отшествія отсюда, то возженный огонь не повредитъ тебѣ въ Послѣдній день, и не пристанетъ къ духамъ сока, но послѣ этой горестной скорби будешь ты въ воскресеніи ликующимъ ангеломъ Божиимъ.

51. Теперь ты, можетъ быть, скажешь: развѣ также и въ Богѣ есть сопротивностъ между духами Божиими? Нѣтъ; хоть я и показываю здѣсь строгое рожденіе ихъ, какъ строго и сурово рождаются духи Божіи, причемъ каждый можетъ уразумѣть великую строгость Божию, однако изъ этого не слѣдуетъ, чтобы между ними было несогласіе.

52. Ибо таково лишь самое внутреннее и глубочайшее рожденіе въ ядрѣ, чего никакая тварь въ тѣлѣ не можетъ постигнуть; но въ молніи, гдѣ рождается сокровенный духъ, тамъ это постигается: ибо онъ рождается такимъ же образомъ и въ той же силѣ.

53. Мнѣ же отверзаются врата моей души, такъ что я могу видѣть и познавать это; иначе оно, конечно, оставалось бы сокрытымъ отъ меня до дня воскресенія изъ мертвыхъ, какъ и было сокрыто отъ всѣхъ людей отъ начала міра; но я предоставляю въ этомъ дѣйствовать Богу.

54. Въ Богѣ всѣ духи ликуютъ, какъ единый духъ, и одинъ духъ непрестанно укрощаетъ и любитъ другого, и нѣтъ ничего, кромѣ одной только радости и веселія; но строгое

рожденіе ихъ, совершающееся въ сокровенномъ, должно происходить такъ; ибо такъ рождается жизнь и разумъ и всевѣдѣніе, и это есть вѣчное рожденіе, не бывающее никогда иначе.

55. Ты не долженъ думать, будто въ небѣ одно только нѣкое тѣло рождается такъ, которое, предъ всѣмъ другимъ, зовется Богомъ: нѣтъ, но вся Божественная сила, которая сама есть небо и небо всѣхъ небесъ, рождается такъ, и зовется Богомъ Отцомъ; изъ Него рождены всѣ святые ангелы, и они живутъ въ этой силѣ, и духъ всѣхъ ангеловъ въ тѣлѣ ихъ непрестанно и вѣчно рождается такъ, а равно также и духъ всѣхъ людей.

56. Ибо міръ сей такъ же принадлежитъ къ тѣлу Бога Отца, какъ и небо; но духи въ пространственности міра сего зажжены были царемъ Люциферомъ въ его возстаніи, такъ что все въ семъ мірѣ является какъ бы полуисчахшимъ и полумертвымъ: потому и мы, бѣдные люди, столь жестоко ослѣплены и живемъ въ великой опасности.

57. Но ты не долженъ думать поэтому, будто небесный свѣтъ совсѣмъ погасъ въ источныхъ духахъ Божіихъ въ семъ мірѣ; нѣтъ, это только темнота, которой мы не можемъ постигнуть нашими поврежденными глазами; но если Богъ удалитъ темноту, парящую надъ свѣтомъ, и у тебя открылись бы глаза, то ты увидалъ бы также и здѣсь на мѣстѣ, тамъ гдѣ ты стоишь, сидишь или лежишь въ твоей горницѣ, дивное лицо Божіе и всѣ небесныя врата. Тебѣ не надо было бы сначала поднимать глаза твои къ небу, ибо написано: „близко къ тебѣ слово, въ устахъ твоихъ и въ сердцѣ твоёмъ“ (Второз. 30,14; Римл. 10,8).

58. Такъ близокъ къ тебѣ Богъ, что рожденіе Святой Троицы совершается также и въ сердцѣ твоёмъ; всѣ три лица рождаются въ сердцѣ твоёмъ, Богъ Отецъ, Сынъ и Духъ Святой.

59. Если теперь я пишу здѣсь о средоточіи или срединѣ, что родникъ Божественнаго рожденія помѣщается въ срединѣ, то я не хочу этимъ сказать, что въ небѣ есть отдѣльное мѣсто или отдѣльное тѣло, гдѣ восходитъ огонь Божественной жизни, изъ котораго семь духовъ Божіихъ исходятъ во всю глубину

Отца; но я говорю по тѣлесному, или ангельскому или чело-
вѣческому образу, ради неразумія читателя, о томъ родѣ и
образѣ, какъ образованы ангельскія твари, и какъ то въ Богѣ
бываетъ повсюду.

60. Ибо ты не можешь назвать ни одного мѣста ни въ
небѣ, ни въ семь мѣрѣ, гдѣ бы Божественное рожденіе совер-
шалось не такъ, будь то въ ангелѣ, или въ святомъ чело-
вѣкѣ, или внѣ ихъ. Гдѣ источникъ духъ въ Божественной силѣ полу-
чаетъ побужденіе, безразлично въ какой это произойдетъ области
(только не въ діаволахъ и не во всѣхъ безбожныхъ осужден-
ныхъ людяхъ), тамъ уже налицо и родникъ Божественнаго ро-
жденія, тамъ уже и всѣ семь источниковъ духовъ Божіихъ, какъ
если бы ты очертилъ пространственный тварный кругъ, и имѣлъ
бы въ немъ особо все Божество; какъ рождается оно въ твари,
такъ совершается рожденіе и во всей глубинѣ Отца, во всѣхъ
концахъ и во всѣхъ вещахъ.

61. И такимъ-то образомъ Богъ есть всемогущій, всевѣ-
дущій, всевидящій, всеслышащій, всеобоняющій, всевкушающій,
всеосязающій Богъ, вездѣсущій и испытующій сердца и почки
тварей. И такимъ образомъ владѣетъ Онъ небомъ и землею; и
такимъ образомъ принуждены всѣ діаволы, вмѣстѣ со всѣми
безбожными людьми, быть вѣчно его плѣнниками и терпѣть въ
поврежденномъ ими въ мѣстѣ ихъ обитанія и зажженномъ са-
литтерѣ вѣчную муку, а также вѣчный срамъ и позоръ.

62. Ибо все дивное лицо Божіе, вмѣстѣ со всѣми святыми
ангелами, будетъ вѣчно сіять надъ ними и подъ ними, и со
всѣхъ сторонъ возлѣ нихъ, въ красотѣ, славѣ и ясности; и всѣ
святые ангелы, вмѣстѣ со всѣми святыми людьми, будутъ вѣчно
ликовать надъ ними и подъ ними и возлѣ нихъ, и отъ вели-
кой радости, любви и веселія будутъ пѣть о святости Божіей,
о своемъ царственномъ правленіи, о блаженныхъ плодахъ не-
бесныхъ произрастаній; и это пѣніе раздастся на множество
голосовъ, по качеству семи духовъ Божіихъ.

63. Напротивъ, діаволы со всѣми безбожными людьми за-
ключены будутъ въ адъ, гдѣ будетъ кипѣть и восходить адскій
смадь; и адскій огонь и холодъ, и адская горечь будутъ вѣчно
горѣть въ ихъ тѣлѣ, какъ и въ ихъ области, по роду и образу

возженныхъ духовъ Божіихъ. Да, если бы еще можно было имъ запрятаться въ какую-нибудь дыру, чтобы гнѣвное лицо Божіе не касалось ихъ, то они еще были бы довольны и не были бы вынуждены выносить вѣчный срамъ и позоръ.

64. Но нѣтъ для нихъ помощи, и мука ихъ только возрастаетъ; чѣмъ больше они сѣтуютъ на это, тѣмъ сильнѣе разгорается адская яростность; они принуждены лежать въ аду, какъ мертвыя кости, какъ опаленныя овцы въ огнѣ; смрадъ ихъ и мерзость грызутъ ихъ, отъ срама они не могутъ поднять глазъ: ибо они ничего не видятъ въ своей области, кромѣ одного только строгаго судьи, а надъ собою и со всѣхъ сторонъ видятъ вѣчную радость. [*„Не то, что они ее постигаютъ или видятъ, но они имѣютъ въ средоточіи нѣкое знаніе о томъ“.*]

65. И тамъ вздохи и стоны, вопли и крики, и нѣтъ спасенія; и у нихъ словно непрерывный громъ и блистаніе молній, ибо таково рожденіе возженныхъ духовъ Божіихъ: 1) твердость порождаетъ твердое, грубое, холодное и терпкое качество; 2) сладость томится, какъ тлѣющій уголь, когда въ деревѣ нѣтъ больше сока: онъ жаждетъ и нѣтъ ему услады; 3) горечь раздираетъ подобно жгучей чумной язвѣ, и горька какъ желчь; 4) огонь жжетъ подобно яростной сѣрѣ; 5) любовь стала враждою; 6) звукъ — ничѣмъ инымъ, какъ жесткимъ стукомъ, подобно глухому треску огня, и какъ бы раскату грома; область 7-го тѣла есть домъ печали. Пища ихъ мерзость, и вырастаетъ изъ яростности всѣхъ качествъ. Увы! и вѣчно безъ конца такъ! времени нѣтъ для нихъ; иной царь возсѣдаетъ на ихъ престолѣ, и вершитъ вѣчно судъ; они лишь подножіе ногъ его.

66. О красота и наслажденіе міра сего! о богатство и гордая пышность! о сила и власть! неправый судъ твой и великая пышность со всѣми наслажденіями твоими, все лежитъ теперь въ кучѣ и стало адскимъ огнемъ. Обѣдайся теперь, опивайся и наводи себѣ имъ румяна и владычествуй въ немъ. О прекрасная богиня, какъ стала ты блудницею? срамъ и позоръ твой будутъ длиться вѣчно!

О СЕДЬМОМЪ ИСТОЧНОМЪ ДУХЪ ВЪ БОЖЕСТВЕННОЙ
СИЛЪ.

Седьмой духъ Божій въ Божественной силѣ есть тѣло, порождаемое изъ шести прочихъ духовъ; въ немъ пребываютъ всѣ небесные образы, и въ немъ все образуется и слагается, и въ немъ восходитъ вся красота и радость. Это есть истинный духъ природы, даже сама природа; въ немъ вся постижимость и въ немъ образованы всѣ твари въ небѣ и на землѣ: даже само небо образовано въ этомъ духѣ, и въ немъ состоитъ вся природность, какая есть во всемъ Богѣ. Если бы не было этого духа, то не было бы также ни ангела, ни человѣка, и Богъ былъ бы неизслѣдимымъ существомъ, которое состояло бы лишь въ неизслѣдимой силѣ.

2. Теперь спрашивается: каковъ этотъ образъ? И если ты разумный духъ меркурія, проникающій сквозь всѣ семь духовъ Божіихъ, и испытующій ихъ, и созерцающій ихъ, каковы они, то ты поймешь при объясненіи этого седьмого духа дѣйствіе и существо всего Божества и постигнешь въ мысли.

3. Если же ты при этомъ духѣ ничего не поймешь, то оставь въ покоѣ эту книгу, и не суди въ ней ни о холодномъ, ни о горячемъ: ибо ты слишкомъ плѣненъ въ Сатурнѣ, и не философъ въ семь мѣрѣ; брось только судить, или ты получишь плохую награду, о чемъ я усердно предостерегаю тебя; подожди до оной жизни: тамъ раскроются предъ тобою небесныя врата, и тогда ты также поймешь все это.

4. Теперь замѣть глубину: здѣсь я долженъ охватить все Божественное тѣло въ срединѣ у сердца, и объяснить все тѣло, и какъ возникаетъ природа, и ты увидишь здѣсь высшую основу

того, какъ семь духовъ Божіихъ непрестанно порождаютъ другъ друга, и какъ у Божества нѣтъ ни начала ни конца. Поэтому пойми желаніе духа твоего, и увидь вѣчное Божественное царство радости, небесное веселіе и тѣлесную радость, не имѣющую конца во-вѣки.

5. Теперь замѣть: когда въ средоточіи восходитъ молнія, то Божественное рожденіе бываетъ въ полномъ дѣйствіи: въ Богѣ это всегда и вѣчно такъ, но не въ насъ, бѣдныхъ дѣтяхъ плоти. Въ настоящей жизни ликующее Божественное рожденіе длится въ насъ людяхъ лишь столь же долго, какъ молнія: поэтому познаніе наше частично; въ Богѣ же молнія пребываетъ неизмѣнно всегда и вѣчно такъ.

6. Смотри: всѣ семь духовъ Божіихъ рождаются одновременно, и ни одинъ изъ нихъ не бываетъ первымъ, и ни одинъ послѣднимъ: но надо смотрѣть на ядро, какъ восходитъ Божественное рожденіе, иначе оно остается непонятнымъ; ибо твари не могутъ понять ихъ всѣ семь одинъ въ другомъ одновременно, но лишь созерцаютъ это: когда же одинъ духъ бываетъ побужденъ, то онъ побуждаетъ всѣхъ прочихъ, и тогда рожденіе находится въ полной силѣ. Поэтому въ человѣкѣ оно имѣетъ начало, а въ Богѣ не имѣетъ; поэтому и я принужденъ также писать о томъ лишь по тварному образу, а иначе ты ничего не поймешь.

7. Смотри: внѣ молніи всѣ семь источныхъ духовъ были бы темною долиною; но когда молнія восходитъ въ зноѣ между терпкимъ и горькимъ качествомъ, то въ сладкой водѣ она становится сіяющей, и въ пламени зноя горькой и ликующей и живой, и въ терпкомъ качествѣ тѣлесной, сухой и свѣтлой.

8. Теперь, всѣ эти четыре духа движутся въ молніи, ибо они всѣ четыре становятся въ ней живыми: сила же этихъ четырехъ восходитъ въ молніи, какъ если бы всходила жизнь, и эта восшедшая въ молніи сила есть любовь, то есть, пятый духъ. Эта сила такъ любовно движется въ молніи, какъ если бы мертвый духъ ожилъ и былъ внезапно водворенъ въ великую ясность.

9. Теперь, въ этомъ движеніи одна сила побуждаетъ другую; прежде всего терпкое качество производитъ стукъ, и зной

производитъ въ стукѣ свѣтлый звонъ, и горькая сила раздѣляетъ звонъ, и вода дѣлаетъ его кроткимъ; это есть шестой духъ.

10. Теперь, звукъ восходитъ во всѣхъ пяти духахъ, подобно пріятной музыкѣ, и остается и пребываетъ въ нихъ, ибо терпкое качество изсушаетъ его. И въ этомъ исшедшемъ звукѣ, который теперь пребываетъ сухимъ, содержится сила всѣхъ шести источныхъ духовъ, и она есть какъ бы сѣмя шести прочихъ духовъ, которое они сплотили здѣсь воедино, и сдѣлали изъ него одного духа, обладающаго качествами всѣхъ прочихъ духовъ; и это есть седьмой духъ Божій въ Божественной силѣ.

11. И этотъ духъ пребываетъ въ цвѣтѣ своемъ, подобномъ небесной лазури, ибо онъ рожденъ изъ всѣхъ шести духовъ: и когда теперь молнія, пребывающая въ срединѣ въ зноѣ, свѣтитъ въ прочихъ духовъ, такъ что они въ ней восходятъ и рождаютъ седьмого духа, то въ этомъ рожденіи шестью духами седьмого молнія восходитъ также и въ него.

12. Но такъ какъ седьмой не заключаетъ въ себѣ особаго качества, то молнія не можетъ стать свѣтлѣе въ седьмомъ; но она воспринимаетъ отъ него тѣлесное существо всѣхъ семи духовъ, и стоитъ посреди семи этихъ духовъ, и порождается всѣми семью.

13. И семь духовъ суть отецъ свѣта, и свѣтъ есть сынъ, котораго они непрестанно рождаютъ такъ отъ вѣчности и до вѣчности, и свѣтъ непрестанно и вѣчно освѣщаетъ семь этихъ духовъ, и дѣлаетъ ихъ живыми и радостными: ибо всѣ они берутъ восхожденіе свое и жизнь въ силѣ свѣта. Въ свой чередъ всѣ они рождаютъ свѣтъ, и всѣ вмѣстѣ суть отецъ свѣта; свѣтъ же не рождаетъ никакого духа, но дѣлаетъ ихъ всѣхъ живыми и радостными, такъ что они пребываютъ непрестанно въ рожденіи.

14. Вотъ, я хочу еще разъ показать тебѣ это, не поймешь ли ты быть можетъ тогда, чтобы этотъ высокій трудъ не былъ совершенъ понапрасну и безъ пользы.

15. Терпкое качество есть первый духъ, оно стягиваетъ воедино и изсушаетъ все; сладкое качество есть второй духъ, и оно укрощаетъ это; третій же духъ есть горькій духъ, про-

исходящій изъ четвертаго и перваго; когда, теперь, третій духъ въ неистовствѣ своемъ трется въ терпкомъ, то онъ зажигаетъ огонь, и въ этомъ огнѣ восходитъ въ терпкомъ качествѣ яростность. Въ этой яростности горькій духъ становится самостоятельнымъ, и въ сладкомъ качествѣ онъ становится кроткимъ, и въ твердомъ тѣлеснымъ; теперь онъ получаетъ пребываніе, равно какъ и четвертый.

16. Теперь, въ силу этихъ четырехъ возникаетъ въ зноѣ молнія, и восходитъ въ сладкой родниковой водѣ, и горькое качество дѣлаетъ ее ликующей, и терпкое дѣлаетъ ее сіяющей и сухой и тѣлесной, и сладкое дѣлаетъ ее кроткой, и въ сладкомъ она получаетъ впервые свое сіяніе: и вотъ теперь молнія или свѣтъ пребываетъ въ срединѣ, какъ нѣкое сердце. Когда же этотъ свѣтъ, пребывающій въ срединѣ, свѣтитъ въ четырехъ духовъ, то силы четырехъ духовъ восходятъ въ свѣтъ, и оживаютъ, и любятъ свѣтъ, то есть, принимаютъ его въ себя, и становятся чреваты имъ: и этотъ воспринятый духъ есть любовь жизни, и это есть пятый духъ.

17. Когда же они восприняли въ себя любовь, то отъ великой радости начинаютъ качественовать; ибо въ свѣтъ они видятъ другъ друга, и побуждаютъ другъ друга; и тогда возникаетъ звукъ: твердый духъ стучитъ; сладкій дѣлаетъ стукъ кроткимъ; горькій раздѣляетъ его по роду каждаго качества; четвертый создаетъ звонкость; пятый—радостность; и это сплоченное воедино звучаніе есть звукъ, или шестой духъ.

18. Въ этомъ звучаніи восходитъ сила всѣхъ шести духовъ, и становится, говоря по-ангельски, постижимымъ тѣломъ, и пребываетъ въ силѣ шести прочихъ духовъ и въ свѣтъ: и это есть тѣло природы, въ которомъ бывають образованы всѣ небесныя твари и формы ѳизионогенныя.

19. Святые врата. Посреди же, во всѣхъ семи духахъ пребываетъ свѣтъ, въ которомъ жизнь всѣхъ семи духовъ, и чрезъ него всѣ семь они становятся ликующими и радостными, и въ немъ восходитъ небесное царство радости; всѣ семь духовъ рождаютъ его, и онъ есть сынъ всѣхъ семи духовъ, и семь духовъ рождаютъ свѣтъ, суть отецъ его, и свѣтъ рождаетъ въ нихъ жизнь, и свѣтъ есть сердце семи духовъ: и этотъ

свѣтъ есть истинный Сынъ Божій, которому мы, христіане, молимся и поклоняемся, какъ второму лицу въ Святой Троицѣ.

20. И семь духовъ Божіихъ всѣ вмѣстѣ суть Богъ Отецъ: ибо ни одинъ духъ не бываетъ внѣ другого, но всѣ семь они рождаютъ другъ друга; если бы не было одного, то не было бы и другого. Свѣтъ же есть второе лицо: ибо онъ непрестанно рождается изъ семи духовъ, и семь духовъ непрестанно восходятъ въ свѣтъ; и силы этихъ семи духовъ непрестанно исходятъ въ сіяніи свѣта въ седьмого духа природы, и даютъ форму и образъ всему въ седьмомъ духѣ, и это исхожденіе въ свѣтъ есть Духъ Святой.

21. Молнія же, или стволъ, или сердце, рождающееся въ силахъ, оно остается и пребываетъ въ срединѣ; и это есть Сынъ; и сіяніе во всѣхъ силахъ исходитъ отъ Отца и Сына во всѣ силы Отца, и составляетъ и образуетъ все въ седьмомъ духѣ природы, по силѣ и дѣйствию семи духовъ, и по ихъ различію и влеченію. И это есть истинный Духъ Святой, которому мы христіане молимся и поклоняемся, какъ третьему лицу въ Божествѣ.

22. Итакъ ты видишь, слѣпой іудей, турокъ и язычникъ, что три лица въ Божествѣ, ты не можешь отрицать этого: ибо ты живешь и существуешь въ трехъ лицахъ, и жизнь свою имѣешь отъ нихъ и въ нихъ; и въ силу этихъ трехъ лицъ въ Послѣдній день ты воскреснешь изъ мертвыхъ и будешь жить вѣчно.

23. Если ты теперь въ мірѣ семь проживешь свято и хорошо въ законѣ природы, и не погасишь въ твоихъ семи источныхъ духахъ яростнымъ возстаніемъ, противнымъ познанію природы, святую молнію, которая есть Сынъ Божій, и учить тебя закону природы, то ты будешь жить въ вѣчной радости со всѣми христіанами. [*„Законъ природы есть Божественный строй изъ средоточія природы: кто можетъ жить въ немъ, не нуждается ни въ какомъ иномъ законѣ, ибо онъ исполняетъ волю Божию“.*]

24. Ибо невѣріе твое ничего не значитъ; невѣріе твое не упраздняетъ истины Божіей; вѣра же раздуваетъ духъ надежды, и удостовѣряетъ, что мы дѣти Божіи. Вѣра рождается въ молніи, и борется съ Богомъ, пока не одолѣетъ и не побѣдитъ.

25. Ты судишь насъ и судишь себя самого, когда въ гнѣвѣ раздуваешь духъ ревности, который гаситъ твой свѣтъ; если ты выросъ на сладкомъ деревѣ, и преодолеваешь дурныя вліянія, и живешь свято и хорошо въ законѣ природы, то онъ тогда ясно укажетъ тебѣ правое.

26. Если же ты выросъ не изъ яростной вѣтви, [„надо разумѣть изъ совсѣмъ безбожнаго сѣмени, изъ котораго часто вырастаетъ репейникъ; хотя и тогда возможна была бы помощь, если бы была сломлена воля, но это трудно; хотя и на добромъ деревѣ часто засыхаютъ вѣтви“,] и все же слѣпъ, то кто отлучитъ тебя отъ любви Божіей, въ которой ты родился, и въ которой живешь, если ты пребудешь въ ней до конца? Кто отлучитъ тебя отъ Бога, въ которомъ ты здѣсь жилъ?

27. Что ты посѣялъ въ почву, то и взойдетъ, будь то пшеница, рожь, ячмень, горохъ, плевелы или терніи: надъ чѣмъ не будетъ имѣть власти конечный огонь, то и не сгоритъ; Богъ же самъ не погубитъ своего добраго сѣмени, но воздѣлаетъ его, чтобы оно принесло плоды въ жизнь вѣчную.

28. И такъ какъ все живетъ и существуетъ въ Богѣ, то зачѣмъ же плевелы хвалятся предъ пшеницею? Или ты мнишь, что Богъ лицепріятенъ, и глядитъ на чье-либо лицо или имя? Кто былъ отецъ насъ всѣхъ? не Адамъ ли? И такъ какъ сынъ его Каинъ жилъ худо предъ Богомъ, то почему не помогъ ему отецъ его Адамъ? Но сказано здѣсь: кто грѣшитъ, долженъ быть наказанъ (Іезек. 18, 20). Если бы Каинъ не погасилъ своего свѣта, кто отлучилъ бы его отъ любви Божіей?

29. Такъ и ты, ты хвалишься, что христіанинъ и вѣдаешь свѣтъ: почему же ты не ходишь въ немъ? Не мнишь ли ты, что имя дѣлаетъ тебя святымъ? Подожди до той поры, другъ, и ты это узнаешь. Смотри: не мало іудеевъ, турокъ и язычниковъ, хорошо оправившихъ свѣтильники свои, раньше тебя войдутъ въ царство небесное.

30. Какое же тогда преимущество у христіанъ? Многое: ибо они знаютъ путь жизни, и знаютъ, какъ имъ возстать изъ паденія; если же кто хочетъ остаться лежать, то его бросаютъ въ ровъ, гдѣ надлежитъ ему погибнуть со всѣми безбожными язычниками. Потому оглянись, что ты дѣлаешь, и кто ты такой;

ты судишь другихъ, а самъ слѣпъ. Но духъ говоритъ, что у тебя нѣтъ никакого основанія судить того, кто лучше тебя: не одна и та же ли плоть у насъ всѣхъ, и не въ Богѣ ли наша жизнь, будь то въ любви или въ гнѣвѣ? Ибо что ты съешь, то и пожнешь.

31. Не Богъ виною тому, что ты погибаешь: ибо законъ, повелѣвающій поступать по правдѣ, вписанъ въ природу, и книга эта въ сердцѣ твоёмъ. Ты знаешь отлично, что долженъ поступать хорошо и дружественно со своимъ ближнимъ; и знаешь также отлично, что не долженъ срамить и осквернять свою собственную жизнь, то есть свое тѣло и душу.

32. Поистинѣ въ этомъ ядро и любовь Божія: Богъ не глядитъ на чье-либо имя или рожденіе; но кто ходитъ въ любви Божіей, тотъ ходитъ въ свѣтѣ, свѣтъ же есть сердце Божіе. А водворившагося въ сердцѣ Божіемъ кто извергнетъ оттуда? Никто, ибо онъ рождается въ Богѣ.

33. О слѣпой и полумертвый міръ, отстань отъ суда твоего! о слѣпой іудей, турокъ и язычникъ, отстань отъ хуленія твоего, и предайся послушанію Божію, и ходи въ свѣтѣ; тогда ты увидишь, какъ тебѣ возстать изъ твоего паденія, и какъ обороняться въ мірѣ семъ противъ адской яростности, и какъ ты сможешь побѣдить и жить вѣчно съ Богомъ.

34. Поистинѣ, есть только единый Богъ: но когда снимется покрывъ съ глазъ твоихъ, такъ что ты будешь видѣть и познавать Его, ты увидишь и познаешь также и всѣхъ твоихъ братьевъ, будь то христіане, іудеи, турки или язычники. Или мнишь ты, что Богъ есть Богъ однихъ только христіанъ? но живутъ же и язычники также въ Богѣ: поступающій по правдѣ любезенъ и пріятенъ Ему (Дѣян. 10, 35). Или что зналъ ты, ты христіанинъ, о томъ, какъ Богъ хотѣлъ искупить тебя отъ зла? Какая дружба была у тебя съ Нимъ, или какой союзъ былъ у тебя съ Нимъ, когда Богъ дозволилъ Сыну своему стать человекомъ ради искупленія рода человѣческаго? Развѣ твой только царь Онъ? не написано ли: Онъ желанный всѣми народами (Агг. 2, 7)?

35. Слушай: однимъ человекомъ грѣхъ вошелъ въ міръ, и чрезъ одного проникъ во всѣхъ (Рим. 5, 12, 18). И однимъ

искупленіе вошло въ міръ, и чрезъ одного проникло во всѣхъ. Что же значить теперь чье-либо знаніе? вѣдь не зналъ же ты и того, какъ хочеть поступить съ тобою Богъ, когда ты былъ мертвъ въ грѣхахъ.

36. И подобно какъ грѣхъ господствуетъ чрезъ одного безъ различія надъ всѣми, такъ господствуетъ и милосердіе и искупленіе чрезъ одного надъ всѣми. Язычникамъ же, іудеямъ и туркамъ приключилась слѣпота: но и они стоятъ какъ бы въ мукахъ рожденія, и ищутъ покоя; возжелѣють благодати, и ищутъ ея не у надлежащей цѣли; но Богъ вездѣ, и глядитъ на основаніе сердца. Но если въ родовыхъ мукахъ ихъ рождается въ нихъ свѣтъ, то кто ты, судящій ихъ?

37. Смотри, слѣпой человѣкъ, я хочу показать тебѣ это: пойди на лугъ, ты увидишь тамъ разные травы и цвѣты; ты увидишь горькіе, увидишь терпкіе, сладкіе, кислые, бѣлые, желтые, красные, синіе, зеленые и всякіе другіе: не растутъ ли они всѣ изъ земли? не стоятъ ли другъ подлѣ друга? и завидуетъ ли одинъ прекрасному облику другого? Но если бы одинъ изъ нихъ поднялся слишкомъ высоко въ своемъ ростѣ, и засохъ бы по недостатку сока, то что можетъ для него сдѣлать земля? не даетъ ли она ему свой сокъ наравнѣ съ другими? И если среди нихъ растутъ терніи, и приходитъ жнецъ снимать жатву, то онъ срѣзаетъ вмѣстѣ и ихъ, и отбрасываетъ ихъ прочь, и ихъ сжигаютъ въ огнѣ; а различные цвѣты онъ собираетъ въ свои житницы.

38. Такъ и съ людьми: бываютъ различныя дарованія и способности, и одинъ бываетъ гораздо свѣтлѣе въ Богѣ, нежели другой; но пока они не засохли въ духѣ, они не подлежатъ отверженію: когда же духъ засохнетъ, то не годится ни на что, кромѣ какъ на дрова.

39. А что турки терпкаго качества, и язычники—горькаго, то какое тебѣ до этого дѣло? Когда свѣтъ загорается въ терпкомъ и горькомъ качествахъ, то онъ также сіяетъ. Ты же, родившійся въ зноѣ, гдѣ свѣтъ восходитъ въ сладкой родниковой водѣ, смотри, какъ бы зной не спалилъ тебя, вѣдь ты можешь погасить его.

40. Ты теперь скажешь: но развѣ правильно, что язычники

и іудеи и турки упорствуютъ въ своей слѣпотѣ? Нѣтъ, но я скажу тебѣ: какъ можетъ видѣть тотъ, у кого нѣтъ глазъ? что понимаетъ бѣдный мірянинъ въ томъ шумномъ смятеніи, какое подняли попы въ своемъ опьяненіи? Онъ ходитъ въ простотѣ, и рождаетъ въ мукахъ.

41. Ты теперь скажешь: но развѣ Богъ ослѣпилъ турокъ, іудеевъ и язычниковъ? Нѣтъ; но когда Богъ зажигалъ свѣтъ для нихъ, они жили въ похоти сердца своего, и не хотѣли давать духу водительство ими, и тогда погасъ наружный свѣтъ. Но онъ не такъ всецѣло погасъ, чтобы не могъ родиться въ человѣкѣ, разъ человѣкъ отъ Бога, и живетъ въ Богѣ, будь то въ любви или въ гнѣвѣ.

42. Если же человѣкъ томится желаніемъ, то какъ ему не стать чреватымъ въ его томленіи? если же онъ чреватъ, то можетъ также и родить. Но такъ какъ ему не сіяетъ наружный свѣтъ, то онъ не знаетъ сына своего, котораго родилъ; когда же свѣтъ взойдетъ въ Послѣдній день, то онъ увидитъ его.

43. Вотъ я скажу тебѣ тайну: настало уже время жениху увѣнчать свою невѣсту; угадай же, другъ, гдѣ лежитъ вѣнецъ? къ Полуночи: ибо среди терпкаго качества восходитъ сіяніе свѣта. Но откуда приходитъ женихъ? изъ середины, гдѣ зной порождаетъ свѣтъ, и шествуетъ къ Полуночи, въ терпкое качество, и тамъ восходитъ сіяніе свѣта. Что же дѣлаютъ тѣ, что обитаютъ къ Полудню? они задремали въ зноѣ, но буря разбудитъ ихъ; многіе среди нихъ ужаснутся до смерти.

44. Что же дѣлаютъ тѣ, что съ Заката? горькое качество ихъ хочетъ тереться съ другими, но когда оно вкуситъ сладкой воды, духъ его станетъ кроткимъ. Что же дѣлаютъ тѣ, что на Восходѣ? ты отъ начала была безумною дѣвою; отъ начала всегда предлагался тебѣ вѣнецъ; но ты мнила себя доселѣ слишкомъ прекрасной, ты живешь съ другими.

О ДѢЙСТВІИ И СВОЙСТВѢ БОЖЕСТВЕННОЙ И НЕБЕСНОЙ ПРИРОДЫ.

45. Если ты хочешь теперь знать, какая природа на небѣ, и какая природа у святыхъ ангеловъ, и какая была природа

у Адама до его паденія, и что есть собственно святая, небесная и Божественная природа, то замѣть въ точности при описаніи этого седьмого источнаго духа Божія всѣ особенности, какъ слѣдуютъ дальше.

46. Седьмой источникъ духъ Божій есть источникъ природы: ибо прочіе шесть рождаютъ седьмого; и седьмой, когда онъ рожденъ, бываетъ какъ бы матерью прочихъ шести, объемля прочіе шесть, и въ свой чередъ рождая ихъ; ибо тѣлесная и природная сущность состоитъ въ седьмомъ.

47. Замѣть здѣсь смыслъ: эти шесть восходятъ въ полномъ рожденіи по силѣ и роду cadaго, и когда они взошли, то силы ихъ перемѣшаны между собою, и твердость изсушаетъ весь составъ, и бываетъ какъ бы цѣлымъ существомъ. Это гѣлесное изсушеніе я называю въ этой книгѣ Божественнымъ салиттеромъ. Ибо въ немъ содержится сѣмя всего Божества, и онъ есть какъ бы мать, принимающая сѣмя, и непрестанно вновь рожающая плодъ по всѣмъ качествамъ сѣмени. [*„Подъ словомъ салиттеръ разумѣется въ этой книгѣ то, какъ изъ вѣчнаго средоточія природы прозябаетъ изъ перваго Начала второе, подобно какъ свѣтъ изъ огня; и здѣсь разумѣются два духа, какъ то, во-первыхъ знойный, и во-вторыхъ воздушный, ибо въ воздушной жизни состоитъ настоящій ростъ, а въ огненной жизни причина качества. Такимъ образомъ, если написано: ангелы сотворены изъ Бога, то надо разумѣть: изъ вѣчной природы Бога, въ которой разумѣются семь образовъ; и однако Божественная, святая природа разумѣется не въ огонь, но въ свѣтъ. И огонь являетъ намъ тайну вѣчной природы, а также и Божества, ибо разумѣются два начала, двоякій источникъ: одинъ источникъ жгучій, яростный, терпкій, горькій, мучительный, пожирающій въ огонь; и изъ огня же свѣтъ, который обитаетъ въ огонь, и однако огонь не можетъ объять его; и имѣетъ иной источникъ, а именно кротость, въ которой желаніе любви, ибо въ желаніи любви разумѣется иная воля, нежели какая въ огонь. Ибо огонь хочетъ все пожрать, и создаетъ великое возстаніе въ источникъ; а кротость свѣта производитъ существенность, а именно въ вѣчномъ свѣтъ она создаетъ воднаго духа вѣчной жизни, и въ третьемъ Началѣ міра сего она создаетъ воду съ перво-состояніемъ воздуха. Такъ долженъ разумѣть о трехъ Началахъ или рожденіяхъ читатель этой книги, говоря-*

щей о перво-состояніи вѣчной природы въ вѣчной волѣ или вѣчномъ желаніи Бога; каковое желаніе мечется въ великой скорби до четвертаго рожденія огня, гдѣ возникаетъ свѣтъ, и исполняетъ вѣчную свободу внѣ природы. Ибо мы постигаемъ Святую Троицу въ свѣтъ внѣ природы въ силѣ свѣта въ свободу, какъ второй источникъ безъ существа, и однако связанный съ природою огня, какъ связаны огонь и свѣтъ. И третье Начало міра сего рождено и сотворено изъ перваго, то есть, магически, какъ это ясно изложено въ нашей второй и третьей книгѣ. А это лишь введеніе къ нимъ, первое, что было написано авторомъ, и недостаточно постигнутое съ перваго раза; хотя оно и являлось вполне яснымъ, однако не могло быть всецѣло охвачено; и это было какъ пронесшійся ливень, послѣ котораго начинается ростъ“.]

48. Теперь, въ этомъ восхожденіи шести духовъ восходитъ вмѣстѣ и меркурій, звукъ или звонъ всѣхъ шести духовъ, и въ седьмомъ онъ пребываетъ, какъ въ матери: и тогда седьмой порождаетъ различные плоды и цвѣта, сообразно дѣйствию шести.

49. Но ты долженъ здѣсь вѣдать, что Божество не останавливается, но непрерывно дѣйствуетъ и восходитъ какъ бы въ любезномъ бореніи, движеніи или битвѣ, наподобіе какъ бы двухъ тварей, въ великой любви играющихъ другъ съ другомъ, обнимающихся и борющихся между собою: то одна лежитъ поверхъ, то другая; и когда одна побѣдила, то уступаетъ и даетъ другой снова подняться на ноги.

50. Ты можешь уразумѣть это въ подобіи и такъ, какъ если бы семь человекъ затѣяли дружескую радостную игру, въ которой одинъ побѣждалъ бы другого, а третій приходилъ бы на помощь побѣжденному; и была бы такимъ образомъ между ними пріятная и дружеская забава, и хотя всѣ они имѣли бы любовь между собою, однако боролись бы другъ съ другомъ ради забавы или любви.

51. Таково и дѣйствіе шести духовъ Божіихъ въ седьмомъ: то одинъ бурно восходитъ, то другой, и такъ они борются въ любви между собою. И когда въ этомъ бореніи восходитъ также и свѣтъ, то Духъ Святой вступаетъ въ силѣ свѣта въ игры шести прочихъ духовъ; и тогда возникаютъ въ седьмомъ различные плоды жизни, а также различные цвѣта и произрастанія.

52. И какое качество сильнѣе другихъ, по нему образуется и тѣло плода, а также и цвѣта; въ этомъ сраженіи или бореніи Божество слагаетъ себя въ безконечно и неизслѣдимо многообразные роды, виды и образованія.

53. Ибо семь духовъ суть семь главныхъ источниковъ: когда внутри ихъ восходитъ меркурій, то онъ все пробуждаетъ, а горькое качество движетъ это и раздѣляетъ, а терпкое иссушаетъ. [*„Природа и Троица не суть одно, но различаются: хотя Троица и обитаетъ въ природѣ, но не объята; и однако есть вѣчная связь, какъ это ясно изложено въ нашей второй и третьей книгѣ.“*]

54. Теперь замѣть здѣсь, какъ происходитъ образованіе въ природѣ въ седьмомъ духѣ: сладкая вода есть начало природы; или же терпкое качество стягиваетъ ее воедино, такъ что она становится природной и осязаемой, выражаясь по ангельски.

55. Теперь, когда она стягнута, то видомъ подобна небесной лазури: когда же внутри ея восходитъ свѣтъ или молнія, то она видомъ подобна благородному яспису, или, какъ я хотѣлъ бы это назвать на моемъ языкѣ, подобна стеклянному морю, осіянному солнцемъ и совершенно прозрачному и свѣтлomu.

56. Но когда въ ней восходитъ горькое качество, то она раздѣляется и слагается въ образы, какъ если бы она была жива, или какъ если бы въ ней всходила жизнь, и слагается въ зеленоватый обликъ, подобный зеленой молніи, выражаясь по человѣчески, такъ что у иного отнимается зрѣніе и онъ не можетъ смотрѣть.

57. Когда же въ ней восходитъ зной, то зеленый обликъ измѣняется въ полу-красноватый, какъ если бы изъ зеленой молніи просіялъ карбункуль.

58. Когда же свѣтъ, который есть Сынъ Божій, свѣтитъ въ это природное море, то оно принимаетъ его желтоватый и бѣловатый цвѣтъ, который я ни съ чѣмъ не могу сравнить: съ этимъ созерцаніемъ тебѣ придется подождать до оной жизни. Ибо это есть истинное природное небо, которое изъ Бога; въ немъ живутъ святые ангелы, и изъ него они сотворены были въ началѣ.

59. И вотъ, когда теперь меркурій или звукъ восходитъ въ

этомъ природномъ небѣ, то возникаетъ Божественное и ангельское царство радости: ибо тогда восходятъ формы, образованія, цвѣта и ангельскіе плоды, прекрасно цвѣтущіе, растущіе и пребывающіе въ совершенствѣ своемъ, со всякихъ плодовыхъ деревьевъ, кустовъ и растеній, блаженные на видъ, съ пріятнымъ запахомъ и вкусомъ.

60. Но я говорю здѣсь на ангельскомъ языкѣ; ты не долженъ понимать этого по земному, подобно міру сему.

61. Такъ же обстоитъ дѣло и съ меркуріемъ: ты не долженъ думать, будто въ Божествѣ жесткій стукъ, звучаніе, или звонъ, или свистъ, какъ если бы кто взялъ могучую трубу и затрубилъ въ нее. О нѣтъ, человекъ, ты, полумертвый ангелъ, это не такъ; но все происходитъ въ силѣ, ибо Божественное существо состоитъ въ силѣ; но святые ангелы поютъ, звенятъ, трубятъ и звучатъ громко, ибо на то создалъ ихъ Богъ изъ себя, чтобы они умножали небесную радость.

62. Подобный образъ имѣлъ также Адамъ, когда онъ былъ сотворенъ Богомъ, прежде чѣмъ была создана изъ него его Ева; но поврежденный салиттеръ въ Адамѣ боролся съ родникомъ жизни, пока не побѣдилъ его, и пока Адамъ не утомился, отчего и заснулъ. Тогда было кончено: если бы милосердіе Божіе не пришло ему на помощь, и не создало жены, то онъ спалъ бы еще и понынѣ. Но объ этомъ на своемъ мѣстѣ.

63. И это есть, какъ описано выше, прекрасное и святое небо, и оно таково во всемъ Божествѣ, и не имѣетъ ни начала ни конца, и никакая тварь не можетъ достигнуть его своимъ чувствомъ.

64. Однако ты долженъ знать и то, что въ какомъ-нибудь мѣстѣ то одно качество проявится могущественнѣе другого, то другое побѣдитъ, то третье, то четвертое, то пятое, то шестое, то седьмое. И бываетъ такимъ образомъ вѣчная борьба и дѣятельность, и дружеское восхожденіе любви; и въ этомъ восхожденіи Божество являетъ себя тогда все болѣе дивно, и непостижимо, и неизслѣдимо, такъ что святые ангелы не могутъ довольно нарадоваться и насытиться любовнымъ прохожденіемъ въ немъ и пѣніемъ прекраснаго Тебя Бога хвалимъ, сообразно каждому качеству великаго Бога, сообразно Его дивному открито-

венію, и мудрости, и красотѣ, и цвѣтамъ, и плодамъ, и образамъ. Ибо качества непрестанно и вѣчно восходятъ такъ, и нѣтъ у нихъ ни начала, ни середины, ни конца.

65. И хотя я написалъ здѣсь, какъ все бываетъ, и какъ все слагается и образуется, и какъ восходитъ Божество; однако ты не долженъ поэтому думать, будто здѣсь существуетъ какое-нибудь успокоеніе или угашеніе, и будто потомъ все вновь восходитъ такимъ образомъ.

66. О нѣтъ; но я принужденъ писать частично ради неразумія читателя, чтобы онъ могъ что-нибудь постичь и войти въ смыслъ.

67. И ты не долженъ также думать, будто я поднимался на небо, и видѣлъ все таковое моими собственными глазами. О нѣтъ; слушай ты, полу-умершій ангель: я какъ ты, и въ моемъ внѣшнемъ существѣ не обладаю большимъ свѣтомъ, нежели ты, притомъ я такой же грѣшный и смертный человекъ, какъ ты, и долженъ каждый день и часъ драться и биться съ діаволомъ, непрестанно нападающимъ на меня въ моей поврежденной природѣ, въ яростномъ качествѣ, которое въ моей плоти, какъ и у всѣхъ людей: то я одерживаю надъ нимъ верхъ, то весьма вскорѣ—онъ. Однако онъ еще не одолѣлъ меня, хотя и часто побѣждаетъ меня; но наша жизнь есть какъ бы постоянная война съ діаволомъ. [*„Брань эта ведется изъ-за высокославнаго рыцарскаго вѣнчика, пока не будетъ умерщвленъ поврежденный адамовъ человекъ, въ которомъ діаволъ имѣетъ доступъ къ человеку. О чемъ софистъ ничего знать не хочетъ: ибо онъ рождается не отъ Бога, но отъ плоти и крови; рожденіе же стоитъ открыто предъ нимъ, но онъ не хочетъ войти, діаволъ удерживаетъ его: Богъ никого не ослѣпляетъ“.*] Когда онъ побиваетъ меня, я принужденъ бываю отступить назадъ: но Божественная сила помогаетъ мнѣ подняться на ноги, тогда и онъ получаетъ свой ударъ, и нерѣдко проигрываетъ сраженіе.

68. Но когда онъ бываетъ побѣжденъ, то небесныя врата отверзаются въ моемъ духѣ: тогда духъ видитъ Божественное и небесное существо; не внѣ тѣла, но въ родникѣ сердца восходитъ молнія въ чувствительность мозга, гдѣ духъ созерцаетъ.

69. Ибо человекъ созданъ изъ всѣхъ силъ Божіихъ, изъ

всѣхъ семи духовъ Божіихъ, подобно какъ и ангелы: но такъ какъ онъ поврежденъ нынѣ, то Божественное рожденіе не кипитъ въ немъ во всякое время, а также и не во всѣхъ. А хотя бы оно и кипѣло въ немъ, однако высокій свѣтъ не свѣтитъ тотчасъ же во всѣхъ: а если и свѣтитъ, то все же бываетъ недоступенъ поврежденной природѣ. Ибо Святой Духъ не даетъ схватить и удержать себя въ грѣшной плоти; но Онъ восходитъ какъ молнія, подобно огню изъ камня, когда по нему ударятъ.

70. Но когда молнія бываетъ плѣнена въ родникѣ сердца, то она восходитъ въ семи источныхъ духахъ въ мозгъ, какъ утренняя заря: и въ ней-то цѣль и познаніе. Ибо въ этомъ свѣтѣ одинъ видитъ другого, и осязаетъ другого, и обоняетъ другого, и испытываетъ вкусъ другого, и слышитъ другого, и какъ если бы все Божество восходило въ немъ.

71. Духъ видитъ здѣсь до глубины Божества: ибо въ Богѣ близкое и далекое суть одно; и тотъ же самый Богъ, о которомъ я пишу въ этой книгѣ, равно пребываетъ въ своей тринности въ тѣлѣ святыхъ душъ какъ и на небѣ. Отъ Него беру я свое познаніе, и не отъ чего другого; и я не хочу также и знать ничего иного, какъ этого Бога, и Онъ создаетъ также увѣренность моего духа, такъ что я постоянно вѣрю въ это и уповаю на Него.

72. И хотя бы ангель съ неба сказалъ мнѣ это, я все же не могъ бы тому повѣрить, и тѣмъ менѣе постичь, ибо я всегда сомнѣвался бы, дѣйствительно ли все такъ: но теперь солнце само восходитъ въ моемъ духѣ, поэтому я увѣренъ въ томъ, и вижу самъ пришествіе и рожденіе святыхъ ангеловъ и всѣхъ вещей, на небѣ и въ мірѣ семъ. Ибо святая душа единый духъ съ Богомъ; хотя и тварь, она все же подобна ангеламъ; и даже душа человѣка видитъ гораздо глубже, нежели ангелы: ангелы видятъ только небесную славу, душа же видитъ и небесную и адскую, ибо она живетъ между ними обѣими.

73. Потому принуждена она претерпѣвать мученія и каждый день и часъ бороться съ діаволомъ, то есть, съ адскимъ качествомъ, и живетъ въ великой опасности въ семъ мірѣ: потому и жизнь сія справедливо зовется долиною плача, полною скорби, постояннаго убійства, войны, борьбы и раздора.

74. Но холодное и полумертвое тѣло не всегда понимаетъ это бореніе души: оно не знаетъ, что съ нимъ происходитъ, но бываетъ печально и скорбно, и переходитъ изъ одного помѣщенія, даже изъ одного мѣста въ другое, и ищетъ воздержанія или покоя. И когда оно туда приходитъ, то не находитъ ничего, и тогда набѣгаетъ сомнѣніе и вмѣстѣ съ нимъ невѣріе, и часто кажется ему, будто оно даже отвергнуто Богомъ; но оно не понимаетъ боренія духа, какъ онъ то одерживаетъ верхъ, то бываетъ повергнутъ: а какая жестокая тутъ бываетъ война и борьба между адскимъ и небеснымъ качествами (каковой огонь діаволы раздуваютъ, а святые ангелы гасятъ), я предоставляю размыслить о томъ каждой святой душѣ.

75. Ты долженъ знать, что я пишу здѣсь не повѣсть, которая была мнѣ рассказана другими; но я долженъ постоянно пребывать въ этой брани, и выдерживать въ ней великіе бои, въ которыхъ мнѣ нерѣдко подбита бываетъ нога, какъ и всѣмъ людямъ.

76. Но ради жестокой брани и борьбы, и ради ревности, съ которой мы воюемъ, дано мнѣ было это откровеніе, и сильное побужденіе къ нему, чтобы я изложилъ его на бумагѣ.

77. Но что изъ этого или за этимъ могло бы всецѣло послѣдовать, этого я въ полнотѣ не знаю; только что нѣкоторыя грядущія тайны были мнѣ въ глубинѣ показаны.

78. Ибо когда молнія восходитъ въ средоточіи, то духъ видитъ насквозь; но онъ не можетъ хорошо воспринять, ибо съ нимъ бываетъ какъ во время грозы, когда разверзается молнія огня, и скоро опять исчезаетъ.

79. Такъ происходитъ и въ душѣ: когда она пробьется въ своемъ бою, то созерцаетъ Божество, какъ нѣкую молнію; но грѣховный источникъ скоро опять закрываетъ ее: ибо ветхій Адамъ принадлежитъ къ землѣ, а не къ Божеству, съ сею плотью.

80. Не въ похвалу себѣ пишу я это, но чтобы читатель зналъ, въ чемъ состоитъ мое знаніе, и не искалъ во мнѣ иного человека, который не я; но я таковъ, какъ и всѣ люди, борющіеся во Христѣ Іисусѣ, царѣ нашемъ, ради вѣнца вѣчной радости, и живущіе въ надеждѣ совершенства, начало котораго

будетъ въ день воскресенія; а день этотъ уже близокъ нынѣ, какъ это можно ясно увидѣть въ молніи въ окружности восхожденія, гдѣ природа являетъ себя, какъ если бы наступалъ уже день.

81. Потому смотри, чтобы не былъ ты застигнутъ спящимъ въ грѣхахъ своихъ: поистинѣ, мудрые замѣтятъ, но безбожные останутся въ грѣхахъ своихъ. Они говорятъ: что приключилось безумцу? когда это ему приснилось? Это оттого, что они заснули въ плотскихъ похотяхъ; ну что же, посмотри, какой это будетъ сонъ!

82. Я также хотѣлъ бы почивать въ моей кротости, если бы не былъ вынужденъ выполнять это дѣло; но Богъ, создавшій міръ, слишкомъ силенъ для меня: я дѣло рукъ Его, Онъ можетъ водворить меня, куда захочетъ.

83. И хотя бы мнѣ пришлось быть позорищемъ для міра и діавола, все же надежда моя въ Богѣ на будущую жизнь: на Него возложу я упованіе мое, и не буду противиться духу. Аминь.

О РОЖДЕНИИ И ПРИШЕСТВИИ СВЯТЫХЪ АНГЕЛОВЪ,
А РАВНО И ОБЪ ИХЪ ПРАВЛЕНИИ, СТРОЪ И
НЕБЕСНОЙ РАДОСТНОЙ ЖИЗНИ.

[„Слово Господа объемлетъ источныхъ духовъ своимъ *F I A T* (да будетъ) въ волю; это есть сотвореніе ангеловъ“.]

Теперь спрашивается: но что же есть собственно ангель? Смотри: когда Богъ сотворилъ ангеловъ, Онъ сотворилъ ихъ изъ седьмого источника духа, который есть природа или святое небо.

2. Слово сотворилъ ты долженъ разумѣть, какъ если бы было сказано стягивать воедино или собирать воедино, подобно какъ собрана воедино земля; такъ и когда подвиглось всецѣлое Божество, то терпкое качество стянуло воедино салиттеръ природы, и засушило его; и тогда начали быть ангелы: каково было качество въ своемъ движеніи въ каждомъ мѣстѣ, таковъ сталъ и ангель.

3. Замѣть глубину: есть семь духовъ Божіихъ, и они всѣ семь подвиглись, и свѣтъ внутри ихъ также подвигся, и духъ, который исходитъ изъ семи духовъ Божіихъ, онъ также подвигся.

4. И вотъ Творецъ пожелалъ по троичности своей сотворить и три воинства, не далеко другъ отъ друга, но одно при другомъ, какъ единый кругъ. Теперь замѣть: каковы были духи въ своемъ движеніи или восхожденіи, такими стали и твари: посреди каждаго воинства сплотилось воедино и сердце каждаго воинства, а изъ него сталъ ангельскій царь или великій князь.

5. Подобно какъ Сынъ Божій рождается посреди семи ду-

ховъ Божіихъ, и есть жизнь и сердце семи духовъ Божіихъ, такъ сотворень былъ среди его области и ангельскій царь изъ природы или природнаго неба, изъ силы всѣхъ семи источныхъ духовъ: и онъ сталъ сердцемъ въ воинствѣ, и заключалъ въ себѣ качество, могущество или крѣпость цѣлаго воинства, и былъ прекраснѣйшимъ среди нихъ.

6. Подобно какъ Сынъ Божій есть сердце и жизнь и крѣпость всѣхъ семи духовъ Божіихъ; такъ и царь ангеловъ въ своемъ воинствѣ.

7. И подобно какъ въ Божественной силѣ есть семь главныхъ качествъ, откуда рождается сердце Божіе, такъ сотворены были въ каждомъ воинствѣ по каждому главному качеству и нѣсколько могущественныхъ князей ангельскихъ, числа которыхъ я точно не знаю: и они суть при царѣ предводители прочихъ ангеловъ.

8. Ты долженъ здѣсь знать, что ангелы не всѣ одного качества, а также и въ силѣ и въ могуществѣ они не всѣ равны между собою: хотя каждый ангель имѣетъ въ себѣ силу всѣхъ семи источныхъ духовъ, но въ каждомъ одно какое-нибудь качество бываетъ сильнѣйшимъ; по этому качеству онъ и прославляется. Ибо каковъ былъ въ каждомъ мѣстѣ салиттеръ ко времени творенія, такимъ сталъ и ангель; и по тому качеству, которое въ немъ сильнѣе другихъ, получаетъ ангель и свое наименованіе и славу.

9. Подобно какъ полевые цвѣты получаютъ каждый отъ своего качества свою окраску, а также и имя носятъ по своему качеству; такъ и святые ангелы: въ иныхъ сильнѣе всего терпкое качество, и они бываютъ свѣтло-коричневатые и ближе всего къ холоду.

10. И когда свѣтъ Сына Божія озаряетъ ихъ, то они бываютъ совсѣмъ свѣтлы въ своемъ качествѣ, подобно коричневой молніи. Иные бываютъ качества воды, и они прозрачны, подобно святому небу; и когда свѣтъ озаряетъ ихъ, то это имѣетъ видъ какъ бы кристальнаго моря.

18. Въ иныхъ сильнѣе всего горькое качество, и они подобны драгоцѣнному зеленому камню, который видомъ какъ молнія; и когда свѣтъ озаряетъ ихъ, то кажутся какъ бы красно-

зеленоватыми, какъ если бы изъ нихъ сіялъ карбункулъ, или какъ если бы жизнь брала здѣсь начало.

12. Иные бываютъ качества зноя, и они всѣхъ свѣтлѣе, желтоватые или красноватые, и когда на нихъ сіяетъ свѣтъ, то это имѣетъ видъ какъ бы молніи Сына Божія. Въ иныхъ сильнѣе всего качество любви, и они суть зрѣлище небеснаго царства радости, и совсѣмъ свѣтлы, и когда свѣтъ сіяетъ на нихъ, то имѣютъ видъ какъ бы свѣтло-голубыхъ, пріятное зрѣлище.

13. Въ иныхъ сильнѣе всего качество звука; они также свѣтлы, и когда на нихъ сіяетъ свѣтъ, то имѣютъ видъ какъ бы восходящей молніи, или какъ если бы нѣчто хотѣло тамъ вознестись.

14. Иные бываютъ качества всей природы, какъ бы общее смѣшеніе всего; когда на нихъ сіяетъ свѣтъ, то это имѣетъ видъ какъ бы святого неба, составленнаго изъ всѣхъ духовъ Божіихъ.

15. Но царь есть сердце всѣхъ качествъ, и имѣетъ область свою посреди, какъ кипящій родникъ: подобно какъ солнце стоитъ посреди планетъ, и есть царь звѣздъ и сердце природы въ семь мірѣ, таково и величіе херувима или царя ангеловъ.

16. И подобно тому какъ прочія шесть планетъ суть военачальники при солнцѣ, и отдають солнцу волю свою, чтобы оно могло править и дѣйствовать въ нихъ; такъ и всѣ ангелы отдають царю волю свою, а князья ангельскіе участвуютъ въ совѣтѣ царя.

17. Но ты долженъ знать здѣсь, что всѣ они имѣютъ единую любовную волю между собою, никто не завидуетъ облику и красотѣ другого: ибо какъ бываетъ въ духахъ Божіихъ, такъ и между ними. И также всѣ они равно причастны Божественной радости, и всѣ равно вкушаютъ небесныхъ яствъ: въ этомъ нѣтъ различія. Только въ цвѣтахъ и въ крѣпости силы бываетъ различіе, въ совершенствѣ же отнюдь никакого, ибо каждый имѣетъ силу всѣхъ духовъ Божіихъ въ себѣ: поэтому, когда свѣтъ Сына Божія сіяетъ на нихъ, то качество cadaго ангела являетъ себя своимъ цвѣтомъ.

18. Я перечислилъ лишь нѣкоторые изъ обликовъ и цвѣтовъ, но ихъ гораздо больше, которыхъ я ради краткости не буду описывать. Ибо подобно какъ Божество являетъ себя въ своемъ

восхожденіи въ безконечномъ разнообразіи, такъ неизслѣдимо и многообразіе цвѣтовъ и обликовъ между ангелами. Я не умѣю указать тебѣ въ семь мірѣ настоящаго сравненія, развѣ только цвѣтушую почву въ маѣ, но это мертвый и земной прообразъ.

ОБЪ АНГЕЛЬСКОЙ РАДОСТИ.

19. Теперь спрашивается: что же дѣлають ангелы Божіи на небѣ, или для чего и для какой цѣли Богъ сотворилъ ихъ? Замѣтьте себѣ это, скупцы, вы, которые стремитесь въ мірѣ семь къ горделивой пышности, почести, славѣ, власти, деньгамъ и имѣніямъ, и выжимаете у бѣдняка потъ и кровь его, и расточаете въ роскоши трудъ его, и мните, что вы лучше нежели простой мірянинъ, замѣтьте себѣ, на что сотворилъ васъ Богъ.

20. Вопросъ: Зачѣмъ сотворилъ Богъ князей ангельскихъ, а не всѣхъ ихъ равными? Вотъ смотри: Богъ есть Богъ строя, и какъ все происходитъ, движется и есть въ Его правленіи въ Немъ самомъ, то-есть, въ его рожденіи, таковъ чинъ и ангеловъ.

21. Подобно какъ въ Немъ семь главныхъ качествъ, которыми движется все Божественное существо, и Онъ являетъ себя въ этихъ семи качествахъ безконечно, и однако эти семь качествъ имѣють въ безконечности первенство, благодаря чему Божественное рожденіе пребываетъ вѣчно въ своемъ неизмѣнномъ строѣ; и подобно какъ посреди семи духовъ Божіихъ рождается сердце жизни, откуда восходитъ Божественная радость,—таковъ чинъ и ангеловъ.

22. Князья ангельскіе сотворены по духамъ Божіимъ, а херувимъ по сердцу Божію: и каково дѣйствіе Божественнаго существа, таково же и ангела; и когда какое-нибудь качество восходитъ въ Божественномъ существѣ, и проявляется особо въ своемъ дѣйствіи, какъ то въ восхожденіи звука или Божественной дѣятельности, боренія или сраженія, то тотъ ангельскій князь, который всего сильнѣе приверженъ къ этому качеству, вступаетъ также со своими легіонами въ ликъ свой пѣніемъ, звучаніемъ, пляскою, радованіемъ и ликованіемъ.

23. Это есть небесная музыка: ибо здѣсь каждый поетъ по голосу своего качества, и князь предводительствуетъ ликомъ,

какъ начальникъ хора учениками своими; и царь радуется и ликуетъ съ ангелами своими въ честь великаго Бога и въ умноженіе небесной радости: и это есть какъ бы святая игра въ сердцѣ Божіемъ, и на то они и сотворены, на радость и честь Божію.

24. И вотъ когда восходитъ небесная музыка ангеловъ, то въ небесной славѣ, въ Божественномъ салиттерѣ возникаютъ всевозможныя произрастанія, всевозможные образы и цвѣта: ибо Божество проявляетъ себя безконечно и въ неизслѣдимомъ многообразіи родовъ, цвѣтовъ, формъ и радостей.

25. И какой источникъ духъ въ Божествѣ каждый разъ проявляетъ себя особо своимъ восхожденіемъ и любовной борьбою, какъ если бы онъ получалъ первенство, тотъ ангельскій князь и начинаетъ немедленно съ приверженными ему ангелами свою небесную музыку, по качеству своему, пѣніемъ, звучаніемъ, игрою на свирѣли и всякимъ небеснымъ искусствомъ, какое восходитъ въ духахъ Божіихъ.

26. Но когда посреди восходитъ средоточіе, то есть, когда рожденіе Сына Божія проявляетъ себя особо, какъ торжество, то возносится музыка или радость всѣхъ трехъ царскихъ правленій всего ангельскаго творенія.

27. И кака́я бываетъ здѣсь радость, я предоставляю размыслить каждой душѣ: я не могу объять этого въ моей поврежденной природѣ, тѣмъ менѣе описать. Что же до этого пѣнія, то я отсылаю читателя къ оной жизни: тамъ онъ самъ будетъ участвовать въ ликѣ, и тогда лишь дастъ вѣру этому духу; чего онъ здѣсь не понимаетъ, то будетъ тамъ имѣть въ созерцаніи.

28. Ты долженъ знать, что это не съ вѣтра сочинено, но когда молнія восходитъ въ средоточіи, то видитъ и познаетъ это духъ; поэтому остерегись, и не забавляйся здѣсь насмѣшками, а то окажешься ругателемъ предъ Богомъ, и можетъ произойти съ тобою, какъ съ царемъ Люциферомъ.

29. Теперь спрашивается: что же дѣлаютъ ангелы, когда они не поютъ? Вотъ смотри: что дѣлаетъ Божество, то дѣлаютъ также и они, когда духи Божіи любовно въ самихъ себѣ порождаютъ другъ друга, и восходятъ другъ въ другъ, въ сладост-

номъ обниманіи и лобзаніи и внушеніи другъ отъ друга, въ каковомъ вкушеніи и обоняніи возникаетъ жизнь и вѣчная услада, о чемъ ты подробно можешь прочесть выше,—то также и ангелы дружески, блаженно и сладостно прохаживаются другъ съ другомъ въ небесныхъ областяхъ, и созерцаютъ дивный и отрадный образъ неба, и вкушаютъ отъ благодатныхъ плодовъ жизни.

30. Теперь ты спросишь: что же говорятъ они между собою? Ты, кичливый, надменный и гордый человѣкъ, скоро міръ станетъ тѣсенъ для тебя, и ты думаешь, что нѣтъ никого, кто былъ бы тебѣ равенъ! Одумайся теперь, ангельскій ли ты носишь на себѣ образъ, или діавольскій.

31. Съ кѣмъ же я сравню теперь ангеловъ? По справедливости сравню ихъ съ малыми дѣтьми, когда въ маѣ мѣсяцѣ, въ пору цвѣтенія розъ, они выходятъ вмѣстѣ гулять среди прекрасныхъ цвѣточковъ, и срываютъ ихъ, и плетутъ себѣ изъ нихъ красивые вѣночки, и несутъ ихъ въ рукахъ, и радуются, и говорятъ безъ умолку о разныхъ видахъ прекрасныхъ цвѣтовъ, и берутъ другъ друга за руки, уходя гулять среди прекрасныхъ цвѣточковъ, а когда приходятъ домой, то показываютъ ихъ своимъ родителямъ, и радуются; и родители тогда тоже утѣшаются о дѣтяхъ своихъ, и радуются вмѣстѣ съ ними.

32. Такъ дѣлаютъ и святые ангелы на небѣ; они берутъ другъ друга за руки, и гуляютъ въ прекрасныхъ небесныхъ цвѣтущихъ лугахъ, и говорятъ о пріятныхъ и прекрасныхъ произрастаніяхъ небесной славы, и вкушаютъ отъ благодатныхъ плодовъ Божіихъ, и играютъ прекрасными небесными цвѣточками, и сплетаютъ себѣ красивые вѣночки, и радуются въ прекрасныхъ цвѣтущихъ лугахъ Божіихъ.

33. И нѣтъ тамъ ничего, кромѣ сердечнаго ласканія и кроткой любви, и дружеской бесѣды, и блаженнаго общенія, и каждый находитъ веселіе свое въ другомъ, и почитаетъ другого. Они не знаютъ ни о какой злобѣ, или хитрости, или обманѣ; но Божественные плоды и небесная отрада, все у нихъ сообща, и одинъ можетъ пользоваться ими, какъ и другой; тамъ нѣтъ ни зависти, ни вражды, но сердца ихъ связаны любовно.

34. И подобно какъ родители въ дѣтяхъ, такъ и Божество полагаетъ свое высшее благоволеніе въ томъ, что его любезные

дѣти такъ дружески и любовно живутъ между собою на небѣ: ибо и Божество играетъ въ себѣ самомъ подобнымъ же образомъ, одинъ источникъ духъ въ другомъ.

35. Поэтому и ангелы не могутъ ничего дѣлать иначе, нежели какъ дѣлаетъ ихъ Отецъ; о томъ засвидѣтельствовали и нашъ ангельскій царь Іисусъ Христосъ, когда былъ у насъ на землѣ, сказавъ, какъ написано въ Евангеліи: Истинно, истинно, не можетъ Сынъ ничего творить самъ отъ себя; но что Онъ видитъ, что Отецъ творитъ, то и Сынъ творитъ также (Іоаннъ. 5,19). И далѣе: Если не обратитесь, и не будете какъ дѣти, не можете войти въ царство небесное (Матѣ. 18,3).

36. Онъ разумѣетъ этимъ, что сердца наши должны быть связаны любовью, какъ у святыхъ ангеловъ Божіихъ, и что мы должны поступать другъ съ другомъ дружески и любовно, и любить другъ друга, и предварять въ почтеніи, какъ ангелы Божіи.

37. А не должны обманывать, и лгать другъ на друга, и вырывать кусокъ изо рта отъ великой жадности; а также гордиться, и величаться одинъ надъ другимъ, и презирать того, кто не умѣетъ коварно діавольски хитрить.

38. О нѣтъ, такъ не поступаютъ ангелы на небѣ; но они любятъ другъ друга, и никто не мнитъ себя прекраснѣе другого, но каждый находитъ радость свою въ другомъ, и радуется прекрасному облику и пріятности другого; отчего восходитъ ихъ взаимная любовь, такъ что они берутъ за руки и дружески цѣлуютъ другъ друга.

39. Замѣть глубину: подобно какъ когда молнія жизни взойдетъ среди Божественной силы, и всѣ духи Божіи получаютъ жизнь свою, и весьма обрадуются, и возникнетъ между ними любовное и святое обниманіе, цѣлованіе, вкушеніе, осязаніе, слышаніе, видѣніе и обоняніе; такъ и у ангеловъ: когда одинъ видитъ, слышитъ и осязаетъ другого, то восходитъ въ сердцѣ его молнія жизни, и одинъ духъ обнимаетъ другого, какъ въ Божествѣ.

40. Замѣть здѣсь глубину и высшую тайну ангеловъ Божіихъ. Если ты теперь хочешь узнать, откуда происходитъ ихъ любовь и смиреніе и дружба, восходящія въ сердцѣ ихъ, то замѣть себѣ слѣдующее:

41. Каждый ангелъ созданъ такимъ же, какъ и все Божество, и есть какъ бы малый Богъ: ибо когда Богъ творилъ ангеловъ, то творилъ ихъ изъ самаго себя; но Богъ въ одномъ мѣстѣ таковъ же, какъ и въ другомъ, Онъ повсюду Отецъ, Сынъ и Духъ Святой.

42. Этими тремя именами и силою ихъ держится небо, и мѣръ сей, и все, о чемъ бы ни помыслило сердце твое; и если бы ты описалъ такой малый кругъ, что едва могъ бы взглянуть внутрь его, или даже едва различить его, въ немъ была бы однако заключена вся Божественная сила, и Сынъ Божій рожденъ бы въ немъ, и Духъ Святой исходилъ бы въ немъ отъ Отца и Сына; если не въ любви, то въ гнѣвѣ, какъ написано: Со святыми ты святъ, и съ развращенными развращенъ (Пс. 17, 26, 27), съ тѣми, что сами возбуждаютъ надъ собою гнѣвъ Божій; и онъ бываетъ тогда во всѣхъ духахъ Божіихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ возбужденъ; и въ свой чередъ, гдѣ возбуждается любовь, тамъ она и пребываетъ въ полномъ рожденіи всего Божества того мѣста.

43. И нѣтъ въ томъ никакого различія между ангелами, и сотворены они одинъ какъ и другой, всѣ изъ Божественнаго салиттера небесной природы; единственно то между ними различіе, что когда Богъ создавалъ ихъ, всѣ качества въ этомъ великомъ движеніи были въ состояніи наивысшаго рожденія или восхожденія. Отсюда произошло, что ангелы бываютъ различныхъ качествъ, и обладаютъ различною окраскою и красотою, и однако все это изъ Бога.

44. Но каждый ангелъ имѣетъ въ себѣ и всѣ качества Божіи, только одно изъ нихъ бываетъ въ немъ сильнѣе прочихъ; по этому качеству онъ получаетъ свое имя, въ этомъ качествѣ и прославляется.

45. Подобно какъ качества въ Богѣ непрестанно рождаютъ другъ друга, и вмѣстѣ восходятъ, и сердечно любятъ, и непрестанно получаютъ свою жизнь другъ отъ друга; и подобно какъ молнія восходитъ въ зноѣ, въ сладкой водѣ, откуда беретъ начало жизнь и радость,—такъ бываетъ и въ ангелѣ, и внутреннее рожденіе его происходитъ не иначе, какъ и внѣшнее внѣ его въ Богѣ.

40. Какъ Сынъ Божій рождается внѣ ангеловъ, въ средин-

номъ родникѣ, въ зноѣ, въ сладкой водѣ, изъ всѣхъ семи духовъ Божіихъ, и освѣщаетъ въ свою очередь всѣ семь духовъ Божіихъ, откуда они берутъ свою жизнь и радость; такъ и подобнымъ же образомъ рождается Сынъ Божій и въ ангелѣ, въ срединномъ родникѣ его сердца, въ зноѣ, въ сладкой водѣ, и освѣщаетъ въ свой чередъ всѣ семь источныхъ духовъ ангела.

47. И подобно какъ Духъ Святой исходитъ отъ Отца и Сына, и слагаетъ, и образуетъ, и любитъ все, такъ исходитъ Духъ Святой и въ ангелѣ въ его собратіи, и любитъ ихъ, и радуется вмѣстѣ съ ними.

48. Ибо нѣтъ никакого различія между духами Божіими и ангелами, какъ только то, что ангелы суть твари и тѣлесное существо ихъ имѣетъ начало; но сила ихъ, изъ которой они сотворены, она есть самъ Богъ, и она отъ вѣчности, и пребываетъ въ вѣчность. Поэтому скорость ихъ такъ же велика, какъ скорость человѣческихъ мыслей: куда они захотятъ, тамъ тотчасъ и обрѣтаются; къ тому же они могутъ быть большими или малыми, какъ захотятъ.

49. И это есть истинное существо Божіе въ небѣ, даже само небо. Если бы открылись глаза твои, то ты ясно увидѣлъ бы это здѣсь на землѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ ты стоишь. Ибо если Богъ можетъ дать увидѣть это духу человѣческому, который еще въ тѣлѣ, и если Онъ можетъ открыться ему въ плоти, то Онъ можетъ сдѣлать это и внѣ плоти, если захочетъ.

50. О грѣховная обитель міра сего, какъ окружена ты отовсюду адомъ и смертью! Проснись, близокъ часъ твоего возрожденія, наступаетъ день, показывается заря. О безумный и мертвый міръ, какихъ ты еще просишь знаменій? Все тѣло твое уже окоченѣло, а ты все еще не хочешь пробудиться отъ сна твоего! Вотъ, дается тебѣ великое знаменіе; но ты спишь и не видишь его: поэтому дастъ тебѣ Господь иное знаменіе въ ревности своей, которую ты возбудилъ грѣхами твоими.

О ВСЕМЪ НЕБЕСНОМЪ БЛАЖЕНСТВѢ ВСѢХЪ ТРЕХЪ
ЦАРСТВЪ АНГЕЛЬСКИХЪ.

51. Здѣсь указываетъ духъ, что гдѣ каждый ангелъ былъ сотворенъ, это самое мѣсто или locus въ небесной природѣ, въ

которомъ и изъ котораго онъ сталъ тварью, и есть собственное его мѣстопробываніе, которымъ онъ обладаетъ по природному праву, пока остается въ любви Божіей. Ибо это есть locus, которымъ онъ обладалъ отъ вѣчности, прежде нежели сталъ тварью; и тотъ же салиттеръ находился на этомъ мѣстѣ, изъ котораго онъ произошелъ: потому это мѣстопробываніе остается въ его обладаніи по природному праву, пока онъ ходитъ въ любви Божіей.

52. Но ты не долженъ думать, что Богъ связанъ этимъ, такъ что не могъ бы прогнать его оттуда, если бы онъ сталъ ходить иначе, нежели какъ Богъ впервые сотворилъ его. Ибо пока онъ остается въ послушаніи и въ любви, до тѣхъ поръ это мѣсто принадлежитъ ему по природному праву: но когда онъ возстаетъ и зажигаетъ это мѣсто огнемъ гнѣва, то онъ зажигаетъ домъ Отца своего, и становится враждою тому мѣсту, изъ котораго онъ созданъ, и дѣлаетъ два изъ того, что до возстанія его было едино.

53. Когда же это случается, то онъ сохраняетъ про себя свое тѣлесное природное право, а мѣсто также сохраняетъ про себя свое право; если же тварь, имѣющая начало, хочетъ противиться тому первому, что было прежде твари и не имѣетъ начала, и хочетъ погубить то мѣсто, которое не она создала, и въ которомъ она была сотворена въ любви, и хочетъ любовь эту превратить въ огонь гнѣва, то любовь по справедливости извергаетъ огонь гнѣва вмѣстѣ съ тварью.

54. Отсюда происходятъ права и въ семь мірѣ: ибо когда сынъ противится отцу и ударяетъ отца, онъ утрачиваетъ свое отцовское наслѣдіе, и отецъ можетъ выгнать его изъ дому; но пока онъ повинуется отцу, тотъ не имѣетъ власти лишить его наслѣдія.

55. Это мірское право беретъ начало свое отъ неба, какъ и многія другія мірскія права, записанныя въ книгахъ Моисея, берутъ всѣ свое начало и происхожденіе изъ Божественной природы на небѣ, что я намѣренъ ясно доказать въ своемъ мѣстѣ на истинномъ основаніи въ Божествѣ.

56. Теперь кто-нибудь скажетъ: но тогда ангелъ такъ привязанъ къ мѣсту, въ которомъ онъ сотворенъ, что не слѣдуетъ

или не можетъ сдвинуться съ него? Нѣтъ; но какъ духи Божіи не терпятъ стѣсненія въ своемъ восхожденіи, такъ чтобы не мочь двигаться между собою, такъ и ангелы не бываютъ всецѣло привязаны къ своему мѣсту.

57. Ибо подобно какъ духи Божіи непрестанно восходятъ другъ въ другъ, и рожденіе ихъ бываетъ для нихъ любовной игрою, и однако каждый духъ сохраняетъ свое природное мѣстопробываніе или свой locus въ рожденіи Божіемъ, и никогда не случается, чтобы зной превратился въ холодъ, или холодъ въ зной, но всѣ сохраняютъ свой природный locus, и восходятъ другъ въ другъ, откуда жизнь беретъ свое начало;

58. Такъ и святые ангелы движутся или странствуютъ между собою во всѣхъ трехъ царствахъ, отчего каждый получаетъ отъ другого, то есть, отъ прекраснаго облика, отъ привѣтливости и доблести другого, свою высшую радость, и однако каждый сохраняетъ свое природное мѣстопробываніе или locus, гдѣ онъ сталъ тварью, въ свою собственность.

59. Подобно какъ въ семь мірѣ, когда приходитъ къ кому-нибудь въ домъ изъ чужой страны кровный другъ или любимый человѣкъ, по которомъ онъ имѣлъ сердечное желаніе, то бываетъ радость и дружеская встрѣча, и привѣтствіе, и любовная бесѣда, и хозяинъ предлагаетъ гостю самое лучшее; хотя это лишь холодная вода по сравненію съ небеснымъ;

60. Такъ поступаютъ и ангелы другъ съ другомъ: когда воинство одного царства приходитъ къ другому, или воинство одного княжескаго качества—къ воинству другого, то бываетъ только любовный пріемъ, весьма блаженная бесѣда, дружеская почтительность, весьма блаженное любовное прогуливаніе, скромное и смиренное обхожденіе, дружеское цѣлованіе и вожденіе гостей, и начинаются радостные хороводы.

61. Какъ когда малыя дѣти пойдутъ въ маѣ въ цвѣтуція поля, и ихъ тамъ иногда соберется много, и они дружески бесѣдуютъ между собою, и срываютъ множество различныхъ цвѣточковъ; и, нарвавши, несутъ ихъ въ рукахъ, и затѣваютъ веселые хороводы, и потомъ отъ радости сердца своего поютъ и веселятся: такъ дѣлаютъ и ангелы на небѣ, когда соберутся вмѣстѣ изъ разныхъ воинствъ.

62. Ибо поврежденная природа съ высочайшимъ прилежаніемъ трудится въ мірѣ семъ, чтобы мочь произвести небесныя формы; и малые дѣти нерѣдко должны были бы быть учителями родителей своихъ, если бы родители могли понять это; однако къ сожалѣнію въ наши дни повреждены и малые и старыя; ибо старинная пословица гласитъ: какъ пѣвали старыя, такъ научились и малые.

63. Этимъ высокимъ смиреніемъ ангеловъ духъ увѣщаетъ дѣтей міра сего оглянуться на себя, имѣютъ ли они такую же любовь другъ къ другу? есть ли у нихъ и такое же смиреніе? и какъ полагаютъ они о себѣ: какіе они ангелы, и похожи ли на тѣхъ? ибо они содержатъ въ себѣ третье ангельское царство.

64. Вотъ духъ хочетъ поставить тебѣ здѣсь немного на видъ твою любовь, и твое смиреніе, и твою привѣтливость, прекрасная невѣста ангельская; оглянись на нарядъ твой, сколь великую радость найдетъ твой женихъ въ тебѣ, милый ангелъ, пляшущій повседневно съ діаволомъ.

65. Во-первыхъ, когда нынѣ бываетъ кто-нибудь повышенъ, и получаетъ какой-нибудь хотя бы малый чинъ, то уже никто не бываетъ достоинъ его, кто не имѣетъ того же чина: онъ смотритъ на простеца, лишь какъ на подножіе ногъ своихъ, и вскорѣ начинаетъ заботиться о томъ, какъ бы завладѣть при помощи коварства имуществомъ простеца; а не удастся коварствомъ, такъ онъ достигаетъ того же насиліемъ, только бы удовлетворить своему высокомерію.

66. Придетъ къ нему простой человѣкъ, не могущій хорошенько оградить себя, онъ тотчасъ раздѣляется съ нимъ какъ съ собакою; имѣетъ ли кто дѣло до него, правъ остается тотъ, кто покажется ему знатнѣе. Угадай же, другъ, каковъ, ты ангельскій князь? Въ слѣдующей главѣ, при паденіи діавола, тамъ ты найдешь его, свое зеркало, поглядишь тогда.

67. Во-вторыхъ, когда нынѣ кто-нибудь больше успѣлъ въ мірской наукѣ, или побольше учился, нежели простецъ, то уже никакой простецъ не можетъ съ нимъ равняться, и не умѣетъ съ нимъ говорить по-ученому, и не умѣетъ такъ гордо ступать, какъ онъ. Словомъ, простецу приходится быть его посмѣшищемъ, межъ тѣмъ какъ самъ онъ безумный ангелъ, и въ любви своей

мертвый челоѡкъ. Этотъ родъ людей также найдетъ свое зеркало въ слѣдующей главѣ.

68. Въ-третьихъ, когда нынѣ бываетъ кто-нибудь богаче другого, то бѣднякъ становится его посмѣшищемъ; и если онъ можетъ обрядиться въ лучшую одежду, нежели его ближній, то бѣднякъ уже не бываетъ достоинъ его и всецѣло оправдывается нынѣ на дѣлѣ старая пѣсня:

Богачъ бѣдняка притѣсняетъ,
И потъ изъ него выжимаетъ,
Только бѣ звенѣло въ мошнѣ.

Таковые ангелы приглашаются также въ слѣдующей главѣ явиться предъ свое зеркало.

69. Въ-четвертыхъ, всеобщая вездѣ дѣвольтская гордость, и возношеніе одного надъ другимъ, презрѣніе, оболганіе, обманъ, лихоимство, скупость, зависть, ненависть, все это горитъ нынѣ въ мѣрѣ адскимъ огнемъ. Увы, и навѣки! О мѣрѣ, гдѣ смиреніе твое? гдѣ ангельская любовь твоя? гдѣ дружелюбіе твое. Когда уста говорятъ нынѣ: благослови тебя Богъ! то сердце мыслить: смотри, берегись!

70. О прекрасное ангельское царство, какъ ты было украшено! какъ сдѣлалъ дѣвольт изъ тебя смертнѣй ровъ! не мнишь ли ты, что стоишь нынѣ въ цвѣту, межъ тѣмъ какъ стоишь посреди ада? Если бы только были открыты глаза твои, ты бы это увидѣлъ. Или ты мнишь, что духъ пьянъ и тебя не видитъ? О, онъ тебя ясно видитъ, и срамота твоя обнажена предъ Богомъ; ты распутная жена, и любодѣйствуешь день и ночь, а еще говоришь: я цѣломудренная дѣва.

71. О, какое прекрасное зрѣлище ты для святыхъ ангеловъ! Обоняй, какова сладкая любовь твоя и смиреніе; не пахнутъ ли они адомъ? Весь этотъ родъ людей приглашенъ будетъ на трапезу въ слѣдующей главѣ.

О ЦАРСКОМЪ ПЕРВЕНСТВѢ ИЛИ ВЛАСТИ ТРЕХЪ ЦАРЕЙ
АНГЕЛЬСКИХЪ.

72. Подобно какъ троично Божество въ существѣ своемъ, и троично проявляетъ и рождаетъ себя въ исхожденіи семи

духовъ Божіихъ, какъ Отець, Сынъ и Духъ Святой, Богъ единый, въ которомъ пребываетъ вся Божественная сила и все, что ни есть, (и три лица Божества суть однако не раздѣльныя существа, но одно въ другомъ); такъ равнымъ образомъ и когда Богъ подвигся и сотворилъ ангеловъ, то произошли три особыхъ ангела изъ лучшаго ядра природы, изъ существа Троицы въ природѣ Божіей, и такой силы и власти, какую имѣетъ Троица въ семи духахъ Божіихъ.

73. Ибо Троица Божія восходитъ въ семи духахъ Божіихъ, и есть въ свой чередъ жизнь и сердце всѣхъ семи духовъ Божіихъ; такъ и три ангельскихъ царя взошли каждый въ природѣ своего воинства или своего мѣста, и каждый есть природный господинъ въ своемъ мѣстѣ надъ правленіемъ ангеловъ; мѣсто же Троица Божества, которая неизмѣнна, сохраняетъ про себя, а царь сохраняетъ правленіе ангеловъ.

74. Теперь, какъ Троица Божества есть единое существо повсюду, во всемъ Отцѣ, и связана въ самой себѣ, подобно членамъ въ человѣческомъ тѣлѣ, и всѣ мѣста суть какъ единое мѣсто; и хотя каждое мѣсто имѣетъ отличное отъ другого дѣло, какъ и члены челѣвка, все же они составляютъ единое тѣло Божіе; такъ и три ангельскихъ царства связаны между собою, а не разлучены каждое въ отдѣльности; ни одинъ изъ ангельскихъ царей не можетъ сказать: это мое царство, никакой другой царь не смѣетъ входить сюда.

75. Хотя это его изначальное и природное наслѣдственное царство и остается его достояніемъ, однако всѣ другіе цари и ангелы суть его истинные природные братья, рожденные отъ одного отца, и наслѣдуютъ всѣ вмѣстѣ царство своего отца.

76. Подобно какъ источные духи Божіи имѣютъ каждый свой природный престолъ рожденія, и сохраняютъ про себя свое природное мѣсто и суть однако каждый вмѣстѣ съ прочими духами единый Богъ; если бы не было прочихъ, то не было бы также и его, и такъ восходятъ они другъ въ другъ; такъ бываетъ и съ первенствомъ святыхъ ангеловъ, и оно не имѣетъ иного образа, нежели какъ въ Богѣ.

77. Потому живутъ они дружелюбно и мирно всѣ вмѣстѣ въ царствѣ Отца своего, какъ милые братцы, и нѣтъ никакой границы, докуда имъ можно или нельзя доходить.

78. Простецъ можетъ теперь спросить: по какой же средѣ ангелы ступаютъ? или на чемъ они утверждаютъ свою ногу? Я хочу здѣсь освѣдомить тебя объ истинномъ основаніи, и на небѣ нѣтъ иного, нежели какое ты найдешь здѣсь начертаннымъ въ буквахъ: ибо въ эту глубину духъ смотритъ невозмутимо, почему оно весьма понятно.

79. Вся природа неба состоитъ въ силѣ семи источныхъ духовъ, а въ седьмомъ природа или постижимость всѣхъ качествъ: она совсѣмъ свѣтла, и густа какъ облако, но совсѣмъ прозрачна, подобно кристальному морю, такъ что можно все видѣть насквозь; но и вся глубина такова, вверху и внизу.

80. Такія же тѣла имѣютъ и ангелы, но сплоченныя воедино суше; и тѣла ихъ также суть ядро природы, лучшее и прекраснѣйшее сіяніе природы.

81. И вотъ на седьмомъ духѣ Божіемъ утверждается нога ихъ, который густъ какъ облако, и свѣтель какъ кристальное море, и въ немъ они движутся верхъ и внизъ, куда хотятъ. Ибо подвижность ихъ такъ же быстра, какъ и сама Божественная сила; однако одинъ бываетъ быстрѣе другого; и все это сообразно тому, какого онъ качества.

82. Въ томъ же седьмомъ природномъ духѣ восходятъ также небесные плоды и цвѣта, и все что постижимо, и что подобно формѣ; какъ если бы ангелы обитали въ глубинѣ между небомъ и землею, и восходили и нисходили бы тамъ, и гдѣ бы они ни были, ихъ нога покоилась бы, какъ если бы стояла на землѣ.

83. Древніе изображали людямъ ангеловъ съ крыльями; но они не нуждаются ни въ какихъ крыльяхъ: у нихъ есть руки и ноги, какъ у людей, но по-небесному.

84. Въ день воскресенія мертвыхъ не будетъ никакого различія между ангелами и людьми, у нихъ будетъ одинъ образъ: что я намѣренъ ясно доказать въ своемъ мѣстѣ, и что ясно удостоверяетъ также и самъ царь нашъ Іисусъ Христосъ, говоря: Въ воскресеніи пребываютъ какъ ангелы Божіи (Матѣ. 22, 30).

О ВЕЛИКОЙ СЛАВѢ И КРАСОТѢ ТРЕХЪ ЦАРЕЙ АНГЕЛЬСКИХЪ.

85. Вотъ настоящая дубина, которую швыряютъ въ пса, чтобы онъ обратился въ бѣгство: при этой пѣсни господинъ Люциферъ готовъ вырвать себѣ бороду съ досады. Замѣть здѣсь глубину.

О ЦАРѢ ИЛИ ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ МИХА-ЭЛѢ.

86. Миха-Эль означаетъ крѣпость или силу Божію, и несетъ это имя на дѣлѣ: ибо онъ сплоченъ воедино изъ семи источныхъ духовъ, какъ нѣкое ядро ихъ, и предстоитъ нынѣ какъ бы на мѣстѣ Бога Отца.

87. Не въ томъ смыслѣ, что онъ есть Богъ Отецъ, состоящій въ семи духахъ всей глубины и не тварный, но что и въ природѣ среди тварей есть одна, пребывающая по тому же образу, какъ Отецъ въ семи источныхъ духахъ, и господствующая въ тваряхъ.

88. Ибо когда Богъ сдѣлалъ себя тварнымъ, то онъ сдѣлалъ себя тварнымъ по образу своей троичности; и какъ въ Богѣ самое великое и знатное есть Его троичность, хотя однако не могутъ быть измѣрены ни Его дивный размѣръ, ни обликъ и измѣненіе, въ которыхъ Онъ такъ различно и многообразно проявляетъ себя въ своемъ дѣйствіи,—такъ по образцу верховнаго первенства своей троичности сотворилъ Онъ и трехъ главныхъ ангеловъ, или ангеловъ-князей.

89. Послѣ того сотворилъ Онъ ангеловъ-князей по семи источнымъ духамъ, по качеству ихъ; каковы Габри-Эль, ангель или князь звука, или скорой вѣсти, также Рафа-Эль, и многіе другіе въ царствѣ Миха-Эля.

90. Ты не долженъ понимать это такъ, чтобы эти царственные ангелы имѣли правленіе въ Божествѣ, то есть въ семи источныхъ духахъ Божіихъ, которые внѣ тварей; нѣтъ, но они правятъ каждый надъ своими тварями.

91. Подобно какъ Троица Божія господствуетъ надъ безконечнымъ существомъ, и надъ образами и различными формами въ Божествѣ, и измѣняетъ и образуетъ ихъ, такъ и три

ангельскихъ царя господствуютъ надъ своими ангелами до самаго сердца и глубочайшаго основанія ихъ: хотя они и не могутъ измѣнять ихъ тѣлесно, какъ самъ Богъ, сотворившій ихъ, однако они правятъ ими тѣлесно, и обязаны имъ, и связаны съ ними, какъ связаны между собою тѣло и душа.

92. Ибо царь есть глава ихъ, и они суть члены царя, а источные ангелы-князья—совѣтники или исполнители царя, подобно какъ пять чувствъ въ человѣкѣ, или какъ руки и ноги, или же ротъ, носъ, глаза и уши, чтобы царь могъ вершить дѣла свои.

93. Теперь, подобно какъ всѣ ангелы связаны съ царемъ, такъ и царь связанъ съ Богомъ творцомъ своимъ, какъ тѣло и душа. Тѣло знаменуетъ Бога, а душа—ангельскаго царя, который въ тѣлѣ Божіемъ, и въ тѣлѣ же Божіемъ сталъ тварью, и пребываетъ вѣчно въ тѣлѣ Божіемъ, какъ душа въ гнѣздѣ своемъ: потому Богъ такъ высоко и прославилъ его, какъ достояніе свое, или какъ душа бываетъ прославлена въ тѣлѣ.

94. Такимъ образомъ царь или великій князь Миха-Эль въ своемъ прославленіи или ясности походить на Бога Отца, и есть царь и князь Божій на горѣ Божіей, и имѣетъ вершить дѣло свое въ глубинѣ, въ которой сотворенъ.

95. Та окружность или то пространство, въ которомъ сотворены онъ и его ангелы, есть его царство, и онъ есть любимый сынъ Бога Отца въ природѣ, тварный сынъ, въ которомъ имѣетъ радость свою Отецъ.

96. Ты не долженъ сравнивать его съ сердцемъ или свѣтомъ Божіимъ, пребывающимъ въ цѣломъ Отцѣ, и не имѣющимъ ни начала, ни конца, какъ самъ Богъ Отецъ.

97. Ибо этотъ князь есть тварь, и имѣетъ начало: но онъ въ Богѣ Отцѣ, и связанъ съ Нимъ въ любви своей, какъ любимый сынъ Его, сотворенный Имъ изъ самого себя.

98. Потому воздѣль Онъ на него вѣнецъ чести, власти и могущества, такъ что нѣтъ въ небѣ ничего выше и прекраснѣе, а также ничего могущественнѣе его (кромѣ самаго Бога въ Его Троицѣ). И вотъ одинъ царь, описанный правильно на истинномъ основаніи въ познаніи духа.

О ВТОРОМЪ ЦАРЬ, ИМЕНУЕМОМЪ НЫНЪ, РАДИ ЕГО ПАДЕНІЯ, ЛЮЦИФЕРОМЪ.

99. Въ этомъ мѣстѣ, царь Люциферъ, прикрой немного глаза твои, и заткни немного уши твои, чтобы тебѣ ничего не слышать и не видѣть; а то жестоко будетъ тебѣ стыдно, что другой сидитъ на престолѣ твоёмъ, и что еще прежде конца міра долженъ совсѣмъ стать явнымъ позоръ твой, который ты доселѣ держалъ отъ міра втайнѣ и заглушалъ, гдѣ только могъ; теперь я опишу твое царственное первенство, въ угоду не тебѣ, а людямъ.

100. Этотъ высокомогущественный, славный и прекрасный царь утратилъ въ паденіи своемъ свое настоящее имя; ибо онъ зовется нынѣ Люциферъ, то есть, извергнутый изъ свѣта Божія. Имя его первоначально было не таково: ибо онъ былъ тварнымъ княземъ или царемъ сердца Божія въ сіяющемъ свѣтѣ, прекраснѣйшимъ изъ трехъ ангельскихъ царей.

О СОТВОРЕНІИ ЕГО.

101. Какъ Миха-Эль сотворенъ по качеству, роду и свойству Бога Отца, такъ и Люциферъ былъ сотворенъ по качеству, роду и красотѣ Бога Сына, и былъ съ нимъ связанъ въ любви, какъ любимый сынъ или сердце, и сердце его также пребывало въ средоточіи свѣта, какъ если бы онъ былъ самъ Богъ, и красота его превосходила все. Ибо окруженіе его или знатнѣйшая мать его былъ Сынъ Божій, тамъ пребывалъ онъ какъ царь или князь Божій.

102. Область его со всѣмъ его воинствомъ, мѣсто и пространство, гдѣ онъ сталъ тварью, и которое было его царствомъ, есть сотворенное небо и сей міръ, гдѣ мы живемъ съ царемъ нашимъ Иисусомъ Христомъ.

103. Ибо царь нашъ возсѣдаетъ въ Божественномъ всемогуществѣ, какъ возсѣдалъ нѣкогда царь Люциферъ, на царскомъ престолѣ извергнутаго Люцифера, и царство Люцифера стало нынѣ его. Князь Люциферъ, какъ тебѣ это нравится?

104. Какъ Богъ Отецъ связанъ съ Сыномъ своимъ великою любовью, такъ и царь Люциферъ былъ связанъ съ царемъ

Миха-Элемъ великою любовью, какъ единое сердце или единый Богъ: ибо родникъ Сына Божія достигалъ въ самое сердце Люцифера.

106. Но однако свѣтъ, который онъ имѣлъ въ своемъ тѣлѣ, имѣлъ онъ въ собственность; и этотъ свѣтъ, пока онъ сіялъ, характеризовалъ совместно и совмѣщался съ бывшимъ внѣ его свѣтомъ Сына Божія, какъ нѣчто единое, хотя ихъ и было два; и еще были они связаны другъ съ другомъ какъ тѣло и душа.

106. И подобно какъ свѣтъ Божій править во всѣхъ силахъ Отца, такъ правилъ и онъ во всѣхъ своихъ ангелахъ, какъ могущественный царь Божій, и носилъ на главѣ своей прекраснѣйшій на небѣ вѣнецъ.

107. На этомъ я хочу теперь и закончить, такъ какъ въ слѣдующей главѣ буду имѣть съ нимъ еще очень много дѣла. Пусть онъ здѣсь еще немного повеличается въ своемъ вѣнцѣ, скоро онъ будетъ снятъ съ него.

О ТРЕТЬЕМЪ ЦАРѢ АНГЕЛЬСКОМЪ, ПО ИМЕНИ УРІ-ЭЛѢ.

108. Этотъ блаженный князь и царь имѣетъ имя свое отъ свѣта, или отъ молніи или исхожденія свѣта, что знаменуетъ поистинѣ Бога Духа Святого.

109. Подобно какъ Духъ Святой исходитъ отъ свѣта, и слагаетъ и образуетъ все, и господствуетъ во всемъ, таково же и могущество и блаженство херувима: онъ есть царь и сердце всѣхъ своихъ ангеловъ, то есть, лишь только ангелы его взглянуть на него, какъ заражаются волею своего царя.

110. Подобно какъ воля сердца заражаетъ всѣ члены тѣла, и все тѣло поступаетъ тогда согласно постановленію сердца; или какъ Духъ Святой восходитъ въ средоточіи сердца, и освѣщаетъ всѣ члены въ тѣлѣ; такъ и херувимъ заражаетъ всѣмъ своимъ сіяніемъ и волею всѣхъ своихъ ангеловъ, такъ что они всѣ вмѣстѣ суть какъ бы единое тѣло, и царь есть сердце внутри его.

111. Теперь, этотъ славный и прекрасный князь образованъ по роду и качеству Святого Духа, и есть поистинѣ славный

и прекрасный князь Божій, и связанъ съ прочими князьями въ любви, какъ единое сердце.

112. Таковы три князя Божіихъ на небѣ. Когда же теперь молнія жизни то - есть, Сынъ Божій, восходитъ въ среднемъ кругѣ въ источныхъ духахъ Божіихъ, и являетъ себя торжествуя, то и Духъ Святой восходитъ также, торжествуя, ввысь. Въ этомъ восхожденіи восходитъ также и Святая Троица въ сердцѣ этихъ трехъ царей, и каждый торжествуетъ по своему качеству и роду.

113. Въ этомъ восхожденіи воинство всего неба, всѣ ангелы становятся ликующими и радостными, и раздается дивное Тебя Бога хвалимъ. Въ этомъ восхожденіи сердца пробуждается меркурій въ сердцѣ, равно и во всемъ салиттерѣ неба: тогда восходитъ въ Божествѣ дивное и прекрасное образованіе неба въ многообразіи цвѣтовъ и родовъ, и каждый духъ являетъ себя въ своемъ образѣ особо.

114. Я ни съ чѣмъ не могу сравнить этого, какъ съ благороднѣйшими камнями, съ рубиномъ, смарагдомъ, дельфиномъ, ониксомъ, сапфиромъ, алмазомъ, ясписомъ, гіацинтомъ, аметистомъ, берилломъ, сардониксомъ, карбункуломъ и подобными имъ.

115. Въ такихъ цвѣтахъ и родахъ являетъ себя природное небо Божіе въ восхожденіи духовъ Божіихъ, и когда теперь свѣтъ Сына Божія сіяетъ въ немъ, то оно подобно свѣтлому морю цвѣта перечисленныхъ выше камней.

О ДИВНОЙ СОРАЗМѢРНОСТИ, ОБЪ ИЗМѢНЕНІИ И ВОСХОЖДЕНІИ КАЧЕСТВЪ ВЪ НЕБЕСНОЙ ПРИРОДѢ.

116. Но какъ духъ даетъ мнѣ познать образъ неба, то я не могу прекратить это описаніе, и предоставляю дѣйствовать тому, кто хочетъ, чтобы такъ было. Хотя бы діаволь могъ возбудить ругателей и насмѣшниковъ надъ этимъ, я не пекусь о томъ, мнѣ довольно благодатнаго откровенія Божія: пусть они себѣ ругаются, пока не узнаютъ того сами къ вѣчному стыду; источникъ раскаянія будетъ грызть ихъ тогда.

117. Я не восходилъ также на небо, и не видѣлъ этого плотскими глазами, еще того менѣе сказалъ мнѣ кто-нибудь объ

этомъ: ибо хотя бы ангелъ пришелъ и возвѣстилъ мнѣ это, все же я не могъ бы безъ просвѣщенія Богомъ не понять, ни тѣмъ менѣе повѣрить. Ибо я все еще оставался бы въ сомнѣніи, хотя бы то былъ добрый ангелъ, исполнявшій велѣніе Божіе, такъ какъ и діаволь можетъ облечься въ ангельскій образъ для соблазненія людей (2 Кор. 11, 14).

118. Но такъ какъ это рождается въ средоточіи или окружности жизни, какъ ярко сіяющій свѣтъ, подобно небесному рожденію или восхожденію Святого Духа, и въ огненномъ побужденіи духа, то я не могу ему противиться, пусть продолжаетъ ругаться надо мною міръ.

119. Свидѣтельствуешь духъ, что весьма малаго еще недостаетъ, и вотъ взойдетъ молнія во всей окружности міра сего; ради того и духъ этотъ есть вѣстникъ или возвѣститель дня. Какой человѣкъ не будетъ обрѣтенъ къ тому времени въ рожденіи Святого Духа, въ томъ и вѣки не взойдетъ это рожденіе, но онъ останется въ источникѣ тьмы жесткимъ, мертвымъ кремнемъ, въ которомъ восходитъ вѣчно источникъ ярости и гибели; тамъ вѣчно будетъ онъ ругаться, пребывая въ рожденіи адской мерзости: ибо какого дерево качества таковъ и плодъ его.

120. Ты живешь между небомъ и адомъ; куда ты съешь, тамъ и пожнешь, и то будетъ пищею твоею въ вѣчность. По съешь ли ты ругательство и презрѣніе, то и пожнешь ругательство и презрѣніе, и оно будетъ твоею пищею.

121. Потому, о человѣкъ! будь осмотрителенъ и не слишкомъ уповай на мірскую мудрость; она слѣпа и рождена слѣпою: но когда въ ней рождается молнія жизни, то она уже болѣе не слѣпа, но видитъ. Ибо Христосъ говоритъ: Вы должны родиться снова, иначе не можете войти въ Царство небесное (Іоанн. 3,7). Поистинѣ должно родиться такимъ образомъ въ Духъ Святомъ, который восходитъ въ сладкой родниковой водѣ сердца въ молніи.

122. Потому и Христосъ заповѣдалъ крещеніе или возрожденіе Духа Святого въ водѣ, ибо въ сладкой водѣ сердца восходитъ рожденіе свѣта. Это есть великая тайна, и она оставалась сокрытой отъ всѣхъ людей отъ начала міра и до сего

дня. Я намѣренъ ясно описать и доказать это въ своемъ мѣстѣ.

123. Теперь замѣть себѣ образъ неба: когда ты смотришь на мѣръ сей, то предъ тобою прообразъ неба. Звѣзды знаменуютъ ангеловъ: ибо подобно какъ звѣздамъ надлежитъ пребыть неизмѣнными до конца сего времени, такъ и ангелы должны вѣчно пребывать неизмѣнными въ вѣчномъ времени неба.

124. Стихіи знаменуютъ дивную соразмѣрность и переменность образа неба: ибо подобно какъ глубина между землей и звѣздами непрестанно мѣняется въ образѣ своемъ, то она дивно свѣтла, а то затуманена, то бываетъ вѣтеръ, то дождь, то снѣгъ, и глубина бываетъ то голубой, то зеленоватой, то бѣловатой, то темной.

125. Такова и переменность неба въ многообразіи цвѣтовъ и образовъ; однако не по тому роду, какъ въ мѣрѣ семъ, но сообразно восхожденію духовъ Божіихъ: и свѣтъ Сына Божія сіяетъ въ немъ вѣчно, но одно восхожденіе бываетъ все же больше въ этомъ рожденіи, нежели другое: потому дивная премудрость Божія непостижима.

126. Земля знаменуетъ небесную природу или седьмого природнаго духа, въ которомъ возникаютъ образованія и формы и цвѣта. Птицы, рыбы и звѣри знаменуютъ многообразіе формъ въ небѣ.

127. Ты долженъ знать это, ибо о томъ свидѣтельствуется духъ въ молніи, что хотя въ небѣ возникаютъ различныя формы, подобныя звѣрямъ, птицамъ и рыбамъ мѣра сего, но по небесному образу, и роду и въ небесной ясности; а равно и различные деревья, кустарники и цвѣты: но какъ они возникаютъ, такъ снова и переходятъ, ибо они не бываютъ сплочены воедино, подобно ангеламъ, но слагаются такъ въ рожденіи восходящихъ качествъ въ природномъ духѣ.

128. Когда какой-нибудь образъ слагается въ одномъ изъ духовъ, такъ что получаетъ пребываніе, но другой духъ вступаетъ въ борьбу съ первымъ и побѣждаетъ, то образъ снова разсѣивается или же измѣняется, сообразно роду качествъ: и это въ Богѣ какъ бы святая игра.

129. Потому и всё твари въ мірѣ семъ, какъ то: звѣри, птицы, рыбы и гады, созданы не вѣчными существами, но переходящими, какъ равно переходятъ и образы неба. Здѣсь я помѣщаю это только какъ указаніе, при сотвореніи же міра сего ты найдешь это описаннымъ подробно.

ОБЪ УЖАСАЮЩЕМЪ, ЖАЛОСТНОМЪ И БѢДСТВЕННОМЪ ПАДЕНІИ ЦАРСТВА ЛЮЦИФЕРА.

Предъ это зеркало да будутъ созваны мною всѣ гордые, скупые, завистливые и гнѣвные люди; здѣсь увидятъ они начало своей гордости, скупости, зависти и гнѣва, а также и исходъ и конечную награду.

2. Ученые произвели много различныхъ диковинъ о началѣ грѣха и происхожденіи діавола, и дрались изъ-за нихъ между собою; каждый думалъ, что онъ владѣетъ истиною, а между тѣмъ она оставалась равно сокрытой отъ нихъ всѣхъ до сего дня.

3. Но такъ какъ этому предстоитъ быть отнынѣ совершенно явленнымъ, какъ въ свѣтломъ зеркалѣ, то надо предположить, что отнынѣ близокъ великій день откровенія Божія, когда ярость и возженный огонь разлучатся отъ свѣта.

4. Потому пусть никто не ослѣпляетъ себя самъ: ибо время возвращенія того, что человекъ утратилъ, отнынѣ близко, занимается утренняя заря, пора пробудиться отъ сна.

5. Теперь спрашивается: но каковъ же источникъ перваго грѣха Люциферова царства? Здѣсь надо снова обратиться къ высочайшей глубинѣ Божества, и разсмотрѣть, изъ чего царь Люциферъ сталъ тварью, или чѣмъ былъ въ немъ первый источникъ злобы.

6. Извиняется діаволь и скопище его, а равно и всѣ безбожные люди, порождаемые въ погибели, все еще тѣмъ, что Богъ поступаетъ съ ними несправедливо, извергая ихъ.

7. И нынѣшній міръ осмѣливается также говорить, что Богъ порѣшилъ такъ въ своемъ предустановленномъ совѣтѣ, чтобы одни люди были блаженны, а другіе осуждены; а также

чтобы Богъ ради того извергъ князя Люцифера, чтобы онъ явилъ зрѣлище гнѣва Божія.

8. Какъ если бы адъ или зло были отъ вѣчности, и Богъ имѣлъ въ намѣреніи своемъ, чтобы въ немъ были и должны были быть твари; и они дерутся и силятся доказать это писаніями, хотя не обладаютъ ни познаніемъ истиннаго Бога, ни разумѣніемъ писанія: хотя и въ писаніе попали иныя заблужденія.

9. Христосъ говоритъ, что діаволь былъ убійцею и лжецомъ искони, и никогда не состоялъ въ истинѣ (Іоанн. 8,44). Но такъ какъ эти словопрители и спорщики такъ усердно помогаютъ ему, и превращаютъ истину Божію въ ложь, дѣлая изъ Бога жаждающаго и яростнаго діавола, сотворившаго зло, и еще продолжающаго желать его, то и сами они вмѣстѣ съ діаволомъ суть убійцы и лжецы.

10. Ибо подобно какъ діаволь есть основатель и отецъ ада и осужденія, и создалъ самъ себѣ адское качество, и устроилъ себѣ изъ него свой царскій престолъ, такъ и эти писаки суть строители лжи и осужденія, помогающіе діаволу утверждать свою ложь, и дѣлать изъ милосерднаго, любовнаго и привѣтнаго Бога убійцу и усерднаго губителя, и превращать истину Божію въ ложь.

11. Ибо Богъ говоритъ чрезъ пророка: Живу я, не хочу смерти грѣшника, но чтобы онъ обратился и живъ былъ (Іезек. 33,11). И въ псалмахъ написано: Ты Богъ, не хотящій зла (Пс. 5,5).

12. Ради того далъ Богъ людямъ законы, и запретилъ зло, и заповѣдалъ добро. Если бы Богъ хотѣлъ зла и добра, то Ему пришлось бы быть въ несогласіи съ самимъ собою, и отсюда слѣдовало бы, что въ Божествѣ есть разрушеніе, что въ немъ одно съ другимъ враждуетъ, и одно другое повреждаетъ.

13. Теперь хочу объяснить въ высочайшей простотѣ и въ величайшей глубинѣ, какъ все это устроено, или откуда злоба взяла впервые свой источникъ, свое происхожденіе и начало.

14. Ради того приглашаетъ и призываетъ духъ всѣхъ заблудшихъ и діаволомъ совращенныхъ людей въ эту школу и предъ это зеркало: здѣсь они взглянутъ убійцѣ діаволу въ

сердце. Кто же не желаетъ оградиться отъ его лжи, когда онъ это можетъ, тому нѣтъ больше помощи ни здѣсь ни тамъ: кто хочетъ сѣять съ нимъ, тотъ съ нимъ и пожнетъ. Сказывается въ средоточіи молніи, что жатва уже побѣлѣла; всякій пожнетъ тогда, что онъ посеялъ.

15. Здѣсь хочу я отдать въ ростъ ввѣренный мнѣ талантъ, какъ мнѣ повелѣно: и кто хочетъ наживать и торговать со мною, да будетъ ему это открыто, будь онъ христіанинъ, іудей, турокъ или язычникъ, мнѣ все равно; торговый домъ мой да будетъ открытъ каждому, и никто не подвергнется ни мошенничеству, ни обману, но съ каждымъ будетъ поступлено по справедливости.

16. И пусть каждый смотритъ самъ, и спѣшитъ торговать, чтобы пріобрѣсти барышъ господину своему: ибо очень опасюсь я, что не каждый купецъ сможетъ разобраться въ моемъ товарѣ, такъ какъ для многихъ онъ будетъ даже совсѣмъ незнакомымъ; и не каждый пойметъ также и мой языкъ.

17. Потому хочу я всѣхъ предостеречь, чтобы они торговали осмотрительно, и не предавались ошибочному мнѣнію, что они богаты, и не могутъ обѣднѣть: по истинѣ дивные выставляю я на продажу товары, не каждый въ нихъ разберется.

18. И если бы кто по свойственному ему обычаю грубо набросился на нихъ и повергъ себя въ гибель, тотъ пусть винить самого себя: ему недостаетъ свѣта въ сердцѣ его, чтобы умъ и душа его могли быть управлены.

19. Иначе пусть лучше не подходитъ онъ къ моему торговому дому, или же онъ только самъ себя ввергнетъ въ обманъ: ибо товаръ, которымъ я торгую, весьма благороденъ и дорогъ, и для него нужно острое разумѣніе. Потому будь осмотрителемъ, и не поднимайся ввысь, гдѣ ты не видишь лѣстницы; иначе упадешь.

20. Мнѣ же показана была лѣстница Іакова, по ней поднялся я до неба, и получилъ товары мои, которые предлагаю въ продажу. И если хочетъ кто подняться вслѣдъ за мною, тотъ пусть смотритъ также, чтобы не быть ему пьянымъ, но онъ долженъ быть опоясанъ мечомъ духа.

21. Ибо онъ долженъ будетъ .восходить .сквозь жестокою глубину, и нерѣдко будетъ кружиться у него голова; къ тому же должно будетъ ему восходить сквозь самое царство ада: какое поруганіе и осмѣяніе придется ему тамъ вынести, онъ это испытаетъ.

22. Мнѣ также нерѣдко съ печалью въ сердцѣ приходилось это испытывать въ этой борьбѣ: часто солнце затмевалось для меня, но затѣмъ восходило снова; и чѣмъ чаще оно затмевалось, тѣмъ свѣтлѣе и прекраснѣе оно восходило снова.

23. Я пишу это не въ похвалу себѣ, но чтобы ты не вовсе отчаивался, если бы такъ произошло и съ тобою: ибо весьма тяжкая работа предстоитъ тому, кто захочетъ сразиться съ діаволомъ между небомъ и адомъ; ибо онъ могущественный князь.

24. Потому смотри, чтобы быть тебѣ одѣтымъ въ броню духа, иначе лучше и не подходи къ моему торговому дому, или плохо расторгнешься ты этимъ товаромъ. Ты долженъ отречься отъ діавола и отъ міра, если хочешь сражаться, иначе не побѣдишь; но если ты не побѣждаешь, то оставь въ покоѣ мою книгу, и живи при старомъ, а то получишь худую награду. Не обманывайся: Богъ поругаемъ не бываетъ (Гал. 6,7).

25. Поистинѣ тѣсна стезя того, кто хочетъ проникнуть къ Богу сквозь врата ада; ему придется вынести не мало притѣсненій и удрученій отъ діавола. Ибо человѣческая плоть весьма юна и нѣжна, а діаволь суровъ и жестокъ, къ тому же мраченъ, жгучъ, горекъ, терпокъ и хождоденъ; эти двое плохо подходятъ другъ къ другу.

26. Потому хочу я усердно предупредить читателя какъ бы предисловіемъ къ этой великой тайнѣ; если онъ не понимаетъ этихъ вещей, и однако очень хотѣлъ бы понимать, то пусть онъ молитъ Бога о Духѣ Его Святомъ, чтобы Онъ просвѣтилъ его онымъ.

27. Безъ просвѣщенія Имъ ты не поймешь этой тайны, ибо въ человѣческомъ духѣ предъ нею крѣпкій затворъ, и надо сначала отпереть его; а это не можетъ сдѣлать никакой человѣкъ, ибо только Духъ Святой обладаетъ ключемъ къ нему.

28. Потому, если ты хочешь имѣть отверстыя врата въ Божество, то долженъ ходить въ любви Божіей; я помѣстилъ это здѣсь въ наставленіе тебѣ.

29. Теперь замѣть: каждый ангелъ сотворенъ въ седьмомъ источномъ духѣ, который есть природа: изъ него сплочено воедино тѣло ангела, и это тѣло его было дано ему въ собственность, и онъ свободенъ самъ по себѣ, подобно какъ свободенъ всецѣлый Богъ.

30. Отъ себя онъ не имѣетъ никакого побужденія; побужденіе и подвижность его состоятъ въ его тѣлѣ, которое по тому же роду и образу, какъ и всецѣлый Богъ; и его свѣтъ и познаніе, а также и жизнь его, рождаются по тому же роду и образу, какъ рождается все Божественное существо. Ибо тѣло есть сплоченный воедино духъ природы, и заключаетъ шесть прочихъ духовъ, рождающихся въ тѣлѣ, подобно какъ въ Божествѣ.

31. И вотъ у Люцифера было самое прекрасное и самое крѣпкое тѣло среди всѣхъ князей Божіихъ на небѣ, и свѣтъ его, непосредственно порождавшійся имъ въ тѣлѣ своемъ, былъ сопряженъ съ сердцемъ или Сыномъ Божіемъ, какъ если бы они были нѣчто единое.

32. Но когда онъ увидѣлъ, что онъ такъ прекрасенъ, и ощутилъ свое внутреннее рожденіе и свою великую власть, то духъ его, котораго онъ породилъ въ тѣлѣ своемъ, и который есть его душевный духъ или сынъ или сердце, возсталъ, чтобы восторжествовать надъ Божественнымъ рожденіемъ, и возвыситься выше сердца Божія.

33. Замѣть здѣсь глубину: въ среднемъ родникѣ, который есть сердце, въ немъ восходитъ рожденіе: терпкое качество трется вмѣстѣ съ горькимъ и съ зноемъ, и тогда загорается свѣтъ, и это есть сынъ, которымъ онъ непрестанно бываетъ чреватъ въ тѣлѣ своемъ, и который освѣщаетъ его и дѣлаетъ живымъ.

34. Этотъ свѣтъ былъ такъ прекрасенъ въ Люциферѣ, что превзошелъ образъ неба, и въ этомъ свѣтѣ было совершенное разумѣніе, ибо всѣ семь источныхъ духовъ порождаютъ этотъ свѣтъ.

35. Но эти семь источныхъ духовъ суть отецъ свѣта, и могутъ допускать рожденіе свѣта въ той мѣрѣ, въ какой хотятъ: свѣтъ не можетъ подняться выше, нежели какъ допускаютъ ему семь источныхъ духовъ.

36. Когда же свѣтъ родился, онъ освѣщаетъ всѣ семь источныхъ духовъ, такъ что они всѣ семь бываютъ разумными, и всѣ семь даютъ волю свою на рожденіе свѣта.

37. Но каждый изъ нихъ обладаетъ властью измѣнить волю свою въ порожденіи свѣта сообразно тому, какъ это бываетъ нужно; и когда это случается, духъ не можетъ уже такъ торжествовать, но долженъ отложить свое великолѣпіе. И потому всѣ семь духовъ обладаютъ полнотою власти, и держатъ каждый узду въ рукѣ, чтобы мочь остановить и не дать рожденному духу восторжествовать выше, нежели подобаетъ ему.

38. Но семь духовъ, находящихся въ ангелѣ, рождающихъ свѣтъ и разумѣніе, бываютъ связаны со всецѣлымъ Богомъ, такъ что имъ нельзя качественовать иначе, или выше, или сильнѣе, нежели самъ Богъ; но это должно происходить одинаково, разъ они только частица отъ цѣлаго, а не само цѣлое: ибо Богъ затѣмъ сотворилъ ихъ изъ самого себя, чтобы они качественовали по тому же виду и образу, какъ самъ Богъ.

39. Но источные духи въ Люциферѣ поступили не такъ; но они увидѣли свое верховное первенство, и такъ жестоко подвиглись, что порожденный ими духъ сталъ вовсе огненнымъ, и взошелъ въ родникъ сердца подобно безумной дѣвѣ.

40. Если бы источные духи качественовали нѣжно и любовно, какъ они поступали прежде, чѣмъ стали тварями, когда они были еще всѣ сообща въ Богѣ, прежде творенія, то они породили бы въ себѣ любовнаго и кроткаго сына, подобнаго Сыну Божію, и тогда свѣтъ въ Люциферѣ и Сынъ Божій были бы едино, одно совмѣстное качественованіе или зараженіе, радостное обниманіе, ласканіе и бореніе.

41. Ибо великій свѣтъ, который есть сердце Божіе, кротко и любовно игралъ бы съ малымъ свѣтомъ въ Люциферѣ, какъ съ юнымъ сыномъ; ибо малому сыну въ Люциферѣ надлежало быть милымъ брагцемъ сердца Божія.

42. На такой конец сотворилъ Богъ Отецъ ангеловъ, чтобы, подобно какъ самъ Онъ многообразенъ въ своихъ качествахъ и непостижимъ въ своемъ измѣненіи, въ своей любовной игрѣ, такъ и маленькіе духи или свѣтики ангеловъ, которые какъ Сынъ Божій, весьма кротко играли предъ сердцемъ Божиимъ въ великомъ свѣтѣ, и тѣмъ умножалась радость въ сердцѣ Божіемъ, и была бы такимъ образомъ въ Богѣ святая игра.

43. Семь духовъ природы въ ангелѣ должны были радостно играть и восходить въ Богъ Отцѣ своемъ, какъ поступали они до своего тварнаго состоянія, и радоваться въ своемъ новорожденномъ сынѣ, котораго они породили изъ самихъ себя, и который есть свѣтъ и разумѣніе ихъ тѣла.

44. И этотъ свѣтъ долженъ былъ весьма кротко восходить въ сердцѣ Божіемъ; и радоваться въ свѣтѣ Божіемъ, какъ дитя у своей матери: надлежало быть тамъ сердечной любви и привѣтному цѣлованію, весьма кроткому и сладостному вкушенію.

45. Въ этомъ свѣтѣ долженъ былъ всходить звукъ и звучать, съ пѣніемъ и звономъ, хваленіемъ и ликованіемъ, и всѣ качества должны были радоваться въ немъ, и каждый духъ совершать свой Божественный трудъ, какъ самъ Богъ Отецъ; ибо семь духовъ обладали имъ въ совершенномъ познаніи, ибо они характеризовали совмѣстно съ Богомъ Отцомъ, такъ что могли видѣть, осязать, вкушать, обонять и слышать все, что дѣлалъ Богъ Отецъ ихъ.

46. Возставъ же въ остромъ возженіи, они поступили вопреки природному праву иначе, нежели какъ поступалъ Богъ Отецъ ихъ, и это былъ источникъ враждебный всему Божеству. Ибо они зажгли салиттеръ тѣла, и породили высоко-торжествующаго сына, который въ терпкомъ качествѣ былъ твердъ, грубъ, мраченъ и холоденъ, въ сладкомъ же—жгучъ, горекъ и огненъ; звукъ его былъ жестокимъ трескомъ огня, а любовь — высоко-мѣрною враждою противъ Бога.

47. Такъ стояла теперь возженная невѣста въ седьмомъ духѣ природы, подобно безумному звѣрю, и мнила, что она выше Бога, что нѣтъ ничего равнаго ей; любовь охладѣла, сердце Божіе не могло коснуться ея, ибо между ними была вражда:

если сердце Божіе кипѣло весьма кротко и любовно, то сердце ангела кипѣло вовсе мрачно, жестко, холодно и огненно.

48. Межъ тѣмъ сердцу Божію надлежало качественовать совместно съ сердцемъ ангела, а этого не могло быть: ибо жесткое было противъ мягкаго, и кислое противъ сладкаго, и тьма противъ свѣта, и огонь противъ пріятной теплоты, и жесткій стукъ противъ сладостнаго пѣнія.

49. Послушай, Люциферъ, кто же виновать, что ты сталъ діаволомъ? Богъ ли, согласно твоей лжи? О нѣтъ, ты самъ: источные духи въ тѣлѣ твоёмъ, которое — ты самъ, они породили тебѣ такого сыночка. Ты не можешь сказать, что Богъ зажегъ салиттеръ, изъ котораго Онъ тебя создалъ, но твои источные духи совершили это, послѣ того какъ ты уже былъ княземъ и царемъ Божіимъ.

50. Поэтому ты лжець и убійца, когда говоришь, что такимъ тебя создалъ Богъ, или что Онъ безъ достаточной причины извергъ тебя изъ твоего мѣста: ибо все небесное воинство свидѣтельствуеть противъ тебя, что ты самъ уготовилъ себѣ яростное качество.

51. Если это не правда, то выступи предъ лицо Божіе и дай отвѣтъ: но ты видишь это безъ того и самъ, и не смѣешь взглянуть на него. Не хочешь ли, любезный, получить дружеское лобзаніе отъ Сына Божія, чтобы, наконецъ, усладиться? Если ты правъ, взгляни на Него: быть можетъ, ты исцѣлишься.

52. Но подожди немного, другой сидитъ на престолѣ твоёмъ, дающій лобзать себя; онъ послушный Сынъ своему Отцу, и поступаетъ, какъ поступаетъ Отець. Подожди еще недолго, и будетъ лобзать тебя адскій огонь; а до той поры, удовольствуйся латынью, пока изъ нея не выйдетъ для тебя большее; скоро ты утратишь вѣнецъ твой.

53. Теперь кто-нибудь можетъ спросить: но что же есть собственно въ Люциферѣ та вражда противъ Бога, ради которой онъ былъ изгнанъ изъ своего мѣста? Здѣсь я хочу показать тебѣ въ точности ядро и сердце Люцифера; ты увидишь тогда, что такое діаволь, или какъ онъ сталъ діаволомъ: поэтому остерегайся, и не приглашай его на пиръ, ибо онъ заклятый врагъ Бога и всѣхъ ангеловъ, и людей и это на всю его вѣчность.

54. Если ты теперь хорошо поймешь и постигнешь это, то не станешь дѣлать изъ Бога діавола, какъ поступаютъ иные, которые говорятъ, что Богъ сотворилъ зло и еще желаетъ, чтобы нѣкоторые люди погибли: они помогаютъ діаволу умножать его ложь, и сами подводятъ себя подъ строгій судъ, превращая истину Божью въ ложь.

55. Теперь замѣть: всецѣлое Божество въ наивнутреннѣйшемъ или первоначальнѣйшемъ своемъ рожденіи имѣетъ въ ядрѣ своемъ весьма острую, ужасающую остроту, поскольку терпкое качество есть ужасающее, терпкое, жесткое, мрачное и холодное стягиваніе, подобно зимѣ, когда бываетъ яростная стужа, совершенно нестерпимая, такъ что вода замерзаетъ въ ледъ.

56. Подумай, если бы зимою, когда бываетъ такъ холодно, было бы отнято солнце, какая бы тогда настала стужа и весьма суровая, жестокая тьма; никакая жизнь не могла бы устоять тогда.

57. Такъ пребываетъ терпкое качество въ наивнутреннѣйшемъ ядрѣ, въ себѣ самомъ и для одного себя, внѣ прочихъ качествъ въ Богѣ: ибо строгостью стягивается воедино и сдерживается тѣло, а твердость иссушаетъ его, такъ что оно пребываетъ тварно.

58. Горькое же качество есть раздирающій, проникающій и рѣжущій горькій источникъ: ибо оно раздѣляетъ и разгоняетъ твердое и терпкое качество, и создаетъ подвижность; и между двумя этими качествами рождается зной, отъ ихъ твердаго и яростнаго горькаго тренія, раздиранія и бушеванія; онъ восходитъ въ горькомъ и терпкомъ качествахъ, какъ яростное возженіе, и проникаетъ ихъ, какъ жесткій огненный трескъ, откуда возникаетъ жесткій звукъ, и въ такомъ восхожденіи или такое восхожденіе его бываетъ заключено и закрѣплено въ терпкомъ качествѣ, такъ что оно становится пребывающимъ тѣломъ.

59. И вотъ, если бы въ этомъ тѣлѣ не было больше никакого качества, которое могло бы погасить ярость этихъ четырехъ качествъ, то въ немъ была бы непрестанная вражда: ибо горькое враждовало бы съ терпкимъ, бушуя въ немъ такимъ образомъ, и раздирая, и расторгая терпкое.

60. Равно и терпкое враждовало бы съ горькимъ, стягивая его воедино и удерживая въ плѣну, такъ что оно не могло бы имѣть собственнаго хода.

61. И зной враждовалъ бы съ ними обоими, своимъ яростнымъ возженіемъ и восхожденіемъ дѣлая все жгучимъ и неистовымъ, и будучи вовсе враждебнымъ холоду.

62. Также и звукъ былъ бы великою враждою во всѣхъ другихъ качествахъ, насильственно проницая ихъ всѣхъ, какъ бѣшеный.

63. Таково, слѣдовательно, наиглубочайшее и внутреннѣйшее, сокровенное рожденіе Божіе, по которому Онъ именуется себя гнѣвнымъ, ревнивымъ Богомъ, какъ это можно видѣть при сообщеніи десяти заповѣдей на горѣ Синаѣ (Исх. 20,5; Втор. 5,9). И въ такомъ качествѣ состоитъ адъ и вѣчная погибель, а также вѣчная вражда и ровъ смертный: и таковою тварью сдѣлался діаволь.

64. Но такъ какъ онъ теперь заклятый врагъ Божій, и однако спорщики и помощники діавола хотятъ вынудить, что Богъ желаетъ зла какъ и добра, и что Богъ сотворилъ иныхъ людей на погибель; то вотъ духъ Божій призываетъ ихъ, подъ угрозою вѣчной вражды, предъ это зеркало: здѣсь должно раскрыться ихъ сердце, и они должны увидѣть, что́ есть Богъ, или кто есть діаволь, или какъ онъ сталъ діаволомъ.

65. Если сердце твое не замкнуто въ смерти, по винѣ твоего своеволия и богохуленія и мерзостныхъ грѣховъ, которыми оно упилося, и не хочеть отстать отъ нихъ, то пробудись и видь.

66 Я беру въ свидѣтельство небо и землю, а также звѣзды и стихіи, и всѣ твари, и самого человѣка во всемъ его составѣ, и намѣреваюсь также доказать это явно и ясно, съ помощью всѣхъ этихъ перечисленныхъ вещей, на своемъ подобающемъ мѣстѣ, особенно при созданіи всѣхъ тварей!

67. Если же тебѣ недовольно этихъ вещей, то моли Бога, чтобы Онъ раскрылъ твое сердце, и ты тогда познаешь и увидишь небо и адъ, а также и всецѣлое Божество во всемъ его качествѣ: тогда ты перестанешь оправдывать діавола. Я не могу раскрыть тебѣ твое сердце. Теперь замѣть:

68. Смотри, какъ я разсказаль тебѣ выше, такова острота рожденія Божія въ Его наивнутреннѣйшемъ существѣ въ этихъ четырехъ качествахъ.

69. Но ты долженъ понять это въ точности. Терпкое качество такъ остро въ своемъ собственномъ качествѣ въ себѣ самомъ; но оно не бываетъ одно, и не внѣ другихъ, а также и не родилось отъ самого себя или въ себѣ, чтобы быть такимъ вовсе свободнымъ: но прочіе шесть духовъ порождаютъ его, и они держатъ его въ уздѣ, и могутъ предоставить ему власти, сколько хотятъ; ибо сладкая родниковая вода есть скорый бичъ надъ терпкимъ качествомъ, и укрощаетъ его, такъ что оно становится вовсе жидкимъ, кроткимъ и мягкимъ, а также вовсе свѣтлымъ.

70. Если же оно такъ остро въ самомъ себѣ, то это ради того, чтобы чрезъ его стягиваніе могло образоваться тѣло; иначе и Божество не могло бы состоять, тѣмъ менѣе тварь. И въ этой остротѣ Богъ есть всепостигающій и всеобъемлющій острый Богъ; ибо рожденіе и острота Божія повсюду таковы.

71. Но чтобы описать тебѣ въ малой окружности и истинѣ въ высочайшей глубинѣ Божество въ его рожденіи, то вотъ каково оно: какъ если бы предъ тобою стояло колесо изъ семи колесъ, въ которомъ каждое было бы вдѣлано въ другое, такъ что оно могло бы идти во всѣ стороны, впередъ и назадъ и вкось, и не нужно было бы его поворачивать; и на ходу его одно колесо непрестанно порождало бы другое въ своемъ обращеніи, и однако ни одно не исчезало бы, но всѣ семь были бы видны. И семь колесъ непрестанно порождали бы посрединѣ ступицу, сообразно своему обращенію, такъ чтобы ступица оставалась всегда свободной и безъ измѣненія, безразлично, шли ли бы колеса впередъ или назадъ, или вкось, или вверхъ или внизъ. И ступица непрестанно порождала бы спицы, такъ чтобы онѣ при обращеніи вездѣ стояли бы прямо, и однако ни одна спица не исчезала бы, но обращалась бы такимъ образомъ непрестанно вмѣстѣ съ другими, и шла бы, куда вѣтеръ вращалъ ее, не нуждаясь въ поворотѣ.

72. Замѣть теперь, что я тебѣ повѣдаю: семь колесъ суть семь духовъ Божіихъ, которые непрестанно рожаютъ другъ друга; и это—какъ если бы вращали колесо, въ которомъ семь колесъ одно въ другомъ, и одно обращалось бы непрестанно иначе, нежели другое, въ присущемъ ему положеніи, и всѣ семь колесъ были бы скрѣплены между собою ободами какъ бы въ одинъ круглый шаръ; и однако были бы видны въ отдѣльности обороты каждаго изъ семи колесъ, а также все устройство каждаго съ его ободами и спицами (обода означаютъ то же, что и спицы) и съ его ступицею. И семь ступицъ посрединѣ были бы какъ одна ступица, которая при обращеніи была бы вездѣ на своемъ мѣстѣ; и колеса непрестанно порождали бы эту ступицу, а ступица непрестанно порождала бы спицы во всѣхъ семи колесахъ; и однако ни одно колесо не исчезало бы, равно и ни одна ступица, а также ни одинъ ободъ и ни одна спица; и это колесо заключало бы семь колесъ, и было бы однако лишь однимъ колесомъ, и шло бы все прямо предъ собою, куда бы гналъ его вѣтеръ.

73. Теперь смотри: эти семь колесъ одно въ другомъ, непрестанно порождающія другъ друга, и идущія во всѣ стороны, причемъ однако ни одно не исчезаетъ и не поворачивается, они суть семь источныхъ духовъ Бога Отца, порождающихъ въ семи колесахъ въ каждомъ колесѣ по ступицѣ, и однако это не семь ступицъ, а только одна, подходящая ко всѣмъ семи колесамъ.

74. И это есть сердце или наивнутреннѣйшее тѣло колесъ, въ которомъ они обращаются; и это знаменуетъ Сына Божія, котораго непрестанно порождаютъ въ окружности своей всѣ семь духовъ Бога Отца; и Онъ есть Сынъ всѣхъ семи духовъ, и всѣ они качествуютъ въ Его свѣтѣ, и Онъ стоитъ посреди рожденія, и держитъ всѣ семь духовъ Божіихъ, и они обращаются такъ вмѣстѣ съ Нимъ въ своемъ рожденіи.

75. То есть, движутся ли они вверхъ или внизъ, или назадъ или впередъ, или вкось, сердце Божіе всегда остается посрединѣ, и всегда подходитъ къ каждому источному духу. Такимъ образомъ есть только одно сердце Божіе, а не семь, и оно непрестанно порождается всѣми семью духами, и есть сердце и жизнь всѣхъ семи духовъ.

76. Теперь, спицы, непрестанно порождаемыя ступицею и колесами, и однако подходящія ко всѣмъ колесамъ въ ихъ обращеніи, и корень ихъ, мѣсто ихъ скрѣпленія и вставки, которое ихъ держитъ, и откуда онѣ рождаются,—знаменуютъ Бога Духа Святого, исходящаго отъ Отца и Сына, подобно какъ спицы исходятъ изъ ступицы и изъ колеса, и однако остаются въ колесѣ.

77. И подобно какъ спицы многочисленны, и непрестанно обращаются вмѣстѣ съ колесомъ, такъ и Духъ Святой есть главный дѣлатель въ колесѣ Божіемъ, и слагаетъ и образуетъ все во всецѣломъ Богѣ.

78. И въ колесѣ семь колесъ одно въ другомъ и одна ступица, подходящая ко всѣмъ семи колесамъ, и всѣ семь колесъ ходятъ на одной ступицѣ; такъ и Богъ есть единый Богъ съ семью источными духами одинъ въ другомъ, гдѣ непрестанно одинъ порождаетъ другого; и однако есть только одинъ Богъ, подобно какъ всѣ семь колесъ суть одно колесо.

79. Теперь замѣть: колесо въ сплоченномъ воедино составѣ знаменуетъ терпкое качество, которое стягиваетъ воедино все тѣлесное существо Божества, и сдерживаетъ его, и изсушаетъ, такъ что оно пребываетъ. И сладкая родниковая вода рождается отъ обращенія или восхожденія духовъ; ибо когда въ зноѣ рождается свѣтъ, то терпкое качество пугается отъ великой радости: и это есть какъ бы пониканіе или расплавленіе, и твердое тѣлесное существо поникаетъ, какъ кротость.

80. Испугъ же или зрѣніе свѣта восходитъ теперь въ терпкомъ качествѣ весьма кротко и трепетно, и дрожитъ; и онъ бываетъ горекъ въ водѣ, и свѣтъ изсушаетъ его, и дѣлаетъ его привѣтнымъ и сладкимъ.

81. И въ немъ состоитъ жизнь и радость: ибо испугъ или молнія восходитъ теперь во всѣхъ качествахъ, подобно вышеописанному вращающемуся колесу; тогда восходятъ другъ въ другъ всѣ семь духовъ, и порождаютъ другъ друга какъ бы въ окружности; и свѣтъ становится посреди семи духовъ сіяющимъ, и сіяетъ обратно во всѣ семь духовъ; и всѣ духи торжествуютъ, внутри его и радуются въ свѣтѣ.

82. Подобно какъ семь колесъ вращаются на одной ступицѣ, какъ на сердцѣ своемъ, которое держитъ ихъ, и въ свой чередъ держать ступицу, такъ и семь духовъ рождаютъ сердце, и сердце держитъ семь духовъ, и тамъ возникаютъ голоса и небесное царство радости, сердечная любовь и цѣлованіе.

83. Ибо когда духи движутся другъ въ другъ со своимъ свѣтомъ, вращаются и восходятъ, то непрестанно рождается жизнь; ибо одинъ духъ непрестанно сообщаетъ другому свой вкусъ, то есть, они заражаютъ собою другъ друга.

84. Такимъ образомъ они вкушаютъ и осязаютъ другъ друга; и звукъ или звонъ устремляется чрезъ всѣ семь духовъ къ сердцу, и восходитъ въ сердцѣ въ молніи свѣта, и тогда возникаютъ голоса и царство радости Сына Божія; и всѣ семь духовъ торжествуютъ и радуются въ сердцѣ Божіемъ, каждый по своему качеству.

85. Ибо въ свѣтѣ и въ сладкой водѣ всякая терпкость и твердость, и горечь и зной становятся кроткими и пріятными, и нѣтъ въ семи духахъ ничего, кромѣ любовной борьбы и дивнаго рожденія, какъ бы святой игры Божіей.

86. Острое же рожденіе ихъ, о которомъ я писалъ выше, оно остается, какъ ядро, сокровеннымъ: ибо оно укрощается свѣтомъ и сладкою водою.

87. Подобно какъ кислое и горькое зеленое яблоко побѣждается солнцемъ, такъ что становится пріятнымъ на вкусъ, и однако, вкусная, испытываешь всѣ его качества, такъ сохраняетъ и Божество свои качества: но оно пребываетъ въ кроткой борьбѣ, какъ бы въ отрадной игрѣ.

88. Но если бы источные духи возстали, и стремительно проникли другъ въ друга, и стали бы жестоко тереть и тѣснить другъ друга, то сладкая вода была бы вытѣснена, и возгорѣлся бы яростный зной: тогда взошелъ бы огонь всѣхъ семи духовъ, какъ въ Люциферѣ.

89. И вотъ истинное рожденіе Божества, которое отъ вѣчности было такъ во всѣхъ концахъ, и пребудетъ такъ во всю вѣчность. Но въ царствѣ Люцифера губителя оно имѣетъ иной образъ, какъ я описалъ выше, говоря о ярости; и въ мірѣ

семь, тоже на половину возженномъ нынѣ, оно имѣетъ нынѣ также иной образъ до дня возстановленія; объ этомъ я напишу при сотвореніи сего міра.

90. Царство Люцифера также было сотворено въ этомъ славномъ, отрадномъ и небесномъ салиттерѣ, или въ Божественныхъ качествахъ, и движеніе въ немъ было не большее, нежели въ другихъ. Ибо когда Люциферъ былъ сотворенъ, онъ былъ вполне совершененъ, и былъ прекраснѣйшимъ княземъ на небѣ, украшеннымъ и облеченнымъ прекраснѣйшею ясностью Сына Божія.

91. Если же Люциферъ былъ бы поврежденъ въ самомъ движеніи творенія, какъ онъ выдаетъ, то онъ никогда и раньше не обладалъ бы своимъ совершенствомъ, красотою и ясностью, но сталъ бы тогда же яростнымъ, мрачнымъ діаволомъ, а не херувимомъ.

О СЛАВНОМЪ РОЖДЕНІИ И КРАСОТѢ ЦАРЯ ЛЮЦИФЕРА.

92. Вотъ смотри, духъ убійства и лжи, я опишу здѣсь твое царственное рожденіе, какимъ произошелъ ты въ твоёмъ сотвореніи, какъ сотворилъ тебя Богъ, и какъ сталъ ты такимъ прекраснымъ, и на какой конецъ сотворилъ тебя Богъ.

93. Если же ты говоришь иначе, то ты лжешь; ибо небо и земля, и всѣ твари, и даже всецѣлое Божество свидѣлствуютъ противъ тебя, что Богъ сотворилъ тебя изъ себя самого, въ хвалу себѣ, княземъ и царемъ Божиимъ, какъ князей Миха-Эля и Урі-Эля.

94. Теперь замѣть: когда Божество подвиглось на твореніе, и захотѣло образовать тварей въ своемъ тѣлѣ, то оно не зажгло источныхъ духовъ, иначе они горѣли бы вѣчно; но оно подвиглось въ терпкомъ качествѣ совсѣмъ кротко. И терпкое качество стянуло воедино Божественный салиттеръ, и засушило его, такъ что онъ сталъ тѣломъ; и вся Божественная сила всѣхъ семи источныхъ духовъ того мѣста или пространства, на какое простирается ангель, была плѣнена въ тѣлѣ, и стала собственностью тѣла; и это не можетъ или не должно быть снова разрушено вовѣки, но должно пребыть собственностью тѣла вовѣки.

95. Теперь, эта плѣненная или сплоченная воедино сила всѣхъ семи источныхъ духовъ, она имѣла отнынѣ тѣло въ свою собственность, и возшла въ тѣлѣ, и родилась по тому роду и образу, какъ рождается всецѣлое Божество всѣхъ семи источныхъ духовъ.

96. Ибо всегда одно качество порождало другое, и однако ни одно не исчезало, какъ и во всецѣломъ Богѣ: такъ и все тѣло породило себя въ троичности такимъ же образомъ, какъ и Божество рождаетъ себя въ троичности внѣ всего тѣла.

97. Но я долженъ повѣдать здѣсь, что царь Люциферъ былъ сплоченъ воедино изъ всего своего царства, какъ сердце всего того мѣста или пространства, въ какомъ было сотворено все его ангельское воинство, и на какое простиралась окружность, внутри которой онъ сталъ тварью вмѣстѣ со своими ангелами, и какому Богъ прежде времени творенія опредѣлилъ въ самомъ себѣ быть мѣстомъ царства.

98. Каковая окружность охватываетъ сотворенное небо и сей міръ, равно какъ и глубину земли и всей окружности.

99. По качествамъ сотворены были его источные князья, которые суть его царскіе совѣтники, а равно и всѣ его ангелы. Ты долженъ, однако знать, что каждый ангелъ имѣетъ въ себѣ всѣ семь духовъ; но одинъ изъ семи бываетъ главнымъ.

100. Теперь смотри: когда царь Люциферъ былъ такимъ образомъ сплоченъ воедино, какъ объемлющій въ себѣ все свое царство, то въ тотъ же часъ и въ то же мгновение, какъ онъ былъ сплоченъ, возшло рожденіе Святой Троицы Божіей (какое онъ имѣлъ въ тѣлѣ своемъ въ собственность) и родилось, какъ рождается внѣ твари въ Богѣ. [*„Разумъ: въ свободу, не существенно, но какъ огонь проникаетъ желѣзо, и однако желѣзо остается желѣзомъ; или какъ свѣтъ наполняетъ тьму, когда темный источникъ превращается въ свѣтъ и становится радостнымъ, и однако въ средоточіи все же остается тьма; здѣсь разумѣется природа, ибо духъ наполняется только величествомъ“.*]

101. Ибо въ этомъ сплоченіи тѣла тотчасъ же возшло и рожденіе, съ великимъ торжествомъ, какъ въ новорожденномъ царѣ въ Богѣ, и всѣ семь источныхъ духовъ явили себя въ совершенной радости и ликованіи. И тотчасъ же въ то же

мгновеніе въ средоточіи сердца родился изъ семи духовъ свѣтъ, и возшелъ, какъ новорожденный сынъ царя, и тотчасъ же мгновенно просвѣтилъ тѣло всѣхъ семи источныхъ духовъ изъ средоточія сердца; а снаружи просвѣтилъ его свѣтъ Сына Божія.

102. Ибо рожденіе новаго сына въ сердцѣ Люцифера проникло чрезъ все тѣло, и было прославлено Сыномъ Божіимъ, бывшимъ внѣ тѣла, и одарено въ радостномъ привѣтствіи величайшею красотою неба, сообразно красотѣ Бога Сына, и было Ему какъ любимое сердце, или какъ собственность, съ которой все Божество качественовало совмѣстно.

103. Тотчасъ же изшелъ также и духъ новорожденнаго въ сердцѣ сына отъ свѣта Люцифера чрезъ уста его, и качественовалъ совмѣстно съ Духомъ Святымъ, и былъ принятъ съ величайшею радостью, какъ любимый братецъ.

104. И вотъ она теперь, прекрасная дѣва: что мнѣ еще написать о ней? Не была ли она княземъ Божіимъ, къ тому же прекраснѣйшимъ, къ тому же въ любви Божіей, какъ любимый сынъ въ тваряхъ.

ОБЪ УЖАСНОМЪ, ГОРДОМЪ И ОТНЫНѢ ЖАЛОСТНОМЪ НАЧАЛѢ ГРѢХА, ВЫСОЧАЙШАЯ ГЛУБИНА.

105. Здѣсь замѣчай: когда царь Люциферъ созданъ былъ такимъ прекраснымъ, славнымъ, высокимъ и святымъ, надлежало бы ему теперь начать хвалить, славословить и почитать Бога творца своего, и дѣлать то, что дѣлалъ Богъ творецъ его.

106. А именно, Богъ творецъ его качественовалъ кротко, любовно и радостно; и источные духи въ Богѣ непрестанно любятъ другъ друга, и заражаются другъ другомъ, и помогаютъ другъ другу непрестанно создавать образы и формы въ небесной славѣ.

107. Чрезъ что въ небесной славѣ непрестанно восходятъ прекрасные образы и произрастанія, а также многообразные краски и плоды; это производятъ источные духи Божіи; это есть въ Богѣ, какъ бы святая игра.

108. Теперь смотри: оттого что Богъ сплотилъ нынѣ воедино изъ себя самого вѣчныхъ тварей, не надлежало имъ ка-

чувствовать въ небесной славѣ по тому же образу, какъ и Богъ; нѣтъ, ибо не на тотъ конецъ были онѣ такъ созданы: ибо ради того Творецъ сплотилъ воедино тѣло ангела суше, нежели какъ Онъ былъ и пребывалъ самъ въ своемъ Божествѣ, чтобы качества стали тверже и грубѣе, и звукъ или звонъ могъ сдѣлаться слышнымъ, и когда семь качествъ въ ангелѣ породятъ въ средоточіи сердца свѣтъ и духъ или разумѣніе, то чтобы этотъ духъ, исходящій въ свѣтѣ сердца къ устамъ ангела въ Божественную силу, могъ, какъ слышный звукъ и какъ пріятная музыка, пѣть и звучать въ Богѣ, въ силѣ всѣхъ качествъ, и восходить въ образованіи или качественіи Божіемъ, участвуя въ сложеніи формъ, какъ сладостный голосъ, исполненный сердечной любви.

109. Когда Духъ Святой образуетъ небесные плоды, то звукъ, которому надлежало восходить отъ ангеловъ въ хваленіи Богу, долженъ былъ участвовать въ образованіи плодовъ; плоды же должны были въ свой чередъ служить пищею ангеловъ.

110. И потому мы молимся въ Отче нашъ: дай намъ нашъ насущный хлѣбъ (Мтѣ. 6,11), чтобы такимъ образомъ этотъ звукъ или слово дай, которое изъ нашего средоточія свѣта мы выталкиваемъ отъ насъ изъ устъ нашихъ въ Божественную силу, при помощи душевнаго духа, могло стать въ Божественной силѣ участникомъ въ образованіи или рожденіи, помогая образовать нашъ насущный хлѣбъ, который потомъ даетъ намъ въ пищу Отецъ.

111. И когда нашъ звукъ сплочивается такимъ образомъ совмѣстно съ Божіимъ звукомъ, и образуется плодъ, онъ долженъ быть весьма здоровымъ для насъ, и мы пребываемъ въ любви Божіей, и можемъ употреблять эту пищу, какъ бы по природному праву, ибо духъ нашъ въ любви Божіей помогалъ образовать и слагать ее. Здѣсь таится внутреннѣйшая и величайшая глубина Божія: о человѣкъ, одумайся! Въ своемъ мѣстѣ я объясню это подробнѣе.

112. Вотъ на этотъ конецъ и создалъ Богъ ангеловъ; это они и дѣлаютъ: ибо ихъ духъ, восходящій въ средоточіи или сердца ихъ, изъ ихъ свѣта, въ силу всѣхъ семи источныхъ духовъ, исходитъ къ устамъ ихъ, подобно какъ Богъ Духъ Святой

отъ Отца и Сына, и помогаетъ слагать и образовывать все въ Богъ (то есть, въ Божественной природѣ) чрезъ посредство меркурія, пѣнія и рѣчи и радостной игры.

113. Ибо подобно какъ Богъ производитъ въ природѣ различныя формы, образованія, произрастанія, плоды и цвѣта, такъ дѣлаютъ это и ангелы въ совершенной простотѣ: и хотя бы они даже чуть что не ѣздили верхомъ на палочкѣ, или радовались прекраснымъ цвѣтамъ въ небесныхъ лугахъ, и бесѣдовали о томъ въ совершенной простотѣ, все же этотъ звукъ или рѣчь восходитъ вмѣстѣ съ другими въ небесномъ салиттерѣ, и помогаетъ образовывать и слагать.

114. У тебя и въ семь мѣровъ немало примѣровъ тому, что стоитъ только иной твари или человѣку взглянуть на вещь, какъ она портится вслѣдствіе яда, заключеннаго въ тваряхъ. И напротивъ иные люди, а равно также звѣри и твари, могутъ звукомъ голоса или словами измѣнить злокачественность вещи, и приводить ее къ правильному образу.

115. Это есть Божественная сила, которой подчинены всѣ твари: ибо все, что живетъ и движется, пребываетъ въ Богѣ, и Богъ самъ есть все; и все, что образовано, образовано изъ Него, будь то изъ любви или гнѣва.

ИСТОЧНАЯ ЖИЛА ГРѢХА.

116. И вотъ когда Люциферъ былъ столь царственно созданъ, такъ что въ его образованіи или сложеніи возшелъ въ немъ духъ его, и былъ весьма привѣтливо и любовно принятъ Богомъ, и утверждень въ прославленіи, надлежало ему мгновенно начать свое ангельское послушаніе и теченіе, и ходить въ Богъ (какъ дѣлалъ самъ Богъ) подобно любимому сыну въ домѣ отца: и онъ не сдѣлалъ этого.

117. Но когда родился въ немъ свѣтъ его въ сердцѣ, и источные духи его внезапно заражены или объаты были этимъ высокимъ свѣтомъ, они такъ сильно обрадовались, что возстали въ тѣлѣ своемъ противъ природнаго права, и начали качествовать какъ бы болѣе высоко, гордо и великолѣпно, нежели самъ Богъ.

118. Но тѣмъ, что источные духи такъ возстали, и такъ сильно возликовали другъ въ другѣ, и поднялись противъ природнаго права, они воспламенились слишкомъ жестоко: а именно, терпкое качество стянуло тѣло слишкомъ жестоко, такъ что сладкая вода высохла.

119. И могучая и великая свѣтлая молнія, взошедшая въ зноѣ въ сладкой водѣ, отчего въ сладкой водѣ возникаетъ горькое качество, терлась съ терпкимъ качествомъ такъ ужасно жестоко, какъ если бы хотѣла расторгнуть его отъ великой радости.

120. Ибо молнія была такъ свѣтла, что какъ бы невыносима для источныхъ духовъ: поэтому горькое качество такъ жестоко дрожало и терлось въ терпкомъ, что зной возжегся противъ природнаго права, а терпкое качество изсушило также сладкую воду своимъ жестокимъ стягиваніемъ.

121. Но качество зноя было такъ сурово и ревностно, что отняло у терпкаго качества его власть; ибо зной возникаетъ въ родникѣ сладкой воды.

122. Но такъ какъ сладкая вода была изсушена терпкимъ стягиваніемъ, то зной не могъ уже больше вспыхнуть огнемъ или просіять свѣтомъ (ибо свѣтъ возникаетъ въ тучности воды), но рдѣлъ какъ раскаленное желѣзо, однако не до-красна, но еще весьма темное; или какъ если бы ты бросилъ въ огонь очень твердый камень, и продержалъ его сколько угодно въ великомъ жару, онъ все же не сталъ бы огненнымъ: это оттого, что въ немъ слишкомъ мало воды.

123. Такимъ-то образомъ зажегъ теперь зной изсохшую воду, а свѣтъ не могъ уже болѣе взойти и разгорѣться, ибо вода изсохла и была вовсе истреблена огнемъ или великимъ зноемъ.

124. Не въ томъ смыслѣ, будто пожранъ былъ поэтому духъ воды, обитающій во всѣхъ семи качествахъ; но качество его или главный источникъ былъ превращенъ въ темное, жгучее и кислое качество.

125. Ибо здѣсь, на этомъ мѣстѣ, получило первое свое происхожденіе и начало кислое качество, унаслѣдованное нынѣ также и симъ міромъ; какового на небѣ въ Богѣ вовсе нѣтъ по такому

образу, а равно и ни въ одномъ изъ ангеловъ: ибо оно есть и знаменуетъ домъ скорби и бѣдствія, забвеніе добраго.

126. Когда же это произошло, то источные духи стали тереться другъ въ другъ по тому роду и образу, какъ я повѣдалъ выше при описаніи седмиричнаго колеса: ибо такъ восходятъ они обычно другъ въ другъ, и вкушаютъ другъ друга, или же взаимно заражаются другъ другомъ, откуда возникаетъ жизнь и любовь.

127. Теперь же во всѣхъ духахъ не было ничего, кромѣ одной только жгучей, кислой, холодной и жесткой погибели: такимъ образомъ одинъ злой источникъ вкушалъ отъ другого, отъ чего все тѣло стало весьма яростнымъ, ибо зной враждовалъ съ холодомъ, а холодъ со зноемъ.

128. А такъ какъ сладкая вода теперь изсохла, то горькое качество (происшедшее и родившееся отъ первой молніи, когда возгорался свѣтъ) возстало въ тѣлѣ и прорвалось сквозь всѣхъ духовъ, какъ если бы хотѣло разрушить тѣло, и неистовствовало и бушевало подобно злѣйшему яду.

129. И отсюда произошелъ первый ядъ, который и намъ бѣднымъ людямъ приходится нынѣ въ семь мірѣ раскусывать, и чрезъ который вошла въ плоть горькая, ядовитая смерть.

130. Въ этомъ-то неистовствѣ и метаніи рождалась теперь въ Люциферѣ жизнь, то есть любимый сынокъ его въ окружности сердца: какова же была эта жизнь, или каковъ милый сынокъ, о томъ я предоставляю размыслить разумной душѣ.

131. Ибо каковъ былъ отецъ, такимъ сталъ теперь и его сынъ, а именно мрачнымъ, терпкимъ, холоднымъ, жесткимъ, горькимъ, жгучимъ, кислымъ, смраднымъ источникомъ; любовь же состояла въ горькомъ качествѣ, въ его пронзительности и вкусѣ; и она стала враждою всѣхъ источныхъ духовъ въ тѣлѣ надменнаго царя.

132. Такимъ образомъ и звукъ чрезъ пронзительность горькаго качества, чрезъ зной и изсохшую воду, и чрезъ терпкое, жесткое качество поднялся теперь въ сердце, въ милаго новаго сынка.

133. И тогда исшелъ духъ: какимъ онъ былъ порожденъ въ сердцѣ, такимъ онъ и исшелъ теперь къ устамъ; но сколь

любезнымъ гостемъ явился онъ предъ Богомъ и въ Богѣ, а также и предъ святыми ангелами другихъ царствъ, размысли объ этомъ самъ. Ему надлежало теперь качественно совмѣстно съ Сыномъ Божиимъ, какъ единое сердце и единый Богъ! Увы, и на вѣки! Кто сможетъ довольно описать или выразить это!

КАКЪ ЛЮЦИФЕРЪ, ПРЕКРАСНѢЙШІЙ АНГЕЛЪ НА НЕБѢ, СТАЛЪ САМЫМЪ МЕРЗОСТНЫМЪ ДАВОЛОМЪ.

ДОМЪ РВА СМЕРТНАГО.

Въ этомъ мѣстѣ, царь Люциферъ, надвинь себѣ шалку на глаза, чтобы тебѣ этого не видѣть: снятъ будетъ съ тебя небесный вѣнецъ, нельзя тебѣ больше царствовать въ небѣ. Теперь еще немного постой спокойно; мы сначала посмотримъ на тебя, какая ты безумная дѣва, и не можешь ли ты еще смыть нечистоту любодѣянiя твоего, чтобы стать снова прекрасною; мы немного опишемъ непорочность и добродѣтель твою.

2. Сюда, вы, философы и защитники царя Люцифера! подступите теперь и уговорите его, пока еще на немъ вѣнецъ: ибо мы совершимъ здѣсь надъ нимъ уголовный судъ: сможете вы оправдать его, пусть онъ будетъ тогда вашимъ царемъ; если же нѣтъ, онъ будетъ низвергнутъ въ адъ, и царскій вѣнецъ его получить иной, правящій лучше, чѣмъ онъ.

3. Теперь замѣть: когда Люциферъ такъ мерзко погубилъ себя, всѣ источные духи его стали враждою противъ Бога, ибо качественности всѣ много иначе, нежели Богъ, и стала вѣчная вражда между Богомъ и Люциферомъ.

4. Кто-нибудь скажетъ теперь: но какъ долго пребылъ Люциферъ въ свѣтѣ Божіемъ?

ГЛУБИНА.

Когда сплочено было воедино царственное тѣло Люцифера. въ тотъ же часъ зажегся и свѣтъ въ Люциферѣ. Ибо какъ только его источные духи начали качественности въ построени

его тѣла, и рождаютъ другъ друга, каково было ихъ природное право, взошла въ сердцѣ въ сладкой родниковой водѣ молнія жизни; тогда царственное тѣло было уже готово, и духъ исшелъ въ сердцѣ отъ свѣта чрезъ уста въ сердце Божіе.

5. Тогда онъ былъ превыше всѣхъ прекраснѣйшимъ княземъ и царемъ, и былъ весьма любезенъ и пріятенъ Божественному существу, и принять имъ съ великою радостью. Равнымъ образомъ и духъ устремился отъ сердца во всѣ источныя жилы тѣла, и зажегъ всѣ семь духовъ: тогда мгновенно прославлено было царственное тѣло и стояло тамъ, какъ царь Божій, въ неизслѣдимой ясности, превосходившей ясность всего небеснаго воинства.

6. Теперь, этою яркою и свѣтлою молніей зажжены были тотчасъ семь источныхъ духовъ, какъ зажигается огонь: ибо они ужаснулись жестокой ясности своего духа, и въ первой молніи или первомъ зрѣніи тотчасъ высоко возликовали, и стали кичливы, горды и чрезмѣрно радостны, и подвиглись на болѣе высокое рожденіе.

7. Но если бы они остались на своемъ престолѣ, и продолжали качественовать, какъ дѣлали отъ вѣчности, то высокій свѣтъ нисколько не повредилъ бы имъ. Ибо то были не новые духи, созданные изъ чего-нибудь иного, но старые духи, не имѣвшіе вовсе начала, бывшіе вѣчно въ Божествѣ, и знавшіе хорошо Божественное и природное право, какъ надлежало имъ двигаться.

8. Также и когда Богъ слагалъ воедино тѣло, Онъ не убилъ предварительно источныхъ духовъ; но слагалъ тѣло царя Люцифера изъ лучшаго ядра, въ которомъ было наилучшее познаніе.

9. Иначе, если бы качества были мертвы, они нуждались бы въ новой жизни, и было бы сомнительно, могъ ли бы тогда ангелъ пребывать вѣчно.

10. Пойми лишь точно: ради того сотворилъ Богъ изъ самого себя ангеловъ, чтобы они были сплочены тверже и прочнѣе, нежели образы (идеи), всходившіе чрезъ качественіе духовъ Божіихъ въ природѣ, и снова преходившіе чрезъ движеніе духовъ; и чтобы свѣтъ ихъ сіялъ ярче въ ихъ твердости,

и звукъ тѣла свѣтло звучалъ и звенѣлъ, и царство радости умножалось въ Богѣ; такова была причина, почему Богъ сотворилъ ангеловъ.

11. Если же говорится, что ангелъ породилъ новый свѣтъ или новаго духа, то это надо понимать такъ:

12. Когда источные духи сплочены были воедино тверже, свѣтъ засіялъ въ тѣлѣ и изъ тѣла гораздо ярче, нежели дотолѣ въ салиттерѣ, ибо въ тѣлѣ восходила гораздо болѣе яркая молнія, нежели дотолѣ, такъ какъ салиттеръ былъ легокъ.

13. Потому и возгордились источные духи, и возмнили, что ихъ сынокъ или свѣтъ гораздо прекраснѣе, нежели Сынъ Божій: потому и захотѣли они качественовать и подняться сильнѣе, и презрѣли качественованіе въ Богѣ Отцѣ своемъ, а равно и рожденіе Бога Сына, и исхожденіе Бога Духа Святого, и возмнили, что имъ удастся сдѣлать это: будучи такъ великолѣпно сплочены, захотѣли они также славно и великолѣпно возвыситься, и выставить себя на показъ прекраснѣйшею на небѣ дѣвою.

14. Они хорошо знали, что не были всецѣлымъ Богомъ, но составляли лишь часть Его; они хорошо знали также, какъ далеко простиралось ихъ всемогущество: но они больше не хотѣли стараго, а захотѣли быть выше всецѣлаго Бога, и возмнили, что смогутъ распространить свою область на всецѣлое Божество и на всѣ царства.

15. Поэтому возстали они, чтобы приобрѣсти правленіе надъ всецѣлымъ Богомъ: всѣ формы и образованія должны были возникать въ его качественованіи; онъ хотѣлъ быть господиномъ Божества, и никто иной не долженъ былъ господствовать наряду съ нимъ.

16. И вотъ корень жадности, зависти, гордости и гнѣва: ибо въ этомъ яростномъ качественованіи взошелъ гнѣвъ, и горѣлъ жгучимъ и холоднымъ огнемъ, къ тому же горькимъ какъ желчь.

17. Ибо источные духи не имѣли въ себѣ никакого побужденія извнѣ; но побужденіе къ гордости поднялось въ тѣлѣ въ совѣтѣ семи источныхъ духовъ, которые соединились, чтобы имъ однимъ быть Богомъ.

18. Но какъ они ничего не могли предпринять и ничего совершить на старомъ своемъ престолѣ, то стали льстить другъ другу: если они поднимутся противъ рожденія Божія, и будутъ качествовать въ высочайшей глубинѣ, то ничто не сможетъ равняться съ ними, такъ какъ они могущественнѣйшій князь въ Богѣ.

19. Терпкое качество было первымъ убійцею и льстецомъ: ибо когда оно увидѣло, что породило такой прекрасный свѣтъ, то стиснуло себя еще болѣе жестоко, нежели какъ сотворилъ его Богъ, имѣя въ мысли стать еще гораздо страшнѣе, и стянуть все воедино во всей своей области, и держать все, какъ строгій господинъ. До нѣкоторой степени ему и удалось кое-что сдѣлать, откуда получили происхожденіе свое земля и камни, о чемъ я напишу при сотвореніи міра.

20. Горькое качество было вторымъ убійцею: взойдя въ молніи, оно стало раздирать и ломить въ терпкомъ качествѣ съ великою силою, какъ если бы хотѣло расторгнуть тѣло; но терпкое качество дозволило ему это; иначе оно конечно могло бы плѣнить горькаго духа, и купать его въ сладкой водѣ, пока не прошло бы его высокомеріе; но оно желало имѣть подобнаго брата, ибо это было на пользу ему, такъ какъ горькій духъ беретъ начало свое и отъ него, какъ отца своего, и оно могло бы возбранить ему.

21. Зной есть третій духъ убійства, умертвившій мать свою, сладкую воду; но терпкій духъ виною тому, ибо это онъ своимъ суровымъ стяженіемъ и затвердѣніемъ совмѣстно съ горькимъ качествомъ такъ жестоко возбудилъ и зажегъ огонь: ибо огонь есть терпкаго и горькаго качества мечъ.

22. Но такъ какъ огонь восходитъ въ сладкой водѣ, то онъ имѣетъ въ своей власти и бичъ, и могъ бы удержать терпкое качество въ воду; но и зной сдѣлался также льстецомъ, и лицемѣрилъ вмѣстѣ съ старшимъ качествомъ, а именно терпкимъ, и помогъ умертвить сладкую воду.

23. Звукъ есть четвертый убійца: ибо онъ получаетъ звонкость свою въ огнѣ, въ сладкой водѣ, и восходитъ пріятно и нѣжно во всемъ тѣлѣ.

24. Онъ также не сдѣлалъ этого; но, поднявшись въ водѣ въ терпкое качество, сталъ также лицемѣрить съ нимъ, и взле-

тѣль бурно, какъ громовый ударъ: этимъ онъ хотѣлъ доказать свою новую Божественность; и огонь устремился, какъ въ грозовомъ блистаніи, и этимъ мнили они возвеличиться превыше всѣхъ вещей въ Богѣ.

25. И такъ поступали они, пока не умертвили мать свою, сладкую воду; тогда все тѣло стало долиною тьмы, и не было больше у Бога, чѣмъ бы помочь здѣсь: любовь стала враждою, а все тѣло чернымъ, темнымъ діаволомъ.

26. Слово *Teu* (первый слогъ нѣмецкаго слова *Teufel*—діаволь) беретъ свое начало отъ жесткаго стука или звучанія, а слово *Fel* беретъ свое начало отъ паденія (по-нѣмецки—*Fall*): такимъ образомъ господинъ Люциферъ именуется теперь уже *Teufel*—діаволомъ, а не херувимомъ или серафимомъ.

27. **В о з р а ж е н і е.** Кто-нибудь скажетъ теперь: развѣ Богъ не могъ возбранить гордости діавола, такъ чтобы онъ отступился отъ своего высокомерія! Это высокій вопросъ, къ которому охотно прибѣгаютъ всѣ защитники діавола; но они всѣ приглашены здѣсь на уголовный судъ, чтобы позаботиться, какъ бы имъ оправдать своего господина, иначе надъ нимъ произнесенъ будетъ приговоръ, и онъ утратитъ вѣнецъ свой.

ДИВНОЕ ОТКРОВЕНІЕ.

28. Вотъ смотри: царь Люциферъ былъ главою во всей своей области и былъ могущественнымъ царемъ; и онъ былъ сотворенъ изъ ядра всей своей области, и захотѣлъ своимъ возстаніемъ зажечь всю свою область, чтобы все такъ же горѣло и ка-чествовало, какъ онъ въ своемъ тѣлѣ.

29. И хотя бы Божество внѣ его тѣла и желало качествовать кротко по отношенію къ нему, и просвѣтить его, и склонить къ раскаянію, однако въ Люциферѣ не было теперь никакой иной воли, кромѣ какъ господствовать надъ Сыномъ Божіимъ, и зажечь всю область, и стать такимъ образомъ самому всецѣлымъ Богомъ надъ всѣми ангельскими воинствами.

30. Когда теперь сердце Божіе со своей любовью и кротостью устремлялось на Люцифера, онъ отвѣчалъ ему только презрѣніемъ, и мнилъ, что самъ онъ гораздо лучше; и устре-

млялся въ свой чередъ съ огнемъ и холодомъ въ жестокихъ громовыхъ ударахъ на Сына Божія, и мнилъ, что Онъ долженъ быть подвластнымъ ему, что онъ господинъ; ибо онъ презиралъ свѣтъ Сына Божія.

31. Ты скажешь теперь: какимъ же образомъ была у него такая власть? Да, она была у него: ибо онъ былъ великою частью Божества, и къ тому же изъ ядра; ибо онъ терся также и о царя и великаго князя Миха-Эля, чтобы погубить его, и Миха-Эль, наконецъ, сразился съ нимъ, и одолѣлъ его, причемъ сила Божія въ царствѣ Люцифера также сильно сражалась противъ царя своего, пока онъ, наконецъ, не былъ свергнутъ съ своего престола, какъ побѣжденный (Апок. 12, 8—9).

32. Ты скажешь теперь: надлежало Богу просвѣтить сердце его, дабы онъ принесъ покаяніе. Но онъ не хотѣлъ принять также и никакого иного свѣта: ибо онъ презиралъ свѣтъ Сына Божія, сіявшій внѣ тѣла его, имѣя въ самомъ себѣ такой блистающій свѣтъ, и возставалъ чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе, пока вода его [*„это здѣсь вода вѣчной жизни, порожденная въ свѣтъ величества; но въ средоточіи она подобна стърному спирту, или крѣпкой водкѣ“*] не изсохла совершенно, и не сгорѣла, и свѣтъ его не угасъ; тогда было кончено.

О ПАДЕНІИ ВСѢХЪ ЕГО АНГЕЛОВЪ.

33. Теперь можетъ кто-нибудь сказать: какъ же произошло, что тогда пали вмѣстѣ съ нимъ и всѣ его ангелы? Какъ повелѣлъ господинъ, такъ поступили и всѣ его подданные: когда онъ возсталъ и захотѣлъ быть Богомъ, ангелы его также увидѣли это, и поступили всѣ, какъ господинъ ихъ, то есть, поступили всѣ, какъ если бы хотѣли взять приступомъ Божество. Ибо они были всѣ подвластны ему, и онъ правилъ во всѣхъ своихъ ангелахъ, ибо былъ сотворенъ изъ ядра того салиттера, изъ котораго были сотворены всѣ вмѣстѣ и его ангелы; и онъ былъ сердцемъ и господиномъ всѣхъ своихъ ангеловъ.

34. Потому всѣ они поступили какъ онъ, и захотѣли всѣ возсѣдать въ верховномъ первенствѣ Божества, и властно править со своимъ господиномъ во всей области надъ всей Боже-

ственной силою: у нихъ во всемъ была одна воля, и они не давали отнять ее у себя.

35. Ты скажешь тепѣрь: развѣ всецѣлый Богъ не зналъ этого прежде времени сотворенія ангеловъ, что это такъ произойдетъ? Нѣтъ: ибо если бы Богъ зналъ это прежде времени сотворенія ангеловъ, то это была бы вѣчная предустановленная воля, а не вражда противъ Бога; но тогда Богъ сотворилъ бы его діаволомъ первоначально.

36. Однако Богъ сотворилъ его царемъ свѣта; но такъ какъ онъ не повиновался, и захотѣлъ быть выше всецѣлаго Бога, то Богъ низвергъ его съ его престола, и сотворилъ среди нашего времени иного царя изъ того же самаго Божества, изъ котораго былъ сотворенъ господинъ Люциферъ (разумѣй это правильно: изъ того салиттера, который былъ внѣ тѣла царя Люцифера), и посадилъ его на царскій престолъ Люцифера, и далъ ему силу и власть, какая была у Люцифера до его паденія, и этотъ царь зовется Іисусомъ Христомъ, и онъ есть сынъ Божій и человѣческій: я покажу и изложу это ясно на своемъ мѣстѣ. [*„Это объяснено во второй и третьей книгѣ; Богъ хорошо зналъ это по своему гнѣву, но не по любви, по которой Богъ зовется Богомъ; тудѣ не проникаетъ никакая ярость или воображеніе; и никакого изслѣдованія адской твари нѣтъ въ любви. Этотъ вопросъ надо разумѣть такъ: когда я говорю, что Богъ не знаетъ зла, или, что тоже, Богъ не хочетъ зла, ссылаясь на Писаніе, то я разумѣю, что въ любви Его (которая одна есть единое благо и зовется Богомъ) не явлено никакого проблеска зла. Иначе, если бы въ ней явлено было зло, любовь не была бы единою кротостью и смиреніемъ: но въ произнесеніи своего Слова, тамъ, гдѣ коренится природа духовнаго міра, гдѣ постигается оцутимостъ, и гдѣ Богъ называетъ себя гнѣзнымъ; ревнивымъ Богомъ и огнемъ поядающимъ; тамъ Онъ точно отъ вѣчности зналъ, что если Онъ когда-либо подвижется здѣсь внутри этого источника, то и этотъ источникъ также станетъ твѣрнымъ: но въ немъ Онъ зовется не Богомъ, а огнемъ поядающимъ. Я разумѣю магически этотъ вопросъ о томъ, какъ различаются любовь и гнѣвъ Божіи, и какимъ образомъ вѣдѣніе зла, какъ-то діавола и его паденія, познается только однимъ его источникомъ, откуда и паденіе взяло свою причину. Такъ и родникъ и вѣдѣніе царства радости*

находятся въ одной только любви Божіей: ибо каждое знаніе производитъ подобное себѣ. Ибо если бы я сказалъ, что любовь Божія желала зла, или что въ любви и кротости Божіей есть ложное знаніе. то я говорилъ бы противное Писанію: ибо что оцутимымъ образомъ знаетъ въ себѣ любовь Божія, того она и желаетъ и ничего болѣе. И что оцутимымъ образомъ знаетъ въ себѣ гнѣвъ Божій, то только онъ и знаетъ и ничего болѣе. Отсюда возникло въ твореніи злое и доброе: и я увѣщаю читателя точно понять весьма глубокій смыслъ нашъ, и не заблуждаться здѣсь, но прочесть наши другія писанія, гдѣ это было довольно изъяснено“.]

О ВЕЛИКИХЪ ГРѢХАХЪ И ПРОТИВЛЕНІИ, А ТАКЖЕ О ВѢЧНОЙ ВРАЖДѢ ЦАРЯ ЛЮЦИФЕРА СО ВСѢМЪ ЕГО ВОИНСТВОМЪ ПРОТИВЪ БОГА.

37. Вотъ истинное зеркало для людей: на этотъ уголовный судъ приглашаетъ духъ всѣхъ людей, какъ предъ зеркало; пусть они поглядятся въ него, и узнаютъ, что есть сокровенный грѣхъ.

38. Это оставалось сокрытымъ отъ начала міра, и ни въ одномъ человѣческомъ сердцѣ не было явлено такъ всецѣло и полно: и я самъ изумляюсь этому высокому откровенію гораздо больше, нежели, быть можетъ, изумится читатель.

39. Не для славы своей пишу я это, ибо слава моя въ моей надеждѣ грядущаго; я такой же бѣдный грѣшникъ, какъ всѣ люди, и призванъ также предъ это зеркало; но я изумляюсь, что Богъ хочетъ такъ всецѣло и полно открыться въ такомъ простомъ человѣкѣ, и къ тому же еще побуждаетъ его записать это; межъ тѣмъ какъ нашлись бы гораздо лучшіе писатели, которые смогли бы гораздо совершеннѣе написать и изложить все, нежели я, который лишь предметъ насмѣшекъ и поруганія міра.

40. Но я не могу и не хочу противиться Ему: ибо я не разъ бывалъ въ великомъ трудѣ противъ Него, полагая, что не Его побужденіе и не Его воля принять отъ меня такое служеніе, но я убѣждаюсь, что трудомъ своимъ противъ Него я только таскалъ камни для этого зданія.

41. Но теперь я поднялся слишком высоко, и мнѣ нельзя оглядываться, чтобы не закружилась голова; и мнѣ осталось до цѣли еще малая лѣсенка, и все желаніе сердца моего подняться окончательно. Ибо когда я поднимаюсь, голова совсѣмъ не кружится; но когда оглядываюсь, и хочу вернуться, тогда она кружится, и я боюсь упасть.

42. Потому возложилъ я упованіе мое на крѣпкаго Бога, и хочу отважиться на это, и посмотрѣть, что-то изъ этого выйдетъ. Къ тому же у меня одно только тѣло, которое и безъ того смертно и тлѣнно, и я охотно отдамъ его на это: лишь бы остались при мнѣ свѣтъ и познаніе моего Бога, мнѣ будетъ довольно этого и здѣсь и тамъ.

43. И я не стану роптать на моего Бога, хотя бы пришлось, быть можетъ, претерпѣть за имя Его позоръ, повседневно распѣтающій для меня, и я къ нему уже почти привыкъ. Я буду пѣть съ пророкомъ Давидомъ: хотя бы изнемогли тѣло мое и душа моя, ты Богъ прибѣжище мое, спасеніе мое и утѣшеніе сердца моего (Пс. 72, 26).

44. Грѣхъ имѣетъ семь видовъ или образовъ, среди нихъ четыре главныхъ родника, а восьмой образъ есть домъ смерти.

45. Теперь замѣть: эти семь образовъ суть семь источныхъ духовъ тѣла; когда они возжены, то каждый духъ порождаетъ особую вражду противъ Бога.

46. Отъ этихъ семи рождаются теперь четыре другихъ новыхъ сыночка; и они суть новый Богъ, совершенно враждебный старому Богу, подобно двумъ непримиримымъ воинствамъ, поклявшимся въ вѣчной враждѣ другъ къ другу.

47. Первый сынъ есть гордость, второй сынъ жадность, третій сынъ зависть, четвертый сынъ гнѣвъ.

48 Мы рассмотримъ это теперь въ основаніи, откуда все беретъ свое начало, и какъ становится враждою противъ Бога: здѣсь ты увидишь, что есть начало и корень грѣха, и почему онъ не можетъ быть терпимъ въ Богѣ.

49. Сюда, вы, философы и юристы, желающіе утверждать и дерзающіе доказывать, что Богъ сотворилъ также и зло, и хочетъ его, и что это было въ предначертаніи Божіемъ, чтобы

діаволь палъ, и погнбло множество людей: иначе Онъ могъ бы все измѣнить.

50. Вызовъ. Вотъ въ третій разъ призываетъ васъ, вмѣстѣ съ княземъ вашимъ Люциферомъ, защищаемымъ вами, духъ царства нашего на конечный уголовный судъ, чтобы вы здѣсь дали отвѣтъ. Ибо надъ этими семью видами и четырьмя новыми сынами долженъ совершиться судъ въ домѣ небеснаго Отца.

51. Если вы сможете поддержать, что семь духовъ Люциферовыхъ по праву и справедливости породили четырехъ новыхъ сыновъ, чтобы тѣ по праву и справедливости правили небомъ и всѣмъ Божествомъ, то царь Люциферъ долженъ быть снова возведенъ на престолъ свой, и должно быть возвращено ему его царство.

52. Если же не такъ, пусть будетъ отведена ему какая-нибудь пещера или яма на вѣчное заключеніе, и пусть онъ вѣчно пребудетъ заключенъ тамъ со своими сынами; и смотрите, какъ бы не совершился судъ и надъ вами.

53. Но разъ вы хотите вести дѣло діавола, чѣмъ наградить онъ васъ? Ничего, кромѣ адской мерзости нѣтъ въ его власти: что же получите вы въ награду? Угадайте, друзья: самое лучшее, что у него есть: плоды и благоуханія его сада.

О ПЕРВОМЪ ВИДѢ.

54. Первый духъ есть терпкое качество: въ Богѣ оно есть пріятное стяженіе, изсушеніе и прохлада, и употребляется на образованіе; и если оно въ глубинѣ своей даже нѣсколько остро, то умѣряется сладкою водою, такъ что бываетъ совершенно кроткимъ, пріятнымъ и радостнымъ.

55. И когда входитъ въ него свѣтъ сладкой воды, оно прівѣтно и добровольно отдаетъ ему свое рожденіе, и дѣлаетъ его сухимъ и ярко сіяющимъ. И когда звукъ восходитъ въ свѣтъ, то оно весьма кротко и братски присоединяетъ къ нему и свой звукъ или звонъ. И такъ принимаетъ оно любовь отъ всѣхъ духовъ: зною помогаетъ оно дружески остывать, и со всѣми качествами у него одна дружелюбная воля; оно охотно помогаетъ

образованію духа природы, а въ немъ образованію различныхъ формъ, образовъ, плодовъ и произрастаній, по волѣ всѣхъ шести духовъ.

56. Оно весьма смиренный отецъ своихъ дѣтей, который сердечно любитъ ихъ и дружески играетъ съ ними: ибо оно поистинѣ отецъ шести другихъ рождающихся въ немъ духовъ, и помогаетъ имъ всѣмъ родиться.

57. Теперь, когда Богъ сотворилъ Люцифера съ его воинствомъ, Онъ сотворилъ его изъ этого привѣтнаго Божества изъ самого себя, изъ мѣста неба и сего міра; не было никакого иного вещества на то: этотъ живой салиттеръ былъ весьма нѣжно стянуть воедино, безъ умерщвленія или безъ великаго движенія.

58. Но эти сплоченные воедино духи обладали познаніемъ, вѣдѣніемъ, и вѣчнымъ безначальнымъ закономъ Божіимъ, и отлично знали, какъ Божество рождало себя. Такимъ образомъ они отлично знали и то, что сердце Божіе обладало первенствомъ во всемъ Божествѣ; и они отлично знали также, что у нихъ не было никакой иной собственности, которою они могли бы располагать, кромѣ ихъ собственнаго сплоченнаго воедино тѣла: ибо они ясно видѣли, что Божество рождало себя внѣ ихъ тѣла, какъ оно то отъ вѣчности дѣлало.

59. Такимъ образомъ, они отлично знали и то, что не были всѣмъ пространствомъ или мѣстомъ, но что они были тварями въ этомъ пространствѣ или мѣстѣ, которыя должны были умножать радость и дивную соразмѣрность этого мѣста, и весьма привѣтно согласоваться съ этимъ пространствомъ или мѣстомъ Божества, и качественъ совмѣстно, или дружески заражаться качествами внѣ своего тѣла.

60. И была у нихъ также вся власть дѣлать, что имъ угодно со всѣми образами, формами и произрастаніями: все было сердечною любовною игрою въ Богѣ; они не возбудили бы никакого недовольства въ Богѣ творцѣ своемъ, хотя бы даже разбили всѣ небесные образы и произрастанія, и надѣлали себѣ изъ нихъ однихъ только верховыхъ коней; Богъ всегда возрастилъ бы имъ достаточно другихъ: ибо все это было бы лишь игрою въ Богѣ.

61. Ибо на то и были они такимъ образомъ созданы, чтобы играть съ образами и произрастаніями, и пользоваться ими по своей охотѣ. Ибо образы отъ вѣчности образовывались такъ, и снова уничтожались и измѣнялись источными духами: ибо такова была вѣчная игра Божія прежде временъ сотворенія ангеловъ.

62. И если ты здѣсь не слѣпъ, и хочешь видѣть, то у тебя есть хорошій примѣръ того въ звѣряхъ, птицахъ и всякихъ произрастаніяхъ сего міра: все это было сотворено и возшло прежде, чѣмъ сотворенъ былъ человѣкъ, который есть и знаменуетъ собою второе воинство, созданное Богомъ изъ мѣста Люциферова, взамѣнъ изгнаннаго воинства Люциферова.

63. Но что же сдѣлало въ Люциферѣ терпкое качество? Когда Богъ такимъ образомъ весьма нѣжно сплотилъ его воедино, оно ощутило себя сильнымъ и могущественнымъ, и увидѣло, что обладаетъ болѣе прекраснымъ тѣломъ, нежели образы внѣ его: потому оно стало высокомернымъ, и возстало въ тѣлѣ своемъ и захотѣло стать суровѣе, нежели салиттеръ внѣ его тѣла.

64. Но такъ какъ одно оно не могло сдѣлать этого, то прельстило другихъ духовъ, чтобы они послѣдовали за нимъ, какъ за отцомъ, и поступали всѣ, какъ оно, каждый въ своемъ собственномъ качествѣ.

65. Когда же они такимъ образомъ соединились, то породили такого же духа, испедшаго чрезъ уста, чрезъ глаза, чрезъ уши и чрезъ носъ, и заразившагося салиттеромъ внѣ тѣла.

66. Ибо таковъ былъ умыселъ терпкаго качества: будучи такъ великолѣпно сплочено воедино, какъ ядро всего царства, оно захотѣло духомъ своимъ, котораго породило совмѣстно съ другими духами, править также и внѣ тѣла своего, во всемъ салиттерѣ Божіемъ, сурово и могущественно, и все должно было стать подвластнымъ ему.

67. Оно хотѣло духомъ своимъ, котораго породило, слагать и образовывать все, подобно всецѣлому Божеству: оно хотѣло первенствовать во всецѣломъ Божествѣ, таковъ былъ его умыселъ.

68. Но какъ оно не могло совершить это на правомъ, естественномъ престолѣ своемъ, то возстало и зажгло себя: этимъ возжевіемъ оно зажгло также и духа своего; онъ вырвался тогда чрезъ уста, уши, глаза и носъ, какъ весьма яростный духъ, и вступилъ въ борьбу съ салиттеромъ въ своемъ мѣстѣ, какъ буйный властелинъ, и зажегъ салиттеръ, и силою стянулъ все воедино.

69. Ты долженъ точно понять это: терпкій источникъ въ испешдемъ духѣ зажегъ терпкое качество въ своемъ мѣстѣ, и властно господствовалъ въ терпкомъ качествѣ въ салиттерѣ; а терпкое качество салиттера не хотѣло потерпѣть этого, но посредствомъ сладкой воды вступило въ борьбу съ этимъ духомъ; но это не помогло, буря, чѣмъ дальше, тѣмъ становилась сильнѣе, пока терпкое качество салиттера не зажглось.

70. Когда же это произошло, буря стала такъ велика, что терпкое качество стянуло салиттеръ воедино съ такою силою, что изъ него образовались жесткіе камни: и таково происхожденіе камней въ семь мірѣ; и вода въ салиттерѣ также была стянута воедино, такъ что стала весьма густою, какова она нынѣ въ семь мірѣ.

71. Но когда терпкое качество въ Люциферѣ зажглось, оно стало также и совершенно холоднымъ, ибо холодъ есть собственный духъ его; потому и зажигаетъ оно нынѣ все въ салиттерѣ своимъ холоднымъ огнемъ; и отъ того стала вода такой холодной, темной и густой въ семь мірѣ, и отъ того стало все такимъ твердымъ и осязаемымъ, чего не было прежде временъ ангеловъ. Таково было великое противленіе въ Божественномъ салиттерѣ, великая борьба и битва, и вѣчная вражда.

72. Ты скажешь теперь: Богъ долженъ былъ бы возбранить ему, чтобы не зашло такъ далеко. Да, милый слѣпой человѣкъ: не человѣкъ и не звѣрь стоялъ предъ Богомъ; но то былъ Богъ противъ Бога, сильный противъ сильнаго; къ тому же, какъ могъ Богъ возбранить ему? Дружеской любовью ничего нельзя было достигнуть, Люциферъ отвѣчалъ ей только презрѣніемъ, и хотѣлъ самъ быть Богомъ.

73. А если бы Богъ захотѣлъ встрѣтить его гнѣвомъ, что и должно было, наконецъ, произойти, то Богъ долженъ былъ

самъ зажечься въ своихъ качествахъ въ томъ салиттерѣ, гдѣ обиталъ царь Люциферъ, и вступить въ борьбу съ нимъ въ великой ревности. Отъ этой борьбы стало такъ мрачно, пустынно и зло это царство: вслѣдъ затѣмъ должно было послѣдовать иное твореніе.

74. Вы, философы и защитники князя Люцифера, держите сначала отвѣтъ за терпкаго духа въ Люциферѣ, правильно онъ поступилъ или нѣтъ, и докажите это въ природѣ: я не приму въ доказательство вашихъ вымученныхъ и натянутыхъ кривыхъ писаній, но лишь живыхъ свидѣтелей.

75. И я тоже представляю вамъ живыхъ свидѣтелей, а именно сотворенныя и постижимыя небеса, звѣзды, стихіи, тварей, землю, камни, людей, и наконецъ самого вашего темнаго, холоднаго, жгучаго, жесткаго, грубаго, злого князя Люцифера; все это стало такъ чрезъ его возстаніе.

76. Держите теперь вашъ отвѣтъ въ защиту этого духа: если же нѣтъ, пусть онъ будетъ осужденъ: ибо таково безначальное Божественное право, чтобы дитя, рожденное отъ матери, смирялось предъ матерью, и повиновалось ей: ибо оно имѣетъ жизнь свою и тѣло свое отъ родившей его матери.

77. Также и домъ матери, при жизни ея, не есть собственность дитяти; но она изъ любви сохраняетъ его при себѣ, и питаетъ его, и возлагаетъ на него лучшее убранство, какое у нея есть, и отдаетъ его въ собственность дитяти, чтобы умножилась радость ея о дитяти, и чтобы ей порадоваться на него.

78. Но если дитя возстаетъ противъ матери, и отнимаетъ у матери все, и господствуетъ надъ ней, да еще къ тому же и бьетъ ее, и заставляетъ ее жить по инымъ обычаямъ, вопреки праву и достоинству, то справедливо, чтобы дитя было изгнано изъ дому, и чтобы оно валялось подъ заборами, и лишилось своей части въ наслѣдствѣ.

79. Такъ произошло и между Богомъ и Люциферомъ, который дитя Его: отецъ также возложилъ на него прекраснѣйшее убранство, въ надеждѣ порадоваться на него; но когда дитя получило убранство, оно презрѣло отца, и захотѣло господствовать надъ отцомъ, и разорить отцу домъ его, и къ тому же еще ударило отца, и не захотѣло принять ни водительства, ни поученія.

80. Второй духъ есть вода. Теперь, подобно какъ терпкое качество есть отецъ шести прочихъ духовъ, стягивающій ихъ и сдерживающій вмѣстѣ, такъ сладкая вода есть ихъ мать, въ которой всѣ духи зачинаются, содержатся и рождаются: и она укрощаетъ и напояетъ ихъ, и въ ней и отъ нея получаютъ они свою жизнь; въ ней также восходитъ и свѣтъ царства радости.

81. И царь Люциферъ также получилъ сладкую воду, и въ такой же точно мѣрѣ, для своего тѣлеснаго состава, и притомъ ядро и самую лучшую часть ея: ибо Богъ возложилъ на своего сыночка самое лучшее убранство, въ надеждѣ имѣть о немъ много радости.

82. Что же сдѣлало терпкое качество съ матерью своею, сладкою водою? Оно прельстило горькое и зной, чтобы тѣ возстали и зажглись: они захотѣли умертвить свою мать, и превратить ее въ кислый образъ; такимъ путемъ хотѣли они со всею строгостью править духомъ своимъ надъ всецѣлымъ Божествомъ; все должно было гнуться и склоняться предъ ними, и они хотѣли всему давать форму и образъ своею остротою.

83. Сообразно этому неправому рѣшенію они и поступили, и засушили сладкую воду въ тѣлѣ Люцифера, и зной зажегъ ее, а терпкость высушила, тогда стала она совершенно кислой и острой.

84. Когда же они въ подобномъ качественіи породили духа Люциферова, то жизнь этого духа, восходящая въ водѣ, равно какъ и свѣтъ, были совершенно кислыми и острыми.

85. И тогда этотъ кислый духъ бурно устремился изъ всѣхъ своихъ силъ противъ сладкой воды, внѣ тѣла его, въ салиттерѣ Божіемъ, и полагалъ, что ему надлежитъ быть первымъ, и давать всему форму и образъ собственною властью.

86. И это было второю враждою противъ Бога, откуда возникло кислое качество въ семъ мѣрѣ; оно не было вѣчнымъ, какъ у тебя есть на то хорошій примѣръ: если ты поставишь что-нибудь сладкое въ теплое мѣсто, и дашь ему постоять, то

оно само прокисаетъ, какъ это бываетъ съ водою, или пивомъ, или виномъ въ бочкѣ. Изъ другихъ же качествъ не измѣняется ни одно, кромѣ какъ въ зловоніе, производимое качествомъ воды.

87. Ты скажешь теперь: почему же Богъ допустилъ въ себя злого духа Люциферова, испедшаго изъ тѣла Люцифера; развѣ не могъ Онъ возбранить ему? Это и есть ядро: ты долженъ знать, что между Богомъ и Люциферомъ не было иного раздѣленія, чѣмъ какое бываетъ между родителями и ихъ дѣтьми, и даже они были гораздо ближе. Ибо, подобно какъ родители рожаютъ дитя изъ тѣла своего по образу своему, и сохраняютъ его въ домъ своемъ, какъ естественнаго тѣлеснаго наслѣдника, и заботятся о немъ, такъ было близко къ Боже-ству и тѣло Люциферово. Ибо Богъ породилъ его изъ тѣла своего: потому и сдѣлалъ его наслѣдникомъ своихъ благъ, и отвелъ во владѣніе ему все то мѣсто, въ которомъ сотворилъ его.

ВЫСОЧАЙШАЯ ГЛУБИНА.

88. Но ты долженъ знать здѣсь, чѣмъ Люциферъ боролся противъ Бога и прогнѣвалъ Бога? ибо тѣломъ своимъ онъ не могъ бы этого сдѣлать: ибо тѣло его простирается не дальше того мѣста, гдѣ оно находится; при помощи его онъ не много могъ бы сдѣлать; но это есть нѣчто иное.

89. Замѣть здѣсь внимательно. Духъ, рождаемый въ средоточіи сердца изъ всѣхъ семи источныхъ духовъ, онъ чувствуетъ, пока онъ еще въ тѣлѣ (когда родился), совмѣстно съ Богомъ какъ единое существо, и нѣтъ никакого раздѣленія.

90. Когда этотъ духъ, рождаемый въ тѣлѣ, глазами взираетъ на что-либо, или ушами слышитъ, или носомъ обоняетъ, то онъ уже находится въ этой самой вещи, и трудится въ ней, какъ въ своей собственности: и если это ему нравится, вкушаетъ отъ нея, и заражается этой вещью, и борется съ нею, и умѣряетъ ее, будь эта вещь какъ угодно далеко: до какихъ предѣловъ достигаетъ его первобытное или первоначальное царство въ Богѣ, туда можетъ и духъ мгновенно перенестись своимъ правленіемъ, и не бываетъ задержанъ ничѣмъ.

91. Ибо онъ есть власть и владѣть ею, какъ Богъ Духъ Святой, и въ этомъ отношеніи между Богомъ Духомъ Святымъ и духомъ тѣла нѣтъ никакого различія, кромѣ только того, что Святой Духъ Божій есть вся полнота, а духъ тѣла только часть, которая проникаетъ чрезъ всю полноту, и куда достигнетъ, тѣмъ мѣстомъ и заражается, и тотчасъ господствуетъ въ томъ мѣстѣ съ Богомъ.

92. Ибо онъ изъ Бога и въ Богѣ, и не можетъ быть удержанъ, какъ только семью природными духами тѣла, рождающими душевнаго духа; они держатъ бразды въ рукахъ, и могутъ рождать его, какъ имъ угодно. [*„Духъ Божій обладаетъ всѣми источниками: но Онъ раздѣляется на три Начала, откуда происходятъ три различныхъ источника, какъ то: одинъ въ огонь, по первому Началу; и другой въ свѣтъ, по второму Началу; и третій въ духъ сего міра, въ воздушномъ и звѣздномъ источникѣ.“*]

93. Когда терпкое качество, какъ отецъ, образуетъ слово или сына или духа, то онъ стоитъ плѣненный въ средоточіи сердца, и другіе духи испытываютъ его, хорошъ ли онъ. Если онъ пріятенъ огню, то огонь пропускаетъ молнію (въ которой горькій духъ) сквозь сладкую воду, гдѣ воспринимаетъ ее любовь, и поднимается съ нею въ терпкое качество.

94. Когда же молнія съ любовью снова возвращается въ терпкое качество, вмѣстѣ съ новорожденнымъ нынѣ духомъ или волею, то терпкое качество радуется о своемъ молодомъ новомъ сынѣ, и поднимается: тогда звукъ схватываетъ духа, и исходитъ вмѣстѣ въ нимъ къ устамъ, къ глазамъ, къ ушамъ и къ носу, и выполняетъ все, что постановлено на совѣтѣ семи духовъ: ибо каково постановленіе совѣта, таковъ и духъ; и совѣтъ можетъ измѣнять его, какъ хочетъ.

95. Поэтому первоначальное желаніе таится въ окружности сердца, въ совѣтѣ семи духовъ: какимъ они породятъ духа, таковъ онъ и бываетъ.

96. Такимъ-то образомъ и привелъ господинъ Люциферъ въ гнѣвъ Божество [*„то есть, возжегъ вѣчную природу, по первому Началу“*], ибо онъ со всѣми своими ангелами, какъ злобный діаволь, вступилъ въ борьбу съ Божествомъ, въ намѣреніи привести всю область подъ власть своихъ рожденныхъ вмѣстѣ

съ нимъ духовъ, чтобы они сами давали всему форму и образъ, и чтобы вся область преклонилась, и позволила править и образовывать зажженною остротою рожденныхъ вмѣстѣ съ нимъ духовъ.

97. И какъ у ангеловъ, такъ происходитъ это и у человѣка. Потому одумайтесь, вы гордые, вы скупые, вы завистливые, вы гнѣвные, вы хульные, вы блудные, вы къ воровству и лихоимству приверженные люди, какого сыночка или духа посылаете вы въ Бога. [*„Душа первоначально была объята словомъ FIAT въ вѣчной природѣ, каковая есть природа Бога по первому Началу и вѣчному Перво-началу природы; и когда она возжигается въ Перво-началѣ, то возжигаетъ гнѣвъ Божій въ вѣчной природѣ.“*]

98. Ты скажешь: мы посылаемъ его не въ Бога, а лишь въ нашего ближняго или въ его трудъ, который намъ полюбился. Такъ покажи же мнѣ то мѣсто, куда ты посылаешь своего похотливаго духа, будь то человѣкъ, или скоть, или одежда, или поле, или деньги, или что бы ни назвать, и гдѣ бы не было Бога: изъ Него все, и Онъ во всемъ, и Онъ самъ есть все, и держитъ и несетъ все.

99. Тогда ты скажешь: но Онъ во многихъ вещахъ пребываетъ своимъ гнѣвомъ, разъ онѣ такъ жестки и злы, и такъ не подобны Божеству? Да, милый человѣкъ, все это правда: въ серебрѣ, золотѣ, камняхъ, почвѣ, одеждахъ, звѣряхъ и людяхъ, во всемъ осязаемомъ, вездѣ пребываетъ, конечно, гнѣвъ Божій; иначе оно не было бы столь жестко на осязаніе.

100. Но ты долженъ знать, что и ядро любви таится также во всемъ въ сокровенномъ средоточіи; развѣ что оно совсѣмъ злое, и это также не нравится человѣку. [*„Богъ обладаетъ всѣмъ, однако по природѣ Онъ не есть сущность, Онъ обладаетъ самимъ собою.“*] Или ты думаешь, что поступаешь право, купаясь въ гнѣвѣ Божіемъ? Смотри, какъ бы онъ не зажегъ тебѣ тѣло и душу, и ты не сталъ бы горѣть въ немъ вѣчно, подобно Люциферу.

101. Но когда Богъ въ концѣ сего времени сдѣлаетъ сокровенное явнымъ, ты увидишь, гдѣ была любовь Божія, и гдѣ гнѣвъ Его: потому смотри, и берегись, и отврати глаза твои отъ злого; иначе ты погубишь себя.

102. Я беру въ свидѣтели небо и землю, что я выполнилъ здѣсь то, что Богъ открылъ мнѣ, какъ свою волю.

103. Такимъ образомъ, царь Люциферъ превратилъ сладкую воду въ своемъ тѣлѣ въ кислую остроту, намѣреваясь въ своей дерзости править ею во всемъ Божествѣ. И онъ зашелъ такъ далеко, что достигаетъ въ мірѣ семъ этою остротою въ сердца всѣхъ тварей, а равно и въ зелень и въ траву, и во все, какъ царь и князь сего міра.

104. И если бы не было во всей природѣ міра сего еще Божественной любви, и у насъ, бѣдныхъ людей и тварей, не было бы въ битвѣ возлѣ насъ Побѣдителя, то всѣ мы въ одно мгновеніе погибли бы въ адской мерзости.

105. И потому справедливо поемъ мы: Посреди жизни объаты мы смертию; куда бѣжать, гдѣ найти спасеніе? къ Тебѣ, Господу Христу, къ Тебѣ одному!

106. Вотъ Онъ, побѣдитель въ борьбѣ, къ кому мы должны бѣжать, царь нашъ Іисусъ Христосъ: въ Немъ любовь Отца, и Онъ съ Божественной властью и силою борется противъ возженной мерзости ада.

107. Къ Нему должны мы бѣжать, и Онъ сохраняетъ любовь Божию въ семъ мірѣ во всемъ, иначе бы все погибло.

Надѣйся лишь, молись и жди,
Недолгій остается срокъ,
И царству діавола конецъ.

108. Вы, философы и юристы, дѣлающіе изъ Бога діавола, и говорящіе, что Онъ хочетъ зла, дайте здѣсь снова отвѣтъ, чтобы увидѣть, сможете ли вы отстоять свое дѣло? А если нѣтъ, то пусть будетъ осужденъ также и кислый духъ въ Люциферѣ, какъ губитель и врагъ Бога и всего Его небеснаго воинства.

О ТРЕТЬЕМЪ ВИДѢ ИЛИ ОБРАЗѢ ГРѢХОВНАГО НАЧАЛА
ВЪ ЛЮЦИФЕРѢ.

Третій духъ въ Богѣ есть горькій духъ, возникающій въ молніи жизни: ибо молнія жизни восходитъ въ сладкой водѣ чрезъ треніе терпкаго и жгучаго качества; тѣло молніи весьма кротко пребываетъ въ сладкой водѣ, какъ свѣтъ или сердце, сама же молнія вся дрожитъ, а отъ испуга и огня и воды и терпкаго духа она становится горькою, проходя чрезъ начало воды, въ которой она восходитъ.

2. Также молнія, или неистовый испугъ, или горькій духъ, плѣнена въ терпкомъ качествѣ, и прославлена и высоко-радостна въ ясномъ свѣтѣ въ терпкомъ духѣ, и она теперь есть подвижность, или корень жизни, и образуетъ въ терпкомъ качествѣ или дѣлаетъ раздѣльнымъ слово, такъ что въ тѣлѣ возникаетъ мысль или воля.

3. И этотъ высоко-ликующій и радостный духъ бываетъ теперь весьма похвально и прекрасно использованъ въ Божественномъ салиттерѣ для образованія: ибо онъ движется преимущественно въ звукѣ и въ любви, и къ сердцу Божію ближе всѣхъ въ рожденіи, и связанъ съ нимъ въ радости, ибо онъ и самъ есть источникъ радости или восхожденіе въ сердце Божіемъ.

4. И нѣтъ здѣсь иного различія, какъ только то, какое бываетъ между тѣломъ и душою въ человѣкѣ: тѣло знаменуетъ собою семь источныхъ духовъ Отца, и душа знаменуетъ едиnorodнаго Сына Бога Отца. [„Духъ души знаменуетъ сердце Божіе, а душа око Божіе въ первомъ Началь, какъ разъяснено въ третьей книгѣ о Тройкой Жизни Человѣка.“]

5. Подобно какъ тѣло рождаетъ душу, такъ и семь духовъ Божіихъ рожаютъ Сына; и подобно какъ душа, будучи рождена, есть нѣчто особое, и однако связана съ тѣломъ, и не можетъ пребывать безъ тѣла, такъ и Сынъ Божій, будучи рожденъ, есть нѣчто особое, и однако не можетъ пребывать безъ Отца.

6. Теперь замѣть: точно такимъ же образомъ состояло горькое качество и въ Люциферѣ, и не имѣло никакой причины для своего возстанія, и никакого побужденія отъ чего-либо иного; но оно послѣдовало безумному высокомерію терпкаго качества, какъ отца своего, и также возмнило, что будетъ въ своемъ видѣ господствовать надъ всѣмъ Божествомъ, и въ своемъ возстаніи зажглось.

7. Когда же оно приняло участіе въ рожденіи душевнаго духа въ тѣлѣ, то этотъ духъ сталъ въ этомъ видѣ яростнымъ, колючимъ, неистовымъ, зажженнымъ, горькимъ, какъ желчь, и раздрающимъ духомъ, истиннымъ качествомъ адскаго огня, существомъ совершенно яростнымъ и враждебнымъ.

8. Когда же этотъ духъ въ душевномъ духѣ, изъ сердца Люцифера и его легионовъ, *воззрѣлъ въ Божество [„то есть, ввелъ волю свою въ него, какъ въ родительницу“]*, то это было ничто иное, какъ только раздраженіе, терзаніе, жаленіе, умерщвленіе и ядовитое жженіе. Объ этомъ говоритъ Христосъ: Діаволь— лжець и убійца искони, и не пребывалъ въ истинѣ никогда (Іоан. 8, 44).

9. Люциферъ же мнилъ, что тѣмъ самымъ онъ будетъ выше Бога, что никто не сможетъ владѣть и врать такъ устрашающе, какъ онъ, и что все должно будетъ преклониться предъ нимъ; онъ хотѣлъ духомъ своимъ властно господствовать во всемъ Божествѣ, какъ царь надъ всѣмъ: будучи самымъ прекраснымъ, онъ хотѣлъ быть и самымъ могущественнымъ.

10. Но онъ отлично видѣлъ и вѣдалъ кроткое и смиренное существо въ Богѣ отцѣ своемъ; къ тому же онъ отлично вѣдалъ также, что Божество отъ вѣчности пребывало въ подобной кротости, и что въ подобной же Божественной кротости надлежало рождать и ему, какъ доброму и послушному сыну.

11. Но какъ онъ былъ образованъ нынѣ такимъ прекраснымъ и славнымъ, подобно нѣкому царю въ природѣ, то, уяз-

вленный своимъ прекраснымъ обликомъ, онъ возмнилъ про себя: Вотъ я сложенъ теперь въ Богъ и изъ Бога, кто сможетъ побѣдить меня, или кто—измѣнить меня? Я буду самъ господиномъ, и буду господствовать во всемъ моею острою, и мое тѣло пусть будетъ образомъ на почитаніе всѣмъ; я устрою себѣ новое царство: ибо вся эта область—моя, одинъ я Богъ, никто другой.

12. И въ своей гордости самъ поразилъ себя тьмою и слѣпотю, и сдѣлалъ изъ себя діавола: таковымъ и суждено ему быть и оставаться вѣчно. [*„Онъ позналъ въ Богъ только Величество, а не Слово въ средоточіи, держащее въяльную лопату. Онъ ослѣпилъ самъ себя терпкою тьмою, ибо онъ хотѣлъ возжечь себя, и господствовать въ огнь надъ свѣтомъ и кротостью.“*]

13. Когда же эти злые діавольскіе духи стали двигаться въ салиттеръ Божіемъ [*„разумъ, въ средоточіи родительницы“*], и взирать въ немъ, то не было тамъ ничего, кромѣ только жаленія, жженія, умерщвленія и раззоренія, и одного только противленія: ибо сердце Божіе желало любви и кротости, а Люциферъ хотѣлъ насильно превратить ихъ въ неистовство.

14. Не было тамъ ничего, кромѣ вражды и противленія: онъ насильно возжегъ салиттеръ Божій, который покоился отъ вѣчности и пребывалъ въ своей кротости.

15. Отъ этого возженія въ этой области и зоветъ себя Богъ нынѣ гнѣвнымъ, ревнивымъ Богомъ на ненавидящихъ Его (Исх. 20, 5; Второз. 5, 9), то есть, на тѣхъ, кто еще сильнѣе разжигаютъ гнѣвъ и ярость Его своими діавольскими духами, своими проклятіями, хуленіями, и всею яростностью, какая таится въ сердцѣ, гордостью, скупостью, завистью, гнѣвомъ; все это, что ни есть въ тебѣ, бросаешь ты въ Бога [*„то есть, въ родительницу природы: почему и надлежитъ ей быть испытанной огнемъ, а также и душевному духу, ибо злоба должна остаться въ огнь“*].

16. Ты скажешь: какъ можетъ это быть? Когда ты раскрываешь глаза, и взираешь на существо Божіе, ты вонзаешься какъ бы шипами въ существо Божіе, и подвигаешь гнѣвъ Божій. Когда звукъ звенитъ въ твоихъ ушахъ, такъ что ты воспринимаешь его изъ существа Божія, то ты заражаешь его, какъ если бы швырялъ въ него громовые удары.

17. Подумай, что ты дѣлаешь носомъ и ртомъ, когда твой милый новорожденный сынокъ исходитъ изъ усть вмѣстѣ съ твоею рѣчью, какъ сынокъ всѣхъ семи духовъ; не бушуетъ ли онъ въ салиттерѣ Божіемъ, какъ нѣкогда Люциферъ? О, здѣсь нѣтъ никакого различія.

18. Богъ же, напротивъ, говоритъ: Я Богъ милосердный надъ любящими меня, и буду творить милость имъ до тысячи родовъ (Исх. 20, 6; Второз. 5, 10).

19. Замѣть здѣсь внимательно: это тѣ, кто противятся возженному огню гнѣва своею любовью, кротостью и усердными возженіями любви, и гасятъ огонь гнѣва своею молитвою, и идутъ упорно навстрѣчу зажженной яростности.

20. Имъ не мало достается тяжелыхъ ударовъ: ибо зажженный огонь гнѣва Божія кидается иногда на нихъ, такъ что они не знаютъ, куда дѣваться; тяжкія горы ложатся на нихъ; возлюбленный крестъ давить и бываетъ тяжелъ.

21. Но онъ утѣшеніе ваше, и крѣпкій шлемъ противъ яростности и возженнаго огня, какъ говоритъ царственный пророкъ Давидъ: Во тьмѣ восходитъ свѣтъ правымъ (Пс. 111, 4).

22. Въ этой именно борьбѣ противъ гнѣва Божія и возженной ярости діавола и всѣхъ безбожныхъ людей и восходитъ благочестивому свѣтъ въ его сердце, и объемлетъ его радостная любовь Божія, чтобы онъ не отчаялся на крестѣ своемъ, и продолжалъ бурно наступать противъ гнѣва и ярости.

23. Если бы не оставалось еще на землѣ всегда и повсюду нѣсколько благочестивыхъ людей, которые гасили бы гнѣвъ Божій своимъ противленіемъ, давно уже возгорѣлось бы адское пламя; ты бы увидѣлъ тогда, гдѣ оказался бы адъ, чему ты нынѣ не вѣришь.

24. Но вотъ что говоритъ духъ: лишь только ярость побѣдить въ семъ мірѣ противленіе любви, какъ возгорится огонь, и съ той поры не будетъ больше времени въ семъ мірѣ.

25: А что ярость горитъ нынѣ ужасающимъ образомъ, это не требуетъ доказательства, ибо ясно какъ день. Смотри, вотъ восходитъ еще малый огонекъ въ противленіе гнѣву, по особому побужденію любви Божіей: когда ослабѣетъ и онъ, то настанетъ конецъ сего времени.

26. Но правъ ли Люциферъ, пробудивши яростность въ салиттерѣ Божіемъ, отчего сей міръ сталъ такимъ колючимъ, тернистымъ, каменистымъ, завистливымъ и лживымъ? Также на это пусть дадутъ отвѣтъ здѣсь защитники и заступники Люцифера; если же нѣтъ, то пусть осужденъ будетъ также и этотъ третій горькій, колючій духъ.

О ЧЕТВЕРТОМЪ ВИДѢ ИЛИ ОБРАЗѢ НАЧАЛА ГРѢХА
ВЪ ЛЮЦИФЕРѢ.

27. Четвертый духъ Божій есть зной; онъ рождается между горькимъ и терпкимъ качествами, и бываетъ принятъ въ сладкой водѣ, гдѣ и становится сіяющимъ и свѣтящимъ; и онъ есть истинный родникъ жизни; ибо въ сладкой водѣ онъ становится совершенно кроткимъ, отъ чего возникаетъ любовь, и бываетъ лишь пріятною теплотою, а не огнемъ. И хотя въ сокровенномъ ядрѣ онъ есть качество и начало огня, однако этотъ огонь не зажженъ, ибо онъ рождается въ сладкой водѣ; а гдѣ вода, тамъ нѣтъ огня, но лишь пріятная теплота и кроткое качественіе; но если бы вода высохла, то сталъ бы горящій огонь.

28. Такъ думалъ и господинъ Люциферъ, что онъ зажжетъ свой огонь, и сможетъ тогда въ своемъ рвеніи властно господствовать въ Божественной силѣ; но онъ думалъ, что огонь будетъ горѣть вѣчно, а также и свѣтитъ; умыселъ его былъ не въ томъ, чтобы погасить свѣтъ, но чтобы свѣтъ горѣлъ въ огнѣ: онъ мнилъ, что высушить воду, и тогда свѣтъ будетъ витать въ горящемъ огнѣ. Но онъ не вѣдалъ, что если зажжетъ высушенную воду, то ядро ея, то есть, масло или сердце воды, истребится, и изъ свѣта станетъ тьма, а изъ воды кислый смрадъ.

29. Ибо масло или тукъ въ водѣ рождается кротостью или благодѣяніемъ, и именно въ этомъ тукѣ становится свѣтъ сіяющимъ; когда же тукъ сгоритъ, то вода обращается въ кислый смрадъ, и къ тому же становится совсѣмъ темной.

30. Такъ произошло и съ гордостью Люцифера: онъ торжествовалъ краткій срокъ со своимъ возженнымъ свѣтомъ; когда же его свѣтъ сгорѣлъ, то онъ сталъ чернымъ діаволомъ.

Но онъ мнилъ, что будетъ вѣчно господствовать въ горящемъ свѣтѣ во всей Божественной силѣ, подобно нѣкому весьма ужасному Богу, и такимъ образомъ боролся своимъ огненнымъ духомъ противъ салиттера Божія, желая зажечь снова всю область своего царства. И онъ дѣйствительно достигъ кое-чего, сдѣлавъ горящими Божественныя силы, что и сказывается еще на солнцѣ и звѣздахъ; и часто также загорается огонь въ салиттерѣ въ стихіяхъ, такъ что, мнится, бездна горитъ, о чемъ у меня будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ. [*„Онъ отступилъ изъ кротости назадъ, въ скорбную огневую волю, и упалъ во тьму. Пусть читатель нигдѣ не разумѣетъ этого въ томъ смыслѣ, будто діаволь зажечь Божіей свѣтъ, но лишь тѣ образы природы, откуда сіяетъ свѣтъ. Ибо онъ не объялъ свѣта, какъ не объемлетъ свѣта и огонь: онъ вступилъ въ огонь, и былъ изгнанъ въ тьму, и не имѣетъ внѣ своей тварности ни огня ни свѣта“.*]

31. И въ этомъ качествѣ царь Люциферъ уготовилъ себѣ поистинѣ адскую баню; онъ не смѣетъ сказать, что Богъ создалъ и уготовилъ для него адское качество: нѣтъ, это сдѣлалъ онъ самъ, и онъ также оскорбилъ Божество, и изъ силъ Божіихъ сдѣлалъ адскую баню, въ вѣчное обитаніе себѣ.

32. Ибо когда онъ и всѣ его ангелы зажгли въ своихъ тѣлахъ источника духа огня, то выгорѣлъ тукъ въ сладкой водѣ, и молнія, или испугъ, яростно восходящая въ рожденіи свѣта, обратилась въ неистовство и терзаніе, жженіе и жаленіе, и въ совершенно враждебное существо.

33. И жизнь обратилась тогда въ этомъ качествѣ въ жало смерти: ибо чрезъ зной горькое качество стало такимъ яростнымъ, колючимъ, неистовымъ и жгучимъ, словно все тѣло стало сплошными огненными жалами; и оно раздирало теперь и неистовствовало въ терпкомъ качествѣ, какъ если бы пронзали тѣло огненными шилами.

34. И холодный огонь терпкаго качества въ свою очередь неистовствовалъ и бушевалъ противъ зноя, и противъ горькаго яда, и это былъ какъ бы великій мятежъ, и отнынѣ во всемъ тѣлѣ Люцифера не было ничего, кромѣ убійства, раззоренія, жженія и жаленія, и весьма ужаснаго адскаго огня.

35. Этотъ огненный и поистинѣ діавольскій духъ возсталъ

теперь также и въ средоточіи сердца, и хотѣлъ посредствомъ душевнаго духа [„подъ нимъ надо разумѣть волевого духа изъ средоточія, который рождается изъ родительницы, какъ изъ семи источныхъ духовъ, и онъ есть образъ Божій“] господствовать во всей Божественной силѣ, и зажечь весь салиттеръ Божій, какъ новый и могущественный Богъ. Формы и небесныя образованія должны были всходить въ ужасающемъ огненномъ качествѣ, и получать образъ согласно этой яростности.

36. Если я пишу здѣсь о душевномъ духѣ, то ты долженъ знать совершенно точно, что онъ есть, или каковъ онъ есть; иначе тщетно будешь ты читать объ этомъ рожденіи, и съ тобою произойдетъ, какъ съ мудрыми язычниками, которые восходили до лица Божія, и не могли его видѣть.

37. Душевный духъ гораздо тоньше и непостижимѣе, нежели тѣло или семь источныхъ духовъ, которые держатъ и образуютъ тѣло: ибо онъ исходитъ отъ семи духовъ, подобно какъ Богъ Духъ Святой отъ Отца и Сына.

38. Семь источныхъ духовъ имѣютъ свое сплоченное воедино тѣло изъ природы, то есть, изъ седьмого духа природы въ Божественной силѣ, что я называю въ этой книгѣ салиттеромъ Божиимъ или постижимостью, въ которой восходятъ небесныя образы. Это есть духъ, какъ и всѣ семь духовъ; но только прочіе шесть пребываютъ въ немъ, какъ непостижимое существо: ибо Божественная сила рождается въ постижимости седьмого духа природы, какъ бы сокровенно, непостижимо для тварей.

39. Душевный же духъ, или духъ души, рождается въ сердцѣ изъ семи источныхъ духовъ по тому роду и образу, какъ рождается Сынъ Божій, и сохраняетъ въ сердцѣ престолъ свой, и исходитъ съ этого престола въ Божественную силу, какъ Духъ Святой отъ Отца и Сына: ибо онъ имѣетъ такую же тонкость, какъ Богъ Духъ Святой, и качественно совмѣстно съ Богомъ Духомъ Святымъ.

40. Когда душевный духъ исходитъ изъ тѣла, онъ бываетъ единомъ съ сокровеннымъ Божествомъ, и участвуетъ въ образованіи вещи въ природѣ, какъ самъ Богъ Духъ Святой. У тебя есть примѣръ тому: когда плотникъ хочетъ выстроить искус-

ный домъ, или какой-нибудь другой ремесленникъ сдѣлать какое-нибудь искусное произведеніе, то руки, знаменующія природу, не могутъ сдѣлать этого сначала сами; но семь духовъ бываютъ первыми строителями въ этомъ дѣлѣ, и душевный духъ указываетъ семи духамъ форму; затѣмъ семь духовъ образуютъ эту вещь, и дѣлаютъ ее постижимой; и лишь послѣ того приступаютъ руки къ работѣ согласно образу: ибо если ты хочешь что-либо сдѣлать, то долженъ прежде довести это до разума.

41. Ибо душа постигаетъ высочайшій разумъ; она видитъ, что дѣлаетъ Богъ, отецъ ея, и трудится совмѣстно надъ небеснымъ образованіемъ; поэтому она вычерчиваетъ природнымъ духамъ образецъ, какъ надлежитъ имъ образовывать вещь. И по этому прообразу, начертанному душою, дѣлаются всѣ вещи въ семь мірѣ: ибо поврежденная душа непрестанно трудится надъ тѣмъ, чтобы мочь образовать небесныя формы; но она не можетъ, ибо для труда и дѣла своего располагаетъ лишь земнымъ, поврежденнымъ салиттеромъ, да, полумертвой природой, въ которой душа не можетъ создавать небесныхъ образовъ.

42. Ты можешь понять сообразно этому, какимъ великимъ могуществомъ обладали въ небесной природѣ духи изгнанныхъ ангеловъ, и какъ могло произойти поврежденіе, какъ повредили они природу въ небѣ, въ своемъ мѣстѣ, и опустошили ее своимъ мерзкимъ возженіемъ, откуда произошла ужасная ярость, господствующая въ семь мірѣ.

43. Ибо возженная природа все еще продолжаетъ горѣть до дня Послѣдняго суда, и этотъ возженный огненный источникъ есть вѣчная вражда противъ Бога. Но правъ ли этотъ возженный огненный духъ, и дѣйствительно ли зажегъ его самъ Богъ, отчего произошелъ огонь гнѣва: на это пусть также дадутъ отвѣтъ сторонники предопредѣленія, и докажутъ въ природѣ; если же нѣтъ, пусть и этотъ огненный духъ будетъ также осужденъ.

О ПЯТОМЪ ВИДѢ ИЛИ ОБРАЗѢ НАЧАЛА ГРѢХА
ВЪ ЛЮЦИФЕРѢ И ЕГО АНГЕЛАХЪ.

44. Пятый источникъ духъ въ Божественной силѣ есть блаженная любовь: она есть истинный обликъ кротости и смире-

нія, и рождается также изъ молніи жизни. Когда молнія, какъ испугъ, быстро проникаетъ (тѣло), отчего возникаетъ радость, то стволъ возженнаго свѣта продолжаетъ оставаться въ сладкой водѣ, и весьма кротко проникаетъ вслѣдъ за молніей чрезъ огонь въ терпкое качество, и укрощаетъ огонь, и дѣлаетъ терпкое качество нѣжнымъ и мягкимъ, что есть также порожденіе воды.

45. Когда же огонь отвѣдаетъ нѣжнаго, сладкаго и мягкаго вкуса, онъ укрощается, и слагается въ кроткую теплоту, совершенно любовную, и въ огнѣ восходитъ весьма привѣтная жизнь, и проникаетъ терпкое качество этимъ любовнымъ кроткимъ тепломъ, и утишаетъ холодный огонь, и дѣлаетъ твердое мягкимъ, и густое жидкимъ, и темное свѣтлымъ.

46. Когда же горькая молнія, вмѣстѣ съ терпкимъ и огненнымъ духомъ, отвѣдаетъ этой кротости, то нѣтъ тамъ ничего, кромѣ одного только томительнаго устремленія, желанія и исполненія, кроткаго и пріятнаго вкушенія, боренія, лобзанія и рожденія любви: ибо строгія рожденія всѣхъ источныхъ духовъ становятся въ этомъ прониканіи совершенно кроткими, любовными, смиренными и привѣтными, и въ немъ истинно пребываетъ Божество.

47. Ибо въ четырехъ первыхъ источныхъ духахъ состоитъ Божественное рожденіе: потому и должны они быть совершенно строгими, хотя и имѣютъ подъ собою свою кроткую мать воду; въ пятомъ же состоитъ блаженная любовь, и въ шестомъ радость, и въ седьмомъ образованіе или постижимость.

48. Сюда теперь, Люциферъ, съ твоею любовью! какъ вель ты себя? любовь твоя такой же ли родникъ? Мы хотимъ нынѣ разсмотрѣть и ее, какимъ сталъ ты любовнымъ ангеломъ.

49. Замѣть: если бы Люциферъ не возсталъ и не возжегся, то его родникъ любви былъ бы не инымъ, нежели въ Богѣ: ибо не иной былъ салиттеръ въ немъ, нежели въ Богѣ.

50. Но когда онъ возсталъ, чтобы душевнымъ духомъ своимъ править надъ всѣмъ Божествомъ, то стволъ, или сердце свѣта, который есть ядро любви въ сладкой водѣ, сталъ яростнымъ и пронзительнымъ огненнымъ источникомъ, отчего во всемъ тѣлѣ возникло дрожаніе и жгучее правленіе и рожденіе.

51. Когда же въ этомъ строгомъ и терпкомъ огненномъ рожденіи родился душевный духъ, онъ весьма яростно устремился изъ тѣла въ природу или въ салиттеръ Божій, и разрушилъ блаженную любовь въ салиттерѣ. Ибо онъ проникъ все весьма яростно и огненно, какъ неистовый злодѣй, и мнилъ, что одинъ онъ Богъ; онъ хотѣлъ господствовать острою.

52. Отсюда и возникло великое противленіе и вѣчная вражда между Богомъ и Люциферомъ: ибо сила Божія движется совершенно кротко, любовно и привѣтно, такъ что нельзя даже постигнуть ея рожденія; а духи Люциферовы движутся и рвутся совершенно терпко, огненно и буйно.

53. У тебя есть примѣръ тому на возженномъ салиттерѣ звѣздъ, принужденныхъ отъ этой возженной ярости такъ быстро вращаться, вмѣстѣ со всею тщетою, до дня Послѣдняго суда: тогда отлучена будетъ отъ нихъ ярость, и дана въ вѣчный домъ царю Люциферу.

54. А что это встрѣчаетъ великое противленіе въ Богѣ, тому не надо доказательствъ; но пусть человѣкъ размыслить: если бы у него въ тѣлѣ возникъ подобный яростный огненный источникъ, какое противленіе и недовольство было бы у него, и какъ весьма часто все тѣло приходило бы въ ярость.

55. Что и бываетъ, конечно, съ тѣми, кто даетъ прибѣжище діаволу: но пока онъ гость, онъ лежитъ тихо, какъ смиренная собачка; когда же становится хозяиномъ, то раззоряетъ весь домъ, какъ и поступилъ онъ съ тѣломъ Божиимъ.

56. Потому и огонь гнѣва Божія продолжаетъ пребывать въ тѣлѣ Божіемъ сего міра до конца, и не мало тварей бываетъ поглощено этимъ огнемъ гнѣва: о чемъ можно бы написать весьма многое, но на своемъ подобающемъ мѣстѣ.

57. Теперь, сотворилъ ли Богъ самъ такими и самъ возжегъ эту вражду и яростный огненный источникъ въ Люциферѣ, на это пусть дадутъ отвѣтъ сторонники предопредѣленія и предусмотрѣнія, и докажутъ въ природѣ; если же нѣтъ, то пусть будетъ осужденъ также и этотъ огненный источникъ, стоящій на мѣстѣ любви.

О ШЕСТОМЪ ВИДѢ ИЛИ ОБРАЗѢ НАЧАЛА ГРѢХА
ВЪ ЛЮЦИФЕРѢ И ЕГО АНГЕЛАХЪ.

58. Шестой источникъ духъ въ Божественной силѣ есть меркурій или звукъ, въ которомъ восходитъ различіе и небесная радость. Этотъ духъ беретъ начало свое въ молніи огня, то есть, въ горькомъ качествѣ, и поднимается въ молніи чрезъ сладкую воду, гдѣ онъ укрощается, такъ что становится свѣтымъ; и въ терпкомъ качествѣ онъ заключается въ плѣнь, и тогда возбуждаетъ всѣхъ духовъ; отъ этого возбужденія восходитъ звукъ; въ молніи пребываетъ его восходящій источникъ, а въ сладкой водѣ въ любви его тѣло или корень.

59. И этотъ звукъ есть Божественное царство радости, ликование, въ которомъ восходитъ въ Богъ Божественная и кроткая любовная игра, къ тому же формы, образованія и всевозможные облики.

60. Но ты долженъ вѣдать здѣсь, что это качество возбужденіемъ своимъ совершенно кротко и любовно проникаетъ всѣхъ духовъ, по тому роду и образу, какъ въ сердцѣ чловѣка восходитъ любовный и кроткій огонь радости, въ которомъ душевный духъ ликуетъ, какъ если бы онъ былъ на небѣ.

61. Но этотъ духъ принадлежитъ также не къ образованію тѣла, а къ различенію и къ подвижности, въ особенности же къ радости и къ различенію въ образованіи.

62. Когда въ средоточіи сердца среди семи источникъ духовъ рождается душевный духъ, такъ что воля семи духовъ бываетъ сплочена воедино, то звукъ выводитъ его наружу въ тѣло, и бываетъ его колесницею, въ которой духъ выѣзжаетъ и выполняетъ то, что постановлено въ совѣтѣ семи духовъ.

63. Ибо звукъ чрезъ душевнаго духа проникаетъ въ природу Божію, или въ салиттеръ седьмого источника духа въ Божественной силѣ, который есть его первоначальная мать, и качествуетъ совмѣстно съ ней въ образованіи формъ, а также въ различеніи образовъ.

64. И потому, когда царь Люциферъ превратилъ своего гордаго конька въ звукъ въ огненное возбужденіе во всѣхъ семи духахъ, возникло страшное противленіе въ салиттерѣ Божіемъ.

65. Ибо когда его душевный духъ родился въ его тѣлѣ, онъ ужалилъ изъ его тѣла въ салиттеръ Божій, какъ огненная змѣя изъ своей норы. Когда же ротъ раскрылся для рѣчи, то есть, когда семь духовъ сплотили воедино слово въ своей волѣ, и послали его въ салиттеръ Божій посредствомъ звука, то это было не иное, какъ если бы въ природу Божию пустили огневую громовую стрѣлу, или же яростную змѣю, неистовствующую, и бушующую, словно бы она хотѣла разодрать природу.

66. Отсюда и беретъ свое начало то, что діавола зовутъ древнимъ зміемъ (Апок. 12, 9), равно какъ и существованіе въ семъ поврежденномъ мірѣ гадюкъ и змѣй, а также всякой вредной твари, какъ то: червей, жабъ, мухъ, вшей и блохъ, и чего ни на есть; отсюда же берутъ свое начало въ семъ мірѣ грозы, громы, молніи и грады.

67. Замѣть: когда звукъ восходитъ въ Божественной природѣ, то онъ весьма кротко поднимается изъ всѣхъ семи источныхъ духовъ заразъ, и весьма кротко порождаетъ слово или образы.

68. То есть, когда источникъ духъ почерпаетъ волю къ рожденію, то онъ весьма кротко проникаетъ чрезъ прочихъ источныхъ духовъ въ средоточіе сердца, и тамъ воля бываетъ образована и испытана согласно всѣмъ семи духамъ.

69. И тогда прочіе шесть духовъ произносятъ его въ звукъ изъ душевнаго духа Божія, разумѣй изъ сердца Божія, изъ Сына Божія, пребывающаго въ средоточіи, въ срединѣ, какъ собранное и сплоченное воедино слово.

70. И молнія изъ этого самаго слова, или возбужденіе слова, которое есть звукъ, весьма кротко исходитъ отъ слова, и совершаетъ волю слова: и это исхожденіе отъ слова и есть Духъ Святой, слагающій и образующій все, что постановлено въ средоточіи сердца въ совѣтѣ семи духовъ Бога Отца.

71. По такому же роду и образу долженъ былъ и царь Люциферъ кротко рождать, и качественовать, и помогать своимъ душевнымъ духомъ, по праву Божества, образованію въ салиттерѣ или въ природѣ Божіей, какъ любимый сынъ въ природѣ.

72. Подобно какъ сынъ въ домѣ отца помогаетъ ему вести его дѣло, по роду и искусству отца, такъ надлежало и Люци-

феру съ его ангелами въ великомъ домѣ Бога Отца, по роду и образу Бога, помогать своимъ душевнымъ духомъ образованію всѣхъ формъ и произрастаній въ салиттерѣ Божіемъ.

73. Ибо всему салиттеру надлежало быть обителью веселія для ангельскихъ тѣлъ, и все должно было всходить и образовываться по желанію ихъ духа, чтобы они никогда и вовѣки не испытывали неудовольствія по поводу какого-нибудь образа или творенія; но ихъ душевному духу надлежало участвовать во всякомъ образованіи, а салиттеру быть собственностью тварей. [*„Образованіе изъ небесныхъ сущностей происходитъ магически; все по воли и способности природы и тварей.“*]

74. Если бы они только пребыли въ своемъ кроткомъ рожденіи согласно съ Божественнымъ правомъ, все было бы ихъ собственностью, и ихъ воля всегда и вѣчно была бы исполнена, и не было бы у нихъ и въ нихъ ничего, кромѣ одной любовной радости, или, говоря по-земному, какъ бы вѣчнаго смѣха и непрестаннаго радованія въ вѣчномъ веселіи сердца.

75. Ибо Богъ и твари были бы единымъ сердцемъ и единою волею. [*„Образованіе изъ душевнаго огня и любовь или Божественное средоточіе состоятъ въ единомъ существѣ.“*]

76. Но когда Люциферъ возсталъ и зажегъ своихъ источныхъ духовъ, душевный духъ устремился въ звукъ изъ всѣхъ тѣлъ Люциферовыхъ ангеловъ въ салиттеръ Божій, подобно огненному змію или дракону, и образовалъ всевозможные ядовитые и огненные формы и образы, подобные дикимъ и злымъ звѣрямъ.

77. И отсюда берутъ свое начало дикіе и злые звѣри въ семь мірѣ: ибо воинство Люциферово зажгло салиттеръ звѣздъ и земли, и наполовину умертвило и повредило его.

78. Ибо когда Богъ послѣ паденія Люцифера совершилъ твореніе сего міра, все было сотворено изъ того самаго салиттера, въ которомъ возсѣдалъ Люциферъ. Такъ тварямъ въ семь мірѣ надлежало быть сотворенными потомъ изъ того же салиттера: и вотъ онѣ образовались, по роду зажженнаго качества, злыми и добрыми.

79. Какой звѣрь былъ тогда всего сильнѣе въ огненномъ, или въ горькомъ, или въ терпкомъ качествахъ въ меркуріи тотъ

и сталъ горькимъ, терпкимъ, знойнымъ и яростнымъ звѣремъ, все сообразно тому, какое качество имѣло въ немъ первенство.

80. Я помѣщаю это здѣсь лишь какъ наставленіе тебѣ: при сотвореніи сего міра ты найдешь это изложеннымъ подробно и доказательно.

81. Теперь, правиленъ ли этотъ огневой звукъ и духъ драконовъ въ Люциферѣ и его ангелахъ, и сотворилъ ли его такимъ Богъ, на это также пусть дадутъ отвѣтъ здѣсь защитники Люциферовы, дѣлающіе изъ Бога діавола, и докажутъ это въ природѣ, дѣйствительно ли Богъ есть Богъ, хотящій зла и сотворившій его.

82. Если же нѣтъ, то пусть и этотъ духъ будетъ также осужденъ на вѣчное заключеніе; и пусть они отступятся отъ своей лжи и богохульства; иначе они хуже дикихъ язычниковъ, которые ничего не знаютъ о Богѣ, и однако живутъ въ Богѣ, и наследуютъ царство небесное прежде множества такихъ богохульниковъ, что я и намѣренъ разъяснить въ своемъ мѣстѣ.

О СЕДЬМОМЪ ВИДѢ ИЛИ ОБРАЗѢ НАЧАЛА ГРѢХА
ВЪ ЛЮЦИФЕРѢ И ЕГО АНГЕЛАХЪ.

Здѣсь надлежитъ тебѣ раскрыть шире глаза свои, ибо ты увидишь сокровенныя вещи, оставшіяся сокрытыми для всѣхъ людей отъ начала міра: ибо ты увидишь смертный ровъ діавола и жестокій грѣхъ, вражду и погибель.

2. Діаволь научилъ людей колдовству, чтобы укрѣпить тѣмъ свое царство: да, если бы онъ обнаружилъ человѣку истинное основаніе, то, что таится подъ нимъ, многіе, пожалуй, покинули бы это дѣло.

3. Сюда, вы, фигляры и колдуны, любодѣйствующіе съ діаволомъ, пожалуйста въ мою школу, я покажу вамъ, какъ вы съ вашей нигромантіей или чернокнижнымъ искусствомъ отправляетесь въ адъ. Вы тщеславитесь тѣмъ, что вамъ подчиненъ діаволь, и мните, что вы боги. Вотъ я опишу здѣсь происхожденіе нигромантіи, ибо я также сталъ свѣдущъ и въ природѣ; однако не по вашему, но чтобы обнаружить позоръ вашъ Божественнымъ откровеніемъ, въ назиданіе послѣднему міру, и въ осужденіе его наукъ: ибо совершается судъ надъ наукою.

4. Но какъ лукъ ярости уже натянутъ, пусть всякій остережется, чтобы ему не оказаться въ его прицѣлѣ: ибо уже настало время пробуждаться отъ сна.

5. Итакъ, седьмой образъ или седьмой духъ въ Божественной силѣ есть природа, или исхожденіе изъ прочихъ шести. Ибо терпкое качество стягиваетъ воедино салиттеръ или плодъ дѣйствія всѣхъ шести духовъ, подобно какъ магнитъ притягиваетъ къ себѣ салиттеръ желѣза; и когда это бываетъ стянуто

воедино, то становится постижимостью, въ которой непостижимымъ образомъ качествуютъ шесть духовъ Божіихъ.

6. Этотъ седьмой духъ имѣетъ цвѣтъ и родъ, какъ всѣ духи, ибо онъ есть тѣло всѣхъ духовъ, въ которомъ они всѣ рождаются, какъ въ единомъ тѣлѣ; изъ этого-то духа и образуются всѣ формы и образы, изъ него же сотворены также и ангелы, и въ немъ состоитъ вся природность.

7. И этотъ духъ непрестанно порождается всѣми шестью, и пребываетъ всегда, и никогда не преходитъ; въ свой чередъ, онъ непрестанно вновь порождаетъ шесть прочихъ, ибо прочіе шесть заключены въ этомъ седьмомъ, какъ въ матери, и получаютъ свое питаніе, крѣпость и силу непрестанно въ тѣлѣ своей матери.

8. Ибо седьмой есть тѣло, а прочіе шесть суть жизнь; и въ срединѣ его, въ средоточіи — сердце свѣта, непрестанно порождаемое семью духами, какъ свѣтъ жизни: и этотъ свѣтъ есть ихъ сынъ; и кипящая подвижность или пронизаніе чрезъ всѣхъ духовъ поднимается (рождается) въ сердце въ восхожденіи свѣта.

9. И это есть духъ семи духовъ, исходящій изъ сердца Божія; онъ все слагаетъ и образуетъ въ седьмомъ, и въ немъ источные духи проявляются безконечно своимъ любовнымъ бореніемъ.

10. Ибо Божество есть какъ бы колесо, вращающееся со своими спицами и ободами и со своею ступицею, и обода его такъ вдѣланы одинъ въ другомъ, какъ если бы оно состояло изъ семи колесъ, могущихъ идти, не поворачиваясь, и впередъ и назадъ, равно какъ и вверхъ и внизъ и въ стороны.

11. Такъ что всегда видны ясно и образъ всѣхъ семи колесъ и единая ступица въ срединѣ всѣхъ семі колесъ, и однако нельзя понять, какъ устроено колесо; но непрестанно изумляешься этому колесу, какъ оно все изумительнѣе являетъ себя въ своемъ восхожденіи, и однако остается все на своемъ собственномъ мѣстѣ.

12. Подобнымъ образомъ непрестанно рождается Божество, и однако никогда не преходитъ; и подобнымъ же образомъ непрестанно рождается и жизнь въ ангелахъ и въ людяхъ.

13. Но образы и твари преходящаго не рождаются такъ, а слагаются сообразно движенію семи духовъ Божіихъ; и хотя сказывается въ нихъ рожденіе всѣхъ семи духовъ, однако качество ихъ состоитъ единственно въ седьмомъ духѣ природы, котораго прочіе шесть слагаютъ, образуютъ и измѣняютъ, сообразно своему качеству и своему боренію и восхожденію. Поэтому и образы и преходящія формы и твари измѣняются по роду седьмого духа природы, въ которомъ они восходятъ.

14. Но ангелы образованы не изъ одного только седьмого духа природы, какъ преходящія твари; но когда Божество подвиглось на твореніе ангеловъ, то въ каждой окружности, въ которой былъ сплоченъ воедино каждый ангелъ, было сплочено воедино Божество со всею сущностью и существомъ своимъ, [*„разумъ оба вѣчныхъ начала, какъ то огонь и свѣтъ; и однако не кипѣніе огня, а существенно“*,] и отсюда произошло тѣло, и однако Божество осталось на своемъ престолѣ, какъ и прежде.

15. Пойми это правильно: тѣло ангела или постижимость происходитъ изъ седьмого духа, и рожденіе въ этомъ тѣлѣ суть шесть источныхъ духовъ, и духъ или сердце (порождаемое шестью духами въ среднемъ средоточіи тѣла, гдѣ восходитъ свѣтъ, а изъ свѣта душевный духъ, качествующій и внѣ тѣла совместно съ Божествомъ,) оно знаменуетъ сердце Божіе, откуда исходитъ Духъ Святой. И оно изъ сердца Божія было привито въ тѣло ангела, когда тѣло впервые сплочивалось воедино: потому ангельское правленіе и рождается въ душѣ, какъ Божество.

16. И подобно какъ въ седьмомъ природномъ духѣ Божіемъ, происходящемъ изъ шести прочихъ, нѣтъ всецѣлаго совершеннаго познанія шести прочихъ духовъ, (ибо онъ не можетъ изслѣдовать ихъ глубокое рожденіе, такъ какъ они отецъ его, и рождаютъ его изъ себя,) такъ и въ ангельскомъ тѣлѣ нѣтъ всецѣлаго совершеннаго познанія Бога; но въ духѣ, который рождается въ сердцѣ и исходитъ отъ свѣта, качествующаго совместно съ сердцемъ и духомъ Божіимъ, въ немъ есть совершенное познаніе Бога; тѣло же не можетъ постигнуть этого душевнаго духа, какъ и седьмой духъ природы не постигаетъ глубочайшаго рожденія Божія.

17. Ибо седьмой духъ природы при рожденіи своемъ иссушается терпкимъ качествомъ, и удерживается имъ, какъ бы отцомъ, и не можетъ вернуться назадъ въ глубину, то есть, въ средоточіе сердца, гдѣ рождается Сынъ, и откуда исходитъ Духъ Святой; но долженъ оставаться въ покоѣ, какъ рожденное тѣло, и предоставить качественъ и трудиться въ себѣ источнымъ жиламъ, то есть, духамъ, по ихъ желанію. Ибо онъ есть собственность или домъ шести духовъ, который они непрестанно строятъ по своему желанію; или какъ вертоградъ, гдѣ домохозяинъ по своему желанію сѣетъ всевозможные плоды и вкушаетъ ихъ.

18. Такъ шесть прочихъ духовъ непрестанно воздѣлываютъ этотъ вертоградъ, и сѣютъ въ немъ свои плоды, и вкушаютъ ихъ на усиленіе своего могущества и радости; и это есть тотъ садъ, гдѣ ангелы обитаютъ и прогуливаются, и гдѣ растутъ небесные плоды.

19. Дивная же соразмѣрность, являющаяся въ произрастаніяхъ и образахъ въ этомъ саду, она возникаетъ чрезъ качественіе и любовное бореніе прочихъ духовъ. Ибо который изъ нихъ одерживаетъ верхъ въ борьбѣ, тотъ и образуетъ произрастанія по своему роду; остальные же непрерывно помогаютъ ему, то одинъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ, то другой, то третій, и такъ далѣе.

20. Потому и восходитъ такое разнообразіе произрастаній и образовъ; это совсѣмъ неизслѣдимо и непостижимо для тѣлеснаго разума ангеловъ, но всецѣло и совершенно постижимо для душевнаго разума ангела.

21. Таковое совершенно скрыто и для моего тѣла, но не для моего душевнаго духа: пока онъ качественъ совмѣстно съ Богомъ, онъ постигаетъ это; но когда впадаетъ въ грѣхъ, дверь затворяется для него, каковая замыкается діаволомъ, и можетъ быть снова отворена великимъ трудомъ духа.

22. Я хорошо знаю, что во многихъ безбожныхъ сердцахъ гнѣвъ діавола будетъ ругаться надъ этимъ откровеніемъ, ибо онъ очень стыдится его, и нанесъ за него не мало ударовъ моей душѣ; но я предоставляю дѣйствовать тому, кто хочетъ. чтобы это было такъ, я не могу противиться ему: и хотя бы

моему земному тѣлу надлежало погибнуть чрезъ то, все же мой Богъ прославить меня въ моемъ познаніи.

23. Этого прославленія моего познанія я и желаю, и никакого иного: ибо я знаю, что если этотъ духъ взойдетъ въ моемъ новомъ тѣлѣ, которое я получу въ день моего возстанія изъ этого моего нынѣшняго поврежденнаго тѣла, онъ будетъ видомъ подобенъ Божеству, а также святымъ ангеламъ.

24. Ибо достаточно свидѣтельствуешь мнѣ о томъ въ моемъ духѣ ликующій свѣтъ радости, въ которомъ я проникалъ изслѣдованіемъ до глубины Божества и точно описалъ его, сообразно моимъ дарованіямъ и побужденіямъ духа, хотя и въ великой немощи и слабости, причемъ нерѣдко прирожденные и настоящіе грѣхи мои затворяли мнѣ дверь, и діаволь плясалъ предъ нею, какъ блудница, и радовался моему заключенію и моей скорби; но это доставитъ однако мало пользы его царству.

25. Поэтому мнѣ нечего и ждать отъ него, кромѣ яростнаго гнѣва: но оплотъ мой—Сильный въ брани, не разъ избавлявшій меня отъ его узъ; въ Немъ буду я сражаться съ нимъ до отхода моего отсюда.

О ВЪ УЖАСНОМЪ, ЖАЛОСТНОМЪ И БѢДСТВЕННОМЪ ПОВРЕЖДЕНІИ ЛЮЦИФЕРА ВЪ СЕДЬМОМЪ ДУХѢ ПРИРОДЫ.

ПЕЧАЛЬНЫЙ ДОМЪ СМЕРТИ.

26. Если бы даже всѣ деревья были писцами и всѣ вѣтви перьями, и всѣ горы книгами, и всѣ воды чернилами, то все же они не могли бы достаточно описать всю ту скорбь и бѣду, какую Люциферъ со своими ангелами внесъ въ свое мѣсто.

27. Ибо изъ дома свѣта сдѣлалъ онъ домъ тьмы, изъ дома радости—домъ печали, изъ дома веселія и прохлады—домъ жажды и голода, изъ дома любви—вѣчную вражду, изъ дома кротости—вѣчный стукъ, громы и молніи, изъ дома мира—домъ вѣчнаго плача и стenanія, изъ дома смѣха—домъ вѣчнаго трепета и ужаса, изъ рожденія свѣта и благости—вѣчную адскую муку, изъ сладостной пищи—вѣчную мерзость и смрадъ, отвращеніе отъ всѣхъ плодовъ, изъ дома ливана и кедровъ—домъ

каменистый, скалистый и огненный, изъ сладкаго благоуханія— смрадъ, домъ запустѣнія и раззоренія, конецъ всего добраго, изъ Божественнаго тѣла—чернаго, темнаго; холоднаго, жгучаго, грызущаго и одного не истребляющаго себя діавола, который есть вражда противъ Бога и ангеловъ Его, и все небесное воинство противъ него.

28. Теперь замѣть: ученые много спорили, спрашивали и раздумывали о яростной злобѣ во всѣхъ тваряхъ, равно какъ и въ солнцѣ и звѣздахъ въ семь мірѣ; и есть также нѣкоторыя весьма ядовитые и злые звѣри, гады и растенія въ семь мірѣ, которымъ по справедливости удивлялись разумные люди, и иные рѣшили, что Богъ хотѣлъ, значить, также и зла, разъ Онъ сотворилъ такъ много злого; иные же возлагали вину на паденіе человѣка, а иные—на дѣйствіе діавола.

29. Но какъ всѣ твари и произрастанія сотворены были прежде времени человѣка, то нельзя возлагать вину на человека: ибо человекъ не получилъ въ своемъ сотвореніи животнаго тѣла, но оно стало у него такимъ лишь въ его паденіи. И не вносилъ также человекъ злобы и яда въ звѣрей, птицъ, гадовъ и камни: ибо онъ не имѣлъ ихъ тѣла; иначе, если бы имъ внесена была ярость во всѣ твари, онъ не имѣлъ бы во вѣки пощады у Бога, какъ діаволь. Бѣдный человекъ палъ не по своей умысленной волѣ, но чрезъ привитый діаволомъ ядъ; иначе для него не было бы помощи.

30. Истинное наставленіе объ этомъ ты найдешь здѣсь изложеннымъ дальше, не изъ ревности кого-либо унижить этимъ, но изъ любви, и въ смиренное назиданіе, изъ бездны моего духа, и въ нѣкоторое утѣшеніе бѣдному, больному, ветхому Адаму, лежащему нынѣ на одрѣ своего послѣдняго отхода отсюда.

31. Ибо во Христѣ всѣ мы единое тѣло: потому и этотъ духъ сердечно желалъ бы также, чтобы его сочлены усладились передъ своимъ отходомъ глоткомъ благороднаго вина Божія, чтобы выдержать великій бой съ діаволомъ и одержать побѣду; чтобы раззорена была побѣда діавола въ семь нынѣ полномъ мірѣ, и святилось великое имя Господа.

32. Теперь смотри: когда царь Люциферъ сотворенъ былъ со своими ангелами такимъ славнымъ, прекраснымъ и Боже-

ственнымъ, какъ херувимъ и царь въ Богѣ, онъ далъ себѣ обольститься своимъ обликомъ при видѣ, какой благородный, прекрасный и славный восходитъ въ немъ духъ; тогда семь источныхъ духовъ его возмнили, что если они возстанутъ и воспламенятся, то будутъ такъ же прекрасны, славны и могущественны, какъ и душевный духъ; тѣмъ самымъ они захотѣли господствовать во всей области собственною силою и властью, какъ новый Богъ.

33. Они видѣли ясно, что душевный духъ качественно совмѣстно съ сердцемъ Божиимъ, и потому постановили возстать и воспламениться, въ надеждѣ быть столь же ясными, глубокими и могущественными, какъ глубочайшее основаніе въ средоточіи сердца Божія.

34. Ибо они возмнили поднять природное тѣло, сплоченное воедино изъ природнаго духа Божія, въ сокровенное рожденіе Божіе, чтобы семь источныхъ духовъ ихъ поднялись такъ же высоко, и были такъ же всепостижимы, какъ и душевный духъ; и душевный духъ долженъ былъ восторжествовать надъ средоточіемъ сердца Божія, и должно было подчиниться ему сердце Божіе; и семь духовъ захотѣли слагать и образовывать все своимъ душевнымъ духомъ.

35. И это высокомеріе и своеволие было совершенно противно рожденію Божію: ибо тѣлу ангела надлежало оставаться на своемъ престолѣ, и быть природою, и пребывать въ покоѣ, какъ смиренная мать, и не обладать всевѣдѣніемъ и собственнымъ разумнымъ постиженіемъ сердца или глубочайшаго рожденія Святой Троицы; но семь духовъ должны были рождаться въ своемъ природномъ тѣлѣ, какъ въ Богѣ.

36. И постиженіе ихъ должно было быть не въ сокровенномъ ядрѣ, или въ самомъ внутреннемъ рожденіи Божіемъ; но душевный духъ, порожденный ими въ средоточіи сердца, онъ долженъ былъ качественно совмѣстно съ наивнутреннѣйшимъ рожденіемъ Божиимъ, и помогать образованію и сложенію всѣхъ образовъ, по желанію и волѣ семи духовъ, чтобы все въ Божественной славѣ было единымъ сердцемъ и единою волею.

37. Ибо таково и рожденіе Божіе: седьмой духъ природы не простирается назадъ въ отца своего, который породилъ его, но, какъ тѣло, пребываетъ въ покоѣ, и предоставляетъ

волѣ Отца, каковая есть шесть прочихъ духовъ, слагать и образовывать въ себѣ, какъ они хотятъ.

38. И никакой духъ не достигаетъ также до сердца Божія, особенно своимъ тѣлеснымъ существомъ; но онъ заключаетъ свою волю вмѣстѣ съ другими въ средоточіе для рожденія сердца, такъ что сердце и семь духовъ Божіихъ суть, такимъ образомъ, единая воля.

39. Ибо таковъ законъ постиженія, чтобы оно не поднималось въ непостижимое: ибо сила, сплочиваемая воедино въ средоточіи или въ срединѣ изъ всѣхъ семи духовъ, она непостижима и неизслѣдима, но не невидима; ибо это есть сила не одного только духа, но всѣхъ семи.

40. Такимъ образомъ духъ въ своемъ собственномъ тѣлѣ, внѣ своего настоящаго рожденія, не можетъ достигнуть во всецѣлое сердце Божіе, и все испытать и изслѣдовать: ибо внѣ своего настоящаго рожденія онъ постигаетъ только свое собственное рожденіе въ сердцѣ Божіемъ; но всѣ семь духовъ вмѣстѣ постигаютъ всецѣлое сердце Божіе [*„Также и въ человѣкѣ; но разумѣй: по образу Божію, а именно, въ душевномъ духѣ, не въ огненной сущности души, но въ сущности свѣта, гдѣ пребываетъ образъ Божій“*].

41. Но въ собственномъ своемъ постоянномъ рожденіи духовъ, гдѣ одинъ непрестанно порождаетъ другого, тамъ каждый духъ постигаетъ всѣ семь духовъ; но лишь въ восходящей молніи жизни.

42. Но сердце есть нѣчто особое, когда оно рождено, особое лицо, и однако не отдѣленное отъ духовъ; но духи не могутъ въ своемъ первомъ рожденіи превращаться во второе.

43. А также и второе не можетъ превращаться въ третье, которое есть исхожденіе духа; но каждое рожденіе пребываетъ на своемъ престолѣ, и однако всѣ рожденія вмѣстѣ суть лишь единый Богъ.

44. Но какъ тѣло Люцифера сотворено было изъ природы и изъ самаго внѣшняго рожденія, то онъ былъ совершенно неправъ, поднимаясь въ самое внутреннее и глубочайшее, чего онъ не могъ сдѣлать по Божественному праву; но ему надо было возстать и воспламениться, чтобы источные духи получили способность самаго остраго проицанія и зараженія.

45. Сдается мнѣ, прекрасный нигромантъ, что и ты испыталъ превращеніе: ты радъ научить и людей своему искусству, не станутъ ли, быть можетъ, и они такими же могущественными богами, какъ и ты.

46. Вы, слѣпые и гордые чернокнижные фигляры, вотъ въ чемъ таится ваше искусство: вы превращаете стихіи вашего тѣла чрезъ посредство вашихъ заклинаній и употребляемыхъ вами на то орудій качествъ, и мните, что вы вправѣ такъ дѣлать: но если это не противно рожденію Божію, то докажите это.

47. Какъ это мните вы, будто можете превращаться въ другой образъ? Вы позволяете діаволу такимъ образомъ морочить васъ, и однако слѣпы въ искусствѣ: и какъ бы хорошо даже вы его ни изучили, вы все же не знаете его цѣли; ибо сердце его есть превращеніе источныхъ духовъ, какъ это сдѣлалъ господинъ Люциферъ, когда захотѣлъ быть Богомъ.

48. Ты скажешь теперь: какъ же это возможно? Смотри: когда источные духи тѣла полагаютъ волю свою въ волшебствѣ, то душевный духъ, порождаемый ими, и господствующій въ качествѣ звѣздъ и стихій, въ сокровенномъ и глубочайшемъ средоточіи, уже волшебникъ и превратился въ волшебство.

49. Животное же тѣло не можетъ тотчасъ слѣдовать за нимъ, но должно быть зачаровано письменами и заклинаніями и нѣкоторыми пригодными на то орудіями, чтобы душевный духъ сдѣлалъ животное тѣло невидимымъ, и превратилъ его въ образъ, согласный съ первоначальною волею источныхъ духовъ.

50. Животная плоть не можетъ конечно превратиться или водворить себя въ иное рожденіе; но она переводится въ болѣе тонкую и легкую форму, подобную звѣрю или дереву или чему-либо иному, у которой тѣло качествуетъ въ стихіяхъ.

51. Звѣздные же духи могутъ облекаться въ иной образъ; но и то лишь пока природное рожденіе допускаетъ имъ пребывать надъ ихъ полюсомъ*: ибо когда оно измѣнится въ ихъ обращеніи и проницаніи, такъ что иной источникъ духъ получить первенство, то вотъ ихъ искусство повержено, и Бо-

* То есть въ ихъ зенитѣ, согласно толкованію Сень-Мартена.

Прим. переводчика.

жеству ихъ въ первомъ источномъ духѣ, въ которомъ они начали свое искусство, пришелъ конецъ.

52. Если же оно хочетъ удержаться дольше, то должно быть создано заново, сообразно правящему нынѣ источному духу; или же діаволь долженъ своимъ душевнымъ духомъ присутствовать въ звѣздныхъ духахъ тѣла, и мгновенно превратить его въ иное; иначе искусству его здѣсь приходитъ конецъ. Ибо природа не во всякій часъ позволяетъ колдовать съ собою, по желанію духовъ; но все должно происходить сообразно духу, имѣющему первенство въ ту пору.

53. Не тотъ же самый духъ Божій производитъ колдовство, который имѣетъ первенство въ природѣ; но оно совершается въ яростности салиттера, зажженного господиномъ Люциферомъ въ его возстаніи, и ставшаго вѣчнымъ царствомъ его.

54. Но когда прекращается могущество этого духа, то и зажженный огонь не можетъ больше служить колдуну. Ибо огонь гнѣва въ природѣ не есть въ настоящее время собственный домъ могущества діавола: такъ какъ въ средоточіи огня гнѣва скрыто пребываетъ любовь, и Люциферъ со своими ангелами лежитъ въ плѣну во внѣшнемъ огнѣ гнѣва до суда Божія, когда онъ получитъ огонь гнѣва, отлученный отъ любви, въ вѣчную баню себѣ, и несомнѣнно намочетъ имъ голову своимъ колдунамъ.

55. Я пишу это здѣсь лишь въ предостереженіе тебѣ, чтобы ты зналъ, какое у волшебства основаніе: не то, чтобы я хотѣлъ описать здѣсь языческое волшебство, да я и не обучался ему; но душевный духъ видитъ ихъ колдованія, которыхъ я въ тѣлѣ не понимаю.

56. Но какъ оно совершенно противно любви и кротости рожденія Божія, и любовь Божія противится тому, чтобы чело-вѣку безъ настоящей великой нужды причиненъ былъ вредъ, то вотъ опредѣляетъ духъ колдунамъ и превратителямъ строя Божія баню гнѣва природнаго на вѣчное просыханіе; тамъ пусть оправдаютъ они новое Божество свое.

57. Когда теперь царь Люциферъ возжегся со всѣми своими ангелами, мгновенно взопелъ огонь гнѣва въ тѣлѣ, и погасъ благодатный свѣтъ въ душевномъ духѣ, и онъ сталъ яростнымъ діавольскимъ духомъ; все это сообразно возженію и волѣ источныхъ духовъ.

58. Но этотъ душевный духъ былъ связанъ съ Божествомъ въ природѣ, и не могъ качественно совмѣстно съ нимъ, какъ нѣчто единое: и вотъ онъ устремился изъ діаволовыхъ тѣлъ въ природу Божію, какъ убійца и воръ, желающій все умертвить, и раззорить, и подчинить своей власти, и зажегъ всѣ семь духовъ въ природѣ; и не было тогда ничего, кромѣ терпкаго, горькаго, огненнаго, трескучаго и жгучаго терзанія и бушеванія.

59. Не долженъ ты думать, будто то была такая могучая побѣда діавола надъ Божествомъ: нѣтъ, но онъ зажегъ гнѣвъ Божій, который безъ того вовѣки покоился бы сокрыто, и сдѣлалъ изъ салиттера Божія смертный ровъ: ибо когда въ солому бросаютъ огонь, она горитъ. Но Богъ отъ того не сдѣлался діаволомъ.

60. А также огонь гнѣва Божія въ природѣ не достигаетъ самага внутренняго сердечнаго ядра, которое есть сынъ Божій, и еще того менѣе достигаетъ въ сокровенную святыню Духа; но лишь въ рожденіе шести источныхъ духовъ, въ то мѣсто, гдѣ рождается седьмой.

61. Ибо въ этомъ мѣстѣ, или въ этомъ рожденіи господинъ Люциферъ сталъ тварью, и господство его не простиралось глубже: но если бы онъ пребылъ въ любви, то его душевный духъ достигалъ бы въ средоточіе сердца Божія, ибо любовь проникаетъ все Божество.

62. Но когда его любовь погасла, душевный духъ не могъ больше проникнуть въ сердце Божіе, и попытка его была тщетной; но онъ неистовствовалъ и бушевалъ въ природѣ, то есть, въ седьмомъ источномъ духѣ Божіемъ.

63. Но такъ какъ сила всѣхъ семи духовъ заключалась въ немъ, то и всѣ семь заражены были гнѣвомъ; но лишь во внѣшнемъ и постижимомъ качественіи. Ибо сердца не могъ

діаволь коснуться; также не могъ онъ коснуться и самаго внутренняго рожденія источныхъ духовъ, ибо слава его въ семи духахъ умерла уже въ первой молніи возженія, и была тотчасъ же удержана въ плѣну въ первомъ исхожденіи душевнаго духа.

64. Въ тотъ часъ царь Люциферъ самъ приготовилъ себѣ вѣчный адъ и погибель: онъ находится теперь въ самомъ внѣшнемъ духѣ природы Божіей, или въ самомъ внѣшнемъ рожденіи сего міра.

65. Когда же природа такъ ужасно зажглась, то домъ радости превратился въ домъ скорби: ибо терпкое качество было зажжено въ своемъ собственномъ домѣ; оно стало теперь существомъ совсѣмъ жесткимъ, холоднымъ и мрачнымъ, подобно холодной и жестокой зимѣ; и оно стянуло воедино салиттеръ, и засушило его, такъ что онъ сталъ совсѣмъ грубымъ, холоднымъ и острымъ, какъ камни; въ немъ же былъ плѣнень и стянуть воедино зной, и обращень въ существо жесткое, холодное и мрачное.

66. Когда это произошло, то погасъ и свѣтъ въ природѣ, въ самомъ внѣшнемъ рожденіи, и все стало совсѣмъ мрачнымъ и поврежденнымъ: вода сдѣлалась совсѣмъ холодною и густою, и стала держаться по ущельямъ: вотъ происхожденіе стихійной воды на землѣ.

67. Ибо прежде время міра вода была совсѣмъ легкой, какъ воздухъ; въ ней же, которая нынѣ такъ повреждена и смертельна, и такъ тяжело катится и бѣжитъ, родилась и жизнь.

68. Благодатная любовь, восходившая въ молніи жизни, обратилась въ яростный и горькій ядъ, истинный ровъ смертный и жало смерти; звукъ обратился въ жесткій стукъ камней, домъ бѣдствія.

69. Словомъ, все во всей области, въ самомъ внѣшнемъ рожденіи Люциферова царства, стало существомъ совсѣмъ мрачнымъ и бѣдственнымъ.

70. Но ты не долженъ думать, будто природа до самаго внутренняго своего основанія была такъ повреждена и зажжена; нѣтъ, лишь самое внѣшнее рожденіе: внутреннее же, въ которомъ рождаются семь источныхъ духовъ, сохранило свои права, такъ какъ возженный діаволь не могъ проникнуть въ него.

71. Но вотъ у внутренняго рожденія вѣяльная лопата въ рукѣ его, и оно нѣкогда вымететъ свой токъ, и отдастъ мякину царству Люциферову въ вѣчную пищу. Ибо если бы дѣволъ могъ посягнуть и въ самое внутреннее рожденіе, вся область его царства обратилась бы тотчасъ въ зажженный горящій адъ.

72. Теперь же надлежитъ ему оставаться плѣнникомъ, заключеннымъ въ самомъ внѣшнемъ рожденіи, до дня Послѣдняго суда, который уже близокъ, и не долго заставитъ ждать себя.

73. Но своихъ источныхъ духовъ Люциферъ зажегъ до самаго внутренняго рожденія, и его источные духи порождаютъ теперь душевнаго дѣвольскаго духа, который вѣчный врагъ Божій.

74. Ибо когда Богъ разгнѣвался въ своемъ самомъ внѣшнемъ рожденіи въ природѣ, то не было его преднамѣренной волею, чтобы Ему возжечься; Онъ этого и не сдѣлалъ; но Онъ стянулъ воедино салиттеръ, и тѣмъ приготовилъ дѣволу вѣчный пріютъ.

75. Ибо онъ не можетъ быть низвергнутъ внѣ Бога въ иное царство ангеловъ; но ему должно быть оставлено мѣсто для обитанія. Потому Богъ и не захотѣлъ дать ему тотчасъ же зажженный салиттеръ въ вѣчное обитаніе: ибо внутреннее рожденіе духовъ еще пребывало въ немъ скрытымъ. Ибо Богъ имѣлъ относительно него иное намѣреніе, и царь Люциферъ долженъ былъ оставаться плѣнникомъ, пока не возникло изъ того же салиттера на его мѣсто иное ангельское воинство, каковое суть люди.

76. Теперь сюда, вы, защитники Люцифера, держите здѣсь отвѣтъ за вашего царя, правъ ли онъ, что возжегъ огонь гнѣва въ природѣ? Если нѣтъ, то пусть онъ вѣчно горитъ въ немъ, и ложь ваша на истину вмѣстѣ съ нимъ.

77. Итакъ, вотъ семь видовъ или образовъ начала грѣха и вѣчной вражды противъ Бога.

78. Теперь послѣдуетъ вкратцѣ о четырехъ новыхъ сынахъ Люциферовыхъ, порожденныхъ имъ въ себѣ, въ своемъ тѣлесномъ правленіи, за что онъ и былъ низвергнутъ изъ своего мѣста, и сталъ самымъ мерзостнымъ дѣволомъ.

О ГОРДОСТИ, ПЕРВОМЪ СЫНѢ.

79. Теперь спрашивается: что же подвигнуло Люцифера захотѣть стать превыше Бога? Здѣсь надлежитъ тебѣ вѣдать, что внѣ себя онъ не имѣлъ никакого побужденія къ своей гордынѣ; но красота его обольстила его: когда онъ увидѣлъ, что онъ прекраснѣйшій князь на небѣ, то презрѣлъ привѣтное качественіе и рожденіе Божества, и помыслилъ править во всемъ Божествѣ своей княжеской силою, все должно было клониться предъ нимъ.

80. Когда же онъ нашелъ, что не сможетъ этого сдѣлать, онъ зажегъ себя самого, чтобы достигнуть того же инымъ путемъ: тогда сынъ свѣта сталъ сыномъ тьмы, ибо онъ самъ истребилъ свою сладкую водную силу, и превратилъ ее въ кислый смрадъ.

О ВТОРОМЪ СЫНѢ, ЖАДНОСТИ.

81. Второю волею была жадность; она выросла изъ гордости: ибо онъ возмнилъ, что будетъ господствовать надъ всѣми ангельскими царствами, какъ единый Богъ, и все должно будетъ клониться предъ нимъ, и онъ все будетъ образовывать своею силою: онъ былъ обольщенъ къ тому же своимъ прекраснымъ обликомъ, такъ что возмнилъ, что будетъ всѣмъ владѣть одинъ.

82. Въ этой гордынѣ и жадности пусть нынѣшній міръ поглядится, какъ въ зеркалѣ, и поразмыслить, какая это вражда противъ Бога, и какъ этотъ путь ведетъ ихъ къ діаволу; тамъ они вѣчно будутъ съ раскрытою пастью, чтобы грабить и поглощать, и однако не найдутъ ничего, кромѣ адекой мерзости.

ТРЕТІЙ СЫНЪ, ЗАВИСТЬ.

83. Этотъ сынъ истинная язва нынѣшняго міра: ибо онъ беретъ начало въ молніи гордости и жадности, и стоитъ на корнѣ жизни, какъ колючая и горькая желчь.

84. Этотъ духъ произошелъ первоначально также изъ гордости; ибо гордость помыслила: ты прекрасенъ и могучъ; жад-

ность помыслила: все должно быть твоимъ; а зависть помыслила: ты заколешь все, что непокорно тебѣ; и онъ ринулся съ этимъ къ прочимъ ангельскимъ вратамъ, но совсѣмъ тщетно: ибо власть его не простиралась дальше его мѣста, изъ котораго онъ былъ созданъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ СЫНЪ, ГНѢВЪ.

85. Этотъ сынъ есть поистинѣ жгучій адскій огонь, и беретъ начало свое также отъ гордости: ибо когда онъ не смогъ своею непріязненною завистью удовлетворить своей гордости и жадности, то онъ зажегъ въ себѣ огонь гнѣва, и ринулся имъ въ природу Божію, подобно рыкающему яростному льву; откуда и возшелъ гнѣвъ Божій и всякое бѣдствіе.

86. О чемъ можно было бы написать весьма много; но ты найдешь это болѣе понятнымъ при описаніи творенія, ибо тамъ найдется достаточно живыхъ свидѣтелей, чтобы никто, такимъ образомъ, не могъ усомниться, будто это не такъ.

87. Итакъ, царь Люциферъ есть начало грѣха, и жало смерти, и возженіе гнѣва Божія, и начало всякаго зла, поврежденіе сего міра; и всему, что ни происходитъ злого, онъ первый виновникъ.

88. И онъ, такимъ образомъ, убійца и отецъ лжи, и основатель ада, погубитель всего добраго, и вѣчный врагъ Божій и всѣхъ добрыхъ ангеловъ и людей, съ которыми я и всѣ люди, уповающіе на блаженство, должны повседневно и повсечасно сражаться и биться, какъ съ злѣйшимъ врагомъ.

КОНЕЧНОЕ ОСУЖДЕНІЕ.

89. Но такъ какъ Богъ проклялъ его, какъ вѣчнаго врага, и приговорилъ на вѣчное заточеніе, и сочтены уже отнынѣ часы его; и такъ какъ явлено мнѣ было духомъ Божіимъ его адское царство, то проклиною его и я, вмѣстѣ и на ряду со всѣми святыми душами людей, и отрекаюсь отъ него, какъ отъ вѣчнаго врага, не разъ раззорявшаго мнѣ мой виноградникъ.

90. Къ тому же отрекаюсь и отъ всѣхъ его защитниковъ и помощниковъ, и намѣренъ впредь, съ благодатной помощью Божіей, совершенно разоблачить его царство, и доказать, что Богъ есть Богъ любви и кротости, не хотящій зла; и что Онъ не веселится и не радуется о чьей-либо гибели, но хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись (Пс. 5, 5; Іезек. 18, 23; 33, 11; I. Тим. 2, 4). И я хочу также показать, что все зло происходитъ отъ діавола, и отъ него беретъ свое начало.

О КОНЕЧНОЙ БИТВѢ И ИЗГНАНІИ ЦАРЯ ЛЮЦИФЕРА СО
ВСѢМИ ЕГО АНГЕЛАМИ.

91. Когда же мерзостный Люциферъ явилъ себя такимъ ужасающимъ образомъ, какъ неистовый и буйный и погубитель всего добраго, словно онъ хотѣлъ все погубить и зажечь, чтобы подчинить своему властительству, — то всѣ небесныя воинства стали противъ него, и онъ противъ всѣхъ: тогда началась битва, ибо они противостояли другъ другу ужасающимъ образомъ. И великій князь Миха-Эль со своими легіонами сразился противъ него; и діаволь со своими легіонами не побѣдилъ, но былъ изгнанъ изъ своего мѣста, какъ побѣжденный (Апок. 12, 8, 9).

92. Теперь можетъ кто-нибудь спросить, какая же это была битва? Чѣмъ они сражались другъ съ другомъ безъ оружія? Эту сокровенную тайну постигаетъ лишь духъ, которому повседневно и повсечасно приходится биться съ діаволомъ: внѣшняя плоть не можетъ постичь этого, и не могутъ постичь этого также и звѣздные духи въ человѣкѣ; и это вовсе не постигается человѣкомъ, развѣ только если душевный духъ качественно совмѣстно съ самымъ внутреннимъ рожденіемъ въ природѣ, въ средоточіи, гдѣ свѣтъ Божій противопоставленъ царству діавола, то есть, въ третьемъ рожденіи въ природѣ сего міра.

93. Когда душевный духъ качественно совмѣстно съ Богомъ на этомъ престолѣ, онъ доставляетъ (этотъ свѣтъ) звѣзднымъ духамъ: ибо звѣзднымъ надлежитъ повсечасно биться съ діаволомъ въ этомъ мѣстѣ. Ибо въ самомъ внѣшнемъ рожденіи человѣка діаволь имѣетъ власть: ибо тамъ его престоль, смерт-

ный ровъ погибели, и это есть домъ бѣдствія, гдѣ діаволь оттачиваетъ жало смерти, и своимъ душевнымъ духомъ хватаетъ чловѣка въ его самомъ внѣшнемъ рожденіи въ самое сердце.

94. Когда же звѣздные духи бываютъ освѣщены душевнымъ духомъ, который качествуетъ въ свѣтѣ совмѣстно въ Богомъ, то они становятся весьма ревностными и жаждущими свѣта: и напротивъ, душевный духъ діавола, господствующій въ самомъ внѣшнемъ рожденіи въ чловѣкѣ, становится совсѣмъ ужаснымъ и гнѣвнымъ, и къ тому же совсѣмъ враждебнымъ.

95. И тогда немедленно восходитъ въ чловѣкѣ огонь битвы, какъ нѣкогда на небѣ между Миха-Элемъ и Люциферомъ, и бѣдная душа принуждена подвергнуться пыткамъ и колесованію.

96. Если же она побѣдитъ, то приноситъ свой свѣтъ и познаніе своимъ проицаніемъ въ самое внѣшнее рожденіе чловѣка: ибо она могущественно проникаетъ назадъ чрезъ всѣ семь духовъ природы, которыхъ я здѣсь называю звѣздными духами, и господствуетъ вмѣстѣ съ ними въ свѣтѣ разума.

97. Тогда только узнаетъ чловѣкѣ, что такое есть діаволь, какъ онъ враждебенъ ему, и какъ велико его могущество, а также какъ онъ повседневно и повсечасно весьма сокровенно принужденъ биться съ нимъ.

98. Чего разумъ или внѣшнее рожденіе чловѣка не можетъ постигнуть безъ этой битвы: ибо третье или самое внѣшнее изъ всѣхъ рожденій въ чловѣкѣ, рожденіе плотское, которое чловѣкѣ самъ себѣ создалъ и приготовилъ первымъ паденіемъ въ вожделѣніе, есть разбойничій замокъ и обитель діавола, гдѣ онъ какъ въ крѣпости воуетъ съ душою и наноситъ ей не мало жестокихъ тумачовъ.

99. Это рожденіе плоти не есть обитель души; но въ битвѣ душа вступаетъ въ него со своимъ свѣтомъ въ Божественной силѣ, и сражается противъ убійствъ діавола; діаволь же, съ своей стороны, стрѣляетъ своимъ ядомъ въ семь источныхъ духовъ, рождающихъ душу, въ намѣреніи повредить ее и зажечь, чтобы завладѣть всѣмъ тѣломъ, какъ собственностью.

100. Если же душа хочетъ внести свой свѣтъ и познаніе въ умъ чловѣка, то должна она весьма жестоко сражаться и

биться; мостокъ ея весьма узокъ, и не разъ бываетъ она діаволомъ повергнута наземь; но она должна стоять въ бою твердо, какъ рыцарь. Если она одержитъ верхъ, діаволь побѣжденъ ею; если же побѣдитъ діаволь, душа становится плѣнницей.

101. Но такъ какъ плотское рожденіе не есть собственный домъ души, и она не можетъ владѣть имъ наслѣдственно, какъ діаволь, то битва длится, пока существуетъ плотской домъ; когда же плотской домъ разрушенъ, а душа еще осталась въ своемъ домѣ свободной, не побѣжденной и не плѣненной, то битва кончена, и діаволь принужденъ навѣки отступить отъ этого духа.

102. Вотъ почему это весьма трудный предметъ для пониманія, и не можетъ вовсе быть понято иначе, какъ лишь въ этой битвѣ: и если бы я написалъ объ этомъ даже множество книгъ, ты все-же ничего бы не понялъ; развѣ только если духъ твой пребываетъ въ такомъ же рожденіи, и въ тебѣ самомъ родилось познаніе; внѣ этого ты не можешь ни объять этотъ предметъ, ни ему повѣрить.

103. Но если ты это постигаешь, то понимаешь также и битву, какую выдержали ангелы съ діаволами: ибо у ангеловъ нѣтъ ни плоти, ни костей, какъ нѣтъ ихъ и у діавола. Ибо ихъ тѣлесное рожденіе состоитъ лишь въ семи источныхъ духахъ, но душевное рожденіе въ ангелахъ, оно качественно совмѣстно съ Богомъ; въ діаволахъ же нѣтъ.

104. Поэтому надлежитъ тебѣ здѣсь вѣдать, что ангелы своимъ душевнымъ рожденіемъ, въ которомъ они качественно совмѣстно съ Богомъ, сражались въ силѣ и духѣ Божіемъ противъ возженныхъ діаволовъ, и извергли ихъ изъ свѣта Божія, и согнали ихъ всѣхъ въ пещеру, то есть, въ тѣсную область, подобную темницѣ, которая есть мѣсто на землѣ и надъ землею до луны—богини земного рожденія.

105. Вотъ до какихъ предѣловъ простирается ихъ область нынѣ и до дня Послѣдняго суда: тогда получаютъ они домъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ земля [*то есть, въ самомъ внѣшнемъ рожденіи во тьмѣ, такъ какъ они не достигаютъ второго Начала и источника свѣта*“], и онъ будетъ называться горящимъ адомъ.

106. Дожидайся этого, господинъ Люциферъ, а пока положи на это пророчество: ибо ты получишь въ вѣчный домъ

себѣ зажженный салиттеръ въ самомъ внѣшнемъ рожденіи, которое ты самъ себѣ учинилъ такимъ.

107. Однако не въ той формѣ, какъ онъ состоитъ нынѣ; но все раздѣлится въ зажженномъ огнѣ гнѣва, и въ вѣчный пріютъ тебѣ будетъ отведенъ мрачный, жгучій и холодный, суровый, жесткій, горькій, смрадный пустырь.

108. Тамъ будешь ты въ немъ вѣчнымъ, всемогущимъ Богомъ, какъ плѣнникъ въ глубокой темницѣ: тамъ ты вовѣки не увидишь и не достигнешь свѣта Божія, и возженный горькій гнѣвъ Божій будетъ твоей границей, которой ты никогда не сможешь переступить.

О ЖАЛОСТНОМЪ И БѢДСТВЕННОМЪ СОСТОЯНІИ ПОВРЕЖДЕННОЙ ПРИРОДЫ, И О ПРОИСХОЖДЕНІИ ЧЕТЫРЕХЪ СТИХІЙ, НА МѢСТО СВЯТОГО ПРАВЛЕНІЯ БОЖІЯ.

Хотя Богъ вѣчный, всемогущій правитель, которому никто не можетъ противиться, однако природа въ своемъ возженіи получила весьма удивительный строй, котораго не было прежде времянь гнѣва.

2. Ибо прежде времянь гнѣва шесть источныхъ духовъ порождали седьмого духа природы въ мѣстѣ сего міра совсѣмъ кротко и любовно, подобно какъ это нынѣ происходитъ въ небѣ, и въ немъ не восходило ни одной искры гнѣва.

3. Къ тому же все было тамъ совсѣмъ свѣтло, и однако не нуждалось ни въ какомъ иномъ свѣтѣ; но родникъ сердца Божія освѣщаль все, и былъ свѣтомъ во всемъ, сіявшимъ вездѣ безпрепятственно и неудержимо: ибо природа была совсѣмъ легка, и все состояло лишь въ силѣ, и было весьма пріятной соразмѣрностью.

4. Но лишь только началась битва въ природѣ съ гордыми діаволами, какъ все въ седьмомъ природномъ духѣ, въ области Люцифера, которая есть мѣсто сего міра, получило иной образъ и иное дѣйствіе.

5. Ибо природа пріобрѣла двоякій источникъ, и самое внѣшнее рожденіе въ природѣ было зажжено въ огнѣ гнѣва, каковой огонь именуется нынѣ гнѣвомъ Божіимъ или горящимъ адомъ.

6. Чтобы понять это, нужно самое глубоко-внутреннее разумѣніе: постигнуть это можетъ лишь мѣсто, гдѣ рождается въ

сердцѣ свѣтъ: внѣшній человѣкъ не постигаетъ этого. Смотри: когда Люциферъ со своимъ воинствомъ пробудилъ въ природѣ Божіей огонь гнѣва, такъ что Богъ разгнѣвался въ природѣ въ мѣстѣ Люцифера, то самое внѣшнее рожденіе въ природѣ приобрѣло иное качество, весьма яростное, терпкое, холодное, жгучее, горькое и кислое. Кипящій духъ, дотолѣ весьма кротко существовавшій въ природѣ, въ своемъ самомъ внѣшнемъ рожденіи сталъ весьма буйнымъ и страшнымъ; каковой именуется нынѣ въ своемъ самомъ внѣшнемъ рожденіи вѣтромъ или стихіей воздуха, по причинѣ своей буйности.

7. Ибо когда семь духовъ зажглись въ своемъ самомъ внѣшнемъ рожденіи, они породили такого буйно-подвижнаго духа; и сладкая вода, бывшая прежде временъ гнѣва совсѣмъ легкой и неосязаемой, стала также весьма густою и бурною; и терпкое качество стало весьма острымъ и холодно-огненнымъ, ибо оно было сурово стянуто воедино, подобно соли.

8. Ибо соляная вода или соль, еще и понынѣ находимая въ землѣ, имѣетъ начало свое и происхожденіе отъ перваго возженія терпкаго качества; отъ него также имѣютъ свое начало и происхожденіе камни, равно какъ и земля.

9. Ибо терпкое качество стянуло теперь салиттеръ весьма жестоко и сурово воедино, и засушило его; отъ чего возникла горькая земля; камни же произошли изъ салиттера, состоявшаго тогда въ силѣ звука.

10. Ибо какъ состояла природа, съ ея дѣятельностью, бореніемъ и восходящимъ рожденіемъ, во время возженія, такъ стянулось воедино и вещество.

11. Теперь спрашивается: какимъ же образомъ изъ неосязаемой матери произошелъ осязаемый сынъ? У тебя есть подобіе тому, какъ земля и камни возникли изъ неосязаемости.

12. Смотри: глубина между небомъ и землею также неосязаема; однако качества стихій порождаютъ въ ней въ разныя времена живую и постижимую плоть, какъ то: саранчу, мухъ и червей.

13. Это производятъ суровыя стяженія качествъ, въ каковомъ стянутомъ воедино салиттерѣ тогда тотчасъ же рождается жизнь; ибо когда зной зажигаетъ терпкое качество, восходитъ

жизнь; ибо горькое качество приходитъ въ движеніе, а оно есть начало жизни.

14. Подобнымъ же образомъ получили происхожденіе свое земля и камни: ибо когда салиттеръ въ природѣ возжегся, все стало совсѣмъ суровымъ, густымъ и темнымъ, какъ густой и темный туманъ, и терпкое качество изсушило его своимъ холодомъ.

15. Но такъ какъ свѣтъ въ самомъ внѣшнемъ рожденіи погасъ, то зной остался плѣненъ въ осязаемости, и не могъ болѣе породить своей жизни. Оттого и вошла смерть въ природу, что природа или поврежденная земля не могла больше помочь себѣ: за этимъ должно было послѣдовать второе сотвореніе свѣта, иначе земля была бы вѣчною, нерасторжимою смертию; нынѣ же она порождаетъ плоды свои въ силѣ и возженіи сотвореннаго свѣта.

16. Теперь кто-нибудь спросить: какимъ же образомъ произошло это вторичное рожденіе? Развѣ Богъ погасъ въ возженіи огня гнѣва въ мѣстѣ сего міра, такъ что въ немъ не стало ничего, кромѣ лишь одного огня гнѣва? или изъ одинаго Бога стало два Бога? Отвѣтъ: ты можешь лучше всего постигнуть или понять это на твоёмъ собственномъ тѣлѣ, которое, чрезъ первое паденіе Адама, стало со всѣми своими рожденіями, способностями и волями такимъ же домомъ, какимъ стало и мѣсто сего міра.

17. Во-первыхъ, вотъ у тебя твоя животная плоть, ставшая такою чрезъ похоть вкушенія, ибо она есть домъ гибели.

18. Когда былъ созданъ Адамъ изъ поврежденнаго салиттера земли, то есть, изъ сѣмени или вещества, извлеченнаго Творцомъ изъ поврежденной земли, онъ не былъ первоначально подобною плотью; иначе тѣло его было бы сотворено смертнымъ; но у него было ангельское тѣло силы; въ немъ надлежало ему пребывать вѣчно, и вкушать отъ ангельскихъ плодовъ, которые и росли у него въ раю до его паденія, до того какъ Господь проклялъ землю.

19. Но такъ какъ сѣмя или вещество, изъ котораго былъ созданъ Адамъ, было нѣсколько заражено діавольскимъ недугомъ, то Адамъ обратилъ вожделѣніе на мать свою, то есть,

пожелалъ вкусить отъ плода поврежденной земли, которая была тогда злой въ своей внѣшней осязаемости, и стала въ огнѣ гнѣва столь жестоко осязаемой.

20. Но такъ какъ Адамъ возделѣлъ подобнаго плода, бывшаго такимъ же, какъ поврежденная земля, то природа и составила для него подобное дерево, бывшее такимъ же, какъ поврежденная земля. Ибо Адамъ былъ сердцемъ въ природѣ, потому и душевный духъ его помогъ образовать это дерево, отъ котораго онъ имѣлъ охоту вкусить.

21. Когда же діаволь увидѣлъ, что въ Адамѣ было вожделѣніе, онъ устремился съ увѣренностью на салиттеръ въ Адамѣ, и еще сильнѣе заразилъ салиттеръ, изъ котораго былъ созданъ Адамъ.

22. Тогда настало время Творцу создать ему жену, которая въ послѣдствіи привела грѣхъ въ исполненіе, и вкусила отъ лживаго плода. Иначе, если бы Адамъ вкусилъ отъ дерева прежде, чѣмъ была создана изъ него жена, съ нимъ произошло бы еще худшее.

23. Но какъ это требуетъ весьма возвышеннаго и глубокаго описанія, для котораго нужно много мѣста, то ищи это при паденіи Адама; тамъ ты найдешь все описаннымъ подробно; я же обращаюсь теперь къ предпринятому подобію.

24. Когда теперь Адамъ вкусилъ отъ плода, который былъ и злымъ и добрымъ, онъ вскорѣ прибрѣлъ таковое же и тѣло: плодъ былъ поврежденъ и осязаемъ, каковы и понынѣ всѣ плоды на землѣ; таковое же плотское и осязаемое тѣло получили немедленно и Адамъ и Ева.

25. Но плоть не весь человѣкъ; ибо эта плоть не можетъ охватить или объять Божества, иначе плоть не была бы смертной и тлѣнной; ибо Христосъ говоритъ: Духъ есть жизнь, плоть не пользуется нимало (Іоан. 6,63).

26. Ибо эта плоть не можетъ наслѣдовать царства небеснаго; но она есть лишь сѣмя, сѣемое въ землю, изъ котораго вырастетъ вновь неосязаемое тѣло, какимъ было первое тѣло до паденія. Духъ же, который качествами съ Богомъ и постигаетъ внутреннее Божество въ природѣ, есть вѣчная жизнь.

27. Теперь, подобно какъ человѣкъ поврежденъ въ своемъ внѣшнемъ человѣкѣ, и по своему плотскому рожденію пребываетъ въ гнѣвѣ Божіемъ, къ тому же есть врагъ Божій, и однако онъ одинъ человѣкъ, а не два (въ духовномъ же своемъ рожденіи онъ, напротивъ, дитя и наслѣдникъ Божій, господствующій и живущій съ Богомъ, и качествующій совмѣстно съ самымъ внутреннимъ рожденіемъ Божіимъ), такимъ стало теперь и мѣсто сего міра.

28. Внѣшняя осязаемость во всей природѣ сего міра и всѣхъ вещей, которыя въ немъ, все это состоитъ въ огнѣ гнѣва Божія. Ибо такъ стало чрезъ возженіе природы; и господинъ Люциферъ со своими ангелами имѣетъ нынѣ обитаніе свое въ томъ же внѣшнемъ рожденіи, которое состоитъ въ огнѣ гнѣва.

29. Однако Божество не отдѣлено отъ внѣшняго рожденія, какъ если бы были нынѣ въ семь мірѣ двѣ вещи; иначе человѣкъ не имѣлъ бы надежды, а также и сей міръ не состоялъ бы въ силѣ и любви Божіей.

30. Но Божество пребываетъ во внѣшнемъ рожденіи сокровенно, и держитъ вѣяльную лопату въ рукѣ своей, и свалитъ нѣкогда мякину и зажженный салиттеръ въ кучу, и извлечетъ оттуда свое внутреннее рожденіе, и отдастъ все это господину Люциферу со свитою его въ вѣчное жилище.

31. Тѣмъ временемъ же надлежитъ господину Люциферу лежать въ самомъ внѣшнемъ рожденіи, въ природѣ сего міра, плѣненнымъ въ зажженномъ огнѣ гнѣва: и внутри его онъ обладаетъ великою властью, и своимъ душевнымъ духомъ можетъ достигать въ самое сердце тварямъ въ самомъ внѣшнемъ рожденіи, которое состоитъ въ огнѣ гнѣва.

32. Поэтому душа человѣка должна постоянно сражаться и биться съ діаволомъ: ибо онъ постоянно предлагаетъ ей нечистыя райскія яблоки [*„это яростный источникъ злобы, заражающей душу“*], чтобы она также вкусила ихъ, и онъ могъ также отвести ее въ свою темницу.

33. Когда же это не удастся ему, то онъ наноситъ ей немало жестокихъ тумачковъ и человѣкъ тотъ принужденъ всегда быть на крестѣ и въ бѣдствіяхъ въ семь мірѣ. Ибо діаволь укрываетъ благородное горчичное зернышко, такъ что че-

ловѣкъ не узнаеть самъ себя; и міръ думаетъ тогда, что это Богъ такъ мучаетъ и сокрушаетъ его; такимъ образомъ царство діавола всегда оставалось скрытымъ.

34. Но погоди, другъ, ты нанесъ и мнѣ немало ударовъ; я научился узнавать тебя, и хочу немного пріоткрыть здѣсь твою дверь, чтобы и другой могъ увидѣть, кто ты таковъ.

О СОТВОРЕНІИ НЕБА И ЗЕМЛИ, И ПЕРВАГО ДНЯ.

Объ этомъ пишетъ Моисей въ своей первой книгѣ, какъ если бы онъ присутствовалъ при томъ, и видѣлъ это самъ: безъ сомнѣнія онъ получилъ это въ писаніяхъ отъ своихъ предковъ; хотя, можетъ быть, онъ и пріобрѣлъ объ этомъ духѣ нѣсколько большія познанія, нежели его предки.

2. Но какъ къ тому времени, когда Богъ сотворилъ небо и землю, не было еще ни одного человѣка, который бы это видѣлъ, то надо заключить, что Адамъ позналъ это въ духѣ, до своего паденія, когда онъ еще пребывалъ въ глубокомъ познаніи Бога; когда же онъ палъ, и былъ водворенъ въ самое внѣшнее рожденіе, онъ уже утратилъ это познаніе, и сохранилъ лишь въ воспоминаніи, какъ смутную и сокрытую повѣсть, и передалъ своимъ потомкамъ.

3. Такъ какъ очевидно, что первый міръ до потопа зналъ о качествахъ и рожденіи Бога столь же мало, какъ и послѣдній, въ которомъ мы нынѣ живемъ; ибо самое внѣшнее, плотское рожденіе не могло никогда ни объять ни постичь Божества; иначе больше было бы написано о немъ.

4. Но такъ какъ благодатью Божіей великая тайна объ этомъ высококомъ предметѣ была нѣсколько открыта мнѣ въ моемъ духѣ, согласно внутреннему человѣку, который качеству совмѣстно съ Богомъ, то я не могу отказаться отъ того, чтобы описать это сообразно моимъ дарованіямъ, и хочу усердно предупредить читателя не соблазняться простою авторомъ.

5. Ибо я дѣлаю это не изъ желанія славы, но въ смиренное назиданіе читателю, чтобы дѣла Божіи стали нѣсколько

лучше вѣдомы читателю, и царство діавола было разоблачено; и такъ какъ міръ нынѣ живетъ и движется во всей злобѣ и во всѣхъ порокахъ діавола, то чтобы онъ могъ увидѣть, наконецъ, въ чьей силѣ и въ чьемъ побужденіи онъ живетъ, и въ какой пируетъ гостинницѣ.

6. Хотя, быть можетъ, я и желалъ бы пріобрѣсти нѣкоторый барышъ на ввѣренный мнѣ талантъ, и не вернуть его назадъ Богу и Творцу моему пустымъ и безъ плода, какъ лѣнивый рабъ, который праздно простоялъ въ виноградникѣ господина своего, и пришелъ требовать платы своей, не потрудившись.

7. Если же бы діаволь возбудилъ, быть можетъ, ругателей и поносителей, которые сказали бы, что не приличествуетъ мнѣ такъ высоко возноситься въ Божество, и мудрствовать въ Немъ, то я отвѣчу имъ всѣмъ, что я не восходилъ въ Божество, ибо, какъ слабому человѣку, мнѣ и невозможно было бы сдѣлать это; но Божество нисходило въ меня, и по любви Его открылось мнѣ все это, чего я иначе въ своемъ полумертвомъ плотскомъ рожденіи принужденъ былъ бы не касаться.

8. Но какъ во мнѣ есть побужденіе къ тому, то я предоставляю распоряжаться и дѣйствовать тому, кто знаетъ и разумѣетъ это, и хочетъ, чтобы это такъ было; я же, бѣдный человѣкъ праха и земли, ничего не могъ бы сдѣлать.

9. Но духъ призываетъ всѣхъ этихъ ругателей и поносителей предъ самое внутреннее рожденіе Божіе въ семь мірѣ, отступить отъ своей злобы; если же нѣтъ, то будутъ они извергнуты, какъ адская мякина, въ самое внѣшнее рожденіе, въ гнѣвъ Божій.

10. Теперь замѣть: когда Богъ разгнѣвался въ третьемъ рожденіи въ области Люцифера, которая была всѣмъ мѣстомъ и пространствомъ сего міра, то погасъ свѣтъ въ третьемъ рожденіи, и все стало тьмою; и весь салиттеръ въ третьемъ рожденіи сталъ совсѣмъ грубымъ, дикимъ, холоднымъ, жесткимъ горькимъ, кислымъ, въ иныхъ мѣстахъ смраднымъ, поноснымъ и рвотнымъ, все сообразно дѣйствовавшему тогда рожденію источныхъ духовъ.

11. Ибо въ какомъ мѣстѣ первенствовало терпкое качество, тамъ салиттеръ бывалъ стянутъ воедино и высушенъ

такъ что произошли жесткіе, терпкіе камни; а въ какихъ мѣстахъ первенствовалъ терпкій духъ одновременно съ горькимъ, тамъ возникъ колючій песокъ: ибо нейстовый горькій духъ раздробилъ салиттеръ.

12. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ первенствовалъ звукъ съ терпкимъ качествомъ въ водѣ, тамъ возникли мѣдь, желѣзо и подобныя имъ каменные руды. А гдѣ первенствовала вода одновременно со всѣми духами, тамъ возникла дикая земля, и вода была удержана въ плѣну въ ущельяхъ, подобно облаку; ибо терпкій духъ, какъ отецъ поврежденной природы, удержалъ ее въ плѣну своимъ острымъ стяженіемъ.

13. Главная же причина черной земли—горькій духъ: ибо яростною горечью его былъ умерщвленъ салиттеръ по своему самому внѣшнему рожденію; изъ чего возникла тогда дикая земля.

14. Зной же особенно помогаль въ терпкомъ духѣ созданію жесткости; но гдѣ зной имѣлъ первенство, тамъ онъ породилъ въ землѣ самый благородный салиттеръ, какъ то: золото, серебро и благороднѣйшіе камни.

15. Ибо когда сіяющій свѣтъ погасъ, вслѣдствіе жесткости, грубости и суровости вещества, то онъ высохъ и сплотился вмѣстѣ съ зноемъ и въ зноѣ, который есть отецъ свѣта.

16. Ты долженъ, однако, понять это: гдѣ знойный духъ имѣлъ первенство въ сладкой водѣ, въ любви, тамъ терпкій духъ стянулъ вещество воедино: такъ образовались благороднѣйшіе руды и камни.

17. Что же касается такихъ драгоценныхъ камней, какъ карбункуль, рубинъ, изумрудъ, дельфинъ, ониксъ и подобныя имъ, которые суть наилучшіе, то они берутъ свое начало тамъ, гдѣ молнія свѣта взошла въ любви; ибо эта молнія рождается въ кротости, и есть сердце въ средоточіи источныхъ духовъ; вотъ почему эти камни кротки, сильны и пріятны.

18. Кто-нибудь скажетъ: почему же человекъ любитъ въ семь мірѣ золото, серебро и драгоценные камни преимущественно предъ всѣми другими вещами и пользуется ими для охраны и защиты своего тѣла? Въ этомъ-то и таится ядро: ибо золото, серебро, драгоценные камни и всѣ свѣтлыя руды берутъ свое начало отъ свѣта, сіявшаго прежде времени гнѣва

въ самомъ внѣшнемъ рожденіи въ природѣ, то есть, въ седьмомъ духѣ природы.

19. И такъ какъ всякій человѣкъ подобенъ всему дому міра сего, то и источные духи его любятъ ядро или самое лучшее въ поврежденной природѣ, и пользуются имъ для своей защиты и охраны.

20. Но самага внутренняго ядра, каковое есть Божество, они нигдѣ не могутъ постигнуть: ибо предъ нимъ лежитъ огонь гнѣва, какъ крѣпкая стѣна, и эта стѣна должна быть разбита жестокимъ натискомъ, если звѣздные духи хотятъ заглянуть туда; душевному же духу дверь отверста, ибо ничто не задерживаетъ его, и онъ какъ самъ Богъ въ своемъ самомъ внутреннемъ рожденіи,

21. Теперь кто-нибудь спросить: но какъ же мнѣ разобратъся въ троякомъ рожденіи въ природѣ?

ГЛУБИНА.

Вотъ смотри: самое внутреннее и глубокое рожденіе—въ срединѣ, и оно есть сердце Божества, рождающееся изъ источныхъ духовъ Божіихъ; и это рожденіе есть свѣтъ, и хотя онъ родится изъ источныхъ духовъ, однако, ни одинъ источникъ духъ самъ по себѣ не можетъ постигнуть его; но каждый источникъ духъ постигаетъ лишь свое присущее ему мѣсто въ свѣтѣ; всѣ же семь духовъ вмѣстѣ постигаютъ весь свѣтъ, ибо они суть отецъ свѣта.

22. Такъ и источные духи человѣка не всецѣло постигаютъ самое внутреннее рожденіе Божества, состоящее въ свѣтѣ; но каждый источникъ духъ своимъ душевнымъ рожденіемъ достигаетъ въ сердце Божіе, и качественно совмѣстно съ нимъ въ этомъ мѣстѣ.

23. И это есть сокровенное рожденіе въ природѣ, котораго ни одинъ человѣкъ не можетъ постигнуть въ своемъ разумѣ или своей способности, но лишь одна душа человѣка, стоящая въ свѣтѣ Божіемъ, постигаетъ это, другіе же нѣтъ.

24. Второе рожденіе въ природѣ суть семь духовъ природы. Это рожденіе понятнѣе и постижимѣе, но также

лишь сынамъ этой тайны: протецъ не понимаетъ его, хотя бы онъ его даже видѣлъ, обонялъ, вкушалъ, слышалъ, и осязалъ; онъ смотритъ на него, и не знаетъ, каково существо его. [„Здѣсь разумѣется поврежденный разумъ съ его собственнымъ смысломъ безъ духа Божія: относится къ ученому, какъ и къ протцу; этотъ такъ же слѣпъ въ отношеніи Божества, какъ и тотъ, и нерѣдко протецъ упреждаетъ ученаго въ познаніи, если онъ приверженъ къ Богу“.]

25. Это суть тѣ духи, въ которыхъ состоятъ всѣ вещи на небѣ и въ семь мірѣ; и отсюда рождается третій и самый внѣшній духъ, въ которомъ поврежденность.

26. Этотъ же духъ или это рожденіе имѣетъ семь видовъ, какъ то: терпкость, сладость, горечь, зной; эти четыре рожаютъ постижимость въ третьемъ рожденіи. Пятый духъ есть любовь, возникающая отъ свѣта жизни; она рождаетъ чувствительность и разумъ. Шестой духъ есть звукъ; онъ рождаетъ звонкость и радость, и есть источникъ, восходящій чрезъ всѣхъ духовъ.

27. Въ этихъ шести и состоитъ духъ жизни и воля или разумъ и мысли всѣхъ тварей; къ тому же и всѣ искусства и измѣненія, а равно и всякое сложеніе и образованіе всего того, что пребываетъ въ духѣ въ неосязаемости.

28. Седьмой духъ есть природа, въ которой состоитъ тѣлесное существо всѣхъ шести духовъ, ибо прочіе шесть порождаютъ седьмого. Въ этомъ духѣ состоитъ тѣлесное существо ангеловъ, діаволовъ и людей, и онъ есть мать прочихъ шести духовъ, въ которой они рождаются; въ ней они рожаютъ также и свѣтъ, который есть сердце Божіе.

29. О третьемъ рожденіи. Тешерь, третье рожденіе есть постижимость природы: прежде временъ гнѣва она была весьма легкой, пріятной и свѣтлой, такъ что источные духи могли видѣть сквозь все. Внутри ея не было ни камней, ни земли, и не было также нужды въ такомъ сотворенномъ свѣтѣ, какъ нынѣ; но свѣтъ рождался повсюду въ срединѣ, и все пребывало въ свѣтѣ.

30. Когда же былъ сотворенъ царь Люциферъ, онъ пробудилъ гнѣвъ Божій въ этомъ третьемъ рожденіи: ибо тѣла ангеловъ стали тварями въ этомъ третьемъ рожденіи.

31. Но такъ какъ теперь діаволы зажгли свои тѣла, въ намѣреніи тѣмъ самымъ господствовать надъ всѣмъ Божествомъ, то Творецъ возжегъ этого третьяго духа или третье рожденіе природное также и въ своемъ гнѣвѣ, и удержалъ діавола плѣнникомъ внутри его, и устроилъ ему въ немъ вѣчный пріютъ, дабы онъ не былъ выше всего Божества. [*„Разумѣй: во внѣшнемъ источникъ, ибо самое внѣшнее есть также и самое внутреннее“.*]

32. Но такъ какъ діаволы изъ гордости и своеволія сами зажгли себя, то и были окончательно извергнуты изъ рожденія свѣта, и не могутъ ни объять ни постигнуть его вовѣки.

33. Ибо свѣтъ сердца своего, которое характеризовало совмѣстно съ сердцемъ Божиимъ, они погасили сами, и на мѣсто его породили яростнаго, жгучаго, терпкаго, горькаго и жесткаго, смраднаго, діавольскаго духа.

34. Но ты не долженъ думать, что отъ того вся природа, или мѣсто сего міра, стала однимъ только горькимъ гнѣвомъ Божиимъ; нѣтъ, но вотъ смыслъ этого: гнѣвъ не постигаетъ самаго внутренняго рожденія въ природѣ, ибо любовь Божія еще пребываетъ во всемъ мѣстѣ сего міра въ средоточіи сокрыто; такимъ образомъ и домъ, куда принадлежитъ господинъ Люциферъ, еще не вовсе отлученъ; но во всѣхъ вещахъ сего міра любовь и гнѣвъ еще находятся вмѣстѣ, и непрестанно борются и сражаются другъ съ другомъ.

35. Но діаволы не могутъ схватить бореніе свѣта, но лишь бореніе гнѣва, гдѣ они палачи и выполняютъ приговоръ, произносимый въ гнѣвѣ Божіемъ надъ всѣми безбожными людьми.

36. Ни одинъ человекъ не въ правѣ также говорить, что онъ родился въ огнѣ гнѣва всеобщаго поврежденія по предна-чертанію Божію; нѣтъ, поврежденная земля не всецѣло состоитъ въ огнѣ гнѣва Божія; но лишь въ своей внѣшней постижимости, въ которой она такъ жестка, груба и горька. При чемъ каждый можетъ замѣтить, что этотъ ядъ и ярость не принадлежатъ къ любви Божіей, въ которой лишь одна кротость.

37. Я не говорю тѣмъ самымъ, что всякій человекъ рождается святымъ отъ чрева матери; но каково дерево, таковъ и плодъ его. И

если мать теперь родить діавольское дитя, это вина не Бога, но ея злобы.

38. Но если дикую вѣтвь посадить въ сладкую почву, и привить къ ней нѣсколько пригодныхъ на то отпрысковъ добраго вкуса, то вырастаетъ доброе дерево, хотя вѣтвь и была дикою. Ибо все здѣсь возможно: доброе такъ же легко превращается въ злое, какъ и злое—въ доброе.

39. Ибо всякій человѣкъ свободенъ и есть какъ бы свой собственный Богъ, превратится ли онъ въ сей жизни въ гнѣвъ или въ свѣтъ: какое платье надѣнетъ человѣкъ, такимъ оно и сдѣлаетъ его на видъ; и какое тѣло посѣтитъ человѣкъ въ землю, такое и вырастетъ, хотя и въ иной формѣ и ясности, однако все сообразно качеству сѣмени.

40. Ибо если бы земля была такъ всецѣло покинута Богомъ, она никогда не приносила бы добрыхъ плодовъ, но одни лишь злые; а такъ какъ земля состоитъ еще въ любви Божіей, то гнѣвъ Его не будетъ вѣчно горѣть въ ней, но побѣдившая любовь извергнетъ огонь гнѣва.

41. Тогда лишь займется пылающій адъ, когда любовь отдѣлится отъ гнѣва: но въ семъ мірѣ любовь и гнѣвъ пребываютъ другъ въ другѣ во всѣхъ тваряхъ; кто изъ нихъ побѣждаетъ въ борьбѣ своей, тотъ по праву наслѣдуетъ домъ свой, будь то царство небесъ или ада.

42. Я не говорю тѣмъ самымъ, будто и звѣри должны были бы въ рожденіи своемъ наслѣдовать царство небесное, такъ какъ они злы и добры, подобно поврежденной землѣ: но когда они бывають снова посѣяны въ мать свою, землю, они суть земля.

43. Но этотъ самый салиттеръ въ добромъ звѣрѣ не будетъ ради этого отведенъ въ собственность діаволу; но въ отдѣленной части будетъ вѣчно цвѣсти въ природѣ Божіей [*то есть, образъ его будетъ какъ тльнь пребывать на святой землѣ, въ чудесахъ, какъ въ вѣчной магіи*], и приносить иные небесные образы: но салиттеръ звѣрей гнѣва Божія будетъ приносить вѣчные адскіе плоды въ гнѣвѣ Божіемъ.

44. Ибо когда земля будетъ зажжена, то въ гнѣвѣ будетъ горѣть огонь, а въ любви—свѣтъ: тогда все разлучится, ибо

одно не будетъ болѣе мочь постигать другое. Въ настоящее же время все имѣетъ двойной источникъ: что ты здѣсь строишь или сѣешь въ духѣ, будь то словами, дѣлами или мыслями, то будетъ твоимъ вѣчнымъ домомъ.

45. Ты видишь, такимъ образомъ, и понимаешь, откуда произошли земля и камни: но если бы этотъ зажженный салиттеръ долженъ былъ остаться, такимъ образомъ, во всей глубинѣ сего міра, то все мѣсто было бы темною долиною, ибо свѣтъ былъ бы также плѣненъ въ третьемъ рожденіи.

46. Не такъ, чтобы плѣненъ былъ и свѣтъ сердца Божія въ его самомъ внутреннемъ рожденіи; но свѣтъ, который въ третьемъ рожденіи сіялъ въ самой внѣшней постижимости, онъ сплотился вмѣстѣ съ нею: потому и любятъ люди всѣ вещи, состоящія въ этомъ салиттерѣ.

47. Но такъ какъ вся глубина была весьма темною въ третьемъ рожденіи, ради поврежденнаго салиттера земли и камней, то Божество не могло потерпѣть, чтобы это было такъ, но создало землю и камни вмѣстѣ въ одной глыбѣ.

48. Объ этомъ пишетъ Моисей: *Am Anfang schuf Gott Himmel und Erden* („Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю“, Быт. 1, 1). Надо въ точности разсмотрѣть эти слова, что они значатъ: ибо слово *Am* собирается въ сердцѣ, и доходитъ до губъ, здѣсь оно плѣняется, и, звуча, возвращается назадъ до своего исходнаго мѣста.

49. Это означаетъ теперь, что звукъ изшелъ изъ сердца Божія, и объялъ все мѣсто сего міра; но какъ оно оказалось злымъ, то звукъ снова отступилъ назадъ въ свое мѣсто.

50. Слово *Am* вырывается изъ сердца къ устамъ, и оставляетъ долгій слѣдъ; когда же оно произносится, то замыкается въ срединѣ на своемъ престолѣ верхнимъ небомъ, и остается наполовину снаружи и наполовину внутри.

51. Это означаетъ, что сердце Божіе возымѣло отвращеніе къ поврежденности, и отвергло отъ себя поврежденное существо; но снова объяло и удержало въ срединѣ у сердца.

52. Подобно какъ языкъ разбиваетъ слово, и держитъ его наполовину снаружи и наполовину внутри, такъ и сердце Бо-

жіе не захотѣло отвергнуть вовсе зажженный салиттеръ, но лишь злобу и недугъ діавола: прочему же надлежитъ быть снова восстановленнымъ по семь времени.

53. Слово *f a n g* быстро устремляется изъ сердца къ устамъ, и также задерживается нѣбомъ въ задней части языка, а когда отпускается, то дѣлаетъ еще быстрый толчокъ отъ сердца къ устамъ.

54. Это означаетъ быстрое изгнаніе діавольскаго шлага вмѣстѣ съ поврежденнымъ салиттеромъ: ибо сильный и быстрый духъ сильно отталкиваетъ отъ себя дыханіе, и сохраняетъ у себя въ задней части нѣба истинный звукъ слова или произношеніе, то есть, истинный духъ слова.

55. Это означаетъ, что поврежденная яростность навѣки изгнана изъ свѣта Божія, но что внутренній духъ, обремененный ею противъ своей воли, долженъ быть снова водворенъ въ свой первый домъ.

56. Послѣдній отзвукъ *a n g* означаетъ, что и самые внутренние духи не вовсе чисты отъ поврежденія, и потому нуждаются въ очищеніи или истребленіи гнѣва въ огнѣ, каковое произойдетъ въ концѣ сего времени.

57. Слово *s c h u f* собирается надъ и подъ языкомъ и сближаетъ зубы въ обоихъ нѣбахъ, и такимъ образомъ сжимается; когда же оно собралось и произнесено, то оно снова съ быстротою молніи раскрываетъ ротъ.

58. Это означаетъ сильное стягиваніе воедино терпкимъ духомъ поврежденнаго салиттера въ одну глыбу: ибо зубы задерживаютъ слово и весьма медленно пропускаютъ духъ сквозь себя. Это означаетъ, что терпкое качество крѣпко сдерживаетъ вмѣстѣ землю и камни, и однако заставляетъ духовъ земли зеленѣть и цвѣсти изъ терпкаго духа, что знаменуетъ возрожденіе или восстановленіе духовъ земли.

59. А что ротъ снова быстро раскрывается послѣ слова, знаменуетъ глубину надъ землею, и что Господь Богъ хочетъ тѣмъ не менѣе обитать въ ней, и сохранить себѣ свое правленіе, и удержать діавола плѣнникомъ въ огнѣ гнѣва.

60. Слово *G o t t* собирается въ срединѣ вверху на языкѣ, и вырывается изъ сердца наружу, и оставляетъ ротъ открытымъ,

и остается на своемъ царскомъ престолѣ, и звучить изъ себя и въ себя: когда же оно произнесено, то производитъ еще толчокъ между верхними зубами и языкомъ.

61. Это означаетъ, что когда Богъ сотворилъ небо и землю, а также и всѣхъ тварей, Онъ однако остался на своемъ Божественномъ, вѣчномъ, всемогущемъ престолѣ, и никогда не покидалъ его, и что Онъ одинъ есть все. Послѣдній толчокъ знаменуетъ остроту Его духа, съ которою Онъ во мгновение ока все совершаетъ во всемъ своемъ тѣлѣ.

62. Слово Himmel собирается въ сердцѣ, и вырывается до губъ, и здѣсь замыкается; и слогъ meI вновь раскрываетъ губы, и удерживается посрединѣ на языкѣ, и духъ исходитъ изъ усть по обѣимъ сторонамъ языка.

63. Это означаетъ, что самое внутреннее рожденіе затворено для самаго внѣшняго мерзостнымъ грѣхомъ, и непостижимо для внѣшняго поврежденнаго рожденія.

64. Но такъ это слово имѣетъ два слога, и второй слогъ meI снова раскрываетъ ротъ, то это означаетъ, что врата Божества были снова растворены.

65. Но что слогомъ meI оно снова собирается на языкѣ верхнимъ нѣбомъ, и удерживается, и духъ исходитъ возлѣ по обѣимъ сторонамъ, это означаетъ, что Богъ хочетъ этому поврежденному царству или мѣсту въ Богѣ дать снова царя и великаго князя, который снова разомкнулъ бы самое внутреннее рожденіе яснаго Божества, и тогда Духъ Святой снова изошелъ бы въ сей міръ по обѣимъ сторонамъ, то есть, изъ самой внутренней глубины Отца и Сына, и сей міръ возродился бы вновь чрезъ новаго царя.

66. Слово und собирается въ сердцѣ, и плѣняется языкомъ въ верхнемъ нѣбѣ, и сплочивается воедино; когда же бываетъ отпущено, то производитъ еще одинъ толчокъ отъ сердца къ устамъ. Это означаетъ теперь раздѣленіе между святымъ и земнымъ рожденіями.

67. Слогъ, хотя исходитъ изъ сердца, но задерживается языкомъ въ верхнемъ нѣбѣ, такъ что нельзя понять, какое это слово: это означаетъ, что земное и поврежденное рожденіе не можетъ постигнуть самаго внутренняго рожденія; но оно безумно и слѣпо.

68. Послѣдній толчокъ изъ сердца означаетъ, что хотя въ сыновствѣ своемъ оно и можетъ качественовать совмѣстно съ самымъ внутреннимъ рожденіемъ, но не можетъ постигать его въ своемъ разумѣ: вотъ почему этотъ слогъ нѣмъ, и не имѣетъ смысла, и употребляется лишь для раздѣленія.

69. Слово Erden вырывается изъ сердца, и собирается позади надъ языкомъ, въ задней части нѣба, и дрожить: въ произнесеніи перваго слога Er языкъ не принимаетъ участія, но прижимается совсѣмъ въ глубинѣ къ нижнему нѣбу, и прячется какъ предъ врагомъ.

70. Второй слогъ den собирается языкомъ и верхнимъ нѣбомъ, и оставляетъ ротъ открытымъ: и духъ сложенія въ образъ исходитъ чрезъ носъ, и не хочетъ въ этомъ словѣ выходить вмѣстѣ съ нимъ чрезъ уста; и хотя онъ и выходитъ нѣсколько чрезъ уста, однако истинный звукъ истиннаго духа исходитъ наружу лишь чрезъ обоняніе или чрезъ носъ.

71. Это великая тайна: слово Er означаетъ зажженные терпкое и горькое качества, суровый гнѣвъ Божій, и оно дрожить въ задней части нѣба, и языкъ пугается этого, и прижимается къ нижнему нѣбу, и бѣжитъ какъ предъ врагомъ.

72. Слово den собирается опять-таки на языкѣ, и духъ извлекаетъ силу изъ слова, и исходитъ съ нею инымъ путемъ чрезъ носъ, и такъ поднимается съ нею въ мозгъ предъ царскій престолъ.

73. Это означаетъ, что самый внѣшній салиттеръ земли извергнуть навѣки изъ свѣта и святости Божіей.

74. Но что духъ схватываетъ силу слова, и инымъ путемъ чрезъ носъ восходитъ въ мозгъ предъ престолъ чувствъ, это означаетъ, что Богъ хочетъ извлечь сердце земли изъ гнѣва злобы, и употребить его къ своей вѣчной царственной хвалѣ.

75. Замѣть: Онъ хочетъ извлечь изъ земли ядро и самое лучшее, или добраго духа, и вновь возродить къ своей чести и славѣ.

76. О человѣкъ, одумайся теперь: какое ты посѣешь въ землю сѣмя, такое и взойдетъ тебѣ, и вѣчно будетъ цвѣсти и приносить плоды, либо въ любви, либо въ гнѣвѣ.

77. Но когда доброе будетъ отдѣлено отъ злого, ты будешь жить тогда въ своемъ приобрѣтенномъ здѣсь удѣлѣ, будь то на небѣ или въ адскомъ огнѣ: куда ты теперь домогаешься, туда пойдетъ и душа твоя послѣ смерти.

78. Или ты мнишь, что мой духъ извлекъ это изъ поврежденной земли, или изъ войлочной шапки? Поистинѣ, нѣтъ; но въ это время моего описанія духъ качествомъ совмѣстно съ глубочайшимъ рожденіемъ Божиимъ; въ немъ почерпнулъ я мое познаніе, и оттуда извлечено оно: не въ великой земной радости, но въ мукахъ рожденія и въ скорби.

79. Ибо что мнѣ пришлось претерпѣть за это отъ діавола и отъ адскаго качества, которое господствуетъ въ моемъ внѣшнемъ человѣкѣ, какъ и во всѣхъ людяхъ, этого ты не поймешь, развѣ только если самъ попляшешь въ этомъ хороводѣ.

80. Если бы наши философы и ученые играли всегда не на скрипкѣ гордости, а на скрипкѣ пророковъ и апостоловъ, другое было бы, пожалуй, въ мірѣ познаніе и другая философія. Къ тому же по слабости моей, и по причинѣ малаго ученія, а также и робости языка, я почти ничто; но въ познаніи я не вовсе простецъ; я только не могу излагать его изящно и глубокимъ языкомъ, но довольствуюсь моимъ даромъ, и я философъ для простецовъ.

О СОТВОРЕНІИ СВѢТА ВЪ СЕМЪ МІРѢ.

81. Закрой здѣсь немного твои плотскіе глаза, ибо они здѣсь тебѣ ни къ чему не пригодны, будучи слѣпы и мертвы, но открой глаза твоего духа, и я истинно покажу тебѣ твореніе Божіе.

82. Замѣть: когда Богъ согналъ теперь воедино, въ одну глыбу, поврежденный салиттеръ земли и камней, возникшій въ самомъ внѣшнемъ рожденіи чрезъ возженіе, то третье рожденіе въ природѣ въ глубинѣ надъ землею не было чисто и свѣтло, такъ какъ въ немъ горѣлъ еще гнѣвъ Божій.

83. И хотя самое внутреннее рожденіе было свѣтло и ясно, однако самое внѣшнее, состоявшее въ огнѣ гнѣва, не могло объять его, но было совсѣмъ темнымъ.

84. Ибо Моисей пишетъ:—*Und es war finster auf der Tiefe* („И было темно надъ глубиною“, Быт. 1,2). Слово *auf* означаетъ самое внѣшнее рожденіе, а слово *in*—самое внутреннее.

85. Но если бы самое внутреннее рожденіе было темно, то гнѣвъ Божій вѣчно почивалъ бы въ семь мѣрѣ, и вовѣки не стало бы свѣтло; но гнѣвъ не коснулся такъ сердца Божія.

86. Потому онъ остался сладостнымъ, привѣтнымъ, благо-стнымъ, кроткимъ, чистымъ и милосерднымъ Богомъ по своему сердцу въ самомъ внутреннемъ рожденіи въ мѣстѣ сего міра, и кроткая любовь Его проникаетъ изъ Его сердца въ самое внѣшнее рожденіе гнѣва, и гаситъ гнѣвъ. Вотъ почему Онъ сказалъ: да будетъ свѣтло (Быт. 1,3).

87. Замѣть здѣсь смыслъ въ высочайшей глубинѣ: слово *sprach*—сказано по человѣчески. Вы, философы, откройте глаза, я хочу въ моей простотѣ научить васъ языку Божію, каковъ онъ долженъ быть.

88. Слово *sprach* собирается между зубами: ибо они стискиваются, и духъ съ шипомъ выходитъ наружу сквозь зубы, и языкъ изгибается посерединѣ, и заостряется спереди, какъ бы прислушиваясь, что тамъ шипитъ, и боясь.

89. Но когда духъ собираетъ слово, онъ закрываетъ ротъ, и собираетъ слово въ задней части нѣба надъ языкомъ въ полости, въ горькомъ и терпкомъ качествахъ.

90. Тогда языкъ пугается, и прижимается къ нижнему нѣбу: и тогда духъ вырывается изъ сердца, и заключаетъ слово, собравшееся въ задней части нѣба въ терпкомъ и горькомъ качествахъ въ гнѣвѣ; и устремляется сквозь ярость наружу, сильный и могущественный, какъ царь или князь, и раскрываетъ уста, и господствуетъ могучимъ духомъ изъ сердца во всемъ рту и внѣ рта, и создаетъ могущественный и долгій слогъ; подобно духу, пробившему гнѣвъ, и противъ котораго гнѣвъ выпускаетъ свой скрежетъ въ терпкомъ и горькомъ качествахъ, въ задней части нѣба въ полости на языкѣ, но остается при своемъ правѣ, и на своемъ мѣстѣ, и пропускаетъ сквозь себя кроткаго духа изъ сердца, и гремитъ вослѣдъ ему своимъ скрежетомъ, и помогаетъ образованію и составленію слова, но при всемъ своемъ громѣ не можетъ сойти съ своего престола, и

остаётся плѣнникомъ въ своей полости, и проявляетъ себя ужа-сающимъ образомъ.

91. Это великая тайна. Замѣть здѣсь смыслъ: если ты постигаешь это, то правильно разумѣешь Божество; если же нѣтъ, то не слѣпъ ли ты еще въ духѣ? Не суди, иначе ты наскочишь здѣсь на крѣпкія ворота, и будешь плѣненъ; если схватить тебя огонь гнѣва, ты останешься въ немъ вѣчно.

92. Смотри же, человѣкъ, какія духъ раскрываетъ предъ тобой врата неба, ада и земли, а также и всего Божества.

93. Ты не долженъ думать, что Богъ въ то время говорилъ по человѣчески, что это было лишь безсильное слово, подобно какъ у человѣка. Слово человѣка хотя и собирается такимъ же образомъ, въ той же соразмѣрности, въ томъ же качествѣ и тѣмъ же способомъ, но только полумертвый человѣкъ не разумѣетъ его; а это разумѣніе весьма благородно и драгоценно, ибо оно рождается единственно лишь въ познаніи Святого Духа.

94. Слово же Бога, произнесенное Имъ въ то время въ силѣ, оно обнимаетъ небо и землю, и небо всѣхъ небесъ, и даже все Божество.

95. Собирается же оно прежде всего между стиснутыми зубами и шипитъ: это означаетъ, что Духъ Святой въ началѣ творенія прошелъ сквозь жесткую, замкнутую стѣну третьяго и самаго внѣшняго рожденія, которое состоитъ въ огнѣ гнѣва въ семь мірѣ. Ибо написано: И было темно надъ глубиною, и Духъ Божій виталъ надъ водою (Быт. 1,2).

96. Глубина означаетъ самое внутреннее рожденіе, а тьма означаетъ самое внѣшнее, поврежденное, въ которомъ горѣлъ гнѣвъ; вода означаетъ укрощеніе духа.

97. А что духъ съ шипомъ проходитъ сквозь зубы, это означаетъ, что Духъ проходилъ изъ сердца Божія сквозь гнѣвъ; а что зубы остаются стиснутыми, пока духъ шипитъ, и не раскрываются, это означаетъ, что гнѣвъ не объялъ Святого Духа.

98. А что языкъ прижимается въ нижнемъ нѣбѣ, и спереди заостряется, и не даетъ воспользоваться собою для шипа, это означаетъ, что самое внѣшнее рожденіе, со всѣми тварями, которыя въ немъ, не можетъ объять Святого Духа, исходящаго

изъ самаго внутренняго рожденія, изъ сердца Божія, ни задержатъ Его своею властью и возбранить Ему.

99. Ибо Онъ проникаетъ сквозь всѣ замкнутые покои и рожденія, и не нуждается ни въ какомъ раскрытіи, равно какъ не могутъ удержать Его и зубы, чтобы Онъ не прошелъ, сквозь нихъ.

100. А что зубы остаются раскрытыми, когда Онъ съ шипомъ проходитъ сквозь зубы, это означаетъ, что Онъ исхожденіемъ своимъ изъ сердца Божія въ твореніи сего міра снова раскрылъ врата неба, и прошелъ сквозь врата гнѣва Божія, и крѣпко задвинулъ гнѣвъ Божій засовами, и оставилъ запертымъ, и крѣпко затворилъ діаволу его вѣчно возженный домъ гнѣва, изъ котораго онъ не сможетъ выйти вовѣки.

101. Далѣе, это означаетъ, что Духъ Святой имѣетъ какъ бы раскрытыя врата въ домъ гнѣва въ семь мірѣ, гдѣ Онъ творитъ дѣло свое, непостижимо для вратъ адовыхъ, и гдѣ Онъ собираетъ себѣ святое сѣмя, въ вѣчную хвалу себѣ, безъ согласія крѣпкихъ вратъ адовыхъ, и совершенно непостижимо для нихъ.

102. Подобно какъ духъ совершаетъ сквозь зубы исхожденіе свое, и осуществляетъ принятое рѣшеніе, и однако зубы не могутъ двигаться, или постигнуть волю духа, такъ и Духъ Святой, не постигаемый діаволомъ и гнѣвомъ Божиимъ, непрерывно созидаетъ себѣ святое сѣмя и храмъ въ домѣ сего міра.

103. А что все слово *argash* собирается въ задней части нѣба надъ языкомъ въ полости посреди терпкаго и горькаго качествъ, и скрежещетъ, это означаетъ, что Богъ собралъ мѣсто міра сего въ срединѣ у сердца, и снова построилъ себѣ домъ, въ хвалу себѣ, вопреки всему рычанію и ропоту діавола, и господствуетъ тамъ своимъ Святымъ Духомъ.

104. Подобно какъ духъ могущественно и сильно исходитъ изъ сердца, сквозь ропоть и скрежетъ терпкаго и горькаго качествъ, и исхожденіемъ своимъ господствуетъ въ терпкомъ и горькомъ качествахъ, непостижимо для нихъ, какъ могущественный царь,—такъ и Духъ Божій господствуетъ могущественно въ самомъ внѣшнемъ рожденіи сего міра, въ домѣ гнѣва, и порождаетъ себѣ въ немъ храмъ, непостижимый для дома гнѣва.

105. А что терпкій и горькій духъ такъ ропщетъ, когда духъ проходитъ изъ сердца сквозь его домъ и господствуетъ съ властью, это означаетъ, что гнѣвъ Божій вмѣстѣ съ діаволами въ домѣ сего міра сопротивленъ любви, и что оба они во все время міра сего будутъ сражаться и биться другъ съ другомъ, какъ два враждующихъ воинства; отсюда беретъ также начало свое человѣческая и звѣриная вражда и борьба всѣхъ тварей.

106. А что терпкое и горькое качества вмѣстѣ собираются въ слово, и согласуются другъ съ другомъ, и однако одинъ лишь духъ сердца произноситъ слово въ устахъ, это означаетъ, что всѣ твари, происшедшія единственно чрезъ слово, какъ то: звѣри, птицы, рыбы, гады, зелень и трава, а также деревья и кустарники, слагаются изъ всего тѣла злыми и добрыми; и что во всѣхъ нихъ будетъ пребывать и гнѣвное, поврежденное качество, а также и любовь Божія, и однако все будетъ подвижно духомъ любви; и обѣ стороны будутъ тереться между собою, и давить и нажимать другъ на друга.

107. И чрезъ это во многихъ тваряхъ такъ жестоко разгорится огонь гнѣва, что все тѣло вмѣстѣ съ духомъ составитъ въ аду одинъ вѣчный салиттеръ гнѣва.

108. Ибо духъ, рождающійся въ сердцѣ, принужденъ въ тѣлѣ своемъ двигаться посреди вратъ ада, и весьма легко можетъ возжечься; это словно дерево и огонь: если не польешь водой, загорится.

109. О человѣкъ! ты не былъ сотворенъ вмѣстѣ съ звѣрями чрезъ слово изъ зла и добра; если бы ты только не вкусилъ отъ зла и добра, то не было бы въ тебѣ огня гнѣва: но такъ и ты добылъ себѣ животное тѣло; да смилуется нынѣ любовь Божія, это свершилось!

110. А что по составленіи слова въ терпкомъ и горькомъ качествахъ въ задней части нѣба надъ языкомъ ротъ широко раскрывается, и вмѣстѣ съ тѣмъ исходитъ къ устамъ собранный духъ, родившійся изъ сердца, а также изъ терпкаго и горькаго качествъ,—это означаетъ, что твари будутъ жить въ великой скорби и превратности, и не смогутъ породить себя посредствомъ одного тѣла, но посредствомъ двухъ.

111. Ибо терпкое и горькое качества отнимают у духа изъ сердца силу, и заражаются ею: вотъ почему природа такъ ослабѣла нынѣ въ духѣ сердца, и не въ состояніи болѣе воздвигнуть собственное внутреннее рожденіе сердца; и поэтому природа сотворила женщину и мужчину.

112. И это означаетъ также злую и добрую волю во всей природѣ, а равно и во всѣхъ тваряхъ; и что отнынѣ будетъ непрестанная борьба, битва и умерщвленіе, отъ чего сей міръ зовется поистинѣ долиною скорби, исполненною крестной муки, преслѣдованій, усилій и труда. Ибо когда духъ творенія вступилъ въ среду, онъ привужденъ былъ слагать твореніе посреди царства ада.

113. И такъ какъ самое внѣшнее рожденіе въ природѣ двойственно, то есть, зло и добро, то отсюда непрестанная пытка, гнеть, скорбь и стонъ, и всѣ твари привуждены въ сей жизни претерпѣвать мученія, и сей злой міръ зовется по справедливости смертнымъ рвомъ діавола.

114. А что терпкій и горькій духъ въ задней части нѣба на языкѣ остается на своемъ престолѣ, и посылаетъ лай свой чрезъ слово къ устамъ, и однако можетъ сдвинуться оттуда, это означаетъ, что хотя діаволь, какъ и гнѣвъ Божій, будетъ господствовать во всѣхъ тваряхъ, однако не будетъ имѣть въ нихъ полной власти, и будетъ вынужденъ оставаться въ своей темницѣ, и лаять на всѣхъ тварей, и мучить ихъ, но не побѣждать; если только онѣ сами по собственной волѣ не захотятъ остаться въ его мѣстѣ.

115. Подобно какъ кроткій духъ сердца проникаетъ сквозь терпкое и горькое качества, и побѣждаетъ ихъ, и хотя и заражается терпкимъ и горькимъ духомъ, однако проходитъ насквозь какъ побѣдитель; но если бы захотѣлъ добровольно остаться въ аду въ терпкомъ и горькомъ духахъ, и отдаться въ плѣнъ, а не сражаться, то вина была бы его;

116. Такъ бываетъ и съ тѣми тварями, которыя постоянно хотятъ лишь сѣять и пожинать въ адскомъ огнѣ, особенно же съ человѣкомъ, который живетъ въ постоянномъ вожделѣніи гордости, жадности, зависти и гнѣва, и не хочетъ ни разу побороться и сразиться съ ними. духомъ и огнемъ любви; онъ

самъ навлекаетъ на себя гнѣвъ Божій и пылающій адскій огонь на тѣло и душу.

117. А что языкъ такъ жестоко прижимается къ нижнему нѣбу, когда вырывается слово, это знаменуетъ душевнаго духа тварей, въ особенности человѣка. Слово, которое собирается въ верхнемъ нѣбѣ, и качествуетъ совмѣстно съ терпкимъ и горькимъ духами, знаменуетъ семь духовъ природы или звѣздное рожденіе, въ которомъ господствуетъ діаволь, и гдѣ Духъ Святой противится ему, и побѣждаетъ діавола.

118. Языкъ же знаменуетъ душу, которая порождается семью духами природы, и есть ихъ сынъ; и когда семь духовъ чего-нибудь хотятъ, языкъ принужденъ двигаться по ихъ волѣ, и содѣйствовать имъ.

119. Если только звѣздные духи не становятся лживыми, и не начинаютъ любодѣйствовать съ діаволомъ, они прячутъ душевнаго духа, и хранятъ его сами въ своихъ узахъ въ плѣну, какъ сокровище, когда сражаются съ діаволомъ; подобно какъ они прячутъ языкъ, когда борются съ терпкимъ и горькимъ качествами, какъ свою лучшую драгоценность.

120. Вотъ тебѣ краткое и все-же правдивое наставленіе о томъ словѣ, которое произнесъ Богъ, въ познаніи духа точно написанное, и согласно моимъ дарованіямъ и ввѣренному мнѣ таланту точно сообщенное.

121. Теперь спрашивается: что же сказалъ Богъ? Онъ сказалъ: Да будетъ свѣтло, и стало свѣтло (Быт. 1,3).

122. Глубина: свѣтъ произошелъ изъ самаго внутренняго рожденія, и снова зажегъ самое внѣшнее.

123. Замѣть: онъ снова сообщилъ самому внѣшнему природный, свойственный ему свѣтъ. Ты не долженъ думать, что свѣтъ солнца и природы и есть сердце Божіе, свѣтящее въ сокровенномъ. Нѣтъ, ты не долженъ поклоняться природному свѣту: онъ не сердце Божіе, но лишь зажженный свѣтъ въ природѣ, сердце и сила котораго состоятъ въ тучности сладкой воды; и всѣхъ прочихъ духовъ въ третьемъ рожденіи, ихъ не называютъ Богомъ, хотя они рождены въ Богѣ и изъ Бога, однако они лишь дѣло рукъ Его, которое не можетъ досяг-

нуть назадъ въ глубочайшее рожденіе и охватить ясное Божество, подобно какъ плоть не можетъ постигнуть душу.

124. Но это не должно быть понято такъ, будто Божество тѣмъ самымъ отдѣлено отъ природы; нѣтъ, но они — какъ тѣло и душа: природа есть тѣло, сердце Божіе есть душа.

125. Теперь кто - нибудь спросить: какой же это свѣтъ былъ зажженъ тогда? Было ли то солнце или звѣзды? Нѣтъ: солнце и звѣзды были сотворены лишь на четвертый день изъ этого самаго свѣта; нѣкій свѣтъ возшелъ въ семи духахъ природы, не имѣвшій собственнаго мѣста или престола, но сіявшій повсюду, однако не ярко, подобно солнцу, но подобно небесной лазури, и свѣтло по роду источныхъ духовъ, пока не послѣдовало затѣмъ настоящее сотвореніе и зажженіе огня въ водѣ въ терпкомъ духѣ вмѣстѣ съ солнцемъ.

О СОТВОРЕННОМЪ НЕБѢ И ОБЪ ОБРАЗѢ ЗЕМЛИ И
ВОДЫ, А ТАКЖЕ О СВѢТѢ И ТЪМѢ.

О НЕБѢ.

Истинное небо, которое есть наше человѣческое собственное небо, куда отходить душа, разлучаясь съ тѣломъ (и куда отошелъ царь нашъ Христосъ, и откуда онъ пришелъ и родился отъ своего отца, и сталъ человѣкомъ во чревѣ дѣвы Маріи), до сей поры было весьма скрыто отъ сыновъ человѣческихъ, и о немъ высказывались различныя мнѣнія.

2. Ссорились изъ за него и ученые въ своихъ многихъ странныхъ писаніяхъ, и таскали другъ друга за волосы, осыпая насмѣшками и поношеніями; и тѣмъ безчестили святое имя Божіе, и ранили Его члены, и разоряли храмъ Его, и оскверняли святое небо этими хуленіями и враждою.

3. Всегда и всюду люди полагали, что небо отстоитъ отъ сей поверхности земли на много сотъ или тысячъ миль, и Богъ обитаетъ одинъ въ этомъ небѣ; и нѣкоторые физики осмѣлились даже мѣрить эту высоту, и сочинили диковинныя вещи.

4. Хотя и самъ я, прежде этого моего познанія и откровенія Божія, также считалъ, что единственное настоящее небо и есть то, которое замыкается высоко надъ звѣздами свѣтлоголубою круглою окружностью, и думалъ, что Богъ пребываетъ тамъ одинъ своимъ особымъ существомъ, и править въ семь мірѣ только лишь силою своего Святого Духа.

5. Когда же это причинило мнѣ немало тяжелыхъ ударовъ, исходящихъ, безъ сомнѣнія, отъ духа, имѣвшаго склонность ко мнѣ, я впалъ, наконецъ, въ жестокою меланхолію и печаль, созерцая великую глубину сего міра, а также солнце

и звѣзды, равно и облака, къ тому же дождь и снѣгъ, и разсматривая въ духѣ моемъ все твореніе сего міра.

6. Ибо во всѣхъ вещахъ находилъ я злое и доброе, любовь и гнѣвъ: въ неразумныхъ тваряхъ, какъ то: въ деревѣ, въ камняхъ, землѣ и стихіяхъ, равно какъ и въ человѣкѣ и въ звѣряхъ.

7. А также взиралъ я и на малую искорку человѣка, какое могла бы она имѣть значеніе предъ Богомъ по сравненію съ этимъ великимъ зданіемъ неба и земли.

8. Но такъ какъ я находилъ, что во всѣхъ вещахъ было злое и доброе, въ стихіяхъ равно какъ и въ твари, и что въ семъ мірѣ безбожному жилось такъ же хорошо, какъ и благочестивому, а также что лучшими странами владѣли варварскіе народы, и что счастье благопріятствовало имъ еще лучше, нежели благочестивымъ;

9. То это ввергло меня въ совершенную меланхолію и сильную печаль, и не могло меня утѣшить никакое Писаніе, которое было мнѣ однако весьма хорошо знакомо; причемъ, конечно, не оставался празднымъ и діаволъ, нерѣдко внушавшій мнѣ языческія мысли, о которыхъ я здѣсь умолчу.

10. Когда же въ такой печали духъ мой (о которомъ я тогда мало или ничего не разумѣлъ, что онъ такое) рѣшительно воздвигся къ Богу какъ бы съ великою бурей, и все мое сердце и весь умъ со всѣми прочими мыслями и со всею волею сосредоточились на томъ, чтобы неотступно бороться съ любовью и милосердіемъ Божіимъ и не отступать, пока Онъ не благословитъ меня, то есть, не просвѣтитъ меня своимъ Святымъ Духомъ, чтобы я могъ уразумѣть Его волю, и избавиться отъ моей печали: тогда духъ мой пробился.

11. Когда я въ упорномъ рвеніи моемъ такъ жестоко наступалъ противъ Бога и противъ всѣхъ вратъ адовыхъ, какъ если бы силъ моихъ было еще больше, въ готовности положить свою жизнь (чего я, конечно, не былъ бы въ состояніи сдѣлать безъ содѣйствія Святого Духа Божія), то вскорѣ, послѣ нѣсколькихъ жестокихъ боевъ, духъ мой пробился сквозь врата адовы до самаго внутренняго рожденія Божества, и былъ

тамъ объять любовью, какъ женихъ обнимаетъ возлюбленную невѣсту свою.

12. Каково же было ликованіе въ духѣ, я не могу ни описать, ни высказать: и это не можетъ быть сравнено ни съ чѣмъ, какъ лишь когда посреди смерти рождается жизнь; еще можно сравнить это съ воскресеніемъ изъ мертвыхъ.

13. Въ этомъ свѣтѣ духъ мой вскорѣ проникъ зрѣніемъ все, и во всѣхъ тваряхъ, а также въ зелени и травѣ, позналъ Бога, кто Онъ есть, и какъ Онъ есть, и какова Его воля: и вскорѣ въ томъ же свѣтѣ выросла и моя воля въ великомъ побужденіи описать существо Божіе.

14. Но такъ какъ я не былъ въ состояніи тотчасъ же охватить глубокія рожденія Божіи въ ихъ существѣ, и постигнуть ихъ въ моемъ разумѣ, то прошло добрыхъ 12 лѣтъ, пока было дано мнѣ истинное разумѣніе; и было съ нимъ, какъ съ молодымъ деревомъ, посаженнымъ въ землю: сначала оно молодо и нѣжно, и пріятно на видъ, въ особенности если оно хорошо принялось расти; но оно не тотчасъ же приноситъ плоды, и хотя бы зацвѣло, цвѣты опадаютъ; и не мало пройдетъ надъ нимъ холодныхъ вѣтровъ, морозовъ и снѣговъ, прежде чѣмъ оно вырастетъ и начнетъ приносить плодъ.

15. Такъ было и съ этимъ духомъ: первый огонь былъ лишь сѣменемъ, а не пребывающимъ свѣтомъ; не мало холодныхъ вѣтровъ пронеслось надъ нимъ съ той поры, но воля никогда не угасала.

16. Это дерево нерѣдко также испытывало себя, не можетъ ли оно принести плодъ, и покрывалось цвѣтами, но до сей поры цвѣты сбивались съ дерева вѣтромъ: вотъ оно возвращаетъ нынѣ свой первый плодъ.

17. Отъ этого свѣта получилъ я мое познаніе, а также мою волю и побужденіе; и хочу описать это познаніе, сообразно моимъ дарованіямъ, и предоставить дѣйствовать Богу, хотя бы я привелъ въ гнѣвъ этимъ міръ, діавола и всѣ врата адовы, и хочу выждать, каково въ этомъ дѣлѣ намѣреніе Бога. Ибо я слишкомъ слабъ, чтобы узнать Его предначертанія, хотя духъ и даетъ познать въ свѣтѣ кое-что изъ будущихъ вещей, однако

и еще слишкомъ слабъ, по своему внѣшнему человѣку, чтобы постигать ихъ.

18. Но душевный духъ, который качествуетъ совмѣстно съ Богомъ, онъ постигаетъ ихъ ясно, животному же тѣлу достается лишь бѣглый взглядъ на нихъ, какъ если бы сверкнула молнія: ибо такъ бываетъ съ самымъ внутреннимъ рожденіемъ души, когда, возносимое Святымъ Духомъ, оно прорывается сквозь самое внѣшнее рожденіе, сквозь врата ада; но самое внѣшнее рожденіе вскорѣ снова затворяется: ибо гнѣвъ Божій держитъ его въ плѣну, въ своей власти, подъ крѣпкимъ запоромъ.

19. И тогда исчезаетъ познаніе самага внѣшняго человѣка, и онъ ходитъ въ своемъ печальномъ и скорбномъ рожденіи, какъ чреватая женщина, къ которой подступаютъ боли, и которая хотѣла бы родить, и однако не можетъ, и непрестанно мучается.

20. Такъ бываетъ и съ животнымъ тѣломъ: вкусивъ однажды отъ Божественной сладости, оно непрестанно алчетъ и жаждетъ по ней; но діаволь, въ силу гнѣва Божія, успѣшно обороняется; и человѣкъ на этомъ пути принужденъ всегда оставаться лишь въ скорбномъ рожденіи, и нѣтъ ничего въ его рожденіяхъ, кромѣ сраженій и битвъ.

21. Я написалъ это не въ похвалу себѣ, но въ утѣшеніе читателю: если возбудится въ немъ, быть можетъ, охота идти вмѣстѣ со мною по моему узкому мостку, чтобы онъ не приходилъ такъ скоро въ отчаяніе, когда встрѣтятся ему и попадутъ на глаза врата ада и гнѣва Божія.

22. Когда мы вмѣстѣ пройдемъ этимъ узкимъ мосткомъ плотского рожденія на тотъ зеленый лугъ, куда не достигаетъ гнѣвъ Божій, тогда возрадуемся этимъ перенесеннымъ бѣдствіямъ, хотя бы и пришлось намъ быть нынѣ посмѣшищемъ міра, и дозволятъ діаволу въ силу гнѣва Божія бушевать надъ нами: это ничего не значитъ; это еще лучше будетъ къ лицу намъ въ оной жизни, нежели если бы въ этой мы носили царскій вѣнецъ: ибо весьма скоротечно это время, и не стоитъ того, чтобы называть его временемъ.

23. Теперь замѣть: когда мы собираемъ свои мысли о небѣ, что есть небо, или гдѣ оно, или какъ оно? то не надо

тебѣ заноситься мыслями за много тысячъ миль отсюда: ибо это мѣсто или небо не есть твое небо. И хотя бы оно было связано съ твоимъ небомъ, какъ тѣло, и оно, дѣйствительно, есть лишь тѣло Божіе, однако ты сталъ тварью не въ томъ мѣстѣ, которое за много сотъ тысячъ миль, но въ небѣ сего міра, вмѣщающемъ въ себѣ и такую глубину, которая не есть человѣческое число.

24. Ибо истинное небо повсюду, также и въ томъ мѣстѣ, гдѣ ты стоишь или идешь: когда духъ твой постигаетъ самое внутреннее рожденіе Божіе, и пробивается сквозь звѣздное и плотское, то онъ уже на небѣ.

25. И это неопровержимая истина, что во всѣхъ трехъ рожденіяхъ надъ глубиною сего міра есть чистое, прекрасное небо, въ которомъ весьма свѣтло, прекрасно и радостно восходитъ существо Божіе вмѣстѣ со святыми ангелами, и тотъ не родился отъ Бога, кто сталъ бы отрицать это.

26. Но ты долженъ вѣдать, что мѣсто сего міра своимъ самымъ внутреннимъ рожденіемъ характеризуется совместно съ небомъ надъ нами, и есть единое сердце, единое существо, единая воля, единый Богъ, все во всемъ. А что мѣсто сего міра не зовется небомъ, и что существуетъ затворъ между верхнимъ небомъ надъ нами, вотъ какой это имѣетъ смыслъ:

27. Верхнее небо обнимаетъ два царства Миха-Эля и Урі-Эля и всѣхъ святыхъ ангеловъ, которые не пали вмѣстѣ съ Люциферомъ; и это небо осталось, какъ оно было отъ вѣчности, прежде сотворенія ангеловъ.

28. Другое небо есть сей міръ, въ которомъ царемъ былъ Люциферъ; онъ зажегъ самое внѣшнее рожденіе въ природѣ, и вотъ теперь оно есть гнѣвъ Божій, и не можетъ быть названо Богомъ или небомъ, но погибелью.

29. Потому и затворяется верхнее небо въ своемъ самомъ внѣшнемъ рожденіи до тѣхъ предѣловъ, до какихъ достигаетъ гнѣвъ Божій, и до какихъ простиралось правленіе Люцифера: ибо поврежденное рожденіе не можетъ постигать чистаго.

30. Это значитъ, что самое внѣшнее рожденіе сего міра не можетъ постигать самаго внѣшняго рожденія неба надъ мі-

ромъ: ибо они другъ предъ другомъ, какъ жизнь и смерть, или какъ человекъ и камень другъ предъ другомъ.

31. Вотъ почему крѣпчайшій затворъ между самымъ внѣшнимъ рожденіемъ верхняго неба и симъ міромъ. Ибо твердь между ними есть смерть, господствующая во всѣхъ концахъ въ самомъ внѣшнемъ рожденіи въ семъ мірѣ; ею и затворенъ сей міръ, такъ что самое внѣшнее рожденіе верхняго неба не можетъ сойти въ самое внѣшнее рожденіе сего міра: между ними великая пропасть.

32. И вотъ почему мы не можемъ видѣть ангеловъ въ нашемъ самомъ внѣшнемъ рожденіи, и ангелы не могутъ также обитать у насъ въ самомъ внѣшнемъ рожденіи сего міра; въ самомъ внутреннемъ же они обитаютъ у насъ. И когда мы сражаемся съ діаволомъ, они задерживаютъ его удары въ самомъ внутреннемъ рожденіи, и суть защита святыхъ душъ. И потому не можемъ мы видѣть или постигать ангеловъ, что самое внѣшнее рожденіе ихъ тѣль непостижимо для самага внѣшняго рожденія сего міра.

33. Второе рожденіе сего міра состоитъ въ жизни: ибо это есть звѣздное рожденіе, изъ котораго рождается третье и святое рожденіе, и въ которомъ борятся между собою любовь и гнѣвъ. Ибо второе рожденіе состоитъ въ семи источныхъ духахъ сего міра, и оно таково во всѣхъ концахъ и во всѣхъ тваряхъ, а равно и въ человекѣ; но вотъ Духъ Святой господствуетъ также и во второмъ рожденіи, и помогаетъ родить третье, святое, рожденіе.

34. Третье же рожденіе есть ясное и святое небо, которое качествуетъ совмѣстно съ сердцемъ Божіимъ внѣ и превыше всѣхъ небесъ, какъ сердце: оно и есть также сердце, которое держитъ и несетъ сей міръ, и держитъ въ плѣну діавола въ самомъ внѣшнемъ рожденіи въ огнѣ гнѣва, какъ всемогущій, непостижимый Богъ.

35. И изъ этого сердца сошелъ ИСУСЪ ХРИСТОСЪ, Сынъ Божій, въ чрево Дѣвы Маріи во всѣ три рожденія, и истинѣ, взялъ ихъ на себя, чтобы своимъ самымъ внутреннимъ рожденіемъ, и чрезъ него, плѣнить діавола, смерть и адъ въ самомъ внѣшнемъ рожденіи, и побѣдить гнѣвъ Божій, какъ

царь и князь побѣды, и проникнуть во всѣхъ людей въ силу своего рожденія во плоти.

36. И чрезъ такое вхожденіе самаго внутренняго рожденія небеснаго сердца сего міра въ рожденіе звѣздное и самое внѣшнее сталъ ИИСУСЪ ХРИСТОСЪ, Сынъ Божій и Маріи, господиномъ и царемъ этого неба нашего и земли, господствующимъ во всѣхъ трехъ рожденіяхъ надъ грѣхомъ, діаволомъ, смертию и адомъ: а съ нимъ проникаемъ и мы сквозь грѣховное, поврежденное и самое внѣшнее мертвое рожденіе плоти, сквозь смерть и сквозь гнѣвъ Божій, въ наше небо.

37. Въ этомъ небѣ возсѣдаетъ нынѣ царь нашъ ИИСУСЪ ХРИСТОСЪ, одесную Бога, и объемлетъ всѣ три рожденія, какъ всемогущій Сынъ Отца, и во всѣхъ трехъ рожденіяхъ и чрезъ нихъ присутствуетъ во всѣхъ пространствахъ и мѣстахъ въ семь мірѣ, и все объемлетъ, держитъ и несетъ, какъ ново рожденный Сынъ Отца, въ силѣ и на престолѣ нѣкогда высоко-могущественнаго, нынѣ же изгнаннаго, проклятаго и осужденнаго царя Люцифера, діавола.

38. Поэтому не будь такъ боязливъ, человѣкъ, и не отчайвайся: когда въ твоёмъ рвеніи и усердіи сѣешь ты сѣмя твоихъ слезъ, то ты сѣешь его не на землю, но въ небо: ибо ты сѣешь въ твоёмъ звѣздномъ рожденіи, и пожинаешь въ душевномъ, а владѣешь и наслаждаешься имъ въ царствѣ небесномъ.

39. Пока ты живешь въ семь боевомъ рожденіи, тебѣ приходится гнуться, и позволять діаволу ѣздить на тебѣ: но на жестокиѣ удары его отвѣчай ему такими же, если хочешь обороняться. Ибо сражаясь противъ него, ты разгребаешь ему огонь гнѣва, и раззоряешь его гнѣздо; это бываетъ тогда словно большое возмущеніе, словно ты даешь ему жестокое сраженіе.

40. И хотя бы тѣлу твоему и было нѣсколько больно, однако діаволу приходится гораздо хуже, когда онъ бываетъ побѣжденъ; онъ рычитъ тогда, какъ левъ, у котораго похитили его дѣтенышей, ибо ярость и гнѣвъ Божій мучаютъ его; если же ты окажешь ему пріютъ, онъ станетъ тученъ и похотливъ, и побѣдитъ тебя со временемъ.

41. Вотъ тебѣ и правдивое описаніе неба: и хотя бы ты и не могъ обнять его твоимъ разумомъ, все же я его весьма хорошо обнимаю; поразмысли же разумно о томъ, что есть Богъ.

42. Ты не видишь въ семь мірѣ ничего, кромѣ глубины, и въ ней звѣздъ и рожденія стихій: скажешь ли ты теперь, что тамъ нѣтъ Бога? милый, но что же было въ этомъ мѣстѣ прежде временъ міра? Если ты скажешь, что ничего, то ты говоришь неразумно; ты долженъ сказать, что тамъ былъ Богъ, иначе тамъ ничего бы не возникло.

43. Если же былъ тамъ Богъ, то кто же изгналъ или побѣдилъ Его, что Его тамъ больше нѣтъ? Если же Богъ тамъ, то Онъ тамъ въ своемъ небѣ, и къ тому же въ своей Троицѣ.

44. Но діаволь зажегъ баню гнѣва, отъ чего возникли земля и камни, и стихіи стали такими подвижными, къ тому же такими холодными, горькими и жгучими, и умертвилъ самое внѣшнее рожденіе.

45. Объ этомъ-то и вся рѣчь, и все мое намѣреніе описать, какъ оно снова стало живымъ, и снова рождается: отъ того и въ тваряхъ возникла животная плоть; грѣхъ же въ плоти есть гнѣвъ Божій.

46. Во-вторыхъ, вопросъ и рѣчь въ этой книгѣ о томъ, куда же дѣнется гнѣвъ Божій? На это духъ даетъ отвѣтъ, что въ концѣ срока `сего поврежденнаго времени рожденія, по воскресеніи мертвыхъ, діаволу отведено будетъ въ собственность и въ домъ гнѣва то мѣсто или пространство, гдѣ нынѣ стоитъ земля; и однако не всѣ три рожденія насквозь, но лишь самое внѣшнее, въ которомъ онъ находится нынѣ: самое же внутреннее будетъ держать его въ плѣну въ своей власти, и сдѣлаетъ его подножіемъ ногъ своихъ; и онъ вовѣки не сможетъ ни охватить, ни коснуться его.

47. Ибо это не значитъ, что огонь гнѣва будетъ потушенъ и перестанетъ существовать; иначе и діаволы должны были бы снова сдѣлаться святыми ангелами, и жить въ святомъ небѣ; если же не такъ, то пріютомъ ихъ должна стать какая-нибудь дыра въ семь мірѣ.

48. Если бы только открылись глаза у человѣка, онъ вездѣ увидѣлъ бы Бога въ Его небѣ, ибо небо въ самомъ внутрен-

немъ рожденіи. Къ тому же, когда Стефанъ увидѣлъ небо отверстымъ и Господа Іисуса одесную Бога (Дѣян. 7, 55), духъ его не возносился сначала въ верхнее небо, но проникъ въ самое внутреннее рожденіе, гдѣ небо во всѣхъ концахъ.

49. И ты не долженъ также думать, будто Божество такое существо, которое пребываетъ лишь въ верхнемъ небѣ, и душа наша, разлучаясь съ тѣломъ, возносится на верхнее небо за много сотъ тысячъ миль: въ этомъ нѣтъ никакой нужды, но она водворяется въ самое внутреннее рожденіе; тамъ она у Бога, и въ Богѣ, и у всѣхъ святыхъ ангеловъ, и можетъ переноситься и вверхъ и внизъ, и ничто не задерживаетъ ее.

50. Ибо въ самомъ внутреннемъ рожденіи Верхнее Божество и Нижнее суть единое тѣло, единыя отверстыя врата: святые ангелы прогуливаются какъ въ самомъ внутреннемъ рожденіи сего міра у царя нашего Іисуса Христа, такъ и въ верхнемъ въ своей области.

51. И гдѣ же душа человѣка желала бы лучше быть, какъ не у своего царя и искупителя Іисуса Христа! Ибо въ Богѣ далекое и близкое суть какъ единая вещь, единая постижимость, всюду Отецъ, Сынъ и Духъ Святой.

52. Врата Божества въ верхнемъ небѣ не иныя, и не болѣе свѣтлыя, нежели въ семъ мірѣ: и гдѣ могла бы быть большая радость, какъ не въ томъ мѣстѣ, гдѣ ежечасно приходятъ къ Христу прекрасные, возлюбленные новорожденные дѣти и ангелы, пробившіеся въ жизнь сквозь смерть? они сумѣютъ, конечно, рассказать о многихъ битвахъ; и гдѣ же могла бы быть большая радость, какъ не тамъ, гдѣ посреди смерти непрерывно рождается жизнь?

53. Вѣдь каждая душа приноситъ съ собою новое торжество, и нѣтъ тамъ ничего, кромѣ однихъ только радостныхъ добропожеланій и привѣтствій. Подумай, когда души дѣтей приходятъ къ родителямъ, которые породили ихъ въ своемъ тѣлѣ, развѣ не бываетъ тамъ небо? Или ты полагаешь, что я пишу слишкомъ по - земному? Когда ты подойдешь къ этому окну, ты не скажешь, что это по - земному; хотя я и принужденъ пользоваться земнымъ языкомъ, однако за нимъ истинный

небесный смыслъ, котораго я не могу ни описать, ни высказать въ моемъ самомъ внѣшнемъ рожденіи.

54. Я хорошо знаю, что слово о трехъ рожденіяхъ не во всякомъ сердцѣ сможетъ быть постигнуто, въ особенности когда сердце чрезмѣрно погрязло въ плоти, и затворено самымъ внѣшнимъ рожденіемъ. Но я не могу представить это иначе, ибо это такъ: и хотя бы то, что я пишу, было чистымъ духомъ, какъ оно поистинѣ и есть, однако сердце, какъ я вижу, пойметъ только плоть.

ОБЪ ОБРАЗЪ ЗЕМЛИ.

55. Хотя много писателей писало, что небо и земля сотворены изъ ничего, однако меня беретъ удивленіе, что среди столькихъ отличныхъ мужей не нашлось ни одного, который бы могъ описать истинное основаніе; ибо вѣдь тотъ же Богъ, который нынѣ, былъ и отъ вѣчности.

56. Гдѣ ничего нѣтъ, тамъ ничего и не бываетъ; всякая вещь должна имѣть свой корень, иначе ничего не вырастаетъ: если бы семь духовъ природы не были отъ вѣчности, то не возникло бы ни ангела, ни неба, ни земли.

57. Земля же возникла изъ поврежденнаго салиттера въ самомъ внѣшнемъ рожденіи, ты не можешь отрицать этого. Когда ты глядишь на землю и камни, то долженъ же ты сказать, что въ нихъ есть смерть; и въ свой чередъ ты долженъ также сказать, что въ нихъ есть жизнь; иначе въ нихъ не росло бы ни золота, ни серебра, а также ни зелени, ни травы.

58. Теперь кто-нибудь спроситъ: но есть ли въ нихъ также и всѣ три рожденія? Да, жизнь пробивается сквозь смерть: самое внѣшнее рожденіе есть смерть; второе есть жизнь, состоящая въ огнѣ гнѣва и въ любви; третье есть святая жизнь.

59. Наставленіе. Внѣшняя земля есть горькій смрадъ, и она мертва, это понимаетъ всякій человѣкъ. Салиттеръ же умерщвленъ былъ гнѣвомъ: ибо ты не можешь отрицать, что въ землѣ есть гнѣвъ Божій; иначе она не была бы такой терпкой, горькой, кислой и ядовитой, а также и не рождала бы такихъ ядовитыхъ злыхъ гадовъ. Если же ты скажешь, что

Богъ сотворилъ ее такою по своему предназначенію, то ты этимъ скажешь, что Богъ самъ есть злоба.

60. Лучше скажи мнѣ, почему же діаволь былъ изгнанъ? Ты конечно скажешь, что за свою гордость, за то что онъ захотѣлъ быть выше Бога. Но угадай, мой другъ, какимъ образомъ? какая у него была власть? Скажи теперь, если ты что-нибудь знаешь? если же ничего не знаешь, то молчи и слушай.

61. Онъ возсѣдалъ въ салиттерѣ земли прежде временъ творенія, когда салиттеръ былъ еще легокъ, и состоялъ въ небесномъ святомъ рожденіи, и былъ во всемъ царствѣ сего міра: онъ былъ тогда не землею и камнями, но небеснымъ сѣменемъ, рожденнымъ изъ семи источныхъ духовъ природы: ибо въ немъ восходили небесные плоды и образы, что было сладостною пищею ангеловъ.

62. Но когда въ немъ возгорѣлся гнѣвъ, то онъ пораженъ былъ смертию: но это не такъ надо понимать, что онъ сталъ вовсе мертвъ; ибо какъ можетъ въ Богѣ что-нибудь вовсе умереть, что имѣло жизнь свою отъ вѣчности? но самое внѣшнее рожденіе сгорѣло, замерзло, потонуло и застыло.

63. Но второе рожденіе снова рождаетъ жизнь въ самомъ внѣшнемъ; и третье рождается между первымъ и вторымъ, то есть, между небомъ и адомъ, посреди огня гнѣва, и духъ прорывается сквозь огонь гнѣва, и рождаетъ святую жизнь, стоящую въ силѣ любви.

64. И въ этомъ самомъ рожденіи воскреснутъ мертвые, тѣ, что посѣяли сеятое сѣмя; тѣ же, что сѣяли въ огнѣ гнѣва, въ огнѣ гнѣва и воскреснутъ. Ибо земля станетъ снова живою, разъ Божество возродило ее вновь во Христѣ, чрезъ Его плоть, и вознесло одесную Бога; огонь гнѣва же остается въ своемъ рожденіи.

65. Если же ты скажешь, что нѣтъ жизни въ землѣ, то ты говоришь слѣпо: развѣ ты не видишь, какъ растеть изъ нея зелень и трава. Но если ты скажешь, что у нея лишь одного рода рожденіе, то ты также говоришь слѣпо: ибо зелень и древесина, растущія изъ нея, не суть земля; также и плодъ на деревѣ не есть древесина; также и сила плода не есть Богъ; но Богъ сокрытъ въ средоточіи въ самомъ внутреннемъ рожде-

ніи, во всѣхъ трехъ природныхъ рожденіяхъ, и познается не иначе, какъ лишь въ человѣческомъ духѣ; такимъ образомъ внѣшнее рожденіе въ плодѣ не можетъ ни охватить, ни удержать Его, но Онъ содержитъ самое внутреннее рожденіе плода, и образуетъ его.

66. Второй вопросъ: Почему же тогда земля такъ гориста, камениста и неровна? Горы стали такими при стяженіи воедино салиттера: ибо въ одномъ мѣстѣ было больше поврежденнаго салиттера, нежели въ другомъ, сообразно тому, какъ стояло колесо Божіе съ составлявшими его въ ту пору источными духами.

67. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ первенствовала въ колесѣ Божіемъ сладкая вода, тамъ образовалось много земной постижимой воды; а гдѣ первенствовало терпкое качество въ горечи въ меркуріи, тамъ возникло много земли и камней; гдѣ же первенствовали въ свѣтѣ зной, тамъ возникло много серебра и золота, а также иные прекрасные камни въ молніи свѣта; въ особенности же гдѣ первенствовала въ свѣтѣ любовь, тамъ образовались драгоценнѣйшіе камни и наилучшее золото.

68. Когда же глыба земли сжалась воедино, изъ нея выдавилась вода; тамъ же, гдѣ терпкое качество стиснуло ее твердыми скалами, она осталась еще въ землѣ, и за это время размягчила ее, и продѣлала нѣсколько большихъ отверстій для своего прохода.

69. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ большія моря и озера, тамъ вода имѣла надъ этимъ полюсомъ первенство; и такъ какъ тамъ оказывалось не много салиттера, то въ землѣ образовывалась какъ бы долина, въ которой и оставалась вода.

70. Ибо жадная вода ищетъ долины, и она есть смиреніе жизни, и не возстаетъ, какъ это сдѣлали терпкое, горькое и огненное качества въ діавольскихъ тваряхъ.

71. Потому она всегда отыскиваетъ самыя низкія мѣста на землѣ: это знаменуетъ поистинѣ духа кротости, въ которомъ рождается жизнь, какъ ты можешь прочесть при сотвореніи человѣка, а также выше при описаніи ея вида.

72. Все Божество со всѣми силами и дѣйствіями, со всѣмъ Его настоящимъ существомъ, а равно и Его восхожденіе, проицаніе и измѣненіе, то есть, весь составъ или всерожденіе, все это объемлетъ въ духѣ слова.

73. Въ какой соразмѣрности или въ какомъ настоящемъ рожденіи качествъ духъ собираетъ и образуетъ слово, и съ нимъ исходитъ, точно такое же настоящее рожденіе, проицаніе, восхожденіе, бореніе и такая же побѣда бываетъ и въ природѣ.

74. Ибо когда человѣкъ впалъ въ грѣхъ, онъ изъ самаго внутренняго рожденія перемѣщенъ былъ въ два другія, которыя скоро охватили его, и стали характеризовать совмѣстно съ нимъ и въ немъ, какъ въ своей собственности; и человѣкъ тотчасъ же принялъ духа и всѣ рожденія звѣзднаго, а также и самаго внѣшняго рожденія.

75. Потому онъ и произноситъ теперь всѣ слова сообразно настоящему рожденію природы; ибо духъ человѣческій (который состоитъ въ звѣздномъ рожденіи, и характеризуется совмѣстно со всею природою, и есть самъ какъ бы вся природа) образуетъ слово сообразно настоящему рожденію.

76. Когда онъ что-нибудь видитъ, онъ даетъ тому имя сообразно его характеризованію: но чтобы это сдѣлать, ему надо и самому сложить себя въ такой же образъ, и родиться со своимъ звукомъ такъ же, какъ рождается и та вещь, которую онъ хочетъ назвать; и здѣсь сокрыто ядро всего разумѣнія Божества.

77. Я не для того пишу это, и выпускаю въ свѣтъ, чтобы потомъ каждый могъ намарать вслѣдъ за мною, и выпустить въ свѣтъ догадки своего духа объ этомъ, и прокричать о нихъ, какъ о святыняхъ. Слушай, парень: для этого надо нѣчто большее: надо, чтобы душевный духъ твой характеризовалъ сначала совмѣстно съ самымъ внутреннимъ рожденіемъ въ Богѣ и пребывалъ въ свѣтъ, чтобы онъ хорошо зналъ звѣздное рожденіе, чтобы у него была отверстая дверь во всѣхъ рожденіяхъ: иначе ты опишешь не святую и истинную философію, а вшей и блохъ, и окажешься поносителемъ Бога.

78. Я уже и теперь подумываю, что дiаволь проѣдется здѣсь не съ однимъ на своемъ гордомъ конькѣ, и не одинъ отправится въ путь, не успѣвъ опоясаться; но я буду неповиненъ въ томъ. Ибо что я открываю здѣсь, я долженъ это сдѣлать, такъ какъ близко время прорыва. Кто будетъ теперь спать, того разбудитъ буря ярости: и вотъ, чтобы каждый могъ быть на стражѣ, хочу я здѣсь усердно возвѣстить все, сообразно волѣ и побужденію духа.

79. Замѣть: писатель Мойсей пишетъ, что Богъ отдѣлилъ свѣтъ отъ тьмы, и назвалъ свѣтъ днемъ, а тьму ночью; тогда изъ вечера и утра сталъ первый день (Быт. 1, 4, 5). Такъ какъ это слово вечеръ и утро совсѣмъ противно философіи и разуму, то надо полагать, что авторомъ его былъ не Мойсей; но что это было передано ему его предками, которые считали всѣ шесть дней творенія въ одной послѣдовательности, сотвореніе же Адама сохранили лишь въ темныхъ словахъ, и такъ передали потомкамъ.

80. Ибо вечеръ и утро не существовали прежде времени солнца и звѣздъ, которыя дѣйствительно и поистинѣ были сотворены лишь на четвертый день: что я и намѣренъ доказать на прочномъ основаніи при сотвореніи солнца и звѣздъ.

81. День же и ночь существовали; я объясню это здѣсь согласно моему познанію. Тебѣ придется здѣсь снова широко раскрыть глаза твоего духа, если ты хочешь понять это, иначе ты останешься слѣпъ.

82. Хотя доселѣ это великое дѣло оставалось скрытымъ для людей, но теперь (слава Богу) настаетъ, наконецъ, день: ибо наступаетъ утренняя заря; разверзающій самое внутреннее рожденіе показывается со своими красными, зелеными и бѣлыми знаменами на радугѣ въ самомъ внѣшнемъ рожденіи.

83. Замѣть: ты скажешь теперь: какъ же могли существовать день и ночь безъ утра и вечера? Утро и вечеръ бываютъ только на землѣ подъ луною, и берутъ начало свое отъ свѣта солнца; оно создаетъ вечеръ и утро, а также и внѣшній день и внѣшнюю темную ночь, это знаетъ всякій. Однако въ то время не было двойкаго творенія вечера и утра, но какъ начались вечера и утра, такъ и продолжались въ своемъ теченіи до сего дня.

84. Слово Tag (день) собирается въ сердцѣ, и исходитъ къ устамъ, и проходитъ дорогою терпкаго и горькаго качествъ, и не пробуждаетъ терпкаго и горькаго качествъ, но проходитъ наружу сквозь ихъ мѣсто, которое въ задней части нѣба надъ языкомъ, могущественно и весьма кротко, и не постижимо для терпкаго и горькаго качествъ.

85. Но когда оно достигаетъ языка, языкъ вмѣстѣ съ верхнимъ нѣбомъ закрываетъ ротъ; когда же духъ ударится о зубы, и хочетъ наружу, языкъ раскрываетъ ротъ, и хочетъ вырваться прежде слова, и дѣлаетъ какъ бы радостный прыжокъ изо рта.

86. Когда же слово прорвется, то ротъ широко раскрывается внутри, и слово собирается вторично со своимъ звукомъ позади терпкаго и горькаго качествъ, и пробуждаетъ ихъ какъ сонныхъ лѣнивцевъ во тьмѣ, и быстро выносятся наружу къ устамъ.

87. Тогда терпкое качество ропщетъ вослѣдъ ему, какъ сонный человѣкъ, пробужденный отъ сна; горькій же духъ, исходящій отъ молніи огня, остается лежать, и ничего не слышать, а также не движется. Все это поистинѣ великія вещи, и не такія ничтожныя, какъ думаетъ простецъ.

88. Теперь, что духъ собирается сначала въ сердцѣ, и незамѣченный проходитъ чрезъ всѣ стражи до языка, это означаетъ, что свѣтъ изъ сердца Божія пробился сквозь самое внѣшнее, поврежденное, яростное, мертвое, горькое и терпкое рожденіе въ природѣ сего міра, не постижимо для смерти и діавола вмѣстѣ съ гнѣвомъ Божиимъ, какъ и написано въ Евангеліи св. Іоанна, гл. 1, 5: Свѣтъ сіялъ во тьмѣ, и тьма его не объяла.

89. А что языкъ вмѣстѣ съ верхнимъ нѣбомъ закрываютъ ротъ, когда духъ достигаетъ языка, это означаетъ, что семь источныхъ духовъ природы въ семь мірѣ ко времени творенія не были умерщвлены гнѣвомъ Божиимъ, но оставались живыми и добрыми. Ибо языкъ знаменуетъ ту жизнь природы, въ которой состоитъ душевное или святое рожденіе; ибо оно есть прообразъ души.

90. А что духъ, достигнувъ языка, тотчасъ заражаетъ его, такъ что тотъ дѣлаетъ радостный прыжокъ, и хочетъ выскочить наружу къ устамъ прежде духа, это означаетъ, что семь духовъ природы (каковыя зовутся звѣзднымъ рожденіемъ) тотчасъ же получили Божественную жизнь и волю, когда и для нихъ взошелъ свѣтъ Божій (каковой зовется днемъ), и весьма обрадовались, подобно какъ языкъ во рту.

91. А что переднія нѣба расширяются внутри, и даютъ просторъ духу по его желанію, это означаетъ, что все звѣздное рожденіе весьма привѣтно отдалось на волю свѣта, и не пробудило въ себѣ ярости.

92. А что духъ, исходя къ устамъ, сначала еще разъ собирается позади терпкаго качества на языкѣ въ задней части нѣба, и пробуждаетъ терпкое качество, какъ изъ сна, и быстро выносится наружу къ устамъ, это означаетъ, что хотя терпкій духъ дѣйствительно долженъ все держать и образовывать во всей природѣ, но лишь послѣ того какъ оно было сложено духомъ свѣта: тогда только пробуждаетъ онъ терпкаго духа, и передаетъ ему въ руки, чтобы онъ это держалъ.

93. И это должно быть такъ ради самой внѣшней постижимости, которая должна содержаться въ терпкой ярости; иначе ничто не устояло бы въ тѣлѣ, не устояли бы также и сжатые воедино земля и камни, но были бы снова разбиты, густой и темный салиттеръ, который носился во всей глубинѣ.

94. И это означаетъ также, что въ концѣ, когда духъ совершитъ въ семь мѣръ свое твореніе и дѣло, этотъ салиттеръ будетъ снова пробужденъ и оживленъ въ Послѣдній день.

95. А что духъ собирается позади терпкаго качества, а не въ терпкомъ качествѣ, и пробуждаетъ его, это означаетъ, что терпкая природа не постигнетъ свѣта Божія, какъ собственности, но будетъ радоваться въ благодатномъ свѣтѣ, и будетъ пробуждена имъ, и совершитъ волю свѣта, подобно какъ животное тѣло человека совершаетъ волю духа, и однако это двѣ разныхъ вещи.

96. А что горькій духъ лежитъ спокойно, и не слышитъ, и не постигаетъ дѣла духа, это означаетъ, что горькій огонь гнѣва, возникающій въ молніи огня, не бываетъ пробужденъ

ко времени рожденія свѣта, ни даже самимъ свѣтомъ, и не постигаетъ его, но остается плѣненнымъ въ самомъ внѣшнемъ рожденіи, и принужденъ бываетъ предоставить духу свѣта совершать свое дѣло въ природѣ, какъ ему угодно, и не можетъ ни видѣть дѣла свѣта, ни слышать, ни постигать.

97. Поэтому пусть никто не думаетъ, что діаволь сможетъ вырвать у него изъ сердца дѣла свѣта: ибо онъ не можетъ ни видѣть, ни постигать ихъ; и какъ бы онъ ни бушевалъ и ни неистовствовалъ въ самомъ внѣшнемъ рожденіи, въ плоти, какъ въ своемъ разбойничьемъ замкѣ, не отчаивайся; не вноси только самъ дѣлъ гнѣва въ свѣтъ твоего сердца, и тогда душа твоя будетъ въ безопасности отъ глухого, нѣмого и слѣпого для свѣта діавола.

98. Не думай, что я пишу здѣсь свои мечтанія, будь они истинны или нѣтъ: но врата неба и ада отверсты передъ духомъ, и онъ проникаетъ въ свѣтъ сквозь тѣ и другія, и созерцаетъ ихъ, и можетъ ихъ также вполне подвергнуть испытанію: ибо звѣздное рожденіе лежитъ между обоими, и должно терпѣть тѣсноту отъ нихъ.

99. И хотя діаволь не можетъ отнять у меня свѣтъ, однако онъ часто закрываетъ его отъ меня самымъ внѣшнимъ и плотскимъ рожденіемъ, такъ что звѣздное рожденіе томится, какъ если бы оно попало въ плѣнь.

100. Все это его удары, чтобы только горчичное зернышко было скрыто; объ этомъ говоритъ также святой апостоль Павелъ, что дано ему было великое жало въ плоть, и онъ молилъ Господа, чтобы Онъ удалилъ его отъ него, на что Господь отвѣтилъ ему, чтобы онъ довольствовался Его благодатью (II Кор. 12, 7, 8, 9).

101. Ибо онъ также достигъ этого мѣста, и желалъ бы владѣть этимъ свѣтомъ безпрепятственно въ собственность въ звѣздномъ рожденіи; но этого не могло быть, ибо гнѣвъ покоится въ плотскомъ рожденіи, и онъ долженъ былъ переносить тлѣніе въ плоти. Но если бы ярость была удалена совсемъ изъ звѣзднаго рожденія, то онъ въ немъ уподобился бы Богу, и зналъ бы всѣ вещи, какъ самъ Богъ;

102. Которая знаетъ нынѣ одна только душа, качествующая совмѣстно со свѣтомъ Божіимъ; но она не можетъ совер-

шенно вернуть это знаніе назадъ въ звѣздное рожденіе, ибо она другое лицо. Подобно какъ яблоко на деревѣ не можетъ вернуть назадъ въ дерево или въ землю свой запахъ и вкусъ, хотя оно и сынъ дерева; такъ бываетъ и въ природѣ.

103. Святой мужъ Моисей пребывалъ такъ высоко и глубоко въ этомъ свѣтѣ, что свѣтъ просвѣтилъ и его звѣздное рожденіе, отчего и самое внѣшнее рожденіе плоти просвѣтилось въ его лицѣ, и онъ пожелалъ также увидѣть совершенно свѣтъ Божій въ звѣздномъ рожденіи.

104. Но это было невозможно, ибо предъ нимъ лежитъ преграда гнѣва; ибо и вся природа звѣзднаго рожденія въ семъ мірѣ не можетъ охватить свѣта Божія; потому сокрыто и сердце Божіе, которое обитаетъ во всѣхъ концахъ, и объемлетъ все.

105. Такимъ образомъ ты видишь, что день былъ прежде времени сотворенія солнца и звѣздъ; ибо когда Богъ сказалъ: да будетъ свѣтло (Быт. 1, 3), то свѣтъ прорвался сквозь тьму, и тьма не объяла его; но осталась на своемъ престолѣ.

106. И ты видишь также, какъ сокровенно пребываетъ и покоится гнѣвъ Божій въ самомъ внѣшнемъ рожденіи природы, и не можетъ быть пробужденъ, если не пробудятъ его сами люди, качествуя своимъ плотскимъ рожденіемъ совмѣстно съ гнѣвомъ въ самомъ внѣшнемъ рожденіи природы.

107. И если бы кто-нибудь былъ осужденъ теперь на заточеніе въ аду, онъ не въ правѣ былъ бы сказать, что это сдѣлалъ Богъ, или что Богъ хочетъ этого; но человѣкъ самъ пробуждаетъ въ себѣ огонь гнѣва, который затѣмъ, разгорѣвшись, качествуетъ совмѣстно съ гнѣвомъ Божіимъ и съ адскимъ огнемъ, какъ нѣчто единое.

108. Когда твой свѣтъ погасъ, ты остаешься во тьмѣ; и во тьмѣ скрытъ гнѣвъ Божій: если ты пробудишь его, онъ загорится въ тебѣ.

109. Въ камнѣ есть также огонь: но если не ударять по нему, огонь остается скрытымъ; если же по нему ударить, огонь вырывается наружу; и если оказывается что-нибудь подверженное огню, оно загорается, и возникаетъ великое пламя; такъ бываетъ и съ человѣкомъ, когда онъ зажжетъ покоющійся огонь гнѣва.

110. Слово Nacht (ночь) собирается сначала на сердце, и духъ рычитъ съ терпкимъ качествомъ, однако не вполне постижимый терпкому качеству; затѣмъ оно собирается на языкъ; но пока оно рычитъ на сердце, языкъ на время закрываетъ ротъ, пока не придетъ духъ, и не соберется на языкъ: тогда онъ проворно раскрываетъ ротъ, и выпускаетъ духа.

111. Теперь, что слово сначала собирается на сердце, и рычитъ съ терпкимъ качествомъ, это означаетъ, что Духъ Святой собрался во тьмѣ надъ сердцемъ Божиимъ въ звѣздномъ рожденіи семи источныхъ духовъ. А что онъ рычитъ съ терпкимъ качествомъ, это означаетъ, что тьма была враждою противъ Духа Святого, и Духъ имѣлъ недовольство на нее.

112. А что онъ какъ бы проходитъ мрачною дорогою, это означаетъ, что Духъ проходитъ также сквозь тьму, пребывающую еще въ тихомъ покоѣ, и порождаетъ ее къ свѣту, если она только пребываетъ въ покоѣ, и не воспламеняетъ огня.

113. Пусть взглянетъ сюда по всей справедливости міръ судей, готовыхъ осудить человѣка во чревѣ матери, не вѣдая еще, зажженъ ли всецѣло въ плодѣ огонь гнѣва родителей, или нѣтъ,—и увидитъ, что Духъ Божій движется и во тьмѣ; пока она еще пребываетъ въ покоѣ, и можетъ породить ее къ свѣту. Потому и часъ рожденія человѣка очень благопріятенъ ему, иному же очень вреденъ; но не принудительно.

114. А что ротъ закрывается, когда духъ собирается надъ сердцемъ, и терпкое качество рычитъ противъ него и съ нимъ, это означаетъ, что вся область или все мѣсто сего міра было всецѣмъ темно въ звѣздномъ, а также и въ самомъ внѣшнемъ рожденіи, и стало свѣтлымъ отъ могущественнаго исхожденія духа.

115. А что горькій духъ не пробуждается, когда духъ проходитъ сквозь его мѣсто, это знаменуетъ темную ночь въ самомъ внѣшнемъ рожденіи сего міра, которая никогда не объяла свѣта, и не обниметъ его вовѣки.

116. Отсюда происходитъ, что твари только глазами видятъ звѣздный свѣтъ: иначе, если бы не было еще тьмы въ

самомъ внѣшнемъ рожденіи, звѣздный духъ могъ бы видѣть сквозь дерево и камни, равно и сквозь всю землю, и не задерживался бы ничѣмъ, какъ это и есть на небѣ.

117. Но вотъ теперь тьма отдѣлена отъ свѣта, и остается въ самомъ внѣшнемъ рожденіи, гдѣ покоится гнѣвъ Божій до Послѣдняго дня; тогда гнѣвъ будетъ возженъ, и тьма будетъ домомъ вѣчной гибели; въ ней будетъ имѣть вѣчное обитаніе свое господинъ Люциферъ со всѣми безбожными людьми, сѣявшими во тьму въ ниву гнѣва.

118. Звѣздное же рожденіе, въ которомъ состоитъ нынѣ природный свѣтъ, и гдѣ рождается святое рожденіе, оно также будетъ возжено въ концѣ сего времени, и гнѣвъ и святое рожденіе отдѣлятся другъ отъ друга: ибо гнѣвъ не будетъ постигать святого рожденія.

119. Но гнѣвъ въ звѣздномъ рожденіи будетъ отданъ на проживаніе дому тьмы, и гнѣвъ будетъ называться адскимъ огнемъ, а домъ тьмы, каковой есть самое внѣшнее рожденіе, будетъ называться смертью, и царь Люциферъ будетъ въ немъ Богомъ, а его ангелы вмѣстѣ со всѣми осужденными людьми будутъ его служителями.

120. Въ этомъ зѣвѣ будутъ всходить всевозможные адскіе плоды и образованія, все по адскому качеству и роду; подобно какъ въ небѣ—небесные, по небесному качеству и роду.

121. Ты можешь такимъ образомъ понять, что знаменуетъ и есть сотвореніе неба и земли, и что создалъ Богъ въ первый день: хотя три первыхъ дня и не были раздѣлены на утро и вечеръ; но время считается въ 24 часа, какова мѣра времени и дня въ высотѣ надъ луною.

122. Во-вторыхъ, это время и потому еще считается мѣрою человѣческаго дня, что земля несомнѣнно тотчасъ же начала свое обращеніе, и обернулась однажды, и въ первый разъ совершила свое теченіе въ то самое время, какъ Богъ отдѣлилъ свѣтъ отъ тьмы.

О ВТОРОМЪ ДНѢ.

О второмъ днѣ написано: И сказалъ Богъ: да будетъ твердь между водами, и да будетъ она раздѣломъ между водами. И создалъ Богъ твердь, и отдѣлилъ воду, которая подъ твердью, отъ воды, которая надъ твердью, и стало такъ: и назвалъ Богъ твердь небомъ; и былъ изъ вечера и утра день второй (Быт. 1, 6, 7, 8).

2. Это описаніе еще разъ показываетъ, что не высокій мужъ Моисей авторъ его; ибо оно совсѣмъ невразумительно и простовато написано, хотя однако заключаетъ въ себѣ весьма точный смыслъ.

3. Безъ сомнѣнія, Духъ Святой не захотѣлъ открыть таковаго, чтобы діаволу не были вѣдомы всѣ тайны творенія. Ибо самъ по себѣ онъ (діаволь) не вѣдаетъ сотворенія свѣта, какъ было создано небо изъ среды воды.

4. Ибо онъ не можетъ ни видѣть ни постигать свѣта и святого порожденія, состоящаго въ небесной водѣ: но лишь порожденіе, состоящее въ терпкомъ, горькомъ, кисломъ и жгучемъ качествахъ, откуда произошло самое внѣшнее рожденіе, то есть, царскій дворецъ его.

5. Не надо понимать это такъ, что у него нѣтъ никакой власти въ стихійной водѣ, и онъ не можетъ обладать ею: ибо самое внѣшнее поврежденное рожденіе въ стихійной водѣ также принадлежитъ къ гнѣву Божію, и въ ней смерть, какъ и въ землѣ.

6. Нѣтъ, духъ въ Моисеѣ разумѣетъ здѣсь совсѣмъ иную воду, которой діаволь не можетъ ни понять, ни постигнуть: но если бы это было объяснено съ такихъ давнихъ поръ, діаволь провѣдалъ бы это отъ человѣка, и, безъ сомнѣнія, насыпалъ бы и туда своей адской мякины.

7. Потому Духъ Святой и сохранилъ это втайнѣ до послѣдняго часа предъ вечеромъ, когда будутъ окончены его тысяча лѣтъ; тогда онъ снова будетъ освобожденъ на краткое время, какъ о томъ можно прочесть въ Откровеніи (Апок. 20, 3). [*„Послѣ лѣта снова настанетъ послѣдняя зима, но солнце будетъ свѣтитъ еще съ прежней теплотою.“*]

8. Но какъ онъ нынѣ освобожденъ отъ цѣпей тьмы, то Богъ повсюду въ семь мѣрѣ зажигаетъ свѣтильники, чтобы люди научились узнавать его, и остерегались его.

9. А не на свободѣ ли онъ, это я предоставляю каждому узнать самому: взгляни только на мѣрѣ при свѣтѣ дня, и ты увидишь, что всѣ четыре новыхъ сына его, которыхъ діаволь породилъ, когда былъ изгнанъ съ неба, правятъ нынѣ мѣромъ: гордость, жадность, зависть, гнѣвъ; они правятъ нынѣ мѣромъ, и суть сердце діавола, его душевные духи.

10. Поэтому погляди только хорошенько на мѣрѣ, и ты найдешь, что онъ качествуетъ всецѣло въ согласіи съ этими четырьмя новыми сынами діавола: поэтому надо быть теперь осмотрительнымъ. Ибо это то время, о которомъ предсказывали всѣ пророки, и Христосъ сказалъ въ Евангеліи: Думаешь ли ты, что Сынъ человѣческій найдетъ вѣру, когда онъ вновь придетъ, чтобы судить мѣрѣ? (Лук. 18, 8.)

11. Мѣрѣ полагаетъ, пожалуй, что онъ нынѣ въ цвѣту, ибо яркій свѣтъ паритъ надъ нимъ; но духъ показываетъ мнѣ, что онъ стоитъ посреди ада. Ибо онъ покидаетъ любовь, и предается жадности, лихвѣ и живодерству, и нѣтъ больше милосердія въ немъ.

12. Каждый кричитъ: были бы у меня только деньги! Сильный высасываетъ у низкаго мозгъ изъ костей, и выжимаетъ изъ него потъ насиліемъ.

13. Словомъ, вездѣ только ложь, обманъ, убійство и грабежъ; и справедливо зовется мѣрѣ гнѣздомъ или домомъ діавола.

14. Святой свѣтъ нынѣ только повѣсть и знаніе: духъ не хочетъ трудиться въ немъ, и они мнятъ, будто то, что они исповѣдуютъ устами, есть вѣра.

15. О слѣпой и безумный мѣрѣ, исполненный діавола! Это

еще не вѣра твое знаніе, что Христось умеръ за тебя, и пролилъ свою кровь за тебя, чтобы ты былъ блаженъ. Это лишь повѣсть и знаніе: діаволь также отлично это знаетъ, но это ему не помогаетъ; такъ и ты, безумный міръ, останавливаешься на знаніи, поэтому знаніе твое будетъ судить тебя.

16. Но если ты хочешь знать, что есть истинная вѣра, то замѣть: сердце твое не должно качественовать вмѣстѣ съ четырьмя сынами діавола въ гордости, жадности, зависти, гнѣвѣ, лихоимствѣ, живодерствѣ, притѣсненіи, во лжи, обманѣ и убійствѣ; вырывать у ближняго изъ жадности кусокъ изо рта, и день и ночь только и измышлять, какъ бы тебѣ угостить и удовольствовать діавола гордости, жадности, зависти и гнѣва, и пожить въ мірскихъ наслажденіяхъ,

17. Такъ говоритъ духъ въ ревности гнѣва Божія въ семь мірѣ: такъ какъ духъ живой и воля качественуютъ совмѣстно съ четырьмя пороками діавола, то ты не единый духъ съ Богомъ; и хотя бы ты повсечасно простиралъ уста твои ко мнѣ, и преклонялъ колѣна предо мною, твой трудъ не угоденъ мнѣ: развѣ дыханіе твое и безъ того не всегда предо мною, и что мнѣ кажденіе твое, совершаемое въ яростномъ гнѣвѣ? Не мнишь ли ты, что я захочу впустить въ себя діавола, или вознести адъ на небо?.

18. Обернись, и сражайся противъ діавольской злобы, и преклони сердце твое къ Господу Богу твоему, и ходи въ волѣ Его. Если сердце твое преклонится ко мнѣ, то и я преклонюсь къ тебѣ; или не мнишь ли ты, что я лживъ, какъ и ты?

19. Такъ вотъ, я говорю теперь: если сердце твое въ знаніи твоёмъ не качественуетъ совмѣстно съ Богомъ, изъ истиннаго намѣренія любви, то ты лицемеръ, лжець и убійца предъ Богомъ: ибо Богъ не слушаетъ ничьей молитвы, если сердце не обращено всецѣло, въ послушаніи, къ Богу.

20. Если ты хочешь сражаться противъ гнѣва Божія, то долженъ надѣть шлемъ послушанія и любви, иначе ты не пробьешься сквозь него; а если ты не пробьешься сквозь него, то тщетна твоя борьба, и ты остаешься, какъ и былъ, слугою діавола.

21. Къ чему тебѣ твое знаніе, если ты не хочешь сражаться въ немъ? Ни къ чему: это все равно, какъ если бы

кто зналъ о великомъ сокровищѣ, и не искалъ его, хотя и зналъ какъ его достать, и умеръ съ голода при своемъ знаніи.

22. Вотъ что говоритъ духъ: много язычниковъ, которые не имѣютъ твоего знанія, и однако сражаются противъ ярости, прежде тебя будутъ обладать царствомъ небеснымъ. Кто осудитъ ихъ, если сердце ихъ качествуетъ совмѣстно съ Богомъ? хотя они и не знаютъ Его, однако трудятся въ духѣ Его, въ правотѣ и чистотѣ своего сердца, въ истинной любви другъ къ другу; они свидѣтельствуютъ, что законъ Божій въ сердцахъ ихъ (Римл. 2, 15).

23. И такъ какъ ты знаешь его, и не творишь, а тѣ не знаютъ, и однако творятъ, то они дѣланіемъ своимъ судятъ твое знаніе, и ты оказываешься лицомъромъ, негоднымъ работникомъ, который поставленъ въ виноградникѣ Господа и не хочетъ работать въ немъ.

24. Какъ полагаешь ты, что скажетъ тебѣ Домохозяинъ, когда потребуетъ отъ тебя свой ввѣренный тебѣ талантъ, а ты закопалъ его въ землю? Не скажетъ ли Онъ: рабъ лукавый, почему не отдалъ ты талантъ мой въ ростъ, и Я получилъ бы мое съ прибылью?

25. И даже страданіе Христово будетъ отнято у тебя, и дано язычникамъ, которые получили только одинъ талантъ, и вернули Домохозяину пять: и ты будешь выть вмѣстѣ съ псами.

26. Теперь замѣть: если тщательно разсмотрѣть, какъ отдѣлилъ Богъ воду подъ твердью отъ воды надъ твердью, то найдешь здѣсь весьма великія вещи. Ибо вода, которая покоится на землѣ, есть такое же поврежденное и смертное существо, какъ и земля, и принадлежитъ также къ самому внѣшнему рожденію, состоящему вмѣстѣ со своей осязаемостью въ смерти, подобно какъ земля и камни.

27. Не въ томъ смыслѣ, будто она вовсе отвергнута Богомъ: ибо сердце въ ней принадлежитъ еще къ звѣздному рожденію, изъ котораго рождается рожденіе святое.

28. Но въ самомъ внѣшнемъ рожденіи состоитъ смерть: вотъ почему постижимая вода была отдѣлена отъ непостижимой.

29. Ты скажешь теперь: какъ же это такъ? Смотри: вода въ глубинѣ надъ землею, она качествуетъ совмѣстно со стихіями воздуха и огня, и есть вода звѣзднаго рожденія, въ которомъ состоитъ звѣздная жизнь и преимущественно движется Духъ Святой, и чрезъ которое рождается также третье и самое внутреннее рожденіе, непостижимое для гнѣва Божія въ немъ: и для нашихъ глазъ эта вода имѣетъ видъ какъ бы воздуха.

30. А что дѣйствительно въ глубинѣ надъ землею вода, воздухъ и огонь пребываютъ совмѣстно другъ въ другѣ, это можетъ увидѣть и понять каждый разумный человекъ.

31. Ибо нерѣдко ты видишь глубину совсѣмъ свѣтлой и чистой, а чрезъ четверть часа она покрыта облаками воды.

32. Это означаетъ, что когда звѣзды зажигаютъ ее сверху, а вода на землѣ—снизу, то глубина тотчасъ же порождаетъ воду; что конечно не происходило бы, если бы и въ звѣздномъ рожденіи не состоялъ также гнѣвъ.

33. Но такъ какъ все повреждено, то верхняя вода должна придти на помощь терпкому, горькому и знойному качеству земли въ гнѣвѣ Божіемъ, и носить огонь ея и укрощать ее, чтобы всегда могла рождаться жизнь, а также могло рождаться и святое рожденіе между смертию и гнѣвомъ Божіимъ.

34. А что въ глубинѣ, въ воздухѣ и водѣ, пребываетъ и правитъ также и стихія огня, ты видишь это по грозовому блистанію; и ты видишь также, какъ свѣтъ солнца прикосновеніемъ своимъ зажигаетъ стихію огня на землѣ, межъ тѣмъ какъ въ высотѣ въ окружности луны бываетъ порою весьма холодно.

35. И вотъ теперь Богъ раздѣлилъ постижимую воду отъ непостижимой, и водворилъ постижимую на землю, а непостижимая осталась въ глубинѣ, на собственномъ своемъ престолѣ, какъ то было отъ вѣчности.

36. Но такъ какъ гнѣвъ есть и въ этой водѣ въ глубинѣ надъ землею, то чрезъ возженіе въ гнѣвѣ звѣздъ и воды постоянно рождается такая постижимая вода, состоящая своимъ самымъ внѣшнимъ рожденіемъ въ смерти.

37. Каковая вода, самымъ внутреннимъ рожденіемъ своимъ качествуетъ совмѣстно съ звѣзднымъ, приходитъ на помощь са-

литтеру поврежденной земли, и гасить его гнѣвъ, чтобы въ звѣздномъ рожденіи все пребывало въ жизни, и земля чрезъ смерть рождала жизнь.

ВРАТА ТАЙНЫ.

38. А что между водами есть твердь, именуемая небомъ, это означаетъ вотъ что:

39. Вся глубина отъ луны до земли дѣятельностью своею состоитъ всецѣло въ гнѣвномъ и постижимомъ рожденіи: ибо луна богиня постижимаго рожденія, почему и домъ діавола, смерти и ада помѣщается въ области и окружности между луною и землею.

40. Гдѣ и яростный гнѣвъ Божій въ самомъ внѣшнемъ рожденіи ежедневно возжигается въ глубинѣ діаволами и всѣми безбожными людьми, и раздувается великимъ грѣхомъ людей, качествующихъ еще въ глубинѣ совмѣстно съ звѣзднымъ рожденіемъ.

41. И вотъ Богъ создалъ твердь, именуемую небомъ, между самымъ внѣшнимъ и самымъ внутреннимъ рожденіемъ, и она есть раздѣлъ между самымъ внѣшнимъ и самымъ внутреннимъ рожденіемъ.

42. Ибо самое внѣшнее рожденіе воды не можетъ постигнуть самага внутренняго рожденія воды, каковое именуется небомъ, созданнымъ изъ среды воды. [*„Небо есть твердь, огневое море изъ семи духовъ природы, изъ котораго словомъ FIAT были собраны и сплочены или сотворены звѣзды, какъ Quinta Essentia. Въ немъ огонь и вода, и оно обращено внутрь себя, и состоитъ при первомъ Началѣ, и оно пронесетъ чудеса свои вмѣстѣ съ образомъ въ вѣчность, рожденіе же его преходитъ.“*]

43. Но вотъ самое внутреннее рожденіе неба сильно нажимаетъ на землю, и держитъ самую внѣшнюю воду на землѣ вмѣстѣ съ землею крѣпко въ плѣну.

44. Если бы этого не было, вода раздѣлилась бы снова при вращеніи земной поверхности; а также и земля раздробилась бы, и рассѣялась бы въ глубину.

45. Теперь же эта твердь, между самой внѣшней постижимой водою и внутреннею, держитъ землю и постижимую воду въ плѣну.

46. Ты, можетъ быть, спросишь теперь: что же это за небесная твердь, которой я не могу ни видѣть, ни постигать? Это есть твердь между яснымъ Божествомъ и поврежденною природою, и ты долженъ пробиться сквозь нее, если хочешь къ Богу; и это есть именно та твердь, которая пребываетъ не вовсе въ гнѣвѣ, однако и не вовсе чистой въ огнѣ, и о которой написано: И небеса нечисты предъ Богомъ (Іов. 15,15). И въ Послѣдній день будетъ сметенъ съ нея гнѣвъ.

47. Ибо написано: Небо и земля прейдутъ, но слова мои не прейдутъ, говоритъ Христосъ (Матѹ. 24,35; Марк. 13,31).

48. Нечистое же въ этомъ небѣ есть гнѣвъ, а чистое— слово Божіе, которое Онъ однажды произнесъ: Да отдѣлится вода подъ твердью отъ воды надъ твердью (Быт. 1, 7). Это слово пребываетъ тамъ, и оно собрано въ тверди воды, и держитъ внѣшнюю воду вмѣстѣ съ землею въ плѣну.

ВРАТА БОЖЕСТВА.

49. Теперь замѣть здѣсь сокровенную тайну Божію: когда ты взираешь на глубину надъ землею, ты не долженъ говорить: не здѣсь врата Божіи, гдѣ обитаетъ Богъ въ своей святинѣ; нѣтъ, нѣтъ, не думай такъ: но вся Святая Троица, Богъ Отецъ, Сынъ, Духъ Святой, обитаетъ въ средоточіи подъ твердью небесною, и эта твердь не можетъ постигнуть Бога.

50. Ибо все есть единое тѣло: самое внѣшнее рожденіе, какъ и самое внутреннее, вмѣстѣ съ твердью небесной, а равно и звѣздное рожденіе внутри ея, въ которомъ качествуетъ также и гнѣвъ Божій; но они относятся другъ къ другу, какъ правленіе въ чловѣкѣ.

51. Плоть знаменуетъ самое внѣшнее рожденіе, которое есть домъ смерти; второе рожденіе въ чловѣкѣ есть звѣздное, въ которомъ состоитъ жизнь, и гдѣ борятся между собою любовь и гнѣвъ.

52. И это предѣль, до котораго познаетъ самъ себя чловѣкѣ: ибо звѣздное рожденіе рождаетъ въ самомъ внѣшнемъ, то есть, въ мертвой плоти, жизнь.

53. Третье рождение рождается между звѣзднымъ и самымъ внѣшнимъ, и оно зовется душевнымъ или душою, и оно величиною какъ весь человѣкъ. И внѣшній человѣкъ не знаетъ и не постигаетъ этого рожденія, не постигаетъ его также и звѣздный; но каждый источный духъ постигаетъ лишь присутій ему корень, который знаменуетъ небо.

54. И этотъ душевный человѣкъ долженъ проникнуть къ Богу сквозь небесную твердь, и жить съ Богомъ: иначе не можетъ весь человѣкъ прійти на небо къ Богу.

55. Ибо каждый человѣкъ, желающій стать блаженнымъ, долженъ со всѣми присутщими ему рожденіями быть какъ все Божество со всѣми тремя рожденіями въ семь міръ.

56. Человѣкъ не можетъ быть вовсе чистъ, безъ гнѣва и грѣха: ибо и рожденія въ глубинѣ сего міра также не все чисты предъ сердцемъ Божиимъ (Іов. 15, 15); но непрестанно борются между собою любовь и гнѣвъ, отчего Богъ именуется гнѣвнымъ, ревнивымъ Богомъ (Исх. 20, 5; Второз. 5, 9).

57. Теперь, каковъ человѣкъ въ своемъ составѣ рожденій, таково и все тѣло Божіе сего міра; въ водѣ же состоитъ краткая жизнь. Прежде всего во внѣшнемъ тѣлѣ Божіемъ сего міра—застывшая, терпкая, горькая и знойная смерть, въ которой также застыла и умерла постижимая вода.

58. И въ ней—тьма, въ которой содержится въ плѣну царь Люциферъ съ его ангелами, а равно и всѣ плотскіе безбожные люди, хотя еще и въ живомъ тѣлѣ, а также и отшедшіе души осужденныхъ людей.

59. Это рождение не можетъ ни видѣть, слышать, осязать, обонять, ни постигать сердца Божія, и оно безумно: такимъ учинилъ его царь Люциферъ въ своей гордости.

60. Второе рождение—звѣздное, разумѣй: жизнь семи источныхъ духовъ; въ немъ борются между собою любовь и гнѣвъ, и въ немъ пребываетъ верхняя вода, которая есть духъ жизни; и въ немъ или между нимъ небесная твердь, которая создана изъ среды воды.

61. Теперь, это рождение прорывается сквозь внѣшнее, застывшее, сквозь смерть, и рождаетъ въ смерти звѣздную жизнь,

то есть, въ застывшей землѣ, водѣ и плоти звѣрей и людей, а также птицъ, рыбъ и гадовъ.

62. И до половины этого рожденія, докуда хватаетъ гнѣвъ, діаволь можетъ достигнуть, но не глубже; и до этихъ предѣловъ, но не глубже, простирается и его жилище: поэтому діаволь не можетъ знать, какъ коренится въ этомъ рожденіи другая часть.

63. До этихъ предѣловъ дошелъ въ своемъ познаніи и человекъ отъ начала міра, послѣ своего паденія; другой корень, именуемый небомъ, духъ удержалъ доселѣ сокрытымъ отъ человека, чтобы діаволь не провѣдалъ о немъ отъ человека, и не насыпалъ человеку на его глазахъ туда яду.

64. Эта вторая часть звѣзднаго рожденія, которая состоитъ въ любви въ сладкой водѣ, и есть небесная твердь, содержащая въ плѣну возженный гнѣвъ вмѣстѣ со всѣми діаволами; ибо они не могутъ туда; и въ этомъ небѣ обитаетъ Духъ Святой, который исходитъ изъ сердца Божія, и сражается противъ яростности, и рождаетъ себѣ храмъ посреди яростности гнѣва Божія.

65. И въ этомъ небѣ обитаетъ еще и въ живомъ тѣлѣ человекъ, боящійся Бога: ибо это небо въ человекѣ, какъ и въ глубинѣ надъ землею. И какова глубина надъ землею, таковъ и человекъ: одновременно въ любви и въ гнѣвѣ, до разлученія души; тогда же, по разлученіи души отъ тѣла, она остается либо въ одномъ только небѣ любви, либо въ небѣ гнѣва.

66. Какую часть обнимала она здѣсь при разлученіи, та и становится теперь ея вовѣки нерасторжимой обителью, и она вовѣки не можетъ покинуть ея: ибо между ними великая пропасть, какъ говоритъ Христосъ въ притчѣ о богатомъ (Лук. 16, 26).

67. И въ этомъ небѣ обитаютъ вмѣстѣ съ нами святыя ангелы, а въ другой части діаволы; и въ этомъ небѣ живетъ человекъ между небомъ и адомъ, и долженъ выносить со стороны яростности не мало жестокихъ ударовъ, искушеній и преслѣдованій, и нерѣдко даже терпѣть истязанія и притѣсненія.

68. Гнѣвъ зовется крестомъ, а небо любви зовется терпѣніемъ, а восходящій въ немъ духъ зовется надеждою и вѣрою,

и онъ качественно совместно съ Богомъ, и борется съ гнѣвомъ, пока не побѣдитъ и не одолѣетъ (Іоан. 5, 4).

69. И въ этомъ все христіанское ученіе: кто учитъ иначе, не знаетъ, чему онъ учитъ; ибо у его ученія нѣтъ ни опоры, ни основанія, и сердце его непрестанно трепещетъ и скорбитъ, и не знаетъ, что ему дѣлать.

70. Ибо духъ его всегда ищетъ покоя, и не находитъ его: ибо онъ нетерпѣливъ, и ищетъ всегда чего-нибудь новаго; и когда находитъ, то тѣшится имъ, какъ если бы нашелъ новое сокровище, и однако въ немъ нѣтъ постоянства, и онъ ищетъ всегда отвлеченія.

71. Вы, богословы, духъ раскрываетъ вамъ здѣсь двери и врата: если вы и теперь не захотите видѣть, и пасти вашихъ овецекъ на зеленомъ лугу, а поведете ихъ на тощія пустыри, то вы дадите отвѣтъ въ этомъ на строгомъ и гнѣвномъ судѣ Божіемъ: смотрите же сами.

72. Я беру въ свидѣтели небо, что исполняю здѣсь то, что долженъ совершить: ибо духъ побуждаетъ меня къ тому, такъ что я совсѣмъ въ плѣну у него, и не могу обороняться отъ него, что бы со мной потомъ ни случилось.

СВЯТЫЯ ВРАТА..

73. Третье рожденіе въ тѣлѣ Божіемъ сего міра сокрыто подъ твердью небесною; и твердь небесная качественно совместно съ нимъ: однако не вовсе тѣлесно, но тварно, подобно какъ ангелы и душа человѣка.

74. И это третье рожденіе есть всемогущее и святое сердце Божіе: въ немъ возсѣдаетъ царь нашъ Іисусъ Христосъ со своимъ природнымъ тѣломъ одесную Бога, какъ Царь и Господь всего тѣла или мѣста сего міра, сердцемъ своимъ объемлющій и содержащій все.

75. И эта твердь небесная есть Его престолъ; и источные духи Его природнаго тѣла господствуютъ во всемъ тѣлѣ сего міра, и съ ними связано все, что въ звѣздномъ рожденіи состоитъ въ части любви; другая часть сего міра связана съ діаволомъ.

76. Ты не долженъ думать, какъ думалъ Іоаннъ Кальвусъ или Кальвинъ, будто тѣло Христа существо невсемогущее и простирается не дальше того мѣста, которое въ немъ.

77. Нѣтъ, человѣкъ, ты заблуждаешься, и разумѣешь неправо Божественную силу: не обнимаетъ ли каждый человѣкъ въ своихъ звѣздныхъ источныхъ духахъ все мѣсто или тѣло сего міра? а мѣсто объемлетъ человѣка; и они какъ единое тѣло, но лишь различные члены.

78. Какъ же источнымъ духамъ природнаго тѣла Христова не качественать совмѣстно съ источными духами природы? Тѣло его не также ли изъ источныхъ духовъ природы, а его сердце душевно — изъ третьяго рожденія, которое есть сердце Божіе, и объемлетъ всѣхъ ангеловъ, и небо всѣхъ небесъ, и даже всего Отца.

79. Вы, кальвинисты, отступитесь здѣсь отъ вашего мнѣнія: вы заблуждаетесь; и не мучайтесь съ постижимымъ существомъ: ибо Богъ есть духъ (Іоанн. 4, 24), а въ постижимости пребываетъ смерть.

80. Тѣло Христа уже больше не въ жесткой постижимости, но въ Божественной постижимости природы, подобно ангеламъ.

81. Ибо и наши тѣла въ воскресеніи не будутъ состоять въ такой жесткой плоти и костяхъ, но будутъ подобны ангеламъ: и хотя сохранится въ нихъ весь образъ и сила, а также всѣ способности (кромѣ органовъ рожденія, которые будутъ иначе, равно какъ и кишечныя внутренности), однако у насъ не будетъ той жесткой постижимости.

82. Ибо Христосъ говоритъ Маріи Магдалинѣ въ саду Іосифа у гроба по воскресеніи своемъ: Не прикасайся ко Мнѣ, ибо я еще не восшелъ къ Богу моему и Богу вашему (Іоанн. 20, 17). Какъ если бы Онъ хотѣлъ сказать: У Меня теперь больше не животное тѣло; хотя Я и являюсь тебѣ въ моемъ прѣжнемъ обликѣ; иначе ты не могла бы видѣть Меня въ твоёмъ животномъ тѣлѣ.

83. И въ тѣ 40 дней послѣ своего воскресенія Онъ также не всегда ходилъ видимо среди учениковъ, но и невидимо — по своему небесному и ангельскому свойству; когда же онъ хо-

тѣлъ говорить съ учениками, то являлъ себя въ постижимомъ обликѣ, чтобы мочь говорить съ ними природными словами, ибо поврежденіе не можетъ постигать Божественныхъ.

84. То, что Онъ входилъ къ ученикамъ своимъ сквозь запертыя двери (Іоанн. 20, 19) достаточно показываетъ также, что тѣло Его было ангельскаго рода.

85. Итакъ, ты долженъ теперь знать, что тѣло Его качественно совмѣстно съ семью духами природы въ звѣздномъ рожденіи, въ части любви, и содержитъ грѣхъ, смерть и діавола въ части гнѣва въ плѣну.

86. Итакъ, ты понимаешь теперь, что совершилъ Богъ на второй день, когда Онъ отдѣлилъ воду подъ твердью отъ воды надъ твердью. И ты видишь также, какъ ты въ семъ мірѣ повсюду состоишь и въ небѣ и въ аду, и обитаешь между небомъ и адомъ въ великой опасности.

87. И ты видишь также, что небо и въ святомъ человѣкѣ, и повсюду, куда ты ни ступишь, или ни пойдешь, или ни ляжешь, если только духъ твой качественно совмѣстно съ Богомъ, ты въ этой части бываешь въ небѣ, и душа твоя — въ Богѣ. Поэтому Христосъ говоритъ: Овцы мои въ рукахъ моихъ, и никто не похититъ ихъ у Меня (Іоанн. 10, 28).

88. Равнымъ образомъ ты видишь, какъ гнѣвомъ ты во всякое время бываешь въ аду у всѣхъ діаволовъ; если бы только открылись глаза твои, ты увидѣлъ бы чудеса; но ты стоишь между небомъ и адомъ, и не можешь видѣть ни того, ни другого, и идешь по весьма узкому мостку.

89. Нѣкоторые люди въ разныя времена бывали, какъ говорится, восхищены по своему звѣздному духу; и они узнавали тотчасъ и врата неба и ада, а также и указывали, какъ иной человѣкъ въ живомъ тѣлѣ обитаетъ въ аду. Хотя надъ ними и ругались, но по великому неразумію: ибо это дѣйствительно такъ. Я опишу это подробно въ своемъ мѣстѣ, какъ это съ ними бываетъ.

90. Но что вода бываетъ двухъ рожденій, я хочу доказать это здѣсь также и на языкѣ природы: ибо это есть корень или мать всѣхъ языковъ, какіе есть въ семъ мірѣ, и въ чемъ состоитъ полное совершенное познаніе всѣхъ вещей.

91. Ибо когда Адамъ впервые заговорилъ, онъ далъ имена всѣмъ тварямъ, согласно ихъ качествамъ и присущимъ имъ дѣйствіямъ: это именно и есть языкъ всей природы, но не всякій владѣетъ имъ: ибо это есть *mysterium*, тайна, которая по благодати Божіей была сообщена мнѣ духомъ, имѣющимъ благоволеніе ко мнѣ.

92. Теперь замѣть: слово *Wasser* — вода вырывается изъ сердца, и смыкаетъ зубы, и проходитъ надъ терпкимъ и горькимъ качествомъ, и не касается его, и выходитъ наружу сквозь зубы; и языкъ спѣшитъ пробудиться вмѣстѣ съ духомъ, и участвуетъ въ шипѣніи, и качественно совмѣстно съ духомъ, и духъ весьма могущественно выходитъ наружу сквозь зубы.

93. Когда же духъ въ большей части своей уже вышелъ наружу, тогда только спѣшитъ пробудиться терпкій и горькій духъ, и качественно лишь вослѣдъ слову; но остается на своемъ престолѣ, и могущественно скрежещетъ вослѣдъ въ слогъ *ser*.

94. Теперь, что духъ собирается въ сердце, и вырывается наружу, и смыкаетъ зубы, и шипитъ языкомъ сквозь зубы, это означаетъ, что сердце Божіе подвиглось, и духомъ своимъ создало вокругъ себя затворъ, каковой есть небесная твердь: подобно какъ смыкаются зубы; и духъ проходитъ сквозь зубы, такъ исходитъ и духъ изъ сердца въ звѣздное рожденіе.

95. И подобно какъ языкъ слагается при шипѣ, и качественно совмѣстно съ духомъ, и движется съ нимъ, такъ слагается и душа человѣка при Духѣ Святомъ, и качественно совмѣстно съ Нимъ, и въ силѣ Его проникаетъ съ Нимъ вмѣстѣ сквозь небо, и господствуетъ съ Нимъ вмѣстѣ въ словѣ Божіемъ.

96. А что терпкое и горькое качество пробуждается лишь вослѣдъ, и слагается вослѣдъ для образованія слова, это означаетъ, что хотя все есть единое тѣло, однако небо и Духъ Святой, вмѣстѣ съ сердцемъ Божіимъ, имѣютъ свой особый престолъ: и ни діаволъ, ни гнѣвъ не могутъ достигнуть ни Духа Святого, ни неба; но діаволъ вмѣстѣ съ гнѣвомъ связаны съ словомъ въ самомъ внѣшнемъ рожденіи; и гнѣвъ помогаетъ въ самомъ внѣшнемъ рожденіи въ семь міръ образованію всего, что состоитъ въ постижимости, подобно какъ терпкое

и горькое качества слагаются вослѣдъ для образованія слова, и качествуютъ совмѣстно съ нимъ.

97. А что духъ проходитъ сначала надъ терпкимъ и горькимъ качествами такъ незамѣтно, это означаетъ, что врата Божіи въ семь мірѣ повсюду, гдѣ господствуетъ Духъ Святой, и что небо вездѣ отверсто, даже посреди земли; и что діаволь нигдѣ не можетъ ни видѣть, ни постигать неба, но что онъ только ворчащій и рычащій адскій песъ, который приходитъ лишь вослѣдъ, когда Духъ Святой построилъ себѣ церковь и храмъ, и въ гнѣвѣ разрушаетъ его, и прицѣпляется сзади къ слову, какъ врагъ, не желающій, чтобы въ странѣ его былъ выстроенъ храмъ Божій, и чтобы царство его уменьшилось чрезъ то.

О ТРЕТЬЕМЪ ДНѢ.

Хотя духъ въ писаніяхъ Моисея сокрылъ въ буквахъ глубочайшія тайны, однако все описано такъ стройно, что порядокъ не потерпѣлъ никакого ущерба.

2. Ибо когда Богъ чрезъ слово сотворилъ небо и землю, и отдѣлилъ свѣтъ отъ тьмы, и далъ каждой вещи ея престолъ, то все начало тотчасъ же свое рожденіе и качественіе.

3. Въ первый день Богъ согналъ воедино или сотворилъ крѣпкимъ духомъ поврежденный салиттеръ, ставшій такимъ въ возженіи Его гнѣва: ибо слово сотворилъ означаетъ здѣсь согнаніе воедино.

4. При этомъ согнаніи воедино поврежденнаго салиттера гнѣва загнанъ былъ и царь Люциферъ, какъ безсильный князь, со своими ангелами въ адъ салиттера гнѣва, въ то мѣсто, гдѣ рождается внѣшняя полумертвая постижимость, въ пространство между богиней природы, луною, и мертвою землею.

5. Когда это произошло, глубина стала свѣтлой, и свѣтъ вмѣстѣ съ сокровеннымъ небомъ отдѣлился отъ тьмы, и шаръ земли совершилъ одинъ оборотъ въ великомъ колесѣ природы; и вмѣстѣ съ тѣмъ протекло время одного оборота или одного дня, содержащее въ себѣ 24 часа.

6. Въ теченіе второго дня наступило острое раздѣленіе, и была создана непостижимая пропасть между гнѣвомъ и любовью свѣта, и царь Люциферъ былъ крѣпко заточенъ въ домъ тьмы, и заключенъ тамъ для конечнаго суда.

7. Также и вода жизни была отдѣлена отъ воды смерти: однако такимъ образомъ, чтобы во все время міра сего они были связаны другъ съ другомъ, какъ тѣло и душа, и все же

ни одна не постигала другой; но небо, созданное изъ среды воды, служить пропастью между ними, такъ что постижимая вода есть смерть, а непостижимая есть жизнь.

8. Такъ править непостижимый Духъ, каковой есть Богъ, повсюду въ семь міръ, и исполняетъ все; а постижимый связанъ съ Нимъ, и обитаетъ во тьмѣ, и не можетъ ни видѣть непостижимаго, ни слышать, ни обонять или осязать; но онъ видитъ дѣла Его, и есть разрушитель ихъ.

9. Когда же теперь Богъ заключилъ діавола во тьму затворомъ неба, каковое небо вездѣ и повсюду, Онъ возобновилъ свое чудесное рожденіе въ седьмомъ духѣ природы, и все стало снова рождаться, какъ то совершалось отъ вѣчности. Ибо такъ пишетъ Моисей: И сказалъ Богъ: да произраститъ земля зелень и траву, сѣющую сѣмя свое, и деревья плодови- тыя, приносящія плодъ, каждое по роду своему, и имѣющія собственное сѣмя свое у себя на землѣ: и стало такъ. И произвела земля траву и зелень, сѣющую сѣмя свое, каждая по роду своему; и деревья, приносившія плодъ, и имѣвшія у себя собственное сѣмя свое, каждое по роду своему. И Богъ увидѣлъ, что это хорошо: и изъ вечера и утра былъ третій день (Быт. 1, 11, 12, 13).

10. Хотя это описано совсѣмъ правильно и точно, однако истинный смыслъ остается въ словѣ сокрытымъ, и никогда не былъ понятъ людьми. Ибо со времени паденія человѣкъ никогда не могъ постигнуть внутренняго рожденія, понять, каково рожденіе небесное; но разумъ его пребывалъ въ плѣну внѣшней постижимости, и не могъ проникнуть сквозь небо, и созерцать внутреннее рожденіе Божіе, которое также и въ поврежденной землѣ и повсюду.

11. Ты не долженъ здѣсь думать, будто Богъ создалъ нѣчто новое, чего нѣ было прежде: ибо если бы это было такъ, то былъ бы иной Богъ, а это невозможно.

12. Ибо внѣ этого единого Бога нѣтъ ничего: ибо и самыя врата ада суть также не внѣ этого единого Бога; но произошло лишь раздѣленіе между любовью въ свѣтѣ и возженнымъ гнѣвомъ во тьмѣ, и они не могутъ постигать другъ друга, и однако связаны другъ съ другомъ, какъ единое тѣло.

13. Салиттеръ, изъ котораго произошла земля, онъ былъ отъ вѣчности, и состоялъ въ седьмомъ источномъ духѣ, каковой есть духъ природы, и прочіе шесть непрестанно рождали седьмого, и они окружены имъ, или заключены въ немъ, какъ въ чревѣ своей матери, и были силою и жизнью седьмого, подобно какъ звѣздное рожденіе въ плоти.

14. Но когда царь Люциферъ возбудилъ гнѣвъ въ этомъ рожденіи, и гордостью своею внесъ въ него ядъ и смерть, тогда въ этомъ гнѣвномъ рожденіи, въ яростности или жалѣ смерти, родились подобная земля и камни.

15. За этимъ послѣдовало теперь изверженіе: ибо Божество не могло потерпѣть въ любви и въ свѣтѣ Божіемъ такого рожденія, но поврежденный салиттеръ долженъ былъ быть согнанъ въ одну глыбу, и господинъ Люциферъ съ нимъ; и тотчасъ же погасъ въ поврежденномъ салиттерѣ врожденный свѣтъ, и былъ созданъ небесный затворъ между гнѣвомъ и любовью, чтобы болѣе не рождался подобный салиттеръ, и чтобы небо содержало гнѣвъ въ плѣну въ самомъ внѣшнемъ рожденіи природы во тьмѣ, и было между ними вѣчное раздѣленіе.

16. Когда же это было въ два дня завершено, на третій день возшелъ свѣтъ во тьмѣ; и тьма вмѣстѣ съ княземъ своимъ не могла объять его: ибо тогда возшли изъ земли трава, зелень и деревья; причемъ написано: каждое по роду своему (Быт. 1, 12).

17. Въ этомъ словѣ сокрыто ядро вѣчнаго рожденія, и оно не можетъ быть постигнуто плотью и кровью, но Духъ Святой чрезъ душевное рожденіе долженъ зажечь звѣздное въ чловѣкѣ, иначе онъ бываетъ слѣпъ въ этомъ и не понимаетъ ничего, кромѣ какъ только что рѣчь идетъ о землѣ и камняхъ, и о травѣ, зелени и древесныхъ растеніяхъ. — Теперь, здѣсь написано: Сказалъ Богъ: да произраститъ земля траву и зелень и плодovitыя деревья.

18. Затѣмъ здѣсь: слово *spach* — сказалъ есть вѣчное слово, и оно прежде временъ гнѣва отъ вѣчности пребывало въ этомъ салиттерѣ, когда тотъ состоялъ еще въ небесной формѣ и жизни, а также никогда не умирало всецѣло въ его средоточіи, но лишь въ постижимости.

19. Когда же свѣтъ снова возшелъ во внѣшней постижимости или въ смерти, то вѣчное слово было въ полномъ рожденіи, и рождало жизнь изъ смерти и чрезъ смерть, и поврежденный салиттеръ сталъ теперь снова производить плоды.

20. Но такъ какъ вѣчное слово принуждено было действовать совмѣстно съ поврежденіемъ въ гнѣвѣ, то тѣла плодовъ стали и злыми и добрыми. Ибо внѣшнее рожденіе плодовъ должно было произойти изъ земли, которая въ смерти, а духъ или жизнь—изъ звѣзднаго рожденія, которое въ любви и гнѣвѣ.

21. Ибо таково было рожденіе природы во время возже- нія, и такъ было оно сплочено въ землѣ, и въ такомъ же ро- жденіи должно было снова взойти. Ибо написано, чтобы мертвая земля произрастила траву и зелень и деревья, каждое по роду своему.

22. Это значить, по тому роду и качеству, какъ оно со- стояло отъ вѣчности въ небесномъ качествѣ, родѣ и образѣ. Ибо тотъ родъ зовется своимъ собственнымъ, который зачатъ въ чревѣ матери, и онъ свой по природному праву, какъ своя собственная жизнь.

23. Такъ и земля произвела не какую-либо чуждую жизнь, а только ту, которая была въ ней отъ вѣчности. Подобно какъ она до времени гнѣва приносила небесные плоды, имѣвшіе святое, чистое небесное тѣло, и бывшіе пищею ангеловъ, такъ произвела она и нынѣ плоды по своему постижимому, жесткому, злomu, гнѣвному, ядовитому, полумертвому роду: ибо какова была мать, такими стали и дѣти.

24. Не то чтобы плоды земли всецѣло были въ гнѣвѣ Божіемъ: ибо сплоченное въ ней слово, которое безсмертно и нетлѣнно, и было отъ вѣчности въ салиттерѣ земли, оно вновь зазеленѣло въ тѣлѣ смерти, и стало приносить плоды изъ умершаго тѣла земли; но не земля объяла слово, а слово землю.

25. И какова была теперь вся земля вмѣстѣ съ словомъ, такимъ былъ и плодъ: слово же осталось сокрытымъ въ средo- точіи неба, которое есть и въ этомъ мѣстѣ, и предоставило рожденію семи источныхъ духовъ слагать тѣло изъ самага внѣшняго, поврежденнаго и мертваго (рожденія), и оно про- должало возсѣдать, какъ слово и сердце Божіе, на своемъ не-

бесномъ престолѣ, на тронѣ величества, и наполняло звѣздное, а также и мертвое рожденіе, но для нихъ, какъ святая жизнь, совсѣмъ непостижимо.

26. Не долженъ ты думать, будто самое внѣшнее мертвое рожденіе земли приобрѣло чрезъ взошедшее слово такую жизнь, что оно уже болѣе не смерть, и что въ плодѣ его нѣтъ смерти: нѣтъ, этого не можетъ быть вовѣки: ибо что однажды умерло въ Богѣ, то мертво, и не оживетъ вновь вовѣки своей собственной властью: но слово, качествующее совмѣстно съ звѣзднымъ рожденіемъ въ части любви, оно рождаетъ, посредствомъ звѣзднаго рожденія, жизнь чрезъ смерть.

27. Ибо ты же видишь, что всѣ плоды земли, какіе она порождаетъ изъ себя, подлежатъ истлѣнію, и суть также смерть.

28. А что плоды получаютъ иное, отличное отъ земли тѣло, гораздо болѣе крѣпкое, прекрасное, пріятное на вкусъ и благовонное, это происходитъ отъ того, что звѣздное рожденіе беретъ отъ слова силу, и слагаетъ иное тѣло, стоящее наполовину въ смерти и наполовину въ жизни, и сокрытое между любовью (и гнѣвомъ).

29. А что плоды на тѣлѣ гораздо пріятнѣе, слаще и нѣжнѣе, и хороши на вкусъ, тому причиною третье рожденіе земли, по которому земля будетъ очищена въ концѣ сего времени, и водворена вновь въ свое первое мѣсто: гнѣвъ же останется въ смерти.

РАДОСТНЫЯ ВРАТА ЧЕЛОВѢКА.

30. Смотри, такъ говоритъ въ словѣ духъ, который есть сердце земли, и восходитъ въ небѣ своемъ въ яркой молніи жизни, съ которымъ духъ мой качествуетъ совмѣстно въ своемъ познаніи, и чрезъ котораго пишу я эти слова: человекъ созданъ изъ сѣмени земли, изъ сплоченнаго воедино вещества [„разумь: изъ *Matrix* земли, у которой двоякое око, какъ то: одно въ Бога и одно въ сей міръ, изъ трехъ Началъ“], и не изъ гнѣва, а изъ рожденія земли, какъ царь или сердце земли, и состоялъ въ звѣздномъ рожденіи, въ части любви; но гнѣвъ былъ связанъ съ нимъ, и онъ долженъ былъ въ рожденіи уда-

лгать его прочь отъ себя, какъ плодъ въ рожденіи удаляетъ прочь отъ себя горечь дерева.

31. И онъ не сдѣлалъ этого; но устремился назадъ, изъ любви въ гнѣвъ, и допустилъ въ себѣ похоть къ своей мертвой матери, вкушать отъ нея, и сосать грудь ея, и расти на ея стволѣ.

32. И чего онъ домогался, то ему и удалось: онъ перенесся своимъ самымъ внѣшнимъ рожденіемъ въ смерть своей матери, а жизнью своею изъ любви въ гнѣвную часть звѣзднаго рожденія.

33. И вотъ онъ стоитъ теперь между небомъ и адомъ; на виду у діавола въ его царствѣ, и діаволь постоянно воюетъ и сражается противъ него, чтобы или изгнать его изъ своей страны въ землю, или сдѣлать изъ него дитя гнѣва въ аду.

34. Но въ чемъ же теперь его надежда? Смотри же, слѣпой язычникъ, смотри и ты, искажитель и перетолкователь Писанія, широко раскрой глаза твои, и не стыдись этой простоты: ибо Богъ сокрытъ въ средоточіи, и Онъ еще гораздо проще, но ты не видишь его.

35. Смотри: твой духъ или твоя душа рождается изъ твоего звѣзднаго рожденія, и есть третье рождение въ тебѣ, подобно какъ яблоко на деревѣ есть третье рождение отъ земли, и имѣетъ ростъ свой не въ землѣ, но надъ землею: будь оно духъ, какъ твоя душа, оно не допустило бы больше землѣ связывать себя на погибель.

36. Но ты долженъ знать, что яблоко на своемъ стволѣ хотя и качествуетъ самымъ внутреннимъ рожденіемъ своимъ совмѣстно съ словомъ Божіимъ, чьею силою оно выросло изъ земли; но такъ какъ въ тѣлесной матери его пребываетъ гнѣвъ, то она не можетъ вынести его изъ постижимаго рожденія, и оно тѣломъ своимъ принуждено оставаться въ постижимости въ смерти.

37. Однако въ силѣ своей, въ которой состоитъ его жизнь, и которою оно качествуетъ совмѣстно съ словомъ Божіимъ, оно снова будетъ водворено, въ силу слова, въ Послѣдній день, въ своей матери, на свое небесное мѣсто, и будетъ отдѣлено отъ гнѣвной и мертвой постижимости, и взойдетъ въ небѣ сего

міра въ небесномъ образѣ, и будетъ плодомъ для людей въ оной жизни. [*„Разумѣйте здѣсь: сила Начала, откуда растетъ яблоко и все, въ обновленіи міра будетъ снова зеленѣть въ раю вмѣстѣ съ чудесами“.*]

38. Но такъ какъ ты созданъ изъ сѣмени земли въ словѣ [*„КРАСНАЯ ЗЕМЛЯ есть огонь и вода, собранные изъ Matrix земли словомъ FIAT: но когда человекъ устремилъ воображеніе свое на землю, онъ сталъ земнымъ“*], и снова водворилъ тѣло твое обратно въ мать, то оно и стало такимъ же постижимымъ мертвымъ тѣломъ, какъ твоя мать. И у тѣла твоего, какъ и у матери его, земли, есть надежда, что въ Послѣдній день оно снова будетъ водворено, въ силу слова, на свое первое мѣсто.

39. Но такъ какъ твое звѣздное рожденіе здѣсь на землѣ состоитъ въ гнѣвѣ, и качествуетъ совмѣстно съ любовью въ словѣ, подобно какъ плодъ на деревѣ (ибо сила плода качествуетъ совмѣстно съ словомъ), то надежда твоя въ Богѣ.

40. Ибо звѣздное рожденіе стоитъ въ любви и гнѣвѣ: и оно не можетъ освободиться отъ него въ сіе время, по причинѣ самага внѣшняго рожденія въ плоти, которая въ смерти.

41. Ибо мертвая плоть объяла звѣздное (рожденіе): и плоть человѣческая есть мертвая падалъ, пока она еще во чревѣ матери, и объята адомъ и гнѣвомъ Божиимъ.

42. Но вотъ звѣздное рожденіе рождаетъ душевное, или третье, которое состоитъ въ словѣ, и въ которомъ сплоченное слово пребываетъ сокрытымъ въ средоточіи въ своемъ небѣ. [*„Сульфуръ (сыра) души есть первое Начало въ вѣчномъ духѣ воли, и получаетъ жизнь въ третьемъ Началѣ: живетъ, такимъ образомъ, между любовью и гнѣвомъ, и связанъ съ обоими“.*]

43. Но такъ какъ ты обладаешь своимъ разумомъ, и существуешь не какъ яблоко на деревѣ, но сотворенъ, какъ ангелъ и подобіе Божіе, на мѣсто изгнаннаго діавола, и знаешь, какъ можешь звѣзднымъ рожденіемъ своимъ качествовать совмѣстно съ словомъ Божиимъ въ части любви,—то ты можешь водворить душевное рожденіе свое въ средоточіи въ слово на небѣ, и можешь душою своею, при жизни тѣла въ этой мертвой постижимости, господствовать вмѣстѣ съ Богомъ на небѣ.

44. Ибо слово въ сердцѣ твоёмъ, и качественно совмѣстно съ душою, какъ одно существо: и если душа твоя пребываетъ въ любви, она дѣйствительно одно существо съ нимъ, и ты можешь сказать, что, по душѣ, возсѣдаешь на небѣ, и живешь и господствуешь съ Богомъ. [*„Разумный: по духу души, образомъ, происходящимъ изъ душевнаго огня“.*]

45. Ибо душа, постигающая слово, имѣетъ отверстыя врата въ небѣ, и ничѣмъ не можетъ быть удержана; а также діаволь не видитъ ея, ибо она не въ его странѣ.

46. Но такъ какъ звѣздное рожденіе твое одною частью состоитъ въ гнѣвѣ, а плоть чрезъ гнѣвъ состоитъ въ смерти, то въ части гнѣва діаволь всегда смотритъ тебѣ въ самое сердце твое; и если ты дашь ему просторъ, онъ вырветъ у тебя изъ слова ту часть звѣзнаго рожденія, которая въ любви

47. Тогда сердце твое станетъ долиною тьмы: если ты не потрудишься скоро надъ новымъ рожденіемъ свѣта, онъ зажжетъ у тебя въ немъ огонь гнѣва; тогда душа твоя будетъ извергнута изъ слова, и будетъ качественно совмѣстно съ гнѣвомъ Божиимъ; послѣ чего ты уже діаволь, а не ангель, и не можешь своимъ душевнымъ рожденіемъ достигнуть вратъ неба.

48. Но если ты сражаешься съ діаволомъ, и хранишь врата любви въ твоёмъ звѣздномъ рожденіи, и такимъ образомъ отходишь отсюда по тѣлу, то душа твоя въ словѣ остается совсѣмъ сокрытой для діавола, и господствуетъ съ Богомъ до дня возстановленія того, что утрачено.

49. Если же ты звѣзднымъ рожденіемъ твоимъ пребываешь въ гнѣвѣ, отходя отсюда по тѣлу, и душа твоя не собрана въ слово, то ты не достигнешь вратъ неба вовѣки, но куда ты твое сѣмя, то есть, твою душу, посѣялъ, въ той части и воскреснетъ тѣло.

ВРАТА СИЛЫ.

50. А что тѣло и душа снова встрѣтятся въ день воскресенія, это ты видишь здѣсь на рожденіи земли. Ибо Творецъ сказалъ: да произраститъ земля траву, зелень и плодовые деревья, каждое по роду своему (Быт. 1, 11); тогда возшло

каждое по роду своему и зазеленѣло: и какъ прежде времени гнѣва у него было небесное тѣло, такъ теперь получило оно, по матери своей, земное.

51. Но заслуживаетъ вниманія, какъ все въ великомъ мятежѣ діавола включено было въ слово, такъ что все вошло въ своемъ собственномъ существѣ, по своей силѣ и своему роду, какъ если бы оно никогда не было разрушено, но только измѣнено.

52. Если же это произошло такъ въ то время, когда было такое убійство и грабительство, то тѣмъ болѣе произойдетъ это въ Послѣдній день, когда земля отдѣлится въ зажженномъ огнѣ гнѣва, и вновь оживетъ; конечно она будетъ включена тогда въ слово любви, подобно какъ здѣсь она рождала въ этомъ словѣ плодъ свой, траву, зелень и деревья, а также всевозможныя руды серебра и золота.

53. Но такъ какъ звѣздное рожденіе земли состоитъ въ любви, и внѣшнее—въ смерти, то каждое и останется на своемъ престолѣ, и жизнь и смерть разлучатся.

54. Но гдѣ же хотѣла бы лучше быть душа человѣка въ день возрожденія, какъ не въ своемъ отцѣ, то есть, въ томъ тѣлѣ, которое родило ее.

55. Но такъ какъ то время, пока тѣло было въ смерти, она пребывала сокрытой въ словѣ, а это слово содержитъ также и землю въ звѣздномъ рожденіи въ любви, то душа, во время своего сокрытія, качественно также, чрезъ слово, совмѣстно съ матерью своею—тѣломъ, по звѣздному рожденію, въ землѣ; и въ словѣ тѣло и душа никогда не бываютъ разлучены другъ отъ друга, но живутъ вмѣстѣ въ Богѣ.

56. И хотя животное тѣло подлежитъ истлѣнію, однако сила его остается жить, и изъ силы его вырастаютъ пока въ его матери прекрасныя розы и цвѣточки; и хотя бы оно даже сгорѣло въ огнѣ, однако сила его пребываетъ въ четырехъ стихіяхъ въ словѣ, и душа качественно совмѣстно съ словомъ: ибо душа въ небѣ, а небо это вездѣ, также и посреди земли.

57. Человѣкъ, поглядись пока въ этомъ зеркалѣ; при сотвореніи человѣка ты сможешь прочесть объ этомъ подробнѣе: я помѣщаю это здѣсь лишь ради того, чтобы ты могъ лучше

понять силу творенія, и чтобы ты тѣмъ лучше приспособился къ этому духу, и научился его языку.

ОТВЕРСТЫЯ ВРАТА ЗЕМЛИ.

58. Теперь кто-нибудь спросить: изъ какого же вещества или изъ какой силы произошли тогда трава, зелень и деревья? Каковы были обстоятельства и условія ихъ творенія? Простецъ скажетъ: Богъ создалъ все изъ ничего; но онъ не вѣдаетъ этого самаго Бога, и не знаетъ, что Онъ есть; когда онъ взираетъ на землю вмѣстѣ съ глубиною, которая надъ землею, онъ думаетъ: это не Богъ, или: Богъ не тамъ. Онъ постоянно воображаетъ, что Богъ обитаетъ только надъ голубымъ небомъ звѣздъ, и править какъ бы духомъ, исходящимъ изъ Него въ семь мѣрѣ, тѣло же Его не присутствуетъ здѣсь на землѣ и въ землѣ.

59. Такія мнѣнія читалъ я въ книгахъ и въ писаніяхъ ученыхъ; потому именно и произошло столько разныхъ мнѣній и распрей среди нихъ.

60. Но такъ какъ Богъ въ своей великой любви отверзаетъ мнѣ врата своего существа, и мыслить о союзѣ, который у Него съ человѣкомъ, то я хочу раскрыть и отпереть всѣ врата Божіи, весьма усердно и строго, по моимъ дарованіямъ, насколько дозволитъ мнѣ Богъ.

61. Не въ томъ смыслѣ, будто я достаточно силенъ въ этихъ вещахъ, но лишь въ той мѣрѣ, какъ я могу постигнуть ихъ. Ибо существо Божіе—какъ колесо, въ которомъ много колесъ вдѣлано другъ въ друга и наискось, и вверхъ, и внизъ, и они всѣ вмѣстѣ непрестанно обращаются: и вотъ, видишь колесо, и весьма изумляешься, и однако не можешь сразу ни изучить, ни постигнуть его въ его обращеніи; но чѣмъ больше взираешь на колесо, тѣмъ больше изучаешь его образъ; и чѣмъ больше обучаешься, тѣмъ больше радостнаго желанія испытываешь къ колесу: ибо видишь непрестанно нѣчто дивное, и человѣкъ не можетъ довольно наглядѣться и научиться.

62. Такъ и я: что въ одномъ мѣстѣ опишу я недостаточно объ этой великой тайнѣ, то ты найдешь въ другомъ: чего я не

смогу описать въ этой книгѣ изъ-за пространности предмета, и моей невразумительности, то ты найдешь въ слѣдующей.

63. Ибо эта книга есть лишь первый отпрыскъ этой вѣточки, которая зеленѣетъ въ своей матери; подобно ребенку, который учится ходить, и не можетъ сразу быстро побѣжать.

64. Ибо духъ хотя и видитъ колесо, и хочетъ постигнуть образъ его въ каждомъ мѣстѣ, однако это не удается ему въ достаточной мѣрѣ изъ-за обращенія колеса: когда же случается, что онъ видитъ снова первый постигнутый имъ образъ, онъ каждый разъ научается чему-нибудь еще, и все больше привлекается къ колесу, и любить его.

65. Теперь замѣть: земля обладаетъ точно такими же качествами и источными духами, какъ и глубина надъ землею, или какъ небо, и все вмѣстѣ въ цѣломъ принадлежитъ къ одному тѣлу; и весь Богъ есть это единое тѣло, а что ты не видишь и не знаешь его всецѣло, тому виною грѣхъ, съ которымъ ты въ этомъ Божественномъ великомъ тѣлѣ заключенъ въ мертвой плоти; и сила Божества скрыта отъ тебя, подобно какъ мозгъ въ костяхъ скрытъ отъ плоти. Но если ты въ духѣ пробьешься сквозь смерть плоти, ты увидишь сокрытаго Бога; подобно какъ мозгъ въ костяхъ проникаетъ ихъ, и даетъ плоти силу и крѣпость, и однако плоть не можетъ постигнуть его, но только его силу, такъ и ты въ плоти не можешь видѣть сокрытаго Божества, но получаешь его силу, и разумѣешь въ ней, что въ тебѣ обитаетъ Богъ.

66. Ибо мертвая плоть не принадлежитъ къ рожденію жизни, чтобы получать жизнь свѣта въ собственность; но жизнь свѣта въ Богѣ восходитъ въ мертвой плоти, и рождаетъ Ему изъ мертвой плоти иное небесное и живое тѣло, которое знаетъ и постигаетъ свѣтъ.

67. Ибо сіе тѣло есть лишь оболочка, откуда вырастаетъ новое тѣло [*„новое тѣло вырастаетъ изъ небснаго существа въ словъ, изъ плоти и крови Христа, изъ таинства ветхаго тѣла“*], какъ это бываетъ съ пшеничнымъ зерномъ въ землѣ; оболочка же не воскреснетъ снова и не оживетъ, какъ не бываетъ этого и съ пшеницею, но останется вѣчно въ смерти и въ аду.

68. Вотъ почему человѣкъ носить съ собою здѣсь на землѣ въ своемъ тѣлѣ вѣчную обитель діавола. Ты можешь щеголять ею, прекрасная богиня, и можешь даже пригласить пока діавола на пиръ въ новое рожденіе, онъ сумѣетъ быть тебѣ полезнымъ; смотри только, какъ бы не родить тебѣ новаго діавола, который бы остался въ своемъ собственномъ дому.

69. Взгляни на таинство земли: какъ рождаетъ она, такъ долженъ рождать и ты. Земля не есть то тѣло, которое вырастаетъ, но она мать этого тѣла: подобно какъ и плоть твоя не есть духъ, но плоть есть мать духа.

70. Но вотъ въ обѣихъ, въ землѣ а также и въ плоти твоей, сокрытъ свѣтъ яснаго Божества, и онъ пробивается насквозь, и рождаетъ имъ тѣло, по роду каждаго тѣла: человѣку по его тѣлу, и землѣ по ея тѣлу; ибо какова мать, такимъ бываетъ и дитя. Дитя человѣка есть душа, которая рождается изъ плоти изъ звѣзднаго рожденія; а дѣти земли суть трава, зелень, деревья, серебро, золото, всякія руды.

71. Теперь ты скажешь: какъ же мнѣ тогда подойти къ рожденію земли, чтобы что-нибудь понять? Смотри: рожденіе совершается такъ же, какъ и у всего Божества, и нѣтъ никакого различія, кромѣ только поврежденія въ гнѣвѣ, въ которомъ состоитъ постижимость; вотъ единственное различіе и смерть между Богомъ и землею.

72. Ты долженъ знать, что всѣ семь духовъ Божіихъ пребываютъ въ землѣ, и рождаютъ, подобно какъ въ небѣ: ибо земля въ Богѣ, и Богъ нигдѣ не умираетъ, но мертво самое внѣшнее рожденіе, въ которомъ накопился гнѣвъ, и оно представлено царю Люциферу въ домъ смерти и тьмы и въ вѣчную тюрьму.

О СЕМИ ДУХАХЪ БОЖІИХЪ И ИХЪ ДѢЙСТВІИ ВЪ ЗЕМЛѢ.

73. Прежде всего терпкій духъ: онъ стягиваетъ воедино въ звѣздномъ рожденіи семи источныхъ духовъ въ землѣ нѣкую массу, чрезъ возженіе верхняго рожденія надъ землею, и изсушаетъ ее своимъ острымъ холодомъ; подобно какъ онъ стягиваетъ воду, и дѣлаетъ изъ нея ледъ, такъ стягиваетъ онъ и воду въ землѣ, и дѣлаетъ изъ нея сухую массу.

74. Затѣмъ слѣдуетъ горькій духъ, возникающій въ молніи огня, также въ веществѣ или массѣ: онъ не можетъ потерпѣть своего плѣна въ изсушенномъ, и трется съ терпкимъ духомъ въ сухой массѣ, пока не зажжетъ огонь; когда же это случится, горькій духъ пугается, и получаетъ свою жизнь.

75. Прими здѣсь это правильно: въ землѣ, внѣ растеній и металловъ, ты не почувешь и не найдешь ничего, кромѣ терпкости, горечи и воды: но вода въ ней совсѣмъ сладка въ противность двумъ другимъ.

76. А также жидка, тогда какъ тѣ двѣ жестки, грубы и горьки, и онѣ всегда враждуютъ между собою: поэтому бываетъ непрестанная драка, война и борьба; но въ дракѣ этихъ трехъ нѣтъ еще жизни, но онѣ суть темная долина и три вещи, которыя никогда не выносятъ другъ друга, но между ними вѣчная драка.

77. И отсюда беретъ свое начало подвижность; отсюда же беретъ свое начало и гнѣвъ Божій, покоющійся въ сокровенномъ; отсюда же произошло начало и діавола, смерти и ада, какъ ты можешь прочесть о томъ выше, въ главѣ о паденіи діавола.

ГЛУБИНА ВЪ СРЕДОТОЧІИ РОЖДЕНІЯ.

78. Когда же эти три вещи: терпкость, горечь и сладость, трутся между собою такимъ образомъ, то верхъ беретъ терпкое качество: ибо оно самое сильное, и могущественно стягиваетъ сладкое воедино; ибо сладкое качество кротко и растяжимо вслѣдствіе своей мягкости, и принуждено сдаться въ плѣнъ.

79. Когда же это случится, то и горькое бываетъ также въ плѣну, въ тѣлѣ сладкой воды, и вмѣстѣ съ ней изсушается: тогда терпкость, сладость и горечь оказываются всѣ вмѣстѣ, и такъ жестоко дерутся въ высохшей массѣ, пока она не станетъ совсѣмъ сухою; ибо терпкое качество все сильнѣе стягиваетъ и изсушаетъ ее.

80. Когда же сладкая вода не можетъ болѣе обороняться, въ ней поднимается скорбь, подобно какъ въ человѣкѣ, когда онъ умираетъ, и духъ разлучается съ тѣломъ, и тѣло сдается въ плѣнъ смерти; такъ сдается въ плѣнъ и вода.

81. И въ этомъ возникновеніи скорби рождается зной скорби, и отъ него выступаетъ потъ, какъ у умирающаго чело-вѣка; и этотъ потъ качествуетъ совмѣстно съ терпкимъ и горькимъ качествами, ибо онъ сынъ ихъ, котораго они породили изъ сладкой воды, когда убили ее и довели до смерти.

82. Когда же это случится, то терпкое и горькое качества радуются о своемъ сынѣ, разумѣй о потѣ, и каждое сообщаетъ ему свою силу и жизнь, и налитываютъ его, какъ прожорливаго поросенка, такъ что онъ у нихъ скоро вырастаетъ большимъ; ибо терпкое качество, равно какъ и горькое, непрестанно извлекаетъ сокъ изъ земли, и наливаетъ имъ своего юнаго сына.

83. Тѣло же, которое первоначально было стянуто воедино изъ сладкой воды, остается мертвымъ, и домомъ владѣетъ теперь потъ тѣла, качествующій совмѣстно съ терпкимъ и горькимъ качествами, и ширится въ немъ, и становится великимъ, тучнымъ и похотливымъ.

84. Но оба качества, терпкое и горькое, не могутъ однако покинуть своей распри и вражды, но непрестанно борются между собою; терпкое сильно, но зато горькое проворно.

85. И когда терпкое нападаетъ на горькое, то горькое отскакиваетъ въ сторону, и захватываетъ съ собою сокъ своего сына; тогда терпкое повсюду преслѣдуетъ его, и хочетъ забрать его въ плѣнъ, и тогда горькое рвется изъ тѣла наружу, и вытягивается какъ только можетъ дальше.

86. Когда же, наконецъ, тѣло становится слишкомъ тонкимъ, такъ что оно не можетъ больше его вытянуть, а горькая распря слишкомъ жестокой, то горькое качество принуждено бываетъ сдаться въ плѣнъ. Однако терпкое не можетъ умертвить горькаго, но держитъ его только въ плѣну, и битва между ними такъ велика, что горькое успѣваетъ еще въ волокнахъ вырваться изъ тѣла, и захватываетъ съ собою тѣло своего сына.

87. Такою ростъ, или сплоченіе воедино, или образованіе тѣла какого-нибудь корня, какъ оно бываетъ на землѣ.

88. Теперь ты скажешь: какъ можетъ быть Богъ въ этомъ рожденіи? Смотри: таково рожденіе природы, и если бы въ

этихъ трехъ качествахъ, какъ то: терпкомъ, горькомъ и сладкомъ, не было возженнаго огня гнѣва, ты увидѣлъ бы, пожалуй, гдѣ Богъ.

89. Но вотъ теперъ во всѣхъ трехъ огонь гнѣва: ибо терпкое качество слишкомъ холодно, и слишкомъ жестоко стягиваетъ тѣло; и сладкое также слишкомъ густо и темно, и терпкое качество скоро схватываетъ его, и держитъ въ плѣну, и чрезмѣрно изсушаетъ; и горькое слишкомъ колюче, убійственно и неистово; и эти три не могутъ придти къ согласію.

90. Иначе, если бы терпкое не было такъ жестоко возжено въ холодномъ огнѣ, и вода не была такъ густа, и горечь такъ буйна и убійственна, то они могли бы возжечь тотъ огонь, отъ котораго произошелъ бы свѣтъ, и изъ свѣта любовь, и изъ молніи огня звукъ: тогда ты, пожалуй, увидѣлъ бы, не небесное ли то было бы тѣло, въ которомъ сіялъ бы свѣтъ Божій.

91. Но такъ какъ терпкое слишкомъ холодно, и чрезмѣрно изсушаетъ воду, то оно держитъ плѣннымъ въ холодѣ своемъ знойный огонь, и умерщвляетъ тѣло сладкой воды; такъ же плѣняетъ оно и горечь, и изсушаетъ ее.

92. А въ этомъ изсушеніи умерщвлена бываетъ тучность въ сладкой водѣ; въ которой возгорается огонь, и эта тучность дѣлается терпкимъ и горькимъ духомъ; ибо когда тучность въ сладкой водѣ умираетъ, она превращается въ потъ скорби, въ которомъ качествуютъ терпкое и горькое качества.

93. Не въ томъ смыслѣ, будто вода вовсе умираетъ: нѣтъ, этого не можетъ быть; но терпкій духъ забираетъ въ плѣнъ въ своемъ холодномъ огнѣ сладость или тучность воды, и качествуетъ совмѣстно съ нею, и пользуется ею для своего духа.

94. Ибо духъ его совершенно застылъ въ смерти, и нуждается теперъ въ водѣ для своей жизни, и извлекаетъ изъ нея ея тучность, и отнимаетъ у нея ея силу.

95. Тогда вода превращается въ потъ скорби, который стоитъ между жизнью и смертью, и не можетъ возжечь себѣ огонь зноя: ибо тучность содержится въ плѣну въ холодномъ огнѣ; и все тѣло остается мрачной долиною, пребывающей въ скорбномъ рожденіи, и не могущей достигнуть жизни.

96. Ибо жизнь, состоящая въ свѣтѣ, не можетъ подняться въ жесткомъ, горькомъ и терпкомъ тѣлѣ: ибо она въ плѣну въ холодномъ огнѣ, но не вовсе умерла.

97. Ибо ты видишь, что все это правдиво. Возьми какой-нибудь корень, который знойнаго качества, и положи его въ теплую воду, или же возьми его въ ротъ, и согрѣй и смочи, и ты скоро увидишь его жизнь, какъ онъ начнетъ дѣйствовать и вершить: а пока онъ внѣ зноя, онъ въ плѣну смерти и холоденъ, какъ всякій другой корень или какъ дерево.

98. Ты видишь также, пожалуй, что тѣло у корня мертво: ибо когда изъ корня вынута сила, то тѣло остается мертвою падалюю, и не можетъ дѣйствовать никакъ. Это происходитъ отъ того, что терпкій и горькій духъ умертвили тѣло воды, и извлекли для себя тучность, и взрастили въ мертвомъ тѣлѣ свой духъ.

99. Иначе, если бы сладкая вода могла удержать свою тучность въ собственной власти, а терпкій и горькій духъ весьма кротко терлись бы между собою въ сладкой водѣ, то они зажгли бы тукъ въ сладкой водѣ; тогда немедленно въ водѣ родился бы свѣтъ, и освѣтилъ бы терпкое и горькое качества.

100. Отсюда они получили бы свою настоящую жизнь, и удовольствовались бы свѣтомъ; и весьма обрадовались бы въ немъ; и отъ этой живой радости возшла бы любовь, и въ молніи огня, чрезъ восхожденіе горькаго качества въ терпкомъ, вознесся бы звукъ; а произойди это, былъ бы небесный плодъ, какой восходитъ на небѣ.

101. Но ты долженъ знать, что земля обладаетъ всѣми семью источными духами: ибо чрезъ діавольское возженіе духи жизни всѣ вмѣстѣ были сплочены въ смерти, и какъ бы взяты въ плѣнъ, но не умерщвлены.

102. Первые три, какъ то терпкій, сладкій и горькій, принадлежатъ къ образованію тѣла, и въ нихъ состоитъ подвижность и тѣло: они обладаютъ постижимостью, и суть рожденіе самой внѣшней природы.

103. Другіе три, какъ то: зной, любовь и звукъ, состоятъ въ непостижимости, и рождаются изъ первыхъ трехъ; и это есть внутреннее рожденіе, съ которымъ качествуетъ Божество.

104. И если бы первые три не застыли въ смерти, такъ что могли бы возжечь зной, то ты скоро увидѣлъ бы свѣтлое небесное тѣло, и увидѣлъ бы, пожалуй, гдѣ Богъ.

105. Но такъ какъ три первыхъ качества земли застыли въ смерти, они и остаются смертию, и не могутъ возвысить жизнь свою въ свѣтъ; но остаются темною долиною, въ которой гнѣвъ Божій, смерть и адъ, равно какъ и вѣчная тюрьма и мука діавола.

106. Не то, что эти три качества были отвергнуты отъ самаго внѣшняго рожденія, въ которомъ огонь гнѣва, и до самаго внутренняго, но отвергнуто лишь внѣшнее постижимое тѣло, и въ немъ внѣшняя адская мука.

107. Ты видишь здѣсь еще разъ, какъ связаны между собою царство Божіе и царство ада, какъ единое тѣло, и однако одно не можетъ постигнуть другого. Ибо второе рожденіе, какъ то: зной, свѣтъ, любовь и звукъ, сокрыто въ самомъ внѣшнемъ, и дѣлаетъ внѣшнее подвижнымъ, такъ что оно собирается вмѣстѣ, и рождаетъ тѣло.

108. И хотя тѣло состоитъ во внѣшней постижимости, однако бываетъ сложено по роду внутренняго рожденія: ибо во внутреннемъ рожденіи пребываетъ слово, а слово есть звукъ, восходящій въ молніи огня въ свѣтъ, сквозь горькое и терпкое качества.

109. Но такъ какъ звукъ слова Божія долженъ восходить сквозь терпкую, горькую смерть, и рождать тѣло въ полумертвой водѣ, то и тѣло это бываетъ злымъ и добрымъ, мертвымъ и живымъ: ибо оно вскорѣ принуждено бываетъ вобратъ въ себя сокъ ярости и тѣло смерти, и состоятъ въ томъ же тѣлѣ и той же силѣ, какъ и земля, мать.

110. А что жизнь также и въ дѣтяхъ земли сокрыта подъ смертию и въ смерти земли, это я докажу тебѣ здѣсь.

111. Вотъ смотри: человѣкъ становится недужнымъ и больнымъ, и если ему не помочь, то онъ умираетъ: и это чрезъ какую-нибудь горькую и терпкую траву, растущую изъ земли, или чрезъ какую-нибудь злую смертельную влагу, или чрезъ различныя иныя произрастанія земли, а равно и чрезъ какую-нибудь вредную плоть или разложеніе ея.

112. Но если окажется умный врачъ, и онъ дознается отъ больного, отъ чего произошелъ ему вредъ, и возьметъ эту причину болѣзни, будь то плоть или трава или влага, и перегонитъ ее, или сожжетъ въ порошокъ, сообразно роду подлежащаго вещества, и отождетъ у нея самый внѣшній ядъ, который въ смерти, — то останется потомъ въ водѣ или въ порошокѣ звѣздное рожденіе на своемъ престолѣ, гдѣ борются между собою жизнь и смерть, и обѣ способны къ восхожденію, ибо мертвое тѣло убрано прочь.

113. И если ты прибавишь теперь къ этой водѣ или порошокъ хорошее зелье, или что-нибудь подобное, могущее удержать въ плѣну восхожденіе и силу ярости въ звѣздномъ рожденіи, и дашь больному въ чуть тепломъ питьѣ, будь то въ пивѣ или винѣ, то дѣйствуетъ самое внутреннее или сокровенное рожденіе той вещи, которая причинила человѣку болѣзнь своимъ самымъ внѣшнимъ мертвымъ рожденіемъ.

114. Ибо если эту вещь положить въ теплую влажность, въ ней начинаетъ всходить жизнь, и жизнь охотно поднялась бы и зажглась бы въ свѣтѣ, но не можетъ изъ-за ярости, которая противостоитъ ей въ звѣздномъ рожденіи.

115. Но настолько хватаетъ ея, чтобы избавить человѣка отъ болѣзни: ибо звѣздная жизнь восходитъ сквозь смерть, и отнимаетъ у жала смерти его силу; если она побѣдитъ, человѣкъ вывдоравливается.

116. Итакъ, ты видишь, какъ сила слова и вѣчной жизни въ землѣ и дѣтяхъ ея сокрыто покоится въ средоточіи въ смерти, и зеленѣетъ сквозь смерть, непостижимая для смерти, и непрестанно томится рожденіемъ свѣта, и однако не можетъ расцвѣсть, пока не будетъ отлучена отъ нея смерть.

117. Но у нея есть своя жизнь на своемъ престолѣ, и жизнь не можетъ быть отнята у нея, но въ самомъ внѣшнемъ рожденіи съ ней связана смерть, а также въ смерти гнѣвъ: ибо гнѣвъ есть жизнь смерти и діавола; въ гнѣвѣ же состоитъ и тѣлесное существо или тѣла діаволовъ, а мертвое рожденіе — ихъ вѣчная обитель.

118. Теперь кто-нибудь спросить: но какъ же произошло и при какихъ обстоятельствахъ, что звѣздное рожденіе земли начало качественіе и рожденіе свое на день раньше, нежели звѣздное рожденіе въ глубинѣ надъ землею, разъ огонь въ глубинѣ надъ землею гораздо острѣе и воспламенимѣе, нежели огонь въ землѣ; да и сама земля должна зажигаться отъ огня въ глубинѣ надъ землею, чтобы родить плодъ свой? Смотри же, разумный духъ, духъ говоритъ съ тобою, а не съ мертвымъ духомъ плоти: раствори широко дверь твоего звѣзднаго рожденія, и возвысь одну часть его въ свѣтъ, а другую оставь въ гнѣвъ, и смотри также, чтобы душевное рожденіе твое качественіе всецѣло съ свѣтомъ.

119. Въ такомъ расположеніи ты какъ бы небо и земля, или какъ все Божество со всѣми рожденіями въ семь мірѣ. Если же ты расположенъ не такъ, то будешь здѣсь слѣпъ, хотя бы ты былъ даже умнѣйшимъ ученымъ, какой только можетъ найтись въ мірѣ.

120. Если же ты расположенъ такъ, то возвысь духъ свой и смотри: астрологическимъ искусствомъ твоимъ, глубокомыслиемъ и измѣреніемъ окружностей ты также не сможешь этого постигнуть: оно должно родиться въ тебѣ, иначе не постигнуть его ни хотѣньемъ ни умѣньемъ.

121. Если ты хочешь, чтобы глаза твоего духа были отворсты, то вотъ какъ ты долженъ родить: иначе разумѣніе твое одно только безуміе, и бываетъ съ тобою тоже самое, какъ если бы художникъ написалъ тебѣ Божество на доскѣ красками и сказалъ, что онъ написалъ его совершенно точно, и что оно таково. И легковѣрный и художникъ оказываются оба въ одинаковомъ положеніи: оба не видятъ ничего, кромѣ дерева и красокъ, и такимъ образомъ одинъ слѣпецъ ведетъ другого: поистинѣ не со звѣрями подлежитъ тебѣ здѣсь сражаться, но съ богами.

122. Теперь замѣть: когда все Божество въ семь мірѣ подвиглось на твореніе, то было не такъ, чтобы подвиглась только одна часть, а другая покоилась; но все одновременно было въ

движеніи: вся глубина, гдѣ былъ царемъ господинъ Люциферъ, и на какую только простиралось мѣсто его царства, и на какой былъ возженъ въ огнѣ гнѣва салиттеръ. .

123. Движеніе трехъ рожденій длилось шесть дней и ночей, въ теченіе которыхъ всѣ семь духовъ Божіихъ пребывали всецѣло въ подвижномъ рожденіи, а равно и сердце этихъ духовъ: и въ это время салиттеръ земли обернулся шесть разъ въ великомъ колесѣ; каковое колесо суть семь источныхъ духовъ Божіихъ; и при каждомъ оборотѣ рождался особый составъ силъ, сообразно присущимъ источнымъ духамъ.

124. Ибо первый источникъ духъ есть терпкое, холодное, острое и жесткое рожденіе; и онъ принадлежитъ къ первому дню: въ звѣздномъ рожденіи астрологи называютъ его сатурническимъ рожденіемъ, и оно было совершено въ первый день.

125. Ибо тогда произошли и были сплочены воедино жесткіе, грубые, острые камни и земля, а также рождена была крѣпкая небесная твердь, и сердце семи духовъ Божіихъ пребывало сокрытымъ въ жесткой остротѣ.

126. Второй день астрологи приписываютъ солнцу; но, выражаясь астрологически, онъ принадлежитъ Юпитеру: ибо на второй день свѣтъ изъ сердца семи источныхъ духовъ прорвался сквозь твердое качество неба, и произвелъ смягченіе въ жесткой водѣ неба, и въ кротости просіялъ свѣтъ.

127. Тогда кротость и жесткая вода были разлучены другъ отъ друга, и жесткая осталась на своемъ жесткомъ престолѣ, какъ жесткая смерть, а кроткая, силою свѣта, прорвалась сквозь жесткую.

128. И это есть вода жизни, рождающаяся въ свѣтѣ Божіемъ изъ жесткой смерти: такъ прорвался свѣтъ Божій въ сладкой небесной водѣ сквозь терпкую и жесткую мрачную смерть, и такъ было создано небо изъ среды воды.

129. Жесткая твердь есть терпкое качество, а нѣжная твердь есть вода, и въ ней восходитъ свѣтъ жизни, который есть ясность Сына Божія.

130. И такимъ же точно образомъ восходитъ познаніе и свѣтъ жизни и въ чловѣкѣ, и въ такомъ образѣ, рожденіи и восхожденіи состоитъ весь свѣтъ Божій въ семь мѣръ.

131. Третій день совершенно правильно приписывается Марсу, ибо онъ горькій и неистовый и подвижный духъ. Въ третьемъ оборотѣ земли горькое качество терлось съ терпкимъ.

132. Пойми правильно эту высокую вещь: когда свѣтъ въ сладкой водѣ проникъ сквозь терпкаго духа, то молнія огня или испугъ свѣта, когда онъ зажегся въ водѣ, взошла въ терпкомъ и жесткомъ, мертвомъ рожденіи, и возбудила все, откуда и произошла подвижность.

133. И я говорю здѣсь не объ одномъ только небѣ надъ землею; но это возбужденіе и рожденіе произошло заразъ и на землѣ и повсюду.

134. Но какъ небесные плоды, прежде времени гнѣва, восходили только въ этомъ возбужденіи источныхъ духовъ, и чрезъ возбужденіе ихъ также и исчезали, и измѣнялись, то и въ третій день творческаго рожденія они взошли въ терпкомъ качествѣ земли также чрезъ возбужденіе молніи огня.

135. И хотя все Божество пребываетъ сокрыто въ средоточіи земли, все же земля не могла породить небесныхъ плодовъ; ибо терпкій духъ задвинулъ жестокій затворъ смерти, чтобы сердце Божества во всякомъ рожденіи оставалось такимъ образомъ сокрытымъ въ своемъ кроткомъ и свѣтломъ небѣ.

136. Ибо самое внѣшнее рожденіе есть природа, и ей не подобаешь простираться обратно въ сердце Божіе, да она и не можетъ этого; но она есть тѣло, и въ ней рождаются источники духи, и являютъ и предлагаютъ рожденіе свое съ его плодами.

137. Вотъ почему въ третій день земля зазеленѣла, когда источники духи пребывали въ испугѣ слова или молніи огня.

О РОЖДЕНІИ ЗВѢЗДЪ И ТВОРЕНІИ ЧЕТВЕРТАГО ДНЯ.

Здѣсь начинается описаніе звѣзднаго рожденія, и пусть читатель обратитъ вниманіе на первое заглавіе этой книги, гласящее: УТРЕННЯЯ ЗАРЯ въ ВОСХОЖДЕНІИ: ибо здѣсь даже и простецъ сможетъ увидѣть и постигнуть существо Божіе.

2. Пусть только читатель не ослѣпляетъ себя самъ своимъ невѣріемъ и тугою понятливостью: ибо у меня здѣсь вся природа со всѣми ея дѣтьми въ свидѣтели и въ доказательство. И если ты разумень, то оглянись вокругъ, и взгляни на самого себя, и размысли хорошенько, и ты скоро найдешь, изъ какого духа я пишу.

3. Я же выполню послушно повелѣніе духа; смотри же, не позволяй себѣ затворяться предъ открытою дверью, ибо здѣсь предъ тобою открыты врата познанія.

4. И хотя духъ вступитъ въ противорѣчіе съ иными астрологами, это меня не очень смущаетъ; я долженъ повиноваться Богу больше, нежели людямъ: они слѣпы въ духѣ; если не хотятъ видѣть, пусть и остаются слѣпыми.

5. Теперь замѣть: когда на третій день взошла изъ просіявшаго въ сладкой водѣ свѣта молнія огня (каковая молнія есть горькое качество, рождающееся въ водѣ изъ возженнаго испуга огня).

6. То вся природа сего міра пришла въ кипѣніе и движеніе въ землѣ, какъ и надъ землею, и во всѣхъ вещахъ начала снова рождаться жизнь.

7. Изъ земли взошли трава, зелень и деревья, и въ землѣ—серебро, золото и всякія руды, и въ глубинѣ надъ землею взошло дивное сложеніе силъ.

8. Но чтобы ты могъ понять, при какихъ обстоятельствахъ и какъ все произошло со всѣми этими вещами и рожденіями, я опишу тебѣ все послѣдовательно, каждое въ своемъ порядкѣ, чтобы ты правильно понялъ основаніе этой тайны: и во-первыхъ, начну съ земли; затѣмъ, во-вторыхъ, будетъ рѣчь о глубинѣ надъ землею; и въ-третьихъ, о сплоченіи воедино тѣлъ звѣздъ; въ-четвертыхъ, о семи главныхъ качествахъ планетъ, и объ ихъ сердцѣ, каковое есть солнце; въ-пятыхъ о четырехъ стихіяхъ, и въ-шестыхъ, о внѣшнемъ постижимомъ рожденіи, происходящемъ изъ всего этого правленія, и въ-седьмыхъ, о дивной соразмѣрности и пригнанности всего колеса природы.

9. Предъ это зеркало приглашаю я теперь всѣхъ любителей святыхъ и многохвальныхъ искусствъ философіи, астрологіи и теологіи: я хочу здѣсь открыть имъ корень и основаніе.

10. И хотя я раньше не изучалъ ихъ искусствъ, и не учился имъ, и не умѣю обходиться съ ихъ измѣреніями окружностей, да это меня и не заботитъ,—все же они найдутъ здѣсь довольно, чему поучиться, такъ что иной во всю свою жизнь не успѣетъ основательно изучить и постигнуть все.

11. Ибо я не нуждаюсь въ ихъ правилахъ и приемахъ, такъ какъ я научился не у нихъ, но имѣю иного учителя, каковой есть цѣлая природа. У этой то цѣлой природы съ присущимъ ей рожденіемъ изучилъ я мою философію, астрологію и теологію, и отъ нея научился, а не отъ людей или чрезъ людей.

12. Но такъ какъ люди суть боги, и имѣютъ познаніе Бога, единого Отца, изъ котораго они произошли, и въ которомъ живутъ, то я вовсе не презираю ихъ правила философіи, астрологіи и теологіи; ибо я нахожу, что большей частью оно покоится на истинномъ основаніи, и я приложу также стараніе, чтобы слѣдовать ихъ правилу.

13. Ибо я долженъ же сказать, что ихъ правило было моимъ учителемъ, и что съ ихъ правила я началъ, и изъ него получилъ свое первое познаніе; и я вовсе не имѣю намѣренія опрокидывать или улучшать ихъ правило: ибо я и не могу этого сдѣлать, никогда не учившись ему, но оставляю его на его престолѣ.

14. Я не намѣренъ также строить на ихъ основаніи; но какъ усердный работникъ хочу отгрести всю землю отъ корня, чтобы можно было видѣть все дерево съ корнемъ, стволомъ, сучьями, вѣтвями и плодами, и чтобы писаніе мое не было такимъ образомъ ничѣмъ новымъ, но чтобы ихъ философія и моя философія были единымъ тѣломъ, единымъ деревомъ, приносящимъ одинаковые плоды.

15. И у меня нѣтъ также никакого повелѣнія сильно сѣтовать на нихъ, или осуждать ихъ иначе, какъ за ихъ пороки гордости, зависти, жадности и гнѣва; на это сѣтуетъ весьма могущественно духъ природы, а не я; и что могъ бы я сдѣлать, жалкій прахъ, я, который весьма немощенъ.

16. Но вотъ, что указываетъ духъ: Имъ ввѣренъ былъ полновѣсный талантъ и ключъ; но они погрязли въ сладострастіяхъ плоти, и закопали въ землю полновѣсный талантъ, и въ гордомъ опьянѣніи своемъ потеряли ключъ.

17. Духъ долгое время дожидался у нихъ, что они отпрутъ, что день уже близокъ; но они бродятъ въ своемъ опьянѣніи, и ищутъ ключъ, хотя онъ у нихъ, и не знаютъ его, и постоянно блуждаютъ такимъ образомъ въ поискахъ, въ своемъ гордомъ и тщеславномъ опьянѣніи, подобно мужику, который ищетъ свою лошадь, а самъ ѣдетъ на ней.

18. Потому говоритъ духъ природы: Такъ какъ они не хотятъ пробудиться отъ сна, и отпереть дверь, то я сдѣлаю это самъ.

19. Что могъ бы я иначе, бѣдный, простой мірянинъ, писать или учить объ ихъ высокомъ искусствѣ, если бы это не было дано мнѣ духомъ природы, въ которомъ я есмь и живу? не состою ли я лишь въ простомъ мірскомъ званіи, и не получаю за это писаніе никакой платы? долженъ ли я потому противиться духу, возбраняя ему начать отпирать тамъ, гдѣ онъ хочетъ? вѣдь я не сама дверь, а только простой засовъ предъ нею: если бы духъ теперь выдернулъ меня, и бросилъ въ огонь, неужели я могъ бы возбранить ему и въ этомъ?

20. И вотъ, если бы я захотѣлъ быть негоднымъ засовомъ, который не позволялъ бы духу выдернуть себя и отпереть, развѣ духъ не разгнѣвался бы на меня, и не сорвалъ бы меня,

и не выкинулъ бы прочь, и не сдѣлалъ бы себѣ болѣе полезный и пригодный засовъ? И я лежалъ бы тогда, и меня попирали бы ногами, того, кто еще недавно красовался на прекрасной двери: на что былъ бы тогда годенъ засовъ иначе, какъ на дрова?

21. Вотъ, я говорю тебѣ тайну: какъ только дверь распахнется до самаго крюка своего, выкинуты будутъ вонъ всѣ негодные, крѣпко забитые засовы; ибо оттолѣ дверь не будетъ больше затворена, но останется открытой; и всѣ четыре вѣтра будутъ входить и выходить сквозь нее. Но чародѣй сидитъ на дорогѣ, и многихъ ослѣпить, такъ что они не увидятъ двери, и тогда вернутся домой и скажутъ: тамъ нѣтъ никакой двери, но это только вымыселъ, не ходите больше туда.

22. Такъ дозволяютъ люди сбивать себя съ пути, и живутъ въ своемъ опьянѣнїи.

23. Когда же это произойдетъ, то разгнѣвается духъ, растворившій ворота, за то, что никто больше не хочетъ входить или выходить чрезъ его ворота, и сбросить въ бездну столпы воротъ; и оттолѣ не будетъ больше времени: кто внутри ихъ, тѣ и останутся внутри, а кто снаружи, тѣ и останутся снаружи. Аминь.

24. Теперь спрашивается: что же суть звѣзды? Вотъ Моисей пишетъ объ этомъ: И сказалъ Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небесной для отдѣленія дня отъ ночи, и для знаменій и временъ, дней и годовъ; и да будутъ они свѣтилами на тверди небесной, чтобы свѣтить на землю.

25. И стало такъ, и создалъ Богъ два свѣтила великія: свѣтило бѣльшее для управленія днемъ, и свѣтило меньшее для управленія ночью, и звѣзды; и поставилъ ихъ Богъ на тверди небесной, чтобы свѣтить на землю, и управлять днемъ и ночью, и отдѣлять свѣтъ отъ тьмы. И увидѣлъ Богъ, что это хорошо; и изъ вечера и утра былъ день четвертый (Быт. 1, 14—19).

26. Это описаніе достаточно показываетъ, что высокій мужъ Моисей не былъ его авторомъ: ибо писатель не позналъ ни истиннаго Бога, ни того, что суть звѣзды. И надо полагать, что сотвореніе не было описано до потопа, но хранилось въ

памяти, какъ смутное сказаніе, и передавалось изъ рода въ родъ до временъ послѣ потопа, когда міръ снова зажилъ эпикурейски.

27. Тогда святые отцы, увидѣвши это, описали сотвореніе, чтобы оно не было забыто, и чтобы эпикурейскій міръ въ сотвореніи имѣлъ предъ собою зеркало, и могъ увидѣть изъ него, что Богъ есть, и что настоящее состояніе міра не было отъ вѣчности такимъ; чтобы имѣлъ онъ, такимъ образомъ, въ сотвореніи зеркало предъ собою, и боялся этого сокровеннаго Бога.

28. Въ этомъ заключалось также главнѣйшее наставленіе и ученіе праотцевъ послѣ потопа, какъ и до него, что они указывали людямъ на сотвореніе, какъ это дѣлается и во всей книгѣ Іова.

29. Послѣ этихъ отцовъ пришли мудрые язычники; они проникли нѣсколько глубже въ познаніи природы: и я поистинѣ долженъ сказать, что въ философіи своей и познаніи они достигли даже до лица Божія, однако не смогли ни увидѣть, ни познать его.

30. Такъ человекъ совсѣмъ умеръ смертью, и накрѣпко заточенъ былъ въ самомъ внѣшнемъ рожденіи, въ мертвой постижимости: иначе имъ, конечно, пришла бы мысль, что въ постижимости должна быть сокрыта въ средоточіи Божественная сила, которая такимъ образомъ сотворила постижимость, а также хранить и поддерживааетъ ее, и править ею.

31. Они, хотя и почитали солнце и звѣзды и поклонялись имъ, какъ богамъ, однако не познали, какимъ образомъ тѣ были сотворены или возникли, или изъ чего онѣ возникли.

32. Ибо вѣдь могли же они подумать, что онѣ отъ чего-нибудь да произошли, и что создавшее ихъ должно было быть больше и старше самихъ звѣздъ.

33. Впрочемъ, у нихъ есть и примѣръ тому: земля и камни, которые должны же были отъ чего-нибудь произойти, равно какъ и люди и всѣ твари на землѣ. Все это убѣждаетъ ихъ, что въ этомъ присутствуетъ еще болѣе могущественная сила, которая все такъ сотворила.

34. Но что же я буду много писать о слѣпотѣ язычниковъ; развѣ не такъ же слѣпы и наши ученые въ своихъ разу-

крашенныхъ шапочкахъ: правда они знаютъ, что есть Богъ, сотворившій все это, но не знаютъ, гдѣ этотъ Богъ, или каковъ Онъ.

35. Когда они хотятъ писать о Богѣ, они ищутъ Его внѣ сего міра единственно только на небѣ, какъ если бы Онъ былъ какой-нибудь образъ, сравнимый съ другимъ. Правда, они допускаютъ, что этотъ Богъ правитъ всѣмъ въ семь мірѣ чрезъ нѣкій духъ, но они хотятъ, чтобы тѣлесное состояніе Его было лишь за много тысячъ миль въ какомъ-то небѣ.

36. Сюда, вы, ученые, и если вы правы, дайте духу отвѣтъ; я хочу кое-о-чемъ спросить васъ:

37. Какъ вы полагаете, что было вмѣсто сего міра прежде времени міра? Или изъ чего, мнится вамъ, произошли земля и звѣзды? Или что, мнится вамъ, находится въ глубинѣ надъ землею, или изъ чего произошла эта глубина? Или какимъ образомъ, мнится вамъ, человѣкъ есть образъ Божій, въ которомъ обитаетъ Богъ? Или что, по мнѣнію вашему, есть гнѣвъ Божій? Или чѣмъ негоденъ Богу человѣкъ, что Онъ предастъ его мученіямъ, разъ Онъ самъ сотворилъ его, и что Онъ вмѣнилъ ему грѣхъ и осудилъ на вѣчную муку?

38. Зачѣмъ тогда создалъ Онъ то, въ чемъ человѣкъ погрѣшаетъ? Не должно ли оно быть еще гораздо злѣе? Зачѣмъ или откуда оно произошло? Или какова причина, или начало, или рожденіе яростнаго гнѣва Божія, откуда возникли адъ и діаволы? Или какъ это произошло, что всѣ твари въ семь мірѣ грызутся, дерутся и бьются между собою, и однако грѣхъ вмѣняется только одному человѣку?

39. Или откуда произошли ядовитыя и злыя животныя и гады со всею вредною тварью? Или откуда произошли святые ангелы? И, наконецъ, что есть душа человѣка и самъ великій Богъ?

40. Дайте на это вѣрный и точный отвѣтъ, и докажите, и отступитесь отъ вашего словопренія. И если вы сможете доказать изъ вашихъ прежнихъ писаній, что знаете истиннаго единаго Бога, какъ Онъ пребываетъ въ любви и гнѣвѣ, что Онъ есть, и сможете доказать, что Богъ не въ звѣздахъ, стихіяхъ, землѣ, камняхъ, людяхъ, животныхъ, гадахъ, не въ зелени,

листвѣ и травѣ, не въ небѣ, и землѣ, и что все это не есть самъ Богъ, и что духъ мой заблуждается,—то я буду первымъ и сожгу въ огнѣ мою книгу, и отрекусь отъ всего, что написалъ, и проклянѹ это, и послушно буду внимать вашимъ наставленіямъ.

41. Это сказано однако не въ томъ смыслѣ, будто я совсѣмъ не могу заблуждаться: ибо нѣкоторыя вещи, недостаточно выяснены, и онѣ описаны какъ бы съ одинаго взгляда на великаго Бога, ибо колесо природы обращается слишкомъ быстро, и человѣкъ своимъ полумертвымъ и коснымъ постиженіемъ не можетъ достаточно охватить ихъ.

42. Но что окажется въ одномъ мѣстѣ изложеннымъ неясно и неполно, то ты снова встрѣтишь въ другомъ, если не въ этой книгѣ, такъ въ другой.

43. Теперь ты скажешь, что не подобаешь мнѣ задавать такіе вопросы, ибо Божество есть тайна, неизслѣдимая ни для кого. Тогда слушай: если мнѣ не подобаешь спрашивать, то и тебѣ не подобаешь также судить меня; но ты хвалишься познаніемъ свѣта и тѣмъ, что ты водитель слѣпыхъ, и самъ однако слѣпъ; какъ же ты хочешь указывать путь слѣпому? Не упадете ли вы оба въ слѣпотѣ вашей?

44. Но если ты скажешь: мы не слѣпы, и отлично видимъ путь свѣта, — то почему же вы спорите тогда изъ-за пути свѣта, котораго въ точности никто не видитъ? Вы наставляете другихъ на путь, и однако сами продолжаете искать его, и шарите во тѣмѣ, и не видите его: или вы мните, что это грѣхъ, когда кто-нибудь спрашиваетъ о пути?

45. О, слѣпые люди, оставьте ваши споры, и не проливайте невинной крови, и не опустошайте изъ-за нихъ странъ и городовъ, по волѣ діавола; но надѣньте шлемъ мира, и опояштесь любовью другъ къ другу, и вооружитесь кротостью. Отступитесь отъ гордости и жадности, пусть никто не завидуетъ облику другого; не допускайте загораться въ васъ огню гнѣва, но живите въ кротости, цѣломудріи, дружбѣ и чистотѣ; тогда всѣ вы пребываете и живете въ Богѣ.

46. Ибо не надо тебѣ спрашивать: гдѣ Богъ? Слушай же, слѣпой человѣкъ: ты живешь въ Богѣ, и Богъ пребываетъ въ

тебѣ, и если ты живешь свято, то самъ ты Богъ; куда ты ни взглянешь, вездѣ Богъ.

47. Или, созерцая глубину между звѣздами и землею, ты, можетъ быть, скажешь: это не Богъ, или: здѣсь нѣтъ Бога? О, бѣдный, поврежденный человѣкъ, позволь наставить тебя: ибо въ этой глубинѣ надъ землею, гдѣ ты ничего не видишь и не познаешь, и говоришь, что тамъ ничего нѣтъ, тамъ равно пребываетъ въ своей Троицѣ свѣтло-святой Богъ, и тамъ рождается, подобно какъ въ горнемъ небѣ надъ симъ міромъ.

48. Или не мнишь ли ты, что во время сотворенія міра Онъ отлучился съ своего престола, на которомъ воссѣдалъ отъ вѣчности? О нѣтъ, этого не можетъ быть: и Онъ самъ не можетъ этого сдѣлать, если бы захотѣлъ, ибо Онъ самъ есть все; и какъ членъ тѣла не можетъ самъ отдѣлиться отъ него, такъ не можетъ быть разлученъ и Богъ.

49. А что въ Немъ такое множество различныхъ образованій, это производится Его вѣчнымъ рожденіемъ, которое прежде всего трояко, и изъ этой троичности рождается безконечно или неизмѣримо.

50. Объ этихъ рожденіяхъ я и хочу написать здѣсь, и показать сынамъ послѣдняго міра, что есть Богъ: не ради славы и не изъ гѣрдости, ни чтобы посрамить кого-нибудь тѣмъ или унижить: нѣтъ, кротко и дружески хочетъ духъ наставить тебя, какъ отецъ дѣтей своихъ; ибо произведеніе это не разумъ плоти моей, но откровеніе любви святого Бога или прорывъ въ плоти.

51. По собственнымъ силамъ моимъ я такой же слѣпой человѣкъ, какъ и всякій другой, и ничего не могу; но въ Духѣ Божіемъ мой врожденный духъ прозрѣваетъ сквозь все; однако не пребывающимъ образомъ, но когда духъ любви Божіей проникаетъ мой духъ, то душевное рожденіе и Божество бывають единымъ существомъ, единымъ постиженіемъ и свѣтомъ.

52. Не я одинъ таковъ, но всѣ люди таковы, будь они христіане, іудеи, турки или язычники; въ комъ есть любовь и кротость, въ томъ есть и свѣтъ Божій.

53. Или ты скажешь, что нѣтъ? И турки, и іудеи, и язычники не живутъ ли въ томъ же самомъ тѣлѣ, въ которомъ

живешь и ты, и пользуются силою того же тѣла, которою пользуешься и ты, и обладаютъ также тою же плотью, какъ и ты, и твой Богъ есть также и ихъ Богъ. .

54. Ты скажешь тогда: но они Его не знаютъ и не почитаютъ. Да, милый человекъ, хвались только, ты вѣрно попалъ; ты знаешь Его, пожалуй, лучше другихъ. Смотри же, слѣпой человекъ: гдѣ въ кротости восходитъ любовь, тамъ восходитъ сердце Божіе; ибо сердце Божіе рождается въ кроткой водѣ возженнаго свѣта, будь то въ человекѣ или внѣ человека, оно повсюду рождается въ средоточіи, посрединѣ между самымъ внѣшнимъ и самымъ внутреннимъ рожденіемъ.

55. И на что ты ни взглянешь, вездѣ Богъ: постижимость же въ семь мірѣ состоитъ въ гнѣвѣ, ее возжегъ діаволь; и въ сокровенномъ ядрѣ посреди гнѣва рождается свѣтъ или сердце Божіе, непостижимое для гнѣва; и они остаются каждый на своемъ престолѣ.

56. Говоря такъ, я вовсе не хвалю невѣріе и жестоковѣйность іудеевъ, турокъ и язычниковъ, и ярость и злобу ихъ на христіанъ: нѣтъ, все это лишь сѣти діавола, который направляетъ этимъ людей на гордость, жадность, зависть и гнѣвъ, чтобы разжечь въ нихъ адскій огонь; и я не могу сказать, чтобы эти четыре сына діавола не правили также и въ христіанствѣ, и даже въ каждомъ человекѣ.

57. Теперь ты скажешь: въ чемъ же тогда разница между христіанами, іудеями, турками и язычниками? Здѣсь духъ распахиваетъ и ворота и двери: если ты не хочешь видѣть, оставайся слѣпъ. Во-первыхъ, та разница, которую Богъ установилъ всегда и повсюду, что имѣющіе познаніе того, что есть Богъ, и какъ они должны Ему служить, могутъ знаніемъ своимъ пробиться сквозь гнѣвъ въ любовь Божію и побѣдить діавола; если же они этого не дѣлаютъ, то они нисколько не лучше тѣхъ, которые этого не знаютъ.

58. Если же кто-нибудь, не зная пути, пробивается сквозь гнѣвъ въ любовь, то онъ равенъ тому, кто проникъ при помощи своего знанія; тѣ же, что упорствуютъ въ гнѣвѣ, и еще болѣе разжигаютъ его въ себѣ, они также всѣ равны другъ другу, будь они христіане, іудеи, турки или язычники (Рим. 2, 11—29).

59. Или чѣмъ, мнится тебѣ, можно служить Богу? Не хочешь ли ты лицемѣрить съ нимъ, и прикрасить свое рожденіе?

60. Я же полагаю, что ты прекрасный ангель: у кого есть въ сердцѣ любовь, и кто проводитъ милосердную и кроткую жизнь, и сражается со злобою, и пробивается сквозь гнѣвъ Божій въ свѣтъ, тотъ живетъ съ Богомъ, и онъ единый духъ съ Богомъ.

61. Ибо Богъ не нуждается ни въ какомъ иномъ служеніи, какъ чтобы твореніе Его, которое въ тѣлѣ Его, не отдалялось отъ Него, но было свято, какъ святъ Онъ.

62. Ради того Богъ далъ и законъ іудеямъ, чтобы они усердно предались кроткой святости и любви, и весь міръ имѣлъ бы для себя зеркало въ нихъ; но когда они впали въ гордость, и вмѣсто любви стали хвалиться своимъ рожденіемъ, и законъ любви превратили въ остроту гнѣва, тогда Богъ сдвинулъ ихъ свѣтильникъ, и обратился къ язычникамъ.

63. Во-вторыхъ, та разница между христіанами, іудеями, турками и язычниками, что христіане знаютъ древо жизни, которое есть Христосъ, князь нашего неба и сего міра, правящій во всѣхъ рожденіяхъ, какъ царь въ Богѣ Отцѣ своемъ, и люди суть Его члены.

64. И вотъ христіане знаютъ, какъ они могутъ силою этого дерева пробиться изъ своей смерти, чрезъ Его смерть, къ Нему въ Его жизнь, и господствовать и жить съ Нимъ: и этимъ своимъ проицаніемъ, новымъ рожденіемъ своимъ изъ сего мертваго тѣла могутъ они тогда пребывать у Него на небѣ.

65. И хотя мертвое тѣло находится посреди ада у всѣхъ діаволовъ, однако новый человекъ господствуетъ вмѣстѣ съ Богомъ на небѣ; и древо жизни для нихъ крѣпкія врата, чрезъ которыя они входятъ въ жизнь. Ты найдешь это на своемъ мѣстѣ подробнѣе.

66. Теперь замѣть: Моисей пишетъ, что Богъ сказалъ: Да будутъ свѣтила на тверди небесной, которыя бы свѣтили на землю, и отдѣляли день отъ ночи, и творили годы и времена и т. д.

67. Это описаніе показываетъ, что первый авторъ не зналъ, что такое звѣзды, хотя и постигалъ истиннаго Бога; но онъ

бралъ Божество въ сердцѣ Его, и смотрѣлъ на сердце, что есть сердце и ядро сего творенія; и духъ оставилъ сокрытымъ отъ него звѣздное и самое внѣшнее мертвое рожденіе, и направлялъ его только къ вѣрѣ, къ сердцу Божества.

68. Что и есть самое главное, самое необходимое для человека: ибо, овладѣвъ истинною вѣрою, онъ проникаетъ сквозь гнѣвъ Божій чрезъ смерть въ жизнь, и господствуетъ съ Богомъ.

69. Но какъ нынѣ въ концѣ сего времени люди сильнѣе вожделѣютъ по корнѣ этого дерева, и природа указываетъ этимъ, что близко время обнаженія дерева, то вотъ хочетъ духъ показать имъ этотъ корень, и Божество — совершенно открыться: и это есть Утренняя Заря и наступленіе великаго дня Божія, когда будетъ возвращено и снова взойдетъ то, что родилось изъ смерти, въ возрожденіе жизни.

70. Смотри: когда Богъ сказалъ: да будетъ свѣтъ, то въ силахъ природы или въ семи духахъ Божіихъ взошелъ свѣтъ; и тогда небесная твердь, состоящая въ словѣ, въ сердцѣ воды, была заключена между звѣзднымъ и самымъ внѣшнимъ рожденіемъ, вмѣстѣ съ словомъ и сердцемъ воды; и звѣздное рожденіе есть мѣсто раздѣла, и находится наполовину въ гнѣвѣ.

71. Ибо изъ этой половины гнѣва непрестанно рождается нынѣ мертвое рожденіе, а изъ другой половины, достигающей самую внутреннюю свою степень до самого внутренняго сердца и свѣта Божія, непрестанно чрезъ смерть рождается жизнь; и однако звѣздное рожденіе не два, а единое тѣло.

72. Когда же въ два дня завершено было сотвореніе неба и земли, и въ сердцѣ воды создано было небо для раздѣла между свѣтомъ Божіимъ и гнѣвомъ Божіимъ, тогда на третій день снова зошли чрезъ испугъ молніи огня (взошедшей въ сердцѣ воды, и проникшей сквозь смерть, непостижимо для смерти) всевозможные образы, какъ это было прежде времени возженнаго гнѣва.

73. Но такъ какъ вода, которая есть духъ звѣздной жизни, состояла также въ гнѣвѣ и въ смерти, то каждое тѣло сложилось сообразно тому, каково было рожденіе на жизнь и подвижность.

74. Земля была, теперь, тѣмъ салиттеромъ, который былъ извергнутъ изъ самаго внутренняго рожденія, и состоялъ въ смерти; когда же чрезъ слово возшла въ водѣ молнія огня, то это былъ испугъ, и отъ него произошла въ смерти подвижность; и эта подвижность во всѣхъ семи духахъ и есть нынѣ звѣздное рожденіе.

ГЛУБИНА.

75. Пойми это въ точности: когда на третій день въ водѣ смерти вспыхнула молнія огня, то сквозь мертвое тѣло воды и земли проникла жизнь.

76. Но вотъ мертвая вода и земля постигаетъ не болѣе, какъ только молнію или испугъ огня, откуда возникаетъ ихъ подвижность; свѣтъ же, весьма кротко восходящій въ молніи огня, его ни земля ни мертвая вода не можетъ постигнуть.

77. Но онъ сохраняетъ престолъ свой въ ядрѣ, каковое есть тукъ, или вода жизни, или небо: ибо онъ есть тѣло жизни, котораго смерть не можетъ постигнуть, и однако оно восходитъ въ смерти; не можетъ постигнуть его также и гнѣвъ, но остается въ испугѣ молніи огня, и создаетъ подвижность въ мертвомъ тѣлѣ земли и въ водѣ.

78. Свѣтъ же весьма кротко проникаетъ вслѣдъ, и слагаетъ рожденіе, получившее чрезъ испугъ молніи огня свое сплоченное воедино тѣло.

ПРОИЗРАСТАНІЯ ЗЕМЛИ.

79. Когда же теперь гнѣвная молнія огня яростнымъ испугомъ своимъ пробудитъ и сдѣлаетъ подвижными духовъ природы, пребывающихъ въ смерти въ землѣ, то духи начинаютъ рождаться по свойственному имъ Божественному праву, какъ они то дѣлали отъ вѣчности, и слагаютъ воедино нѣкоторое тѣло, сообразно присущимъ тому мѣсту качествамъ.

80. Каковъ былъ салиттеръ, умершій смертью во время возженія гнѣва, и какъ онъ въ то время качествомъ въ присутствіи тогда семи духамъ Божиимъ жизни, такимъ же возшелъ онъ и снова во время возрожденія въ молніи огня,

и не произошло ничего новаго, какъ только иной образъ тѣла, состоящаго въ постижимости въ смерти.

81. Но салиттеръ земли и воды не мѳжетъ больше измѣняться нынѣ въ мертвомъ своемъ существѣ, и проявляться въ безконечномъ многообразіи, какъ онъ то дѣлалъ на небесномъ престолѣ; но когда источные духи слагаютъ тѣло, онъ восходитъ въ силѣ свѣта.

82. И жизнь свѣта прорывается сквозь смерть, и порождаетъ себѣ иное тѣло изъ смерти, несходное съ водою и съ мертвою землею; и оно не получаетъ также ихъ вкуса и запаха, но сила свѣта проникаетъ его, и умѣряется силою земли, и отнимаетъ у смерти ея жало, и у гнѣва — его ядовитую власть, и проникаетъ въ средину тѣла, и восходитъ въ произрастаніи, какъ нѣкое сердце.

83. И здѣсь таится ядро Божества въ средоточіи въ своемъ небѣ, пребывающемъ сокрыто въ водѣ жизни. И вотъ, если можешь, завладѣй имъ.

О МЕТАЛЛАХЪ ВЪ ЗЕМЛѢ.

84. Существо и рожденіе металловъ таково же, какъ и надземныхъ произрастаній. Ибо во время возженія гнѣва металлъ, или руда, пребывалъ въ присутствіи тогда колесѣ седьмого духа природы въ составѣ любви, гдѣ позади молніи огня рождается кроткое благодѣяніе, въ каковомъ благодѣяніи состоитъ святое небо, являющееся въ этомъ рожденіи, когда первенство переходитъ къ любви, въ блаженной ясности и въ прекрасныхъ цвѣтахъ, подобно золоту, серебру и драгоцѣннѣйшимъ камнямъ.

85. Но въ мертвой осязаемости золото и серебро суть лишь темный камень, въ сравненіи съ корнемъ небеснаго порожденія. Я помѣщаю это здѣсь лишь ради того, чтобы ты зналъ, откуда они имѣютъ свое начало.

86. Такъ какъ они были самымъ прекраснымъ восхожденіемъ и рожденіемъ въ святой небесной природѣ, то и въ семъ мѣрѣ бываютъ они болѣе другихъ любимы человекомъ. Ибо природа, правда, вписала въ сердце человекъ, что они лучше другихъ камней и земель, но она не могла открыть ему осно-

ваніе, откуда они возникли или произошли; при чемъ ты можешь замѣтить теперь утреннюю зарю дня.

87. Рудъ же много, и онѣ различны, каждая сообразно тому, какое первенство имѣлъ салиттеръ въ природномъ небѣ при своемъ восхожденіи въ свѣтъ любви. Ибо каждый источникъ духъ въ небесной природѣ имѣетъ въ себѣ родъ и свойства всѣхъ источниковъ духовъ: ибо онъ непрестанно заражается другими, откуда возникаетъ жизнь и неизслѣдимое рожденіе Божіе; но въ одной нѣкой силѣ имѣетъ онъ первенство, и это есть его собственное тѣло, отъ котораго онъ имѣетъ имя.

88. Но каждый источникъ духъ имѣетъ свойство всей природы, и составъ его во время возженія гнѣва Божія воплощенъ былъ также въ смерть, и изъ состава каждаго духа произошли земля, камни, руды и вода.

89. Вотъ почему ты и находишь въ землѣ руды, камни, воду и землю по качеству каждаго духа; и вотъ почему земля бываетъ столь многихъ и различныхъ качествъ, все сообразно тому, какое первенство имѣлъ каждый источникъ духъ, съ присущимъ ему рожденіемъ, во время возженія.

90. Природа настолько, впрочемъ, открыла человѣку, что онъ знаетъ, какъ ему удалить плавленіемъ чуждое вещество изъ зараженнаго чуждаго порожденія каждаго источника духа, чтобы этотъ источникъ духъ сохранилъ первенство въ своемъ собственномъ удѣлѣ.

91. У тебя есть примѣръ тому на золотѣ и серебрѣ: ты не прежде можешь ихъ очистить, такъ чтобы они стали чистымъ серебромъ и золотомъ, какъ переплавивъ ихъ семь разъ въ огнѣ; когда это сдѣлано, они остаются на среднемъ престолѣ въ сердцѣ природы, каковое есть вода, въ своемъ собственномъ качествѣ и цвѣтѣ.

92. Во-первыхъ, должно быть удалено плавленіемъ терпкое качество, которое содержитъ салиттеръ въ плѣну жесткой смерти, и это есть грубый каменистый шлакъ. Затѣмъ надо отдѣлить отъ воды терпкую смерть, откуда происходитъ ядовитая крѣпкая водка, состоящая въ смерти въ восхожденіи молніи огня; это злой, да, наизлѣйшій источникъ смерти, да, сама терпкая и горькая смерть: ибо это есть то мѣсто, гдѣ

смертью умерла жизнь, возникающая въ сладкой водѣ; и это отдѣляется теперь при второмъ плавленіи.

93. Въ-третьихъ, удаляется плавленіемъ горькій духъ, возникающій при возженіи воды въ молніи огня: ибо это неистовый, буйный раззоритель, и никакое серебро и золото не можетъ устоять, пока онъ еще не убитъ, ибо онъ все дѣлаетъ хрупкимъ, и является въ разнообразныхъ цвѣтахъ, такъ какъ онъ проносится чрезъ всѣхъ духовъ, и принимаетъ на себя цвѣта всѣхъ духовъ.

94. Въ-четвертыхъ, долженъ быть удаленъ плавленіемъ также и духъ огня, состоящій въ жестокой скорби и мучительствѣ жизни; ибо онъ непрестанный отецъ гнѣва, и изъ него рождается адская мука.

95. Когда же умерщвленъ гнѣвъ четырехъ этихъ духовъ, въ водѣ остается салиттеръ руды, какъ густое вещество, и видомъ походитъ на духа, имѣющаго въ той рудѣ первенство: и свѣтъ, состоящій въ огнѣ, окрашиваетъ его сообразно его собственному качеству, будь то серебро или золото.

96. И теперь вещество въ этомъ четвертомъ плавленіи бываетъ по виду похоже на серебро или золото; но еще не имѣетъ пребыванія, и еще недостаточно густо и чисто: тѣло уже содержится въ немъ, но не духъ.

97. Когда оно теперь въ пятый разъ сплавляется, то духъ любви восходитъ въ водѣ чрезъ свѣтъ, и дѣлаетъ мертвое тѣло снова живымъ, такъ что вещество, оставшееся послѣ четырехъ первыхъ плавленій, снова получаетъ ту силу, которая принадлежала источному духу, имѣющему первенство въ этой рудѣ.

98. Когда же оно теперь въ шестой разъ сплавляется, то становится нѣсколько тверже: тогда приходитъ въ движеніе и возбужденіе жизнь, взошедшая въ любви; и отъ этого возбужденія возникаетъ въ твердости звукъ, и руда получаетъ свѣтлую звонкость, ибо жесткое, стучащее и горько-огненное вещество удалено.

99. Въ этомъ шестомъ плавленіи, полагаю я, заключается для алхимиковъ въ ихъ дѣланіи серебра и золота величайшая опасность. Ибо здѣсь нуженъ очень тонкій огонь, иначе ве-

щество легко может сгорѣть и стать глухимъ, а также и слишкомъ слѣпымъ, чрезъ слишкомъ холодный огонь; ибо долженъ быть средній огонь, чтобы духъ въ сердцѣ не сталъ мятежнымъ, но кипѣлъ; весьма кротко тогда оно получаетъ нѣжный, сладкій и кроткій звонъ, и непрестанно радуется, какъ если бы ему предстояло снова возжечься въ свѣтъ Божию.

100. Если же огонь при пятомъ и шестомъ сплавленіи слишкомъ жарокъ, то новая жизнь, родившаяся въ любви изъ воды въ восхожденіи силы свѣта, снова заражается яростью въ огнѣ гнѣва, и руда превращается въ перегорѣвшую пѣну и шлакъ, и у алхимика оказывается пометъ вмѣсто золота.

101. Когда же оно теперь въ седьмой разъ сплавляется, то на это необходимъ еще болѣе тонкій огонь: ибо тогда восходитъ жизнь, и радуется въ любви, и хочетъ проявиться въ безконечномъ многообразіи, какъ она то дѣлала въ небѣ прежде времени гнѣва.

102. И въ этомъ движеніи оно снова становится тучнымъ и жирнымъ, и вырастаетъ, и ширится, и изъ сердца духа рождается весьма радостно высочайшая глубина, какъ если бы оно хотѣло начать ангельское ликованіе, и проявиться въ безконечномъ многообразіи въ Божественной силѣ и формѣ, по праву Божества. И чрезъ то получаетъ тѣло свою величайшую крѣпость и силу, и тѣло окрашивается въ высочайшую степень, и приобретаетъ свою настоящую красоту и добродѣтель.

103. И когда его теперь остудить, то у него бываетъ его настоящая сила и цвѣтъ, и оно не имѣетъ ни въ чемъ недостатка, какъ только въ томъ, что духъ не можетъ подняться въ свѣтъ вмѣстѣ со своимъ тѣломъ, но принужденъ оставаться мертвымъ камнемъ, хотя и гораздо болѣе могущественнымъ, нежели прочіе камни; и однако тѣло все еще остается въ смерти.

104. И вотъ земной Богъ слѣпыхъ людей, котораго они любятъ и почитаютъ, а живого Бога, сокрытаго въ средоточіи, оставляютъ возсѣдать на Его престолѣ. Ибо мертвая плоть и постигаетъ также лишь мертваго Бога, и по такомъ мертвомъ Богѣ только и томится; но это Богъ, который немало людей низвергъ уже въ адъ.

105. Ты не долженъ считатьъ меня потому за алхимика: ибо я пишу единственно въ познаніи духа, а не по опыту. Хоть я и могъ бы дать здѣсь нѣсколько больше указаній, во сколько дней и въ какіе часы надо готовить эти вещи: ибо нельзя сдѣлать золота въ одинъ день, но на это надо цѣлый мѣсяцъ;

106. Но это не входитъ въ мои намѣренія, пускаться въ подобныя попытки: ибо я не умѣю обращаться съ огнемъ, а также незнакомъ съ цвѣтами источныхъ духовъ въ ихъ самомъ внѣшнемъ рожденіи, и это два большихъ недостатка; но я знаю ихъ сообразно иному человѣку, который не состоитъ въ осязаемости.

107. При описаніи солнца ты найдешь объ этомъ нѣчто болѣе пространное и глубокое: намѣреніе мое направлено единственно на то, чтобы описать всецѣлое Божество, насколько оно постижимо мнѣ въ моей слабости, каково оно въ любви и гнѣвѣ, и какъ оно рождаетъ себя нынѣ въ семь мірѣ. О драгоценныхъ камняхъ ты найдешь при описаніи семи планетъ.

О ГЛУБИНѢ НАДЪ ЗЕМЛЕЮ.

Когда человекъ взираетъ на глубину надъ землею, онъ не видитъ ничего, кромѣ звѣздъ и водяныхъ облаковъ; тогда думаетъ онъ, что должно существовать иное мѣсто, гдѣ являло бы себя Божество съ небеснымъ и ангельскимъ правленіемъ. Онъ хочетъ попросту отдѣлать глубину съ ея правленіемъ отъ Божества, ибо онъ не видитъ тамъ ничего, кромѣ звѣздъ, а между ними правленіе—огонь, воздухъ и вода.

2. И онъ думаетъ тогда, что Богъ по предназначенію своему создалъ это такъ изъ ничего: какъ могъ бы въ существѣ быть Богъ, или какъ могло бы это быть самимъ Богомъ? Онъ всегда воображаетъ себѣ, что это лишь такой домъ, въ которомъ Богъ обитаетъ и правитъ своимъ духомъ: вѣдь, не можетъ Богъ быть такимъ Богомъ, чье существо состоитъ въ силѣ сего правленія.

3. Иной, можетъ быть, скажетъ: какой же это Богъ, котораго тѣло, существо и сила состоятъ въ огнѣ, воздухѣ, водѣ и землѣ?

4. Смотри же, непонятливый человекъ, вотъ я покажу тебѣ истинное основаніе Божества. Если все это существо не Богъ, то и ты не образъ Божій; если есть иной какой-нибудь чуждый Богъ, то ты не имѣешь части въ Немъ. Ибо ты сотворенъ изъ этого Бога, и живешь въ Немъ, и Онъ даетъ тебѣ непрестанно изъ себя силу, благословеніе, пищу и питіе; также и все знаніе твое состоитъ въ этомъ Богѣ; и когда ты умираешь, то бываешь погребенъ въ этомъ Богѣ.

5. Если же есть чуждый Богъ, который внѣ этого Бога, кто же тогда вновь оживитъ тебя изъ этого Бога, въ которомъ ты истлѣлъ? Какъ же этотъ чуждый Богъ, изъ котораго ты не

сотворенъ, и въ которомъ ты никогда не жилъ, снова соберетъ въ единый образъ тѣло и духъ твой?

6. Если же ты теперь иное существо, нежели самъ Богъ, то какъ же будешь ты тогда Его сыномъ? или какъ можетъ человѣкъ и царь Христосъ быть тѣлеснымъ Сыномъ Божиимъ, котораго Богъ родилъ изъ сердца своего?

7. Если же Божество Его есть иное существо, нежели Его тѣло, то въ Немъ должно было бы быть двойное Божество: тѣло Его было бы отъ Бога сего міра, а сердце Его—отъ не-
вѣдомаго Бога.

8. О, раскрой же очи духа твоего, человѣкъ, я хочу показать тебѣ здѣсь истинныя и правдивыя, настоящія врата Божества, какъ того хочетъ этотъ единый Богъ.

9. Смотри, вотъ истинный единый Богъ, изъ котораго ты сотворенъ, и въ которомъ живешь: когда ты взираешь на глубину, и на звѣзды, и на землю, то видишь твоего Бога, и въ этомъ то Богѣ ты и живешь и существуешь, и этотъ Богъ править тобою, и отъ этого Бога имѣешь ты и чувства свои, и ты—тварь изъ Него и въ Немъ, иначе ты былъ бы ничѣмъ.

10. Ты скажешь теперь, что я пишу по-язычески: слушай же, и смотри, и замѣчай разницу, каково все это: ибо пишу я не язычески, а философски; а также я не язычникъ, но имѣю глубокое и истинное познаніе единого великаго Бога, который есть все.

11. Когда ты взираешь на глубину, на звѣзды, стихіи и землю, ты не постигаешь глазами твоими свѣтлаго и яснаго Божества, хотя Оно и тамъ и во всемъ этомъ; но ты видишь и постигаешь глазами твоими прежде всего смерть, а затѣмъ гнѣвъ Божій и адскій огонь.

12. Если же ты возвышаешь мысли свои, и думаешь о томъ, гдѣ Богъ, ты постигаешь звѣздное рожденіе, въ которомъ любовь и гнѣвъ движутся другъ противъ друга. Когда же ты почерпаешь вѣру въ Бога, правящаго въ святости въ этомъ правленіи, то прорываешься сквозь небо, и достигаешь Бога въ святомъ Его сердцѣ.

13. Когда же это происходитъ, то ты бываешь, какъ всецѣлый Богъ, который есть самъ и небо, и земля, и звѣзды и

стихіи; и обладаешь въ себѣ такимъ же правленіемъ, и бываешь такимъ же лицомъ, какъ всецѣлый Богъ въ мѣстѣ сего міра.

14. Ты скажешь теперь: какъ мнѣ понять это? вѣдь царства Божіе и адское, или діаволово, различны другъ отъ друга, и не могутъ быть однимъ тѣломъ? а также и земля и камни не суть Богъ, равно какъ и небо и звѣзды, а также стихіи, и еще менѣе того можетъ быть Богомъ человѣкъ; иначе онъ не могъ бы быть изгнанъ Богомъ. Здѣсь я по порядку изложу тебѣ основаніе; сохрани свой вопросъ въ умѣ.

О ЗВѢЗДНОМЪ РОЖДЕНІИ И РОЖДЕНІИ БОЖІЕМЪ.

15. Прежде времени сотвореннаго неба и звѣздъ и стихій, и прежде сотворенія ангеловъ не было такого гнѣва Божія, а также ни смерти, ни діавола, и не было ни земли, ни камней, а также не было и никакихъ звѣздъ; но Божество весьма кротко и любовно рождало себя, и слагало въ образы, которые сплочивались сообразно источнымъ духамъ съ ихъ рожденіемъ, борьбою и восхожденіемъ, а также и вновь исчезали чрезъ свою борьбу, и слагались въ иные образы, — все это сообразно тому, какое каждый источникъ духъ имѣлъ первенство, какъ ты можешь прочесть выше.

16. Но замѣть здѣсь точно: суровое и строгое рожденіе, откуда возникли гнѣвъ Божій, адъ и смерть, оно поистинѣ было въ Богѣ отъ вѣчности, но не возженнымъ или мятежнымъ. Ибо всецѣлый Богъ пребываетъ въ семи видахъ, или въ семи разныхъ образахъ, или рожденіяхъ; и если бы не было этихъ рожденій, то не было бы и никакого Бога, а также ни жизни, ни ангеловъ, ни какой-либо твари.

17. И эти рожденія не имѣютъ начала, но отъ вѣчности всегда такъ рождались; и по этой глубинѣ самъ Богъ не знаетъ, что Онъ есть. Ибо Онъ не знаетъ никакого начала, а также ничего подобнаго себѣ, и никакого конца.

18. Изъ этихъ семи рожденій во всемъ ни одно не есть первое, а также ни одно—второе, третье и послѣднее; но каждое изъ всѣхъ семи есть и первое, и второе, и третье, и четвер-

тое и послѣднее. Однако по тварному роду и образу я принужденъ помѣщать ихъ одно за другимъ, иначе ты не поймешь этого: ибо Божество подобно колесу изъ семи вдѣланныхъ другъ въ друга колесъ, гдѣ не видно ни начала, ни конца.

19. Теперь замѣть: во-первыхъ, есть терпкое качество; оно непрестанно рождается шестью прочими духами: въ себѣ самомъ оно жестко, холодно, остро какъ соль, и еще много острѣе; ибо тварь не можетъ достаточно постигнуть его остроту, такъ какъ въ твари оно не бываетъ однимъ и единственнымъ; но я знаю, каково оно по роду возженнаго адскаго качества. Это терпкое острое качество стягиваетъ воедино и сдерживаетъ въ Божественномъ тѣлѣ формы и образованія, и изсушаетъ ихъ, такъ что они пребываютъ.

20. Второе порожденіе есть сладкая вода, и она также рождается изъ всѣхъ шести духовъ: ибо она есть кротость, рождаемая изъ прочихъ шести, и выжимается въ терпкомъ рожденіи, и непрестанно вновь зажигаетъ, и гаситъ, и укрощаетъ его, чтобы оно не могло проявить своей терпкости, каковую силу оно имѣло бы въ водѣ въ своей собственной остротѣ.

21. Третье порожденіе есть горечь, происходящая изъ огня въ водѣ: ибо она трется и скорбитъ въ терпкомъ и жесткомъ холодѣ, и дѣлаетъ холодъ подвижнымъ, откуда и возникаетъ подвижность.

22. Четвертое порожденіе есть огонь: онъ происходитъ изъ подвижности или тренія въ терпкомъ духѣ; и онъ остро-жгучъ, а горечь колюча и неистова. Когда же огневой духъ такъ неистово трется въ терпкомъ холодѣ, то бываетъ тамъ скорбное, ужасающее, дрожащее и остро-враждебное порожденіе.

23. Замѣть здѣсь глубоко: ибо я говорю здѣсь по діавольскому роду, какъ если бы свѣтъ Божій еще не зажегся въ четырехъ этихъ видахъ, какъ если бы Божество имѣло начало; но я не могу иначе и ближе научить тебя, чтобы ты это понялъ.

24. Въ четверномъ этомъ треніи жесткій и весьма ужасающій, острый и яростный холодъ, подобно талой и очень холодной соляной водѣ, которая была бы однако не водою, а такою жесткою силою, подобно камнямъ; и внутри ея также неистов-

ство и бушеваніе, жаленіе и жженіе, и вода эта всегда бываетъ, какъ умирающій человѣкъ, когда тѣло и душа разлучаются, весьма ужасающая скорбь, рожденіе въ мукахъ.

25. Здѣсь, человѣкъ, одумайся, здѣсь видишь ты, откуда беретъ начало діаволь и его яростная гнѣвная злоба; къ тому же гнѣвъ Божій и адское пламя, а также смерть и адъ, и вѣчное осужденіе. Вы, философы, замѣтьте себѣ это!

26. Когда же теперь эти четыре порожденія такимъ образомъ трутся между собою, то первенство получаетъ зной и воспаляется въ сладкой водѣ, и тогда тотчасъ же восходитъ свѣтъ.

27. Пойми это правильно: когда загорается свѣтъ, то ему предшествуетъ огневой испугъ: какъ когда ты ударишь о камень, то сначала видишь огневой испугъ, и тогда только изъ огневого испуга составляется свѣтъ.

28. Теперь, огневой испугъ проникаетъ въ водѣ терпкое качество, и дѣлаетъ его подвижнымъ; свѣтъ же рождается въ водѣ, и становится сіяющимъ, и онъ такое непостижимое кроткое и любвеобильное существо, что ни я и никакая тварь не можетъ довольно описать или высказать, и я только лепечу, какъ дитя, которое училось бы говорить.

29. Этотъ свѣтъ рождается изъ этихъ четырехъ видовъ посреди ихъ, изъ тука сладкой воды, и наполняетъ все тѣло этого порожденія. И это такое кроткое благодѣяніе, благоуханіе и такая радость для вкуса, что я не знаю тому никакого подобія; развѣ только когда посреди смерти рождается жизнь, или какъ когда человѣкъ, сидѣвшій въ великомъ огненномъ пылу бываетъ внезапно извлеченъ изъ него, и перемѣщенъ въ такую великую кротость, причемъ огненные муки, которыя онъ раньше испытывалъ, теперь внезапно прошли, и онъ водворенъ въ такое кроткое благодѣяніе.

30. Такъ и порожденіе четырехъ видовъ бываетъ водворено въ такое кроткое благодѣяніе, когда въ нихъ восходитъ свѣтъ.

31. Но ты долженъ здѣсь понять меня правильно: я пишу по тварному роду, какъ если бы человѣкъ былъ плѣвникомъ діавола, и внезапно изъ адскаго огня водворенъ былъ въ свѣтъ Божій.

32. Ибо въ порожденіи Божіемъ свѣтъ не имѣетъ начала; но онъ отъ вѣчности свѣтилъ такъ въ порожденіи, и самъ Богъ не знаетъ здѣсь никакого начала. Но только здѣсь духъ растворяетъ предъ тобой врата ада, чтобы ты видѣлъ, какъ это бываетъ въ діаволѣ и въ аду, и какъ въ человѣкѣ, когда въ немъ погаснетъ Божественный свѣтъ, и онъ погруженъ въ гнѣвъ Божій: онъ живетъ тогда въ подобномъ порожденіи и въ такой скорби, боли и мукѣ.

33. И я не могу изложить тебѣ это ни въ какомъ иномъ образѣ, ибо я принужденъ описывать ^{оно} это такъ, какъ если бы Божественное порожденіе имѣло или брало начало, когда оно стало такимъ. Я пишу здѣсь весьма правдивыя и цѣнныя слова, которыя разумѣетъ только духъ. Теперь замѣть:

ВРАТА БОЖІИ.

34. Свѣтъ, что рождается теперь изъ огня, и становится сіяющимъ въ водѣ, и наполняетъ все порожденіе, и освѣщаетъ его, и укрощаетъ,—онъ есть поистинѣ сердце Божіе или Сынъ Божій: ибо онъ всегда такимъ образомъ рождается изъ Отца, и есть иное лицо, нежели качества и порожденіе Отца.

35. Ибо порожденіе Отца не можетъ уловить или постигнуть свѣтъ, и воспользоваться имъ для своего рожденія; но свѣтъ пребываетъ свободнымъ самъ по себѣ, и никакое порожденіе не объемлетъ его, и онъ наполняетъ и освѣщаетъ все порожденіе, какъ единородный Сынъ Отца (Іоан. 1,14).

36. И этотъ свѣтъ въ человѣческомъ рожденіи называю я душевнымъ рожденіемъ [*„разумный образъ, прорастающій изъ сущностей души по подобію Божію“*] или рожденіемъ души, качествующимъ совмѣстно съ этимъ душевнымъ рожденіемъ Божіимъ: и здѣсь душа человѣка бываетъ единымъ сердцемъ съ Богомъ, если только она также пребываетъ въ этомъ свѣтѣ.

37. Теперь пятое порожденіе въ Богѣ таково: когда этотъ свѣтъ проникаетъ такимъ образомъ весьма кротко и любовно сквозь первыя четыре порожденія, онъ приноситъ съ собою сердце сладкой воды и ея самую нѣжную и любовную силу. И когда теперь острыя рожденія отвѣдаютъ ея, они становятся совер-

шенно кроткими и любвеобильными, и бываетъ тогда, какъ если бы непрестанно въ смерти восходила жизнь.

38. Тогда всѣ духи отвѣдываютъ другъ друга, и получаютъ каждый новую силу: ибо терпкое качество становится теперь весьма мягкимъ, укрощаемое силою свѣта изъ сладкой воды; и въ огнѣ восходитъ сладкая любовь, ибо холодъ согрѣвается, и сладкая вода дѣлаетъ острый вкусъ весьма пріятнымъ и кроткимъ.

39. И въ острыхъ и огненныхъ порожденіяхъ теперь одно только томленіе любви, вкушеніе, дружеское зараженіе, блаженное порожденіе: тамъ только одна любовь, а весь гнѣвъ и вся горечь накрѣпко заточены въ средоточіи, какъ въ великой крѣпости; и это порожденіе весьма кротко и благодѣтельно, горькій же духъ сталъ теперь живою подвижностью.

40. Шестое же порожденіе въ Богѣ таково: когда духи въ своемъ рожденіи такимъ образомъ вкушаютъ другъ отъ друга, они становятся весьма радостными: ибо молнія огня или острота въ рожденіи поднимается теперь ввысь, и движется, подобно какъ воздухъ въ семь мірѣ.

41. Ибо когда одна сила побуждаетъ другую, онѣ вкушаютъ другъ отъ друга, и становятся совершенно радостными: ибо свѣтъ рождается изъ всѣхъ силъ, и проникаетъ вновь сквозь всѣ силы; чрезъ это и въ этомъ рождается восходящая радость, откуда возникаетъ звукъ. Ибо отъ побужденія и движенія рождается живой духъ, и этотъ духъ, проникаетъ сквозь всѣ порожденія, совершенно неуловимый для рожденія и непостижимый, и онъ есть весьма радостная, пріятная острота, какъ бы сладостная музыка; и когда теперь рожденіе рождаетъ, оно обнимаетъ свѣтъ, и снова произноситъ его въ рожденіе чрезъ посредство движущагося духа.

42. И этотъ движущійся духъ есть третье лицо въ рожденіи Божіемъ, и зовется Богомъ Духомъ Святымъ.

43. Седьмое порожденіе пребываетъ въ Духѣ Святомъ, и въ Немъ сохраняетъ свое рожденіе и образованіе: когда Онъ проходитъ чрезъ острия рожденія, онъ проходитъ вмѣстѣ съ звукомъ, и слагаетъ и образуетъ различные образы, все сообразно тому, какъ борются между собою острия рожденія.

44. Ибо въ рожденіи они непрестанно борются между собою, какъ въ любовной игрѣ: и какое восходитъ рожденіе со своими цвѣтами и вкусомъ, сообразно тому слагаются и образы.

45. И это рожденіе зовется теперь Богомъ Отцомъ, Сыномъ, Духомъ Святымъ, и никакое рожденіе не есть первое или послѣднее: и хотъ я и дѣлаю различіе, и помѣщаю одно послѣ другого, однако ни одно изъ нихъ не есть первое или послѣднее, но они пребывали такъ отъ вѣчности въ равномъ существѣ и на равномъ престолѣ.

46. Но я принужденъ только дѣлать различіе при писаніи, чтобы читатель могъ понять это: ибо я могу писать только человѣческія слова, а не небесныя; хотя все написано весьма правильно, однако существо Божіе состоитъ въ силѣ, и только духъ постигаетъ его, а не мертвая плоть.

47. Итакъ, ты можешь такимъ образомъ понять, какое Богъ существо, и какъ пребываютъ въ Немъ три лица; не надо сравнивать Божество съ какимъ-либо изображеніемъ, ибо оно есть рожденіе всѣхъ вещей; а также если бы въ четырехъ первыхъ видахъ не было остраго порожденія, то не было бы и никакой подвижности, и не могъ бы зажечься свѣтъ и породить жизнь.

48. Но вотъ теперь это острое рожденіе есть источникъ подвижности и жизни, равно какъ и свѣта, откуда происходитъ живой и разумный духъ, который въ порожденіи раздѣляетъ, слагаетъ и образуетъ. Ибо терпкое холодное рожденіе есть начало всѣхъ вещей; оно терпко, сурово, стягиваетъ воедино и крѣпко сдерживаетъ вмѣстѣ, и оно въ порожденіи даетъ образъ, и стягиваетъ, и дѣлаетъ рожденіе густымъ, такъ что становится природой: и потому природа и осязаемость имѣютъ начало свое во всемъ тѣлѣ Божіемъ.

49. И эта природа теперь—какъ мертвое неразумное существо, и не участвуетъ въ силѣ рожденія, но она есть нѣкоторое тѣло, въ которомъ сила рождаетъ; и она есть тѣло Божіе, и обладаетъ всею силою, какъ цѣлое порожденіе; и духи рожденія берутъ свою крѣпость и силу изъ тѣла природы, и рождаютъ непрестанно вновь; и терпкій духъ непрестанно вновь стя-

гиваетъ воедино и изсушаетъ: такъ пребываетъ тѣло, а равно и души рожденія.

50. Второе рожденіе есть вода: она беретъ свое начало въ тѣлѣ природы.

51. Замѣть: когда свѣтъ пронизываетъ насквозь сіяніемъ своимъ стянутое тѣло природы, и укрощаетъ его, то рождается въ тѣлѣ кроткое благодѣяніе; и жесткая сила тотчасъ же становится весьма кроткой, и таетъ, какъ ледъ на солнцѣ, и дѣлается жидкой, какъ вода въ воздухѣ; и однако стволъ природы или небесной осязаемости остается: ибо терпкій и огненный духъ сдерживаютъ его, а кроткая вода, тающая отъ возженія свѣта въ тѣлѣ природы, проникаетъ; сквозь суровое и строгое, холодное и огненное рожденіе, и она весьма сладка и пріятна.

52. Строгое же и суровое рожденіе утоляется ею и, отвѣдавъ ея, становится восходящимъ и радостнымъ; и это есть восхождение радости, въ которомъ рождается кроткая жизнь. Ибо это есть вода жизни, гдѣ въ Богѣ, а равно и въ ангелахъ и людяхъ, рождается любовь; ибо все имѣетъ одинаковыя силу и рожденіе.

53. И когда теперь силы рожденія вкусятъ воды жизни, онѣ приходятъ въ трепеть отъ радости любви: и этотъ трепеть или это движеніе, восходящее посреди рожденія, горько: ибо оно быстро восходитъ изъ рожденія, когда проникаетъ въ него вода жизни, какъ радостный прыжокъ рожденія.

54. Но такъ какъ оно восходитъ такъ скоро, и рожденіе поднимается съ тою же быстротою, прежде чѣмъ успѣло всецѣло пропитаться водою жизни, то этотъ испугъ сохраняетъ свою горечь отъ суроваго рожденія: ибо начальное рожденіе весьма сурово, холодно, огненно и терпко.

55. Потому и испугъ такъ возносчивъ и трепетенъ: ибо онъ движетъ все рожденіе, и трется въ немъ, пока не возжетъ огня въ жестокой ярости, откуда беретъ свое начало свѣтъ. И тотчасъ же дрожащій испугъ освѣщается кротостью свѣта, и движется въ рожденіи взадъ и впередъ и вкось, и вверхъ и внизъ подобно колесу съ вдѣланными другъ въ друга семью колесами.

56. Отъ этого проніцанія и вращенія возникаетъ звукъ или звонъ по роду каждаго духа, и непрестанно заражаются силы одна отъ другой, ибо силы суть какъ единокровные братья въ одномъ тѣлѣ; и восходитъ кротость, и духъ рождается и проявляется въ безконечномъ многообразіи.

57. Ибо какая сила являла себя теперь могущественнѣйшей при обращеніи, то есть, въ рожденіи, по той силѣ, роду и цвѣтамъ и слагалъ Духъ Святой образы въ тѣлѣ природы.

58. Ты видишь такимъ образомъ, что никакая сила не бываетъ первой, и никакая — второй, третьей, четвертой и послѣдней; но послѣдняя такъ же порождаетъ первую, какъ и первая послѣднюю; и средняя беретъ свое начало въ равной мѣрѣ отъ послѣдней, первой, второй, третьей и такъ далѣе.

59. И ты видишь также, что природа не можетъ быть отдѣлена отъ силъ Божіихъ; но все составляетъ одно тѣло. Божество, то есть, святая сила сердца Божія, рождается въ природѣ; и такъ же происходитъ или исходитъ Духъ Святой изъ сердца свѣта непрестанно чрезъ всѣ силы Отца, и слагаетъ все, и образуетъ все.

60. Все это рожденіе раздѣляется теперь на три различія, гдѣ каждое есть нѣчто особое и цѣлое; и ни одно не разлучено съ другимъ.

ВРАТА СВЯТОЙ ТРОИЦЫ.

61. Все рожденіе, которое есть небо всѣхъ небесъ, равно какъ и сей міръ, который въ тѣлѣ всецѣлаго, а также мѣсто земли и всѣхъ тварей, и куда бы не простерлась твоя мысль или дума, все это вмѣстѣ есть Богъ Отецъ, не имѣющій ни начала, ни конца: и куда бы ни простерлась твоя мысль и дума, будь то самая малая окружность, какую ты только можешь выискать, вездѣ рожденіе Божіе совершенно, и неудержимо, и непреодолимо.

62. Если же произойдетъ такъ, что въ какой-нибудь твари или въ какомъ-нибудь мѣстѣ погаснетъ свѣтъ, то тамъ — суровое рожденіе, пребывающее сокровенно въ свѣтѣ, въ самомъ внутреннемъ ядрѣ его. И это одна часть.

63. Вторая часть или второе лицо есть свѣтъ, который непрестанно рождается изъ всѣхъ силъ, и въ свой чередъ освѣщаетъ всѣ силы Отца, и обладаетъ родникомъ всѣхъ силъ.

64. Но Онъ различается отъ Отца, какъ особое лицо, потому что рожденіе Отца не можетъ постигнуть Его, и однако Онъ Сынъ Отца, непрестанно рождающійся изъ Отца: ты можешь видѣть образецъ тому на всѣхъ зажженныхъ огняхъ въ семь мірѣ; вдумайся лишь въ него.

65. И Отецъ 'потому' такъ сердечно любитъ этого своего едиnorodнаго Сына, что Сынъ есть свѣтъ и кроткое благодѣяніе въ Его тѣлѣ, и чрезъ силу Его восходитъ радость и блаженство Отца.

66. Это суть два лица, и ни одно не можетъ обнять, удержать и постигнуть другое, и одно такъ же велико, какъ и другое; и если бы не было одного, то не было бы и другого.

67. Замѣтьте здѣсь, евреи, турки и язычники, ибо это касается васъ: здѣсь растворяются для васъ врата Божіи; не ожесточайте себя сами, ибо нынѣ время благопріятное; вы вовсе не забыты Богомъ, но если обратитесь, то свѣтъ и сердце Божіе взойдетъ въ васъ, какъ свѣтлое солнце.

68. Таковое пишу я въ силѣ и совершенномъ познаніи великаго Бога, и хорошо разумѣю въ томъ Его волю. Ибо я живу и есмь въ Немъ, и въ трудѣ этомъ зеленѣю отъ корня и ствола Его, и это должно быть такъ. Будь только осмотрителемъ: если ты ослѣпнешь, то не будетъ больше помощи, и ты не можешь сказать, что не зналъ этого. Вставай же, наступаетъ день!

69. Третье различіе, или третье лицо въ существѣ Божіемъ, есть движущійся Духъ, который возникаетъ отъ возстанія въ испугѣ, гдѣ рождается жизнь: Онъ движется теперь во всѣхъ силахъ, и есть духъ жизни; и силы не могутъ болѣе постигнуть или схватить Его, но Онъ зажигаетъ силы, и движеніемъ своимъ создаетъ фигуры и образы, и слагаетъ ихъ сообразно роду, въ какомъ состоитъ въ каждомъ мѣстѣ борющееся рожденіе.

70. И если ты не хочешь быть слѣпымъ, то долженъ знать, что воздухъ есть этотъ духъ: но въ мѣстѣ сего міра

природа весьма мятежно возжена въ огнь гнѣва, каковое возженіе произвелъ князь Люциферъ; и Духъ Святой, который есть духъ кротости, пребываетъ въ немъ въ своемъ небѣ сокрыто.

71. Не надо тебѣ спрашивать, гдѣ это небо? оно въ тво-емъ сердцѣ, только раствори его; здѣсь оказанъ тебѣ ключъ.

72. Итакъ, есть единый Богъ, и три различныхъ лица одно въ другомъ, и ни одно не можетъ ни объять, ни удержать или испытать происхожденіе другого; но Отецъ рождаетъ Сына, и Сынъ есть сердце Отца, и любовь и свѣтъ Его, и есть источникъ радости и начало всякой жизни.

73. И Духъ Святой есть духъ жизни, и образователь и творецъ всѣхъ вещей, и совершитель воли въ Богѣ: Онъ образовалъ и сотворилъ изъ тѣла и въ тѣлѣ Отца всѣхъ ангеловъ и тварей, и содержитъ и образуетъ еще ежедневно все, и Онъ есть острота и живой духъ Божій: какъ Отецъ изъ силъ своихъ произноситъ слово, такъ Духъ и образуетъ.

О ВЕЛИКОЙ ПРОСТОТѢ БОЖІЕЙ.

74. Сюда, молодецъ въ коричневомъ кафтанѣ, съѣзжающій съ неба въ адъ, и изъ ада прямо въ смерть, гдѣ жало діавола, оглянись здѣсь, умникъ, полный злого умничанья.

75. Замѣтьте себѣ это, вы, умные въ глазахъ міра юристы: если вы не захотите явиться предъ это зеркало, предъ ясное и свѣтлое лицо Божіе, и поглядѣться въ него, вотъ духъ предложитъ вамъ рожденіе въ самомъ внутреннемъ терпкомъ кругѣ, гдѣ рождается умность, гдѣ острота скорбнаго рожденія Божія; ибо тамъ рождается ваша умность и вашъ глубокій разумъ.

76. Хотите вы теперь быть богами, а не діаволами, то пользуйтесь святымъ и кроткимъ правомъ Божіимъ; если же нѣтъ, то вы принуждены будете непрестанно и вѣчно рождать въ строгомъ и суровомъ рожденіи Божіемъ. Это говоритъ духъ, какъ слово Божіе, а не мертвая плоть моя.

77. Ты долженъ знать, что я черпаю это не изъ мертваго разума; но духъ мой качествуетъ совмѣстно съ Богомъ, и испытуетъ Божество, каково оно со всѣмъ его рожденіемъ, вку-

сомъ и запахомъ: нахожу, соотвѣтственно, что Божество—весьма простое, кроткое, любовное и тихое существо, что рожденіе Троицы Божіей совершается весьма кротко, дружественно, любовно и согласно; и острота самаго внутренняго рожденія никогда не можетъ подняться въ кротость Троицы, но пребываетъ сокрытою въ глубинѣ.

78. И острота въ сокровенномъ называется гнѣвомъ Божіимъ, и существо кротости въ Троицѣ называется Богомъ. Ничего не исходитъ здѣсь изъ остроты, что повреждало бы, или возжигало бы гнѣвъ; но духи въ нѣжной кротости играютъ между собою, какъ малые дѣти, когда они радуются другъ съ другомъ, и каждое имѣетъ дѣло свое, и они играютъ всѣ вмѣстѣ, и ласкаютъ другъ друга.

79. Такъ бываетъ и у святыхъ ангеловъ; и въ Троицѣ Божіей весьма кроткое, любовное и сладостное существо, гдѣ Духъ непрестанно восходитъ въ звукъ, и силы побуждаютъ другъ друга, какъ если бы тамъ восходило сладостное пѣніе или игра на струнахъ.

80. И каково восхожденіе духовъ въ каждомъ мѣстѣ, таковъ слагается и звукъ, но весьма кроткій и непостижимый для ангельскихъ тѣлъ, но постижимый для душевнаго рожденія ангеловъ; и какъ проявляетъ себя Божество въ каждомъ мѣстѣ, такъ проявляются и ангелы. Ибо ангелы сотворены изъ этого существа, и имѣютъ посреди себя князей своихъ изъ источныхъ духовъ Божіихъ такими, каковы они въ рожденіи Божіемъ.

81. Поэтому, какъ проявляется существо Божіе въ рожденіи, такъ проявляются и ангелы; какая сила въ каждое время имѣетъ первенство въ рожденіи Божіемъ, и ликуетъ изъ сердца Божія въ Духъ Святомъ, той силы князь ангельскій и вступаетъ съ пѣніемъ и хвалою своею преимущественно предъ всѣми другими, и ликуетъ съ воинствомъ своимъ, то одинъ, то другой: ибо рожденіе Божіе—какъ колесо.

82. Когда же сердце Божіе являетъ себя особо съ ясностью своею, то восходитъ все воинство всѣхъ трехъ святыхъ царствъ ангельскихъ. И въ этомъ восхожденіи сердца Божія царь и первенецъ—человѣкъ Іисусъ Христосъ: онъ предводитъ царственные лики со всѣми святыми душами людей до Послѣд-

няго дня. Тогда святые люди станут совершенными ангелами, а безбожные—совершенными діаволами, и такъ—въ свою вѣчность. Поглядись здѣсь въ зеркало, умный міръ, откуда берется твоя умность.

83. Теперь ты скажешь: ты ищешь своей умности гораздо глубже, нежели мы; ты хочешь подняться въ сокровенное Бога, что не подобаетъ ни одному человѣку. Мы ищемъ только человеческой умности, а ты хочешь быть равнымъ Богу и знать все о томъ, каковъ Богъ, и каковъ Онъ во всѣхъ вещахъ, будь то въ небѣ и въ аду, въ діаволахъ, ангелахъ и людяхъ. И потому не неправедно вовсе изыскивать всякія тонкія, острыя хитрости: ибо это приноситъ почетъ и власть, а также богатство.

84. Возраженіе: если ты послѣдуешь за мною по той лѣстницѣ, по которой я поднимаюсь въ глубину Божію, ты поднимешься хорошо. Не разумомъ моимъ и не по преднамѣренной волѣ моей пришелъ я къ этому ученію, или къ этому труду и познанію; и я не искалъ также этой науки, и ничего не узналъ о ней; я искалъ одно только сердце Божіе, чтобы укрыться въ немъ отъ діавольской непогоды.

85. Но когда достигъ въ него, то была возложена на меня эта великая и тяжелая работа—открыть и возвѣстить міру великій День Господень; а такъ какъ міръ упорно устремляетъ вожделѣніе свое на корень дерева, то открыть людямъ, что есть все дерево въ цѣломъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ заявить, что настала Утренняя Заря того дня, который давно предрѣшенъ былъ Богомъ въ Его Совѣтѣ. Аминь.

86. Итакъ, ты видишь теперь, что есть Богъ, и какъ любовь и гнѣвъ Его пребывали отъ вѣчности; а также каково Его рожденіе: и ты не долженъ говорить, что живешь и существуешь не въ Богѣ, или что Богъ есть нѣчто чуждое, къ чему ты не можешь придти; но гдѣ ты находишься, тамъ и врата Божіи. Теперь, если ты святъ, то душою своею ты у Бога на небѣ; если же безбоженъ, то душою своею ты въ адскомъ огнѣ.

87. Замѣть теперь далѣе: когда Богъ сотворилъ ангеловъ всѣхъ вмѣстѣ, они сотворены были изъ этого порожденія Божія: тѣло ихъ сплочено было воедино изъ природы, и въ

немъ родился ихъ духъ и свѣтъ, какъ рождалось Божество; и какъ источные духи Божіи почерпали силу и крѣпость свою непрестанно изъ тѣла природы, такъ и ангелы черпали силу и крѣпость свою непрестанно изъ природы Божіей.

88. И какъ Духъ Святой давалъ всему въ природѣ образъ и видъ, такъ и духъ ангельскій характеризовалъ въ Духѣ Святомъ совместно, и помогалъ давать всему образъ и видъ, чтобы все было единымъ сердцемъ и волею, и было чистымъ наслажденіемъ и радостью.

89. Ибо ангелы суть дѣти великаго Бога, которыхъ Онъ породилъ въ своемъ природномъ тѣлѣ, для умноженія Божественной радости.

90. Но здѣсь ты долженъ знать, что тѣла ангеловъ не могутъ постигнуть рожденія Божія: и тѣло ихъ не разумѣетъ его, одинъ только духъ разумѣетъ; тѣло же пребываетъ въ покоѣ, подобно какъ природа въ Богѣ, и предоставляетъ духу работать съ Богомъ и любовно играть. Ибо ангелы играютъ предъ Богомъ и въ Богѣ, какъ малыя дѣти предъ родителями, и тѣмъ умножается Божественная радость.

91. Когда же былъ сотворенъ высокомогущественный князь и царь Люциферъ, онъ не захотѣлъ этого дѣлать, но возсталъ, и захотѣлъ одинъ быть Богомъ, и возжегъ въ себѣ огонь гнѣва; такъ поступили и всѣ его ангелы.

92. Когда же это произошло, онъ взревѣлъ своимъ возженнымъ огненнымъ духомъ въ природу Божію, и все тѣло въ природѣ Божіей, насколько простиралось его владычество, было зажжено. Но такъ какъ свѣтъ его тотчасъ же погасъ, то онъ духомъ своимъ не могъ больше характеризовать въ обоихъ рожденіяхъ, Сына Божія и Святого Духа Божія, но остался въ остромъ рожденіи Божіемъ.

93. Ибо острое рожденіе не можетъ постигнуть Свѣта и Духа Божія, потому Они и суть два особыхъ лица. Потому и господинъ Люциферъ суровымъ своимъ; холоднымъ и жесткимъ огненнымъ рожденіемъ не могъ болѣе ни касаться и видѣть Сердца и Святого Духа Божія, ни вкушать и чувствовать Ихъ; но былъ извергнутъ со своимъ огненнымъ духомъ въ самую внѣшнюю природу, гдѣ онъ возжегъ огонь гнѣва.

94. Хотя эта природа и есть тѣло Божіе, и въ ней рождается Божество, но діаволы не могутъ объять кроткаго рожденія Божія, восходящаго въ свѣтъ; ибо тѣло ихъ умерло въ свѣтъ, и живетъ въ строгомъ и суровомъ рожденіи Божіемъ, гдѣ свѣтъ уже никогда не возжигается вновь.

95. Ибо тучность ихъ въ сладкой водѣ перегорѣла, и вода эта превратилась въ кислый смрадъ, гдѣ уже не можетъ болѣе возжечься свѣтъ Божій, и свѣтъ Божій не можетъ болѣе войти въ него.

96. Ибо источные духи въ діаволахъ заключены въ жесткомъ гнѣвѣ; тѣла ихъ суть жесткая смерть, а духи ихъ—яростное жало гнѣва Божія, и источные духи ихъ порождаютъ себя непрестанно въ самой внутренней остротѣ, по праву остраго Божества.

97. Ибо иначе они не могутъ породиться, и не могутъ также ни умереть, ни прейти; но пребываютъ въ наискорбнѣйшемъ рожденіи, и нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ одной только ярости, и гнѣва злобы; возженный источникъ огня восходитъ отъ вѣчности и до вѣчности, и они вовѣки не смогутъ болѣе коснуться сладкаго и свѣтлаго рожденія Божія, ни видѣть или постигать его.

О ВОЗЖЕННОЙ ПРИРОДѢ.

98. Природу же Богъ потому такъ жестоко зажегъ, и разгнѣвался въ ней, что строилъ тѣмъ самымъ жилище для діаволовъ, и держалъ ихъ тамъ въ плѣну, чтобы они были дѣтьми Его гнѣва, въ которыхъ Онъ господствовалъ бы своей яростной ревностью, а они бы господствовали въ гнѣвѣ.

ОБЪ ОБРАЗОВАНИИ ТѢЛА ЗВѢЗДЪ.

Когда теперь все тѣло природы въ пространственности сего міра какъ бы застыло въ жесткой смерти, и однако въ немъ была сокрыта жизнь, Богъ подвинулъ все тѣло природы сего міра въ четвертый день, и породилъ изъ природы звѣзды, изъ возшедшаго свѣта: ибо колесо рожденія Божія снова было въ движеніи, какъ то было отъ вѣчности.

2. Хотя оно было въ движеніи уже въ первый день, и предприняло рожденіе въ тѣлѣ поврежденной природы; ибо въ первый день отдѣлилась жизнь отъ смерти, на второй же день была сотворена твердь между ними, а на третій день жизнь пробилась сквозь смерть: ибо тогда свѣтъ прорвался сквозь тьму, и мертвое тѣло природы сдѣлалъ зеленѣющимъ и подвижнымъ.

3. Ибо на третій день тѣло природы такъ жестоко скорбѣло, пока огонь любви не возжегся въ смерти, и свѣтъ жизни не пробился сквозь застывшее тѣло смерти, и не зазеленѣлъ изъ смерти; но на третій день онъ состоялъ только въ огневомъ испугѣ, откуда возникла подвижность.

4. На четвертый же день свѣтъ возшелъ, и воздвигъ престолъ свой въ домѣ смерти, но смерть не можетъ объять его; какъ суровое рожденіе Божіе, пребывающее въ самомъ внутреннемъ ядрѣ, откуда возникаетъ жизнь, не можетъ постигнуть кротости, ни свѣта кротости, вмѣстѣ съ духомъ, который въ кротости; какъ и мертвая тьма сего міра не можетъ постигнуть свѣта природы, а также никакой діаволь.

5. Но свѣтъ сіяетъ сквозь смерть, и воздвигъ царскій престолъ свой посреди дома смерти и гнѣва Божія, и рождаетъ себѣ изъ дома гнѣва новое тѣло Божіе, пребывающее

вѣчно въ любви Божіей, и непостижимое для ветхаго, зажженнаго въ самомъ внѣшнемъ рожденіи тѣла.

6. Ты спросишь теперь: какъ мнѣ понять это? Я не могу вписать тебѣ это въ сердце, ибо это дѣло разума и пониманія не всякаго, особенно если духъ состоитъ въ домѣ гнѣва, а не качественно совмѣстно съ свѣтомъ Божіимъ: но я хочу показать тебѣ это въ земныхъ подобіяхъ, чтобы ты могъ придти къ нѣскольکو болѣе глубокому смыслу.

7. Взгляни на дерево: снаружи у него жесткая, грубая кора, мертвая и застылая: однако она не вовсе въ смерти, но въ немощи; и есть различіе между ею и тѣломъ, которое растеть подъ корою; у тѣла же есть своя живая сила, и оно прорывается сквозь засохшую кору, и порождаетъ множество прекрасныхъ молодыхъ тѣлъ, которыя однако всѣ коренятся въ старомъ тѣлѣ.

8. Кора же—какъ смерть, и не можетъ постигнуть жизни дерева, но только держится на немъ, и есть покровъ его, въ которомъ гнѣзятся черви, и тѣмъ разрушаютъ наконецъ и само дерево.

9. Таковъ и весь домъ сего міра: внѣшняя тьма есть домъ гнѣва Божія, гдѣ обитаютъ діаволы, и она есть поистинѣ домъ смерти, ибо святой свѣтъ Божій умеръ внутри ея. [*„Онъ вернулся въ свое Начало; и самую внѣшнюю сущность въ Богъ надѡ почитать какъ бы мертвою, и хотя она и живетъ въ Богъ, но въ иномъ источникѣ.“*]

10. Тѣло же этого великаго дома, лежащее сокрыто подъ корою тьмы, непостижимое для тьмы, оно есть домъ жизни, гдѣ борются между собою любовь и гнѣвъ.

11. Любовь же непрестанно прорывается сквозь домъ смерти, и порождаетъ святая небесныя вѣтви на великомъ деревѣ, состоящія въ свѣтѣ. Ибо онѣ прорастаютъ сквозь кору тьмы, подобно какъ вѣтвь сквозь кору дерева, и суть единая жизнь съ Богомъ.

12. И гнѣвъ прорастаетъ также въ домѣ тьмы, и зараженіемъ своимъ удерживаетъ въ плѣну не одну благородную вѣтвь въ домѣ ярости въ смерти.

13. Таковъ составъ или содержаніе звѣзднаго рожденія, о которомъ я намѣренъ писать здѣсь.

14. Теперь спрашивается: что же суть звѣзды? или изъ чего онѣ произошли? Онѣ суть сила семи духовъ Божіихъ. Ибо когда гнѣвъ Божій возженъ былъ въ семь міръ діаволами, то весь домъ сего міра въ природѣ или въ самомъ внѣшнемъ рожденіи какъ бы застылъ въ смерти, отчего произошли земля и камни. Когда же этотъ жесткій шлакъ былъ согнанъ воедино въ одну глыбу, то глубина стала чище, но осталась совершенно темною; ибо свѣтъ въ ней умеръ въ гнѣвѣ.

15. Но тѣло Божіе сего міра не могло оставаться въ смерти, но Богъ подвигся со своими семью источными духами на рожденіе.

16. Но ты долженъ правильно понять эту высокую вещь: свѣтъ Божій, который есть Сынъ Божій, не умеръ, равно какъ и Духъ Святой; но свѣтъ, который отъ вѣчности исходилъ изъ сердца Божія и освѣщаль природу, рождаемую изъ семи духовъ Божіихъ, онъ выступилъ изъ жестоко поврежденной природы. Оттого природа сего міра со своею осязаемостью осталась въ смерти и не можетъ постигнуть свѣта Божія, но есть темный домъ діавола.

17. Послѣ сего на четвертый день творенія, Богъ снова возродилъ весь домъ сего міра съ его качествами, и водворилъ источныхъ духовъ въ домъ тьмы, чтобы снова породить себѣ изъ него новое тѣло въ хвалу и честь свою.

18. Ибо замыселъ Его былъ—сотворить себѣ вновь изъ этого дома иное ангельское воинство, и это должно было совершиться такъ: Онъ хотѣлъ создать ангела, каковымъ былъ Адамъ, который долженъ былъ породить изъ себя подобныхъ себѣ тварей, и эти твари обладали бы домомъ новаго рожденія; и въ средину времени долженъ былъ родиться царь ихъ изъ тѣла человѣка, и обладать новорожденнымъ царствомъ, какъ царь этихъ тварей, на мѣсто поврежденнаго и изгнаннаго Люцифера.

19. По исполненіи сего времени Богъ хотѣлъ украсить этотъ домъ съ его качествами, какъ царское правленіе, и отдать его въ достояніе этимъ источнымъ духамъ, чтобы въ домѣ

тѣмъ и смерти они снова произвели тварей и образы, какъ они то дѣлали отъ вѣчности, пока не было бы завершено все воинство новосозданныхъ ангеловъ, каковыми были люди: тогда Богъ хотѣлъ заточить діавола накрѣпко въ домъ тѣмъ въ тѣсный адъ, и снова возжечь въ своемъ свѣтѣ весь домъ. до самаго діаволова ада.

20. Теперь спрашивается: почему Богъ не тотчасъ же заточилъ его, тогда бы онъ не надѣлалъ такъ много бѣды? Вотъ смотри: это было предначертаніе Божіе, и оно должно было совершиться,—чтобы вновь возсоздать себѣ изъ поврежденной природы земли ангельское воинство: разумѣй—новое тѣло, которое пребыло бы въ Богѣ вѣчно.

21. Въ томъ не было вовсе намѣреніе Божіе, чтобы отдать діаволу всю землю въ вѣчное обитаніе, но только смерть и ярость земли, которая діаволъ внесъ въ нее.

22. Ибо чѣмъ же согрѣшилъ предъ Богомъ салиттеръ земли, чтобы ему состоять всецѣло въ вѣчной срамотѣ? Ничѣмъ: онъ былъ только тѣломъ, и долженъ былъ оставаться въ покоѣ, когда діаволъ возсталъ въ немъ.

23. Если бы Богъ долженъ былъ тотчасъ же передать его діаволу въ вѣчное обитаніе, то изъ этого мѣста не могло бы быть построено новое тѣло. Чѣмъ же согрѣшило теперь въ Богѣ это пространство, чтобы стоять ему въ вѣчной срамотѣ? Ничѣмъ: это было бы несправедливостью.

24. Намѣреніе же Божіе было въ томъ, чтобы создать себѣ изъ земли прекрасное ангельское воинство, а также разныя образованія. Ибо все въ ней и на ней должно было зеленѣть и заново рождаться, какъ то можно видѣть на рудахъ, камняхъ, деревьяхъ, зелени и травѣ, и различныхъ животныхъ, по небесному образу.

25. И хотя это образованіе и было преходящимъ, ибо оно не было чисто предъ Богомъ, однако Богъ хотѣлъ въ концѣ сего времени извлечь оттуда, изъ новаго возрожденія, сердце и ядро, и отдѣлить отъ смерти и гнѣва; и новое возрожденіе должно было вѣчно зеленѣть въ Богѣ внѣ сего мѣста, и вновь приносить небесные плоды.

26. Смерть же земли и гнѣвъ въ ней должны были стать вѣчнымъ домомъ господину Люциферу, по завершеніи новаго рожденія; тѣмъ временемъ господинъ Люциферъ долженъ былъ оставаться въ плѣну въ глубинѣ надъ землею во тьмѣ; тамъ онъ и находится нынѣ, и теперь уже недолго ему дожидаться своего счастья.

27. А чтобы теперь это новое рожденіе могло совершиться помимо воли діавола, Творецъ какъ бы тварно родился въ своихъ источныхъ духахъ въ тѣлѣ сего міра: и всѣ звѣзды суть не что иное, какъ силы Божіи, и въ семи источныхъ духахъ состоитъ все тѣло сего міра.

28. А что звѣздъ такъ много, и такъ различны дѣйствія, то это безконечность, съ какою воздѣйствуютъ другъ на друга семь духовъ Божіихъ, и порождаются въ безконечномъ многообразіи.

29. Что рожденіе или тѣло звѣздъ не мѣняется въ своемъ престолѣ, какъ то было отъ вѣчности, это означаетъ, что должно быть постоянное рожденіе, которое бы непрестанно вновь зажигало застывшее тѣло земли въ однообразномъ и однако безконечномъ воздѣйствіи, и оно вновь порождалось бы, равно какъ и домъ глубокой тьмы надъ землею; и тѣмъ самымъ могло бы непрестанно рождаться изъ смерти новое тѣло, пока не завершится время и все новорожденное тѣло.

30. Теперь ты скажешь: но тогда звѣзды суть Богъ, и ихъ надо почитать, какъ Бога, и поклоняться имъ? До этого и дошли мудрые язычники, острымъ разумомъ своимъ, впрочемъ, далеко превзошедшіе нашихъ философовъ; но истинная дверь познанія оставалась еще сокрытой для нихъ.

31. Смотри: вѣдь звѣзды же сплочены воедино изъ Бога; но ты долженъ понимать различіе между ними, ибо онѣ не суть сердце и кроткое, чистое Божество, которому должно воздавать честь и поклоненіе, какъ Богу; но онѣ суть самое внутреннее и острое рожденіе, гдѣ все состоитъ въ бояхъ и боженіи, хотя и сердце Божіе непрестанно рождается, и Духъ Святой непрестанно исходитъ въ исхожденіи жизни.

32. Но острое рожденіе звѣздъ не можетъ вновь объять сердца Божія, равно какъ и Святого Духа; но свѣтъ Божій.

восходящій въ скорбности, вмѣстѣ съ движеніемъ Святого Духа, остается свободнымъ самъ по себѣ, какъ сердце, и господствуетъ въ средоточіи, въ затворѣ сокровеннаго неба, которое изъ воды жизни.

33. Ибо отъ этого неба получили звѣзды свое первое возженіе, и онѣ и суть лишь какъ бы орудіе, которымъ пользуется Богъ для рожденія.

34. Это точно такое же рожденіе, какъ въ человѣкѣ: тѣло также есть отецъ души; ибо душа рождается изъ силы тѣла, и когда тѣло пребываетъ въ скорбномъ рожденіи Божіемъ, подобно звѣздамъ, а не въ яростномъ адскомъ, то и душа человека качественно совмѣстно съ чистымъ Божествомъ, подобно какъ членъ со своимъ тѣломъ.

35. Такъ и сердце или свѣтъ Божій непрестанно рождается въ тѣлѣ сего міра; и это рожденное сердце есть единое сердце съ вѣчнымъ безначальнымъ сердцемъ Божіимъ, которое въ небѣ и превыше всѣхъ небесъ.

36. Не въ однѣхъ только звѣздахъ и изъ звѣздъ рождается оно, но во всемъ тѣлѣ сего міра; звѣзды же непрестанно зажигаютъ тѣло сего міра, такъ что вездѣ совершается рожденіе.

37. Но ты долженъ хорошо замѣтить это здѣсь: свѣтъ или сердце Божіе беретъ начало свое не изъ однѣхъ только дикихъ и суровыхъ грубыхъ звѣздъ, гдѣ любовь и гнѣвъ пребываютъ совмѣстно другъ въ другѣ, но изъ того престола, гдѣ непрестанно рождается кроткая вода жизни.

38. Ибо эта вода въ возженіи гнѣва не была схвачена смертью, но пребываетъ отъ вѣчности и до вѣчности, и простирается во всѣ концы въ семь мірѣ; и она есть вода жизни, прорывающаяся сквозь смерть, и изъ нея будетъ построено новое тѣло Божіе въ семь мірѣ.

39. И она содержится въ звѣздахъ, равно какъ и во всѣхъ концахъ, однако нигдѣ не содержится осязаемо и постижимо, но наполняетъ одновременно все заразъ; есть она и въ тѣлѣ человека: и кто жаждетъ этой воды, и выпьетъ отъ нея, въ томъ загорается свѣтъ жизни, каковой есть сердце Божіе, и тотчасъ изливается Духъ Святой.

40. Теперь ты скажешь: какъ же состоятъ тогда звѣзды въ любви и гнѣвѣ? Смотри: звѣзды возшли изъ возженнаго дома гнѣва Божія, подобно какъ подвижность дитяти во чревѣ матери на третій мѣсяць; но онѣ получили свое возженіе отъ вѣчной неумирающей воды жизни: ибо эта вода никогда не умирала въ природѣ.

41. Когда же Богъ подвигся въ тѣлѣ сего міра, то на третій день скорбность стала тереться въ рожденіи сего міра: отсюда возникла молнія огня, и возжегся свѣтъ звѣздъ въ водѣ жизни. Ибо до третьяго дня, со времени возженія гнѣва Божія въ семь мірѣ, природа въ скорби была темною долиною, и пребывала въ смерти; но на третій день жизнь прорвалась сквозь смерть, и началось новое рожденіе.

42. Ибо столько времени, и ни часомъ больше, покоился въ смерти и новорожденный царь и великій князь сего міра, Іисусъ Христосъ, и вновь возродилъ къ свѣту три первыхъ дня творенія природы, какъ и это время смерти, чтобы это время стало единымъ временемъ съ временемъ вѣчнымъ, и чтобы не было между ними ни одинаго дня смерти; и чтобы вѣчная любовь и новорожденная любовь изъ новаго тѣла природы стали единою вѣчною любовью, и чтобы не было никакого различія между вѣчною и новорожденною любовью; но чтобы новорожденная любовь достигала до того существа, которое было отъ вѣчности, а также и сама по себѣ простиралась бы въ вѣчность.

43. Такъ связана новорожденная любовь, взошедшая въ свѣтъ изъ воды жизни въ звѣздахъ и во всемъ тѣлѣ сего міра, съ вѣчной безначальной любовью, чтобы было единое сердце и единый духъ, несущій и держащій все.

44. Въ этомъ возженіи свѣта въ звѣздахъ и стихіяхъ природное рожденіе не всецѣло превратилось поэтому въ святую кротость, какъ то было прежде времени гнѣва, такъ чтобы стать ему теперь совершенно святымъ и чистымъ; нѣтъ, но оно состоитъ въ своемъ самомъ остромъ, суровомъ и скорбномъ рожденіи, въ которомъ гнѣвъ Божій прорастаетъ непрерывно, подобно адскому огню.

45. Ибо если бы природа съ острымъ рожденіемъ своимъ совершенно и всецѣло превратилась въ любовь по праву небесному, то діаволы были бы снова въ святомъ мѣстѣ Божіемъ.

46. И ты можешь весьма ясно увидѣть и понять это по жестокому зною и холоду, а также по яду, горечи и кислотѣ въ семь мірѣ, каковыя всѣ стоятъ въ звѣздномъ рожденіи, гдѣ содержатся въ плѣну и діаволы.

47. Звѣзды суть лишь возженіе великаго дома: ибо весь домъ застылъ въ смерти, подобно землѣ; ибо самое внѣшнее рожденіе мертво и застыло, какъ кора на деревѣ; звѣздное же рожденіе есть тѣло, въ которомъ внутри восходитъ жизнь.

48. Въ тѣлѣ же своемъ оно весьма остро; но новое рожденіе, восходящее въ водѣ жизни, и пробивающееся сквозь смерть, дѣлаетъ его кроткимъ. Но оно не можетъ измѣнить ядро остраго рожденія, но рождается изъ него, и сохраняетъ для себя свою святую новую жизнь, и пробивается сквозь гнѣвную смерть, и гнѣвная смерть не можетъ объять его.

49. Эта любовь и гнѣвъ теперь суть поистинѣ единое тѣло, но вода жизни есть небо раздѣла между ними, такъ что любовь не принимаетъ въ себя и не постигаетъ гнѣва, и также гнѣвъ не принимаетъ въ себя и не постигаетъ любви; но любовь восходитъ въ водѣ жизни, и принимаетъ отъ перваго и строгаго рожденія въ себя силу, которая въ свѣтѣ и рождается изъ гнѣва, такъ что новое тѣло рождается изъ ветхаго. Ибо ветхое, стоящее въ строгомъ рожденіи, принадлежитъ діаволу, и есть домъ его, а новое—царству Христа.

50. Теперь спрашивается: но тогда, значитъ, не всѣ три лица Божества пребываютъ въ рожденіи кротости въ семь мірѣ? Да, они всѣ три пребываютъ въ семь мірѣ въ полномъ рожденіи любви, кротости, святости и чистоты, и непрестанно рождаются въ той же сущности и въ томъ же существѣ, какъ то было отъ вѣчности.

51. Вотъ смотри: Богъ Отецъ говоритъ къ народу Израиля на горѣ Синаѣ, давая имъ законъ: „Я гнѣвный Богъ ревнитель на ненавидящихъ меня“ (Исх. 20, 5; Второз. 5, 9).

52. Ты не можешь теперь изъ этого единого Отца, который гнѣвень, а также любовень, сдѣлать двухъ лицъ; но это единый Отець, непрестанно рождающій своего возлюбленнаго Сына, и отъ Нихъ обоихъ непрестанно исходитъ Духъ Святой.

53. Замѣть глубину въ средоточіи: Отець есть единое существо, который самъ есть все, и отъ вѣчности непрестанно рождалъ своего возлюбленнаго Сына; и въ обоихъ непрестанно въ молніи, гдѣ рождается жизнь, происходилъ Духъ Святой.

54. Изъ строгаго же и суроваго рожденія источныхъ духовъ Отца, гдѣ ревность и гнѣвъ, непрестанно происходитъ тѣло природы, гдѣ пребываетъ свѣтъ Сына, какъ сердце Отца, непостижимо для природы.

55. Ибо свѣтъ въ рожденіи посреди его, и онъ есть обитель жизни, гдѣ рождается кроткая жизнь Божія изъ всѣхъ силъ Отца: и въ томъ же мѣстѣ исходитъ Духъ Святой отъ Отца и Сына.

56. Но теперь эти же силы Отца, которыя въ возженіи свѣта, суть святой Отець и кроткій Отець и чистое рожденіе Божіе, а восходящій въ нихъ духъ есть Духъ Святой; острое же рожденіе есть тѣло, въ которомъ непрестанно рождается эта святая жизнь.

57. Когда же свѣтъ Божій сіяетъ сквозь это острое рожденіе, оно становится совершенно кроткимъ, и бываетъ какъ спящій человѣкъ, въ которомъ непрестанно движется жизнь, тѣло же кротко покоится.

58. Въ этомъ тѣлѣ природы и произошло теперь возженіе: ибо изъ этого тѣла были сотворены и ангелы; и если бы они не возстали въ своемъ высокомѣріи, и не воспламенились, то и тѣло ихъ вѣчно пребывало бы въ тихой и непостижимой кротости, какъ въ прочихъ ангельскихъ княжествахъ внѣ сего міра; и духъ ихъ вѣчно рождался бы въ ихъ тѣлѣ кротости, какъ и въ тѣлѣ Божіемъ Святой Троицы, и врожденный духъ ихъ былъ бы единымъ сердцемъ, волею и любовію со Святою Троицей: ибо на тотъ конецъ и были они сотворены въ тѣлѣ Божіемъ, на радость Божеству.

59. Но господинъ Люциферъ захотѣлъ самъ стать могущественнымъ Богомъ, и зажегъ свое тѣло, и пробудилъ въ

немъ острое рожденіе Божіе, и онъ противопоставилъ себя свѣтлому сердцу Божію, желая господствовать въ немъ своею остротою, что было однако невозможно.

60. Но какъ онъ возсталъ и воспламенился противъ Божественнаго права, то и острое рожденіе возстало противъ него въ тѣлѣ Отца, и заключило его въ плѣнь въ самомъ остромъ рожденіи, какъ гнѣвнаго сына; тамъ теперь и его вѣчное владычество.

61. Когда же теперь Отецъ возжегся въ тѣлѣ остроты, Онъ еще не зажегъ потому и святого источника, гдѣ рождается Его любвеобильное сердце, такъ чтобы и сердце Его находилось въ источникѣ гнѣва.

62. Нѣтъ, это невозможно: ибо острое рожденіе не можетъ постигнуть святого и чистаго; но святое и чистое пробивается сквозь остроту, и порождаетъ себѣ новое тѣло, вновь состоящее въ кротости.

63. И это новое тѣло есть вода жизни, которая рождается, когда свѣтъ проникаетъ сквозь гнѣвъ; и Духъ Святой даетъ всему образъ и видъ въ ней: небо же есть раздѣлъ между любовью и гнѣвомъ, и есть престоль, гдѣ гнѣвъ обращается въ любовь.

64. Когда ты, теперь, взираешь на солнце и звѣзды, ты не долженъ думать: вотъ святой и чистый Богъ, и ты не долженъ просить или желать чего -нибудь отъ нихъ, ибо они не суть Святой Богъ; но они суть возженное строгое рожденіе тѣла Его, гдѣ борются между собою любовь и гнѣвъ.

65. Святой же Богъ сокрытъ посреди всего этого въ небѣ своемъ, и ты не можешь ни видѣть, ни постигать Его; душа же постигаетъ Его и звѣздное рожденіе наполовину: ибо небо есть раздѣлъ между любовью и гнѣвомъ, и это небо — вездѣ, также и въ тебѣ самомъ.

66. И когда ты поклоняешься святому Богу въ небѣ Его, ты поклоняешься Ему въ томъ небѣ, которое въ тебѣ: и этотъ Богъ проникаетъ свѣтомъ своимъ, и въ свѣтѣ Духъ Святой, сквозь сердце твое, и рождаетъ душу твою въ новое тѣло Божіе, господствующее вмѣстѣ съ Богомъ въ небѣ Его.

67. Ибо земное тѣло, носимое тобою, оно и есть единое тѣло со всѣмъ возженнымъ тѣломъ сего міра, и тѣло твое качественно совмѣстно со всѣмъ тѣломъ сего міра и нѣтъ никакого различія между звѣздами и глубиною вмѣстѣ съ землею и тѣломъ твоимъ: все это есть единое тѣло; единственное между ними различіе только въ томъ, что тѣло твое есть сынъ цѣлаго, и оно—какъ все существо.

68. И какъ новое тѣло сего міра рождается въ небѣ своемъ, такъ рождается и твой новый человѣкъ въ своемъ небѣ; ибо все это—единое небо, гдѣ обитаетъ Богъ, и гдѣ обитаетъ новый человѣкъ твой, и они не могутъ быть отлучены другъ отъ друга.

69. Но если ты безбоженъ, то небо недоступно для твоего рожденія, но доступенъ лишь гнѣвъ, и ты остаешься въ другой части звѣзднаго рожденія, гдѣ восходитъ суровый и строгій источникъ огня, и ты заключенъ накрѣпко въ смерти, пока не прорвешься сквозь небо, и не станешь жить съ Богомъ.

70. Ибо на мѣстѣ неба твоего возсѣдаетъ у тебя діаволь гнѣва: но когда ты пробьешься, онъ принужденъ отступить оттуда, и Духъ Святой господствуетъ на этомъ престолѣ; а въ другой части ярости нападаетъ на тебя діаволь, ибо это его гнѣздо, и Духъ Святой возбраняетъ ему; и новый человѣкъ укрывается въ небѣ своемъ подъ защитою Святого Духа, и діаволь не знаетъ новаго человѣка, ибо онъ не въ домѣ его, а въ небѣ, въ твердынѣ Божіей.

71. Я пишу это, какъ слово, родившееся въ небѣ своемъ, гдѣ непрестанно рождается Святое Божество, и движущійся духъ восходитъ въ молніи жизни; тамъ и родилось это слово и это познаніе, и возшло въ огнѣ любви чрезъ духъ ревности Божіей.

72. Я отлично знаю, что у діавола на умѣ: ибо часть строгаго и суроваго рожденія, гдѣ противопоставлены другъ другу любовь и гнѣвъ, видитъ въ самое сердце его; ибо когда онъ приходитъ со своимъ яростнымъ и адскимъ искушеніемъ, подобно льстивой собакѣ, онъ водворяется съ гнѣвомъ своимъ въ той части, гдѣ строгое рожденіе: и тамъ противостоитъ ему небо; тамъ узнается прекрасная невѣста.

73. Ибо онъ вонзается сквозь ветхаго человѣка, въ желаніи повредить новаго: но когда новый поднимается противъ него, адскій песъ удаляется; и тогда новый человѣкъ ясно узнаеть, какой совѣтъ подкинулъ адскій песъ въ звѣздное рожденіе, и пора бываетъ очистить его.

74. Я же нахожу, что мнѣ противопоставленъ умнѣйшій діаволь; онъ возбудитъ ругателей, которые скажутъ, что я хочу своимъ собственнымъ мечтаніемъ измыслить Божество.

75. Да, любезный ругатель, ты послушный сынъ діавола, и по праву можешь ругаться надъ дѣтьми Божіими; неужели я могъ бы собственными силами такъ глубоко проникнуть изслѣдованіемъ въ Божество, если бы Божество не коренилось во мнѣ само? или ты полагаешь, что я достаточно силенъ, чтобы противиться Ему?

76. Да, любезный гордецъ, Божество—весьма кроткое, простое и тихое существо, и не роется на днѣ ада и смерти, но пребываетъ въ своемъ небѣ, гдѣ одна только единодушная кротость: потому и мнѣ не подобало бы такъ дѣлать.

77. Но смотри: не я и открылъ эту дорогу; но желаніе твое и заносчивая охота твоя подвигли Божество открыть тебѣ въ высочайшей простотѣ и величайшей глубинѣ то, чего желало сердце твое, чтобы это было свидѣтельствомъ на тебя и и возвѣщеніемъ суроваго Дня Божія; я говорю это, какъ слово суроваго Бога, родившееся въ молніи жизни.

О ВСЕМЪ ТѢЛѢ РОЖДЕНІЯ ЗВѢЗДЪ, ТО ЕСТЬ, ВСЯ АСТРОЛОГІЯ, ИЛИ ВСЕ ТѢЛО СЕГО МІРА.

Ученые и высокоопытные учителя звѣзднаго искусства зашли въ разумѣніи своемъ такъ высоко и глубоко, что знаютъ и бѣгъ и дѣйствіе звѣздъ, и что означаютъ и приносятъ съ собою ихъ сочетанія и взаимныя вліянія и проницанія ихъ силъ; и какъ рождаются отъ того вѣтеръ, дождь, снѣгъ и зной, а также злое и доброе, счастье и несчастье, жизнь и смерть, и все теченіе сего міра.

2. Хотя это есть истинное основаніе, которое я признаю въ духѣ, что все это такъ, но познаніе ихъ состоитъ лишь въ домѣ смерти, во внѣшней постижимости, и въ созерцаніи тѣлесными очами; и корень этого дерева оставался доселѣ сокрытымъ отъ нихъ.

3. И не въ томъ мое намѣреніе, чтобы писать о вѣтвяхъ дерева, и опрокидывать ихъ познаніе: и я не строю также на ихъ основаніи, но оставляю познаніе ихъ на его престолѣ, ибо я не изучалъ его, и пишу въ духѣ моего познанія о корнѣ, стволѣ, вѣтвяхъ и плодахъ дерева, какъ трудолюбивый работникъ своего господина, чтобы обнажить все дерево сего міра.

4. И не съ мыслью открыть что-либо новое: ибо на это я не имѣю повелѣнія; но познаніе мое — въ этомъ рожденіи звѣздъ, посреди его, гдѣ рождается жизнь и пробивается сквозь смерть, и гдѣ возникаетъ и прорывается кипящій духъ; въ побужденіи и кипѣніи его я пишу.

5. И я отлично знаю также, что дѣти плоти будутъ ругаться надо мною и говорить, что мнѣ слѣдовало дожидаться моего призванія, и не заботиться объ этихъ вещахъ, и лучше бы поприлежнѣе заняться тѣмъ, что набиваетъ брюхо мнѣ и

моей семьѣ, и предоставитъ философствовать тѣмъ, кто изучали это и призваны къ тому.

6. И этимъ нападеніемъ діаволъ нанесъ мнѣ не мало ударовъ, и самъ вдабливалъ мнѣ такія мысли, что я не разъ рѣшался все это покинуть; но мое рѣшеніе оказывалось слишкомъ тяжкимъ для меня; ибо когда я, думая о брюхѣ, рѣшался покинуть эту мою задачу, то врата неба затворялись въ моемъ познаніи.

7. И тогда душа моя начинала скорбѣть, какъ если бы была въ плѣну у діавола: и чрезъ это разумъ претерпѣвалъ не мало ударовъ, такъ что тѣло было близко къ смерти, и духъ успокаивался не прежде, какъ когда вновь пробивался сквозь мертвый разумъ, и разбивалъ врата тьмы, и вновь возстановлялъ престолъ свой на его мѣстѣ; чрезъ что онъ всегда получалъ новую жизнь и силу.

8. И чрезъ это я понимаю, что духъ долженъ быть испытанъ крестомъ и печалью; итакъ, я не имѣлъ недостатка въ тѣлесныхъ нападеніяхъ, но всегда принужденъ былъ находиться въ борьбѣ: такъ жестоко противился мнѣ діаволъ.

9. Но такъ какъ я чую, что отъ этого зависитъ мое вѣчное спасеніе, и что если я оставлю, то затворятся для меня врата свѣта, (каковыя суть твердыня моего неба. куда душа моя укрывается отъ діавольской непогоды, и каковыя я завоевалъ великими усиліями и многими жестокими битвами, чрезъ любовь Божію и чрезъ побѣду спасителя моего и царя Іисуса Христа) то я предоставляю Богу дѣйствовать и плѣнять плотскій мой разумъ.

10. И я избралъ для себя врата познанія свѣта, и рѣшилъ слѣдовать побужденію и познанію духа: и хотя бы животное тѣло мое доведено было до нищенскаго посоха, или даже погибло, мнѣ до того больше нѣтъ дѣла; и я скажу вмѣстѣ съ царственнымъ пророкомъ Давидомъ: Изнемогаетъ плоть моя и душа моя, но ты, Боже, спасеніе мое, утѣшеніе мое и упованіе сердца моего (Пс. 72, 26). На Тебя возлагаю дерзновеніе мое и не хочу больше противиться Духу твоему: и хотя бы это причиняло страданіе плоти, все же вѣра должна витать надъ разумомъ въ познаніи свѣта.

11. Я отлично знаю также, что ученику не подобаетъ воевать противъ учителя, и что многоопытные учителя астрологии далеко превосходятъ меня: но я тружусь въ моемъ призваніи, а они—въ своемъ, чтобы не оказаться мнѣ лѣнивымъ рабомъ моего Господина, когда Онъ придетъ, и спросить съ меня ввѣренный мнѣ талантъ, чтобы я представилъ ему его съ прибылью. Поэтому я не хочу зарывать талантъ Его въ землю, но отдамъ его въ ростъ, чтобы Онъ не сказалъ мнѣ, когда настанетъ время потребовать его назадъ: Лукавый рабъ, отчего ты скрылъ талантъ мой во тьму, а не пустилъ его въ оборотъ, и я получилъ бы теперь мое съ прибылью? (Матѣ. 25; Лук. 19) и не отнялъ бы его у меня, и не отдалъ другому, который пріобрѣлъ бы на талантъ Его много прибыли; итакъ, я буду сѣять, а Онъ пусть поливаетъ; и я предоставляю дѣйствовать Ему.

12. Теперь замѣть: весь домъ сего міра, состоящій въ видимомъ и постижимомъ существѣ, это есть ветхій домъ Божій, или ветхое тѣло, состоявшее прежде времени гнѣва въ небесной ясности: но когда діаволь пробудилъ въ немъ гнѣвъ, онъ сталъ домомъ тьмы и смерти.

13. Почему и святое рожденіе Божіе отдѣлилось тогда отъ гнѣва, какъ особое тѣло, и создало небесную твердь между любовью и гнѣвомъ, такъ что рожденіе звѣздъ осталось посрединѣ: разумѣй, своею внѣшней постижимостью и видимостью оно пребываетъ въ гнѣвѣ смерти, а восходящимъ внутри его новымъ рожденіемъ, которое въ среднемъ престолѣ, тамъ, гдѣ небесный затворъ, пребываетъ оно въ кротости жизни.

14. Ибо кротость кипитъ противъ гнѣва, и гнѣвъ противъ кротости, и такимъ образомъ это два раздѣльныя царства въ единомъ тѣлѣ сего міра.

15. Но такъ какъ любовь и кротость Божія не хотѣли оставлять тѣло или мѣсто сего возженнаго міра гнѣва въ вѣчномъ гнѣвѣ и посрамленіи, то Онъ вновь породилъ все ветхое тѣло сего міра весьма правильно въ иное тѣло, гдѣ правила жизнь по Божественному роду и образу; хотя и въ возженномъ гнѣвѣ, однако оно должно было существовать по Божественному

праву, чтобы изъ него могло родиться новое тѣло, которое пребывало бы въ святости и чистотѣ во всю вѣчность.

16. По этой причинѣ назначенъ въ Богѣ и конечный день разлученія, когда должны разлучиться другъ отъ друга любовь и гнѣвъ.

17. И вотъ, когда ты взираешь на звѣзды и на глубину вмѣстѣ съ землею, то тѣлесными глазами твоими ты не видишь ничего, кромѣ ветхаго тѣла въ гнѣвной смерти: неба ты не можешь видѣть тѣлесными глазами твоими, ибо голубой шаръ, который ты видишь въ вышинѣ, не есть небо, но есть ветхое тѣло, справедливо называемое поврежденною природою.

18. А что кажется, будто надъ звѣздами находится голубой шаръ, чтобы затворять мѣсто сего міра отъ святого неба, какъ люди полагали доселѣ, то это не такъ; но это есть верхняя вода природы, которая много свѣтлѣе воды подъ луною; и когда теперь солнце сіяетъ сквозь глубину, она кажется какъ бы свѣтло-голубою.

19. Какъ глубоко и обширно мѣсто сего міра, не знаетъ ни одинъ человекъ: и хотя иные физики или астрологи осмѣливались измѣрять циркулями своими глубину, однако измѣренія ихъ суть лишь пустыя басни, или измѣренія постижимости, какъ если бы кто захотѣлъ поймать вѣтръ.

20. Истинное же небо—вездѣ въ настоящее время и до Послѣдняго дня, и домъ гнѣва, ада и смерти въ семь мірѣ нынѣ также вездѣ до Послѣдняго дня; жилище же діавола нынѣ—отъ луны до земли, и въ самой землѣ, въ глубокихъ пещерахъ и вертепахъ, въ особенности же гдѣ есть суровыя и дикія пустыни, и гдѣ земля очень камениста и горька.

21. Царское же правленіе ихъ—въ глубинѣ, въ четырехъ концахъ круга равноденствія, о чемъ я напишу въ другомъ мѣстѣ; здѣсь я долженъ тебѣ указать, какъ произошло тѣло сего міра, и какъ оно состоитъ еще и понынѣ, и каково въ немъ правленіе

22. Все тѣло сего міра подобно человѣческому тѣлу: ибо въ самой внѣшней своей окружности оно окружено звѣздами или взошедшими силами природы; и въ тѣлѣ правятъ семь духовъ природы, а сердце природы—посреди нихъ внутри.

23. Звѣзды же всѣ вообще суть дивная соразмѣрность или измѣненіе Божіе: ибо когда Богъ создавалъ звѣзды, онъ создалъ ихъ изъ восхожденія безконечности, изъ ветхаго, отнынѣ возженнаго тѣла Божія.

24. Ибо подобно какъ семь источныхъ духовъ Божіихъ прежде времени гнѣва рождались восхожденіемъ и зараженіемъ своимъ въ безконечномъ многообразіи, откуда и произошли такіе многоразличные образы и небесныя произрастанія,—такъ сложилъ святой Богъ и свое ветхое тѣло сей поврежденной природы въ такое же множество и разнообразіе силъ, въ какомъ онѣ рождались нѣкогда въ святости.

25. Пойми правильно этотъ высокій предметъ: каждая звѣзда имѣетъ особое свойство, что ты можешь видѣть и на украшеніи или цвѣтеніи земли: и Творецъ для того возстановилъ и вновь оживилъ ветхое возженное тѣло въ такомъ множествѣ и многообразіи силъ, чтобы сквозь эту ветхую жизнь во гнѣвѣ вновь родилась въ немъ чрезъ небесный затворъ такая новая жизнь; чтобы новая жизнь обладала всѣми силами и дѣйствіями, какими нѣкогда, прежде времени гнѣва, обладала ветхая, и чтобы она могла качественнo совмѣстно съ чистымъ Божествомъ внѣ сего міра, и чтобы она была съ Божествомъ внѣ сего міра единымъ святымъ Богомъ.

26. И новое рожденіе было цвѣтущимъ во время творенія, если бы человекъ не повредилъ его: чрезъ что природа стала еще болѣе поврежденной, и Богъ проклялъ поле.

27. Такъ какъ человекъ ухватился за плодъ ветхаго тѣла, то вотъ плодъ новаго тѣла остался сокрытымъ въ своемъ небѣ; и человекъ принужденъ теперь созерцать его новымъ тѣломъ, а природнымъ тѣломъ не можетъ наслаждаться имъ.

28. Я желалъ бы вкусить его, но не могу достать: ибо небо есть затворъ между ветхимъ и новымъ тѣломъ; и я принужденъ потому терпѣть этотъ голодъ до оной жизни, и питать мое животное тѣло яблоками гнѣва матери Евы.

29. Когда Богъ въ два дня привелъ тѣло сего міра въ надлежащій образъ, и создалъ небо въ раздѣлѣ между любовью и гнѣвомъ, то на третій день любовь пробилась сквозь небо и сквозь гнѣвъ; и тотчасъ же подвиглось тогда ветхое тѣло въ смерти, и стало скорбѣть въ рожденіи.

30. Ибо любовь горяча, и зажгла источникъ огня: и онъ началъ тереться въ терпкомъ и холодномъ качествѣ застывшей смерти, пока терпкое качество на третій день не разогрѣлось, откуда и произошла подвижность или стала подвижной терпкая земля.

31. Ибо все состояло въ огневомъ испугѣ до четвертаго дня, когда возжегся свѣтъ солнца: ибо все тѣло скорбѣло въ рожденіи, какъ родящая жена.

32. Терпкое качество было тѣмъ, что обнимало или заключало жизнь; въ немъ то и скорбѣлъ теперь зной, который былъ зажженъ любовью Божіей, и вытѣснялъ терпкое качество, какъ мертвое тѣло; но зной сохранилъ престоль свой въ средоточіи тѣла, и пробивался оттуда.

33. Когда же теперь возжегся свѣтъ солнца, то ближайшій кругъ вокругъ солнца состоялъ въ испугѣ огня: ибо солнце, или свѣтъ просіялъ въ водѣ, и горечь стремительно взошла изъ воды вмѣстѣ съ нимъ въ огневомъ испугѣ; свѣтъ же вознесся ввысь такъ поспѣшно, и охватилъ испугъ огня, что тотъ остался плѣнникомъ, и сталъ тѣлеснымъ.

34. Отсюда въ первомъ оборотѣ возникла планета Марсъ, сила которой въ горькомъ огневомъ испугѣ; къ тому же она жгуча и ядовитый врагъ природы, и чрезъ исхожденіе и рожденіе ея произошли въ землѣ разные ядовитые, злые гады.

35. Но такъ какъ зной въ средоточіи тѣла былъ такъ могущественъ и великъ, то онъ распространился такъ далеко въ стороны отъ себя, и такъ широко раздвинулъ темницу смерти прежде возженія свѣта, что солнце стало величайшею звѣздою.

36. Но какъ только свѣтъ возжегся въ зноѣ, тотчасъ же горящее мѣсто плѣнено было свѣтомъ, и тѣло солнца не могло

стать больше. Ибо свѣтъ укротилъ зной: итакъ, тѣло солнца осталось, какъ сердце, посреди, ибо свѣтъ, а не зной, есть сердце природы.

37. Но здѣсь ты долженъ замѣтить точно: на какомъ протяженіи загорѣлось средоточіе, того размѣра и солнце: ибо солнце есть не что иное, какъ зажженное средоточіе въ тѣлѣ природы.

38. Не надо думать, чтобы была при этомъ какая-либо иная сила, нежели какая вездѣ, во всей глубинѣ тѣла.

39. Если бы любовь Божія, чрезъ небо свое, захотѣла возжечь зноемъ все тѣло сего міра, то было бы вездѣ такъ же свѣтло, какъ въ солнцѣ.

40. Если бы теперь у солнца можно было отнять великій зной, оно было бы единый свѣтъ съ Богомъ: но такъ какъ это въ сіе время не можетъ совершиться, то оно остается царемъ и правителемъ въ ветхомъ, поврежденномъ и зажженномъ тѣлѣ природы; и ясное Божество остается сокрытымъ въ кроткомъ небѣ.

41. Но свѣтъ кротости солнца качественно совмѣстно съ чистымъ Божествомъ: но зной не можетъ объять свѣтъ, потому и остается мѣсто солнца во тьмѣ гнѣва Божія; и ты не долженъ поклоняться солнцу, или почитать его за Бога, ибо мѣсто или тѣло его, ради ярости его, не можетъ постичь воду жизни.

ВЫСОЧАЙШАЯ ОСНОВА СОЛНЦА И ВСѢХЪ ПЛАНЕТЪ.

42. Здѣсь найду я довольно противниковъ, которые сумѣютъ разбранить меня: ибо они обратятъ вниманіе не на духъ, а на свое ветхое, и скажутъ, что астрологи понимаютъ это лучше, и писали объ этомъ; и будутъ глядѣть на великія отверстія врата Божіи, какъ корова на новую дверь въ стойлѣ.

43. Да, любезный читатель, я хорошо понимаю также сужденія астрологовъ, да и прочелъ пару строкъ изъ ихъ писаній, и отлично знаю, какъ они описываютъ бѣгъ солнца и звѣздъ: и я не презираю этого, но почитаю, по большей части, хорошимъ и правильнымъ.

44. А что нѣкоторыя вещи я пишу иначе, то я дѣлаю это не по желанію или мечтанію своему, или отъ того, чтобы я сомнѣвался, такъ ли это; да у меня и нѣтъ здѣсь никакихъ сомнѣній, и никакой человѣкъ не можетъ научить меня въ этомъ.

45. Ибо знаніе мое не изъ изученія: правда, о порядкѣ и устройствѣ семи планетъ я читалъ въ книгахъ астрологовъ, и нахожу ихъ совершенно правильными; но о корнѣ, какъ онѣ произошли и стали, этому я не могу научиться отъ людей, ибо они этого не знаютъ; и меня также не было при томъ, когда Богъ творилъ ихъ;

46. Но такъ какъ въ духѣ моемъ раскрыты были любовью Божіей врата глубины и двери гнѣва, а также и темница смерти, то духъ видитъ сквозь нихъ. И вотъ я нахожу, что рожденіе природы пребываетъ и до сего дня и рождается такъ же, какъ оно взяло впервые начало свое; и все, что ни восходитъ въ семь мірѣ, будь то люди, звѣри, деревья, зелень, трава, руда, или что бы то ни было, все восходитъ въ томъ же качествѣ и образѣ; и всякая жизнь, будь то злая или добрая, беретъ свое начало такъ же.

47. Ибо таково Божественное право, чтобы всякая жизнь рождалась въ тѣлѣ Божіемъ по одному и тому же образу: и хотя бы она проходила чрезъ множество различныхъ образованій, однако всякая жизнь имѣетъ одинаковое начало.

48. Такое познаніе я не усматриваю плотскими очами, но тѣми очами, въ которыхъ рождается жизнь во мнѣ: на этомъ то престолѣ открыты мнѣ врата неба и ада, и новый человѣкъ созерцаетъ посреди звѣзднаго рожденія, и предъ нимъ раскрыты внутреннія и самыя внѣшнія врата.

49. И такъ какъ онъ еще сидитъ въ ветхомъ человѣкѣ гнѣва и смерти, и возсѣдаетъ также въ небѣ своемъ, то онъ и видитъ сквозь то и другое: такимъ образомъ онъ видитъ также и звѣзды и стихіи; ибо въ Богѣ нѣтъ мѣста задержкѣ, и око Господа видитъ все.

50. И если бы теперь духъ мой не видѣлъ духомъ Его, я былъ бы слѣпою палкою; но такъ какъ я вижу врата Божіи въ духѣ моемъ, и имѣю также побужденіе къ тому, то

я буду писать въ точности по моему созерцанію, и не посмотрю ни на какой авторитетъ человѣческій.

51. Ты не долженъ понимать это такъ, будто мой ветхій человѣкъ—живой святой или ангель: нѣтъ, молодецъ; онъ сидитъ вмѣстѣ со всѣми людьми въ домѣ гнѣва и смерти, и есть постоянный врагъ Божій, погруженный въ грѣхи свои и злобу, какъ всѣ люди, и полонъ слабостей и недостатковъ.

52. Но ты долженъ знать и то, что онъ находится въ постоянномъ скорбномъ рожденіи, и очень хотѣлъ бы избавиться отъ гнѣва и злобы, иоднако не можетъ; ибо онъ—какъ весь домъ сего міра, гдѣ любовь и гнѣвъ непрестанно борются между собою, и гдѣ посреди скорби непрестанно рождается новое тѣло. Ибо это должно быть такъ, если только ты хочешь родиться вновь; иначе ни одинъ человѣкъ не достигаетъ возрожденія.

53. Человѣкъ непрестанно печется здѣсь о кроткихъ дняхъ для плоти, и о богатствѣ и красотѣ, и не знаетъ, что тѣмъ самымъ сидитъ въ темницѣ смерти, гдѣ направлено на него жало гнѣва.

54. Вотъ смотри, я говорю тебѣ это, какъ слово жизни, которое беру въ познаніи духа посреди рожденія новаго тѣла сего міра, надъ которымъ владыка и царь—человѣкъ Іисусъ Христосъ вмѣстѣ съ его вѣчнымъ Отцомъ; и я беру его у подножія престола Его, гдѣ предстоятъ Ему всѣ святыя души людей, и радуются предъ Нимъ: что вождельніе. плоти по кроткомъ благоденствіи, богатствѣ, красотѣ, могуществѣ, есть сплошная адская баня, куда ты бѣжишь и стремишься, какъ если бы тебя тянуло туда, ибо тамъ великая опасность.

55. Если же ты хочешь узнать, каково это на дѣлѣ, то вотъ смотри, я скажу тебѣ это въ подобіи: когда ты по желанію сердца своего достигъ богатства и власти, то это какъ если бы ты стоялъ въ глубокой водѣ, гдѣ вода постоянно доходила бы тебѣ до рта, и не было бы дна подъ ногами; и ты плавалъ бы, такимъ образомъ, руками и оборонялся бы; и то погружался бы глубоко въ воду, то всплывалъ наверхъ, и пребывалъ бы непрестанно въ великомъ ужасѣ, какъ бы не пойти на дно, при чемъ нерѣдко вода заливалась бы тебѣ въ ротъ, и ты былъ бы непрестанно предъ лицомъ смерти.

56. Такимъ то образомъ, и не иначе, сядишь ты въ своихъ наслажденіяхъ плоти: и если ты теперь не хочешь сражаться, то и не побѣдишь, но будешь умерщвленъ въ своей мягкой постели. Ибо человѣкъ всегда имѣетъ предъ собой могучее воинство, которое непрестанно сражается съ нимъ: если онъ не хочетъ обороняться, то будетъ взятъ въ плѣнъ и убитъ.

57. Но какъ же обороняться тому, кто плаваетъ въ глубокой водѣ? ему достаточно дѣла отъ воды отбиваться, и однако все же осаждаютъ его діаволы.

58. Опасность за опасностью! какъ и царь нашъ Христосъ говоритъ: Трудно богатому войти въ царство небесное; легче верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти въ царство небесное (Матѳ. 19, 25; Марк. 10, 25).

59. Если же кто хочетъ родиться вновь, тотъ не долженъ отдаваться въ рабство жадности, гордости и своеволю, и усаждаваться въ пожеланіяхъ своей плоти; но долженъ сражаться и бороться противъ самого себя, а также противъ діавола и противъ всѣхъ похотей плоти, и долженъ думать, что онъ только рабъ и странникъ на землѣ, принужденный странствовать въ иной нѣкій міръ чрезъ опасное море скорби, гдѣ онъ будетъ господиномъ, и гдѣ господство его будетъ въ силѣ и въ совершенномъ веселіи и красотѣ; говорю это, какъ слово духа.

60. Теперь замѣть: солнце имѣетъ свое собственное царское мѣсто, и этого своего мѣста, гдѣ оно впервые возникло, оно не покидаетъ, какъ думаютъ иные, будто оно бѣгаетъ день и ночь вокругъ земной поверхности, и какъ пишутъ также иные астрологи; и нѣкоторые осмѣливались даже измѣрять, какъ далеко простирается окружность его бѣга.

61. Такое мнѣніе невѣрно: земля вращается и бѣгаетъ съ другими планетами, какъ въ колесѣ, вокругъ солнца; земля не стоитъ на одномъ мѣстѣ, но обѣгаетъ разъ въ годъ вокругъ солнца, какъ и прочія планеты подъ солнцемъ: кромѣ Сатурна и Юпитера, которые не могутъ сдѣлать этого въ годъ по причинѣ обширной окружности своего бѣга и великой высоты, ибо они стоятъ высоко надъ солнцемъ.

62. Теперь спрашивается: что же тогда суть солнце и другія планеты? или какъ они произошли? Вотъ смотри: дру-

гія планеты суть особыя тѣла, имѣющія собственный свой тѣлесный составъ, и не привязанныя ни къ какому неподвижному мѣсту, кромѣ своей окружности, внутри которой они движутся: солнце же не есть такое тѣло, но возженное свѣтомъ Божиимъ мѣсто.

63. Пойми это правильно: мѣсто, гдѣ находится солнце: есть такое мѣсто, какого ты не сыщешь другого надъ землею, если бы Богъ захотѣлъ зноемъ возжечь свѣтъ, то весь міръ былъ бы сплошь такимъ солнцемъ: ибо та же сила, въ которой состоитъ солнце, она—вездѣ; и прежде времени гнѣва въ мѣстѣ сего міра вездѣ было такъ же свѣтло, какъ на солнцѣ, но не столь невыносимо.

64. Ибо зной не былъ такъ великъ, какъ въ солнцѣ, и свѣтъ былъ потому весьма кротокъ; и ради жестокой ярости солнца отлучено оно отъ кротости Божіей. Такъ что нельзя поэтому сказать, что солнце—отверстыя врата свѣта Божія; но оно какъ свѣтъ въ глазу человѣка: мѣсто глаза также принадлежитъ къ тѣлу, но свѣтъ отдѣленъ отъ тѣла.

65. И хотя онъ и возникаетъ чрезъ зной въ водѣ тѣла, однако онъ есть нѣчто особое, чего тѣло не можетъ постичь; таково же отличіе и между Богомъ Отцомъ и Сыномъ.

66. Такимъ образомъ, на четвертый день въ скорбномъ рожденіи сего міра, въ срединной точкѣ сего міра, возшло солнце, и стоитъ неподвижно въ своемъ вѣчномъ тѣлесномъ мѣстѣ: ибо оно не можетъ сдвинуться съ одного мѣста и перемѣститься на другое.

67. Ибо оно есть единый природный свѣтъ сего міра, и кромѣ него нѣтъ больше настоящаго свѣта въ домѣ смерти: и хотя бы казалось, что и другія звѣзды сіяютъ свѣтло, однако это ничего не значить, но онѣ берутъ всѣ блескъ свой отъ солнца, какъ о томъ послѣдуетъ вскорѣ.

ИСТИННОЕ ЖЕ РОЖДЕНІЕ И ПРОИСХОЖДЕНІЕ СОЛНЦА
И ПЛАНЕТЪ ТАКОВО, КАКЪ СЛѢДУЕТЪ НИЖЕ.

68. Когда теперь было создано небо въ раздѣлъ между свѣтомъ Божиимъ и зажженнымъ поврежденіемъ тѣла сего

міра, то тѣло сего міра было темною долиною, и не имѣло свѣта, который бы сіялъ во внѣшнемъ тѣлѣ внѣ неба; тогда всѣ силы пребывали какъ бы въ плѣну смерти, и такъ сильно скорбѣли, пока не разогрѣлись въ срединѣ тѣла.

69. Когда же это произошло, что скорбное рожденіе стояло въ такомъ суровомъ зноѣ, то любовь пробилась въ свѣтѣ Божіемъ сквозь небо раздѣла, и зажгла зной; тогда въ зноѣ возшелъ въ водѣ или въ тукѣ воды сіяющій свѣтъ, и зажглось сердце воды: и это произошло въ одно мгновеніе.

70. Ибо лишь только свѣтъ охватилъ, какъ слѣдуетъ, тѣло, оно стало плѣненнымъ въ свѣтѣ, и зной былъ плѣненъ, и превращенъ въ подобающую кротость, и не могъ оставаться дольше въ такой скорби.

71. Но такъ какъ зной былъ испуганъ свѣтомъ, то жестокой источникъ огня улегся, и не могъ зажечься дальше: также и взрывъ любви въ свѣтѣ Божіемъ сквозь небо не могъ на этотъ разъ, по предначертанію Божію, пробиться дальше, почему и солнце не стало еще больше.

О ПЛАНЕТѢ МАРСѢ.

72. Когда же солнце зажглось, то жестокой огневой испугъ изъ мѣста солнца вознесся ввысь за предѣлы мѣста солнца, какъ жестокая, неистовая молнія, и въ тѣлесномъ существѣ своемъ захватилъ съ собою ярость огня: отчего вода стала весьма горькою, а вода есть ядро или стволъ испуга.

73. Теперь, астрологи пишутъ, будто планета Марсъ стоитъ надъ солнцемъ на высотѣ 15750 миль, что я и допускаю, такъ какъ не обхожусь съ циркулемъ: вотъ какъ далеко унесся изъ своего собственнаго мѣста проворный огневой испугъ, пока и его не схватилъ свѣтъ: тогда и онъ также плѣненъ былъ свѣтомъ, и остановился, и занялъ свое мѣсто.

74. А что свѣтъ не схватилъ его раньше, тому причиною суровая ярость и быстрая молнія: ибо не раньше былъ онъ удержанъ свѣтомъ, какъ совершенно заразилъ его свѣтъ.

75. Тамъ стоитъ онъ теперь неистовый, и буйный, и приводящій въ движеніе все тѣло сего міра: ибо въ томъ и долж-

ность его, чтобы обращеніемъ своимъ въ колесъ природы приводить все въ движеніе, откуда беретъ начало свое вся жизнь.

О ПЛАНЕТЪ ЮПИТЕРЪ.

76. Когда же горькій огневой испугъ плѣненъ былъ свѣтомъ, то свѣтъ собственною своею властью проникъ еще выше въ глубину, пока не достигъ жесткаго и холоднаго престола природы. Тогда сила перваго восхода изъ солнца не могла подняться выше, и осталась тамъ тѣлесно, и сдѣлала это мѣсто обиталищемъ своимъ.

77. Но ты долженъ правильно понять это: то, что остановилось на этомъ мѣстѣ, было силою свѣта, и она есть весьма краткое, дружественное, блаженное и сладостное существо. О Юпитерѣ астрологи пишутъ, что онъ стоитъ на 7875 миль выше Марса; но онъ—укротитель разрушительнаго и неистоваго Марса и начало кротости во всякой жизни, а также начало воды, откуда рождается жизнь, какъ я сообщу дальше.

78. Вотъ до какой высоты достигла сила жизни изъ солнца, и не выше; блескъ же или сіяніе, которое также имѣетъ свою силу, достигаетъ до звѣздъ, и проникаетъ все тѣло сего міра.

79. Но ты долженъ понять это въ точности, откуда произошли эти двѣ планеты. Когда сила сердца Божія изъ вѣчнаго неизсякшаго родника воды жизни проникла сквозь небо раздѣла, и зажгла воду въ мѣстѣ солнца, изъ воды вырвалась молнія, разумѣй—молнія огня; и она была весьма ужасной и горькой, и изъ нея произошелъ Марсъ.

80. Вслѣдъ за этой молніей быстро устремилась сила свѣта какъ бы кроткая восходящая жизнь, и догнала огневой испугъ, и укротила его, такъ что онъ сталъ какъ бы отчасти безсильнымъ, и не могъ больше или дальше проникнуть въ глубину, но остановился, дрожа.

81. Но сила, исшедшая въ свѣтѣ, была гораздо могущественнѣе, нежели огневой испугъ, потому и поднялась она гораздо выше молнии огня, пока не углубилась чрезмѣрно въ суровость природы, гдѣ и остановилась, ставъ также какъ бы безсильной.

82. Изъ этой силы и произошла планета Юпитеръ, а не изъ того самаго мѣста, гдѣ онъ находится; но онъ непрестанно силою своею зажигаетъ это мѣсто, и онъ какъ бы жилецъ въ этомъ мѣстѣ, принужденный непрестанно кружиться въ своемъ наемномъ домѣ; солнце же имѣетъ свой собственный домъ, а кромѣ него ни у одной планеты нѣтъ собственнаго дома.

83. Если кто хочетъ въ точности узнать рожденіе или начало звѣздъ, тотъ долженъ знать въ точности рожденіе жизни, какъ въ тѣлѣ рождается жизнь, ибо всѣ рожденія происходятъ одинаково.

84. Кто не знаетъ и не разумѣетъ этого, тотъ не знаетъ и рожденія звѣздъ; ибо все вмѣстѣ составляетъ одно тѣло. Когда жизнь рождается въ какой-нибудь твари, то рожденіе ея пребываетъ затѣмъ въ тѣлѣ твари, какъ и рожденіе природнаго тѣла сего міра; ибо всякая жизнь должна рождаться по Божественному закону, какъ рождается непрестанно само Божество.

85. Если тщательно разсмотрѣть и обдумать это, что однако не можетъ произойти безъ особаго просвѣщенія святымъ Богомъ, то находишь первоначально терпкое, холодное, и строгое рожденіе, которое есть причина тѣлесной природы или образованія какой-либо вещи.

86. Если бы не было этой строгой, холодной, острой, стягивающей воедино силы, то не было бы и ни одного природнаго или тѣлеснаго существа; не было бы также и рожденія Божія, и все было бы неизслѣдимо.

87. Но въ этой жесткой, строгой и холодной силѣ состоитъ тѣлесное существо или тѣло, въ которомъ рождается затѣмъ живой духъ; а изъ этого духа свѣтъ и разумѣніе, а отсюда уже возникаютъ чувства и испытаніе всѣхъ силъ.

88. Ибо когда рождается свѣтъ, то посреди тѣла изъ всѣхъ силъ рождается какъ бы сердце или духъ: и останавливается тогда въ своемъ первоначальномъ мѣстѣ, и проходитъ чрезъ всѣ силы.

89. Ибо подобно какъ рождается онъ изъ всѣхъ силъ, и содержитъ родникъ всѣхъ силъ, такъ вноситъ онъ и сіяніемъ своимъ въ каждую отдѣльную силу родникъ всѣхъ силъ; отку-

да и происходят затѣмъ вкусъ и обоняніе, равно какъ и зрѣніе, осязаніе и слухъ, и разумокъ, и разумѣніе.

90. Каково теперь происхожденіе и начало жизни въ твари, таково и первое возрожденіе природы новой жизни въ поврежденномъ тѣлѣ сего міра.

91. И кто отрицаетъ это, тотъ не имѣетъ ни истиннаго разумѣнія, ни какого-либо познанія природы; а также познаніе его родилось не въ Богѣ; напротивъ, онъ—ругатель Божій.

92. Ибо смотри: ты не можешь отрицать что жизнь въ твари возникаетъ въ зноѣ сердца: и въ этой жизни содержится и свѣтъ душевнаго рожденія.

93. Теперь, сердце знаменуетъ собою солнце; оно также есть начало жизни во внѣшнемъ тѣлѣ сего міра; и ты не можешь сказать теперь, что душевное рожденіе покидаетъ сердце, когда тѣло находится въ движеніи.

94. Такъ и солнце не покидаетъ престола своего, но удерживаетъ собственное мѣсто свое, какъ сердце, и свѣтитъ во всѣхъ силахъ тѣла, какъ свѣточъ, или какъ духъ всего тѣла міра сего.

95. Ибо и рожденіе его беретъ начало также изъ всѣхъ силъ: потому и бываетъ оно со своимъ свѣтомъ и зноемъ, въ свою очередь, духомъ и сердцемъ во всемъ тѣлѣ сего міра.

96. И далѣе, ты не можешь также отрицать и того, что желчь въ твари произошла отъ сердца: ибо у нея есть жила, ведущая къ сердцу, и она есть подвижность сердца, откуда происходитъ зной.

97. Первое начало свое она беретъ отъ молніи жизни: когда въ сердцѣ рождается жизнь, и восходитъ въ водѣ свѣтъ, то ему предшествуетъ огневой испугъ, поднимающійся изъ скорбности воды въ зноѣ.

98. Ибо когда зной скорбитъ такимъ образомъ въ холодѣ въ терпкомъ качествѣ, и свѣтъ, проникая сквозь сокровенное небо сердца, зажигается въ тѣлесности, то пугается скорбная смерть въ гнѣвѣ Божіемъ, и отступаетъ отъ свѣта, какъ ужасъ или молнія, и восходитъ вверхъ, ужасаясь, дрожа и въ страхѣ: а свѣтъ сердца спѣшитъ вослѣдъ ей, и заражаетъ ее; тогда она останавливается.

99. И это есть планета Марсъ, и знаменуетъ ее: ибо такимъ образомъ она и произошла; и собственное ея качество есть не что иное, какъ ядовитый, горькій огневой ужасъ, восшедшій изъ мѣста солнца.

100. И онъ теперь непрестанный возжигатель солнца, подобно какъ желчь—возжигатель сердца, откуда въ обоихъ, въ солнцѣ и сердцѣ, происходитъ зной, и беретъ начало свое жизнь во всѣхъ вещахъ.

101. Въ-третьихъ, ты не можешь также отрицать и того, что мозгъ въ головѣ у тварей есть сила сердца: ибо изъ сердца восходятъ всѣ силы въ мозгъ, отчего возникаютъ въ мозгу чувства сердца.

102. Мозгъ въ головѣ беретъ начало свое отъ силы сердца.

103. Замѣть: послѣ того какъ огневой ужасъ желчи или Марса отступилъ отъ свѣта жизни, сила проникаетъ изъ сердца вослѣдъ чрезъ свѣтъ жизни до головы въ строгое качество: и когда сила не можетъ уже подняться выше, она плѣняется строгимъ рожденіемъ, и иссушается холодомъ.

104. И тамъ стоитъ она теперь, и качественно совмѣстно съ духомъ жизни въ сердцѣ, и сама есть царскій престолъ духа сердца: ибо досюда доводитъ духъ силу сердца, и здѣсь происходитъ испытаніе.

105. Ибо мозгъ помѣщается въ строгомъ рожденіи, и въ собственномъ своемъ тѣлѣ онъ есть кроткая сила сердца, и знаменуетъ поистинѣ новое возрожденіе, которое возрождается вновь въ своемъ небѣ, среди суровости смерти и гнѣва, и сквозь смерть пробивается въ жизнь. Ибо здѣсь духъ или мысли становятся снова цѣльною тварною личностью чрезъ зараженіе или испытаніе всѣхъ силъ, что я зову въ человѣкѣ душевнымъ рожденіемъ.

106. Ибо послѣ того какъ новый духъ достаточно обращался въ мозгу, онъ вновь возвращается къ своей матери въ сердце: и онъ предстоить тогда, какъ совершенный духъ или воля, или какъ новорожденная личность, которая въ человѣкѣ зовется душою.

107. Теперь смотри: каково въ челоуѣкѣ существо и происхожденіе мозга, таково же существо и происхожденіе планеты Юпитера: ибо она имѣетъ начало свое отъ восхожденія жизни, отъ силы, взошедшей изъ воды жизни, изъ мѣста солнца чрезъ свѣтъ.

108. И эта сила поднялась вверхъ, пока не была плѣнена вновь суровой, жесткой и холодной силою: тогда она остановилась, и стала тѣлесною при первомъ обходѣ своемъ или движеніи впередъ, и была высушена суровой и холодной силою.

109. И она есть поистинѣ мозгъ въ тѣлесномъ правленіи сего міра, откуда рождаются чувства и разумѣніе, а также всякая кротость и мудрость въ природности. Истинный же и Святой Духъ въ челоуѣкѣ рождается въ сокровенномъ небѣ, въ водѣ жизни.

110. Внѣшній Юпитеръ есть только кротость и разумѣніе во внѣшней постижимости: святой же родникъ непостижимъ, и неизслѣдимъ для внѣшняго разсудка. Ибо звѣздное рожденіе только корнемъ своимъ находится въ святомъ небѣ, а тѣлесностью—въ гнѣвѣ.

О ПЛАНЕТЪ САТУРНЪ.

Холодный, острый и строгій, терпкій правитель Сатурнъ беретъ начало и происхожденіе свое не отъ солнца: ибо онъ имѣетъ во власти своей темницу смерти, и онъ изсушитель всѣхъ силъ, откуда возникаетъ тѣлесность.

2. Подобно какъ солнце есть сердце жизни, и начало всѣхъ духовъ въ тѣлѣ сего міра, такъ Сатурнъ начинатель всякой тѣлесности и постижимости: и во власти этихъ двухъ планетъ все тѣло сего міра, и никакая тварь или образованіе, равно также никакая подвижность не можетъ произойти въ природномъ тѣлѣ сего міра помимо власти этихъ обоихъ.

3. Происхожденіе же его есть суровая терпкая и строгая скорбность всего тѣла сего міра: ибо когда во время возженія гнѣва свѣтъ въ самомъ внѣшнемъ рожденіи сего міра погасъ, (каковое рожденіе есть природность или постижимость, или восхожденіе рожденія всѣхъ источныхъ духовъ,) терпкое качество стояло въ своемъ самомъ остромъ и суровомъ рожденіи, и стягивало воедино весьма сурово и терпко составъ всѣхъ источныхъ духовъ; откуда и произошли тогда земля и камни; и оно было по всей истинѣ домомъ смерти или темницею жизни, гдѣ находился въ плѣну тогда царь Люциферъ.

4. Когда же на первый день чрезъ слово или сердце Божіе вновь нѣсколько пробился свѣтъ въ корнѣ природнаго тѣла-сего міра, какъ бы наступленіе дня или начало подвижности жизни, тогда строгое и терпкое рожденіе получило какъ бы нѣкій взглядъ или восходъ жизни въ рожденіи.

5. Съ этого мгновенія оно пребывало какъ бы въ скорбной смерти до третьяго дня, когда любовь Божія проникла сквозь небо раздѣла, и зажгла свѣтъ солнца.

6. Но такъ какъ сердце или сила солнца не могла разрѣшить и умѣрить скорбное рожденіе или качество ярости и гнѣва, особенно въ высотѣ надъ Юпитеромъ, то вся эта окружность оставалась въ жестокой скорбности, какъ женщина въ родахъ, и все же не могла пробудить зной, по причинѣ жестокаго холода и терпкости.

7. Но такъ какъ однако и тамъ возшла подвижность силою сокровеннаго неба, то природа не могла пребывать въ покоѣ, но возскорбѣла къ рожденію, и родила изъ духа остроты терпкаго, холоднаго и суроваго сына или звѣзду Сатурна.

8. Ибо духъ зноя не могъ возжечься, откуда происходитъ свѣтъ, а изъ свѣта чрезъ воду—любовь и кротость; но это было порожденіемъ строгой, холодной и суровой яростности, и Сатурнъ есть иссушитель, губитель и врагъ кротости, порождающій въ тваряхъ твердыя кости.

9. Но Сатурнъ не привязанъ къ своему мѣсту, какъ солнце: ибо онъ не есть тѣлесное мѣсто въ пространствѣ глубины, но сынъ, родившійся изъ темницы смерти, изъ возженной, жесткой и холодной скорбности; и онъ только жилецъ въ пространствѣ, гдѣ совершаетъ свое обращеніе. Ибо онъ владѣетъ самъ своимъ тѣлеснымъ достояніемъ, какъ дитя, когда оно рождено своею матерью. [*„Сатурнъ былъ также сотворенъ вмѣстѣ съ колесомъ, когда FIAT сотворило колесо, но онъ не происходитъ изъ солнца“.*]

10. А почему Богъ возвелъ его такимъ образомъ изъ строгаго рожденія, и въ чемъ его должность, объ этомъ я сообщу потомъ, когда будетъ рѣчь объ обращеніи планетъ.

11. Высоту же его нельзя въ точности знать: но я принимаю всецѣло, что онъ стоитъ въ глубинѣ посреди, между Юпитеромъ и всѣми прочими звѣздами: ибо онъ есть сердце тѣлесности въ природѣ.

12. Подобно какъ солнце есть сердце жизни, и источникъ природныхъ духовъ, такъ и онъ (Сатурнъ) есть сердце и причина всѣхъ тѣлъ и образованій въ землѣ и на землѣ, равно какъ и во всемъ тѣлѣ сего міра.

13. И какъ въ человѣкѣ черепная крыша есть оболочка и вмѣстилище мозга, въ которомъ рождаются мысли, такъ и сила

Сатурна объемлетъ, изсушаетъ и содержитъ всякую тѣлесность и постижимость.

14. И подобно какъ планета Юпитеръ, разверзающая и порождающая кротость, пребываетъ между яростнымъ Марсомъ и суровымъ Сатурномъ, и порождаетъ кротость и мудрость въ тваряхъ; такъ и жизнь и разумъ всѣхъ тварей рождаются между двумя этими качествами, тѣмъ болѣе и новое тѣло сего міра, равно какъ и новый человѣкъ, о чемъ ты найдешь при описаніи человѣка.

О ПЛАНЕТѢ ВЕНЕРѢ.

15. Венера, блаженнѣйшая планета или возжигательница любви въ природѣ, имѣетъ начало и происхожденіе свое также въ восхожденіи солнца; качество же ея, существо и происхожденіе таковы:

16. Замѣть это здѣсь правильно и точно: когда любовь Божія зажгла мѣсто солнца или солнце, то прежде всего возшелъ оттуда изъ скорбности, изъ мѣста солнца, изъ семи источныхъ духовъ природы, ужасающій и яростный горькій огневой ужасъ, рожденіе и первоначальный источникъ котораго есть горькій гнѣвъ Божій, возженный въ терпкомъ качествѣ чрезъ воду.

17. Онъ возшелъ первымъ, при возженіи солнца, изъ темницы смерти, и былъ пробудителемъ смерти и начинателемъ, жизни, и поднялся ввысь весьма яростно и дрожа, пока его не схватилъ и не заразилъ свѣтъ солнца: и онъ былъ тогда плѣненъ простотою свѣта и остановился, откуда и произошла планета Марсъ.

18. Послѣ этого огневого ужаса внезапно, какъ нѣкое могущество, вырвалась вослѣдъ сила свѣта, родившаяся первоначально изъ тука воды позади огневого ужаса, и плѣнила яростный огневой ужасъ, и вознеслась высоко надъ нимъ, какъ князь и укротитель ярости: отсюда и возникла чувствительность природы, или планета Юпитеръ.

19. Когда же оба духа подвижности и жизни взошли изъ мѣста солнца, чрезъ возженіе воды, то кротость, силою свѣта, какъ сѣмя воды, заражая весьма кротко и ласково, опустилась внизъ, въ темницу смерти: отсюда произошла любовь жизни, или планета Венера.

20. Но ты долженъ правильно уразумѣть здѣсь эту высокую вещь: рожденіе или восхожденіе семи планетъ и всѣхъ звѣздъ есть не что иное, какъ образъ вѣчнаго рожденія жизни и дивной соразмѣрности Божества.

21. Ибо когда царь Люциферъ превратилъ для себя мѣсто сего міра въ домъ гнѣва, и вознамѣрился править въ немъ такъ яростно и буйно, тотчасъ же погасъ свѣтъ въ природѣ, въ которой онъ помыслилъ быть господиномъ, и вся природа застыла въ тѣло смерти, гдѣ не было больше подвижности; и онъ принужденъ былъ остаться во тьмѣ вѣчнымъ плѣнникомъ.

22. Но святой Богъ не захотѣлъ оставить это мѣсто тѣла своего, разумѣй пространство сего міра, въ вѣчной тьмѣ и посрамленіи, и предоставитъ въ собственность діаволамъ; но породилъ себѣ новое правленіе свѣта и всѣхъ семи источныхъ духовъ Божіихъ, котораго діаволь не могъ ни схватить ни объять, да оно и было ему совсѣмъ ни къ чему.

23. Ибо онъ видитъ въ свѣтѣ солнца не больше, чѣмъ во тьмѣ: ибо онъ не сталъ тварью въ этомъ свѣтѣ, почему свѣтъ ему ни на что не нуженъ.

24. Но такъ какъ это должно было быть новымъ правленіемъ, то оно должно было быть такимъ правленіемъ, котораго діаволь не могъ бы схватить и сдѣлать своимъ тѣлеснымъ достояніемъ.

25. Вотъ какъ оно теперь устроено: любовь, или слово, или сердце, то есть, едиnorodный Сынъ Бога Отца, который есть свѣтъ и кротость, и любовь и радость Божества (какъ Онъ самъ говоритъ, когда принялъ на себя челоуѣчество: Я свѣтъ міра, Іоанн. 8, 12), вступилъ въ мѣсто сего міра, въ сердце его, и вновь возродилъ его посреди сего пространства на томъ

мѣстѣ, гдѣ возсѣдалъ до своего паденія могущественный князь и царь Люциферъ, и гдѣ онъ сталъ тварью.

26. И изъ этого возженнаго мѣста солнца возникли и родились шесть различныхъ и особыхъ качествъ, всѣ шесть по закону Божественнаго рожденія.

27. Прежде всего возшелъ огневой ужасъ, или подвижность въ зноѣ, и это есть начало жизни въ темницѣ смерти. Послѣ него просіялъ свѣтъ въ тукѣ воды въ зноѣ, и это есть солнце.

28. Когда же свѣтъ солнца заразилъ все тѣло солнца, то поднялась ввысь сила жизни, взошедшая изъ перваго зараженія, подобно какъ когда зажигаютъ кусокъ дерева, или высѣкаютъ огонь изъ камня,

29. то видятъ прежде всего блескъ, и изъ блеска огневой ужасъ, и послѣ огневого ужаса силу зажженнаго тѣла: и свѣтъ вмѣстѣ съ силою дерева внезапно возносится надъ ужасомъ, и править гораздо выше, глубже и могущественнѣе, нежели огневой ужасъ.

30. А также и сила зажженнаго тѣла характеризуется въ испедающей силѣ внѣ огня кротко, любовно и разумно: и постигается въ этомъ поистинѣ Божественное существо; таковъ же образъ происхожденія солнца и двухъ планетъ, Марса и Юпитера.

31. Но такъ какъ мѣсто солнца, то есть, солнце, какъ и всѣ другія мѣста, имѣло въ себѣ всѣ качества, согласно Божественному праву, то тотчасъ же, въ первомъ возженіи, всѣ качества начали подниматься и опускаться, и порождать себя по вѣчному, безначальному праву.

32. Ибо сила свѣта, укрощавшая терпкое и горькое качества въ мѣстѣ солнца, и дѣлавшая ихъ жидкими, подобно водѣ или любви жизни, опустилась внизъ по роду смиренія.

33. Отсюда произошла планета Венера: ибо она въ домѣ смерти отверзаетъ кротость или зажигаетъ воду, и мягко проникаетъ въ твердости, и возжигаетъ любовь; и верхнее правленіе, какъ то горькій зной Марса и сердечная чувствительность Юпитера становятся въ ней вождельющими.

34. Отсюда возникаетъ зараженіе: ибо сила Венеры дѣлаетъ яростнаго Марса или огневой ужасъ мягкимъ, и укрощаетъ его,

а Юпитера дѣлаеть смиреннымъ; иначе сила Юпитера прорвалась бы сквозь жесткую темницу Сатурна, а у людей и животныхъ сквозь черепную крышу, и чувствительность превратилась бы въ высокомѣріе надъ Божественнымъ закономъ рожденія, по роду и образу гордаго діавола.

О ПЛАНЕТЪ МЕРКУРИИ.

35. Если кто хочеть основательно и точно узнать, каково рожденіе или начало планетъ и звѣздъ и существа всѣхъ существъ въ глубинѣ сего міра, тотъ долженъ тщательно разсмотрѣть въ человѣкѣ присущее ему рожденіе или начало жизни.

36. Ибо оно беретъ такое же начало и восхожденіе, и состоитъ въ томъ же порядкѣ, какъ и рожденіе существа всѣхъ существъ въ тѣлѣ сего міра.

37. Ибо настоящее колесо звѣздъ и планетъ обращается не иначе, нежели какъ восходило рожденіе въ седьмомъ духѣ природы прежде временъ міра, въ каковомъ рожденіи слагались образы и формы, а также и небесные плоды, по закону вѣчнаго Божества.

38. А такъ какъ человѣкъ сотворенъ по качественію Божію и изъ Божественнаго существа, то и жизнь человѣческая имѣеть такое же начало и восхожденіе, какое имѣли планеты и звѣзды.

39. Ибо начало, состояніе, бѣгъ и существо планетъ и звѣздъ не иныя, нежели начало и побужденіе или правленіе въ человѣкѣ.

40. И какъ восходитъ человѣческая жизнь, такъ возшло и рожденіе семи планетъ и звѣздъ, и нѣтъ здѣсь никакого различія.

СРЕДОТОЧІЕ ИЛИ ОКРУЖНОСТЬ РОЖДЕНІЯ ЖИЗНИ.

ВЕЛИКАЯ ГЛУБИНА.

41. Предъ это зеркало призываетъ духъ врачей, особенно же анатомовъ и людорѣзовъ, которые чрезъ живодерство свое хотѣли изслѣдовать рожденіе и восхожденіе человѣческой жизни,

и не мало умертвили невинныхъ людей, вопреки закону Божественному и природному, въ надеждѣ узнать дивную соразмѣрность и образъ бытія природы, чтобы затѣмъ послужить здоровью многихъ другихъ.

42. Но такъ какъ природа признаетъ ихъ убійцами и злодѣями, нарушителями Божественнаго и природнаго закона и права, то духъ, качествующій совмѣстно съ Богомъ, объявляетъ имъ убійственную дѣятельность ихъ неправой.

43. Вѣдь гораздо ближе и достовѣрнѣе могли бы они узнать дивное рожденіе человѣка, если бы ихъ допустило къ тому гордое высокоуміе ихъ и діавольское убійственное любопытство, извратившее въ нихъ истинныя Божественныя чувства; они хотѣли сражаться только съ людьми, а не съ богами: потому и досталась имъ справедливая награда за ихъ заблужденіе.

44. Сюда, вы, разукрашенныя шапочки, посмотримъ, не можетъ ли и простой мірянинъ изслѣдовать въ познаніи Божіемъ рожденіе жизни человѣка: если будетъ неправильно—опровергайте; а если правильно—оставьте, какъ есть.

45. Это описаніе рожденія жизни человѣка я помѣщаю здѣсь для того, чтобы могло быть лучше схвачено происхожденіе звѣздъ и планетъ: при описаніи сотворенія человѣка, ты найдешь все это изложеннымъ подробнѣе и глубже, каково начало человѣка.

46. Теперь замѣть: сѣмя въ человѣкѣ рождается по тому же роду и образу, какъ рождалась отъ вѣчности въ своемъ бореніи и восхожденіи дивная соразмѣрность и стройность природы.

47. Ибо плоть человѣческая знаменуетъ природу въ тѣлѣ Божіемъ, да и есть сама эта природа, которая рождается отъ шести прочихъ источныхъ духовъ, и въ которой въ свою очередь рождаются и проявляютъ себя въ безконечномъ многообразіи источные духи; и въ которой восходятъ формы и образованія, и рождается сердце Божіе или святое ясное Божество въ среднемъ престолѣ надъ природою, въ средоточіи, гдѣ восходитъ свѣтъ жизни.

48. Но вотъ въ человѣческомъ тѣлѣ, въ правленіи рожденія, есть три различныхъ вещи; каждая изъ нихъ есть нѣчто

особое, и однако онъ не разлучены другъ отъ друга, но всѣ три вмѣстѣ суть лишь единый человѣкъ, по роду и образу троичности въ Божественномъ существѣ.

49. Плоть не есть жизнь, но мертвое неразумное существо, которое немедленно становится мертвою падалью, и должно сгнить и разсыпаться прахомъ, лишь только перестанетъ действовать въ немъ правленіе духа.

50. Но и никакой духъ не можетъ пребывать въ своемъ совершенствѣ внѣ тѣла: ибо какъ только онъ разлучается съ тѣломъ, онъ теряетъ и правленіе. Ибо тѣло есть мать духа, въ которой духъ рождается, и почерпаетъ свою крѣпость и силу; онъ—духъ, и остается духомъ, разлучаясь съ тѣломъ, но теряетъ свое правленіе.

51. Эти три правленія составляютъ всего человѣка съ плотью и духомъ, и каждое имѣетъ для начала и правленія своего свой особый седмиричный образъ, по роду и образу семи духовъ Божіихъ или семи планетъ.

52. И каково вѣчное, безначальное правленіе рожденія Божія, таково и начало и восхожденіе семи планетъ и звѣздъ: таково также и восхожденіе жизни человѣка.

53. Теперь замѣть: когда ты размышляешь и думаешь о томъ, что есть въ семь мірѣ и внѣ сего міра, или что есть существо всѣхъ существъ, то ты размышляешь и думаешь во всемъ тѣлѣ Божіемъ, которое есть существо всѣхъ существъ: и оно есть безначальное существо.

54. Но въ собственномъ своемъ престолѣ, оно не имѣетъ никакой подвижности, разумности, постижимости, но есть темная глубина, не имѣющая ни начала ни конца; и въ немъ ни густо, ни жидко, но оно есть темный домъ смерти, гдѣ ничего нельзя ощутить, гдѣ ни холодно, ни тепло, но конецъ всѣхъ вещей.

55. Это и есть теперь тѣло глубины, или истинная темница смерти.

56. Но въ этой темной долині преобладаютъ семь духовъ Божіихъ, не имѣющихъ также ни начала ни конца, и никто среди нихъ не есть первый, какъ и никто—второй, третій и послѣдній.

57. Въ этихъ семи правленіяхъ, дѣлится правленіе на три отдѣльныхъ существа, изъ которыхъ ни одно не бываетъ внѣ другого или разлучено съ другимъ; семь же духовъ также порождаютъ одинъ другого отъ вѣчности до вѣчности.

58. Первое правленіе состоитъ въ тѣлѣ всѣхъ вещей, то есть, во всей глубинѣ или въ существѣ всѣхъ существъ: и оно содержитъ въ себѣ во всѣхъ концахъ и во всѣхъ мѣстахъ семь духовъ, и владѣетъ ими, какъ неотдѣлимою и неотторжимою собственностью.

59. Если теперь въ какомъ-нибудь мѣстѣ семь духовъ, ликуя, не борятся между собою, въ томъ мѣстѣ нѣтъ никакой подвижности, но лишь глубокая тьма: и хотя духи въ этомъ мѣстѣ совершенны, однако мѣсто остается темнымъ домомъ; какъ ты можешь уразумѣть это по темной горницѣ, въ которой возженные духи планетъ и звѣздъ не могутъ зажечь стихій.

60. Корень же семи духовъ во всѣхъ концахъ; но внѣ боренія онъ пребываетъ въ покоѣ, и не ощущается тогда никакой подвижности.

61. Такой домъ есть вся глубина внѣ, внутри и превыше всѣхъ небесъ, и этотъ домъ зовется вѣчностью: такой же домъ есть и домъ плоти въ людяхъ и во всѣхъ тваряхъ.

62. И существо это все вмѣстѣ объемлетъ вѣчность, какъ-вая зовется не Богомъ, а невсемогущимъ тѣломъ природы; гдѣ Божество хотя и пребываетъ неумершимъ, сокрытое въ ядрѣ семи духовъ, но не объемлется и не постигается.

63. Подобнымъ домомъ стало и все пространство сего міра, когда Божество сокрылось въ семи духахъ отъ мерзкихъ діаволовъ: и оставалось бы имъ и доселѣ, если бы не взошли теперь изъ духовъ Божіихъ семь планетъ и звѣздъ, вновь отверзающихъ и возжигающихъ во всѣхъ концахъ темницу смерти въ темномъ домѣ сего міра, отчего возникаетъ правленіе стихій.

64. Но далѣе ты долженъ равнымъ образомъ знать, что правленіе семи духовъ Божіихъ въ домѣ сего міра не изсохло въ смерти, такъ чтобы все должно было получить жизнь и начало свое только отъ планетъ и звѣздъ.

65. Нѣтъ; ибо ясное Божество вездѣ пребываетъ въ окружности, сокрытое въ сердцѣ всей глубины, а семь духовъ состоятъ въ тѣлѣ глубины въ скорби и въ великомъ томленіи, и непрестанно возжигаются планетами и звѣздами, откуда происходитъ подвижность и рожденіе во всей глубинѣ.

66. Но такъ какъ сердце Божества скрывается въ тѣлѣ сего міра въ самомъ внѣшнемъ рожденіи, каковое есть тѣлесность, то тѣлесность есть темный домъ, и вся стоитъ въ великой скорби, и нуждается въ свѣтѣ, который бы свѣтилъ въ жилищѣ тьмы (каковой свѣтъ есть солнце), пока сердце Божіе не подвигнется снова въ семи духахъ Божіихъ въ домѣ сего міра, и не возжетъ семи духовъ.

67. Тогда солнце и звѣзды снова вступятъ въ свое первое мѣсто, а въ настоящемъ своемъ видѣ исчезнутъ: ибо сердце или свѣтъ Божій будетъ снова свѣтить въ тѣлесности, то есть, въ тѣлѣ сего міра, и все наполнять.

68. Тогда прекратится скорбь: ибо когда скорбь въ правленіи рожденія отвѣдаетъ сладости свѣта Божія, такъ что сердце Божіе будетъ ликовать вмѣстѣ съ нею въ правленіи рожденія, то все станетъ радостнымъ, и все тѣло возликуетъ.

69. Чего не можетъ быть нынѣ въ сіе время, въ домѣ сего міра, по причинѣ плѣненныхъ яростныхъ діаволовъ, обитающихъ въ самомъ внѣшнемъ рожденіи въ тѣлѣ сего міра до суда Божія.

70. Теперь ты можешь понять, какимъ образомъ у сердца или Сына Божія лопата въ рукѣ, и Онъ очиститъ нѣкогда гумно свое: что я и возвѣщаю здѣсь въ познаніи свѣта жизни, гдѣ сердце проникаетъ въ свѣтъ жизни, и возвѣщаетъ ясный день.

О ЧЕЛОВѢКѢ И ЗВѢЗДАХЪ.

71. Какъ глубина или домъ сего міра есть домъ тьмы, гдѣ тѣлесность рождается весьма густою, темною, скорбною и полумертвою, и получаетъ движеніе свое отъ планетъ и звѣздъ, непрестанно возжигающихъ тѣло въ самомъ внѣшнемъ рожденіи, откуда происходитъ подвижность стихій, равно какъ и образное и тварное существо; такъ и домъ плоти человѣка есть

земная долина, гдѣ однако внутри—скорбь по рожденію жизни, напрягающая непрестанно великія усилія, чтобы подняться въ свѣтъ, отчего могла бы возжечься жизнь.

72. Но такъ какъ сердце Божіе скрывается въ средоточіи или ядрѣ, то это не можетъ произойти, и потому скорбь не порождаетъ ничего большаго, какъ только сѣмя. Домъ плоти порождаетъ подобное себѣ сѣмя опять въ человѣка, а домъ духа, въ сотрудничествѣ семи духовъ, порождаетъ въ сѣмени изъ иного себѣ подобнаго духа опять человѣческаго духа.

73. И домъ сокровеннаго сердца также порождаетъ себѣ такого духа, который пребываетъ въ тѣлѣ сокрытымъ для дома плоти, а также и для духовъ звѣзднаго рожденія, подобно какъ сердце Божіе въ семи духахъ Божіихъ пребываетъ сокрытымъ въ духахъ въ глубинѣ сего міра, и не зажигаетъ ихъ до конца сего времясчисленія.

74. Этотъ третій духъ есть душа въ человѣкѣ, и качеству совмѣстно съ сердцемъ Божіимъ, какъ сынъ или маленькій божокъ въ великомъ неизмѣримомъ Богѣ.

75. Теперь эти три отдѣльныхъ правленія родятся въ сѣмени, берущемъ начало свое въ плоти, какъ я заявилъ выше.

76. Теперь замѣть сокровенную тайну; вы, природовѣды, замѣтите теперь врата великой тайны; изъ скорбной темницы въ тѣлѣ сего міра изъ семи духовъ Божіихъ взошли звѣзды, зажигающія тѣло сего міра, изъ тѣла же рождается плодъ или сѣмя, каковое есть вода, огонь, воздухъ, земля.

77. Земля есть плодъ седьмого духа Божія, каковой есть природа тѣлесности, гдѣ снова рождаются остальные шесть духовъ, и слагаютъ салиттеръ седьмого духа въ безконечность образовъ и формъ, такъ что и земля также рождаетъ свое сѣмя, каковое есть, какъ мы видимъ, плодъ произрастаній.

78. Теперь, домъ плоти человѣка есть такой же домъ, какъ и темная долина сего міра, гдѣ рождаются семь духовъ Божіихъ.

79. Но такъ какъ человѣкъ есть самостоятельное тѣло, которое есть сынъ всецѣлаго тѣла Божія, то онъ и рождаетъ собственное сѣмя, сообразно правленію своихъ тѣлесныхъ источныхъ духовъ.

80. Тѣло получаетъ пищу свою отъ сѣмени семи духовъ Божіихъ въ тѣлѣ великой глубины, каковое сѣмя есть огонь, воздухъ, вода, земля. Отъ земли получаетъ оно рожденіе земли или плодъ: ибо оно гораздо благороднѣе земли оно есть составъ, извлеченный изъ салиттера, изъ седьмого духа природы.

81. Ибо когда тѣло природы зажжено было діаволами, то слово или сердце Божіе стянуло вещество воедино еще прежде, чѣмъ поврежденный салиттеръ былъ сжатъ въ одну глыбу, каковая зовется теперь землею, по причинѣ жестокой яростности или поврежденія.

82. Когда же земля была сжата воедино, вещество оставалось въ темной глубинѣ въ сотворенномъ небѣ, между скорбнымъ рожденіемъ и любовью сердца Божія, до шестого дня: тогда сердце Божіе вдохнуло свѣтъ жизни изъ сердца своего въ самое внутреннее или третье рожденіе состава.

83. Когда это произошло, семь источныхъ духовъ начали качественовать въ составѣ, и родилось въ немъ сѣмя семи источныхъ духовъ—огонь, воздухъ и вода, какъ въ тѣлѣ глубины.

84. Такимъ образомъ челоуѣкъ сталъ душою живою, по тому роду и образу, какъ возшло солнце и изъ него семь планетъ.

85. Свѣтъ въ челоуѣкѣ, который вдохнуло въ него сердце Божіе, знаменуетъ солнце, свѣтящее во всей глубинѣ: о чемъ будетъ сказано яснѣе при сотвореніи челоуѣка.

86. Теперь смотри: подобно какъ въ глубинѣ сего міра чрезъ возженіе звѣздъ изъ тѣла темной глубины рождается сѣмя, подобное тварному тѣлу; такъ равнымъ образомъ рождается сѣмя и въ домѣ плоти челоуѣка по вѣчному закону рожденія семи источныхъ духовъ.

87. И въ сѣмени суть три различныхъ вещи, изъ которыхъ ни одна не можетъ постигнуть другой; и однако онѣ находятся въ единомъ сѣмени, и качественуютъ между собою, какъ единое существо; да и суть лишь единое существо и три различныхъ вещи, по роду и образу троичности въ Божествѣ.

88. Во-первыхъ, все тѣло челоуѣка, которое есть темный домъ и не имѣетъ, внѣ качественанія семи духовъ, никакой по-

движности, но есть темная долина, подобно какъ тѣло глубины сего міра.

89. Но и въ темномъ тѣлѣ челоуѣка правленіе семи духовъ такое же, какъ и въ тѣлѣ глубины. Когда семь духовъ качествуютъ по закону рожденія Божества, то изъ боренія семи духовъ рождается сѣмя, подобное ихъ сѣмени.

90. Теперь, это сѣмя имѣетъ, во-первыхъ, мать—темницу дома плоти; во-вторыхъ, имѣетъ мать—колесо семи духовъ, по роду семи планетъ; въ третьихъ, имѣетъ мать, которая рождается въ окружности семи духовъ, посреди ея, и есть сердце семи духовъ.

91. И это есть мать души, пронизывающая свѣтомъ своимъ семь духовъ, и дѣлающая ихъ живыми: и въ этомъ мѣстѣ сѣмя качествуетъ совмѣстно съ сердцемъ Божіимъ, но только то сѣмя, въ которомъ возженъ свѣтъ; а въ которомъ горитъ огонь гнѣва, тамъ эта третья мать остается плѣнною въ темницѣ.

92. И хотя она и третья мать, однако остается неразумною, если въ ней не возгорается свѣтъ, подобно какъ глубина сего міра безумна предъ сердцемъ Божіимъ, когда колесо семи духовъ пребываетъ въ такой великой скорбности, въ такомъ многообразномъ поврежденіи и избавленіи, въ зноѣ и холодѣ, какъ мы это видимъ.

93. Когда же третья мать возжена бываетъ въ свѣтѣ, она пребываетъ въ сотворенномъ небѣ святой жизни, и пронизываетъ свѣтомъ другую мать, отчего семь духовъ получаютъ радостную волю, которая есть любовь жизни, какъ ты можешь прочесть о томъ выше въ восьмой главѣ о рожденіи любви Божіей.

94. Но третья мать не можетъ постоянно пронизывать ее свѣтомъ, ибо она въ домѣ тьмы, а бросаетъ ей порою лишь взглядъ, какъ если бы сверкнула молнія, отчего вторая мать исполняется порою желанія великой радости, но ярость гнѣва Божія вскорѣ снова затворяетъ ее.

95. И потому діаволь пляшетъ предъ этою дверью: ибо это есть тюрьма, гдѣ пребываетъ сокровенно новый челоуѣкъ, и гдѣ содержится въ плѣну діаволь.

96. Я разумѣю—въ домѣ глубины сего міра: хотя домъ плоти и глубина качествуютъ совмѣстно, какъ единое тѣло, да и суть единое тѣло, однако различныя части или члены его.

ГЛУБИНА ВЪ СРЕДОТОЧІИ.

97. Смотри теперь: когда сѣмя родилось, оно находится посреди тѣла въ сердцѣ: ибо здѣсь зачинаетъ мать троичности.

98. Прежде всего зачинаетъ терпкій духъ, стягивающій воедино составъ изъ сладкой воды, то есть, изъ тучности крови сердца, или сока или масла сердца. Это масло уже содержитъ въ себѣ корень троичности, какъ весь человѣкъ; ибо это—какъ если бы бросили въ соломѣ зажженный труть.

99. Теперь спрашивается: какъ это происходитъ? Здѣсь истинное основаніе человѣка. Замѣть теперь точно: ибо это есть зеркало великой тайны, глубокая сокровенность человѣчества, вокругъ которой плясали всѣ ученые отъ начала міра, и искали эту дверь, и однако не нашли.

100. Но я долженъ теперь еще разъ возвѣстить, что это Утренняя Заря дня, какъ того хочетъ хранитель двери.

101. Теперь замѣть: подобно какъ произошелъ первый составъ, изъ котораго сталъ живымъ человѣкомъ Адамъ, такъ равнымъ образомъ происходитъ и всякій составъ или сѣмя въ троичности въ каждомъ человѣкѣ.

102. Замѣть: когда салиттеръ или дѣло шести источныхъ духовъ, каковое есть седьмой духъ природы, было зажжено въ пространствѣ сего міра, слово или сердце Божіе пребывало вездѣ въ окружности семи духовъ, какъ сердце, наполняющее все, разумѣй—все пространство сего міра.

103. Но такъ какъ глубина, то есть, все пространство сего міра, было тѣломъ отца своего, разумѣй—тѣломъ сердца Божія (разумѣй—тѣломъ Отца), и сердце свѣтило во всемъ тѣлѣ, какъ сіяніе Отца, то поврежденный салиттеръ былъ вездѣ зараженъ свѣтомъ или сердцемъ Божіемъ, а также и сердце Божіе не могло удалиться изъ него, но скрыло блескъ свой и сіяніе въ тѣлѣ всей глубины предъ мерзкими зажженными духами дѣволовъ.

104. Когда это произошло, в восточные духи стали весьма яростны, и начали жестоко бороться, и терпкий духъ, какъ сильнѣйшій, стянулъ воедино въ седьмомъ духѣ природы ужа-сающимъ образомъ составъ прочихъ пяти, отчего произошли камни и горькая земля, но они еще не были согнаны въ одно мѣсто, а носились во всей глубинѣ.

105. Въ тотъ часъ и былъ стянуть воедино составъ: ибо когда сердце Божіе сокрылось въ салиттерѣ, оно снова бросило взглядъ на все пространство или тѣло, и помыслило, какъ бы ему снова помочь, чтобы опять могло возникнуть ангельское царство въ глубинѣ сего міра.

106. Взоръ же тотъ былъ духъ любви въ сердцѣ Божіемъ, заразившій въ мѣстѣ, куда упалъ взоръ, масло воды, гдѣ передъ тѣмъ вошелъ свѣтъ.

107. Вспомни здѣсь взоръ святого Петра въ домъ Каіафы: это совершенно то же.

108. Какъ мужъ взираетъ на жену, а жена на мужа, и какъ духъ мужа (разумѣй—корень любви, восходящій изъ воды чрезъ огонь въ восхожденіи жизни), а равно и духъ жены уловляютъ другъ друга въ томъ же маслѣ сердца, отчего тотчасъ возникаетъ составъ, сѣмя, или побуждающая воля другого чело-вѣка въ составѣ.

109. Точно такимъ же образомъ произошелъ и первый со-ставъ: ибо духъ любви въ сердцѣ Божіемъ взглянулъ въ тѣлѣ возженнаго гнѣвнаго отца на воду жизни, отчего и откуда вошла любовь въ огневой молніи прежде времени гнѣва.

110. Въ этомъ взорѣ одинъ духъ уловилъ другого: масло или вода въ гнѣвѣ восприняла духа любви въ сердцѣ Божіемъ, и стала качественать совмѣстно съ нимъ, и терпкий духъ стянулъ составъ воедино; и тамъ было уже рожденіе или воля цѣлаго существа, подобно какъ сѣмя въ чело-вѣкѣ.

111. Но тогда была затворена небесная твердь между сердцемъ Божіимъ и зажженной жесткою темницею смерти, иначе тотчасъ зажглась бы жизнь въ составѣ. Ибо твердь была въ составѣ, равно какъ и внѣ состава, и была раздѣломъ между сердцемъ Божіимъ и яростными діаволами.

112. Поэтому, слову или сердцу Божію надлежало раздуть кипящаго духа въ составѣ, что произошло по извѣстнымъ причинамъ лишь на шестой день.

113. А если бы въ составѣ не было неба, задвинутаго, какъ твердь, между сердцемъ Божіимъ и тѣлесными источными духами состава, то составъ могъ бы возжечь души собственною силою, какъ это произошло со святыми ангелами.

114. Но можно было бы опасаться, что произошло бы, какъ съ прекраснымъ сыночкомъ, Люциферомъ, ибо тѣлесные источные духи въ составѣ были уже заражены въ огнѣ гнѣва.

115. Вотъ почему небо должно было быть твердью между искрою, воспринявшею сердце Божіе въ первомъ взорѣ, чтобы, въ случаѣ поврежденія тѣла въ огнѣ гнѣва, все же осталось бы святое сѣмя, каковое есть душа, качествующая совмѣстно съ сердцемъ Божіимъ, и изъ него могло бы возникнуть новое тѣло, когда всеединый Богъ снова возжеть глубину въ свѣтѣ сердца Божія, какъ это и произошло по милосердію любви Божіей.

116. Славный мужъ Моисей пишетъ, что Богъ создалъ человѣка изъ глыбы земли (Erdenklosz), какъ перевели это на нѣмецкій языкъ учеңые: но онъ не присутствовалъ при томъ, когда это происходило.

117. Я долженъ однако сказать, что Моисей написалъ совершенно правильно; но истинное разумѣніе, изъ чего произошла земля, осталось сокрытымъ въ буквахъ какъ отъ Моисея, такъ и отъ его преемниковъ, и духъ хранилъ это втайнѣ до сего времени.

118. Это было сокрыто и отъ Адама, пока онъ былъ еще въ раю: нынѣ же совершенно открывается, ибо сердце Божіе подступило къ темницѣ смерти, и хочетъ вскорѣ разрушить ее.

119. Поэтому отнынѣ все больше будутъ пробиваться лучи дня въ сердца иныхъ людей, и возвѣщать день.

120. Когда же эта заря просіяетъ отъ Восхода и до Заката, то уже времени больше не будетъ, но взойдетъ солнце сердца Божія и RA. RA. R. P. будетъ ввергнуть въ точило внѣ города, и AM. R. P. вмѣстѣ съ нимъ.

121. Это суть сокровенныя слова, и могутъ быть поняты только на языкѣ природы.

122. Моисей пишетъ справедливо, что человекъ сотворенъ изъ земли: но къ тому время, когда составъ содержался словомъ, онъ не былъ еще землею; а если бы онъ не сдерживался словомъ, то въ тотъ же часъ превратился бы въ черную землю: ибо холодный огонь гнѣва уже былъ въ немъ.

123. Ибо въ тотъ же часъ, какъ возсталъ Люциферъ, Отецъ прогнѣвался въ источныхъ духахъ противъ легионовъ Люциферовыхъ, и сердце Божіе сокрылось въ тверди неба: гдѣ салиттеръ, или составъ тѣлесности уже горѣлъ, ибо внѣ свѣта—мрачная темница смерти.

124. Составъ же былъ удержанъ въ тверди неба, такъ что онъ не умеръ: ибо когда сердце Божіе взглянуло на составъ своею горячею любовью, то масло въ составѣ, которое возшло изъ воды чрезъ огонь, откуда восходитъ свѣтъ и восходитъ духъ любви, восприняло сердце Божіе, и стало чревато юнымъ сыномъ.

125. Это было сѣмя любви, ибо одна любовь восприняла другую: любовь состава восприняла любовь изъ взгляда сердца Божія, и заразилась ею, и стала чревата; и это есть рожденіе души: поэтому сыну человекъ есть образъ Божій.

126. Но источные духи въ составѣ не могли быть такъ скоро возжены душою: ибо душа въ составѣ была лишь въ сѣмени, сокрытая вмѣстѣ съ сердцемъ Божіимъ въ небѣ его, пока Творецъ не дохнулъ на составъ; тогда источные духи зажгли также и душу, и тогда тѣло и душа начали жить одновременно.

127. Душа имѣла, правда, свою жизнь прежде тѣла, но эта жизнь пребывала въ составѣ сокрытой въ сердцѣ Божіемъ въ небѣ, и была лишь святымъ сѣменемъ, качествующимъ совместно съ Богомъ, вѣчнымъ, непреходящимъ и неразрушимымъ, ибо это было новое и чистое сѣмя, которому надлежало быть ангеломъ и образомъ Божіимъ.

128. Весь же составъ въ цѣломъ былъ извлеченіемъ или притяженіемъ слова Божія изъ состава источныхъ духовъ или салиттера, откуда произошла земля.

129. Это извлеченіе еще не стало землею, хотя и было подобно салиттеру земли, но удерживалось словомъ. Ибо когда духъ любви изъ сердца Божія воззрѣлъ на салиттеръ состава, салиттеръ зачалъ, и сталъ чреватъ въ средоточіи души: и слово въ составѣ пребывало въ звукѣ, свѣтъ же остался въ средоточіи состава, сокрытый въ тверди небесной въ маслѣ сердца, и не подвигся внѣ тверди небесной въ рожденіи источныхъ духовъ.

130. Иначе, если бы свѣтъ возжегся въ рожденіи души, то всѣ семь источныхъ духовъ, по закону рожденія вѣчнаго Божества, стали бы ликовать и качественовать въ свѣтѣ, и это былъ бы живой ангелъ: но такъ какъ салиттеръ уже былъ зараженъ гнѣвомъ, то можно было бы опасаться того же бѣдствія, какъ и у Люцифера.

131. Теперь спрашивается, почему же на этотъ разъ не было сотворено много составовъ, изъ которыхъ вскорѣ могло бы сразу произойти цѣлое ангельское воинство на мѣсто павшаго Люцифера? почему должно было продлиться въ гнѣвѣ такое долгое время? и почему же все воинство должно было родиться изъ единого состава въ столь долгое время? Или Творецъ на этотъ разъ не видѣлъ и не зналъ паденія человѣка? Это суть истинныя врата сокровенности Божіей, по которымъ читатель долженъ же замѣтить, что вѣдать или знать таковое превышало бы силы человѣка, если бы не взошла Утренняя Заря въ средоточіи души. Ибо это суть Божественныя тайны, которыхъ никакой человѣкъ не можетъ изслѣдовать собственнымъ разумомъ; и я также почитаю себя слишкомъ недостойнымъ для этого; да и достаточно у меня будетъ ругателей, ибо поврежденная природа весьма жестоко стыдится свѣта.

132. Но я не могу оставить мое дѣло ради этого: ибо когда Божественный свѣтъ восходитъ въ окружности рожденія жизни, то источники души радуются, и смотрятъ въ окружности жизни въ матери своей въ вѣчность позади себя, а также и въ вѣчность впереди себя.

133. Но это не есть однако нѣчто пребывающее, или просвѣтлѣніе источныхъ духовъ, и еще того менѣе—животнаго тѣла;

но это суть лучи прониканія свѣта Божія въ огненномъ побужденіи, восходящемъ чрезъ кроткую воду жизни въ любви, и остающемся въ своемъ небѣ.

134. Вотъ почему я и не могу довести это дальше, нежели какъ отъ сердца въ мозгъ предъ княжескій престолъ чувствъ, гдѣ оно замыкается въ тверди неба, и не возвращается назадъ чрезъ источныхъ духовъ въ мать сердца, чтобы мочь перейти на языкъ. Если бы это произошло, я бы произнесъ это устно, и возвѣстилъ бы міру.

135. По этой причинѣ я оставляю это въ его небѣ, и опишу сообразно моимъ дарованіямъ, и посмотрю съ изумленіемъ, что изъ этого выйдетъ: ибо въ источныхъ духахъ я не могу достаточно постигнуть это, такъ какъ они пребываютъ въ темницѣ смерти; душою же я это вижу ясно; но между ней воздвигнута небесная твердь, въ которую душа укрывается, и гдѣ воспринимаетъ сама лучи свѣта Божія: и потому проходитъ сквозь небесную твердь, подобно блистанію молніи, но только весьма кротко, какъ сладостное блаженство.

136. Такъ что въ постижимости присущихъ мнѣ источныхъ духовъ, или въ окружности жизни, я не могу познавать это иначе, какъ если настанетъ день; и буду писать поэтому, сообразно моему познанію, хотя бы діаволь вздумалъ брать приступомъ весь міръ, чего онъ однако не можетъ сдѣлать; но тѣмъ самымъ будетъ указанъ ему его срокъ.

137. Сюда теперь, вы, приверженцы предопредѣленія, мнящіе себя въ истинѣ, и считающіе простую вѣру безуміемъ; вы плясали долго предъ этой дверью, и кичились писаніемъ, будто Богъ избралъ однихъ людей отъ чрева матери по благодати на царство небесъ, а другихъ отвергъ.

138. Надѣлайте себѣ теперь здѣсь множество составовъ, откуда могли бы произойти иные люди иныхъ качествъ, и тогда вы будете правы. Изъ одинаго же состава вы не сдѣлаете больше одной любви Божіей, проникающей перваго чловѣка и всѣхъ, и простирающейся на всѣхъ; и если бы далъ Богъ, что Петръ или Павель написали бы иначе, все же смотрите

на основаніе, на сердце: если вы только уловите сердце Божіе, у васъ будетъ довольно основанія. Дастъ мнѣ Богъ прожить еще немного, я истолкую вамъ правильно предопредѣленіе святого Павла.

1612.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ АВТОРА. (Посл. 10, 38).

Извѣщаю Боголюбиваго читателя, что книга Утренняя Заря не была закончена: ибо діаволъ задумалъ покончить съ нею, ибо онъ видѣлъ, что въ ней готовится взойти день. Да и дѣйствительно, день уже обогналъ зарю, такъ что стало почти свѣтло; оставалось дописать еще листовъ 30; но разъ уже ее прервала буря, то она и не была закончена; а между тѣмъ насталъ день, такъ что утренняя заря погасла, и съ тѣхъ поръ шла работа при свѣтѣ дня. Пусть же она и останется такъ въ вѣчное воспоминаніе, ибо недостающее было восполнено въ другихъ книгахъ.

1620.

ОГЛАВЛЕНИЕ

УТРЕННЕЙ ЗАРИ.

1. 2. 3.

4. 5. 6.

7.

8.

9.

A U R O R A.

Предисловіе автора.	3—24
Глава I. Обь пзслѣдованіи Божественнаго существа въ природѣ.	25—30
Глава II. Наставленіе, какъ надо разсматривать Божественное и природное существо.	31—38
Глава III. О преблагословенной, торжествующей, Святой, Святой, Святой Троицѣ, Богѣ Отцѣ, Сынѣ, Духѣ Святомъ, Богѣ единомъ.	39—50
Глава IV. О сотвореніи святыхъ ангеловъ.	51—59
Глава V. О тѣлесномъ составѣ, существѣ и собственности ангела.	60—68
Глава VI. Какимъ образомъ ангель и человѣкъ суть подобіе и образъ Бога.	69—74
Глава VII. Обь области, мѣстѣ, обитаніи, а равно также о правленіи ангеловъ, какъ оно было въ началѣ по сотвореніи, и какъ стало такимъ, какъ оно есть.	75—84
Глава VIII. О цѣломъ тѣлѣ ангельскаго царства.	85—105
Глава IX. О блаженной, привѣтной и милосердной любви Божіей.	106—116
Глава X. О шестомъ источномъ духѣ въ Божественной силѣ. . .	117—130
Глава XI. О седьмомъ источномъ духѣ въ Божественной силѣ. . .	131—147
Глава XII. О рожденіи и пришествіи святыхъ ангеловъ, а равнио и обь ихъ правленіи, строѣ и небесной радостной жизни.	148—170
Глава XIII. Обь ужасающемъ, жалостномъ и бѣдственномъ паденіи царства Люцифера.	171—192
Глава XIV. Какъ Люциферъ, прекраснѣйшій ангель на небѣ, сталъ самымъ мерзостнымъ діаволомъ.	193—211

Глава XV.	О третьемъ видѣ или образѣ грѣховнаго начала въ Люциферѣ.
Глава XVI.	О седьмомъ видѣ или образѣ начала грѣха въ Люциферѣ и его ангелахъ.
Глава XVII.	О жалостномъ и бѣдственномъ состояніи поврежденной природы, и о происхожденіи четырехъ стихій, на мѣсто святаго правленія Божія.
Глава XVIII.	О сотвореніи неба и земли, и перваго дня.
Глава XIX.	О сотворенномъ небѣ и объ образѣ земли и воды, а также о свѣтѣ и тьмѣ.
Глава XX.	О второмъ днѣ.
Глава XXI.	О третьемъ днѣ.
Глава XXII.	О рожденіи звѣздъ и твореніи четвертаго дня.
Глава XXIII.	О глубинѣ надъ землею.
Глава XXIV.	Объ образованіи тѣла звѣздъ.
Глава XXV.	О всемъ тѣлѣ рожденія звѣздъ, то есть, вся астрологія, или все тѣло сего міра.
Глава XXVI.	О планетѣ Сатурнѣ.
Заключеніе автора

ИСПРАВЛЕНІЯ.

Страница	6	§ 21	строчка	1:	опустить „это“.
„	36	§ 31	„	1:	читать „увидь Бога Творца“.
„	232	§ 32	„	2:	„своимъ прекраснымъ обликомъ“.
„	262	§ 78	„	2:	„изъ старой войлочной шляпы“.
„	285	§ 90	„	5:	„когда и въ нихъ“.
„	308	§ 28	„	6:	„между гнѣвомъ Божиимъ и любовью“.
„	313	§ 59	„	1:	„читаль и я“.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Россия давно начала проявлять интерес к учению Якоба Беме. Однако первый контакт вышел на редкость неудачным: страстный последователь „тевтонского философа“, немецкий поэт и пророк Квиринус Кульман, приехавший в Москву, чтобы проповедовать его мудрость, в 1689 г. был сожжен на Красной площади как еретик (правда, по доносу своих же немцев – здешних пасторов). В XVIII в. масоны переводят на русский сочинения Беме, в начале XIX в. баронесса Крюденер пытается увлечь его идеями императора, затем его изучают славянофилы, Вл. Соловьев, а в XX в. – религиозные философы (в том числе С. Булгаков и Н. Бердяев). Наконец, в 1915 г. был издан первый русский перевод „Авроры“. На этом негромкая карьера Беме в России временно прерывается.

Европа знает Беме лучше. Исаак Ньютон углубленно изучал его труды. Романтики в Германии и Англии превозносили Беме до небес. Хотя Фихте и ругал его дураком, но система Гегеля и особенно Шеллинга впитали в себя его взгляды. Маркс с Энгельсом в ранние свои годы проявляли к нему интерес, и один из них назвал Беме предшественником грядущих философов (вероятно имея в виду Гегеля и Шеллинга). С конца прошлого века начинается собственно научное исследование Беме. Результат: довольно много материалов к его биографии и несколько десятков сочинений на темы „Беме и...“, но всего две монографии, более или менее комплексно анализирующие его воззрения (Койре, Париж, 1929; Грунски, Штутгарт, 1956).

А классическим способом „усвоения“ Беме европейской культурой было и остается упоминание. В тысячах источников по самым разным проблемам его имя упоминается, наверное, десятки тысяч раз (я, разумеется, не считал, но, кажется, недалеко от истины). Имя Беме можно встретить в сочинениях по истории культуры, изобразительных искусств, литературы, немецкого языка, естествознания, техники и, конечно, по теологии, но меньше всего – в трудах по истории философии.

Складывается следующая картина: хотя Якоб Беме и оказал сильное подспудное влияние на европейскую культуру, но присутствует он в ней сегодняшней главным образом как некое „припоминание“.

Известно о нем сравнительно много. Милые немцы благодаря своей любви к документам знают, кажется, решительно все о каждом, кто жил в Германии с

XIV, что ли, века (когда начали бурно развиваться имперская и княжеские канцелярии).

Родился Беме в 1575 г. в деревне Альт-Зайденберг, что в Силезии, в семье зажиточных крестьян. Его образование ограничилось начальными классами деревенской школы (закон божий, чтение, письмо, счет). Кроме того, он пас скот. Еще мальчиком был отдан учеником к сапожнику в соседний город Герлиц (там он и прожил всю жизнь, время от времени посещая соседние города по своим сапожным и торговым делам). За год до казни Бруно он приобретает в Герлице гражданство, покупает там дом и лавку, женится. Беме – хороший семьянин, отец четырех сыновей. А вот сапожничает он неважно, т. е. все меньше и меньше. Это и понятно: ведь Беме не из тех, кто восклицает „*sutor, ne ultra!*” („Я сапожник, и не более!”). В результате некоего видения ему открываются „тайны сокровенной природы”; ряд лет в нем зреет понимание открывшегося, и в 1612 г. Беме решается записать себе „на память” результаты. Так рождается его первая книга „Утренняя заря в восхождении”, получившая от позднейшего издателя барочный довесок к названию: „Аврора, или...”.

Копия „Авроры” попадает к старшему пастору Грегору Рихтеру, строгому ортодоксу. Начинается травля Беме: следует запрет для него впредь что-либо писать. Беме подчиняется, но выдерживает лишь (или: целых) шесть лет, и в год начала Тридцатилетней войны (1618) приступает к созданию целой серии книг, сделавших его имя известным в кругах тогдашних протестантских модернистов, близких розенкрейцерству. Эти круги рекомендуют Беме саксонскому курфюрсту, и в мае 1624 г. он предпринимает поездку в Дрезден, оказавшуюся безрезультатной, в то время как Грегор Рихтер в Герлице интригует против него все опаснее. Беме возвращается домой и в августе заболевает. В ноябре 1624 г. он умирает, окруженный чуть ли не религиозным почитанием со стороны родных и сторонников и злобой врагов (по странной иронии судьбы его антагонист, старший пастор, умирает на несколько месяцев раньше – в этой борьбе „Тевтоникус” оказался крепче).

За шесть последних лет своей жизни Беме с огромной быстротой создал большое количество текстов – книг, посланий, частных писем, молитв. Главные его сочинения: „О трех принципах божественной сущности”, „О троякой жизни человека”, „О воплощении Слова”, „Путь ко Христу”, „Об обозначении вещей”, „О выборе по благодати”, „*Mysterium magnum*, или Комментарий на первую книгу Бытия”.

Итак, жизнь и сочинения Беме вполне доступны для исследования и понимания. Но понимание и вообще проблема, а уж понимание Якоба Беме – проблема из проблем. В чем тут дело? Самое краткое объяснение состоит в следующем.

Во-первых, учение Беме – исторический фокус, уникальный „итог” взаимодействия и „исток” развития различных течений немецкой, а отчасти и всей европейской мысли более чем полутысячелетия (примерно с 1300 до 1850 г.). Здесь сходятся традиции: идущая от Экхарта так называемая „мистическая”; древняя, средневековая и ренессансная гностико-алхимико-каббалистико-оккультная; религиозно-реформаторская – из прошлого; романтической философии, классической

немецкой метафизики и религиозного модернизма – из будущего. Вот почему одни видят в Беме религиозного мыслителя, другие – метафизика, третьи – предтечу религиозной антропологии, четвертые – каббалиста, пятые – оккультиста, шестые...

Отсутствует же, на мой взгляд, понимание того, что в учении Беме главное, а что – второстепенное и что это второстепенное не может быть постигнуто без понимания главного. Главное же – его метафизика, учение об абсолюте в философском смысле.

Во-вторых, и в основном, это проблема языка как индивидуального стиля мышления, а значит, проблема перевода – не с языка на язык, а с мышления на мышление. Я имею в виду даже не то, что мысли Беме облечены в символы и метафоры, содержание которых не всегда согласуется с традиционным. Трудность в том, что его мышлению свойственна многомерность, неоднозначность понятий (понятийной стороны символа, метафоры и т. п.), что отделяет его от традиционной, привычной для нас манеры мышления и сближает, пожалуй, с восточной манерой. Один и тот же мыслеобраз может иметь у него в зависимости от контекста различное содержание, и, наоборот, разные символически выраженные понятия, оказывается, обозначают одно и то же. Кроме того, „Тевтоникус” мыслит скорее рядами таких понятий-образов. Предельный смысл этих рядов выявляется только в умопостигаемом пространстве, „поле”, которое „наводится” их элементами. А сила метафизических интуиций Беме – на самом высшем уровне. Поэтому обычные способы „обработки” для него не годятся.

Но именно этим и интересен Беме, многомерность, многозначность которого столь созвучны нашему сегодняшнему миру, нашей нынешней культуре.

Что касается предлагаемой вниманию читателя „Авроры”*, то необходимо знать следующее. Это первое произведение Беме – всего лишь строительные леса, которые воздвигались мыслителем вокруг творческой пустоты – будущего гигантского живого лабиринта его мысли о бытии, о боге, дьяволе, мире и человеке, о добре и зле и об „обозначении всех вещей”. Поэтому не надо думать, что, прочитав „Аврору”, вы уже и познакомились с Беме. Для заинтересовавшихся это только начало трудного пути, ведущего в лабиринт. Сумеет ли кто добраться до его середины и разрешить его загадку?

Вот почему мне кажется, что интерес к Беме – не сегодняшний, а всегдашний. Людей думающих всегда будет притягивать вечная загадка этого мыслителя.

Июль 1990 г.

Вадим Бакусев

* Нелишне добавить, что тексты, известные переводчику, представляли произведения Беме в адаптированном и отчасти отредактированном виде, так как издавались без участия автора. Но рукописи многих сочинений, в том числе и „Авроры”, сохранились, были открыты немецким ученым Вернером Буддеке и изданы им в 60-е годы нашего века.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие издательства „Мусагетъ”	VII–XI
Якоб Беме (стихотворение Новалиса)	XIII–XV
Аврора, или Утренняя заря в восхождении	1–406
Оглавление Утренней зари	407–410
Исправления	411
<i>Вадим Бакусов. Послесловие</i>	412–414